РАЗСКАЗЫ

ПРОѢЗЖАГО.

—

Павла Небольсина.

—

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

Р9
24

РАЗСКАЗЫ

ПРОѢЗЖАГО.

—

Павла Небольсина.

—

1

УЧЕБНИЧ. И РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній.

1854.

РАЗСКАЗЫ ПРОѢЗЖАГО.

I.

Отъѣздъ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ я научился разсуждать, чего до двадцатилѣтняго возраста за мной не водилось, я различными умозаключеніями дошелъ до сознанія непреложности той истины, что «man kann was man will». Еще и прежде наступленія разсудительнаго періода моей жизни, стеченіе непредвидимыхъ обстоятельствъ разыгрывалось иногда, въ-отношеніи ко мнѣ, такъ удачно, что мнѣ казалось, будто слѣпая фортуна сама подслушивала тайныя мои пожеланія; но, разумѣется, тутъ разумная воля моя мало управляла кормиломъ жизни: мой корабликъ носился по житейскому морю подъ вліяніемъ случайностей, надувавшихъ мои паруса.

Я родился въ Петербургѣ, воспитывался въ Петербургѣ и, кромѣ Петербурга, рѣшительно ничего не зналъ. Ребяческіе и юношескіе мои годы очень-мало оставили для меня сладкихъ воспоминаній; привсемъ-томъ удача и счастье были знакомы мнѣ не по одному имени. Въ 1836 году мнѣ захотѣлось невозможнаго. Я былъ еще студентомъ, какъ во мнѣ родилось горячее желаніе получить такое занятіе, на которое я могъ разсчитывать не раньше, какъ черезъ два года. Но я пожелалъ — и желаніе мое исполнилось.

Черезъ два года мнѣ захотѣлось, чтобъ самолюбіе мое было удовлетворено въ тѣхъ размѣрахъ, какіе ко мнѣ еще не пристали. И это желаніе моя фортуна тотчасъ же исполнила.

Черезъ три года пришла мнѣ мысль повидать Москву и пожуировать въ первопрестольной: не прошло и мѣсяца, какъ мнѣ сдѣлали

предложеніе переселиться въ «бѣлокаменную». Предложеніе было для меня невыгодное, и я тотчасъ же отъ него отказался. Это было утромъ; но за обѣдомъ и послѣ обѣда случилось со мной такое происшествіе, что я не перенесъ его тяжести и, какъ ребенокъ, весь вечеръ и всю ночь проплакалъ, а на утро побѣжалъ къ человѣку, отъ котораго зависѣло избавленіе мое отъ горестнаго настоящаго... и скоро я тайкомъ отъ тѣхъ, кто долженъ былъ бы имѣть право на мою откровенность, укатилъ изъ Петербурга.

Проѣзжая, на утренней зарѣ тихаго лѣтняго дня, городъ Торжокъ, я прельстился прекраснымъ мѣстоположеніемъ этого города, позавидовалъ мирному счастію удаленныхъ отъ столицъ жителей и сердечно пожелалъ пріобрѣсти, именно въ этихъ мѣстахъ, «свой уголъ», свой клочекъ земли, на которомъ бы современемъ я могъ покоить свою старость—и черезъ пять лѣтъ утомительные, тяжкіе труды мои увѣнчались исполненіемъ на дѣлѣ давнишняго моего пожеланія: у меня былъ «свой уголокъ» въ Новоторжскомъ Уѣздѣ... самыя несбыточныя мои желанія сбывались почти всегда.

Прошли годы; миновали юношескія мечты; улетѣла беззаботная молодость; настала пора серьёзнаго мужества: я сдѣлался самъ хозяиномъ и распологателемъ своего времени, силъ и трудовъ. Я удалился отъ прежней сферы «частныхъ» занятій, къ которымъ не имѣлъ никакой симпатіи, почувствовалъ призваніе къ совершенно иной дѣятельности—и вотъ я задумываю путешестіе съ спеціальною цѣлью.

Я горячо желалъ поѣздить по Россіи; слѣпо вѣровалъ въ свою звѣзду; видѣлъ только одно препятствіе и рѣшилъ, что если стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ не отстранитъ отъ меня этого препятствія, я поставлю на-своемъ и буду «путешествовать», хотя бы въ буквальномъ значеніи этого слова: пѣшкомъ пойду, но дойду до разрѣшенія вопросовъ, такъ сильно меня занимавшихъ.

Судьбѣ не захотѣлось на этотъ разъ вступить со мною въ бой. Она послала мнѣ добраго генія, въ особѣ незнакомаго дотолѣ мнѣ чудака, Валерія Ивановича, всесвѣтнаго туриста, который былъ въ Кяхтѣ — и не пьетъ чаю; былъ въ Гаваннѣ — и не куритъ сигаръ; былъ на Мартиникѣ — и не пьетъ кофею; былъ въ Турціи и Египтѣ — и не куритъ трубки; жилъ въ Италіи—и не восторгается древностями; любитъ музыку, но владѣетъ ужаснымъ ухомъ; дрался на Кавказѣ — и смиренъ какъ овечка; охотникъ хорошо поѣсть — но не смыслитъ толку въ шампанскомъ; кружился во всѣхъ сферахъ — и не охотникъ до картъ; слылъ богачомъ и еле-еле сводилъ концы съ концами, живя крайне умѣренно, но сообразно съ приличіями; получалъ горькіе уроки опытности—и не разочаровывался; былъ по природѣ весельчакъ, но постояннымъ девизомъ выбралъ себѣ «memento mori»; корчилъ изъ себя суроваго Римлянина — и плакалъ надъ «Матильдою» Ежена Сю; не сгаралъ страстью къ «прекрасному полу» — и надрывался отчеканивая потрясающія фіоритуры и фальшиво распѣвая «онъ меня разлюбилъ! онъ меня погубилъ!» съ комической прибавкой: «Grossmama, Grossmama! was du hast mit mir gemacht!.. Конецъ концовъ,

Валерій Ивановичъ былъ благовоспитанный, много на своемъ вѣку видавшій, благородный, скромный, добрый и честный человѣкъ, но немножко эксцентрикъ.

— Нѣтъ, Валерій Иванычъ! сказалъ я ему однажды: — я перестаю вѣрить въ свое man kann, was man will.

— Это почему?

— Препятствія неотстранимы!

— Вотъ вздоръ какой!.. Не хотите ли вы осѣдлать себя и подставить спину обстоятельствамъ? Слуга покорный! На что жь намъ далъ Богъ силу воли, какъ не на то, чтобъ поборать враждебную судьбу... Вѣдь вашу просьбу исполнятъ? вѣдь вамъ здѣсь, для вашего путешествія, отсыплютъ малую-толику и дадутъ письмо къ Платону Меценатину?

— Я просилъ... ну, а какъ не исполнятъ?

— Быть этого не можетъ: цѣль-то поѣздки вашей такая, что ее уважать надо, надо на дѣлѣ выразить къ ней уваженіе.

— Ну, а какъ разсудятъ такъ, что исполненіе-то этой цѣли мнѣ не по плечу, и что самъ-то я не съумѣлъ еще заслужить такого огромнаго и лестнаго поощренія?

— Да ужь я вамъ говорю, что вы поѣдете — вы и поѣдете! Но если сомнѣніе ваше осуществится, я отстраню всѣ помѣхи. Дормёзъ мой къ вашимъ услугамъ; если Меценатинъ не размеценатится и задушевной мечты вашей не приголубитъ, я вамъ вручаю свой капиталецъ, маленькій, но на полгода разъѣздовъ его для васъ хватитъ. Я самъ въ Заволжье ѣду, полгода пробуду тамъ, вы объѣздите мѣстности, подлежащія вашему изслѣдованію, и къ зимѣ мы опять вдвоемъ воротимся сюда, въ Петербургъ...

Черезъ недѣлю, въ вечеръ, предшествовавшій дню, назначенному для нашего выѣзда, участь моя рѣшилась: мнѣ вручено, между прочимъ, и письмо къ Меценатину. Нравственными пособіями, которыя, при такой обстановкѣ дѣла, были для меня и благодѣтельны и неоцѣненны и, дѣйствительно, дороже всякихъ вещественныхъ пособій, я снабженъ былъ щедро: они разожгли мою энергію и влили въ меня огромный запасъ свѣжихъ силъ.

Седьмаго апрѣля тысяча восемьсотъ пятидесятаго года, въ четыре часа пополудни, я, вмѣстѣ съ Валеріемъ Иванычемъ, засѣлъ въ снабженный всѣми ухищреніями изобрѣтательности дормёзъ и — прощай Петербургъ надолго!

О, съ какой радостью уѣзжалъ я отсюда! какъ весело мнѣ было оторваться отъ путъ, которыми я здѣсь былъ связанъ!..

Весело!!.. Какъ измѣняется человѣкъ въ своихъ привязанностяхъ! Какъ много въ десять лѣтъ можетъ онъ изжить!.. Какіе тяжелые уроки даетъ ему опытность!..

Десять лѣтъ назадъ, я уѣзжалъ отсюда не съ радостью въ сердцѣ, а съ тоской и отчаяньемъ. Я не зналъ, что мчусь къ разочарованію; я вѣрилъ въ лучшую участь и покидалъ Петербургъ съ заглушенными стонами, но съ влажными глазами не отъ предчувствій, а отъ другихъ причинъ. Я оставлялъ здѣсь все, что было сердцу драгоцѣнно.

Я покидалъ здѣсь всѣ свои привязанности и ѣхалъ жить съ людьми, мнѣ совершенно-незнакомыми. Когда миновали послѣднія городскія зданія, когда для нашего проѣзда подвысили шлагбаумъ, у меня какъ-будто что-то оторвалось отъ сердца; я обезпамятѣлъ и весь превратился въ страданіе!

Какая противоположность съ тѣмъ прощальнымъ днемъ, который наступилъ черезъ десять лѣтъ послѣ перваго моего выѣзда!

При нынѣшнемъ отъѣздѣ ни одно грустное чувство меня не томило. Я радъ былъ оторваться отъ здѣшней жизни, я радъ былъ подышать свободно вдали отъ столицы, въ тиши дальнихъ селъ и деревень, въ безграничномъ пространствѣ дальнихъ степей.

Колёса дормеза звонко загрохотали по прохваченной легкимъ морозомъ мостовой; лорнетъ петербургскаго зѣваки уступилъ мѣсто странническому посоху.

— Ну вотъ вамъ, Петербургскій Уѣздъ, говорилъ Валерій Ивановичъ: — прощайте болота и туманы; прощайте морскіе вѣтры, насморкъ и простуда.

— Да, мы много выигрываемъ, отправляясь въ страны, гдѣ нельзя быть нездоровымъ; насъ много тамъ займетъ другая природа, другая публика, другіе нравы, другія увеселенія...

— Вы объ увеселеніяхъ-то немного хлопочите: извольте присматриваться къ чему-нибудь посущественнѣе; съ самаго начала опредѣлите себѣ предметы, которые должны обращать на себя преимущественное ваше вниманіе.

— Я буду присматриваться къ торговому классу и постараюсь знакомиться съ торговыми обычаями.

— И хорошо; а я буду читать книги, читать вамъ то, что̀ писано о мѣстѣ, чрезъ которое мы проѣзжаемъ, да постараюсь изучать русскія шапки... вѣдь вы знаете, что В. И. Даль, по шапкѣ, да по манерѣ носить армякъ, да по говору, въ одну минуту опредѣлитъ вамъ не только губернію, но даже уѣздъ, къ которому принадлежитъ субъектъ, подлежащій его умственному скальпелю.

— Ну, гдѣ жь намъ на полетѣ, при быстрой ѣздѣ, все подсмотрѣть!

— Все? Къ-чему все? Будемъ дѣлать, что̀ намъ подъ-силу. Вотъ видите: идутъ возы. Изъ дырявыхъ мѣшковъ, составляющихъ кладь ихъ, клочьями торчитъ шерсть; ее везутъ къ Петербургу изъ центральныхъ и степныхъ губерній. Не пройдетъ году—и шерсть не будетъ тянуться къ намъ изъ Москвы сухопутьемъ цѣлыми недѣлями, а будетъ поспѣвать къ намъ въ двои сутки. А вотъ изъ дальнихъ деревень везутъ къ намъ сѣно; въ иныхъ губерніяхъ считается веслыханнымъ дѣломъ, чтобъ такой громоздкій продуктъ могъ быть доставляемъ за сотни верстъ. Вотъ тянутся обозы со стекломъ и пухомъ— и все это для Петербурга, въ которомъ считается четырнадцать рынковъ, триста фабрикъ и заводовъ и до шести тысячъ лавокъ и магазиновъ. А мужики здѣсь, посмотрите, щеголяютъ въ жилетахъ, носятъ фуражки съ козырькомъ; ямщицкія шапки здѣсь неуклюжи и коротенькія поля ихъ круто завертываются кверху, къ низенькой тульѣ... Замѣчайте все!... все записывайте!...

Но любопытное мало кидалось намъ само въ глаза.

На утро слѣдующаго дня мы пили чай въ Новгородѣ. Въ промышленномъ отношеніи, городъ этотъ замѣчателенъ производствомъ значительнаго торга хлѣбомъ и пароходствомъ по Волхову, отъ Новгорода до Сосницкой Пристани.

Въ Новгородской Губерніи два замѣчательные канала, одинъ—«Вишерскій», проведенный для обхода бурливаго озера Ильменя и пропускающій суда, идущія по вышневолоцкой системѣ, прямо изъ Мсты въ Волховъ; другой—«Тихвинскій», по которому грузы съ Волги, достигшіе, черезъ рѣки Мологу и Чагодощу, до р. Сомники вступаютъ въ Тихвинку, изъ нея въ Сясь и потомъ ужь въ Ладожскій Каналъ.

Въ Ладожскомъ Каналѣ соединяются всѣ суда, идущія съ Волги и раздѣляющіяся по тремъ системамъ: вышневолоцкой, маріинской и тихвинской. По водамъ этихъ трехъ системъ ежегодно проходитъ болѣе шестидесяти тысячъ судовъ и плотовъ съ грузомъ мильйоновъ во сто серебромъ. Отъ судоплаванія по этимъ тремъ системамъ получаютъ обезпеченное существованіе около трехъ сотъ тысячъ человѣкъ народу, судохозяевъ и судорабочихъ.

Суда съ грузами, назначенными съ Волги въ Петербургъ, разъединяются подъ Рыбинскомъ; по вышневолоцкой системѣ имъ нужно пройдти 1,309 верстъ, по маріинской — 1,054 версты, а по тихвинской—847 верстъ. По этой послѣдней системѣ ходятъ только неглубоко-сидящія суда, нагруженныя, для уравненія издержекъ, соотвѣтственно своей вмѣстимости, болѣе-цѣнными товарами.

Мѣстная промышленость уѣздовъ, которые намъ надо было проѣзжать, выразилась немногочисленными заведеніями. Такъ, напримѣръ, въ Новгородскомъ Уѣздѣ, въ 1850 году, существовалъ одинъ кожевенный заводъ, два заведенія для мыловаренія и выдѣлки сальныхъ свѣчъ, двѣ восковыя и двѣ писчебумажныя фабрики. Въ этомъ же уѣздѣ расположены округи пахотныхъ солдатъ. Главный пунктъ и городъ военныхъ поселеній, Старая-Руса, тѣмъ для насъ замѣчателенъ, что тутъ находятся казенныя соляныя варницы, на которыхъ ежегодно получается отъ 130 до 150 тысячъ пудовъ соли. По замѣчанію нашего маститаго статистика, рѣдкаго знатока богатствъ Россіи въ малѣйшихъ ея подробностяхъ, К. И. Арсеньева, около Новгорода и Старой-Русы грунтъ земли необыкновенно-поправился со времени водворенія здѣсь военныхъ поселеній. Онъ говоритъ утвердительно, что въ цѣлое столѣтіе не было бы сдѣлано обыкновеннымъ порядкомъ того, что произведено въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ къ воздѣланію и осушенію полей.

Говорили мнѣ, что гдѣ-то, въ Новгородскомъ Уѣздѣ, открыто мѣсторожденіе каменнаго угля; но этому трудно повѣрить: наукой ужь давно признано, что здѣсь каменнаго угля быть не можетъ; а если и есть что-либо подобное, то это лигнитъ, давно ужь открытый по рр. Мстѣ, Крупицѣ, Гремучей и Крыкшѣ.

Въ Крестецкомъ Уѣздѣ есть одно «мануфактурное» заведеніе: это—фабрика льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій. Мнѣ хотѣлось узнать, ка-

кія же тутъ «льняныя издѣлія?» Открылось, что это—веревки! Гораздо-важнѣе четыре лѣсопильные завода.

Городъ Валдай, менѣе-незначительный, чѣмъ Крестцы, гремитъ по цѣлой Россіи своими колокольчиками и колоколами. Чуть-ли не во всей Россіи почтовые колокольчики—валдайскаго происхожденія.

Валдайскія Горы, поднимающіяся на 1250 футовъ надъ уровнемъ моря, составляютъ самое большое возвышеніе той великой плоской возвышенности, которая именуется Алаунскими Горами или Волконскимъ-Лѣсомъ, и которая замѣчательна тѣмъ, что въ ней получаютъ свое начало три великія рѣки: Днѣпръ, текущій на югъ, Волга, направляющаяся на юговостокъ, и Западная Двина, направляющаяся къ западу.

Картины, представлявшіяся намъ по сторонамъ дороги, были неразнообразны. Прямая линія полотна шоссе; сугробы снѣга у канавокъ; здоровый, плотный, молодцоватый народъ, въ надѣтыхъ на бекрень шапкахъ; на поляхъ—разливы тающихъ снѣговъ; на улицахъ у домовъ—топкая грязь. Дѣвчонки, въ коротенькихъ сарафанахъ, скачутъ на доскѣ; молодыя дѣвушки шушукаются съ парнями; красавцы-юноши и взрослые мужики геркулесами рисуются въ разныхъ положеніяхъ: первые—усладительными звуками выдѣлываемыхъ въ Тулѣ гармоникъ завлекаютъ въ плясъ сосѣдокъ; послѣдніе, горделиво закутавшись армякомъ, будто альмавивой, исподтишка отпускаютъ дубовые каламбуры прохожимъ молодицамъ.

Когда я, черезъ полтора года, возвращался по этой же дорогѣ назадъ, аксессуары картины были все тѣ же; но мнѣ памятна одна ночь, совершенно по другому обстоятельству.

Это было въ половинѣ сентября 1851 года. Я ѣхалъ въ почтовой каретѣ съ «экстрой»; мѣста на весь сентябрь были давно ужь разобраны и я былъ радъ-радёхонекъ, что успѣлъ добыть себѣ билетъ на мѣсто снаружи экипажи.

Ночь была темная, сырая, холодная и безлунная. Испаренія болотъ и озеръ точно изъ-подъ земли выросли высоко взнесшимися столбами. Туманъ былъ густъ до такой степени, что краевъ дороги было вовсе не видать. Даже свѣтъ нашихъ фонарей не хваталъ на такое разстояніе, котораго намъ было бы достаточно длятого, чтобъ оглядѣть тянувшіеся впереди насъ обозы. Кругомъ царствовалъ мракъ, въ буквальномъ смыслѣ непроницаемый.

Но небо было чисто; ни одно облачко не пестрило собою его густой, темносиней выси, и только купы невѣдомыхъ намъ міровъ звѣзднаго пространства, точно въ сладостной нѣгѣ, дрожали и проливали на нашъ міръ свое тихое мерцаніе. Издавна-знакомые намъ по своей видимой крупнинѣ, планеты съ блескомъ горѣли въ зенитѣ и играли яркими искрами; другія звѣзды, здѣсь и тамъ едва-мелькавшія и казавшіяся только неуловимыми точками, теплились слабо; повременамъ они какъ-будто мигали, повременамъ загарались съ новою силою, потомъ опять слабѣли, на мгновеніе будто вовсе потухали, но еще мигъ — и изъ этой же точки на насъ неслся новый блестящій лучъ свѣта. А то, вниманіе почему-то устремится на одну какую-нибудь яркую

звѣздочку, которая займетъ васъ разноцвѣтными своими переливами; то кидаетъ она серебристый лучъ, то вдругъ задрожитъ розовымъ блескомъ, то вспыхнетъ зеленоватымъ огнемъ, словно изумрудъ какой... Но вотъ неравномѣрное ея мерцаніе превращается въ замѣтное колебаніе... она качнулась — и высь озарилась продольною бѣлою струйкой. Звѣздочка полетѣла... пролетѣла... разсыпалась... исчезла— и только впечатлѣніе, оставленное ея полетомъ въ нашемъ глазѣ, кажется намъ будто бы въ-самомъ-дѣлѣ видимымъ слѣдомъ.

Но вотъ мы миновали мостъ черезъ Мсту — и картина совершенно измѣнилась. Доселѣ ѣхали мы въ полномъ мракѣ; теперь неслись въ невѣдомомъ мірѣ. Туманъ сдѣлался плотнѣе и застилалъ передъ нами все, что̀ могло быть досягаемо глазу: и звѣзды, которыя до сей поры блестѣли намъ въ своемъ естественномъ видѣ, доходили теперь до нашего зрѣнія не простыми точками, а представлялись неизмѣримыми, прямыми, параллельными линіями, полосившими мглу ярко-серебряными чертами. Это была одна изъ тѣхъ фантастическихъ ночей, впечатлѣніе которыхъ остается въ человѣкѣ во всю жизнь. Я не знаю съ чѣмъ сравнить нашу дорогу. Мнѣ казалось, что насъ какою-то силою перенесло на другую планету и что мы ѣхали длиннымъ, на нѣсколько верстъ длиннымъ, безпредѣльной высоты корридоромъ, неосязаемыя стѣны котораго были обставлены неисчислимыми рядами брильянтовыхъ колоннъ!... Мнѣ въ диковинку было такое зрѣлище.

— Посмотрите-ка, сосѣдъ, какое здѣсь невообразимое великолѣпіе! сказалъ я сидѣвшему рядомъ со мной господину въ свѣтлосѣромъ, долгополомъ бекешѣ на лисьемъ мѣху.

— Гдѣ, сударь?... вотъ ужь я всхрапнулъ, такъ всхрапнулъ! отвѣтилъ онъ мнѣ, лѣниво, но очень-звонко потягиваясь.

— Да вотъ, посмотрите: мы точно между двухъ алмазныхъ стѣнъ ѣдемъ!

— Да чего жь тутъ такого смотрѣть? Отъ тумана всегда такъ бываетъ! Дива нѣтъ.

Сосѣдъ мой зѣвнулъ еще разъ, надвинулъ на себя шапку поплотнѣе, прижался въ уголокъ и снова захрапѣлъ сладко.

На третій день нашего выѣзда изъ Петербурга, мы съ Валеріемъ Ивановичемъ, часовъ въ семь утра, должны были остановиться въ Вышнемъ Волочкѣ и провести здѣсь лишній часъ времени, чтобъ подпереть какой-нибудь подставкой переднюю рессору, осѣвшую вслѣдствіе тяжелой клади—книгъ, уложенныхъ нами въ передній ящикъ. Книги, тамъ схороненныя, должны были служить для насъ пособіями для мѣстныхъ изысканій; небольшая же библіотека для дорожнаго развлеченія была у насъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, подъ-рукой; она помѣщалась въ стѣнкахъ дормеза, за обитой сафьяномъ потайной дверцей. Раскинемъ ли мы въ дормезѣ наши походныя кровати, усядемся ли въ немъ за завтракъ — любую книгу всегда легко было взять, если бъ открылась въ ней какая-нибудь необходимость.

Пока пріискивали столяра, я наслаждался чаемъ въ скромныхъ комнаткахъ почтоваго дома, помѣщеннаго вдали отъ центра города.

Раздался звонъ колокола—и изъ нашего околотка народъ густыми толпами сталъ проходить къ собору.

— Вотъ видите: мы въѣхали наконецъ въ территорію, гдѣ ясно и видимо во всемъ преобладаетъ московскій элементъ, говорилъ мнѣ Валерій Ивановичъ.—Тамъ, въ Новгородѣ, была смѣсь французскаго съ нижегородскимъ; русизма было мало; онъ выражался тамъ хлѣбной торговлей, чуйками, синими кафтанами; но рядомъ съ ними, по-крайней-мѣрѣ въ параллель съ ними, вы замѣтили и пальто и штрипки, и тиролекъ, и чепчики на сильно-набѣленныхъ купчихахъ. А здѣсь не то. Вотъ посмотрите на этого мужчину съ бородой: по складу, по походкѣ, по взгляду, по всему замѣтно, что онъ не послѣдняя спица, и считаетъ себя въ правѣ, для праздника, пофрантиться. Онъ картуза не надѣлъ: у него явилась потребность въ шляпѣ. И, смотрите, какіе здѣсь носятъ шляпы! Чуть не аршинная тулья, ровная, высокая съ самыми маленькими полями! И замѣтьте себѣ: чѣмъ дальше мы будемъ проѣзжать, тѣмъ эти шляпы болѣе будутъ съуживаться въ верхнемъ кружкѣ и ближе подходить къ своему первообразу — московскому гречневику... Въ Москвѣ носятъ шляпы совершеннымъ гречневикомъ.

— Вы меня утѣшаете!... Я буду имѣть случай вывести то заключеніе, что первообразъ парижскихъ шляпъ есть киргизскій калпакъ. Въ Волочкѣ модная шляпа немножко повытянулась, въ Москвѣ она превратилась въ гречневикъ, въ Казани измѣняется черный ея цвѣтъ на бѣлый, наконецъ, въ Оренбургѣ, если только мы попадемъ туда, мы увидимъ прототипъ нашего головнаго убора—въ бѣломъ, войлочномъ калпакѣ.

— Ну! вы ужь сейчасъ и на Киргизовъ съѣхали! Киргизы совсѣмъ не наша раса: и цвѣтъ, и покрой, и форма ихъ калпаковъ есть необходимый, разумный, чисто-логическій результатъ топическихъ условій. Въ степи лѣтомъ, на открытомъ воздухѣ, человѣку нечѣмъ иначе прикрыть бритую голову, какъ только войлочнымъ, непремѣнно войлочнымъ и неизмѣнно-бѣлымъ калпакомъ...

— Дѣйствительно, наша раса совершенно-иная. Мы въ трескучіе морозы въ легкихъ шелковыхъ шляпахъ щеголяемъ! Тутъ та же причина—географія!

— Смѣйтесь, но помните, что мы—раса благовоспитанная, и что если и ставимъ иногда условія топическія на задній планъ, зато на передній выдвигаемъ чисто-гигіеническія причины.

— Такъ мы простуживаемъ голову для здоровья?

— Нѣтъ-съ; мы держимся предписаній Гиппократа, слѣдуемъ наставленіямъ Гуфеланда и помнимъ, что надо «голову держать въ прохладѣ, а ноги—въ теплѣ». Но мы отдаляемся отъ предмета. На здѣшнихъ мѣщанкахъ вы чепчика не увидите. Конечно, здѣсь чисто-русскія красавицы румянятся не на животъ, а на смерть; но вѣдь эту слабость намъ надо извинить: здѣсь свой баканъ и карминъ; они дешевы, да и изготовляются въ обширныхъ размѣрахъ въ одномъ изъ городовъ Тверской Губерніи, именно во Ржевѣ.

— Такъ поэтому страсть Волочанокъ и Новоторокъ къ притираньямъ есть нечто иное, какъ поощреніе туземной промышленности?

— Я вамъ говорю дѣло, а вотъ вы все въ шутку обращаете! А въ самомъ-дѣлѣ обратите-ка вы вниманіе на мѣстные промыслы, и вы увидите, какое здѣсь обиліе разныхъ ихъ отраслей. Съ одной стороны, чисто-земледѣльческій характеръ страны, съ другой — особенно въ сосѣдствѣ съ Владимірскою Губерніею — мануфактурная дѣятельность. Напримѣръ, въ Корчевскомъ Уѣздѣ въ глаза бросается ткачество и производство миткалей, а въ одной мѣстности этого уѣзда, въ селѣ Кимрѣ, васъ поразитъ обширность операцій сапожнаго мастерства. Въ войну съ Французомъ это село обувало почти всю дѣйствующую армію. Въ уѣздахъ Тверскомъ и Весьегонскомъ издѣліе гвоздей, въ Торжкѣ—золотошвейки, басонщицы и приготовленіе разныхъ предметовъ изъ сафьяна, болѣе всего спальныхъ сапоговъ. Въ Осташковскомъ Уѣздѣ выдѣлываютъ глиняную посуду и приготовляютъ для продажи около трехсотъ тысячъ косъ, серповъ и топоровъ, а въ Зубцовскомъ строятъ барки для продажи. При такой разнохарактерности, и извольте теперь обозначить промышленость Тверской Губерніи краткими, но характеристическими чертами!

— Я думаю, для этого немного надо употребить времени. Я бы просто сказалъ, что здѣсь обширное судоходство, обширное земледѣліе и обширное издѣліе кожъ. Первое, въ связи съ водною системою, съ достаточностью прекрасныхъ пристаней и строеваго лѣса, непремѣннымъ слѣдствіемъ имѣетъ судостроеніе и заработки судорабочихъ; второе влечетъ за собою обработку всѣхъ видовъ хлѣбнаго товара, чему способствуетъ сосѣдство съ столицами и постоянство требованій на эти продукты. А результатъ обширнаго кожевеннаго производства, опять-таки въ связи съ предъидущими причинами — обширная переработка кожъ въ кожевенныя издѣлія.

— А золотошвейное искусство куда вы отнесете?

— Разумѣется, къ послѣдней категоріи!

— Такъ, по-вашему, оттого, что здѣсь много кожевенныхъ заводовъ, и золотошвеекъ много?

— Именно такъ; только не забудьте, что я не успѣлъ еще вамъ передать ничего о связи этой причины съ зажиточностью хлѣбныхъ торговцовъ, съ патріархальною ихъ жизнью по старинѣ, и тогда вы согласитесь, что вкусы и роскошество купечества, при его похвальномъ пристрастіи къ «лентамъ», «повязкамъ» и къ сарафанамъ, не могли не выразиться въ узорочно-вышитыхъ туфляхъ и сапожкахъ, въ блестящихъ плетеныхъ поясахъ и въ златошвенныхъ косынкахъ на женскія головы.

— Ну, а чѣмъ вы станете обусловливать торгъ невыдѣланными кошачьими шкурами, а это, какъ вы, вѣроятно, должны знать, составляетъ особенность Бѣжецкаго Уѣзда... или пряничное производство, въ Тверскомъ Уѣздѣ немаловажное? Или чѣмъ вы объясните обширное здѣсь хлопчатобумажное производство?

— Первые два промысла не стоютъ того, чтобъ я сосредоточилъ на нихъ свое вниманіе, а послѣдній слишкомъ ужь самъ-по-себѣ ясенъ. Хлопчатобумажное производство развито преимущественно въ Калязинскомъ Уѣздѣ по правой сторонѣ Волги, а этотъ участокъ нераз-

рывно связанъ съ Ярославскою Губерніею, съ Владимірскою и прилежитъ къ Московской Губерніи.

Докладъ ямщика, что экипажъ исправленъ, прекратилъ нашъ разговоръ. Мы стали усаживаться.

— Что жь, батюшка, старостѣ-то, положьте на водку! проканючилъ жирный, рыжебородый крестьянинъ, завидуя старому ямщику, получившему хорошую наводку.

— А тебѣ за что?

— Какъ же, батюшка, помилуйте-съ, я староста!

— Ну, такъ что жь?

— Такъ не будетъ ли милости вашей...

— Да ты что дѣлалъ?

— Да какъ же, батюшка, я цѣлый часъ, больше часу все тутъ около вашей каретки-то возился.

— Да вѣдь ты ничего не дѣлалъ?

— Какъ, батюшка, ничего, помилуйте-съ!

— Ты даже не хотѣлъ намъ съискать столяра, кузнеца, ни кого, кто бы подставку подъ рессору сдѣлалъ!

— Праздникъ, батюшка: ишь гдѣ въ праздникъ людей пріищешь?.. Я и такъ цѣлый часъ около экипажа возился... хоть бы цѣлковенькій пожаловали!..

Пришла очередь разсчитаться съ мужикомъ за простую доску, въ аршинъ длины, которою онъ подперъ намъ рессору.

— Сколько тебѣ нужно?

— Что пожалуете.

— Я не хочу жаловать, я хочу заплатить?

— Три полтины, положьте!

— Ассигнаціями?

— Нынѣче кто на ассигнаціи считаетъ!

Мы поспѣшили удовлетворить его, обрадованные, что такъ дешево за доску раздѣлались.

— Эхъ ты, болванъ! прямая дубина! Чего ты ротъ-то разинулъ на полтора цѣлковыхъ! кричалъ староста на мастера. — Ну, взялъ бы семь серебромъ — и дали бы! Безъ подставы-то рессора бъ обломилась: тошнѣй бы имъ пришлось!.. Эхъ, ты, болванъ! болванъ!

Ужь вечерѣло, приближались сумерки; мы въѣхали въ Тверь. Еще въ Торжкѣ наслышались мы, что Волгу ломаетъ; подъ Тверью, невдалекѣ отъ нея, ледъ ужь тронулся, поэтому, немѣшкая нигдѣ ни минуты, мы, сломя голову, скакали всю дорогу; но многолюдное стеченіе публики на набережной въ Твери, множество обозовъ съ выпряженными лошадьми, бѣготня и суматоха по мосту, разъѣздные и полицейскіе у съѣздовъ — все это ясно говорило намъ, что едва-ли мы ужь не опоздали.

Но мы въ дормёзѣ · не-уже-ли судьба не сжалится надъ щегольскимъ экипажемъ?

— Черезъ мостъ ужь не пускаютъ?

— Послѣднюю рогатку ставятъ... сейчасъ ледъ тронется!

— Покамѣстъ все-еще благополучно и рогатка еще не уставлена,

позвольте намъ проѣхать черезъ мостъ: мы духомъ промчимся... Мы утромъ непремѣнно должны быть въ Москвѣ, во что̀ бы то ни стало... дѣло чрезвычайной важности!

— Радъ, что могу услужить вамъ дозволеніемъ... Счастливаго пути-съ!

«Вотъ добрый человѣкъ!» подумали мы оба вмѣстѣ. «Не будь онъ такъ благосклоненъ, каково же бы намъ было дня три-четыре понапрасну въ Твери зажиться! Сколько бы мы времени погубили! сколько бы крови испортили...

— А что̀, Валерій Иванычъ, вѣдь не всякому такое счастье бываетъ?

— Не всякому.

— Вѣдь это добрая примѣта?

— Примѣта добрая!

— Повезетъ ли-то намъ завтра въ Москвѣ?

— Да̀, объ этомъ стоитъ подумать... Тамъ мостъ-то для насъ поважнѣе! Тамъ онъ долженъ провести васъ черезъ всю пучину препятствій къ совершенію продолжительнаго путешествія. Дай Богъ, чтобъ и тамъ не успѣли для васъ поставить послѣдней рогатки!.. А сколько возовъ позавидуютъ тогда вашей каретѣ!

Между-тѣмъ мы пріѣхали на станцію. Легкая коляска и тяжелый тарантасъ, стоявшіе у подъѣзда, предупредили насъ, что мы встрѣтимся здѣсь съ посторонними людьми. Это насъ какъ-будто обрадовало: съ самаго выѣзда изъ Петербурга мы рѣшительно ни съ кѣмъ на станціяхъ не сталкивались.

Комната, въ которую мы вошли, полна была табачнаго чаду. Дымъ стоялъ столбомъ и скрывалъ отъ насъ картину, которая происходила передъ нами; только тусклый огонёкъ двухъ сальныхъ свѣчъ, сіяніе которыхъ скрадывалось куревомъ, едва-едва мерцалъ лѣнивымъ пламенемъ. Когда, присмотрѣвшись къ окружавшему насъ полумраку и освободясь отъ верхняго платья, мы углубились въ комнату, то замѣтили двухъ господъ, сидѣвшихъ на волосяномъ диванѣ за раскинутымъ столомъ, освѣщеннымъ нагорѣлыми и вполовину ужь оплывшими свѣчами.

Одинъ изъ проѣзжихъ посѣтителей былъ невысокъ ростомъ и тученъ, какъ Лаблашъ... но нѣтъ, по росту его и нельзя съ Лаблашомъ сравнить... вѣрнѣе будетъ, если мы назовемъ его панамъ Копычьньскимъ. Это былъ пожилой мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, съ челомъ, простиравшимся отъ рыжеватыхъ бровей до самаго затылка. Рѣденькіе, рыженькіе клочки волосъ, гладко и плотно причесаны были къ вискамъ. Лохматая бородишка торчала щетиной; коротенькій носъ гордо поднимался нѣсколько кверху надъ толстою верхней губой. Неуклюжій свѣтлокоричневый пиджакъ, фантастически-широкіе шальвары, кожаный егерскій картузъ, коротенькая трубка, на шелковыхъ снуркахъ, повѣшенная черезъ плечо, огромный кисетъ съ табакомъ, прицѣпленный къ пуговицѣ, наконецъ, техническіе термины, которыми этотъ господинъ пестрилъ свой изящный разговоръ—все обличало въ немъ охотника.

Другой господинъ былъ не толстъ и не тонокъ, однакожь не то,

чтобъ плотный мужчина, но все же не кащей какой-нибудь. Ни въ нарядѣ его, ни въ выраженіи лица, ни въ ухваткахъ не было ничего ни изысканнаго, ни поразительнаго для глаза; только матовая блѣдность, покрывавшая его лицо, осѣненное темными бакенбардами, да еще какая-то мутность въ глазахъ и безжизненность взгляда производили на меня какое-то отталкивающее дѣйствіе.

Оба господина играли въ «лёгонькую», какъ называли они гальбцвёльверъ, переименовывая его иногда, порусски, въ «гальбикъ», курили и пили; но все это дѣлали они, какъ изъ словъ ихъ оказывалось, не по страсти къ картежной игрѣ, а собственно изъ желанія какъ-нибудь провести праздныя минуты, въ ожиданіи закладки лошадей въ экипажи.

Блѣдный господинъ сдавалъ карты, говоря повременамъ «лопнула», но чаще всего молча проводилъ мѣломъ на зеленомъ сукнѣ черточку подъ черточкой: собраніе этихъ черточекъ составляло собою порядочную колонну. Толстый господинъ пыхтѣлъ и отдувался, повременамъ сильно теръ себя по лбу, повременамъ подергивалъ себя за виски, повременамъ чесалъ затылокъ, повременамъ приговаривалъ то «еще одну», то «довольно», но эта перестрѣлка отдѣльныхъ восклицаній нисколько не препятствовала свободному теченію давно-начатаго и интереснаго разговора.

— Тенёты-съ? Нѣтъ, ужь увольте-съ! Кто жь тенётами лисицъ ловитъ! замѣчалъ толстякъ.

— Да вѣдь тенётами-то крестьяне облаву и дѣлаютъ! возражалъ блѣднолицый.

— Крестьяне! Но вѣдь то мужики, люди, лишенные эстетическаго чувства!

— Да тенётами же и вѣрнѣе ловить звѣря!.. Лопнула!

— Вѣрнѣе-то оно, точно вѣрнѣе, говорилъ бочкообразный егерь, записывая что-то мѣлкомъ на столѣ. — Тенётами оно дѣйствительно вѣрнѣе... но, знаете, тутъ нѣтъ того, что этакъ, знаете, возбуждаетъ духъ, этакъ... волнуетъ... Пожалуйте еще карту. Волнуетъ, знаете, чувства... Тутъ кипитъ .. кипитъ въ груди... я несусь, мчусь на лихомъ конѣ... собака преслѣдуетъ звѣря... тамъ звукъ роговъ... Еще карту!.. Я становлюсь героемъ и съ тріумфомъ вонзаю свой мечъ въ затравленнаго звѣря... Считайте!.. Ну, что за радость тенётами? ничего такого нѣтъ... да и что за отрада смотрѣть, какъ мужики бьютъ звѣря палками!

— Вы съ гончими охотитесь?

— Напрасно такъ полагаете! У меня настоящая псовая охота! Свора богатая! Я съ борзыми... лопнула... Но, вѣдь, борзыя нѣжнаго сложенія: за ними нуженъ присмотръ, да присмотръ. У меня на пятерыхъ одинъ человѣкъ .. Недавно выписалъ изъ Петербурга пять дюжинъ трубъ серебряныхъ; отличный тонъ; у меня Спирька на нихъ навострился—изъ «Фрейшюца» играетъ! Моей охотѣ всѣ завидуютъ; у меня на сворѣ больше трехсотъ... Ухаживаю за ними... Особенно по первой порошѣ изъ стаи много выбываетъ, при азардной травлѣ... Ну, меликъ-ветеринаръ... псарямъ и доѣзжачему особые костюмы...

много, много моя свора заѣдаетъ денегъ... Нѣтъ! не везетъ сегодня... забастуемъ!..

— Люблю я сельскую жизнь, не прочь отъ деревенскихъ удовольствій, но не знаю, долго ли бы я просуществовалъ, еслибъ, скорѣй комическое, чѣмъ горестное, стеченіе обстоятельствъ не заставило мою деревеньку выскользнуть у меня изъ рукъ, и еслибъ судьба обрекла меня безвыѣздной жизни въ сферѣ озимей и яровыхъ.

Это замѣчаніе сдѣлалъ я Валерію Ивановичу, когда мы снова усѣлись въ экипажъ и ужь неслись по гладкому шоссе. Валерій Ивановичъ, погруженный весь въ чтеніе борисова описанія Кабула, не отводя отъ книги глазъ, спросилъ:

— Почему вы такъ думаете?

— Я бы съ тоски умеръ! Главное дѣло—облѣнился бы.

— Вотъ ужь этому я не повѣрю! Помѣщику постоянно круглый годъ предстоятъ самыя утѣшительныя, самыя сладкія занятія

— Такъ оно, такъ; но вѣдь все это хорошо на короткое время, какъ забава, какъ развлеченіе отъ тѣхъ заботъ, которыми обремененъ человѣкъ въ большомъ городѣ, въ-теченіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ. А то что̀ за радость круглый годъ возиться съ прикащиками, да со старостами, перекочевывать со скуки отъ одного сосѣда къ другому, безпрестанно слушать унылые, но все-таки несносные звуки разстроенныхъ фортепьянъ, сплетничать о добрыхъ знакомыхъ и по цѣлымъ часамъ сидѣть въ шалашикѣ, подстерегая куропатку... Никакихъ эстетическихъ наслажденій!.. Нѣтъ, жизнь овинная не по мнѣ: умрешь съ тоски!

— Не умрете! Правда, и въ деревняхъ, какъ и въ большихъ городахъ, вы найдете «всякаго жита по лопатѣ», но деревня представляетъ вамъ не одни матеріальныя наслажденія. Итальянской оперы вы здѣсь не услышите, но вы услышите превосходныхъ пѣвицъ-любительницъ, дивныхъ виртуозокъ; встрѣтитесь съ просвѣщенными людьми, посвятившими себя прекрасной цѣли—устройству судьбы своихъ подчиненныхъ. Мѣсто есть всему: и труду и забавамъ, и псовой охотѣ и агрономіи, и мочкѣ льну и литературѣ; журналы и газеты вы найдете всюду, чего, согласитесь, вы не во всякомъ городѣ ожидаете достать.

— Ужь не заниматься ли въ деревнѣ политикой?

— Отчего же не прочесть и современныя политическія новости? Отчего жь не знать, что̀ въ настоящую минуту занимаетъ весь образованный міръ... Но, повѣрьте мнѣ, можно и безъ политики прожить весь вѣкъ счастливо, да еще какъ счастливо-то! Ну, вотъ я, напримѣръ: я изъѣздилъ всю Европу не одинъ разъ, отъ Берлина и до Рима, отъ Лондона до Константинополя; я привыкъ къ европейскимъ политическимъ фантазіямъ, не чуждъ событій новаго полушарія, гдѣ тоже поскитался... Но скажите, можетъ ли меня, какъ Русскаго, всего пропитаннаго русскою жизнью, глубоко интересовать нота сент-джемскаго кабинѣта вѣнскому, или притязанія Французовъ къ Бельгійцамъ? Богъ съ ними! Я тѣшу ими свое праздное любопытство и только.

Не-уже-ли вы думаете, что мое вниманіе увлечетъ политика когда

у меня на плечахъ жена и дѣти, да, въ-добавокъ, еще пятьсотъ душъ, за которыхъ я долженъ отдать отчетъ самому себѣ, цѣлому обществу и Богу. Есть отчаянные дипломаты и изъ нашей братьи, но, право, вспомнивъ о нихъ, нельзя удержаться, чтобъ не повторить вмѣстѣ съ Крыловымъ:

Иному до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего;
Что̀ будетъ съ Индіей, когда и отчего
Такъ ясно для него;
А поглядишь — у самого
Деревня между глазъ сгорѣла!

— Ахъ, Боже мой! да я вамъ все-таки не про то говорю. Я вамъ говорю, что...

— Что надо слѣдить за политикой?... Не мѣшаетъ, не мѣшаетъ, когда у меня отъ дневныхъ трудовъ, понесенныхъ для исполненія гражданскихъ своихъ обязанностей, остается свободное время. Но повѣрьте мнѣ, когда образованный человѣкъ, какъ слѣдуетъ, занятъ своимъ дѣломъ, своимъ хозяйствомъ, право, забудетъ онъ и политику!

Миновала и третья ночь благополучнаго нашего путешествія. Утромъ десятаго апрѣля намъ начали встрѣчаться поярковые гречневики подмосковныхъ поселянъ. Тяжелыя телеги, до-нельзя нагруженныя разными сельскими продуктами, лѣниво подвигались къ первопрестольной столицѣ. Огромные возы съ сѣномъ, съ котораго не успѣлъ еще стряхнуться весь снѣгъ, забранный у стоговъ, шли одинъ за другимъ дружнымъ караваномъ. Покоящіеся въ сладкой дремотѣ и укутанные полушубками крестьяне съ клинообразными бородами, ничкомъ лежали на сыроватой верхушкѣ омёта и еле-еле полуприщуренными глазами взглядывали на перегонявшіе ихъ и на встрѣчные экипажи. Стали показываться дребезжащіе калиберки съ одинаково-короткими, и спереди и сзади, рессорами; поставленные въ-тупикъ пассажиры, плотно крѣпились на неловкомъ сидѣньѣ, ненаходя мѣста, куда бы спокойнѣе могли протянуть свои ноги, пропорціональныя для тѣла, но длинныя, по отношенію къ этому экипажу. Желтые небольшіе жестяные кружки, извощичьи значки, плясали по спинамъ Ванекъ при каждомъ тряскомъ толчкѣ, испытываемомъ дрожками, а толчки эти повторялись-таки довольно-часто.

Скоро мы въѣхали въ аллею у Петровскаго Парка. Разнокалиберныя доски и дырявыя рогожи закрывали собою роскошныя рамы загородныхъ виллъ средняго московскаго общества; тощія березки и липки, оцѣпленныя зелененькими шестиками и точеными тумбочками, на покрытыхъ еще снѣгомъ грядкахъ, грустно воздымали плѣшивыя свои головки и растопыренными вѣтвями будто молили Зевеса объ устраненіи перемѣнной погоды и о ниспосланіи ровной весны, съ ея соловьями, жаворонками и другими пташками.

Дормезъ остановился на минутку на запруженной деревенскими телегами и многочисленными лотками съ калачами и сайками, съ разными питіями и съѣстнымъ, площадкѣ близъ арки московскихъ тріум-

фальныхъ воротъ. Насъ прописали; лошадки снова тронулись и вотъ мы важно скачемъ на Тверскую...

Скромный уголокъ съ дешевыми неудобствами и съ дорогимъ прейскурантомъ, принялъ въ свою завѣтную сѣнь двухъ путниковъ — и дѣятельность ихъ закипѣла.

— Мнѣ карету!... Сказать, чтобъ лошади были гнѣдой масти, кучеръ одѣтъ въ синій армякъ съ краснымъ кушакомъ и въ пуховой шляпѣ.

— Мнѣ пролётку съ биржи!

— Наймите тоже карету!

— Мнѣ не къ лицу Валерій Иванычъ: еслибъ я не отсидѣлъ ногъ, я и пѣшкомъ бы пошелъ, а то еще карету! это съ какой стати?

— Ей, послушайтесь меня: вѣдь вы къ Меценатину?

— Ну, разумѣется.

— Скоро ли?

— Какъ-только напьюсь чаю, да справлю туалетъ.

— Ну, такъ еще Алексѣй успѣетъ — пошлите за каретой... право, вѣрнѣе будетъ.

— Вотъ вздоръ какой!

— Ахъ, какой вы странный! Ну, сами посудите: какой эффектъ произведетъ появленіе ваше у богатаго дома на линейкѣ? И лакей не такъ васъ встрѣтитъ, и лѣниво онъ о васъ доложитъ. А прогремитъ у подъѣзда щегольской экипажъ: двери мигомъ нàстежь, швей царъ звонитъ что̀ есть мочи; барыня ужь сама справляется: кто пріѣхалъ? и заботливо поправляетъ передъ трюмо роскошный чепецъ, а баринъ... ну, баринъ, разумѣется, выйдетъ въ залъ съ самою привѣтливой, съ самою очаровательной улыбкой... Посылайте!

— Еслибъ я и былъ въ средствахъ дѣлать свои визиты въ каретѣ, то, при настоящей обстановкѣ обстоятельствъ, я все-таки бы пошелъ къ Меценатину пѣшкомъ!... Въ каретѣ!... да тогда онъ имѣетъ право прямо сказать: «вы хотите путешествовать — ну, съ Богомъ! видно, скажетъ, вы человѣкъ съ большимъ достаткомъ — въ каретахъ катаетесь!»

— То-то и есть, что вы людей не знаете! Кто такъ будетъ разсуждать? Скажутъ не такъ, а скажутъ вотъ какъ: «видишь, какой путешественникъ! Его не удивишь каретой; видно, высшаго полета! И не боится изъ столицы пускаться чортъ-знаетъ куда... на край свѣта! Разумѣется, такой вояжъ требуетъ большихъ физическихъ силъ, очень крѣпкаго здоровья... лишеній много!.. ну, и капиталъ на это надо бросить не маленькій — отсыплемъ ему десять тысячъ серебромъ!..

— Богъ съ ними, съ большими тысячами! мнѣ бы только нужды въ пути не знать.

— Вы требуете участія къ своему умственному труду, требуете жертвы наукѣ? я вѣрю, что личнаго интереса въ вашемъ визитѣ нѣтъ ни на волосъ, такъ тѣмъ болѣе не играйте въ опасную игру очень-возможныхъ случайностей! Бейте на вѣрняка!.. Эй, послушайтесь меня: пошлите за каретой!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Черезъ часъ, послѣ прибытія въ Москву, я въѣзжалъ ужь въ обширный дворъ Меценатина.

— Кого вамъ угодно? вѣжливо спросилъ меня швейцаръ.

— Господина Меценатина .. онъ дома?

— Дома-съ!

Я снялъ пальто и пошелъ-было вверхъ по лѣстницѣ.

— Туда нельзя-съ! учтиво замѣтилъ швейцаръ.

— Но вѣдь твой баринъ принимаетъ?

— Не знаю-съ; приказаній еще не отдано; насчетъ здоровья еще неизвѣстно.

— Развѣ господинъ Меценатинъ боленъ?

— Сколько лѣтъ страдаютъ-съ!

— Да сегодня-то онъ принимаетъ ли?

— Пообождите здѣсь... вотъ я сейчасъ справлюсь.

Минутъ черезъ цять предо мной стоялъ репрезентабельный господинъ, съ черными бакенбардами, съ чернымъ вихромъ и въ черномъ фракѣ.

— Вамъ господина Меценатина?

— Точно такъ!

— Извините, пожалуйста, онъ принять васъ не можетъ: онъ нездоровъ! А вамъ его очень-нужно? вы до него дѣло имѣете?

— Я привезъ къ нему письмо очень-серьёзнаго содержанія. Мнѣ хотѣлось его лично вручить; но такъ-какъ въ настоящемъ случаѣ это невозможно, то я попрошу васъ передать его въ первую удобную минуту.

— Письмо за нумеромъ?.. Стало-быть, на него непремѣнно нужно отвѣчать?

— Вѣроятно, такъ!

— Такъ, если того-съ... то позвольте мнѣ попросить васъ пожаловать сегодня вечеромъ, послѣ обѣда, часу въ шестомъ. Больному, вѣрно, будетъ лучше и онъ васъ пріймetъ.

Мы раскланялись и я отправился домой.

Валерій Ивановичъ тоже ужь возвратился.

— Ну какъ, Валерій Иванычъ, вашъ визитъ?

— Неулаченъ: былъ у меня въ цѣлой Москвѣ одинъ знакомый, и тотъ надняхъ уѣхалъ за пять-сотъ верстъ! Ну, а какъ вашъ визитъ?

— Меценатинъ боленъ и не принимаетъ.

— Ай, скверно дѣло!

— Но я сегодня вечеромъ увижусь съ нимъ...

Вечеромъ я ѣздилъ къ Меценатину, возвратился очень-поздно и Валерій Ивановичъ, которому я передалъ весь нашъ разговоръ, сказалъ мнѣ:

— Вы довольны, слава Богу! Но вотъ, что мнѣ пришло въ голову: ѣхать намъ теперь въ распутицу, и притомъ въ каретѣ, невозможно никакими мѣрами. Надо выждать время. Притомъ же вы должны посвятить нѣсколько недѣль исключительно одному Меценатину. Мнѣ здѣсь загуливаться нѣчего, да я и соскучусь. Я вотъ какъ порѣшилъ.

У насъ черезъ двѣ недѣли Пасха; я хочу провести эти дни съ родными у себя въ деревнѣ, и завтра утромъ ѣду въ самомъ легкомъ тарантасикѣ, или на перекладныхъ, посмотрю, какъ будетъ удобнѣе. Вы здѣсь останьтесь; мой дормезъ при васъ. Если я попадусь въ семейный кругъ, я не скоро изъ него выберусь, да и вамъ не совѣтую скоро покидать Москву; но какъ бы вы ни старались скоро выѣхать, врядъ ли состояніе дорогъ позволитъ вамъ на это рѣшиться раньше перваго мая. Но во всякомъ случаѣ, такъ-ли, сякъ-ли, а мы должны съѣхаться и снова вдвоемъ совершать нашу поѣздку.

— Но гдѣ жь и когда намъ съѣхаться?

— А чего лучше... въ Николинъ-день, въ Промзинѣ? Это на дорогѣ.

— Пожалуй!

— Смотрите же: мы вмѣстѣ обѣдаемъ въ Николинъ-день; я ровно къ двумъ часамъ пріѣду.

— Если съѣзжаться, такъ съѣзжаться, а шутить тутъ нѣчего.

— Какія шутки! Я говорю вамъ: въ два часа пополудни, девятаго мая; повѣрьте, минутой не опоздаю. Я держу слово: я изъ Варшавы въ Саранскъ поспѣвалъ въ назначенную минуту къ обѣду; я изъ Неаполя и изъ Нью-Йорка петербургской бабушкѣ всегда ровно къ полуночи 31 декабря доставлялъ новые календари, да и тутъ никогда не опаздывалъ!

Мой милый спутникъ дѣйствительно частенько продѣлывалъ разныя шуточки въ этомъ родѣ. Мнѣ пришлось только согласиться и не забывать Промзина-городища.

— Такъ кончено?

— Кончено!

— И такъ спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

II.

Московскія встрѣчи.

Вотъ ужь больше года я въ Петербургѣ. Передо мной лежатъ книги моего путеваго журнала. Я приступаю ко второму разсказу; времени надуматься было довольно, и все-таки я не могу еще рѣшить: наносить ли мнѣ на бумагу весь свой дневникъ цѣликомъ и аккуратно разсказывать все, что̀ довелось мнѣ встрѣтить, видѣть и слышать любопытнаго, или, миновавъ одни обстоятельства, передавать лишь результаты того, что̀ у меня отчасти, притомъ отрывочно, записано въ памятныя книжки, а отчасти, въ видѣ отдѣльнаго цѣлаго, приведено ужь въ порядокъ? Помирю обѣ крайности, стану по серединѣ и, нестѣсняя себя необходимостью держаться систематическаго изложенія, буду разсказывать то, что̀ меня интересовало.

Въ Москвѣ, между многочисленными мануфактурами, есть одна, замѣчательная по своимъ обширнымъ оборотамъ, фабрика хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Мнѣ захотѣлось ее осмотрѣть, и добрый знакомый, пользующійся въ Москвѣ прекрасною извѣстностью, вызвался дать мнѣ рекомендательное письмо къ владѣльцу этой фабрики... назовемъ его хоть Сидоромъ Пантелеичемъ.

Я отправился къ этому Сидору Пантелеичу, куда-то за Вшивую Горку, гдѣ онъ занималъ богатыя палаты въ прежде-бывшемъ барскомъ домѣ, занятомъ теперь подъ фабрику.

Мнѣ довелось довольно-таки покружить около Вшивой Горки: домъ всюду былъ мнѣ виднъ, да подъѣхать къ нему я никакъ не могъ. Одни ворота были заколочены на-глухо, другія тоже крѣпко заперты, такъ-что достучаться въ нихъ я никакъ не могъ. Спасибо прохожей бабѣ: встрѣтивъ меня на пригоркѣ и узнавъ, что я отыскиваю входъ на фабрику Сидора Пантелеича, она указала мнѣ дорогу внизъ, подъ-гору, и растолковала, какъ найдти зады стараго барскаго дома, откуда былъ главный въѣздъ на фабрику.

По сказанному, какъ по писанному, достигъ я наконецъ деревяннаго зданія, обнесеннаго ветхимъ заборомъ, изъ-за котораго высились длинныя-предлинныя фабричныя трубы. Я вошелъ во дворъ; но спросить о дорогѣ было не у кого.

— Гдѣ, братецъ, найдти мнѣ Сидора Пантелеича? спросилъ я выбѣжавшаго изъ одного строенія парня, потиравшаго покраснѣлыя отъ холода руки и весело потряхивавшаго золотистыми, или, попросту, искрасна-рыжеватыми кудрями.

— Сидора Пантелеича? Да онъ таперича въ конторѣ-съ.

— А гдѣ контора?

— А нà-што вамъ?

— Дѣло у меня есть.

— А какое у васъ дѣло?

— А тебѣ чтò?

— Вѣстимо, мнѣ чтò... Да хозяинъ-отъ у насъ въ конторѣ таперича.

— Укажи же контору!

— Да вотъ пойдешь по двору, вонъ за сушильнями-то своротишь налѣво, а тамъ пройдешься мимо красильной—тутъ и контора... Проводить бы васъ: пожалуй, не найдете сами.

— Ну, проводи въ-самомъ-дѣлѣ, спасибо скажу.

— Нѣкогда, баринъ, проводить-то: самъ тороплюсь... За сушильнито своротите, да мимо красильной — тутъ и есть.

— Да вѣдь ты самъ хотѣлъ довести меня?

— Хотѣть-то хотѣлъ...

— Такъ чтò жь ты?

— Нѣтъ, да ужь вы ступайте сами, авось какъ-нибудь доберетесь!

Парень юркнулъ куда-то и я снова остался-было одинъ среди двора, но, на мое счастье, на дворѣ показался какой-то работникъ и ужь тотъ, безъ лишнихъ разспросовъ, привелъ меня къ Сидору Пантелеичу.

Въ небольшой, но довольно-темной комнатѣ, обставленной шкапами, за длиннымъ письменнымъ столомъ самой простой работы, сидѣлъ длинный, сухощавый господинъ. Небольшая, несовсѣмъ-артистическая головка, въ рыжеватомъ паричкѣ, была подперта высокимъ волосянымъ галстухомъ, обхватывавшимъ длинную и тощую его шею. Господинъ этотъ одѣтъ былъ въ длинное пальто, застегнутое нà-глухо отъ верху до низа. Передъ нимъ лежала пачка образчиковъ ситцовъ и бумажныхъ кашемировъ разныхъ рисунковъ. На одномъ краю стола высилась груда конторскихъ книгъ, на другомъ кипа распечатанныхъ писемъ, прикрытыхъ разсчетными листами съ фабричными рабочими. Столъ окружали человѣкъ восемь посѣтителей въ разныхъ костюмахъ. Тутъ были два крестьянина въ красныхъ рубахахъ и плисовыхъ шальварахъ; рядомъ съ ними стоялъ молодой человѣкъ съ бойкимъ выраженіемъ лица, въ гороховомъ пальто; немножко поодаль отъ него находились мѣщане, въ синихъ чуйкахъ. Съ противоположной стороны стояли два бородача, одинъ въ синемъ кафтанѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ, другой въ долгополомъ сюртукѣ и въ высокихъ, надѣтыхъ поверхъ панталонъ, сапогахъ.

Когда меня ввели въ контору, въ ней происходилъ громкій и весьма-одушевленный разговоръ, прекратившійся въ минуту моего появленія.

Я приблизился къ столу. Сидѣвшій за нимъ господинъ устремилъ на меня быстрые глаза, и на вѣжливый поклонъ мой спросилъ меня:

— Вамъ чтò угодно?

— Мнѣ бы хотѣлось видѣть владѣльца здѣшней фабрики, Сидора Пантелеича.

— Я фабрикантъ. Что̀ вамъ надо?

— Я хотѣлъ васъ безпокоить одною просьбой...

— Какой? Извольте сказать.

— Я человѣкъ пріѣзжій; много наслышанъ о благоустройствѣ и отличномъ положеніи вашей фабрики... мнѣ хотѣлось полюбопытствовать... полюбоваться ею...

— Нынѣче время несовсѣмъ-благопріятное... разсчетная недѣля, народу мало... скоро двѣнадцать... въ эти часы фабричныхъ отпускаютъ къ обѣду: смотрѣть не на что̀.

— Но я, быть-можетъ, скоро уѣду отсюда... живу далеко... не знаю, удастся ли въ другой разъ побывать въ этихъ краяхъ... Позвольте мнѣ теперь осмотрѣть фабрику, сказалъ я, вытягивая изъ кармана и подавая рекомендательное письмо.

— Извольте, можно и сегодня.

— Но мнѣ бы хотѣлось, чтобъ кто-нибудь меня проводилъ... указалъ и разсказалъ...

— Провожатаго вамъ?.. Извольте и это можно... Мое почтеніе! Пожалуйте на фабрику, сейчасъ вамъ все покажутъ... Эй, Василька! а Василька! покажи господину, какъ на фабрикѣ работаютъ... и въ сушильню сведи...

Василькой звали высокаго, сѣдоватаго мужика, служившаго на фабрикѣ на побѣгушкахъ. Онъ вышелъ изъ коморки, раздѣлявшей контору на два отдѣленія, и повелъ меня въ главное зданіе.

Фабрика была обширна, рабочихъ людей было довольно, но чего-нибудь особенно-замѣчательнаго видѣть мнѣ въ ней не удалось. Жакардовы станки были простаго устройства; въ ткацкой тѣсновато.

Василька разсказалъ мнѣ, что часть рабочихъ при фабрикѣ состоитъ на мѣсячной платѣ, какъ, напримѣръ, рѣзчики и другіе, а часть—на заработной, какъ, напримѣръ, ткачи и набивщики. Мѣсячные работники трудятся по двѣнадцати часовъ въ сутки, а задѣльные, которымъ предоставлена полная свобода распоряжаться своимъ временемъ, сами, изъ собственныхъ видовъ, работаютъ по четырнадцати, а прилежнѣйшіе и по восьмнадцати часовъ въ сутки, особенно, когда работа бываетъ спѣшная и дѣло приближается къ праздникамъ. Набивщики, которыхъ искусство цѣнится дороже, могутъ заработать до двухъ рублей въ сутки, что̀ въ тридцать дней составитъ шестьдесятъ рублей ассигнаціями; ткачи же, при самыхъ успѣшныхъ занятіяхъ, болѣе рубля семидесяти копеекъ серебромъ заработать въ недѣлю не могутъ: конкурренція между ними велика, рукъ очень-много, а заработная плата за такую легкую работу высока быть не можетъ. Разсчеты съ рабочимъ народомъ на фабрикѣ бываютъ четыре раза въ году: къ Новому Году, къ Пасхѣ, къ Петрову-дню и къ Успенью. Для порядка и вѣрности въ расквитываньи, рабочимъ раздаются разсчетные листы, раздѣленные на двѣ половины: въ одной вносится качество заработковъ и цѣнность труда, въ другую вписываются разныя выдачи, произведенныя отъ фабрики, въ счетъ этой задѣльной платы, разными

предметами, напримѣръ, ситцемъ, обувью, мукой, а иногда даже и наличными деньгами. Рабочіе состоятъ на своихъ харчахъ и, изъ видовъ экономическихъ, раздѣляются на артели. Самимъ имъ—и потому-что времени нѣтъ, и потому еще, что вырученныя въ прошлый семестръ деньги они употребили ужь на нужды семейства — нѣтъ возможности производить закупку хлѣба: чтобъ облегчить рабочихъ въ этихъ операціяхъ и оказать имъ помощь, нѣкоторые фабриканты сами заготовляютъ при фабрикахъ запасы молотаго хлѣба и раздаютъ его своимъ кліентамъ въ долгъ, въ счетъ будущихъ заработковъ. Когда прійдетъ «разсчетъ», всѣ «полученія» мастероваго сосчитываются; цѣнность этихъ полученій высчитывается изъ полной суммы слѣдующаго ему вознагражденія и затѣмъ уплата причитающейся ему выдачи производится немедленно, но не чистыми деньгами, которыя фабричный человѣкъ можетъ прокутить, а товарами, нужными каждому въ семейномъ быту: хозяинъ надѣляетъ рабочаго ситцами, миткалемъ, нанкой и другими издѣліями своей фабрики, зная, что все это пригодится для семейнаго употребленія. Оттого и самъ фабричный, и его жена, и дѣти всегда одѣты чистенько, а хлопчатобумажныя ткани съ фабрики обходятся имъ гораздо-дешевле, чѣмъ продаются онѣ изъ лавокъ.

Проходя съ Васинькой изъ отдѣленія въ отдѣленіе, мы наконецъ вступили въ ту залу, гдѣ поставлены голландеръ и прессы. Осмотрѣвъ ихъ, я поспѣшилъ въ «городъ» на Ильинку, въ Новотроицкій.

Москва-рѣка, которую лѣтомъ куры вбродъ переходятъ, была теперь красивой рѣкой, по которой стремились суда, отягченныя полными грузами. Рѣка была въ разливѣ; отъ яузскаго моста по направленію къ Воспитательному Дому она выступила изъ береговъ и прекратила разъѣзды экипажей. У самаго Воспитательнаго Дома, гдѣ бываетъ складъ хлѣба, доставляемаго изъ Орловской Губерніи, красовались барки, нагруженныя пшеницей, рожью, овсомъ и другими сельскими продуктами.

Объѣхавъ разными окольными путями Кремль, я вступилъ наконецъ въ центръ торговой дѣятельности—въ «Городъ». Народъ кишмякишилъ всюду; Ильинка была запружена экипажами; толпы прохожихъ колебались изъ стороны въ сторону, точно волны бурной рѣки. Зазыванья извощиковъ и мелкихъ торговцовъ, крики кучеровъ, говоръ народа сливались въ одинъ общій гулъ. Латки саячниковъ, плетеныя корзинки продавцовъ булокъ и аршинныхъ сухарей, подвижныя коробья разнощиковъ мыла, духовъ, ваксы и помады, квасники съ жбанами народнаго напитка, столы, уставленные пуговицами, стеклярусомъ, шитыми манишками и тесемками кидались въ глаза на каждомъ шагу. Въ темныхъ переулкахъ, ведущихъ во внутреннія линіи «Города» прохода не было; давка и тѣснота царствовали всюду. У «биржи» было сомкнутое сборище русскихъ купцовъ съ бородами и безъ бородъ, въ синихъ шинеляхъ и въ свѣтлыхъ пальто; греческія и армянскія физіономіи рѣзко отдѣлялись отъ лицъ кореннаго русскаго торговаго сословія; обшитыя позументомъ, круглыя и треугольныя шляпы лакеевъ у дверей магазиновъ перемѣшивались съ суконн-

ными картузами, бархатными фуражками и шолковыми шляпами прочаго люда. Дамы въ щегольскихъ нарядахъ, барыни съ ливрейными провожатыми, женщины съ повязанными платкомъ головами и бабы съ носильнымъ товаромъ всякаго рода торопливо суетились изъ конца въ конецъ по неширокой улицѣ, запруженной пѣшеходами. Кирпичные троттуары, облицеванные мягкимъ бѣлымъ камнемъ, были съ обѣихъ сторонъ обставлены мелкими торгашами, торчавшими у стѣнокъ лавокъ и у тумбъ по мостовой. Всѣ были заняты своимъ дѣломъ и все-таки находили удобную минуту взглянуть на прохожаго франта, пересмѣять расфранченную покупщицу или охаять товаръ сосѣдняго торговца. Узлы, картонки, объемистые калачи, кулечки съ чаемъ и сахаромъ, свертки съ матеріями, мѣшки съ разной поклажей, корзины съ необходимыми въ домашествѣ продуктами — все это еще болѣе стѣсняло плотную толпу и надѣляло то того, то другаго болѣе или менѣе чувствительными толчками.

Въ Москвѣ много есть заведеній, посвященныхъ удовлетворенію желудочныхъ потребностей публики: каждое изъ нихъ замѣчательно какою-нибудь особенностью. Въ Замоскворѣчьи, напримѣръ, одно изъ нихъ славится непомѣрнымъ расходомъ чая, выкидыши котораго еженедѣльно свозятся со двора цѣлыми возами; другое, въ Охотномъ Ряду, знаменито чудными блинами, и тотъ ужь не Москвичъ, кто ворóнинныхъ блиновъ не знаетъ; третье хвалится удивительною бѣлизною варенаго поросенка; четвертое служило встарину мѣстомъ препровожденія времени матушкинымъ сынкамъ, спускавшимъ съ рукъ батюшкины денежки... всѣхъ замѣчательностей этого рода не пересчитаешь, но особенною извѣстностью славится «Новотроицкій», который не разъ былъ посѣщаемъ даже историческими знаменитостями.

Узенькая лѣсенка ведетъ въ бельэтажъ. Вы поднимаетесь туда, вступаете въ пространныя залы и первое впечатлѣніе производитъ на васъ обстриженная въ скобку прислуга, въ бѣлыхъ миткалевыхъ рубахахъ и шальварахъ, въ такихъ же передникахъ и съ чистой салфеткой, перекинутой черезъ плечо. Разбитные половые усердно шмыгаютъ изъ комнаты въ комнату, разнося съ непостижимымъ искусствомъ въ двухъ рукахъ столько посуды, блюдъ съ кушаньемъ и чайныхъ приборовъ, сколько можетъ помѣститься развѣ на двухъ-трехъ большихъ подносахъ.

Самую большую залу занимаетъ обыкновенно торговый классъ, довольствующійся простыми, скромными, но за то сытными и дешевыми кушаньями, и прохлаждаясь чайкомъ, который всегда и вездѣ хорошъ, и передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, и при завтракѣ, и такъ-себѣ, для препровожденія времени. Рядомъ съ этой залой есть другая, полукруглая комната, въ которой всѣ мѣста заняты молодыми купчиками и разнохарактерными франтами, однимъ словомъ, разрядомъ тѣхъ людей, которые съ пренебреженіемъ смотрятъ на дешевую селянку, на лиссабонское, на чай, но у которыхъ на умѣ живая стерлядь, хорошее бургонское и веселящее душу шампанское. Посѣтители этой комнаты расплачиваются щедрою рукою и не берутъ въ сдачу даже мелкой серебряной монеты; сосѣди ихъ по залѣ и мѣдью не брез-

туютъ и тщательно сгребаютъ въ кожаные кошельки копейки и полукопейки серебра.

— Погоди меня, Ефремъ! кричитъ отважный молодой человѣкъ, въ голубой венгеркѣ, обшитой серебряными снурками.—Я самъ сейчасъ туда выйду взглянуть, точно ли ты живую стерлядь положишь для меня въ кострюлю.

— Подними и подай мнѣ пробку отъ шампанскаго! строго говоритъ другой, молоденькій человѣкъ.

— Къ рейнвейну подаются развѣ такія рюмки? огорченнымъ тономъ спрашиваетъ длинноволосый юноша, одѣтый и затянутый, словно Французъ на картинкѣ.

— Прикажите-ка, Михайло Васильичъ, подать еще бутылочку сюда, а другую уложить въ коляску для меня! толкуетъ ужь порядочно-позавтракавшій представительной наружности господинъ, другому собесѣднику, передававшему ему какія-то подробности о покупкѣ или о залогѣ дома... — Ужь мы тамъ сдѣлаемъ!... все сдѣлаемъ!

Общаго разговора за столомъ не велось; всякъ зналъ самого себя и свою компанію; молоды люди говорили громко о разныхъ предметахъ, приходившихся въ уровень съ ихъ настоящимъ положеніемъ, но кружокъ одного общества даже не перекидывался мелкими фразами съ незнакомыми. Одиночные посѣтители молчали, изрѣдка, развѣ, вступая въ интересную для нихъ бесѣду съ прислуживавшими имъ Ярославцами.

Компанія эта была не по-мнѣ: я былъ не въ такомъ расположеніи духа, чтобъ слушать пустую болтовню праздныхъ людей, и потому перешелъ въ слѣдующую комнату. Тамъ мало было посѣтителей и вниманіе мое съ перваго же раза сосредоточилось на двухъ торговцахъ, завязавшихъ между собою крупный разговоръ о бумагопрядильщикахъ и о ткацкихъ фабрикантахъ.

Защитникомъ первыхъ былъ полный, высокій купецъ съ черной кудрявой бородой и въ нѣмецкомъ сюртукѣ; оппонентомъ его, говорившимъ за ткацкихъ фабрикантовъ, былъ не высокій, но плотный мужчина, съ румянымъ лицомъ, орлинымъ носомъ, съ сѣрыми, проницательными глазами, съ небольшой лысиной и съ волосами, подстриженными въ скобку. Синенькая сибирка его, подбитая лисьимъ мѣхомъ, плотно застегивалась на груди дутыми мѣдными пуговками; китайчатые шальвары были запрятаны въ высокіе личные сапоги; шляпа гречневикомъ стояла на сосѣднемъ стулѣ.

— Я вамъ, Елисей Исаичъ, говорю одно, а вы все въ другую сторону ворòтите! замѣтилъ высокій купецъ въ сюртукѣ, обращаясь къ собесѣднику въ синенькой сибиркѣ.

— Ой-ли, Дмитрій Михайлычъ? Полно, я ли гну нà-сторону?

— Я вамъ толкую про тò, что нужно усердствовать распространенію бумагопрядиленъ; длятого, чтобъ поддержать ихъ промышленость не нужно понижать пошлину на иностранную пряжу, а тѣмъ паче, оборони Боже, возвышать пошлину на хлопокъ!

— А по-моему не то: надо и мелкую промышленость ткацкихъ фабрикантовъ поддерживать, да нужно же и тово-воно, какъ говорит-

ся, вообще поощрять національное хлопчатобумажное производство, а эттое надо такъ сдѣлать, чтобъ пряжа иностранная была дешевле.

— Хлопчатобумажному производству у насъ есть сильное поощреніе: мы ужь дошли до-того, что во многихъ странахъ Средней Азіи англійскіе товары соперничествовать съ нами не могутъ. Желательно только, чтобъ наша русская пряжа, тоже ни въ чемъ англійской, ординарной, неуступающая, была дешевле, гораздо-дешевле иностранной пряжи.

— Да вотъ это и будетъ тогда, когда поднять пошлину на хлопокъ, а снять ея съ пряжи.

— Но вѣдь это убьетъ всѣ бумагопрядильни!

— Нѣтъ, не убьетъ ихъ, а образумитъ бумагопрядильщиковъ! Сами теперь вы согласились, что бумагопрядильщики наши берутъ страшные барыши?

— Васъ зависть что ли беретъ, Елисей Исаичъ?

— Нѣтъ не зависть, а желаніе добра ткацкимъ фабрикантамъ!

— Это коимъ манеромъ?

— Бумагопрядильщики займутся тогда только своимъ дѣломъ, не станутъ выдѣлывать бумажныя матеріи, перестанутъ отбивать хлѣбъ у ткачей!

— Да вѣдь у нихъ тканье-то выходитъ машинное, а машинная работа и лучше и дешевле ручной! А это и нужно покупщику.

— Да вѣдь покупщикъ — публика, а ткачи-то, ихъ у насъ сотни тысячъ, и останутся, по милости бумагопрядильщиковъ, словно раки на мели...

Задача, надъ разрѣшеніемъ которой трудились оба собесѣдника, разрѣшена у насъ самымъ блестящимъ образомъ въ концѣ того же 1850 года, въ началѣ котораго привелось мнѣ слышать сужденія объ этомъ интересномъ предметѣ. А такъ-какъ сужденія эти не даютъ еще нагляднаго и опредѣленнаго понятія о важности вопроса, то я считаю весьма-умѣстнымъ передать здѣсь сущность бесѣды, которую вели Елисей Исаичъ и Дмитрій Михайловичъ.

Предварительно, надо сказать вкратцѣ, что бумагопрядильное заведеніе, по огромности денежныхъ средствъ, требующихся на его устройство, доступно только капиталисту. Владѣтель же ткацкаго заведенія, самъ производствомъ хлопчатобумажной пряжи не занимается, а покупаетъ ее у бумагопрядильщиковъ; устройство ткацкаго заведенія не сопряжено ни съ какими особенно-чувствительными издержками. Бумагопрядильщики, кромѣ главнаго своего производства, занимаются еще и ткачествомъ: ткачество, при бумагопрядильнѣ, вещь возможная и особенныхъ расходовъ за собой не влечетъ; бумагопрядильня же, для простаго ткача вещь совершенно-невозможная: по дороговизнѣ завода, она, какъ прибавокъ къ ткацкому дѣлу, существовать не можетъ. Такимъ-образомъ, на ткачествѣ сосредоточивается дѣятельность и ткацкихъ фабрикантовъ и бумагопрядильщиковъ: эта встрѣча двухъ разнородныхъ дѣятелей на одной и той же дорогѣ и столкновеніе интересовъ, породили между ними такое несогласіе,

что, до изданія новаго тарифа, ткачи и бумагопрядильщики были между собою совершенные Гвельфы и Гиббелины.

Итакъ, дѣло въ томъ, что нѣкоторые бумагопрядильные фабриканты, кромѣ выдѣлки изъ иностраннаго хлопка бумажной пряжи, которая въ то время обходилась имъ самимъ въ двѣнадцать рублей серебромъ за пудъ, занимались еще выдѣлкою изъ этой пряжи на своихъ заведеніяхъ разныхъ ткацкихъ издѣлій. Издѣлія эти имъ, бумагопрядильщикамъ, обходились, разумѣется, дешевле чѣмъ простымъ ткачамъ. Возьмемъ, для примѣра, плисъ. Обыкновенный кусокъ его, мѣрою въ пятьдесятъ аршинъ, а вѣсомъ въ двадцать фунтовъ, обходился бумагопрядиленнымъ фабрикантамъ въ тринадцать рублей съ полтиной, по слѣдующему приблизительному, но довольно-вѣрному разсчету: пряжа, за полпуда, стоила имъ шесть рублей, работа — два съ полтиной, рѣзка — полтора цѣлковыхъ, а окраска и обдѣлка — въ три съ полтиной.

Фабрикантамъ, у которыхъ были не бумагопрядильни, а одни ткацкія заведенія, кусокъ плиса обходился гораздо-дороже, именно потому, что пряжу на издѣліе они должны были покупать или заграничную, или свою, русскаго издѣлія. Въ поощреніе отечественныхъ бумагопрядиленъ, на иностранную пряжу пошлины существовали въ шесть съ полтиной съ пуда: иностранной пряжи пудъ обходился ткацкимъ фабрикантамъ отъ шестнадцати до восьмнадцати съ полтиной. Они и рады бы избѣгать употребленія иностранной пряжи и расходовали бы пряжу русскихъ бумагопрядиленъ, да бумагопрядиленные-то фабриканты, зная, что въ товарѣ ихъ всякій нуждается и что ихъ пряжа, кромѣ самыхъ тонкихъ нумеровъ, рѣшительно ни въ чемъ не уступаетъ англійской пряжѣ, не довольствовались скромными барышами и держали свое издѣліе въ одной цѣнѣ съ англійскою пряжею. Стало-быть, ткацкій фабрикантъ, куда бы онъ ни обратился за пріобрѣтеніемъ пряжи, всюду долженъ былъ платить отъ шестнадцати до восемьнадцати съ полтиной за пудъ пряжи. Поэтому, ткацкому фабриканту тотъ же самый кусокъ плиса, въ пятьдесятъ аршинъ длины и въ полпуда вѣсомъ, обходится ужь не въ тринадцать съ половиною, а въ шестнадцать съ половиною рублей серебромъ, именно: за пряжу восемь съ полтиной, за работу три рубля (полтиною серебра дороже противъ бумагопрядиленнаго фабриканта, потому-что у того работа производится на самоткацкихъ станкахъ, а у этого на простыхъ ручныхъ станкахъ), за рѣзку полтора цѣлковыхъ и за окраску и обдѣлку — три съ полтиной серебромъ.

Стало-быть, бумагопрядиленные фабриканты на каждомъ кускѣ плиса пріобрѣтали выгоды по три рубля серебромъ противъ фабрикантовъ ткацкихъ. Подобныя же выгоды повторялись и на каждомъ видѣ хлопчатобумажныхъ товаровъ. Эти выгоды давали тѣмъ изъ бумагопрядильщиковъ, которые занимались выдѣлкою ткацкихъ товаровъ изъ пряжи собственнаго производства, возможность продавать эти товары съ барышомъ для себя по такой цѣнѣ, противъ которой не могли соперничествовать владѣльцы простыхъ ткацкихъ заведеній.

Владѣльцы ткацкихъ заведеній не могли хладнокровно смотрѣть на бумагопрядильщиковъ и придумывали разныя средства, какъ бы выставить операцію своихъ враговъ въ самомъ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ. Они перебирали предметъ со всѣхъ сторонъ и остановились на сторонѣ — финансовой.

Они выставляли на видъ, что нѣкоторые бумагопрядиленные фабриканты выпрядаютъ на своихъ фабрикахъ до сорока тысячъ пудовъ бумажной пряжи; что на выдѣлку этихъ сорока тысячъ пудовъ пряжи употребляютъ они сорокъ-пять тысячъ пудовъ хлопка; что пошлины за это количество хлопка они платятъ только одиннадцать тысячъ двѣсти-пятьдесятъ рублей; что еслибъ они сами выписывали для себя хлопокъ изъ Англіи, то имъ пришлось бы заплатить пошлины не эту ничтожную сумму, а двѣсти-шестьдесятъ тысячъ рублей, и что, стало-быть, почти цѣлыя двѣсти-пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ достаются русскимъ бумагопрядильщикамъ совершенно задаромъ.

Ткацкіе фабриканты не хотѣли припомнить, что главный потребитель русскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій есть низшій, многочисленнѣйшій классъ народа; что этому классу нужна прочность товара и дешевизна, что требованіямъ этимъ издѣлія самоткацкихъ станковъ соотвѣтствуютъ гораздо-болѣе, чѣмъ произведенія простыхъ ручныхъ станковъ. Ткацкіе фабриканты боялись, чтобъ вся хлопчатобумажная промышленость не перешла въ руки бумагопрядиленныхъ фабрикантовъ и всѣ доводы свои старались подкрѣпить новою ариѳметическою выкладкой:

Въ 1848 году къ намъ, въ Россію, ввезено англійской пряжи двѣсти-восемьдесятъ тысячъ пудовъ; хлопка — мильйонъ-двѣсти тысячъ пудовъ; изъ этого количества въ Россіи выпрядено пряжи около восьмисотъ тысячъ пудовъ; стало-быть, всего у насъ въ дѣло идетъ пряжи почти-что мильйонъ пудовъ.

Еслибъ весь этотъ мильйонъ пудовъ пряжи — толковали они — мы выписывали изъ-за границы, мы бы одной пошлины внесли шесть съ половиною мильйоновъ рублей серебромъ, а вмѣсто того, считая хлопокъ особо и иностранную пряжу тоже особо, мы таможенныхъ доходовъ внесли только два мильйона и сто-двадцать тысячъ рублей серебромъ.

За что же — спрашивали нѣкоторые ткацкіе фабриканты въ родѣ Елисея Исаича — наша казна ежегодно выпускаетъ изъ своихъ рукъ вѣрныхъ пятнадцать мильйоновъ ассигнаціями? Надо непремѣнно усилить пошлину на хлопокъ и снять пошлину съ пряжи: товары подешевѣютъ.

Вотъ какъ разсуждали нѣкоторые фабриканты, которыхъ мелкимъ самолюбіямъ, затрогиваемымъ только личными разсчетами, видно, трудно было постигнуть, что этими пятьнадцатью мильйонами правительство ежегодно жертвуетъ на процвѣтаніе и преуспѣяніе отечественной промышлености и торговли, для облегченія многочисленныхъ бѣднѣйшихъ потребителей, для упроченія общаго благосостоянія. Новымъ тарифомъ пошлина на хлопокъ не возвышена ни на одну ко-

пейку, да и на пряжу она сбавлена на цѣлый рубль серебра, такъ-что пошлина на пряжу все-таки въ двадцать разъ выше пошлины на хлопокъ.

Это объясненіе можетъ служить однимъ, и еще самымъ незначительнымъ доказательствомъ, какъ иногда сами производители издѣлій стараются затмить ясность и чистоту дѣла и до какой степени мудро совершенствуются наши постановленія, несмотря ни на какія препятствія.

Нельзя не согласиться, что въ настоящее время ничто такъ не оправдываетъ наименованія «сердце Россіи», наименованія, упроченнаго за Москвою вѣковыми преданіями, какъ-то мѣсто, которое занимаетъ она въ современномъ развитіи и кругообращеніи народнаго богатства. Стеченіе многихъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ самое мѣстоположеніе въ центрѣ имперіи, благопріятствовало возбужденію промышленной дѣятельности въ ея многолюдномъ населеніи и сосредоточило въ ея стѣнахъ всю внутреннюю торговлю государства.

Въ Москву стекаются богатства отовсюду. Всѣ порты морей Балтійскаго и Чернаго снабжаютъ ее первообразными, полуобработанными и колоніальными товарами; южная Россія—шерстью, конопляным маслом и другими продуктами сельскаго хозяйства, относящимися къ издѣльной промышлености; хлѣбородныя внутреннія губерніи шлютъ сюда жизненные припасы, не только для жителей самой столицы, но и для всего народонаселенія ея губерніи, которое, вмѣстѣ съ рабочими другихъ губерній, употребляемыми на московскихъ фабрикахъ, простирается нынѣ до двухъ мильйоновъ. Каспійское Море и юго-восточныя области надѣляютъ ее произведеніями Закавказья, сырыми продуктами, пріобрѣтаемыми отъ нашихъ кочевыхъ племенъ и богатыми грузами рыбныхъ товаровъ съ Урала и Волжскаго Низовья; Сибирь и сѣверовосточныя губерніи сбываютъ въ нее избытки горнозаводскаго производства, звѣриной ловли и промышленной дѣятельности сосѣдственныхъ къ намъ странъ Средней Азіи и Китая.

Въ свою очередь, какъ центръ промышленной дѣятельности имперіи и какъ мѣстопребываніе главнѣйшихъ капиталистовъ, приводящихъ въ движеніе всю внутреннюю и внѣшнюю торговлю государства, Москва доставляетъ приготовляемыя на ея мануфактурахъ издѣлія и привозимыя сюда колоніальные, азіатскіе и всякіе другіе товары на всѣ рынки, ярмарки и промышленные пункты Россіи. Казань, Нижній-Новгородъ и Владиміръ лежатъ на пути, по которому тянутся огромные караваны съ чаями изъ Кяхты и пушными товарами изъ Сибири; но большая часть этихъ важныхъ статей нашей торговли покупается, послѣ нижегородской ярмарки, въ Москвѣ. Первообразные и полуобработанные матеріалы, равно какъ красильныя вещества и иностранныя мануфактурныя издѣлія, отправляемыя въ Москву изъ Петербурга, проходятъ черезъ всю Тверскую Губернію; но всѣ города и фабрики этой губерніи запасаются ими не иначе, какъ изъ Москвы. Шуйскіе и ивановскіе фабриканты могутъ получать все количество англійской бумажной пряжи, хлопка и колоніальныхъ товаровъ водою прямо изъ Петербурга; но они пріобрѣтаютъ эти товары большею-

частью тоже въ Москвѣ, гдѣ пользуются кредитомъ у капиталистовъ, выписывающихъ ихъ изъ Англіи. Губерніи Тамбовская, Орловская и Рязанская, чрезъ которыя проходятъ всѣ транспорты шерсти, снабжаются этимъ матеріаломъ почти исключительно изъ Москвы же, а не изъ южныхъ губерній. Суконные фабриканты Кіевской и Волынской Губерній, покупаютъ красильныя вещества не въ Одессѣ, а опять-таки въ Москвѣ. Словомъ сказать, Москва есть главное складочное мѣсто для всѣхъ цѣнностей, которыми питаются торговые обороты имперіи.

Изыскатель, изъ котораго я заимствовалъ эти строки, на основаніи самыхъ вѣрныхъ свѣдѣній, разсчитываетъ, что, десять лѣтъ тому назадъ, въ Москву доставлялось разныхъ товаровъ: изъ Петербурга до четырехъ мильйоновъ пудовъ, изъ Коломны, этого важнаго для Москвы порта, до восьми мильйоновъ пудовъ, а ввезено сухопутно до сорока двухъ мильйоновъ пудовъ, въ томъ числѣ до десяти мильйоновъ пудовъ хлѣба, до полумильйона пудовъ рыбы и икры, болѣе тридцати-пяти тысячъ возовъ мяса, болѣе семи тысячъ возовъ чаю и кофе, болѣе семидесяти-пяти тысячъ возовъ мануфактурныхъ издѣлій, около тридцати тысячъ возовъ металловъ и металлическихъ издѣлій и, сверхъ-того, болѣе мильйона возовъ съ разною другою кладью всякихъ видовъ.

По свидѣтельству того же изыскателя, въ Москвѣ считалось четыреста-шестьдесятъ-семь фабрикъ, сто-шестьдесятъ-четыре завода и около трехъ съ половиною тысячъ ремесленныхъ заведеній. На нихъ работало около четырехъ тысячъ мастеровъ, около пятидесяти тысячъ мастеровыхъ людей и около семи съ половиною тысячъ чернорабочихъ; произведенія же, во всѣхъ этихъ заведеніяхъ изготовленныя, обошлись, по показанію самихъ производителей—показанію, постоянно съ непонятными намѣреніями уменьшаемому — въ двадцать-пять мильйоновъ рублей серебромъ. Въ самой Москвѣ они сбывались въ двухстахъ-пятидесяти магазинахъ и въ пяти тысячахъ пятистахъ лавкахъ.

Во всей же Московской Губерніи считалось въ то время около тысячи двухсотъ фабрикъ и заводовъ; при нихъ сто тысячъ рабочихъ, пятьдесятъ тысячъ становъ, до десяти тысячъ жакардовыхъ станковъ, до шести тысячъ разныхъ машинъ; цѣнность же издѣлій опредѣляли въ пятьдесятъ мильйоновъ рублей серебромъ.

Въ общемъ итогѣ фабрикъ считалось: двадцать бумагопрядиленъ, болѣе двухсотъ-пятидесяти ткацкихъ фабрикъ, до сорока красиленъ и бѣлильныхъ заведеній, болѣе шестидесяти набивныхъ, около полутораста шелковыхъ фабрикъ, пятнадцать шерстопрядиленъ, до ста-двадцати фабрикъ шерстяныхъ издѣлій, и проч., и проч., и проч.

Кромѣ самой Москвы, которая по всѣмъ отраслямъ мануфактурной дѣятельности занимаетъ самое первое мѣсто, замѣчательны:

По хлопчатобумажному производству, города: Серпуховъ, Коломна, Дмитровъ, Бронницы, Руза; сёла: Покровское, Горенки, Ростокино, Коппино, Московскаго Уѣзда; Костантиново, Подольскаго Уѣзда, Ме-

щерино, Коломенскаго, село Царёво, Дмитровскаго и село Нара, Верейскаго Уѣздовъ.

По производству шелковыхъ тканей, послѣ Москвы, важны городъ Коломна и почти весь Богородскій Уѣздъ.

По суконнымъ и вообще шерстянымъ мануфактурамъ, сёла: Свиблово, Измайлово, Перово, Балашинское и Чесменское Московскаго Уѣзда, уѣзды Дмитровскій и Богородскій.

По полотняному производству—Коломенскій Уѣздъ, Сергіевскій посадъ и городъ Серпуховъ.

Химическими заводами, кромѣ Москвы, богатъ Богородскій Уѣздъ. Заведеній для обработки сала больше всего въ Коломенскомъ Уѣздѣ, а для обработки воска—въ Московскомъ Уѣздѣ, въ городѣ Подольскѣ и частью въ Клину.

— Мудрёное дѣло, Елисей Исаичъ, изучить Москву въ промышленномъ отношеніи! говорилъ я Елисею Исаичу, который, познакомясь со мною, вслѣдствіе одного случайнаго обстоятельства, навѣщалъ меня время-отъ-времени, стараясь выпытать, что̀ у меня за цѣль, безъ видимой надобности, тратить большія деньги и разъѣзжать по Россіи?

— То-есть какъ вы изволили, сударь, сказать?

— Я говорю, что очень-трудно пріобрѣсти вѣрныя свѣдѣнія о здѣшнихъ фабрикахъ и заводахъ и о томъ, сколько, въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ эти заведенія приготовляютъ товара.

— Мудренько, сударь; точно оно, то-есть оченно-мудровато-съ... А къ-чему это вамъ?

— Для того, чтобъ знать.

— Да вѣдь сами-то вы не фабрикантъ?

— Не фабрикантъ...

— Можетъ, сбираетесь завести фабрику?

— И то̀ нѣтъ!

— Такъ что жь вамъ за нужда до нашего купецкаго дѣла?

— Видите ли что̀, Елисей Исаичъ: вѣдь вы знаете, что Москва — сердце Россіи?

— Завѣрительно говорить изволите!

— Ну... вы знаете, отчего сердце у человѣка бьется?

— Отчего-съ? Ну, энтое, то-есть отъ разнаго бываетъ: осерчаетъ человѣкъ, утомится или уходится — вотъ оно и затутукаетъ!

— Не то̀, Елисей Исаичъ: человѣкъ живетъ, дышетъ, существуетъ оттого, что у него кровь по жиламъ переливается...

— Тэкъ-съ!

— Всѣ эти жилки сходятся у сердца и потомъ снова отъ сердца расходятся по всему тѣлу.

— Совершенно тэкъ-съ!

— Главный-то запасъ жизни, стало-быть, въ человѣкѣ — у сердца.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ!

— Вотъ я и примѣняю это къ нашему царству. Весь человѣкъ — это какъ-будто всѐ государство; голова у него — Петербургъ; правая нога—на Сыр-Дарьѣ, лѣвая—на Черномъ Морѣ; одна рука протянута

далеко за Сибирь, другая до Западной Европы; боевая жила — Волга, а сердце-то — Москва... Ну, такъ ли?

— Когда не такъ! проговорилъ Елисей Исаичъ, обнаруживъ словомъ «когда» свое немосковское происхожденіе.

— Я и думаю, что вотъ это-то сердце, Москва, оттого и бьется, оттого и живетъ, что въ нее сходятся всѣ жилки, всѣ артеріи, то-есть торговые пути. Узелки, связи, гдѣ эти жилки понемножку развѣтвляются — это города и фабрики, а кровь, которая по этимъ жилкамъ переливается — это капиталы и товары. Оттого и дышетъ всякое государство, что въ немъ денегъ много, что товаровъ много. Вѣдь торговля — вѣдь это душа каждаго царства: огромна торговля — и царство выходитъ сильное и живущее!

— Такъ-то оно такъ: спорить тутъ нечего .. Сталося, вы хотите узнать много ли въ Москвѣ обращается денегъ, да товаровъ?... И, батюшка! и въ человѣкѣ-то вы не узнаете много ли у него фунтовъ крови: захотѣли вы Москву всю пересчитать!

— Да не всю Москву, Елисей Исаичъ, а только одно главное...

— По товарной части?

— По фабрикамъ.

— Да какъ вы до того дойдете?

— Да вотъ я хоть, напримѣръ, васъ спрошу.

— Меня?... да я то что жь знаю?

— У васъ есть фабрика?

— Есть.

— Сколько у васъ рабочихъ.

— Да я вамъ не скажу...

— Отчего же?

— Да вы то что за левизоръ такой?

— Я по своей охотѣ, для самого себя сбираю свѣдѣнія. Вѣдь если я вамъ поклонюсь, да хорошенько попрошу, вѣдь вы можете мнѣ назвать точное число рабочихъ, которые трудятся для вашей фабрики по разнымъ мѣстамъ?

— Нѣтъ, не могу! рѣзко отвѣтилъ Елисей Исаичъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Ну, растолкуйте же мнѣ, отчего?

— Да вы .. то-есть... можетъ-статься, тово-воно? прицѣпку сдѣлаете?..

— Фу, какой вы кремешокъ! Мнѣ совсѣмъ не то нужно! Мнѣ только хочется узнать разныя фабричныя должности, сколько на этихъ должностяхъ рабочихъ сидитъ, какая кому идетъ плата и на какой манеръ вы обхожденіе съ ними ведете...

— Нѣтъ ужь, вы, сударь, оставьте лучше объ этомъ попеченіе...

— А можно ли мнѣ узнать на сколько именно вы товару въ годъ выработываете?

— И этого, коли правду сказать, я вамъ открыть не могу...

— Ну, это же почему?..

— Огласить свою тайну... за что жь я это сдѣлаю?

— Да какая же тутъ тайна?

— Гм!... какая!... Э-эхъ, сударь, не знаете вы нашего дѣла! Случается, нужда заставитъ показать больше, ну, и покажешь больше, а коли нѣтъ такой нужды, я и половины своихъ оборотовъ разглашать не стану. И фабрикантъ о своихъ товарахъ, и купецъ о торговлѣ... да что толковать? ни одинъ портной вамъ болтать не станетъ на сколько въ годъ онъ перешьетъ одёжи разной.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, Елисей Исаичъ, развѣ торговому человѣку тяжело открыть свои дѣла, если они у него хорошо идутъ? Развѣ это дурное дѣло?

— Дѣло-то оно не то что дурное; чему тутъ дурну быть? да вѣдь у всякаго свое заведеніе; а у насъ, у купцовъ, такой ужь обычай, не говорить всего, что̀ есть... ужь я, сударь, лучше стану казаться чахоточнымъ, а ужь не буду жаловаться, что болѣнъ полнокровьемъ. Какъ человѣкъ-отъ полнокровенъ, такъ оно, того и гляди, кондрашка хватитъ! Кровь-то сгустится, понакопится маленько и дурна разнаго — дурную-то, лишнюю-то кровь и понадобится выпустить.

— Вамъ бы, Елисей Исаичъ, быть хивинскимъ, или бухарскимъ купцомъ.

— А что-жь-съ? Бухарцы, хоть они, то-есть, и нехристи, а тоже хорошіе люди бываютъ!

— Вы разсуждаете такъ, какъ-будто цѣлый вѣкъ въ тѣхъ краяхъ выжили!

— Нѣтъ, сударь, не случалось намъ живать у Азіатовъ.

— Судя по вашимъ правиламъ, вы не коренной негоціантъ московскій!

— Нѣтъ-съ! мы не изъ здѣшнихъ!

— Откуда же?

— Отколева-съ? Я Бѣлёвскій. Покойный мой родитель тамъ приписаны были.

— У васъ въ Бѣлёвѣ тоже фабрика?

— Фабрики у родителя никогда не бывывало.

— Чѣмъ же промышлялъ вашъ батюшка? если смѣю спросить и если тутъ нѣтъ секрета.

— Въ эвтемъ дѣлѣ какіе же секреты-съ. Родитель были экономическіе. Жили мы не въ богатствѣ-съ, да послѣ Господь умудрилъ меня разумомъ: я пашню-то въ сторону, да и пустился на фабрики!

— Какъ? вы сами и землю пахали?

— Пахали! Тятенька-то, бывало выѣдутъ на пашню, а меня-то и заставятъ вести плужную лошадь, а больше всего на молотьбѣ мнѣ доставалось: строго держалъ насъ родитель! — Тятенька-то послѣ скончались, хозяйство пошло въ запущеніе; я оставилъ домъ и пошелъ въ Бѣлёвъ. Торговое мѣсто Бѣлёвъ! пристань важная и трактъ идетъ черезъ него въ Адестъ и Радзивиловъ... можетъ-статься, слыхали-съ?... Тутъ я свелъ знакомство съ прикащиками; они надоумили меня на доброе дѣло: я пачпортъ за пазуху, да и махнулъ къ Москвѣ поближе. Сначала самъ въ ткачи пустился, да послѣ передумалъ! Деньжишки кой-какія водились: купилъ я пряжи, да и сталъ по деревнямъ роздавать на миткали... Много приходилось испытать

мнѣ на своемъ вѣку всякаго лиха... ну, а вотъ теперь, нечего Бога гнѣвить!... сами, примѣрно, не изъ-за людей на свѣтъ Божій смотримъ!

Гораздо-благопріятнѣе для меня была встрѣча съ другимъ торговцомъ, не старыхъ лѣтъ человѣкомъ, Андреемъ Ивановичемъ.

Андрей Ивановичъ, мужчина лѣтъ сорока, ходитъ понѣмецки. Во всѣхъ движеніяхъ его замѣтна была какая-то торопливость; онъ спѣшилъ во всемъ; даже въ простой бесѣдѣ онъ не могъ выражаться плавно, добропорядочно и обстоятельно и, вступая въ рѣчь, прибѣгалъ къ скороговоркѣ.

— Учиться хотите-съ? говорилъ Андрей Ивановичъ, ознакомившись съ цѣлью предпринимаемой мною поѣздки: — хорошее дѣло — наука! Мало, хорошее — великое. А кажется, къ-чему-съ? Отцы и дѣды безъ нее вѣкъ вѣковали... анъ нѣтъ; нынѣче не то время — плохо житье безъ науки стало! Вотъ я вамъ скажу про себя. Учился я на мѣдныя деньги, но не родился дуракомъ. Оборотовъ большихъ не имѣю, а фабрика есть у меня. Вотъ хорошо-съ. Задумалъ я строить эту фабрику, задумалъ—и выстроилъ, въ пять этажей вывелъ! И одинъ-съ, безъ архитектора-съ! Сталъ выводить трубу; кирпичу не жалѣлъ; стѣны сложилъ такія, что бомба отскочитъ. Пошла труба расти у меня; росла, росла, да и выросла этакимъ монументомъ, что̀ твой Иванъ-Великій! Высокая такая, что издалече виднѣлась: куда! чуть ли не въ полторы выше главнаго дома. Вотъ хорошо-съ! Труба готова. Только, чтожь бы вы думали? Въ одинъ, этакъ, прекрасный день, моя труба трррр!... развалилась. Пятьдесятъ тысячъ вонъ изъ кармана... Благодарю Бога, что никого не пришибла! А что жь это такое? А то-съ, что, дескать, вотъ тебѣ, невѣжа, наказанье! Науки не знаешь! Зналъ бы науку, можетъ, и тоньше бы трубу выводилъ, да построилъ бы прочнѣй... Можетъ-быть, одинъ кирпичикъ помѣшалъ: а въ этомъ-то кирпичикѣ и была задача науки... такъ вотъ оно что!

— Но, вѣдь вы согласитесь, Андрей Иванычъ, что въ моемъ дѣлѣ мало одного своего желанія: мнѣ для моихъ изслѣдованій нужна помощь самихъ торговцовъ и промышлениковъ: надо, чтобъ они мнѣ растолковали дѣло: я вѣдь тутъ, что̀ въ лѣсу!

— Правда, правда!.. Только вотъ вамъ на первый разъ совѣтъ мой: пожалуйста, отучитесь вы отъ слова «изслѣдованіе».

— Это что̀ такое?

— Да вы вотъ говорили, что вамъ нужно произвести статистическое и еще какое-то «ическое» изслѣдованіе. Знаете, иной этого слова не пойметъ, побоится... повѣрьте мнѣ! Я ужь знаю!

— Ну — изысканіе?

— Нѣтъ... «Справки»?.. И не справки!.. Разспросы? и то нѣтъ... ну, да просто ничего не говорите!.. А то я вамъ и еще совѣтъ дамъ: какъ гдѣ будете, старайтесь узнать чрезъ разговоры, да черезъ науку, что̀ земля производитъ... Есть, видите, много произрастеній, богатствъ этакихъ природныхъ; растутъ подъ-носомъ, въ виду всѣхъ, а никто ими не пользуется; иной и знаетъ ихъ, да не знаетъ какъ примѣнить къ дѣлу. Потомъ, старайтесь ознакомиться съ разными

промыслами, которые и не фабрики, да и подъ хлѣбопашество не подходятъ, они и не заводы, да и къ земледѣлью не йдутъ. Это, выходитъ, такія крестьянскія занятія, которыми почитай весь народъ промышляетъ. Поняли меня? Ну, вотъ напримѣръ, воронежскіе крестьяне? Они считаются лучшими пастухами и мастерами нагуливать скотъ, при гонкѣ гуртовъ. . Ну, напримѣръ, въ Клинцахъ, въ Кіевской Губерніи, почитай всѣ занимаются шерстянымъ вязаньемъ. Ну... Юхновцы... изъ Смоленской Губерніи, мастера находить подземную воду и копать колодцы... въ Шуйскомъ Уѣздѣ всѣ занимаются хлопчатобумажнымъ производствомъ. Мало ли этакихъ занятій есть! Вотъ вы съ ними-то и познакомьтесь, да и разузнавайте о нихъ.

— Очень-благодаренъ вамъ за добрый совѣтъ.

— А что касается до помощи самихъ торговцовъ... оно, конечно, такъ, вы справедливо замѣтили, да вѣдь тутъ надобенъ особый даръ! Умѣйте ладить! Старайтесь сблизиться, подружиться съ торговцами... васъ отъ этого не убудетъ! Заводите чаще разговоры о товарѣ, узнайте слабую сторону хозяина, конёкъ его... съ этого начните, а ужь какъ завязалась искренность, тамъ и на товаръ съѣхать можете: гдѣ, молъ, покупаете, почемъ даете, куда продаете, на какое дѣло требуется?.. что тамъ для васъ самихъ нужно. А главное-то вотъ что: вѣдь вы будете у разныхъ народовъ? въ разныхъ мѣстахъ? вы постарайтесь ознакомиться съ обычаями, и въ житьѣ-бытьѣ, и въ одежѣ: это для торговли оченно знать нужно!

— Къ чему же?

— Какъ къ чему? будто вы сами не понимаете?.. Ну, да вотъ хошь... вы сидите на стулѣ, и я сижу на стулѣ, и всѣ у насъ сидятъ на стульяхъ: значитъ, у насъ существуетъ мебельная фабрикація, и мебель у насъ — товаръ. А товаръ-то вѣдь этотъ не вездѣ пригоденъ. Ну, вотъ хоть примѣрно, вамъ захотѣлось торговать мебелью; вы къ Самоѣдамъ ее не повезете. А отчего? Оттого, что у нихъ не тѣ обычаи! Парижъ торгуетъ съ нами перчатками: въ Европѣ перчатки — товаръ; повезите-ка вы этотъ товаръ въ Азію: у Азіатовъ перчатки не въ обычаѣ: товаръ этотъ тамъ не имѣетъ цѣнности. У насъ обширна торговля сундуками. Мы ихъ до полумильйона высылаемъ за границу. Да за какую границу? За азіатскую! И умная спекуляція! А вывезите-ка вы наши сундуки за европейскую границу, пошлите ихъ въ Парижъ — васъ всѣ осмѣютъ!.. Изволили смекнуть? Такъ вотъ въ чемъ вся штука! Узнать обычаи, потребности жителей какого-нибудь мѣста—это важная статья коммерціи. Мы, купцы, что знаемъ то знаемъ, а многое и такъ смекнемъ; а вамъ вѣдь надо въ книжку записать — въ книжкахъ-то этого пока ничего нѣтъ!

— Вотъ, кабы мнѣ счастье помогло съ такимъ, какъ вы, наставникомъ ѣхать, не побоялся бы я за безплодность будущихъ своихъ трудовъ! замѣтилъ я Андрею Ивановичу, котораго прямыя и меткія замѣчанія очень мнѣ понравились.

— Нѣтъ-съ, куда мнѣ съ вами!.. Мы люди маленькіе, то тутъ, то тамъ хлопоты! то фабрика, то семья, изъ городу отлучиться ни на шагъ не можемъ! А отчего бы вамъ не пріискать себѣ попутчика изъ

купечества .. правда, охотниковъ врядъ ли вы найдете... а впрочемъ, попытать можно. Есть у меня на примѣтѣ человѣкъ, не бойкаго ума, а пригодиться можетъ, если вы поразспотрошить его съумѣете. Я знаю, что онъ въ Нижній сбирается съ весны... И самъ онъ фабрикантъ... ну, знаете, Владимірскую Губернію проѣзжать станете, Нижній Новгородъ повидаете — все-таки онъ можетъ сказать вамъ что-нибудь новое...

— Познакомьте меня, сдѣлайте милость...

— Съ удовольствіемъ... только вы не торопите меня.

=

III.

Меценатинъ.

На тряскихъ калиберкахъ въѣхалъ я въ обширный дворъ барскаго дома. Неуклюжій, сгорбленный извощикъ въ сильно-потертомъ синемъ армякѣ, тпрукнулъ раза три на истощалаго буцефала. Высокая, сухопарая кляча перестала махать жидкимъ хвостомъ и трясти долгою мордой: мы у подъѣзда.

Не успѣлъ еще я слѣзть съ неспокойнаго экипажа, какъ обѣ половинки парадныхъ дверей широко растворились, два дюжіе лакея подобострастно вышли мнѣ на встрѣчу, приняли мое верхнее платье и по широкимъ сѣнямъ довели до обитой коврами лѣстницы. На площадкѣ бельэтажа, встрѣтилъ меня еще лакей, въ синемъ фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ; онъ ввелъ меня въ пріемную.

Пріемная, отдѣленная отъ узенькаго корридорчика, который велъ во внутренніе покои, роскошной перегородкой съ цвѣтными стеклами, была не обширна. Прямо противъ входа, у окна стоялъ пьедесталъ съ превосходнымъ бюстомъ Суворова; по стѣнамъ направо и налѣво висѣли двѣ оригинальныя, говорятъ, картины Вандика. Передъ маленькимъ диваномъ раскинутъ ломберный столъ; на немъ лежала распечатанная колода картъ безъ двоекъ. Мѣлковъ и щеточекъ не было. Нѣсколько картъ разложены были отдѣльною кучкой въ чрезвычайно-симетрическомъ порядкѣ. Въ центрѣ этой кучки лежалъ червонный король съ «нечаяннымъ извѣстіемъ» на сердцѣ; «перемѣнныя обстоятельства» сгрупировались далеко въ сторонѣ; въ головахъ бросалось въ глаза «исполненіе желанія»; рядомъ съ «нечаяннымъ извѣстіемъ» пріютился трефовый король съ пиковою дорогой. «Казенное дѣло», «письмо» и «пріятный подарокъ», съ бубновой дамой и валетомъ той же масти, красиво раскинулись въ ногахъ червоннаго короля.

— Доложили-съ: сейчасъ выѣдутъ! сказалъ мнѣ барскій камердинеръ.

— Выѣдутъ! стало-быть, я опоздалъ? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Никакъ нѣтъ-съ, въ самую пору-съ.

— Какъ же «выѣдутъ?» вѣрно, со двора уѣдутъ?

— Нѣтъ-съ, въ эту комнату... Давеча сидѣли здѣсь, все благополучно... изволили было раскладывать карты—вдругъ-съ опять толчокъ, небольшой, благодареніе Богу: ихъ и укатили въ спальню... Да вотъ и они-съ, изволятъ ѣхать! замѣтилъ къ чему-то прислушиваясь, камердинеръ и отошелъ къ сторонкѣ.

Дѣйствительно, изъ дальняго уголка узкаго корридора до пріемной доносился правильный стукъ чего-то знакомаго, какъ-будто бы заведенной машины; стукъ этотъ постепенно усиливался и въ глубокой тишинѣ, воцарившейся въ высокихъ палатахъ, я ясно разслышалъ движеніе колесъ по паркету. Колеса подкатились къ дверямъ перегородки: весь приборъ повернулся къ намъ и предо мной явился сѣдой, дряхлѣющій старецъ, погруженный въ покойное кресло.

Это былъ Меценатинъ. Онъ былъ въ атласномъ голубомъ полукафтаньѣ, опушенномъ дорогими соболями. На груди его красовались толстые шолковые, изящно-свитые бранденбуры, нацѣпленные на драгоцѣнныя брильянтовыя запанки, которыя пристегнуты въ три ряда вмѣсто обыкновенныхъ пуговицъ. Ноги Меценатина обуты были въ чорные бархатные, уютно-сдѣланные сапожки. На указательномъ пальцѣ правой руки, крѣпко прижатой къ старческой груди, сіялъ огромный брильянтовый перстень.

Рѣзкою противоположностью роскоши, богатства, блеска этихъ неодушевленныхъ предметовъ былъ живой человѣкъ, ихъ обладатель. Довольно-плотный собою, съ полными щеками, но съ поникнутою, бѣлою какъ лунь, головою, старикъ поразилъ меня горькимъ, тоскливымъ и нѣсколько какъ-будто бы сердитымъ выраженіемъ лица, покрытаго матовою блѣдностью. Тусклые глаза выражали какую-то затаенную грусть; искаженныя болью черты лица и слегка насупленныя брови придавали всему облику Меценатина какое-то внутреннее недовольство.

Кресло Меценатина остановилось у порога. Я ждалъ его появленія въ пріемной и не говорилъ ни слова. Меценатинъ самъ не прерывалъ молчанія и вперилъ въ меня пристальный взглядъ. Я поклонился.

— Ногу! сердито прошепталъ Меценатинъ.

Я не понялъ значенія этого восклицанія.

— Ногу! выразительнѣе и строже повторилъ онъ. Черты его измѣнились: лицо подернулось мгновеннымъ гнѣвомъ.

Красивый мальчикъ, стоявшій за креслами, быстро выступилъ впередъ, обхватилъ обѣими руками скатившуюся съ подножки кресла ногу Меценатина и бережно поставилъ ее снова на подножку.

Меценатинъ облегчилъ себя тяжелымъ вздохомъ. Брови его выпрямились, взглядъ сталъ свѣтлѣе. Онъ снова взглянулъ на меня и слегка наклонилъ голову, неспуская съ меня глазъ.

Я еще разъ поклонился и, не прерывая молчанія, старался хоть взглядомъ выразить участіе къ его страданіямъ.

— Придвинь меня въ залу! сказалъ онъ, ласково обратившись къ мальчику.

Мальчикъ опять сталъ за креслами и вкатилъ ихъ въ пріемную.

— Извините, я передъ вами не всталъ! сказалъ Меценатинъ.

Я хотѣлъ-было отвѣчать, но онъ прервалъ меня на первомъ же словѣ.

— Не вините меня... я дряхлъ! я безъ ногъ!—И новый, тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ его груди.

— Я зналъ, что вы страдаете и раскаяваюсь, что посѣтилъ васъ такъ не вовремя...

— Раскаяваетесь?.. Отчего это?.. Вамъ непріятно?..

— Мнѣ жаль: я потревожилъ васъ! Вы, можетъ-быть, отдыхали въ постели...

— Но я вамъ нуженъ. Скажите, чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ?

— Я хотѣлъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе...

— Почтеніе?.. но чѣмъ я заслужилъ его отъ васъ?.. развѣ вы меня знаете?.. Эй, ногу!—Тутъ мальчикъ опять выступилъ на сцену.

— Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ той степени образованности, чтобъ не знать вашего имени.

— Какъ золотопромышленика и бывшаго откупщика?.. А? такъ? спросилъ онъ съ злою усмѣшкой.

— Нѣтъ; съ болѣе-отрадной стороны... какъ издателя.

— Да что въ томъ толку, что издатель? То ли дѣло золотопромышленикъ! и новая ѣдкая улыбка стиснула губы Меценатина.

Положеніе мое было неловко; надо было поклониться и уйдти, но это значило бы оскорбить старика и отказать ему въ снисхожденіи, въ человѣколюбіи, на которое вызывали его страданія.

— Кругъ дѣйствія откупщика, замѣтилъ я—конечно, блестящъ, но слава его и слава золотопромышленика, какъ дымъ, носится только въ верхнихъ сферахъ...

— То-есть, внизу-то и не попахнетъ? съ улыбкою спросилъ Меценатинъ.

— И не попахнетъ!

— Гм!.. не попахнетъ!.. Нѣтъ, не не попахнетъ!.. Богачъ кидаетъ золото и въ низшіе слои.

— Да; но вѣдь всякій ли захочетъ наклониться до земли, да подбирать подачку...

— Вамъ, кажется, жарко? спросилъ онъ, съ участіемъ взглянувъ на меня.

— Да, мнѣ здѣсь немного-душно! отвѣтилъ я, застегивая фракъ и сбираясь кончить визитъ.

— Погодите немножко... Да... такъ отчего же... какъ-бишь вы сказали?.. отчего вы издателя ставите въ лучшее положеніе, чѣмъ золотопромышленика?

— Издатель книгъ служитъ цѣлому обществу. Кто служитъ посредникомъ между полезнымъ знаніемъ и массой, въ которой знанія должны быть распространяемы, того всѣ знаютъ: издатель дѣльныхъ книгъ пользуется всеобщею извѣстностью; и если вы успѣли снискать доб-

рую сдаву въ моемъ мнѣніи, это — изданіемъ своихъ книгъ (и я назвалъ эти книги)...

— Довольно. Дайте мнѣ вашу руку: простите, я разсердилъ васъ... я вздумалъ излить на нашу бесѣду немного желчи... забудьте злаго старичишку... Богъ дастъ, и его найдется за что̀ полюбить... Ахъ, Боже, Боже мой, ка̀къ сладко пріобрѣтать любовь!

— Вы этого достигли...

— Чѣмъ? чѣмъ я заслужилъ любовь?.. въ восторгѣ вскричалъ Меценатинъ; слезы пробились на защуренныхъ улыбкою его глазахъ и радостный, но дребезжащій отъ старчества хохотъ свидѣтельствовалъ о внутреннемъ его волненіи.

— Какъ чѣмъ? Вы богатый человѣкъ, вы привыкли плавать въ удовольствіяхъ — и не забываете сирыхъ и немощныхъ страдальцовъ! Вы, у котораго подъ рукою столько матеріальныхъ развлеченій — вы не забываете высшихъ потребностей ума и служите, сколько въ силахъ, общественной пользѣ! Кому неизвѣстно ваше имя? ваши пожертвованія наукѣ прославили его и въ кругу мужей съ высшимъ призваніемъ и въ кругу смиренныхъ тружениковъ знанія. Ваши подвиги благотворительности сдѣлали его дорогимъ для каждой облагодѣтельствованной вами вдовы и сироты, которыхъ вы избавили можетъ быть отъ безнадежной, безвыходной нищеты своевременною, но нежданною для нихъ помощью... Ваше имя многимъ извѣстно, многимъ оно дорого...

— Перестаньте, перестаньте!.. не льстите мнѣ... Ахъ, какъ мнѣ весело вѣрить, что есть же люди, которые чувствуютъ... чувстуютъ, что я не для одного себя живу... добрые люди меня знаютъ... умру— всѣ будутъ знать!.. И потоки веселаго смѣха прерывали и заглушали слова преобразившагося въ ребенка Меценатина.

— Но что жь мы здѣсь теряемъ время?.. Пойдемте въ гостиную... дайте мнѣ руку... идите рядомъ съ моимъ кресломъ... Чаю! давайте намъ чаю!.. Любите вы чай?.. я васъ угощу такимъ, какого вы здѣсь ни у кого не найдете... Слышите: въ Москвѣ, ни у кого такого нѣтъ!

Мы вышли въ гостиную и усѣлись у круглаго стола передъ диваномъ.

— Садитесь: разсказывайте. Вы ѣдете? Далеко?

— Хочу проѣхаться по оренбургской линіи.

— Съ какими намѣреніями?

— Мнѣ хотѣлось бы привести въ извѣстность, ка̀къ ведутся наши торговыя дѣла съ Востокомъ, съ Хивой, съ Бухарой, отчасти и съ Коканскимъ Владѣніемъ.

— Съ коканскимъ ханомъ я немножко знакомъ... та̀къ, заглаза! Разумѣется, я его никогда не видывалъ, и онъ меня тоже, но мы другъ друга знаемъ.

— Это интересно въ высочайшей степени!.. Извините за нескромный вопросъ... но мнѣ крайне любопытно знать, какъ это могло случиться?

— У него въ ханствѣ есть горы Алата̀у: говорятъ въ нихъ золота много; минералоговъ тамъ нѣтъ, разработывать золота не умѣютъ...

такъ вотъ коканскій посланецъ, проѣздомъ въ 1842 году, въ Петербургъ, и познакомился со мной—приглашалъ составить компанію...

— Вы же что?

— Отказался. Помилуйте, даль такая .. да еще Богъ знаетъ чѣмъ бы дѣло развязалось... Не поѣдете ли вы въ Коканъ?

— Нѣтъ, не поѣду.

— А въ Ташкентъ?

— Да вѣдь это одно и то же: и Коканъ и Ташкентъ два города одного и того же владѣнія.

По лицу Меценатина промелькнула легкая тѣнь неудовольствія.

— Вы одни ѣдете?

— Одинъ.

— Женаты?

— Одинокъ.

— Вы человѣкъ съ состояніемъ?

— Живу литературой.

— Вы бывали въ Сибири?

— Три раза.

— Пай имѣли?

— Имѣлъ.

— Обогатили васъ пріиски?

— Да, я имъ благодаренъ.

— Великъ дивидендъ на вашъ пай достался?

— Ни копейки.

— Чему жь вы благодарны?

— Они побудили меня заняться литературой.

— Гм!.. Такъ вы теперь въ Бухарію сбираетесь?

— Нѣтъ, я въ Бухару и не думаю.

— Напрасно... Бухарія сторона хорошая.

— По книгамъ — такъ, а сама-по-себѣ Бухара, такая же страна варварская, какъ и Коканъ.

— Тамъ, батюшка, университеты! выразительно замѣтилъ Меценатинъ, снова немного нахмурившись.

Возражать я не хотѣлъ и замѣтилъ только, что еслибъ и желалъ туда отправиться, то незнаніе восточныхъ языковъ ставитъ тому непреодолимую преграду.

— Вотъ это дѣло другое! Но если вы ни въ Коканъ, ни въ Бухарію не сбираетесь, то какъ же вы изучите нашу торговлю съ ними? спросилъ Меценатинъ послѣ минутнаго молчанія.

— А на мѣновыхъ дворахъ, да въ Киргизской Степи.

— Вы туда сбираетесь?

— Да, коли Богъ поможетъ.

— А на меня вы много расчитываете?

— Какъ-съ?

— По-вашему, безъ меня вамъ нельзя ѣхать?

— Отчего же?

— Но вы пріѣхали меня просить?.. Изъ полученнаго письма я вижу, что я вамъ нуженъ... Просите, коли хотите просить..

— И не думалъ, могу васъ увѣрить! возразилъ я, пораженный словомъ «просить».

— Но какая же цѣль посѣщенія вашего?

— Ни больше, ни меньше, какъ засвидѣтельствовать почтеніе человѣку, который, три года назадъ, первый поджегъ меня на это путешествіе.

— Но я васъ никогда не зналъ... Эй, ногу!.. ногу! простоналъ Меценатинъ, у котораго въ одно мгновеніе изобразились на лицѣ чувства боли и явное неудовольствіе.

— А мнѣ пріятно увѣрить васъ, что еслибы мнѣ не попалась въ руки одна книга вашего изданія, да не поразило бы меня блестящее къ ней предисловіе — никогда, можетъ быть, и не подумалъ бы я заняться статистикой и изслѣдованіемъ торговыхъ оборотовъ съ Средней Азіей.

Меценатинъ выпрямился, откинулся на спинку своего кресла, сложилъ руки на груди и взглянулъ на меня пристально и съ изумленіемъ.

— Вотъ главная причина моего посѣщенія. Очень-радъ, что изъ тысячи благодарныхъ вамъ за ваши сочиненія читателей, я лично могу выразить вамъ свое глубокое уваженіе за одушевляющія васъ высокія чувства... а исполнивъ это, я теперь спокойно могу засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и проститься съ вами навсегда.

— Никогда, никогда!.. Постойте! закричалъ Меценатинъ, увидѣвъ, что я дошелъ уже до дверей пріемной.—Постойте на минутку; сядьте!.. Вы правду говорите? Отвѣчайте мнѣ: я заслуживаю уваженіе своими книгами... вѣдь это «предисловіе», вѣдь я его самъ... самъ писалъ... Эй, ногу!.. Павла Николаича сюда!.. Павелъ Николаичъ, Павелъ Николаичъ!..

Меценатинъ совершенно преобразился. Блѣдныя щеки его вспыхнули румянцемъ, глаза оживились, губы затрепетали отъ радости; ему хотѣлось выразить эту радость задушевнымъ смѣхомъ, но старческая грудь отказалась прозвучать молодеческимъ хохотомъ: она заколыхалась, Меценатинъ закашлялся и болѣзненное ощущеніе старости и немощи снова сгладили съ лица его такъ мгновенно озарившее его оживленіе.

— Павелъ Николаичъ, Павелъ Николаичъ! закричалъ онъ, отдохнувъ отъ кашля.

Знакомый ужь мнѣ господинъ, въ черномъ фракѣ, вошелъ въ гостиную и сталъ въ почтительное положеніе передъ Меценатинымъ.

— Подайте мои «Многолѣтнія Соображенія!»

— Слушаю-съ, сію минуту! и господинъ въ черномъ фракѣ бросился вонъ изъ комнаты.

— Павелъ Николаичъ... постойте!.. подите сюда.

Черный фракъ вернулся такъ же поспѣшно.

— Захватите съ собой кстати мои «экономическіе афоризмы»...

— Слушаю-съ, сію минуту!

Господинъ въ черномъ фракѣ опять выбѣжалъ вонъ.

— Куда вы? Павелъ Николаичъ!... Павелъ Николаичъ!... Ой-ой-ой!... ногу!!

Мальчикъ подбѣжалъ переставить ногу Меценатина. Господинъ въ чорномъ фракѣ опять явился передъ нами.

— Вы не выслушаете—и бѣжите!.. зачѣмъ?... Возьмите и принесите мнѣ карту... принесите «Персію и Афганистанъ».. ну, все!... больше ничего не надо.

Черный фракъ вышелъ. Меценатинъ снова успокоился, но по несчастью, больная нога опять съѣхала съ подножки. Мальчикъ не замѣтилъ, да и не ожидалъ этого, не переставилъ ее на мѣсто. Меценатинъ глухо прошепталъ обычное свое восклицаніе «ногу!» но чѣмъ-то развлекшійся казачокъ пропустилъ этотъ зовъ мимо ушей. Боль въ ногѣ должно быть увеличилась; лицо Меценатина совершенно исказилось; онъ вскрикнулъ отъ страданія, подъ гнетомъ котораго изнемогалъ. Все это совершилось такъ быстро, такъ мгновенно, что я едва успѣлъ кинуться къ страдальцу.

Мальчикъ покраснѣлъ отъ стыда за свою невнимательность къ больному: страданія Меценатина прошибли до слезъ его мягкое, еще не очерствѣлое къ чужому горю сердце.

Благодаря Бога, мученія больнаго скоро прекратились. Онъ наконецъ легко и свободно вздохнулъ полною грудью, но не выронилъ ни слова о боли, а завелъ рѣчь о торговлѣ и о востокѣ. Не припомню теперь всѣхъ словъ, произнесенныхъ Меценатинымъ; въ моемъ журналѣ не весь разговоръ съ нимъ записанъ цѣликомъ, но вотъ его точка воззрѣнія на предметъ.

Разговорившись о востокѣ вообще, онъ обратился ко мнѣ, между прочимъ, съ такою рѣчью:

— Вы понимаете, что кромѣ Хивы, въ Средней Азіи, богатѣйшія торговыя точки: Чугучакъ, Кульджа, Хухуноръ, Ташкентъ, Бухара, Туркестанъ, Кандагаръ, Кабулистанъ, Кашмиръ... Извѣстное дѣло, что между Кабуломъ и Хивою доселѣ существуетъ древнѣйшее торжище, привлекавшее внимательные взоры Александра Македонскаго. Это—Самаркандъ, чрезъ который, въ самой глубочайшей древности, шли товары къ Болгарамъ на Волгу, въ Пермь, то-есть въ Біармію, въ Устюгъ Великій и наконецъ въ нашъ Новгородъ, изъ Багдада, Дамаска, отъ Финикіянъ, а можетъ-быть и изъ великолѣпной Пальмиры и самаго Вавилона. Вы вспомните союзъ Ганзы: Великій Новгородъ былъ его старѣйшимъ братомъ! Въ Чугучакъ наши бухтарминскія казачки ѣздятъ еженедѣльно на базаръ съ своими съѣстными припасами и вымѣниваютъ тамъ, что имъ для домашняго обихода сподручно...

Съ каждымъ словомъ Меценатина изумленіе мое возрастало сильнѣй-и-сильнѣй. Потокъ учености снова забушевалъ.

— Ташкентъ, Коканъ и Бухара — улусы очень-многолюдные. Тамъ сѣютъ просо; слѣдовательно, чрезъ Коканъ и Бухару дорога идетъ

хорошими мѣстами; недостатка въ кормахъ и продовольствіи, конечно, не встрѣтится; воды тоже много, потому-что здѣсь золотоносныя верховья Сыра и Аму̀... Если разобрать хорошенько все, такъ ясно воспослѣдуетъ, что въ Хиву лучшая и прямая дорога лежитъ изъ редута Бухтармы, или изъ крѣпости Семипалатинской.

Только теперь я сталъ догадываться, что мой почтенный собесѣдникъ, вѣроятно, хотѣлъ испытать степень моихъ познаній о нашемъ Востокѣ и, признаюсь, дивился искусству, съ которымъ онъ, будто нечаянно, перепутывалъ мѣстности и намѣренно щеголялъ звучнымъ, но несовсѣмъ-логичнымъ наборомъ словъ.

— Мы не въ силахъ покуда наводнять весь свѣтъ своими товарами, да и согласитесь сами: есть-ли къ тому какая нибудь физическая возможность? Россія—государство болѣе земледѣльческое нежели мануфактурное, а вотъ напримѣръ Англія — чисто мануфактурами живетъ. Земли мало, народу много, хлѣба нѣтъ: вотъ она и юлитъ и семенитъ чѣмъ бы пропитать свое густое, но пустое, по основнымъ силамъ, народонаселеніе. Мы, батюшка, кормимъ Европу хлѣбомъ и даемъ ей существованіе, содѣйствуя сбыту произведеній ея мануфактуръ Чѣмъ бы имъ безъ насъ жить? безъ хлѣба — смерть да и только! А безъ хлопчатой бумаги мы проживемъ — ленъ, да пеньку станемъ обработывать! Поймите вы, батюшка, что Англія—старуха, а Россія—мощный атлетъ во всей свѣжести своихъ народныхъ силъ. У насъ покамѣсть главный и громадный рынокъ для своихъ-то мануфактуръ — сама Россія!.. Эка важность, хлопчатая бумага!... Холсты-то получше ситцовъ!... Невидаль, сахарный тростникъ!... а медъ родной, а свекловичный сахаръ!... Горчѣе что-ли онъ заморскаго сахару-то? Намъ нечего было покуда вдаль заглядывать; а посмотрите-ка: гдѣ у насъ густо народонаселеніе, каковы тамъ мануфактуры? да глядите честнымъ взглядомъ, взглядомъ не завистливаго врага, а любящаго отечество патріота... Гм... да!... сыты будемъ и сами, да и другихъ покормимъ; и въ торговомъ-то дѣлѣ другимъ не уступимъ. Морей у насъ мало, что-ли? у насъ шесть морей, два океана! у насъ свое есть Средиземное море—Киргизская Степь, съ ея кораблями пустыни, верблюдами... Остается только покорить Киргизовъ!

— Поздравляю васъ!... замѣтилъ-было я; но, испугавшись, чтобъ этого невольнаго восклицанія Меценатинъ не принялъ за подверженіе вѣрности всѣхъ его теорій, а между-тѣмъ желая ему показать, что я понялъ его шутку и готовъ выдержать экзаменъ, я далъ другой оборотъ рѣчи и утвердительно сказалъ:

— Поздравляю васъ: они покорены! Они не данники, а добрые подданные царя русскаго!

— Покорены? Давно ли? Боже мой, какое счастье!

— Могу увѣрить васъ, что въ Киргизской Степи, благодаря событіямъ 1839 года, такъ же смирно, такъ же тихо, какъ въ Москвѣ,

сказалъ я съ торжественнымъ видомъ, ни слова неговоря о томъ, что Киргизы болѣе ужь ста лѣтъ состоятъ въ нашемъ подданствѣ, что они живутъ въ Россіи, въ границахъ великой нашей имперіи, и что здѣсь, какъ и вездѣ, всякое нарушеніе спокойствія сдѣлалось совершенно-невозможнымъ. Меценатинъ, вѣроятно, зналъ это еще лучше, чѣмъ я.

— Покорены!.. Киргизы не данники, а подданные!.. Шампанскаго! воскликнемъ всѣ, ура!..

Лицо Меценатина сіяло счастіемъ; въ глазахъ его дрожали слезы; онъ всплеснулъ руками и съ восторгомъ спросилъ меня:

— Вѣдь Аральское Море теперь русское море?

— Русское! воскликнулъ я: — совершенно-русское!

— Ну, такъ я спокойно иду къ вамъ въ долю: пусть въ настоящемъ путешествіи и мое имя будетъ связано съ вашимъ.

Явился чай, явилось шампанское, явился и господинъ въ черномъ фракѣ съ огромнымъ пукомъ бумагъ подъ мышками.

Меценатинъ разложилъ на столѣ карту Азіи 1816 года.

— Вы этой картѣ не вѣрьте: она стара и никуда не годится! замѣтилъ я.

— А вотъ другая, которую я приложилъ къ одному изъ своихъ изданій.

— И эта тоже: въ ней названія перепутаны и Аральское Море нанесено очень-невѣрно, возразилъ я очень-некстати.

Взглядъ Меценатина сверкнулъ огнемъ, но гроза мгновенно прошла, когда я, спохватясь, прибавилъ:

— До-сихъ-поръ ее можно было назвать лучшею картою, но изданія, которыя въ настоящую минуту готовятся къ выходу въ свѣтъ, заслоняютъ ее собой. Особенно вамъ, ревнителю нашихъ знаній о Востокѣ, это должно быть пріятно.

— За эту новость говорю вамъ искреннее спасибо... Однакожь, чтобъ мнѣ не позабыть... Павелъ Николаичъ!

Господинъ въ черномъ фракѣ нагнулся къ Меценатину; тотъ ему шепнулъ что-то на ухо и Павелъ Николаевичъ вышелъ.

Въ то время Аральское Море не было еще нанесено на карты по новѣйшей описи господина Бутакова; составленная имъ меркаторская карта только еще печаталась въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морскаго Министерства. Я счелъ за небезполезное познакомить и Меценатина съ важнымъ трудомъ нашего ученаго мореходца, результаты изслѣдованій котораго сдѣлались нынѣ общимъ достояніемъ, будучи обнародованы въ «Запискахъ» Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и разсѣяны въ другихъ сочиненіяхъ.

— Бутаковъ? Я не слыхалъ такой фамиліи! Что жь онъ такое сдѣлалъ важное?

— Бутаковъ ни больше ни меньше, какъ описалъ Аральское Море, промѣривалъ устья Аму-Дарьи и во время этихъ промѣровъ подвергался выстрѣламъ Хивинцовъ.

— Какъ? какъ такъ?

— Хивинцы замѣтили, что Бутаковъ, въѣхавъ въ одно изъ устій

Аму, опускалъ въ разныхъ мѣстахъ футштокъ, орудіе, вовсе имъ незнакомое. Изъ этихъ промѣровъ Хивинцы поняли только одно, что онъ заколачиваетъ въ воду какіе-то черные колья и, вѣрно, желаетъ запрудить рѣку. Дали знать обо всемъ хану; тотъ нарядилъ коммиссію для слѣдствія; коммиссія искала-искала — не нашла въ водѣ ни одного кола и приписала все чернокнижеству. А какъ нашъ морякъ катался на лодочкѣ, Хивинцы стрѣляли по немъ изъ ружей; но такъ-какъ пули ихъ не хватали далеко и въ Русскаго не попадали, то эта неудача и была приписана непостижимому чародѣйству.

— Такъ г. Бутаковъ только промѣривалъ?

— Описывалъ, и результатомъ этого были: меркаторская карта Аральскаго Моря съ гидрографическими видами его береговъ; карта Аральскаго Моря съ окрестностями, составленная по новѣйшимъ съёмкамъ, въ масштабѣ 25 верстъ на дюймъ; астрономическій журналъ съ вычисленіемъ долготъ, широтъ и склоненій компаса одиннадцати астрономическихъ пунктовъ; геологическое описаніе береговъ Аральскаго Моря; собраніе ста-пятидесяти геологическихъ образцовъ, которые ужь доставлены въ Музей Горнаго Института; гербарій семидесяти замѣчательнѣйшихъ растеній, которыя тоже ужь доставлены къ директору Императорскаго Ботаническаго Сада; открытіе мѣсторожденія лигнита, а, можетъ-быть, и каменнаго угля на берегахъ Аральскаго Моря...

Появленіе господина въ черномъ фракѣ прекратило потокъ моихъ рѣчей, хоть Павелъ Николаевичъ и очень-тихо вошелъ на цыпочкахъ. Я замѣтилъ, что онъ подалъ Меценатину маленькій запечатанный конвертикъ безъ надписи и, подавая его, что-то шепнулъ своему патрону.

— Но какъ онъ попалъ на Аральское Море? Черезъ Балханскій Заливъ, тѣмъ путемъ, какимъ Муравьевъ въ 1819 году ходилъ въ Хиву?

— Нѣтъ, прямой и кратчайшей дорогой, изъ Оренбурга.

— Та дорога ближе, тамъ старое русло Аму-Дарьи... замѣтилъ Меценатинъ, котораго взглядъ, выражавшій прежде любопытство, смѣшанное съ удовольствіемъ, сдѣлался теперь серьёзнымъ.

— Ближе-то ближе, но зато тамъ неудобства естественныя почти непреодолимы.

Серьёзность взгляда Меценатина смѣнилась явнымъ недовольствомъ.

— Гдѣ досталъ лодку г. Бутаковъ?

— Она была у него на шкунѣ..

— На шкунѣ?.. Да шкуну-то откуда онъ привезъ?

— Изъ Оренбурга.

— Какъ изъ Оренбурга? Какая же рѣка изъ Оренбурга течетъ въ Аральское Море?

— Никакой: онъ привезъ ее сухопутьемъ, Киргизскою Степью, на верблюдахъ! Въ Оренбургѣ ее разобрали, на устьѣ Сыръ-Дарьи снова сложили.

— Вы надо мною шутите!..

— Увѣряю васъ... На Аральскомъ Морѣ въ 1848 году были двѣ шкуны: шкуна «Константинъ», выстроенная въ Оренбургѣ въ томъ

же 1848 году, и шкуна «Николай», которая была тамъ еще съ 1847 года...

Меценатинъ снова встрепенулся. Онъ налилъ новый бокалъ шампанскаго и вторымъ нашимъ тостомъ было — «слава русскаго флага».

— А вы будете на Аральскомъ Морѣ? спросилъ онъ меня.

— Мнѣ тутъ нѣчего дѣлать. Если Богъ поможетъ, и я буду въ состояніи продлить свою поѣздку, постараюсь выбраться на главный бухарскій коммерческій трактъ: тутъ я жду обильной для себя жатвы.

— Да вы сколько времени всего намѣрены проѣздить?

— Не знаю: это все будетъ зависѣть отъ случайныхъ обстоятельствъ...

— Павелъ Николаичъ! крикнулъ Меценатинъ и пальцемъ правой руки поманилъ къ себѣ близкаго человѣка.

Господинъ въ черномъ фракѣ опять прильнулъ ухомъ къ устамъ Меценатина, который, взявъ со стола пакетикъ и, передавая его Павлу Николаевичу, снова что-то прошепталъ ему. Павелъ Николаевичъ опять исчезъ изъ гостиной.

— Я бы и самъ не прочь побывать на устьѣ Сыръ-Дарьи, да теперь эта мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ извѣстна какъ свои пять пальцевъ.

— Отчего жь вы туда не проберетесь?

— Девятьсотъ верстъ съ оказіей ѣхать въ жары и пробыть тамъ неопредѣленное время, выжидая новой оказіи для возвращенія — тяжело; много пропадетъ времени, которое я лучше посвятилъ бы побывкѣ въ другомъ мѣстѣ.

— Въ какомъ же это?

— Я съ удовольствіемъ поѣздилъ бы по Башкиріи...

— По Башкиріи!.. Павелъ Николаичъ, слышите: они хотятъ даже въ Башкиріи путешествовать...

— Очень-пріятно-съ! отвѣтилъ господинъ въ черномъ фракѣ, который, войдя въ эту минуту къ намъ, приблизился къ Меценатину и передалъ ему тотъ же пакетикъ, который, на мои глаза, показался ужь гораздо-потолще своего предшественника.

— По Башкиріи!.. скажите, пожалуйста!

— Мнѣ хотѣлось бы и на Мещеряковъ взглянуть...

— И къ Мещерякамъ поѣдете?

— И къ Мещерякамъ. Но главное меня заботитъ: успѣю ли я посѣтить уральское казачье войско...

— Уральскіе казаки! Не-уже-ли вы къ нимъ тоже собираетесь?

— Непремѣнно хочу взглянуть на житьё-бытьё этихъ чудо-богатырей... ознакомиться съ ихъ рыболовствомъ...

— Павелъ Николаичъ!

Меценатинъ опять подозвалъ къ себѣ господина въ черномъ фракѣ и, передавая ему пакетикъ, снова далъ какія-то тайныя наставленія. Господинъ въ черномъ фракѣ почтительно принялъ пакетикъ и опять вышелъ изъ гостиной.

— Такъ вы будете на Уралѣ? спросилъ Меценатинъ, обратясь ко мнѣ.

— Буду, непремѣнно буду, если только...

— Если?.. Что̀ такое если?.. Будете! я вамъ говорю, будете! Я вѣдь самъ тамъ былъ. Тамъ меня должны помнить!

— Когда же вы изволили быть?

— Былъ... былъ.... былъ тогда, когда вы, можетъ-статься, были только въ пеленкахъ... а я ужь и тогда не былъ нулемъ: я ужь тогда былъ дѣйствующимъ лицомъ. Я самъ совершалъ путешествіе, важное путешествіе на восточный берегъ Каспійскаго Моря. Вы слыхали ли когда-нибудь про пяташную исторію?

— Нѣтъ, признаюсь, не слыхивалъ.

— Ну такъ то-то же: учитесь у насъ, стариковъ!.. Вотъ видите ли...

Но въ это время возвратился Павелъ Николаевичъ и подалъ Меценатину новый пакетъ, еще побольше прежняго, но точно такъ же запечатанный и безъ всякой сверху надписи.

— Павелъ Николаичъ! гдѣ у насъ дѣло о пяташной торговлѣ? Здѣсь вѣдь оно? Принесите-ка его сюда, мы его перечитаемъ вмѣстѣ.

— Дѣло въ имѣніи-съ! отвѣчалъ господинъ въ черномъ фракѣ.

— Какъ въ имѣніи? сердито спросилъ Меценатинъ, сверкнувъ строгимъ взглядомъ.

— Точно такъ-съ, въ имѣніи.

— Зачѣмъ оно тамъ?

— Вы изволили положить резолюцію: «сдать въ фамильный архивъ».

— Но мы недавно его перебирали!

— Въ послѣдній разъ вы изволили перечитывать его въ имѣніи: оно тамъ и осталось.

— Послать завтра нарочнаго съ приказомъ къ архиваріусу... Ногу! ногу!

Мальчикъ поправилъ ногу. Меценатинъ вздохнулъ свободнѣе.

— Да. Такъ вотъ видите ли, какъ дѣло было. Въ Астраханскомъ Краѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, стали пропадать пятаки. Вывелись они незамѣтно изъ общаго употребленія. Вотъ стали они помаленьку исчезать, исчезать и наконецъ по всему волжскому низовью не осталось ни одного пятака.

— А! эту исторію я помню! сказалъ я, припомнивъ, что, незадолго до отъѣзда изъ Петербурга, я читалъ печатное описаніе этой любопытной исторіи.

— Гдѣ вамъ помнить! съ улыбкой замѣтилъ Меценатинъ.

— Я читалъ объ этомъ.

— Какъ читали? гдѣ вы читали? встрепенувшись спросилъ онъ. — Быть не можетъ, чтобъ вы это читали! и глаза его снова гнѣвно запылали.

— Позвольте васъ просить докончить свой разсказъ: я посмотрю, не перепуталъ ли я самъ, и одно происшествіе не смѣшалъ ли съ другимъ.

— Такъ вы не перебивайте... Не хочу разсказывать!.. Ногу!

Настало молчаніе.

— Вы, можетъ-быть, пріймете меня за капризнаго старика? снова началъ онъ, когда боль въ ногѣ и внутреннее волненіе отъ противо-

рѣчій немного пріутихли.— Нѣтъ, это не я говорилъ, это говорила болѣзнь, которая приводитъ иногда меня въ мгновенное раздраженіе...

— Такъ разскажите же, какъ вы ѣздили на Каспійское Море.

— Вы слыхали когда-нибудь про Варвація?

— Про астраханскаго?

— Про астраханскаго.

— Слыхалъ потому только, что знаю о существованіи Варваціева-Канала въ Астрахани.

— Ну, ну, онъ и есть! Онъ тогда сдѣлалъ блестящую спекуляцію на чернильные орѣшки. Чернильные орѣшки сбираются въ лѣсу около Соогбулага, близь Тебриза; ихъ тамъ сбираютъ и везутъ въ Ардебиль, а оттуда въ Ленкорань. Ихъ везутъ во вьюкахъ, пудовъ по восьми, по десяти на лошадь; цѣна имъ въ Ардебилѣ... въ Ленкорани ими не торгуютъ, такъ цѣны опредѣляются въ Ардебилѣ... Такъ цѣна чернильному орѣшку въ то время была рублей пять за пудъ.

— Но вы начали о пятакахъ...

— Да, да... совсѣмъ забылъ!.. Да... такъ вотъ, въ цѣлой Астрахани вдругъ всѣ пятаки исчезли... На базаръ ли идти купить что-нибудь по малости, вотъ и несутъ кусокъ бязи, или тамъ, коли что̀ подороже, мо̀ви, или канау̀су; даже такъ случалось, что пойдетъ мужикъ въ кабакъ, денегъ нѣтъ, заплатить нѣчѣмъ, онъ и того! вынетъ изъ-подъ полы кусокъ ала̀джи... матерья этакая, полушелковая, на халаты... да ею и расплачивается! Въ Петербургѣ зоркое начальство начало слѣдить, и что̀ жь открылось? Изъ пуда мѣди у насъ выдѣлывалось монеты мѣдной на шестнадцать рублей ассигнаціями, а неблагонамѣренные люди, больше все купечество, да мѣщанство, сбывали мѣдь, въ видѣ товара, въ Персію и продавали тамъ рублей за сорокъ за пудъ. Персіяне платили охотно, но не монетой, а разными своими издѣліями. Теперь вывозъ мѣди за границу у насъ не воспрещенъ, а лѣтъ сорокъ назадъ не такъ было... У-ухъ! блаженное время, золотой вѣкъ тогда былъ для Астрахани! Славно тамъ наживались! скоро богатѣли... что̀ твои золотые пріиски! И теперь, правда, житье тамъ хорошее, да все ужь оно не то, что прежде водилось... Сторона далекая, незаѣзжая!.. Ой, ногу!..

— Вотъ и удостоился я счастья быть туда посланнымъ. Ѣду я, батюшка, въ Астрахань! живу; заживаюсь; слѣжу за всѣмъ и узнаю, что въ Астрахани все шито да крыто—шила не подточишь! Главный-то пунктъ пяташныхъ оборотовъ былъ не здѣсь, а, какъ я послѣ разузналъ, гдѣ-то на берегу Мертваго-Култука. Я изъ Астрахани-то... да маршъ въ Гурьевъ! Вотъ городокъ-то, что твоя Запорожская Сѣчь! Въ то время въ Гурьевѣ-Городкѣ прочнаго населенія еще не было: туда только выкомандировывали людей; это было родъ военной колоніи, или по̀ста, гдѣ Уральцы жили только временно. И женщинъ тамъ мало было: куда казаку съ бабьёмъ туда тащиться!.. Ужь послѣ тутъ стали селиться, а въ мое время урожденныхъ гурьевскихъ горожанъ не было. Вотъ и побывалъ я въ Гурьевѣ. Что тамъ за рыба! что за икра! ахъ, какая икра—жемчугъ! А народъ то? въ плечахъ косая сажень;

роста вершковъ пятнадцать; шапки высокія, мѣховыя, казацкія, съ краснымъ вѣрхомъ; бешметы въ-накидку; кафтаны у того красные, у того голубые, у того, вмѣсто чекменя, яргакъ жеребячій надѣтъ; тотъ саблю опоясываетъ поверхъ хивинскаго халата — пестрота такая.... А рожи-то, рожи-то широкія, мужественныя, глаза навыкатѣ, усищи—длинные, бородищи черныя, густыя, окладистыя... взглянуть страшно! Вѣль, истинно, страшилищемъ глядитъ, а красавецъ!.. Ногу!

Отъ увлеченія, съ которымъ Меценатинъ говорилъ, нога съѣхала съ подножки и лицо разсказчика снова исказилось отъ страданія.

— Въ Гурьевѣ я сдружился съ однимъ Татариномъ и вывѣдалъ у него все, что было мнѣ нужно. Мы съ нимъ условились, заготовили все, что надо для поѣздки, и вдвоемъ пустились въ Мертвый-Култукъ. Здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, въ глуши отъ всего, отъ киргизскихъ кочевьевъ, отъ уральскихъ карауловъ, въ такомъ уединенномъ, пустынномъ уголку, куда, казалось, и голосъ-то человѣческій не долеталъ, мы натолкнулись на проторенную и сильно-укатанную колесную дорогу. Лѣтомъ сюда свозили мѣдь на телегахъ, а зимой ее на возахъ везли по прибрежью и по самому взморью восточнаго берега Каспія. У берега, въ камышахъ, я запримѣтилъ вытащенную изъ воды разсохшуюся, опрокинутую кверху дномъ расшиву—судно этакое большое. Это импровизація, наскоро и очень-сметливо возведенное зданіе: въ немъ-то и происходили всѣ сдѣлки... За нашу лошадёнку, за одну эту старую клячу я заплатилъ четыреста рублей!.. Мы съ Татариномъ пустились дальше и прибыли въ Балханскій Заливъ. Тутъ мы отдохнули. Я пробылъ здѣсь не болѣе двухъ сутокъ; гипсовый берегъ прельстилъ меня. Въ одномъ изъ своихъ проектовъ я даю этому мѣсту особенное значеніе. Я хочу заселить его. Я выстрою тутъ факторію; здѣсь будетъ торговое депо, обширное складочное мѣсто; я прозову это мѣсто Мысомъ Нашей Надежды...

— Дайте ему лучше названіе Меценатовки! сказалъ я, сколько, дѣйствительно, изъ увлеченія, столько же и изъ желанія подкурить фиміамцомъ патріотической цѣли, къ-несчастью, какъ я послѣ убѣдился, по безполезности, непримѣнимой къ дѣлу.

— Меценатовки?.. Меценатовки?.. Окрестить ее моимъ именемъ?

— Вѣдь вы обладаете средствами выстроить факторію?

— Факторію?.. Я въ средствахъ городъ выстроить:.. Я десять городовъ выстрою! Если торговля процвѣтетъ, если я могу быть виновникомъ ея процвѣтанія, я десять городовъ выстрою... я себя лишу насущнаго хлѣба, но для отечества пожертвую всѣмъ!.. пусть потомство почтитъ мою память! пусть оно рѣшитъ, напрасно ли жилъ хилый старикъ Меценатинъ!

— Да, завидна участь тѣхъ, о комъ мало сказать, что онъ жилъ...жилъ.

— И только-что въ газетахъ
Осталось: «выѣхалъ въ Ростовъ!»

— Счастливы люди, умѣвшіе увѣковѣчить свое имя подвигами на общее благо!

— Павелъ Николаичъ!.. Павелъ Николаичъ!

Господинъ въ черномъ фракѣ явился передъ Меценатинымъ, какъ листъ передъ травой. Меценатинъ взялъ со стола пакетикъ, отдалъ его черному господину и что-то опять прошепталъ ему на ухо.

— Да; я люблю трудъ, я люблю науку! Я не знаю разсчетовъ и себялюбивой жадности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о помощи сирому и убогому, о развитіи просвѣщенія, о воспитаніи бѣдныхъ дѣтей, о разрѣшеніи высокихъ вопросовъ науки: я милльонъ ужь роздалъ... не пожалѣю еще десяти милльоновъ. Умру я — вспомнятъ меня! вспомнятъ добрымъ словомъ меня, рожденнаго въ рубищѣ!.. котораго учили грамотѣ по копеечному букварю!.. котораго ждала темная-темная участь...

Старый, разбитый параличомъ Меценатинъ былъ въ эту минуту красавцомъ. Онъ говорилъ отъ души и говорилъ правду. Лицо его сіяло восторженностью, глаза пылали маленькими угольками, руки трепетали отъ сильнаго движенія и дорогой перстень еще игривѣе искрился на указательномъ перстѣ, которымъ Меценатинъ, во время разговора, ударялъ въ разложенныя передъ нимъ бумаги.

Я вспомнилъ, что мой сѣдой богачъ не изъ самыхъ, впрочемъ, богатыхъ любимцевъ счастья, дѣйствительно принесъ въ жертву общественнымъ интересамъ милльонъ, и теперь только мысленно оцѣнивалъ всю огромность этихъ пожертвованій. Я объяснялъ это разными побужденіями, но понялъ, наконецъ, что сколь бы ни былъ человѣкъ честолюбивъ, а въ такихъ огромныхъ приношеніяхъ не могло его руководить одно честолюбіе или себялюбивое желаніе заставить говорить о себѣ. Надо имѣть очень-теплое сердце, очень-большой запасъ состраданія, сочувствія къ страждущему человѣчеству, очень-сильную любовь къ наукѣ, чтобъ отказаться отъ цѣлаго милльона наличнаго капитала и такъ благородно его разсыпать предъ обществомъ... Милльонъ — великое дѣло!

Я дополнилъ свой бокалъ виномъ, котораго въ бутылкѣ, послѣ нѣсколькихъ тостовъ, ужь осталось мало, чокнулся съ хозяиномъ и съ наслажденіемъ опорожнилъ его за здоровье плѣнившаго меня старика.

Къ этому времени возвратился господинъ въ черномъ фракѣ и подалъ Меценатину новый пакетикъ, ужь пополновѣснѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ.

— Вы мнѣ сами дали право быть нескромнымъ, сказалъ я Меценатину, когда онъ пакетикъ этотъ положилъ на столъ, къ сторонкѣ. — Вы мнѣ сейчасъ сказали, что вы рождены въ рубищѣ, но вѣдь вы богатый помѣщикъ?

— Помѣщикъ!.. да давно ли я, батюшка, помѣщикъ? Родился-то я не помѣщикомъ... совсѣмъ не помѣщикомъ! прибавилъ старикъ и весело улыбнулся. — Видите ли что: отецъ мой былъ самый незначительный человѣкъ въ Костромѣ; онъ былъ изъ самаго скромнаго званія...

— А именно?..

— Да просто скромнаго званія... вамъ вѣдь все-равно, кѣмъ бы онъ ни былъ... ну, пожалуй, скажемъ: онъ былъ коллежскій регистраторъ. Я его несовсѣмъ помню; но мать?.. я ее какъ теперь передъ

собою вижу! Добрая, смирная, богобоязливая, кроткая женщина!.. Меценатинъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ: — Я родился въ Костромѣ, въ тысяча-семьсотъ-восемьдесятъ-шестомъ году, ноября тринадцатаго, въ пятницу, въ пять часовъ утра, на день святаго Іоанна Златоуста... такъ у родителя и въ календарѣ было записано. Росъ я мальчишкой бѣднымъ, замарашкой... изъ ребяческихъ лѣтъ помню только одно, что я бѣгалъ въ одной рубашонкѣ по улицамъ, и что со мной бѣгали и другіе ребятишки. По шестому году меня засадили за книжку. Мать собрала пятнадцать копеекъ, купила азбуку и сама принялась учить меня грамотѣ. Моя азбука и теперь мелькаетъ у меня передъ глазами... вотъ эта тощая книжонка, съ оторваннымъ переплетомъ, съ сильно-загнутыми, завитыми углами засаленныхъ и запачканныхъ страницъ, по которымъ я водилъ грязными пальцами. Вотъ она развернута передо мной и я ясно въ эту минуту вижу на передпослѣдней страницѣ одно изреченіе. Оно сильно врѣзалось мнѣ въ память, потому-что мать разъясняла мнѣ его разными примѣрами, заставляла меня заучивать его наизустъ, растолковывала каждое словечко. Вотъ какое было это изреченіе: «Будь благочестивъ; уповай на Бога; люби Его всѣмъ сердцемъ; будь честенъ; будь мудръ: взирай на послѣдствія, усматривай будущее...» Это-то изреченіе и было правиломъ, постоянною заповѣдью всей моей жизни. Господи! согрѣшалъ я предъ Тобою, много гнѣвилъ я Тебя, Отца Небеснаго, но уповаю на Твое неизреченное милосердіе: очисти и просвѣти меня, Боже, и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ!

Слова эти проговорилъ Меценатинъ зажмуривъ глаза, преклонивъ голову и сложивъ обѣ руки у подбородка. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ успокоился, испустилъ тяжелый вздохъ и раскрылъ глаза: они были мутны и влажны; скоро послѣдняя тощая слезинка скатилась съ рѣсницы, пробѣжала по блѣдной щекѣ старика и повисла мелкой капелькой на губѣ плотно-сжатаго рта.

— До перваго сентября девяносто-седьмаго года, продолжалъ онъ: — я жилъ въ родительскомъ домѣ; а тутъ меня зачислили въ Казенную Палату, гдѣ я и исправлялъ должность очень-хорошаго писца. Мнѣ тогда былъ двѣнадцатый годъ. Я помню какъ я важничалъ передъ сосѣдскими мальчиками, что я ужь чиновникъ... ахъ нѣтъ: нашу братью, безчиновныхъ и нештатныхъ служителей чиновниками тогда не называли: я былъ только «приказный», но и это слишкомъ-чувствительно щекотало мое самолюбіе. Мундировъ тогда не было; такихъ образованныхъ молодыхъ людей, какія теперь всюду разсѣяны въ нашемъ захолустьѣ не было, щегольства мы не знали. Я бѣгалъ на службу въ нанковой капоткѣ; о сюртучишкѣ не смѣлъ и помышлять... Да что тутъ толковать!.. шинелишки на зиму не было! была этакая... родъ чуйки, изъ простаго фриза... Бывало, на службу прійдешь, перомъ скрипишь-скрипишь, а изподлобья такъ на повытчика, бывало, и косишься. Моимъ-то повытчикомъ былъ грозный Антоновъ; онъ не любилъ баловать своихъ подчиненныхъ и сажалъ ихъ подъ арестъ; а чтобъ соблазну къ побѣгу не было, съ тебя и сапожишки снимутъ... Сраму-то, сраму-то бывало, какъ товарищи начнутъ сапоги разсматри-

вать: хохочутъ, бывало, надъ сбитымъ закаблучьемъ, да надъ рыжимъ голенищемъ; а коли еще у подошвы найдутъ дырочку, такъ и зальются надъ тобою смѣхомъ: «вишь, говорятъ, сапогъ-то ротикъ раскрылъ, кашки проситъ!» Я служилъ усердно и никакихъ репримантовъ не заслуживалъ; писалъ бойко, чотко и красиво, съ дежурства не бѣгивалъ и пресладко спалъ въ-растяжку въ камерахъ, на столѣ... жестко-таково... подложить-то нечего въ изголовье, а вмѣсто одѣяла накинешься капоткой. Такъ служилъ я долго. Минуло мнѣ и пятнадцать лѣтъ и съ восемьсотъ-перваго года началась для меня самая дѣятельная служба. Къ намъ назначенъ былъ комиссіонеромъ нѣкто Лебёдниковъ. Вотъ при немъ-то, на шестнадцатомъ году своего возраста, я и отправился въ Саратовъ. Какъ теперь помню, это было по поводу перевозки ста-пятидесяти-трехъ тысячъ пудовъ ельтонской соли, насчетъ неисправнаго подрядчика Очкина... Ахъ, какъ мать-то плакала, что я ѣду! Сама она изъ Костромы никуда и никогда не выѣзжала и жалѣла дѣтища, отпуская его въ такую даль. Она надрывалась—плакала, боялась за меня, точно на погибель какую отпускала... да что̀ станешь дѣлать? мы разстались! Она, голубушка моя, моя ненаглядная, съ разлуки больна сдѣлалась: пятнадцать недѣль промаялась въ постели..! Зато сколько слезъ-то, слезъ-радости пролито было, когда мы снова свидѣлись!.. Ногу!.. мальчикъ, ногу!

— Служба шла хорошо, продолжалъ онъ:—въ восемьсотъ-четвертомъ году меня наградили чиномъ колежскаго регистратора... То-то пошли радости! Я былъ юноша, мальчикъ красивенькій... не то, что̀ теперь! Мнѣ было восьмнадцать лѣтъ!.. Кострома родимая сторона... на молодаго офицера засматривались дѣвушки... я сдѣлался виднымъ женихомъ... пришла пора горячей страсти... ну, да что объ этомъ: и было да сплыло! Вѣдь вы взгляните теперь на меня... вѣдь вамъ и въ голову, пожалуй, не прійдетъ догадаться, что вѣдь и я тоже въ свое время былъ молодъ!.. Скоро открылось для меня новое поприще дѣятельности. Я нечаянно какъ-то сблизился съ однимъ изъ препочтеннѣйшихъ людей того времени, человѣкомъ знатнымъ и очень богатымъ. Онъ приблизилъ меня къ себѣ, полюбилъ меня, нашелъ что я честный человѣкъ и довѣрился мнѣ вотъ по какому случаю. У моего, какъ бы вамъ сказать?.. у моего патрона было огромное имѣніе. Въ имѣніи жилъ, разумѣется, управитель. Управитель велъ дѣла худо... вотъ меня и послали. Я оправдалъ ожиданія. Въ этой поѣздкѣ я пріобрѣлъ новую опытность... Такъ все оно и шло, своимъ порядкомъ. Потомъ, настала война съ Французомъ... А я то чтожь стану дѣлать? Нешто сидѣть на печи? Эхъ, молодость! то-то лихо было!... и благородную рану ношу, ну ужь и голова не та: понюхалъ пороху! повидалъ разныхъ видовъ!.. да на память и теперь еще хороню кое-что изъ тогдашней воинской добычи... Павелъ Николаичъ, велите подать мюратовскую шкатулку...

Принесли драгоцѣнную шкатулку: это былъ полный дорожный несессеръ, биткомъ набитый хрусталемъ и серебромъ артистической работы. На шкатулкѣ вырѣзаны были слова: «Aucoc, Brev-te du Roi. Rue de la Paix, № 4 bis, à Paris».

— Этотъ погребецъ, какъ я послѣ узналъ, принадлежалъ Мюрату. Я купилъ его за пятьдесятъ рублей у казака: тотъ, вѣрно, поднялъ его на полѣ сраженія и не зналъ куда съ нимъ дѣваться: въ ранецъ вещь-то не лѣзла, въ торокахъ не умѣщалась, онъ и спустилъ ее съ рукъ!... Я охотникъ до всего хорошаго .. Вотъ поѣдемте, я вамъ покажу кое-что.

Мы пустились путешествовать по заламъ. Меценатинъ ѣхалъ въ креслахъ; я шелъ рядомъ съ нимъ.

— Вотъ Теньеръ, говорилъ онъ: — вотъ Рубенсъ, а это вотъ Грезъ, это все оригиналы. Вотъ это Вуверманъ... тоже оригиналъ!.. А это копія съ памятника Сусанину въ Костромѣ — чеканилъ мнѣ Сазиковъ... А вотъ взгляните-ка на это.

Я обратился въ ту сторону, куда указывалъ Меценатинъ и онѣмѣлъ отъ изумленія: передо мной былъ поясный барельефъ Мадонны, выточенный изъ цѣльной мамонтовой кости. Это было высокое художественное произведеніе, все проникнутое мыслью и чувствомъ. Предо мной былъ ликъ Дѣвы, каждая черта которой трепетала божественною любовью.

Разговоръ переходилъ отъ предмета къ предмету. Меценатинъ читалъ передо мной нѣкоторыя мѣста изъ своихъ «Многолѣтнихъ Соображеній»; наконецъ, перечитавъ многое, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью.

— Рѣка Сыръ-Дарья очень-важна для торговаго нашего судоходства. Берега ея населены; дикія, невѣжественныя орды кочующихъ народовъ блуждаютъ теперь тамъ, гдѣ, въ древности, процвѣтали сильныя и образованныя государства...

Такое начало внушало мнѣ мысль быть осторожнѣе: я былъ увѣренъ, что Меценатинъ теперь опять принялся за экзаменъ.

— Для удержанія въ повиновеніи россійской державѣ страны даже до предѣловъ Дзюнгоріи, всегда расположенной въ пользу Россіи, по сопленности съ подвластными намъ Дзюнгорами Букеевской Орды, кочующей на Волгѣ, нужно очень-немногое: три крѣпости — больше ничего! Я имъ всѣмъ пріискалъ выгодную позицію. Одну нужно воздвигнуть на мѣстѣ опустѣлаго Отрара...

«Ну, такъ и есть!» подумалъ я, «Меценатинъ хочетъ испытать меня и все пріурочиваетъ къ картѣ шестнадцатаго года, совершенно никуда негодной».

— .... Опустѣлаго Отрара, гдѣ было всегдашнее мѣстопребываніе такъ-называемой Большой Татарской Орды. Сюда московскіе государи отвозили къ ханамъ дань; здѣсь замучены Михаилъ Тверской и Михаилъ Черниговскій; отсюда на сцену міра вышли Аттила, Батый и Баберъ... Рѣка Сыръ-Дарья течетъ извилинами и образуетъ много колѣнъ; въ томъ колѣнѣ, которое приходится противъ устья рѣки Бугунчаянталашъ, я назначаю мѣсто для другой крѣпости; третьей я даю мѣсто на мысу, образуемомъ двумя истоками рѣки Фаргана, предъ ихъ соединеніемъ въ одно русло, которымъ Фарганъ втекаетъ потомъ въ Сыръ-Дарью. Какъ вы находите мои стратегическія соображенія?

Въ то время, когда я бесѣдовалъ съ Меценатинымъ, учебный атласъ г. Вощинина съ вновь-возведенными на Сыръ-Дарьѣ укрѣпленіями, еще

не былъ изданъ; генеральная карта Оренбургскаго Края съ частью Хивы и Бухары и съ новыми крѣпостями, тоже не поступала въ книжныя лавки; тогда продавалась только новая карта Западной Сибири съ государственною границею и съ усѣянною русскими поселеніями Киргизскою Степью. Меценатинъ, вѣроятно, зналъ о новыхъ матеріалахъ, готовыхъ ужь тогда къ выпуску въ свѣтъ, тѣмъ не менѣе я дозволилъ себѣ распространиться о предметѣ, который самого меня сильно интересовалъ.

— Киргизская Степь, сказалъ я: — раздѣляется на двѣ части: на степь Киргизовъ сибирскаго вѣдомства и на степь Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства. Всею своею площадью она примыкаетъ къ восточному берегу Каспійскаго Моря, къ сѣверному берегу Аральскаго Моря и къ рѣкамъ Сыр-Дарьѣ, Чу и Или...

— Знаю; ну такъ-что жь?

— Въ восточной части степи, въ сибирской степи, съ тысяча-восемьсотъ-двадцать-четвертаго года введена общая система полнаго русскаго управленія; тамъ существуютъ русскія поселенія, почти цѣлые города; всѣ Киргизы болѣе ста лѣтъ русскіе подданные; хановъ у нихъ нѣтъ; ими управляютъ русскіе чиновники, наравнѣ со всѣми нашими соотечественниками...

— Надо Сыр-Дарьей овладѣть!

— Да чего же ею овладѣвать? Сыр-Дарья въ своихъ истокахъ давно русская рѣка: объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Что вы мнѣ тутъ толкуете! сердито возразилъ Меценатинъ.

— Да она еще на оффиціальномъ атласѣ, изданномъ въ тысяча-семьсотъ-сорокъ-второмъ году, назначена государственною границею. Теперь если туда ѣхать изъ Оренбурга, вы увидите, по дорогѣ, въ глубинѣ Киргизской Степи нѣсколько укрѣпленій...

— Укрѣпленій! съ кѣмъ же воевать хотятъ?

— Не воевать, а вотъ для чего. Здѣсь, въ Москвѣ, въ столицѣ, тишина, миръ и спокойствіе, но и на самыхъ людныхъ улицахъ устроены будки, полицейскія части, караульни и гауптвахты. Они не для войны, а для охраненія порядка. Такъ и въ Киргизской Степи, на самыхъ важныхъ путяхъ, вблизи караванныхъ дорогъ, для охраненія каравановъ, заведены такіе караулы, въ-сущности городки съ русскимъ населеніемъ, но не для войны, а съ самою мирною, благотворною цѣлью — охраненія спокойствія и торговли.

— Но вѣдь это въ Степи... въ Степи Киргизской!

— Въ Киргизской Степи, которая, какъ и Калмыцкая Степь, находится внутри имперіи: Киргизская Степь и по Своду Законовъ, да и всегда составляла, просто, область Россіи.

— Какія же это укрѣпленія?

— А вотъ какія... опять замѣтьте, что они въ Россіи, въ границахъ русскихъ, давнихъ нашихъ владѣній: вопервыхъ, въ четырехстахъ-двадцати-шести верстахъ отъ Орской Крѣпости на рѣкѣ Тургаѣ — Укрѣпленіе Оренбургское, въ четырехстахъ-шести верстахъ, на Иргизѣ — Укрѣпленіе Уральское; между нимъ и Орскою Крѣпостью стоитъ на серединѣ дороги Постъ Карабутакскій; въ Аральскомъ Мо-

рѣ, противъ устья Сыра — Косъ Аральскій Постъ, а на Сыр-Дарѣ — цѣлый городъ съ тысячью человѣкъ жителей; тутъ и пашни, тутъ и огороды; почти такой же городъ возведенъ и на Мангышлакѣ, на восточномъ берегу Каспійскаго Моря, но онъ менѣе важенъ, чѣмъ городъ на Сыр-Дарьѣ.

— Какъ городъ? какой городъ? съ изумленіемъ спросилъ старикъ.

— Раимъ.

— Раимъ?!. да какъ же я этого не знаю... мнѣ не давали знать... зачѣмъ же Раимъ выстроили? чтобъ бить Киргизовъ?

— Какъ бить Киргизовъ? Что вы! Опять-таки повторяю: Киргизы вѣрные подданные царя русскаго: это то же, что Башкиры, что̀ Мордва, Черемисы, Тунгусы, Юкагиры, Финны, Корелы, Татары — всѣ дѣти одного и того же необъятнаго отечества. Раимъ выстроенъ для блага Киргизовъ, для того, чтобъ развить еще больше торговлю нашу съ Среднею Азіею; какъ городъ Раимъ послужитъ средоточіемъ торговли, всѣ караваны, идущіе изъ Хивы и Бухары въ Оренбургъ, идутъ мимо Раима!.. И въ Москвѣ есть дурные люди: того за провинность, иного за большую вину сажаютъ въ будку, выдерживаютъ при полиціи; ну, и въ степи люди же живутъ! и тамъ виноватые бываютъ! Вотъ, чтобъ меньше виноватыхъ было и чтобъ неповадно было на дурное дѣло подниматься — Раимъ и стоитъ гроза-грозой. А что касается до Мангышлака, то на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Ново-петровское Укрѣпленіе еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ была русская пристань; вѣдь эти мѣста всѣ русскія и омываются русскимъ Каспійскимъ Моремъ.

— Когда же успѣли выстроить Раимъ?

— Его вчернѣ отстроили ровно въ двѣ недѣли; теперь ему три года отъ-роду, а въ стѣнахъ его давно уже обитаетъ тысяча человѣкъ съ женами и дочерьми, съ сыновьями и со всѣми близкими.

— Въ двѣ недѣли! въ двѣ недѣли!.. Нѣтъ, вы потѣшаетесь надъ моею старостью!

— Позвольте вамъ разсказать все толкомъ. Мѣсто подъ Раимское (Аральское) Укрѣпленіе избрано въ 1846 году. Оно находится на рускомъ, на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, во̀ стѣ верстахъ отъ аральскаго взморья.

— Диво! удивительное диво!.. Вы меня совершенно просвѣтляете!.. Павелъ Николаичъ, пожалуйте-ка сюда...

Павелъ Николаевичъ явился. Меценатинъ возвратилъ ему лежавшій на столѣ пакетъ и, не спуская съ меня глазъ, внимательно слушалъ что̀ я говорю, торопливо проговорилъ господину въ черномъ фракѣ: «кругло, кругло!»

— Вы не этому дивитесь, вы подивитесь лучше тому что̀ значитъ русская натура, что̀ значитъ русскій человѣкъ, что̀ значитъ русскій воинъ. Вѣдь если все вамъ разсказать, такъ времени не хватитъ... постараюсь быть краткимъ. Если вы развернете карту Западной Сибири, которая издана въ 1848 году и которая продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, то на ней, въ степи Киргизовъ сибирскаго вѣдомства, есть указаніе почти всѣхъ существующихъ тамъ золотыхъ пріисковъ

и обозначеніе всѣхъ укрѣпленій, селеній и постовъ, облегающихъ такъ называемые «приказы», напримѣръ, Кокчетàускій Приказъ, Акмолинскій Приказъ, Каркаралинскій Приказъ, Баян-Аульскій Приказъ, укрѣпленіе Актàу, Аягýзскій Приказъ, Кокпектинскій Приказъ и множество другихъ пунктовъ, основанныхъ тамъ въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, начиная съ 1824 года; тамъ не нанесено только одно Копàльское Укрѣпленіе, основанное въ годъ изданія этой карты и которое, вѣроятно, скоро будетъ очень-хорошимъ торговымъ мѣстечкомъ. Въ степи Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства было когда-то основано Чушкакульское Укрѣпленіе и Новоалександровское Укрѣпленіе; но они нынѣ уже не существуютъ, первое по ненадобности, а послѣднее по неудобности, и главное дѣло потому, что стояли внѣ коммерческихъ сообщеній. Вмѣсто нихъ возведены, въ 1845 году Оренбургское и Уральское Укрѣпленія, въ 1846 году Новопетровское, а ранней весной 1847 года пошли строить Раимское. Но какъ пошли? какимъ огромнымъ караваномъ двинулись строители и будущіе обитатели городка! Вообразите вы себѣ только массу въ четыре съ половиною тысячи людей, въ четыре съ половиною тысячи лошадей; нѣсколькими колоннами двинулись они изъ Орской Крѣпости... крѣпостью она называется еще постаринному, а по настоящему положенію края, это совершенно мирное и промышленное селеніе... Такъ вотъ все это двинулось изъ Орской и пошло въ дальнюю степь. Поклажа и грузъ съ разными запасами, также съ фуражомъ и провіантомъ, отправлены были слѣдомъ за главною массою. Этотъ караванъ состоялъ изъ двухъ тысячъ семи-сотъ-двадцати-шести верблюдовъ и, кромѣ того, изъ полуторы тысячи повозокъ...

— Что̀ вы говорите?!

— Позвольте, это еще не все! Отъ Орска до Раима добрыхъ семьсотъ верстъ; на весь этотъ путь, впередъ и обратно, нужно было взять хлѣба для людей и овса для лошадей, да, кромѣ-того, нужно было везти съ собою полный годовой запасъ всего нужнаго для содержанія девятисотъ человѣкъ постоянныхъ раимскихъ жителей.

— Господи!.. да вѣдь послѣ этого, что̀ же значатъ походы Александра Македонскаго! воскликнулъ Меценатинъ въ совершенномъ восторгѣ.

— Позвольте, еще не все. Этимъ же сухимъ путемъ на Аральское Море, то-есть въ низовье Сыр-Дарьи, повезли степью пятнадцать пушекъ .. двѣсти пудовъ листоваго желѣза... пятьсотъ брусьевъ трехсаженной длины... восемь разныхъ лодокъ... два двѣнадцати-весельные барказа... мореходное пятипарусное судно, которое выстроено въ Оренбургѣ и послѣ на Аральскомъ Морѣ передѣлано въ шкуну «Николай». Къ этому гигантскому поѣзду примкнули два купца, Зайчиковъ и Путиловъ, съ своими прикащиками и работниками; они, кромѣ собственныхъ своихъ продовольственныхъ запасовъ, везли на волахъ на Аральское Море пять большихъ лодокъ, одно мореходное судно, снасти и сѣти для рыбаковъ и всѣ необходимыя и послѣднія мелочи, нужныя для прожитія на новомъ пунктѣ...

— Боже, Боже мой! что̀ я слышу!.. И еще говорятъ, что въ наши

времена чудесъ не бываетъ! тихо и благоговѣйно проговорилъ старикъ, всплеснувъ руками.

— Позвольте. Къ концу іюня, вся эта громада народа пришла на могилу Раима-Бàтыря, помолилась русскому Богу, сдѣлала закладку, и черезъ двѣ недѣли новый городъ былъ уже оконченъ вчернѣ...

— Да, да, дà... теперь я всему вѣрю.. это гиганты!.. это атланты!.. они одни могли въ двѣ недѣли создать городъ! Меценатинъ былъ совершенно растроганъ, глаза его сощурились, какъ-бы желая сдержать слезы восторга.

— Позвольте... Вы знаете, лѣтомъ въ степи жаръ и зной невыносимы; люди шли частью ночью, частью утромъ, частью вечеромъ, но и тутъ они были подъ вліяніемъ температуры иногда въ сорокъ градусовъ тепла по Реомюру! Когда шли они позднимъ утромъ въ тѣни, въ тѣни было до тридцати-двухъ градусовъ жару; въ пескахъ Каракума они выдержали зной въ сорокъ-два градуса.

— Боже!.. это чудеса! это ужасъ! вскричалъ Меценатинъ, и слёзы крупными каплями покатились по его раскраснѣвшемуся лицу.

— Въ степи народу случалось переходить черезъ рѣчки, случалось пить проточную воду, но по-большой части они шли голой, безводной степью, на которой находили только тощіе колодцы.

— Павелъ Николаичъ, пожалуйте! невнятно проговорилъ добрый старикъ, готовый отъ умиленія разрыдаться, но онъ все еще крѣпился и, въ волненіи, кусалъ губы и обмахивался платкомъ.

На призывъ Меценатина, подбѣжалъ господинъ въ черномъ фракѣ и прежняя сцена съ обмѣномъ запечатаннаго пакетика опять возобновилась. Такъ-какъ это нисколько не прерывало нити моего разсказа, то я и продолжалъ:

— ...И несмотря на всѣ эти труды, препятствія и лишенія, люди совершили свой путь такъ благополучно, что ни одинъ даже отъ болѣзни, не то что отъ изнуренія, даже отъ болѣзни никто не умеръ въ дорогѣ — такъ огромно было счастье главнаго предводителя колонны.

— Но кто же велъ эту колонну?

— Любимецъ счастія, неутомимый вождь; но чтобъ вы умѣли цѣнить его, чтобъ вы поняли, что, кромѣ огромнаго счастья, тутъ много требовалось ума и желѣзной воли, я вамъ вотъ чтò долженъ разсказать. Въ степи множество колодцевъ и еще больше простыхъ кòпаней, яминъ, въ которыхъ сбирается подпочвенная вода. Копани эти раскидываются на одной какой-нибудь мѣстности, группами, цѣлыми десятками. Много надо имѣть ума и большія соображенія нужны такъ распредѣлить путь, чтобъ отъ одной группы колодцевъ до другой ихъ группы совершить полный переходъ безъ утомленія и изнуренія людей и животныхъ. Вода въ копаняхъ, не подвергаясь, въ безлюдныхъ мѣстахъ постоянному очищенію, застаивается, засаривается и покрывается ржавчиной. Предводитель самъ наблюдалъ за своевременнымъ и достаточнымъ отряженіемъ «передовыхъ», которые, въ ожиданіи приближенія колонны, выливали старую, испорченную воду, подчищали копани и смотрѣли за накопленіемъ воды. Когда колонна при-

ближалась, колодцы были уже наполнены живительной влагой. Нашъ вождь здѣсь забывалъ и старость свою и утомленіе отъ труднаго пути; онъ не думалъ о себѣ и не ложился отдыхать, а становился у колодцевъ, и самъ, лично, не довѣряя никому, наблюдалъ за водопоемъ: три, четыре, пять часовъ стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ подъ палящими лучами степнаго солнца, надзиралъ за людьми и животными, зная, что иначе, безъ его глаза, лошадь полѣнятся напоить, верблюда позабудутъ развьючить, будутъ помнить только о себѣ, недогадываясь, что если животное падетъ, грузъ его утомитъ другое животное, путеслѣдованіе замедлится черезъ маленькое даже запущеніе, стало-быть и весь результатъ пути будетъ ужь не такъ благопріятенъ... Но я никогда не кончу, разсказывая про этотъ гигантскій подвигъ. Прибавлю только одно поясненіе насчетъ того, какое важное значеніе имѣютъ въ иныхъ обстоятельствахъ такія мелочи, на которыя, по нашему мнѣнію, не стоило бы и обращать вниманія. Я вамъ ужь сказалъ, что въ караванѣ было полторы тысячи телегъ; телеги на колесахъ; колеса надо мазать дегтемъ каждый день: вы можете, стало-быть, приблизительно сообразить, сколько же нужно было взять съ собой дегтя, на весь путь, на помазку шести тысячъ колесъ? Деготь надо было взять съ собой изъ Орска: въ степи дегтю не достанешь. Чтобъ облегчить грузъ и не брать лишняго, нужно было наблюдать, чтобъ колеса мазались и хорошо и достаточно; пожалѣешь дегтю, колесо въ дорогѣ загорится, задержка въ пути выйдетъ; станешь транжирить деготь въ дорогѣ и безъ разсчета мазать, можетъ оказаться недостатокъ, и тогда караванъ подвергнется еще бо́льшимъ непріятностямъ. Заботливость, рвеніе и необыкновенная твердость характера главнаго предводителя были такъ велики, что онъ, неполагаясь ни на кого, самъ всегда присутствовалъ при смазкѣ колесъ. И можете себѣ представить, ка́къ горько должно быть для такого человѣка видѣть, что онъ не всѣми понятъ! какъ тяжело иногда не поддаться вліянію справедливаго гнѣва и вовремя сознать справедливость старой истины, что смѣшно на дурака сердиться... Я это говорю по поводу вотъ какого анекдота. Въ первый день пути началась общественная смазка колесъ; на телегахъ извощиками были Башкирцы. Тутъ предводитель увидѣлъ, что одинъ Башкирецъ изъ степныхъ кантоновъ, гдѣ онъ и телеги-то никогда не видывалъ, худо мажетъ свое колесо и щедро льетъ туда деготь. Маститый вождь подошелъ къ нему, замѣтилъ, что такъ не слѣдуетъ дѣлать и, для вящаго укрѣпленія въ его памяти общаго правила о смазкѣ, самъ взялъ въ руки мазилку, опустилъ ее въ лагушку и, придерживая одной рукой шину спущеннаго колеса, другой началъ усердно водить по оси и по поддоскѣ. Окончивъ этотъ трудъ, онъ надѣлъ колесо на мѣсто, закрѣпилъ чеку, сильно вернулъ колесомъ въ сторону, заставилъ его сдѣлать нѣсколько оборотовъ, наконецъ подставилъ подъемъ подъ другую половину оси и былъ очень-доволенъ, что глупаго человѣка уму-разуму научилъ. Башкирецъ поклонился и промолвилъ: «спасибо, бачка: твоя моя умамъ давалъ!» Но сосѣдъ его, другой Башкирецъ, былъ попростоватѣе; онъ не понялъ въ чемъ все дѣло и потому, подойдя къ вождю, сказалъ: «ай-ай,

«бачкà, твой славна шалавúкъ! харошъ калёсъ мазúлъ: мазàй мини калёсъ!» Великодушный старецъ только грустно усмѣхнулся!

— Ну, а что жь купцы, которые пошли на Аральское Море?

— Купцы товары продавали, да ловили рыбу...

— И успѣшно рыбу ловили?

— Да съ двѣнадцатаго августа по восемнадцатое сентября они изловили сорокъ-два осетра, двухъ шиповъ, сто-два сома и сто-десять сазановъ; они ловили почти все въ одномъ мѣстѣ, противъ устья Сыр-Дарьи; мало изловили потому, что тогда дули постоянные относные вѣтры, притомъ же у рыбаковъ нашихъ не было взято всѣхъ принадлежностей, необходимыхъ для выставки въ морѣ сѣтей... Но теперь, когда ужь миновало три года этому опыту, купечество оренбургское и другія лица учредили особую компанію рыболовства на Аральскомъ Морѣ...

— Какъ вы все это знаете?

— Было бъ непростительно, еслибъ я не зналъ самыхъ-важныхъ новостей того края, куда преимущественно собираюсь... Это не секретъ, и я имѣлъ время кой-съ-чѣмъ познакомиться; къ-тому жь и рыболовство интересуетъ... въ Астрахани я, быть-можетъ, займусь имъ обстоятельнѣе.

— Вы и въ Астрахань развѣ поѣдете?..

— Хотѣлъ бы взглянуть на тамошнія племена, а, главное, хочу развѣдать о торговлѣ нашей съ Персіею черезъ Астрахань... тутъ же подъ рукою Гератъ и Афганистанъ... кое-что поразспрошу... но. .

— Павелъ Николаичъ! хотѣлъ сказать Меценатинъ, но ограничился однимъ первымъ слогомъ «Па...», поманилъ его указательнымъ перстомъ и, возвращая прежній пакетъ, далъ новую тайную инструкцію.

— Но меня безпокоитъ только одно, продолжалъ я: — боюсь, какъ бы не схватить въ Астрахани лихорадки.

— Не кушайте много плодовъ, а главное дѣло, не напускайтесь на рыбу. Но если лихорадка и привяжется къ вамъ, я скажу вамъ про симпатическое, но очень-вѣрное средство.

— Какое же это?

— А надо взять немножко паутины, замять ее въ хлѣбный мякишъ, скатать изъ него катышокъ и проглотить... конечно, это старушечье симпатическое лекарство, но меня увѣряли, что болѣзнь какъ рукой сниметъ. Много есть въ природѣ тайнъ, которыхъ мы разъяснить никакъ не можемъ, но которыя не мѣшало бы хорошенько поизслѣдовать...

Возвращеніе господина въ черномъ фракѣ съ новымъ пакетомъ обратило Меценатина на прежнюю нить разговора.

— У меня у самого была мысль посѣтить Астрахань, да вотъ немощи-то мои мѣшаютъ мнѣ совершить важное предпріятіе, которое я задумалъ для прочнаго сближенія Кавказа съ Индіей. Вы слыхали про священные, про вѣчные бакинскіе огни? Они изстари привлекали къ себѣ бездну индійскихъ пилигримовъ. Въ Баку и потомъ въ Астрахани селились богатые Индусы и поддерживали еще въ недавнее время обширную нашу торговлю съ Индіей...

— Но вѣдь эта торговля, такъ по-крайней-мѣрѣ мнѣ кажется, никогда не была у насъ обширна...

— Какъ, батюшка, не была обширна? Къ намъ везли индійскія кисеи, индійскія шали, индійское золото, индійскіе драгоцѣнные камни! При матушкѣ при Екатеринѣ Алексѣевнѣ индійскія драгоцѣнности ввозились къ намъ въ обширныхъ массахъ!.. Да еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи индійскіе капиталисты покидали свое отечество и съ грузомъ своихъ богатствъ отправлялись въ Россію, селились въ Баку, въ Астрахани...

— Въ Баку жили только нищіе огнепоклонники.

— Да вы вспомните только про Могундасова, вотъ-что на откупу держалъ сальянскіе рыбные промыслы — бѣдный! онъ пріѣхалъ съ огромными мильйонами и кончилъ тѣмъ, что питался чуть-чуть не мірскимъ подаяніемъ!.. Гм!. Да... такъ-вотъ у меня и была мысль: расчистить нефтяные колодцы на Апшеронскомъ Полуостровѣ, провести нефть по трубамъ, облечь ее въ формы, возжечь священные вензели и выстроить обширную пагоду для Индусовъ. У меня около Баку будетъ вторая Мекка, Мекка не мусульманъ, а Индусовъ; они толпами повалятъ въ Россію и мы завладѣемъ почти всею индійскою торговлею!.. А ужь я бы снабдилъ эту пагоду такими ухищреніями и заманчивыми аттрибутами и индійской жизни, что Индусы бъ у меня съ ума по ней сходили!

— Богатая мысль!.. не знаю только, въ какой степени она примѣнима къ дѣлу теперь, когда Индія утратила ужь прежнее свое значеніе, когда богатства ея ужь порядочно поистощились...

— Но вѣдь прежде везли жь ихъ къ намъ?

— То было прежде, во время переворотовъ, произведенныхъ шахомъ Надиромъ; тогда богатствамъ этимъ не было другаго выхола кромѣ какъ въ Россію. Теперь, подъ владычествомъ Британіи, Индія отощала и исчахла...

— Что вы мнѣ говорите, «отощала и исчахла», сердито проговорилъ Меценатинъ и мгновенно обнаружившаяся боль заставила его вскрикнуть: «Ногу! ногу!!»

Я видѣлъ, что малѣйшее противорѣчіе съ моей стороны приводило Меценатина въ волненіе, рѣшился отдалиться отъ начатаго разговора и завелъ рѣчь о пароходствѣ по Курѣ; но выборъ этого предмета снова завлекъ Меценатина въ длинныя разсужденія.

— Не думайте о Курѣ: для насъ важнѣе Тигръ и Евфратъ. Вы знаете, что владѣнія Турціи и Персіи между собой еще не разграничены. Осязательная межа между ними проведена не по русламъ, или водотокамъ Тигра и Евфрата, а по внѣшнимъ ихъ берегамъ, составляющимъ особыя возвышенія, такъ-что Тигръ и Евфратъ не принадлежатъ ни Турціи, ни Персіи, а составляютъ какъ-бы нейтральную полосу; но, съ другой стороны, источникъ Тигра поддерживается множествомъ персидскихъ рѣчекъ и соединяется съ Евфратомъ рукавами. Такимъ-образомъ, еслибъ кто-нибудь вздумалъ назвать Персидскій Заливъ водою моря Оманскаго, то на это съ равною достовѣрностью можно возражать, что Персидскій Заливъ наполняется водою Тигра,

особенно если откроется, что дѣйствительно вода въ этомъ заливѣ прѣсная. Мнѣ и пришло на мысль пріобрѣсть отъ Персіи привилегію на устройство торговаго пароходства по Тигру и его рукавамъ, соединяющимъ Тигръ съ Евфратомъ и втекающимъ въ тотъ же Персидскій Заливъ... Да, я займусь этимъ предметомъ. Я постараюсь учредить торговое пароходство по самому Персидскому Заливу... Тогда у меня Индусы, которые, какъ вамъ извѣстно, доселѣ лично посѣщаютъ Нижегородскую Ярмарку, вмѣсто опаснаго, дорогаго, убыточнаго и долговременнаго плаванія изъ Бомбея по океанамъ, мимо Мыса Доброй Надежды...

Индійцы нынѣче у «Макарья» не бываютъ, а еслибъ нечаянно и вздумалось имъ посѣтить насъ, то имъ гораздо-ближе идти сухимъ путемъ на Оренбургъ, нежели какъ предполагаетъ Меценатинъ. Я, однакожь, не передалъ ему этой мысли и предоставилъ ему полную свободу продолжать, очень-хорошо понимая, что Меценатинъ только меня выпытываетъ и играетъ своими фразами точно шумихами.

— Индусы, говорю я, тогда, безъ-сомнѣнія, предпочтутъ кругосвѣтному путешествію новое, безопасное, мною предлагаемое пароходное сообщеніе съ Европою по Тигру, тѣмъ-болѣе, что оно можетъ быть продолжено черезъ озеро Ванъ, по рѣкѣ Араксу, оттуда они войдутъ въ Каспійское Море, а изъ него прямёхонько и потянутся Волгой до вышневолоцкой системы и до самаго Финскаго Залива. Я предупрежу Англичанъ. Они ужь спѣшатъ проложить прямой путь въ Индію и соединить ее съ Египтомъ. Ну, что вы на это скажете?

— Замыслы, поистинѣ, гигантскіе... Но какъ же вы пароходы тамъ заведете? Кто вамъ ихъ выстроитъ? Какъ вы ихъ туда доставите?..

— Это совершенно-неважное дѣло! Пароходы я закажу на луганскомъ литейномъ заводѣ, въ Бахмутѣ: мнѣ ихъ тамъ отлично приготовятъ. Я ихъ, въ разобранномъ видѣ, доставлю къ нашему важному черноморскому порту — въ Поти, а оттуда ужь, по извѣстнымъ при завоеваніи Ахалцыха, Карса и Ерзерума путямъ, доставлю къ берегу Тигра... О, въ этомъ-то случаѣ мнѣ не предстоитъ никакихъ особенно-непреодолимыхъ затрудненій: мнѣ нужно только нѣсколько мѣсяцевъ—и я въ Бомбеѣ! Я ужь и капиталъ на свой пай ассигновалъ — трехсотъ тысячъ серебромъ не пожалѣю! Я въ моемъ предпріятіи перещеголяю Наполеона. Помышляя о походѣ въ Индію, онъ назначилъ главными пунктами городокъ Пятиизбянскъ, или Качалинскую Станицу, Дубовку на Волгѣ, Астрахань, Астрабадъ, Мешедъ, Гератъ и Джелалабадъ и такимъ-образомъ онъ достигалъ Индіи при Мультанѣ, еще довольно-отдаленномъ отъ центра англійскаго могущества. Притомъ же, этотъ путь пролегалъ по безплоднымъ песчанымъ и солончаковымъ степямъ, лишеннымъ всякой растительности: я пойду все водой, все водой, густозаселенными странами, цвѣтущими благоденствіемъ. Да, да! желаю я, очень я желаю, чтобъ русскій коммерческій флагъ водрузился на всѣхъ рынкахъ Азіи! И если васъ воодушевляютъ тѣ же мысли, и если мои планы навѣяли на васъ охоту заняться разъясненіемъ торговыхъ нашихъ отношеній съ Среднею

Азіею, я хочу не быть чуждымъ вашему предпріятію, я хочу облегчить вамъ средства къ вашему путешествію.

Меценатинъ взялъ со стола, давно ужь принесенный господиномъ въ черномъ фракѣ, почтенной полноты пакетъ и кокетливо сталъ похлопывать имъ по ладони лѣвой руки.

— Вотъ видите ли этотъ пакетикъ? Тутъ у меня запрятанъ талисманъ... да такой талисманъ, какого не достанешь и у инаго индійскаго мудреца. Я хочу талисманъ этотъ передать вамъ: въ немъ таинственная сила! Онъ избавляетъ отъ болѣзней... отъ сомнѣній... онъ даетъ силу и мощь... онъ предохраняетъ отъ сглазу... онъ даетъ крылья для полета... И полетите вы, полетите быстро, умчитесь изъ Москвы въ края теплые, привольные, вы будете парить по туманнымъ странамъ какъ Божія птичка... та только между вами и птицей и будетъ разница, что птичка изъ теплыхъ странъ прилетаетъ къ намъ на лѣто, а вы насъ покидаете съ весны!.. Но есть и еще другая разница: птичка летитъ-себѣ, порхая крылышками, безъ трудовъ и безъ заботъ, а васъ долженъ заботить каждый шагъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось освободить васъ отъ докучливыхъ матеріальныхъ хлопотъ, оставить вамъ только одну поэзію путешествія!... На первый разъ, чтобъ избавить васъ отъ тряски на перекладныхъ...

— Я въ жизнь свою на перекладныхъ не ѣзжалъ.

— Тѣмъ лучше!.. такъ на первый разъ, чтобъ избавить васъ отъ непріятной возни за покупкой экипажа, я попрошу васъ позволить мнѣ предложить вамъ собственный мой дорожный тарантасъ, обширный, укладистый... рублевъ тысячу стоитъ.

— Покорно васъ благодарю; я очень цѣню ваше вниманіе и добрую вашу заботливость обо мнѣ и жалѣю, что долженъ отъ этого отказаться.

— Какъ такъ? почему? Экипажъ хорошій!.. Тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго!

— У меня есть ужь экипажъ.

— Развѣ вы не въ почтовой каретѣ пріѣхали?

— Нѣтъ, я пріѣхалъ въ своемъ экипажѣ.

— Что же у васъ: тарантасъ? повозка? бричка?

— Нѣтъ; я въ дормёзѣ.

— Въ дормёзѣ?.. и хорошій дормёзъ? спросилъ Меценатинъ съ замѣтнымъ удивленіемъ.

— Іохимовскій.

— Іохимовскій!.. А! это другое дѣло... Павелъ Николаичъ... Павелъ Николаичъ!.. Кто же у васъ за нимъ наблюдаетъ и расплачивается на станціяхъ?

— При мнѣ почтальйонъ.

— Какъ? при васъ и почтальйонъ есть!.. Павелъ Николаичъ, подите же сюда.

Господинъ въ черномъ фракѣ выслушалъ новое отданное шопотомъ приказаніе, взялъ изъ рукъ Меценатина пакетикъ и выбѣжалъ съ нимъ вонъ изъ гостиной.

— Да; удобство въ дорогѣ первое дѣло!.. Какъ можно сравнить дор-

мёзъ съ тарантасомъ!.. никакого безпокойства, сидишь-себѣ, точно дома въ кабинетѣ, и только съ каждою минутою съ удовольствіемъ вспоминаешь, что теперь на цѣлыя двѣсти верстъ дальше, чѣмъ былъ вчера объ эту пору... И не тряхнетъ тебя, а только легко качаетъ и убаюкиваетъ, точно ребенка въ кроваткѣ... Какъ можно сравнить дормёзъ съ тарантасомъ! Тепло, уютно; солнышкомъ не палитъ, вѣтромъ не продуваетъ, дождемъ не мочитъ, пустяками не развлекаетъ, пылью не душитъ... Какъ можно сравнить дормёзъ съ тарантасомъ!.. И почтальйонъ въ дорогѣ очень-важная вещь: на станціяхъ минуты лишней не продержатъ. По деревнѣ ѣдешь, народъ весь высыпитъ на улицу; всѣ мужики шапки снимаютъ, бабы всѣ поклоны отвѣшиваютъ; возà издалека карету видятъ; еще за версту съѣзжаютъ съ накатанной колеи и жмутся къ канавкѣ съ правой руки... Какъ можно сравнить дормёзъ съ тарантасомъ!

— Надо правду сказать, русскій человѣкъ хвалится гостепріимствомъ, почтительностью къ старшимъ и особенною привѣтливостью къ каждому страннику. Но все это идетъ какъ-то полосами. Есть околотки, гдѣ каждому путнику, будь онъ хоть въ телегѣ, хоть въ тарантасѣ, крестьяне выкажутъ свое вниманіе. Въ ину пору, при первомъ заслышанномъ звонкѣ почтоваго колокольчика, растворяются окошечки избъ, и бабы и парни весело начнутъ глазѣть на «ѣздока»; въ ину пору, разсѣвшіеся у подворотни домохозяева, завидѣвъ проѣзжаго, привстанутъ съ своихъ мѣстъ и ласково кивнутъ головой, снявъ шапку и проговоривъ «въ добрый путь-дорогу»; въ ину пору, баба спохватившись, при видѣ рѣдкаго экипажа, какъ-будто и въ-самомъ-дѣлѣ оторопѣетъ и, чинно сложивъ руки на груди, ни глазкомъ не мигая, низко-пренизко поклонится медленнымъ поклономъ; а въ ину пору мужикъ и посмотрѣть-то на тебя не захочетъ! Выдаются и такіе околотки, что, бывало, ѣдешь по улицѣ: дѣвки веселыми вереницами разгуливаютъ по дорогѣ; размахивая платками, онѣ во все горло распѣваютъ визгливыя пѣсни и искоса, будто неглядя, разсматриваютъ проѣзжающаго, когда онъ, любуясь на хороводъ, велитъ ямщику сдержать удалую тройку. А попробуешь остановиться, да подзовешь къ себѣ коренастую молодуху для разспроса чья деревня, да далеко ли до города — и вся толпа дикарокъ, со всѣхъ ногъ, кинется въ стороны, всѣ до одной разбѣгутся по избамъ, всѣ по уголкамъ запрячутся! Сколько я ни вдумывался въ эти странности, никакъ не могъ разгадать основной причины этой боязливости и одичалости. Въ одной и той же губерніи, часто въ одномъ и томъ же уѣздѣ разницу въ людяхъ встрѣчаешь поразительную.

Пока я высказывалъ эти замѣчанія, намѣренно распространенныя, съ цѣлью скрыть свое удивленіе при обратномъ появленіи господина въ черномъ фракѣ, возвратившагося съ новымъ, увѣсистымъ на видъ пакетомъ, Меценатинъ все потрепывалъ имъ по лѣвой ладони и пристально вглядывался въ оттиснутую на оборотѣ печать съ собственнымъ своимъ фамильнымъ гербомъ.

— Бываетъ, сказалъ Меценатинъ: — бываетъ! Мало ли какихъ противоположностей не бываетъ иногда, не только въ населеніи цѣлаго

уѣзда, иногда у одного и того же человѣка бываетъ на дню семь перемѣнъ! Вотъ я, напримѣръ. Ну, посмотрите вы на меня: тотъ ли я теперь старикъ, котораго вы давеча видѣли въ первыя минуты нашего сближенія... Охъ, какъ я давеча передъ вашимъ приходомъ страдалъ! Въ болѣзненномъ припадкѣ я и вамъ, быть-можетъ, сказалъ что-нибудь непріятное... но забудьте это, или примите къ соображенію насчетъ разныхъ случающихся въ свѣтѣ противоположностей... А вѣдь это и въ-самомъ-дѣлѣ интересный предметъ для наблюденія. Замѣчайте, все замѣчайте, ко всему примѣняйтесь!

— Я то же въ свое время дѣлалъ разныя замѣчанія, продолжалъ Меценатинъ, помолчавъ съ минуту: — я даже составилъ небольшой томъ прелюбопытныхъ справокъ, прелюбопытныхъ въ разныхъ отношеніяхъ. Я даже думаю, что онѣ и для васъ будутъ весьма-полезны... позвольте вамъ поднести мое сочиненіе... вотъ оно... оно въ трехъ частяхъ... не заглядывайте только въ него раньше, пока домой не воротитесь... Это сочиненьице выразитъ вамъ мѣру моего сочувствія къ цѣли вашей поѣздки... Очень-радъ буду, если вы полюбите автора, не забудете нѣкоторыхъ его предположеній и сдѣлаете тотъ выводъ, что авторъ не хилый, бездушный старикъ, а немощной тѣломъ человѣкъ, котораго всѣ мысли, всѣ чувства, даже всѣ страсти теперь сосредоточены на одномъ—на славѣ отечества и распространеніи его могущества, какъ силою оружія такъ и развитіемъ его торговыхъ оборотовъ... Однакожь, посмотрите, какъ мы съ вами забесѣдовались, я и не замѣчалъ какъ время летѣло и никакъ не думалъ, чтобъ теперь было далеко за полночь!

Мы разстались весьма-довольные другъ другомъ. Возвратясь домой съ переданнымъ мнѣ пакетомъ, я долго раздумывалъ: сейчасъ ли мнѣ его взрѣзать и освидѣтельствовать, или отложить все до утра и ужь завтра рѣшить, радоваться ли мнѣ задержкѣ въ Москвѣ, или хладнокровно забыть о несбывшихся мечтахъ. Нетерпѣніе мое было очень-сильно, но я подавилъ его и, съ отяжелѣвшею отъ сомнѣній головою, лѣниво потушилъ свѣчу, готовясь ко сну.

Но я долго не могъ заснуть: меня не покидало воспоминаніе о старикѣ въ голубомъ, атласномъ, опушенномъ соболями полукафтаньѣ съ драгоцѣннымъ перстнемъ на пальцѣ; меня не покидали мысли о стремленіи его огромными пожертвованіями связать имя свое съ общественными интересами, въ-отношеніи какъ научныхъ вопросовъ, такъ и подвиговъ благотворительности; все существо его было, казалось, проникнуто одними патріотическими чувствами. Меценатинъ былъ прекраснымъ образцомъ богача, съ благими цѣлями расточавшаго на общественную пользу богатства, нажитыя умомъ, трудами и честностью. Чего не дѣлалъ Меценатинъ? Нужно ли было открыть школу — онъ сыпалъ деньги полной рукой, и вмѣсто простой школы, давалъ существованіе цѣлому институту. Нужно ли было помочь бѣдному—онъ открывалъ сундукъ и вмѣсто надменной подачи на хлѣбъ, обезпечивалъ участь не одного, а многихъ семействъ. Нужно ли было исправить ветхую церковь? онъ не жалѣлъ огромныхъ капиталовъ, и вмѣсто простаго исправленія ветхой церкви, созидалъ новый, пре-

красный храмъ, украшенный всѣмъ благолѣпіемъ, приличнымъ мѣсту молитвы. Нужно ли было заохотить сосѣдей къ чему-либо полезному — Меценатинъ давалъ собою примѣръ во всемъ: задавалъ ученыя задачи, покупалъ рукописи, издавалъ книги, учреждалъ премiи, жертвовалъ огромными капиталами на учрежденіе и поддержаніе народныхъ школъ и дѣтскихъ пріютовъ... Дай Богъ намъ чаще встрѣчать людей, подобныхъ Меценатину!

Прошла вербная недѣля, не блестящимъ образомъ проведенная по случаю дурной погоды; прошла страстная. Наступила святая, памятная для меня тѣмъ, что теперь я въ первый разъ видѣлъ, какъ полы въ церкви посыпаютъ для заутрени ельникомъ, какъ прихожане встрѣчаютъ торжественный праздникъ, въ противоположность Петербургу, въ скромныхъ обыденныхъ платьяхъ; какъ люди, придерживающіеся старины и собирающіеся въ Рогожской, разгуливаютъ по утрамъ въ пышныхъ нарядахъ внутри кремлевскихъ стѣнъ; какъ все московское населеніе то въ самыхъ модныхъ экипажахъ, то въ невѣроятно-вычурныхъ рыдванахъ гуляетъ «подъ Новинскимъ» промежду двухъ густыхъ колоннъ пѣшеходной публики. Наступила Ѳомина-недѣля: барыни и барышни стали «ѣздить по дешевымъ товарамъ»; торговцы торопились сбыть скорѣе съ рукъ залежавшіяся матеріи и разныя вещи, чтобъ закончить годовые счеты этой распродажей. Наступило и первое мая: природа оживилась; въ этотъ день пробилась первая зелень по садамъ и по бульварамъ; Сокольницкая Роща едва вмѣщала въ себѣ безсчетное число гуляющихъ.

Между-тѣмъ я окончательно уговорился съ новымъ попутчикомъ, котораго рекомендовалъ мнѣ Андрей Иванычъ. Это былъ одинъ изъ мѣстныхъ фабрикантовъ, торопившійся почему-то въ Нижній-Новгородъ, несмотря на то, что до ярмарки было еще очень-далеко. Новаго знакомца звали Сидоромъ Кузьмичомъ. Жилъ онъ довольно-скромно, даже очень-умѣренно; но парадныя его комнаты, гдѣ-то въ Замоскворѣчьи, были отдѣланы роскошно. Онъ держалъ нѣсколько экипажей, имѣлъ модную карету на лежачихъ рессорахъ; на конюшнѣ его стояли два кровные орловскіе жеребца, неговоря ужь про шесть другихъ сытныхъ лошадокъ; но въ парадныхъ комнатахъ Сидоръ Кузьмичъ не любилъ нарушать тишины и порядка, а потому онѣ у него всегда были заперты и пусты; съ семействомъ онъ жилъ въ маленькомъ угловомъ флигелѣ съ самою скромною обстановкой. Въ низенькой каретѣ онъ тоже не любилъ ѣздить; въ ней выѣзжала, и то очень-рѣдко, одна дражайшая его половина, Прасковья Климовна, а самъ Сидоръ Кузьмичъ предпочиталъ простенькія дрожечки; вечеромъ развѣ когда-нибудь запряжетъ себѣ лихаго жеребца въ крытую коврами и франтовски-размалеванную тележку, и съ сынкомъ, мальчикомъ двадцати-двухъ годочковъ, Копочкой или Капитошинькой, поѣдетъ прокатиться по тихимъ улицамъ Замоскворѣчья, этакъ, хоть до калужской заставы.

Разсчитывалъ ли Сидоръ Кузьмичъ только на сокращеніе путевыхъ издержекъ при такой оказіи, какую я ему доставлялъ своею персоною, заохотила ли его красивая карета пренебречь на сей разъ тряскою почтовою телегой, или заманивало его желаніе пробесѣдовать въ

дорогѣ съ загадочнымъ господиномъ изъ Петербурга — ужь я этого растолковать не могу; одно только знаю, что до-сихъ-поръ онъ очень меня дичился и при каждомъ разѣ, какъ я только заводилъ съ нимъ рѣчь о товарахъ и о торговлѣ, старался увернуться отъ прямыхъ отвѣтовъ о своей фабрикѣ и о торгѣ произведеніями той же категоріи, выдѣлкою которыхъ онъ самъ занимался. Но онъ зналъ многое объ окрестномъ краѣ и я дорожилъ такимъ попутчикомъ, хоть онъ и неслишкомъ-то пришелся мнѣ по нраву.

Какъ бы то ни было, но мы рѣшились вмѣстѣ ѣхать и положили отправиться втораго мая раннимъ утромъ: первое-то мая пришлось въ понедѣльникъ—такъ можно ли же было выѣзжать въ такой тяжелый день? Сидоръ Кузьмичъ еще съ вечера прислалъ ко мнѣ свой багажъ, но самъ пожаловалъ, вмѣсто утра, ужь подъ-вечеръ и только въ шесть часовъ выѣхали мы изъ людныхъ московскихъ улицъ.

На углу послѣдней улицы Сидоръ Кузьмичъ, съ моего согласія, далъ строгимъ голосомъ приказъ почтальйону, не въѣзжать въ Рогожскую Заставу, а повернуть къ Проломной: ему тутъ нужно было проститься съ какою-то родственницей.

Сосѣдніе ямщики и извощики, подхватившіе налету громкія слова моего сотоварища, разразились крупнымъ хохотомъ.

— Вишь ты каковъ!.. на Проломную! Куда-те на Проломную-то несетъ? со смѣхомъ замѣтилъ прохожій мужикъ, весь перепачканный мукою.

— Не съѣзжай съ шоссѣи-то, лѣшій! кричалъ сидѣвшій на завалинкѣ ямщикъ.

— Прописки боишься, что̀ ли? насмѣшливо ворчалъ какой-то другой крестьянинъ въ синемъ зипунѣ и съ огромнымъ полуобкуснаннымъ калачомъ въ рукахъ.

Нашъ ямщикъ поворотилъ лошадей; мы съѣхали на окольный путь и новые каскады звонкаго хохота раздались за нами.

Мы не проѣхали еще и полуверсты, какъ вдругъ нечаянный но сильный толчокъ ошеломилъ насъ обоихъ. Я выглянулъ въ окно и—о ужасъ! мы глубоко врѣзались въ топкую грязь: только верхнія спицы колесъ грустно торчали изъ-подъ блестящей шины.

Нѣтъ спасенья! Лошади вытащить не могутъ: прохожихъ нѣтъ. Почтальйонъ поскакалъ назадъ, но къ намъ на помощь никто идти не хочетъ, пока мы впередъ не выложимъ десяти рублей серебромъ, а на это неправильное требованіе ни я, ни мой сопутникъ не соглашались. Цѣлый часъ просидѣли мы въ безнадежномъ положеніи. Но вотъ вдали мелькнуло что-то свѣтлое; мы различили пятерыхъ пѣшеходовъ: то были молодые карабинеры; послѣдніе лучи заходящаго солнца играли на ихъ новыхъ каскахъ и на ружьяхъ съ замкнутыми штыками. Молодцы приблизились къ намъ, сами вызвались намъ помочь, сбросили съ себя мундиры, сняли сапоги, сложили къ сторонкѣ вооруженіе и дружнымъ напоромъ помогли отдохнувшимъ лошадкамъ вывезти экипажъ на сухое мѣсто.

— Ай-да ребятушки! Благодарю покорно! истинно-доброе дѣло сдѣлали! воскликнулъ Сидоръ Кузьмичъ.

Я ужъ смекалъ давно о запасѣ щедрости богатаго купчины, но все крѣпился и выжидалъ, чѣмъ дѣло кончится.

— Спасибо голубчики, спасибо вамъ, молодцы вы мои любезные... Ну вотъ же вамъ за трудъ и за хлопоты... Жалую вамъ полтинничекъ!.. выпейте хорошенько винца за мое здоровье.

«Ага!» такъ вотъ съ какимъ молодцомъ связался я на двое сутокъ! подумалъ я, и поспѣшилъ исправить ошибку нетороватаго фабриканта... Нечего дѣлать! посмотримъ, стоило ли навязывать себѣ на шею такого компаньйона.

IV.

Фабрикантъ.

— Такъ вотъ вы, сударь мой, и извольте тутъ разсчитывать, каково фабриканту-то приходится! замѣтилъ Сидоръ Кузьмичъ, когда я, высказавъ свое мнѣніе о нашихъ фабрикантахъ, разсердилъ его замѣчаніемъ, что имъ «житье съ пола-горя: знай барыши собирай», и этимъ вызвалъ его на маленькое противорѣчіе. А надо сказать, что разговоръ этотъ вели мы ужь въ дорогѣ, выбравшись изъ омута, въ который засѣли было около «Проломной», на самомъ выѣздѣ изъ Москвы. — Фабрикантъ и въ гильдію-то запишись, продолжалъ мой спутникъ: — и фабрику-то выстрой, и паровыя-то машины заведи, и освѣщай все строеніе торфомъ, и корми тысячу человѣкъ рабочихъ— ну, велики ли тутъ барышишки намъ достанутся? И живи-то прилично, съ подобающею домовитостью, да и на общественную-то пользу дѣлай разныя пожертвованія: а тутъ тебѣ ножку подставляютъ «кустарники» — извольте съ ними возиться! Вѣдь гдѣ намъ ихъ осилить!

— Какіе же кустарники?

— Да вотъ что кустарный товаръ приготовляютъ... ну, вотъ тѣ «мелочники», мѣщане и крестьяне, что на зиму столкнутся съ «свѣтличникомъ», наймутъ у него «свѣтлицу»... избу этакую, безъ печей, съ часто-прорубленными окнами... пріютятся здѣсь цѣлой семьей и работаютъ-себѣ, въ подрывъ намъ, мануфактуристамъ. Ни какихъ расходовъ они и знать не хотятъ, а фабрикуютъ-себѣ, что случится, да и наживаютъ денежки.

— Но вѣдь, это не беззаконное же дѣло? Они дѣлать это въ полномъ правѣ, не такъ ли?

— Такъ-то такъ, что про это говорить: дѣло-то оно совершенно-законное, да намъ-то оно не съ-руки!

— Вѣдь вы, фабриканты, раздаете по селеніямъ матеріалъ для выработки товара? Отчего жь вамъ не нравится, что кустарники сами, а не черезъ васъ, заимствуются шелкомъ, шерстью или бумагой и приготовляютъ изъ нихъ разныя издѣлія?

— А оттого, видите ли, оно мнѣ и не нравится, что, работая на меня, они трудятся и на мою и на свою пользу; а если мужикъ только для одного себя работаетъ, такъ онъ чисто во вредъ мнѣ хлопочетъ. Смекните-ка вы вотъ что: я фабрикантъ; въ промышленномъ-то мірѣ я составляю видную единицу, ужь по одному своему капиталу; а кустарники-то?.. что они такое, сами-то по себѣ?.. нули, чисто нули! Какъ эти нули у меня съ праваго боку, такъ ужь я-то изъ простой единицы вонъ-каково широко расползаюсь! Тутъ и самъ-то я до тысячей поднимаюсь, да и нули-то при мнѣ свое значеніе имѣютъ. Поставьте же вы эти нули у меня съ лѣваго бока: что я такое стану? Та же единица, что и прежде была! ужь никакъ не больше. Тутъ только моя собственная цифирь и говоритъ сама за себя. Ну, а какъ если да при этомъ между мною, да между нулями, что съ лѣвой-то у меня стороны, да поставятъ запятую—тогда что? Я-то ужь даже и не единицей сталъ, а мелкотравчатой дробью, которая будетъ казаться тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ больше нулей навяжется мнѣ на шею съ лѣвой стороны!

— Но вѣдь одни нули все-таки останутся нулями?

— Да, если они не найдутъ сбыта своимъ издѣліямъ и не примкнутся къ посторонней единицѣ, въ видѣ купца, торговца, скупщика ихъ кустарнаго товара... Замѣтьте, что коли нуль стоитъ при единицѣ съ правой стороны, такъ вѣдь онъ не выражаетъ совершенной ничтожности: одинъ нуль говоритъ, что тутъ десятками пахнетъ, другой — что сотнями, а гдѣ стоитъ третій — такъ ужь вы и сами догадаетесь, что тутъ сидятъ тысячи!

— Скажите, пожалуйста, Сидоръ Кузьмичъ, отчего эти фабриканты называются кустарниками? спросилъ я, показывая видъ, будто вполнѣ съ нимъ соглашаюсь.

— Навѣрное не умѣю вамъ, батюшка мой, на это отвѣтить, а думаю оттого, что какъ кустъ передъ деревомъ малъ и ничтоженъ, такъ и мелочникъ-кустарникъ малъ и ничтоженъ передъ фабрикантомъ... Вотъ, напримѣръ, тутъ... тутъ нечего бояться кустарниковъ! замѣтилъ Сидоръ Кузьмичъ, махнувъ рукой въ сторону, когда экипажъ нашъ остановился на первой станціи, въ Горенкахъ. — Вы изволите здѣсь выйдти? спросилъ онъ, отворивъ дверцы и выскочивъ вонъ изъ дормёза. — Милости просимъ, пожалуйте...

— Нѣтъ, благодарю, темно, да и не зачѣмъ!

— А чай?

— Чаю мы тамъ дальше напьемся.

— Ну, такъ я забѣгу на станцію, да велю скорѣй лошадей запрягать.

— Не безпокойтесь: почтальйонъ все обдѣлаетъ! Садитесь-ка, да объясните мнѣ: отчего же тутъ некому бояться кустарниковъ?

— Здѣсь-то, въ Горенкахъ? Да вѣдь здѣсь бумагопрядильня: фабрикантъ самъ и пряжу готовитъ, самъ и плисы изъ нея ткетъ.

— А чья это здѣсь фабрика?

— Полковника Волкова... Вотъ за Горенками сейчасъ начнется Богородскій Уѣздъ: тамъ ужь не будетъ бумагопрядилень.

— Я знаю, что у насъ въ цѣлой Россіи считается до пятидесяти бумагопрядильныхъ заведеній; а не можете ли вы мнѣ сказать, сколько ихъ всего въ Москвѣ?

— Ну, этого я пересчитать вамъ не съумѣю...

— А какія, напримѣръ, у насъ главныя бумагопрядильни?

— Да вотъ, въ Москвѣ, есть Лепешкинъ, Усачовъ, Новиковъ, въ уѣздѣ московскомъ — Мазуринъ, близь города Серпухова — Коншинъ (фабрика эта недавно сгорѣла); во Владимірской Губерніи Мальцовъ, Поповъ... Гарелины въ селѣ Ивановѣ; въ Осташковѣ—Савинъ, въ городѣ Егорьевскѣ братья Хлудовы... да мало ли ихъ сколько: гдѣ тутъ пересчитать? У Мазурина до тысячи человѣкъ рабочихъ, у Хлудовыхъ двѣ тысячи наберется, у Гарелиныхъ тоже до полуторы тысячи народу на фабрикѣ хватитъ... да сколько еще ткачамъ на сторону отдаютъ...

— Ну, такъ вы сами видите, что кустарники никакой помѣхи дѣлу не дѣлаютъ: они сами-по-себѣ, а фабриканты сами-по-себѣ.

— Да, толкуйте! Нѣтъ, вы, сударь мой, вглядитесь въ дѣло-то хорошенько: не то скажете! Вотъ въ Богородскомъ Уѣздѣ почитай въ каждой избѣ шелковая фабрика.

— Ну такъ что же?

— Вотъ тутъ-то и конопатся кустарники. Шелковые фабриканты— а ихъ здѣсь много — капитальныхъ-то... Кондрашовъ, напримѣръ, еще Лаптевъ, еще Сапожниковъ, Залогинъ, Левинъ, Фомичевъ... они, кромѣ тальянскаго шелка, покупаютъ свой шелкъ, изъ Закавказья нухйнку и шемахйнку, а еще того больше персидскаго, да брусскаго шелка. Азіатскій шелкъ привозятъ кипами, вѣсомъ каждая отъ пяти до семи пудовъ.

— Что жь, шелкъ этотъ покупается на наличныя?

— Когда на наличныя, а то больше съ прожданьемъ, мѣсяцовъ на шестнадцать, на двадцать, на двадцать на четыре...

— Но вѣдь хозяевъ-то самихъ, Азіатцевъ-то, нѣтъ въ Москвѣ?

— Ихъ нѣтъ, но шелкомъ торгуютъ всего больше Армяне—они вѣдь коммиссіонеры по шелковой части... Ну-съ, такъ вотъ хорошо-съ! Хозяева здѣшніе покупаютъ шелкъ оптомъ и раздаютъ его на-сторону, по деревнямъ. Сперва шелкъ идетъ къ «карàснику» на размотку, оттуда идетъ онъ къ варильщику, потомъ къ красильщику, потомъ къ мотальщику... хозяева знаютъ, что изъ пуда шелку, послѣ всѣхъ этихъ переборокъ, намотанный на катушки шелкъ ровно сорока фунтовъ не вытянетъ: убыль должна быть безпремѣнно; да вотъ вмѣсто фунта ущерба на одинъ пудъ шелку, глядишь, ужь не фунта, а трехъ, четырехъ, пяти фунтовъ какъ не бывало. Гдѣ тутъ углядишь! По ма-

лости-то оно и незамѣтно, особенно какъ отъ каждаго мастера принимаешь порознь, а въ общемъ-то итогѣ оно и много значитъ. Видите ли, сударь вы мой, какъ разсчитывается... Даю я шестьсотъ пудовъ шелку; мнѣ должны возвратить пятьсотъ-восемьдесятъ-пять... ну ужь Богъ съ ними! пятьсотъ-восемьдесятъ фунтовъ, зато ужь это золотникъ въ золотникъ! А тутъ карасникъ стибритъ съ каждаго пуда хоть по комочку, да варильщикъ по горсточкѣ, да красильщикъ по пасемкѣ, да мотальщикъ по клочку... «не дохватило», говоритъ: «знать, въ оческахъ осталось», да «на ущербъ пошло»... а какъ сталъ сводить итоги, да перебирать весь шелкъ: анъ его у меня всего-на-все пятьсотъ-пятьдесятъ пудовъ!

— Ну, такъ что жь изъ этого? Бѣдному мужику куда же съ нимъ возиться? Вѣдь онъ шелкъ, обмотки-то, по домашеству употребитъ, а вамъ вреда особеннаго быть тутъ не можетъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что изъ золотниковъ составляются фунты, изъ единицъ—десятки; шелку-то у того, у другаго накопится довольно, вотъ его и спускаютъ съ рукъ, а благопріобрѣтатели-то такого шелка, деревенскіе же парни, начинаютъ изъ этого же шелка вырабатывать матерьи на продажу: и насъ этимъ подрываютъ и товаръ портятъ.

— Это какимъ же манеромъ?

— А самымъ простымъ. Я фабрикантъ; положимъ, я приготовляю фуляры: у меня фуляры ткутся въ двѣнадцать съ половиною золотниковъ каждый. Ужь у меня тридцать-то пудовъ шелку похитили? У меня бы изъ нихъ вышло семьсотъ-шестьдесятъ-восемь дюжинъ шелковыхъ платковъ, но кустарникъ ихъ у меня отнялъ. Мало того: онъ фуляровые платки дѣлаетъ легковѣсные, вмѣсто двѣнадцати съ половиной, только въ девять золотниковъ, и вотъ на этой-то штукѣ онъ надуваетъ, кромѣ меня, еще и покупателей на цѣлыя триста дюжинъ: вмѣсто семисотъ-шестидесяти-восьми дюжинъ хорошаго товара, онъ выдѣлываетъ тысячу-шестьдесятъ-шесть дюжинъ плохихъ шелковыхъ платковъ: и покупателей-то этимъ къ непріятностямъ приводитъ, да и насъ-то, фабрикантовъ, въ лабетъ ставитъ.

— Васъ-то чѣмъ же?

— Мои платки стоютъ цѣну, а онъ сбиваетъ ее своей дешевизной: онъ вдвое дешевле моего продаетъ товаръ, меня и осиливаетъ! А покупателямъ что? былъ бы шелкъ, да было бы дешево... Моему товару тоже нельзя залеживаться: у меня большіе капиталы на фабрику затрачены, да и рабочіе каждый день пить-ѣсть хотятъ...

— Э, полноте! у нихъ свои потребители, а у васъ свои! Пусть, съ Богомъ каждый свой хлѣбъ честно добываетъ: въ кустарномъ товарѣ щеголяетъ мѣщанство, да крестьянство, а въ вашемъ имѣетъ нужду публика высшихъ сословій, народъ богатый, а этихъ покупателей вдоволь найдется, чтобъ обогатить васъ. Вѣдь все-таки фабрика прибыльное дѣло.

— Извѣстно, что прибыльное!

— Ну, такъ что жь тутъ и толковать!

— Да вѣдь это — зло!

— Конечно, маленькое зло; да гдѣ жь нѣтъ зла? Гдѣ человѣкъ, тамъ непремѣнно и зло. Надо радоваться только тому, что добра гораздо-больше, чѣмъ зла... Вотъ вы сказали, что здѣсь, въ Богородскомъ Уѣздѣ, много шелковыхъ фабрикъ: которая же изъ нихъ самая важная? вѣроятно, Кондрашова?

— Разумѣется его. Взгляните-ка на его фабрику, въ селѣ Щолковѣ — просто, цѣлая усадьба. Двадцать-два корпуса! изъ нихъ многіе каменные; въ ткацкой у него больше трехсотъ жакардовыхъ станковъ; однихъ рабочихъ до полторы тысячи. У него самые дорогіе модные товары приготовляются: бархаты, атласы, дамасы, гро-гро, гроденапли, штофы, самоперевѣйшія матеріи!.. Его издѣлій знатоки отъ лионскаго дѣла не отличатъ!

— Ну, а Залогинъ?

— Залогина фабрика въ Москвѣ, а здѣсь только ткачи, по его заказамъ, на него работаютъ. Вотъ Фомичова здѣсь фабрика и Лаптева здѣсь, ну ужь эти, противъ Кондрашова, далеко не то! Въ этомъ же уѣздѣ, въ селѣ Соболевѣ, есть презамѣчательное заведеніе Рабенека: какъ вспомнишь про него, такъ сейчасъ же воспомянешь добрымъ словомъ и покойнаго Ивана Ѳедоровича Баранова. . Баранова фабрика въ Александровѣ, Владимірской Губерніи. Оба они, въ одномъ и томъ же 1834 году, основали обширныя красильныя заведенія, для окраски товара въ яркій красный цвѣтъ. Рабенекъ-то укоренилъ здѣсь эльберфельдскій способъ крашенія въ красный цвѣтъ, а покойникъ Барановъ тѣмъ славу пріобрѣлъ, что всѣ иностранные продукты для этого дѣла замѣнилъ чисто-русскими средствами: вмѣсто крапа онъ пустилъ въ ходъ русскую марену изъ Дербента, а вмѣсто оливковаго масла — рыбій жиръ, да подсолнечниковое масло. Иванъ Ѳедоровичъ огромный переворотъ сдѣлалъ въ нашей хлопчатобумажной мануфактурѣ... право, по-моему, онъ отъ всѣхъ фабрикантовъ заслуживаетъ монумента!

— Вѣдь въ Богородскомъ же Уѣздѣ и казенная лосинная фабрика? Не скажете ли вы мнѣ чего-нибудь про нее?

— Это стороннее для меня дѣло, къ нашему шелковому производству не подходящее; знаю я только то, что фабрика эта одна изъ самыхъ обширныхъ: здѣсь приготовляется кожевенный товаръ на всю россійскую армію: можетъ ли же она быть не въ блестящемъ состояніи?..

Утромъ третьяго мая, въ среду, мы благополучно прибыли въ городъ Покровъ, Владимірской Губерніи. Сидоръ Кузьмичъ, приподнявъ шелковыя сторы, которыя были опущены на зеркала, замѣнявшія переднія стекла, съ самодовольною улыбкою полюбовался собственною физіономіею и пригласилъ меня позавтракать и чайку напиться. «Не забудьте, что вы вчера угостили меня славнымъ ужиномъ: сегодня моя очередь угостить васъ», прибавилъ онъ, съ безпримѣрнымъ радушіемъ принявъ на себя непрошеный трудъ высадить меня изъ экипажа.

Пока готовился завтракъ, Сидоръ Кузьмичъ вышелъ самъ похозяйничать въ другую комнату; тамъ между нимъ и почтальйономъ завязался слѣдующій разговоръ:

— Вы, что ли, сударь, штору-то намъ перепортили?

— Нѣтъ, не я; а что?

— Да кто-то заплевалъ ее.

— Не знаю, голубчикъ: навѣрное не я... можетъ, онъ...

— Да супротивъ него штора спущена и чиста, а противъ вашего сидѣнья замарана.

— Что ты ко мнѣ привязался: ступай прочь, не досаждай мнѣ!

— Я, сударь, вамъ не досаждаю; думаю только, какъ бы вамъ не поостеречься...

— Помни съ кѣмъ говоришь—не забывайся!

— Ну, окошко бы раскрыли, а то матерью портите...

— Я тебѣ говорю: не забывайся...

— Зачѣмъ же вы запираетесь, сударь: вѣдь съ васъ не берутъ штрафа?

— Молчи, любезненькій; я тебѣ говорю—молчи; развѣ всякій во снѣ можетъ припомнить, что ѣдетъ въ каретѣ?

— Э-эхъ, сударь, хорошую вещь и во снѣ жалѣть надо.

— Ты, пустомеля, впередъ мнѣ замѣчаній не дѣлай... Молчи, не сказывай... я тебя ужо чайкомъ напою.

— Благодаримъ покорно на чаѣ: мы и такъ пьемъ его въ волю... А вамъ все-таки не слѣдовало...

— Ну, что съ тобой, съ пустымъ человѣкомъ, толковать: я вотъ пойду скажу, чтобъ язычокъ-то тебѣ укоротили...

Сидоръ Кузьмичъ плюнулъ въ большихъ сердцахъ и вошелъ въ залъ, гдѣ я сидѣлъ.

— Что у васъ, Сидоръ Кузьмичъ, за разговоръ съ почтальйономъ былъ?

— Нѣтъ, ничего... Онъ мнѣ разсказывалъ, что здѣсь намъ запрягутъ отличныхъ лошадокъ...

Я подивился тому, что Сидоръ Кузьмичъ, мужчина въ лѣтахъ, человѣкъ капитальный и притомъ человѣкъ весьма-неглупый, былъ до такой степени мелоченъ, что изъ-за пустяковъ рѣшился на безполезную ложь.

Завтракъ, надъ которымъ мы трудились, былъ недуренъ. Сидоръ Кузьмичъ весьма-кстати распорядился и моимъ дорожнымъ запассмъ вина и холодными блюдами туземной кухни; но когда дѣло дошло до разсчета—моего негоціанта въ залѣ ужь не было; онъ стоялъ у дормёза и, отворивъ дверцу, кричалъ мнѣ въ окошко съ привѣтливыми поклонами: «Милости просимъ, милости просимъ, лошадки давно готовы!» Я поспѣшилъ разсчитаться съ трактирщикомъ и послѣдовалъ приглашенію Сидора Кузьмича. Сытые, вплоть до Владиміра, то-есть до обѣда, мы спокойно покатили впередъ.

Отличительный характеръ Владимірской Губерніи — необыкновенно-быстрое развитіе мануфактурной промышленности и чрезвычайное разнообразіе сторонніхъ промысловъ мѣстнаго населенія, выходящихъ изъ круга обыкновенныхъ сельскихъ занятій.

Самый городъ Владиміръ не мануфактурный, но онъ значеніе свое имѣетъ какъ губернскій городъ, какъ центръ гражданскаго управленія; въ промышленномъ же отношеніи онъ замѣчателенъ какъ глав-

ный пунктъ торговли лѣсомъ, который частью привозится сюда сухопутно, зимой, изъ уѣздовъ Судогодскаго и Покровскаго, а болѣе всего сплавляется сюда по Клязьмѣ весной, во время водополи. Владиміръ служитъ также перепутьемъ для товаровъ, отправляемыхъ по шоссейной дорогѣ изъ Москвы на Нижегородскую Ярмарку и обозовъ, направляющихся чрезъ Владиміръ, на Судоглу и Муромъ, въ Саратовъ. Крестьяне этого уѣзда, по малоземелью и неблагодарности почвы, наживаютъ деньгу на заработкахъ, на чужой сторонѣ. Здѣшніе крестьяне большею-частью — каменщики, штукатуры, кровельщики, печники, плотники, извощики, и почти не живутъ дома; въ деревнѣ же хозяйничаютъ семейства. Многіе, при наступленіи зимняго пути, нагружаютъ сани извѣстною владимірскою крупною клюквой и можжевельникомъ, отправляются съ этимъ грузомъ въ губерніи нижегородскую, тамбовскую и рязанскую, сбываютъ его тамъ и на вырученныя деньги скупаютъ, по сходнымъ цѣнамъ, муку, крупу и другіе предметы продовольствія. Фабрикъ во Владимірскомъ Уѣздѣ немного: пять для выдѣлки хлопчатобумажныхъ тканей, три табачныя, одинъ кожевенный и два свѣчносальныхъ завода.

Въ Покровскомъ Уѣздѣ, богатомъ лѣсами, крестьяне занимаются рубкою и сплавомъ дровъ, приготовленіемъ разной деревянной посуды и сухопутною перевозкою лѣса отсюда въ Москву. Въ Покровскомъ Уѣздѣ шестнадцать невесьма-замѣчательныхъ фабрикъ, именно: одна хлопчатобумажныхъ издѣлій, двѣ писчебумажныя, три стеклянные завода, одинъ фарфоровый, два купоросные и семь мѣдно-латунныхъ.

Въ Покровскомъ Уѣздѣ одни занимаются добываніемъ извести, другіе ткачествомъ, по заказамъ владѣльцовъ числящихся здѣсь девяти хлопчатобумажныхъ фабрикъ; но главную особенность этого уѣзда составляетъ «ходебничество», представители котораго, называемые «ходебщиками», «офенями», а также «суздалами» и «вязниковцами» (послѣднее названіе укоренилось тамъ, гдѣ первые ходебщики появились изъ Вязниковскаго Уѣзда и вообще изъ земель стариннаго суздальскаго княженія), а иногда именуемые «коробочниками», «стекольщиками», «щетинниками» и просто «разнощиками», забираютъ у мѣстныхъ производителей, а также и у торговцевъ на Нижегородской Ярмаркѣ, разный товаръ на кредитъ, мѣсяцовъ на двѣнадцать, на осьмнадцать и на двадцать-четыре—сбываютъ этотъ товаръ по селеніямъ и по городамъ въ дальнихъ губерніяхъ, продаютъ его на наличныя деньги, снабжаютъ имъ въ долгъ и обмѣниваютъ на разные сельскіе продукты. Эти повсемѣстные факторы и коммиссіонеры разбрасываются по цѣлой Россіи. Ихъ почти въ каждую пору года можно встрѣтить вездѣ: и въ домѣ помѣщика, и въ избѣ крестьянина великороссійскихъ губерній; они являются на торжки и базары Малороссіи и западныхъ губерній, проникаютъ во всѣ закоулки далекой Сибири, разносятъ товаръ по домамъ въ столицахъ и посѣщаютъ подвижныя жилища нашихъ кочевыхъ племенъ. Жемчугъ и бусы, полотна и щетина, дорогія матеріи и простые ситцы, галантерейныя вещи и швейныя принадлежности, уборы изъ каменнаго угля и сы-

рыя кожи, пенька и бархатъ, посуда и золото, румяны и произведенія спекулятивной литературы—все у нихъ находитъ вѣрный сбытъ, на всемъ они наживаютъ копейку. Число ходебщиковъ изъ Ковровскаго Уѣзда полагаютъ въ пять тысячъ душъ, а цѣнность всѣхъ ихъ годовыхъ оборотовъ опредѣляютъ, въ нынѣшнее время, не менѣе, какъ въ десять милліоновъ рублей серебромъ. Офени изстари изобрѣли себѣ особый, искусственный языкъ, называемый офенскимъ, и знакомые, но непонятные звуки его рѣченій, составленныхъ по образцамъ чисто-русской фразы, легко усвоиваются всѣми мелкими торгашами: языкъ этотъ извѣстенъ всюду, проникаетъ и слышится вездѣ, даже въ столицахъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ, такимъ же искусственнымъ языкомъ говорятъ почти всѣ парни Круглаго Рынка.

Вмѣстѣ съ ковровцами, ходебничествомъ занимается и часть вязниковцевъ, другая ихъ часть—овчинники, выходящіе на свой прибыльный промыслъ зимой и странствующіе по сосѣднимъ губерніямъ; третьи—«мнецы»: они мнутъ ленъ и, по закоптѣлымъ отъ этой работы лицамъ, слывутъ подъ прозвищемъ «ядовщины»; четвертый разрядъ обитателей этого уѣзда составляютъ художники, исключительное занятіе которыхъ иконная работа. Иконная живопись сосредоточилась здѣсь въ трехъ главныхъ пунктахъ: селахъ Холуй, Палехъ и Мстёра. Въ Холуѣхъ работаютъ малярною кистью: работа и прочна, но не чиста; въ Палехѣ пишутъ на яичномъ разводѣ: оно не прочно, но зато ясно и чисто; эти два селенія издавна соперничаютъ въ славѣ по живописному искусству, но еще и до-сихъ-поръ никому изъ нихъ слава эта не далась. Во Мстерѣ главное занятіе художниковъ—подправка стараго иконнаго писанія: Рогожская въ Москвѣ, Ржевъ, Саратовъ, Уральскъ, Екатеринбургъ, многія мѣстности Сибири и Закавказья, даже отчасти и нашъ Петербургъ пріобрѣтаютъ произведенія мстерскихъ живописцевъ. Здѣшніе жители занимаются и торговлей: торгъ книгами и потѣшными листами и сказками принимаютъ у нихъ обширные размѣры, которые, если вѣрить устнымъ разсказамъ, далеко превышаютъ сумму въ триста тысячъ рублей серебромъ. Въ самомъ городѣ Вязникахъ происходитъ замѣчательный торгъ простыми крестьянскими сундуками, но главное—полотнами и равендуками; несчитая казенныхъ требованій на равендукъ, количество которыхъ намъ неизвѣстно, скажемъ только, что для одной Астрахани, для частныхъ потребностей, доставляется изъ вязниковскаго, а также и изъ муромскаго уѣздовъ до тридцати тысячъ кусковъ, каждый въ 50 аршинъ длины и въ аршинъ ширины. Этотъ равендукъ, или, какъ его въ Астрахани называютъ—канифасъ, бываетъ трехъ сортовъ: кусокъ равендука въ 20 фунтовъ вѣсу продается на мѣстѣ по 16 руб. 50 коп. ассигнаціями, кусокъ въ 25 фунтовъ — по пяти рублей серебромъ, а кусокъ въ 35 фунтовъ вѣсу—по шести рублей за кусокъ. Длина и ширина кусковъ всегда бываетъ одна и та же. Но у одного изъ здѣшнихъ капитальныхъ фабрикантовъ, именно у г. Обухова, выдѣланъ былъ кусокъ полотна въ пятьдесятъ аршинъ длины и неслыханной ширины — въ девять съ половиною аршинъ; у другаго, тоже здѣшняго

капитальнаго фабриканта, г. Сенькова, ежегодно приготовляется до семьнадцати тысячъ кусковъ фламскаго полотна; у него до тысячи ткацкихъ станковъ и до тысячи двухъ-сотъ человѣкъ рабочихъ; фабрика Сенькова существуетъ ужь лѣтъ семьдесятъ. Что жь касается до общаго числа фабрикъ, то здѣсь всего считается семьнадцать фабрикъ льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, три красильни и одинъ винокуренный заводъ.

Въ Гороховецкомъ Уѣздѣ собственно фабричныхъ заведеній нѣтъ; есть только два винокуренные завода. Занятіе горожанъ состоитъ въ обработываніи огородовъ и въ содержаніи изстари заведенныхъ здѣсь яблонныхъ и вишневыхъ саловъ: владимірская вишня славится по цѣлой Россіи. Женское населеніе Гороховца составило себѣ извѣстность приготовленіемъ превосходныхъ льняныхъ нитокъ, которыя, по тонкости и по бѣлизнѣ, употребляются на кружева. Нитки эти частью потребляются на мѣстѣ, частью отсылаются въ Москву для продажи, а частью сбываются, по сосѣдству, въ Балахну, въ Нижегородской Губерніи. Но въ Гороховецкомъ Уѣздѣ существуетъ особенная промышленость, занимающая до десяти тысячъ человѣкъ и дающая имъ насущный и вѣрный кусокъ хлѣба: это именно изготовленіе вязанаго товара, то-есть издѣліе шерстяныхъ крестьянскихъ чулокъ, носковъ и варежекъ. Производствомъ этого товара занимается нѣсколько деревень, но центромъ этой дѣятельности считается село Пестяки. Увѣряютъ, что этихъ простыхъ, но нужныхъ въ простолюдствѣ издѣлій, распродается, какъ въ самой Владимірской, такъ и въ другихъ, даже въ дальнихъ губерніяхъ, тысячъ на триста рублей серебромъ. Шерсть для этого закупается въ губерніяхъ саратовской, тамбовской, нижегородской и въ Землѣ Донскаго Войска.

Въ Судогодскомъ Уѣздѣ, черезъ который пролегаетъ коммерческій трактъ изъ сѣверовосточныхъ губерній, изъ Костромы и Ярославля, а также и изъ Москвы, черезъ Владиміръ и Муромъ въ Саратовъ, то-есть гдѣ производится сухопутное сообщеніе сѣверныхъ мануфактурныхъ округовъ съ низовымъ краемъ, главныя занятія жителей составляютъ: извозный промыселъ, содержаніе постоялыхъ дворовъ, и ямская гоньба. Въ уѣздѣ считается четырнадцать стеклянныхъ заводовъ, но гораздо-замѣчательнѣе ихъ здѣсь ткачество; крестьяне по деревнямъ почти вездѣ выдѣлываютъ, съ подряда фабрикантовъ, миткаль подъ набивку на ситецъ, и вся масса этого товара, суровьёмъ, отправляется отсюда въ знаменитое село Иваново, для отдѣлки на тамошнихъ бѣлильняхъ.

Муромъ, какъ и Вязники, въ мануфактурномъ отношеніи, замѣчателенъ немаловажнымъ производствомъ фламскаго полотна и равендуковъ; здѣсь же происходитъ обработка щетины и обширное приготовленіе красной юфти, которая отсюда свозится въ Москву, а оттуда ужь идетъ частью въ Санктпетербургъ, а частью въ Радзивиллов; изъ Радзивиллова она, черезъ Броды, отпускается въ Австрію, а изъ Австріи, чрезъ Тріестъ, въ Италію. Въ Муромѣ и его уѣздѣ тринадцать фабрикъ фламскаго полотна и равендуковъ и восемь кожевенныхъ заводовъ, изъ владѣльцовъ которыхъ одни братья Мездря-

ковы выдѣлываютъ до пятидесяти тысячъ кожъ красной юфти. У помѣщичьихъ крестьянъ этого уѣзда съ нѣкотораго времени возникъ новый промыселъ: въ зимнее время они занимаются ломкою изъ горъ алебастра, котораго и добывается въ годъ свыше полумильйона пудовъ. Алебастръ этотъ Окой доставляется въ Москву.

Въ Меленкахъ на первомъ планѣ стоитъ мятый ленъ и льняное сѣмя. Продукты эти скупаются меленковскими торговцами въ базарные дни, съ октября по апрѣль, въ самомъ городѣ Меленкахъ и по окреснымъ деревнямъ у крестьянъ. Закупы эти дѣлаются по заказамъ вологодскихъ купцовъ. Часть льну отправляется отсюда въ губерніи саратовскую и харьковскую, а бо́льшая масса его приводится, черезъ трепаніе, въ лучшую доброту и отправляется весной на судахъ въ городъ Романоборисоглѣбскъ, а зимой, гужомъ—прямо въ Петербургъ. Льняное сѣмя отправляется туда же, и главнымъ пунктомъ этой отправки служитъ село Ляхи, въ двадцати верстахъ отъ города Меленокъ. Ежегодный отпускъ льна простирается до пятидесяти тысячъ пудовъ, а сѣмени — до пяти тысячъ четвертей. Въ этомъ же уѣздѣ, кромѣ льнотрепальныхъ заведеній, расположены пять стеклянныхъ и четыре хрустальные завода и, между ними, гусевскій, принадлежащій г. Мальцову, однофамильцу другаго г. Мальцова, владѣющаго тоже извѣстнымъ «дядьковскимъ» хрустальнымъ заводомъ, находящимся въ Брянскомъ Уѣздѣ Орловской Губерніи; этому же г. Мальцову принадлежитъ и гусевская бумагопрядильная мануфактура. Въ Меленковскомъ же Уѣздѣ находится и гусевскій чугуннолавильный заводъ наслѣдниковъ Баташова; на немъ чугуна ежегодно выплавляется до двухсотъ тысячъ пудовъ. Кромѣ этихъ занятій, занимающихъ многое число рукъ, крестьяне лѣсистыхъ участковъ Меленковскаго Уѣзда промышляютъ выдѣлываніемъ деревянной посуды; сверхъ того, многіе занимаются добываніемъ бѣлой глины и свозятъ ее на стеклянные заводы, какъ Владимірской, такъ и сосѣдней къ ней Нижегородской Губерніи. Лѣсныя подѣлки меленковскихъ крестьянъ, вмѣстѣ съ подобными же имъ издѣліями изъ Костромской Губерніи, сплавляются внизъ по Волгѣ въ лодьяхъ, нагруженныхъ, сверхъ-того, стеклянной и фарфоровой посудой, гончарными издѣліями и разными мелкими изъ чугуна подѣлками, нужными въ домашнемъ быту. Эта смѣсь предметовъ, сплавляемыхъ сверху, изъ верхо́выхъ губерній, въ низовомъ краѣ пользуется исключительнымъ названіемъ «горя́нскаго товара», или «горя́нщины», хоть, впрочемъ, горя́нщиной называютъ и самый товаръ и сбывающихъ его торговцовъ.

Переславль Залѣсскій лежитъ на рѣкѣ Трубежѣ и историческомъ озерѣ Клешнинѣ или Плещеевѣ, на которомъ Петръ Великій, въ юности своей, учился управлять судами и на которомъ онъ, впервые, можетъ-быть, помышлялъ о созданіи русскаго флота. Мѣстное населеніе этого уѣзда занимается преимущественно хлѣбопашествомъ; но жители такъ-называемой Рыбной-Слободы промышляютъ ловлею сельдей и другой рыбы въ озерѣ Клешнинѣ. Въ коммерческомъ отношеніи, городъ Переславль замѣчателенъ сбытомъ полотенъ къ санктпетербургскому порту и отпускомъ кожъ на обширную ярмарку, продолжаю-

щуюся въ-теченіе трехъ первыхъ недѣль великаго поста въ городѣ Ростовѣ, Ярославской Губерніи. Въ Переславскомъ Уѣздѣ четыре неважныя фабрики хлопчатобумажныхъ издѣлій, два заведенія для приготовленія синяго купороса, одинъ кожевенный заводъ и мн. др. Переславль, вмѣстѣ съ Дмитровомъ, Московской Губерніи, и Ростовомъ, Ярославской, лежитъ на шоссейной дорогѣ изъ Москвы въ Ярославль.

Городъ Александровъ — прежде бывшая, въ шестидесятыхъ годахъ шестнадцатаго столѣтія, Александровская Слобода, любимое мѣстопребываніе царя Іоанна Васильевича Грознаго—отличается нынѣ самымъ мирнымъ, промышленнымъ направленіемъ: крестьяне здѣсь или хлѣбопашцы, или ткачи. Въ городѣ и его уѣздѣ находится семь фабрикъ хлопчатобумажныхъ и двѣ шерстяныхъ издѣлій, пять писчебумажныхъ фабрикъ, одинъ кожевенный заводъ, два стеклянные, одно купоросное заведеніе и четыре — для выдѣлки квасцовъ. Изъ рязряда же фабрикъ, выдѣлывающихъ красный, тканый и набивной товаръ, заслуживаетъ особеннаго вниманія заведеніе вдовы Барановой и г. Зубова. Бо́льшая часть окрашиваемой ими пряжи потребляется на принадлежащихъ имъ ткацкихъ мастерскихъ; кромѣ-того, сюда же поступаютъ въ набивку и на крашеніе въ адріанопольскій цвѣтъ большія партіи бѣлаго миткаля, выдѣлываемаго по разнымъ селеніямъ Владимірской Губерніи, а потому производство пунцоваго товара на этой фабрикѣ, выдѣлывающей слишкомъ 40,000 кусковъ набивнаго миткаля, суммою въ полмильйона рублей серебромъ, занимаетъ здѣсь большое число рукъ.

Таковъ же характеръ и города Юрьева-Польскаго и всего Юрьевскаго Уѣзда, въ которомъ считается двѣнадцать хлопчатобумажныхъ фабрикъ, два кожевенные завода и одинъ винокуренный. Изъ фабрикантовъ здѣсь болѣе другихъ замѣчателенъ г. Меншиковъ, занимающій ткачествомъ бо́льшую часть жителей города Юрьева и окрестныхъ селеній. На него работаютъ болѣе тысячи-двухсотъ ткацкихъ становъ. Изъ хлопчатобумажныхъ тканей, здѣсь приготовляются дешевые сорты кисеи, ситцевъ и плисовъ, а изъ льняныхъ тоже разныя ткани для простолюдья—чешуйка, нанка, коноватъ и разная пестрядь.

Въ Суздальскомъ Уѣздѣ, кромѣ повсемѣстно-распространеннаго ткачества, по заказамъ владѣльцовъ двѣнадцати набивныхъ заведеній, изъ которыхъ девять находятся въ одномъ Гавриловскомъ Посадѣ, и кромѣ кожевеннаго производства, а кожевенныхъ заводовъ здѣсь пять, жители Суздаля разводятъ въ большомъ количествѣ мяту-холодянку, хмѣль, лукъ, хрѣнъ, а отъ Ростовцевъ заимствовали они разведеніе цикорія и приготовленіе изъ него дешеваго кофейнаго суррогата.

Въ Шуйскомъ Уѣздѣ считается до двухсотъ фабрикъ и въ томъ числѣ нѣсколько химическихъ заведеній; однихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій приготовляется здѣсь около полутора мильйона кусковъ, каждый длиною отъ 42 до 62 аршинъ... то-есть такое огромное полотнище суроваго и набивнаго товара, что имъ свободно можно опоясать всю нашу планету по экватору, да еще излишекъ, который долженъ оказаться въ остаткѣ, просунуть сквозь шаръ земной, отъ одного по-

люса до другаго, и образовать такимъ-образомъ осязательную земную ось. Въ самой Шуѣ выдѣлывается до трехсотъ-пятидесяти тысячъ штукъ миткалей, да въ селѣ Ивановѣ болѣе восьмисотъ тысячъ штукъ; но остаются еще другія мануфактурныя села.

Въ самой Шуѣ около сорока заводовъ и фабрикъ; въ числѣ ихъ была и фабрика того Посылина, имя котораго гремѣло на всемъ Востокѣ: и въ Персіи, и въ Хивѣ, и въ Бухарѣ, и въ Коканѣ. Фабрика эта теперь утратила прежнее свое значеніе, но именемъ Посылина все еще чествуется на Востокѣ всякій добротный товаръ, приготовляемый другими фабрикантами; довольно назвать ситцы «посылинскими» ситцами, чтобъ съ перваго же раза внушить къ нимъ довѣріе потребителей. Собственно горожанъ въ Шуѣ не болѣе четырехъ съ половиною тысячъ душъ мужескаго пола, но это число увеличивается крестьянами, которые, въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, живутъ здѣсь постоянно, въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ.

Село Иваново принадлежитъ графу Д.-Н. Шереметеву. Извѣстность села Иванова началась еще въ прошломъ столѣтіи. Въ первой половинѣ минувшаго вѣка, крестьяне села Иванова преимущественно занимались хлѣбопашествомъ, кузнечествомъ и шерстобитнымъ ремесломъ, но и тогда ужь, хотя и въ маломъ видѣ, существовалъ промыселъ издѣлія выбойки, или печатанія по холсту масляными красками. Съ 1751 года начали здѣсь заводить ткацкія полотняныя фабрики и первые подали тому примѣръ крестьяне Грачовъ и Гарелинъ; по другимъ же свѣдѣніямъ, первая набоячная фабрика по холсту была заведена въ селѣ Горицахъ купцомъ Холщевниковымъ. Эти фабрики, по прошествіи двадцати-пяти лѣтъ, послужили, въ 1776 году, основаніемъ ситцевой фабрикаціи. Нѣкоторые изъ ивановскихъ крестьянъ въ бытность свою въ Шлиссельбургѣ, на фабрикѣ, принадлежавшей иностранцамъ, вызнали секретъ составленія красокъ, познакомились съ обработкой ситца и, возвратясь на родину, начали сами работать ситцы, сперва по холсту, а потомъ по миткалямъ, которые частію и тогда ужь выработывались въ самомъ селѣ Ивановѣ, изъ бухарской бумажной пряжи; наконецъ Ивановцы перешли и къ англійскимъ миткалямъ. Бумагопрядилень тогда въ Россіи не было, и Ивановцы съ 1803 года стали сами покупать тонкую англійскую бумажную пряжу и, ужь по своему товару, приготовлять ситцы. Разореніе Москвы Французами въ двѣнадцатомъ году и паденіе тамъ ситцевыхъ фабрикъ дало новую жизнь селу Иванову, и съ этой эпохи началось быстрое его возрастаніе. Всѣ, доставляемые для села Иванова, сырые матеріалы изъ Петербурга, ровно какъ лѣсъ и строительныя принадлежности, отправляются водою, выгружаются при селѣ Сидоровскомъ, на Волгѣ, и оттуда ужь сухопутно перевозятся въ Иваново. Этотъ переволокъ, въ торговомъ отношеніи, по замѣчанію нашего извѣстнаго статистика К. И. Арсеньева, подробно обозрѣвавшаго этотъ край, столь же для него важенъ, какъ и переволокъ съ Волги на Донъ, отъ Дубовки до Качалинской Станицы.

Купцы, ивановскіе фабриканты, получивъ отъ владѣльца свободу, пользуются арендным правомъ имѣть свои фабричныя заведенія на

землѣ помѣщика; но впослѣдствіи времени было замѣчено, что операціи здѣшняго купечества могли бы развернуться въ значительнѣйшей степени, еслибъ фабриканты постарались пріобрѣсти въ свою собственность земли и на нихъ завести свои фабрики.

Село Иваново лежитъ на правомъ берегу рѣки Уводи. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ негоціантовъ, почетный гражданинъ С. Л. Лепешкинъ, купилъ въ 1843 году клочокъ земли на противоположномъ берегу Уводи; онъ разлѣлилъ его на мелкіе участки и распродалъ ихъ разнымъ лицамъ, которые тогда же, съ разрѣшенія правительства, основали здѣсь Вознесенскую Слободу; теперь это цѣлый городокъ, съ двухтысячнымъ населеніемъ фабричнаго народа. Въ полутора верстѣ отъ Иванова возникла другая слобода — Дмитровка, съ обширнымъ химическимъ заводомъ гг. Лепешкиныхъ: здѣсь они приготовляютъ изъ русской, то-есть закавказской марены, крапъ и даже гарансинъ, который доселѣ выписывался къ намъ изъ-за границы; лепешкинскій же гарансинъ ни въ чемъ не уступаетъ гарансину, извлекаемому изъ авиньйонскаго и зеландскаго крапа. Кромѣ-того, здѣсь же, изъ уральскаго хромоваго желѣза, гг. Лепешкины добываютъ бихроматъ, кронъ-пикъ и кронъ-кали. Изъ мѣстныхъ мануфактуристовъ на первомъ планѣ стоятъ гг. Гарелины. Я. Гарелинъ выдѣлываетъ болѣе семидесяти тысячъ кусковъ ситцу и занимаетъ этимъ до четырехъ съ половиною тысячъ рабочихъ, изъ кототорыхъ 750 человѣкъ въ набивныхъ мастерскихъ, а 3,800 человѣкъ на ткацкой фабрикѣ; но и его замѣчательнѣе Н. Гарелинъ, который, занимая такое же число рабочихъ рукъ, учредилъ еще у себя обширную бумагопрядильню, снабженную 12,000 тонкопрядильныхъ веретенъ и выпрядающую почти весь первый матеріалъ, употребляемый въ ткацкихъ мастерскихъ и въ свѣтлицахъ мелочниковъ, работающихъ насчетъ Гарелина.

Кромѣ села Иванова и примыкающихъ къ нему слободъ, въ Шуйскомъ Уѣздѣ есть еще и другія мануфактурныя села, каковы, напримѣръ, Кохма (разныхъ помѣщиковъ) и Тейкова (г. Олсуфьева), въ которой одинъ изъ фабрикантовъ, Каретниковъ, занимаетъ по ткачеству и набивному дѣлу до трехъ съ половиною тысячъ человѣкъ; заведеніе г. Каретникова принадлежитъ къ старѣйшимъ въ здѣшнемъ краѣ: оно учреждено въ 1787 году. Обширною извѣстностью пользуются также села Дунилово, Васильевское, Горицы, Шахма или Пушки и другія. Дунилово и Горицы лежатъ другъ противъ друга на одной и той же рѣкѣ Тезѣ; оба они замѣчательны еще выдѣлкою зайчинъ и приготовленіемъ изъ нихъ мѣховъ: ежегодно здѣсь мѣховъ этихъ приготовляютъ тысячъ на двѣсти рублей серебромъ; въ деревняхъ же Чижовѣ, Пустоши, Гаряхъ и Гремучевѣ обработывается до двухсоттысячъ овчинъ; товаръ этотъ, въ видѣ дубленыхъ полушубковъ и тулуповъ, отправляется въ Санктпетербургъ и другія губерніи.

Фабричные рабочіе раздѣляются, по роду своихъ занятій, на нѣсколько разрядовъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ свои подъотдѣленія. Такъ, напримѣръ, къ «набойщикамъ» принадлежатъ «заводчики» или «бѣлевщики», первоначально накладывающіе на штуки «манеры» и

узоры; «черновщики», «красновщики», «разцвѣтщики», «желтовщики» и «штрифовалы» или тёрщики, растиральщики красокъ. «Рѣщики манеровъ» занимаются составленіемъ, наборомъ на берёзовыя доски «манеровъ», цвѣтовъ и фигуръ; есть еще красовары или «колеристы», для которыхъ познаніе основныхъ положеній химіи предметъ совершенно-необходимый; «рисовальщики» по-большей-части самоучки; «кубовщики», «шпульники»—размотщики пряжи, «клѣильщики» или закрѣпщики, «сновали», «бердники», «нитовщики». Къ «заворочнымъ» относятся «мытильщики» и «колотилы», составляющіе прислугу для размывки товаровъ, машинисты, то-есть, механики, и ихъ помощники «шурали» или кочегары, и «заварщики». Далѣе, при заваркахъ бываютъ «закотельщики», «отжималы», «спиртовщики», «мылари» при голландрахъ—«запускальщики» и наконецъ носильщики. Въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», по поводу этого класса рабочихъ, говорится, что «всѣ эти заворочные люди, слывущіе въ народѣ подъ именемъ «жучковъ», харчатся и продовольствуются, съ мытильщиками вмѣстѣ, посредствомъ нарочно-избранныхъ изъ среды себя артельнаго старосты, пекарей и стряпухъ; кушанье у нихъ, въ скоромные дни — щи съ говядиной, каша съ масломъ и квасъ; помѣщеній особыхъ не имѣютъ; ночлегъ дурной, тѣсный и грязный — это кухня; спятъ на голомъ полу (совершенно, какъ всѣ фабричные и ремесленики даже и въ Петербургѣ). Русскому человѣку все трын-трава, у него здоровье чуть-чуть не желѣзное. Между рабочими много и такихъ, которые въ общей артели не харчатся, зато и ночлегомъ теплымъ не пользуются; это просто какіе-то горемыки: зимой спятъ на открытомъ воздухѣ, да еще въ мокрыхъ онучахъ; много-много, если прійдется переночевать на паровикахъ, гдѣ съ одной стороны жарко, съ другой холодно.» «Набойщики» живутъ гораздо-зажиточнѣе; это — народъ смышлёный, изворотливый и грамотный. «Голландры» и «уборщики», а также и «раклйсты» при цилиндрахъ, народъ тоже все грамотный и болѣе-образованный; они пользуются достаткомъ, а красовары живутъ на богатую руку и стараются копировать средней руки купцовъ.

Покамѣстъ мы толковали съ Сидоромъ Кузьмичомъ о томъ, да о сёмъ, время летѣло, да летѣло. Тихое утро смѣнилось жаркимъ полуднемъ. На небѣ не было ни облачка; едва-развернувшіеся первые листочки на березкахъ даже не колыхались; въ воздухѣ разливалась отрадная теплота; свѣжая травка разстилалась яркимъ изумрудымъ бархатомъ; всюду пахло весной, отовсюду вѣяло томною нѣгою, проникавшею все существо человѣка, давно-отвыкшаго встрѣчать первые майскіе дни среди просторныхъ полей и пріученнаго къ душной атмосферѣ столичнаго города. Не усидѣлъ бы, кажется, въ экипажѣ: такъ и выпрыгнулъ бы изъ него и пошелъ бы себѣ пѣшкомъ, по гладко-убитымъ песчанымъ окраинамъ дороги, изрѣдка окаймляемой еще нераспустившимися, одинокими деревцами. Но пѣшеходомъ быть не хочется: неловко... Душевные порывы считаешь дѣтскимъ увлеченіемъ, ребячествомъ... Подумаешь-подумаешь — и свалишь собственную неохоту на обстоятельства: почтовыхъ лошадей нельзя за-

держивать лишніе часы... на дорогѣ устанешь, утомишься... одни и тѣ же виды прискучать глазу...

Дорога разстилалась передъ нами прямой, нескончаемой линіей, кой-гдѣ, и то очень-рѣдко, принимая оборотъ то вправо, то влѣво, и тѣмъ избавляя насъ отъ утомительнаго однообразія длинной перспективы, необрамленной ни однимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Поверстные столбы смѣнялись одинъ другимъ поочередно и съ подобающею вѣрностью; раздѣляющее ихъ пространство разнообразилось правильными грудами битаго, измельченнаго булыжника, кучками разставленнаго по обѣимъ сторонамъ шоссе. Скромные и приземистые, стосаженные указатели прилежно докладываютъ путнику своими ясными цифрами, много ли отъѣхалъ онъ отъ промелькнувшаго столба и много ли еще остается ему ѣхать до слѣдующей, ужь приближающейся къ нему, версты. Хорошая вещь эти указатели! но я не столько любовался самими ими, сколько ихъ красивыми, круглыми или восьмигранными пьедестальчиками, рачительно и въ красивый узоръ вымощенными трехцвѣтнымъ щебнемъ. Среди такихъ, другъ противъ друга стоящихъ пьедестальчиковъ, на каждомъ красуется ребромъ-поставленный гладкій булыжникъ, загрунтованный масляною краскою; въ срединѣ его черная цифра, на бѣломъ фонѣ, обведенномъ красной каемочкой, обозначаетъ сотню оставшихся позади саженъ — если указатель этотъ приходится съ правой стороны; цифра же на противоположномъ указателѣ выражаетъ собою число тѣхъ сотенъ, которыя надо еще проѣхать до слѣдующаго верстоваго столба. Но пьедестальчики— прелесть! Они съ боковъ замшились свѣжею зеленью, а поверхность ихъ щеголевато изукрашена: кружки, фестоны, треугольнички и арабески выложены красненькими, бѣленькими и сѣренькими камешками, одинъ съ другимъ несмѣшивающимися и красиво-подобранными въ математически-правильный рисунокъ.

Мы пріѣхали во Владиміръ прямо къ обѣду, къ тремъ часамъ.

— А любите вы, сударь мой, ухў на шампанскомъ? спросилъ меня Сидоръ Кузьмичъ, въ минуту въѣзда нашего въ городъ.

— Люблю — на чужомъ обѣдѣ.

— А этакъ... бутылочку рейнвейнцу?

— И то недурно.

— Владиміръ — губернія: какъ, поди, намъ здѣсь не добыть роскошнаго обѣда!.. Я думаю велѣть подать къ этому сочный ростбифъ и бутылочку хорошаго портеру — оно и довольно.

— Я изъ своего бюджета не выхожу и такихъ обѣдовъ не заказываю.

— Да, нѣтъ, не то: я къ тому это говорю, что сегодня моя очередь... вамъ не противно будетъ, если я теперь распоряжусь обѣдомъ?

— Дѣлайте, какъ знаете!

Сидоръ Кузьмичъ, сообыкновенію, растворилъ дверцы кареты, высадилъ меня и побѣжалъ впередъ, заказывать обѣдъ... но, вмѣсто ухи и ростбифа, на столѣ появились зеленыя щи да телятина, потомъ паюсная икра и желе на блюдечкѣ: желе было подано для меня, а

Сидору Кузьмичу икра служила вмѣсто пирожнаго. Передъ концомъ обѣда мой спутникъ снова незамѣтно исчезъ, и мнѣ опять пришлось одному расквитаться съ трактирщикомъ. Я вышелъ и встрѣтилъ фабриканта на обычномъ мѣстѣ: онъ стоялъ у растворенной дверцы дормеза и съ поклонами проговорилъ:

— Милости просимъ, милости просимъ, лошадки давно готовы!

— Вы, однакожь, слишкомъ кутите, Сидоръ Кузьмичъ!

— А что-съ?

— Да какъ можно такіе роскошные обѣды заказывать?

— Какіе же роскошные-съ?

— А уха-то на шампанскомъ? а старый рейнвейнъ? а ростбифъ?

— На это, я вамъ доложу, были тутъ свои причины-съ: здѣсь стерлядей живыхъ не было, хорошаго рейнвейну не нашли, а про этакой филе здѣсь и не слыхивали-съ. Но вотъ, позвольте, въ Горохо-вецъ пріѣдемъ, я не я буду, если мы не зажуируемъ: спрыснемъ начало дѣла, которое я хочу завести въ Нижнемъ-Новгородѣ.

— А у васъ въ Нижнемъ какое дѣло? вы свои товары развѣ ужь туда отправили?

— Нѣтъ еще-съ: у насъ изъ Москвы товары къ Макарью шлютъ съ конца іюня по самый Ильинъ-день; кто пораньше отправитъ, тотъ подешевле и за провозъ заплатитъ...

— А какъ, напримѣръ?

— Гривенъ шесть-семь мѣдью съ пуда, ну, а попозже пошлешь — и два съ полтиною заплатишь — спѣшное, выходитъ, время. А какъ въ пору обозы прійдутъ, тутъ и начнется развалъ — товары всякъ разбираетъ и оптовые и розничные торговцы, и городовые и рядскіе.

— Что жь это значитъ: рядскіе и городовые?

— Рядскіе — это тѣ купцы, которые записаны въ гильдію по Нижнему-Новгороду, живутъ тутъ, и въ рядахъ, то-есть въ гостиномъ дворѣ, имѣютъ свою лавку; а городовые — это купцы изъ другихъ городовъ, иногородные.

— Отчего жь вы такъ рано на ярмарку-то собрались?

— Да дѣлишко тамъ одно надо бы обдѣлать.

— У васъ своя лавочка на ярмаркѣ?

— Затѣмъ-то вотъ и ѣду, что лавочки нѣтъ: авось Б гъ поможетъ, какъ-нибудь и лавочку добуду.

— Да онѣ, чай, всѣ заняты...

— То-то и бѣда моя, что всѣ заняты! Вотъ я и ѣду пронюхать... какъ-бы этакъ, того...

— То-есть, чего, напримѣръ?

— Да какъ бы вамъ это сказать?.. Видите ли что. Лавки на ярмаркѣ отдаются купцамъ заблаговременно, единожды навсегда, съ платою, положенныхъ отъ казны денегъ. Но нашъ братъ, случится, деньги въ срокъ позабудетъ взнести, а случится и такъ, что иной, на свою фирму, допуститъ занять лавку постороннему, неимѣющему на то права, торговцу: а это ужь подлогъ; за него строго взыскивается: за этакое противозаконное дѣйство, и за иныя прочія, по-

добныя тому, продѣлки, лавка отбирается и передается тому, кто первый успѣетъ подать прошеніе.

— Ну, а вы-то тутъ что?

— Вотъ я и ѣду собрать разные по этому случаю слухи... я, примѣромъ, какъ какой-нибудь военачальникъ, и дѣлаю, такъ-сказать, рекогносцировку. У меня тамъ — языки есть, мѣщане знакомые подсматриваютъ съ разными прорухами нашего брата: вотъ, какъ откроютъ они мнѣ этакую мараль — я какъ тутъ съ прошеніемъ о надѣлѣ меня лавкой, будто ни сномъ, ни духомъ ничего не знаю.

— Хорошее дѣло, Сидоръ Кузьмичъ, хорошее!.. А случится вы, этакъ, удружите и доброму знакомцу?

— Какъ не случаться! случится и роденькѣ подрадѣешь!

— Ну что жь и размолвка пойдетъ?

— Нисколько! Я вѣдь тутъ въ сторонѣ остаюсь: за что жь имъ со мной ссориться!

— Ну, а какъ откроется?

— И, батюшка! какъ-нибудь сочтемся. А не то, такъ я же самъ его въ свою лавку пущу: пусть пріютится да подъ моимъ именемъ своимъ товаромъ торгуетъ!

— Но вѣдь за это и отъ васъ лавку отнимутъ?

— А надо умѣючи да ладненько дѣла вести — и все хорошо пойдетъ!

— Да вы, Сидоръ Кузьмичъ, даромъ что негоціантъ, а какъ я вижу — бѣдовый вы человѣкъ, у васъ должно быть ни почемъ зло человѣку сдѣлать...

— Нѣтъ, ужь скажу вамъ: совѣсть моя чиста, никому въ мірѣ зла я не дѣлалъ и не буду дѣлать; а коли грѣшокъ какой и водится, такъ гдѣ жь грѣха нѣтъ: всѣ мы люди, всѣ мы человѣки! а гдѣ есть человѣкъ, тамъ и старая наша пословица не мимо молвится.

— Какая пословица?

— А та пословица, что, дескать, возлѣ воды — обмочишься, возлѣ огня — обожжешься!

— Ну, не желалъ бы я, чтобъ наше молодое поколѣніе одинаково съ вами думало, чтобъ дѣти ваши по васъ пошли.

— Что жь такъ, сударь вы мой? али я своимъ дѣтямъ не отецъ: я и своего Капитошеньку до зла да до дурна не довожу ни до какого.

— А гдѣ вашъ сынокъ учился?

— Дома учился: мать изъ-подъ своихъ крылышекъ никуда его не выпускала.

— Но вѣдь въ наше время трудно дома воспитывать дѣтей и дать имъ такое образованіе, какого они вправѣ ожидать отъ васъ, при вашихъ достаткахъ.

— Копочка мой преобразованный человѣкъ выйдетъ: пофранцузски читать-писать знаетъ... ну, и танцовать тоже не изъ послѣднихъ.

— И все?

— А чего жь больше-то нужно?

— А бухгалтерію знаетъ?

— Будетъ дѣлами заниматься — съумѣетъ и бухгалтерію вести.

— Ну, а торговые законы?

— Я держусь того правила, что изо всѣхъ законовъ нужно знать только одну статью, много-что двѣ: «не дѣлай зла» и «не попадайся въ дурномъ дѣлѣ», знаешь это — вотъ тебѣ и вся юриспруденція! а въ годы войдешь, да въ разныя дѣла ввяжешься — въ недѣлю полный курсъ пройдешь, да такъ-то нужныя статьи вызубришь, что и магистера-то инаго за поясъ заткнешь!

— Отчего же другіе-то купцы за счастье считаютъ сыновей своихъ отдать или въ коммерческое училище, или въ гимназію, или въ технологическій?

— Мой Капитошенька не по тѣмъ стопамъ пойдетъ.

— Купцу нужно знать англійскій языкъ...

— А я такъ думаю, что вовсе не нужно. Англійскій языкъ пригоденъ тамъ, гдѣ торгуютъ Англичане; а намъ не бывать тамъ, гдѣ они торгуютъ: намъ ихъ не пересилить. Полагаю я, что для русскаго купца нужно знать или итальянскій языкъ, или татарскій. Съ итальянскимъ языкомъ нашъ братъ, купецъ, всю Европу выѣздить можетъ...

— А татарскій?

— Татарскій-то? Гм .. Да татарскій-то языкъ, я чай, важнѣе всѣхъ другихъ. Азія у насъ сторона нетронутая, торговля въ ней все-еще только ковыляетъ. Торговать намъ вѣкъ свой надо не съ Французами, или не съ Нѣмцами, а съ Турками, съ Персіянами, съ Бухарцами — всюду татарскій языкъ нуженъ; да и въ нашемъ благословенномъ царствѣ милліоновъ семь есть же народу, который только и говоритъ что потатарски; да чего тутъ толковать долго? съ татарскимъ языкомъ купецъ управится и въ Китаѣ!

— А сына своего вы учите потатарски?

— Ему не для чего: онъ будетъ фабрикантомъ, изъ Россіи не выѣдетъ: стало, ему только одинъ русскій языкъ и нуженъ... ужь, конечно, я его надъ грамматикой не неволилъ: къ-чему намъ грамматика?

— Исторіи, по-крайней-мѣрѣ, сынъ вашъ учился?

— Какъ же: всегда по вечерамъ читалъ, бывало, древнюю исторію.

— Немного же!

— Лучше, сударь вы мой, немногое знать, да знать хорошо, чѣмъ и всѣ науки преизойдти, да аза въ глаза не смыслить. По-моему: не знай лишняго, знай нужное — вотъ и все хорошо пойдетъ!

Странныя понятія о воспитаніи случалось иногда мнѣ слышать отъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ купцовъ, представителей не старинныхъ торговыхъ домовъ, а разбогатѣвшихъ разными ухищреніями торгашей, далекихъ отъ всякихъ помысловъ о плодотворности правильнаго, систематическаго научнаго образованія. Въ былыя времена случалось, что мужикъ, добывъ первую тысячу и вкусивъ зловредныхъ плодовъ непривычной роскоши, лѣзетъ въ гору; начавъ свои операціи прасольствомъ да промысломъ кулаковъ и булыней, и, превратившись въ зажиточнаго торговца, онъ, по привычкѣ къ несовсѣмъ-прямымъ оборотамъ, перебивается сначала отъ сотни до сотни, а тамъ ужь легко доколачиваетъ до тысячъ и до десятковъ тысячъ!

Не рѣдко, а, напротивъ-того, очень-часто случалось, что иной добьетъ и до сотни тысячъ, но дальше ужь ни съ мѣста! Такъ вести дѣла, какъ ихъ ведетъ исконный купецъ, онъ не можетъ, по непривычкѣ къ солидности и къ безусловной прямизнѣ; обширныхъ затѣй, при недостаткѣ образованности и при ограниченности познаній, у него нѣтъ, а между-тѣмъ онъ инстинктивно понимаетъ, что, при старой манерѣ веденія дѣлъ, ему не поддержать кредита — онъ и останавливается, самъ коснѣетъ въ застоѣ, а нажитые имъ капиталы распадаются. Для сыновей его, взрощенныхъ близь домашняго очага да на отцовской лежанкѣ, въ виду опять крайности: иного мать избалуетъ, иного самъ отецъ не тому научитъ, чему нужно. Часто разжившійся торгашъ доходитъ до сознанія необходимости держать сына съ малыхъ лѣтъ въ ежовыхъ рукавицахъ: кое-какъ выучивъ его грамотѣ, онъ сажаетъ его за прилавокъ. Здѣсь юноша, окруженный прикащиками, учится тѣмъ же ухищреніямъ и пріемамъ, при помощи которыхъ разбогатѣлъ и отецъ. Кушая сладко дома, знакомясь издали съ роскошью, свойственною настоящему состоянію своего семейства, но находясь подъ вліяніемъ разнаго рода лишеній, понимая, между-прочимъ, что у отца—больше ста-тысячъ, неопытный юноша, по молодости лѣтъ, по несовершенной еще испорченности сердца и по невольному сближенію съ хорошимъ, сознаетъ всю дурную сторону торгашескихъ ухищреній и, естественнымъ образомъ, получаетъ отвращеніе къ проникнутому этими началами ремеслу и къ многозначительному совѣту: «бери съ меня примѣръ: я самъ съ пятака началъ!» Тогда молодой человѣкъ, нерѣдко, принимается гулять, сперва въ-тихомолку, а потомъ ужь и открыто, кутитъ и мутитъ, спускаетъ съ рукъ батюшкины денежки и потомъ ужь, очень-поздно, узнаетъ всю цѣну скромности и честнаго веденія дѣлъ.... Да, любили погулять наши купеческіе сынки, они и теперь еще это любятъ; но то, что теперь случается, къ-счастью, изрѣдка, далеко не можетъ идти въ сравненіи съ тѣмъ, что водилось въ давніе, въ бывалые годы: образованіе стало общедоступнымъ, сѣмена просвѣщенія посѣяны всюду и добрые плоды стали очевидны; теперь въ промышленномъ классѣ ужь не рѣдкость встрѣтить молодыхъ людей, служащихъ украшеніемъ своего сословія.

Принадлежалъ ли мой Сидоръ Кузьмичъ къ такимъ украшеніямъ — сказать навѣрное я не могу. Сопутствованіе его мнѣ оказалось не во всѣхъ отношеніяхъ плодотворнымъ: кромѣ приведенныхъ здѣсь разговоровъ, больше ничѣмъ не удалось мнѣ отъ него поживиться, и, вѣроятно, вину въ томъ я долженъ принять на одного себя, не съумѣвъ, по выраженію Андрея Иваныча, «распотрошить» его хорошенько. Объ ухѣ изъ стерлядей и о рейнвейнѣ не было и помину: городъ Горохо-вецъ мы проѣхали ночью, да притомъ же онъ лежалъ въ сторонѣ отъ шоссе версты на полторы. Зажиточный фабрикантъ ни разу не растресъ кошелька ни въ одной гостинницѣ, не заквиталъ убытка, по поводу загрязненной и испорченной имъ сторы, и, по прибытіи въ Нижній-Новгородъ, заплатилъ только третью часть израсходованныхъ во время пути прогоновъ, на томъ основаніи, что онъ ѣхалъ одинъ, безъ всякой поклажи, а насъ было двое, да и экипажъ тяжело на-

груженъ только нашимъ добромъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ Сидоръ Кузьмичъ занялъ въ дальнемъ трактирѣ конурку, грязный нумеръ, по четвертаку за сутки. Въ богатомъ купцѣ я видѣлъ любопытный образецъ человѣка, который знаетъ какъ богатѣть надо и какъ надо беречь денежку.

По дорогѣ изъ Владиміра намъ привелось совершать три переправы, продолжавшіяся каждая часа по полтора: два раза мы переѣзжали черезъ Клязьму и разъ, у самаго Нижняго, Оку; такимъ образомъ въ Нижній-Новгородъ прибыли мы часамъ къ шести вечера, четвертаго числа мая.

На Окѣ обозовъ съѣхалось множество и, вѣрно, долго бы мнѣ пришлось ждать своей очереди, еслибъ зоркіе перевозчики — Татары не отдали предпочтенья экипажу, сопровождаемому почтальйономъ. Они бросили все и всѣхъ и исключительно занялись помѣщеніемъ дормеза на маленькій, утлый и Богъ-знаетъ какъ державшійся на водѣ дощаничокъ; на другую, такую же посудинку, ввели лошадей. Рулевой, Татаринъ Абдулка, съ выщипанной, по обыкновенію, рѣдкой бородой и съ отрощенными на головѣ волосами, скомандовалъ «отчаливай» — и мы отчалили. Долго мы барахтались и возились на вертлявомъ паромѣ; Татары бормотали безъ милосердія и кричали безъ умолку, а рабочіе, изъ Русскихъ, грянули веселую пѣсенку о бывалыхъ разъѣздахъ по синему морю Каспійскому и о старыхъ побывкахъ на персидскихъ берегахъ.

Волга и Ока были ужь на прибыли. Прибрежныя городскія строенія, амбары и кладовыя отдѣлялись отъ высокаго берега широкимъ потокомъ воды, въ которую глядѣлись красныя, небѣленыя ихъ стѣны. Противоположный низменный берегъ, такъ-называемая «ярмарка», была вся залита водой; соборы, церкви, мечети и длинные корпуса ярмарочнаго гостинаго двора высились надъ водой необитаемыми каменными островами, которые, еще съ прошлаго года покинуты обитателями. Шумное и музыкальное, въ извѣстную пору года, Кунавино едва пестрѣло издали своими высокими, опустѣлыми теперь, хоромами. Видъ былъ невеселый, но любопытный для того, кому не случалось еще видать рѣку въ разливѣ. Гораздо-живописнѣе глядѣлъ на насъ самый городъ, весь освѣщенный заходящимъ солнцемъ; лѣпившіеся по горѣ домы привѣтливо обращены были въ нашу сторону чистенькими фасадами; стекла зданій точно огнемъ горѣли—такъ ярко отражались въ нихъ падавшіе на нихъ вечерніе лучи; громоздившіеся ярусами строенія выглядывали одинъ изъ-за другаго и, поднимаясь все выше-и-выше, оканчивались бѣлой кремлевской стѣной, среди которой великолѣпно блисталъ металлическій куполъ собора.

Пристань была загромождена народомъ; нашъ дощаникъ едва отыскалъ мѣсто для причала; десятки рабочихъ подхватили экипажъ и вынесли его на берегъ. Мы пошли впередъ пѣшкомъ. Сидоръ Кузьмичъ чрезвычайно былъ доволенъ эффектомъ, который, естественно, былъ произведенъ дормезомъ на толпу, но еще того больше былъ восхищенъ услужливостью и распорядительностью полицейскихъ, которые разгоняли значительную гурьбу попрошаекъ, обступавшихъ не-

тороватаго фабриканта и величавшихъ его громкими, очень-лестными, но непринадлежащими ему титулами. Сидоръ Кузьмичъ, придавъ себѣ важный и озабоченный видъ, горделиво поднимался въ гору, подзывалъ къ себѣ будочниковъ и каждому изъ нихъ наказывалъ: «вели, братецъ, каретѣ скорѣй насъ догонять!» Когда экипажъ поравнялся съ нами, Сидоръ Кузьмичъ крикнулъ на прохожаго бурлака, велѣлъ ему подержать свою синюю съ бархатнымъ воротникомъ шинель, а самъ, отворивъ дверцы, повторилъ мнѣ извѣстное приглашеніе:

— Милости просимъ, пожалуйте... лошадки готовы: до гостинницы еще далеко.

Первою моею заботою, по прибытіи въ Нижній, было отправиться въ Контору Пароходнаго Общества, чтобъ пріискать случай доѣхать водою до Симбирска, или даже до Самары: это значительно сократило бы мои путевые расходы; а что касается до назначеннаго свиданія съ Валеріемъ Ивановичемъ въ Промзинѣ-Городищѣ, то я могъ своевременно съ нимъ списаться и, измѣнивъ прежній уговоръ, пригласить его прямо пріѣхать въ Самару. Но готовыхъ къ отправленію въ путь пароходовъ я не нашелъ ни одного: всѣмъ имъ было еще рано начинать свои рейсы, да и обыкновенно они отправлялись въ низовыя мѣста за грузомъ гораздо-позже, разсчитывая немного терять тамъ времени и товары везти прямо къ развалу ярмарки. Одинъ только пароходъ новой компаніи былъ на этотъ разъ исключеніемъ изъ общаго правила: онъ, заблаговременно успѣлъ сдѣлать условіе о кладки, дня за два до моего пріѣзда, ужь «убѣжалъ на Низъ», за грузомъ соли, преднамѣреваясь до ярмарки сдѣлать двѣ «путины», два рейса, два оборота.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ существуютъ конторы четырехъ пароходныхъ обществъ, именно: 1) компаніи волжскаго пароходства, 2) пароходнаго общества «Меркурій», 3) пермской компаніи и 4) компаніи нижегородской машинной фабрики. Число всѣхъ пароходовъ, принадлежащихъ какъ этимъ четыремъ компаніямъ, такъ и другимъ частнымъ владѣльцамъ, простирается до пятидесяти, включая въ число пароходовъ и кабестанныя суда, дѣйствующія при помощи паровыхъ машинъ. Въ настоящее время, для плаванія по Волгѣ, учреждаются въ Рыбинскѣ еще двѣ новыя компаніи, для которыхъ ужь заказаны девять пароходовъ.

Изъ всѣхъ существовавшихъ въ прежнее время компаній, право первенства должно принадлежать компаніи волжскаго пароходства, владѣющей четырьмя значительнѣйшими, по величинѣ, пароходами, именно: «Волгой» и «Камой», каждый въ 250 силъ, «Геркулесомъ» и «Самсономъ» — каждый въ 450 силъ. Эта компанія пароходы свои строила въ Рыбинскѣ, а Общество «Меркурій» строило свои въ Балахнѣ. Но въ 1849 году, близъ Нижняго-Новгорода, въ десяти верстахъ отъ него вверхъ по Волгѣ, въ Балахнинскомъ Уѣздѣ, учреждена новая верфь — единственное на Волгѣ частное заведеніе, гдѣ строются желѣзные пароходы русскими мастерами и изъ русскихъ матеріаловъ. Верфь эта находится на правомъ берегу Волги, въ деревнѣ Сормовѣ и принадлежитъ такъ-называемой «Компаніи Нижегородской Машин-

ной Фабрики». Желѣзо здѣсь получается съ Урала, съ демидовскихъ заводовъ, лѣсъ—изъ Костромской Губерніи съ рѣки Унжи, снасти — съ фабрикъ, находящихся въ Нижнемъ-Новгородѣ и Муромѣ, а всѣ подѣлки, начиная отъ гайки до послѣдняго изящнаго предмета, вырабатываются на самой фабрикѣ; только однѣ трубки, для трубчатыхъ котловъ, выписываются для пароходовъ изъ Англіи, гдѣ ихъ и приготовляютъ для всей Европы только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ-то близь Бирмингама.

Со времени основанія этой верьфи, на сормовской фабрикѣ сдѣлано до пятнадцати паровыхъ машинъ для пароходовъ, въ томъ числѣ для Кавказскаго Края желѣзный пароходъ «Кура» и двѣ желѣзныя же для него баржи, и до десяти фабричныхъ машинъ для разнаго назначенія.

Компанія эта владѣетъ слѣдующими пароходами:

I. Буксирные и пассажирскіе:

1) «Комета», деревянный пароходъ, въ 120 силъ, низкаго давленія; грузу поднимаетъ до 70,000 пудовъ.

2) «Звѣзда»—деревянный, 60 силъ, низкаго давленія; грузу поднимаетъ 25,000 пудовъ.

3) «Опытъ»—деревянный же, 40 силъ, низкаго давленія, грузу поднимаетъ 15,000 пудовъ.

4) «Орелъ»—желѣзный, въ 80 силъ, высокаго давленія; грузу поднимаетъ до 50,000 пудовъ. Это—чрезвычайно-ходкое судно: имѣя при себѣ двѣ баржи (одну въ 160, другую въ 210 футовъ длины, каждая 16 фут. ширины) и одинъ маленькій шитикъ, «Орелъ», при благопріятной погодѣ, ходитъ противъ теченія со скоростью 165 верстъ въ сутки.

5) «Вѣстникъ», желѣзный пароходъ, въ 90 силъ; одинъ цилиндръ у него высокаго, другой низкаго давленія. Такая система представляетъ особенное удобство въ сбереженіи топлива, потому-что одинъ и тотъ же паръ изъ цилиндра высокаго давленія переходитъ въ цилиндръ низкаго давленія, тамъ расширяется и производитъ свое дѣйствіе; а извѣстно, что если пары дѣйствуютъ съ расширеніемъ, то топлива идетъ меньше.

II. Кабестанные:

6) «Астрахань» — въ 40 силъ.

7) «Камышинъ» — въ 24 силы.

Пароходы эти могутъ тащить за собою въ баржахъ до 200,000 пудовъ груза. Кабестанные пароходы разнятся отъ обыкновенныхъ расшивъ и неуклюжихъ конномашинныхъ судовъ тѣмъ, что якори завозятся здѣсь не на простыхъ челнокахъ, а на завозенныхъ пароходикахъ, и что къ этимъ якорямъ судно придвигается не при помощи людей, или лошадей, а кабестаномъ, приводимымъ въ движеніе машиною. Кабестанныя суда идутъ такъ же медленно, какъ и всѣ мачтовыя «посулы», самымъ тихимъ, самымъ черепашьимъ ходомъ, но преимущество ихъ то, что противные вѣтры и непогодье не имѣютъ на нихъ такого вліянія, какъ на всякую барку, мошкань и вообще на всякое ходовое судно.

III. Завозенные:

8) «Чайка» — въ 24 силы, высокаго давленія.

9) «Пчелка» — въ 12 силъ.

Пароходы и пароходныя баржи изгоняютъ теперь такъ-называемыя «кладныя» или «ходовыя» суда, представительницею которыхъ служитъ «расшива».

Расшивою называется судно, имѣющее въ длину отъ восьми до двадцати-четырехъ саженъ, въ ширину отъ четырехъ до одиннадцати саженъ, а въ вышину, отъ днища до палубы, отъ трехъ до пяти саженъ.

Расшивы устроиваются такимъ-образомъ, что корма и носъ поднимаются и загибаются нѣсколько дугообразно; носовая часть устроивается остроконечно, для чего въ этой части укрѣпляется, подъ острымъ угломъ, брусъ и къ нему пришиваются боковыя доски. Днище расшивы дѣлается изъ досокъ, толщиною въ четыре дюйма; оно плоско и съ боковъ нѣсколько скругляется. На днѣ, для связи всего судна, укрѣпляются обтесанныя четырехугольныя кривыя бревна, кокóры, называемыя «кòпанями», днище же пришивается къ нимъ «шпигорьями», или большими желѣзными гвоздями. По копанямъ, въ размѣръ судна, полагаются продольные брусья, называемые «кильсенями»; ихъ, отъ мачты къ носу кладется одинъ, а къ кормѣ два; эти-то копани съ кильсенями и составляютъ основу судна. Копани, съ внутренней и съ наружной стороны, обиваются досками, изнутри полуторадюймовками, а снаружи двухъ и трехдюймовками; наружная обивка называется «шва», а внутренняя, для предохраненія товаровъ отъ подмочки—«слань». Съ боковъ расшивы между швою укрѣпляется «бàрхотъ», или брусъ въ 4—8 дюймовъ толщиною; онъ служитъ поясомъ для связи копаней, по концамъ которыхъ устанавливается «обносный брусъ», почти всегда рѣзной работы и раскрашенный разными красками, преимущественно же бѣлою. Обносные брусья скрѣпляются на носу и на кормѣ поперечными брусьями, называемыми «огнивы», длина которыхъ соразмѣряется съ шириною судна. Поверхъ судна, отъ носа до кормы, противъ кильсеней, укрѣпляются два бруса, называемые «конями», по которымъ, въ оба борта, упираются четырехугольные бруски, именуемые «чòблаками»; на нихъ стелется «подрѣшетина»—тонкія доски, полудюймовки, или и еще тоньше; на подрѣшетину накладывается «скала», или «берёста», а ужь по ней плотно стелется «палуба», крыша судна изъ двухдюймовокъ; палуба хорошо проконопачивается и осмаливается.

Чтобъ палуба, при нагрузкѣ или выгрузкѣ товаровъ, не могла гнуться, она подпирается «стойками», идущими отъ коней на кильсени; около этихъ стоекъ, поперегъ судна, упираются въ бархотъ особыя перекладины, называемыя «оздами»: онѣ служатъ связью бортамъ и не дозволяютъ имъ растягиваться. Внутренность судна раздѣляется перегородками на четыре отдѣленія или части; два большія отдѣленія, по обѣ стороны мачты, называются «мурьями»: товары спускаются въ мурьи на канатахъ, чрезъ четырехугольное отверзтіе, или «люкъ». Мурьи другъ отъ дружки отдѣляются небольшою заго-

родкой, окружающею мачту и называющеюся «льяло» съ особеннымъ въ немъ чуланчикомъ, или «каталашкой», то-есть такелажною камерою: льяло и каталашка служатъ помѣщеніемъ «водолива» съ его принадлежностями. Помѣщеніе, или мурья, находящаяся подъ палубою въ носовой части судна, носитъ названіе «коснóвской» и служитъ мѣстомъ складки провизіи «бурлáковъ», то-есть чернорабочихъ; комнатка же на кормѣ судна называется «казёнка»; въ ней помѣщается судохозяинъ.

Поверхъ палубы, черезъ каждые полтора или два аршина, выпускаются концы копаней; они называются «бабками»; на нихъ, параллельно обноснымъ брусьямъ, накладываются особые брусья, именуемые «пóрысками»; между пóрысками и обноснымъ брусьями укрѣпляются точеные столбики, или «балясины».

Посереди судна ставится «дерево», или «мачта», которая сплачивается изъ пяти, семи и даже девяти бревенъ, длиною отъ девяти до двѣнадцати саженъ. Мачта укрѣпляется на днѣ судна въ особо-устроиваемомъ изъ брусьевъ четырехугольномъ гнѣздѣ, называемомъ «пятникъ», а близъ палубы двумя особыми, положенными поперегъ судна, брусьями. Вверху мачты находятся желѣзные крючья, на которые, по обѣ стороны дерева, надѣвается по пяти паръ веревокъ, называемыхъ «пишными ложками»; онѣ, опускаясь къ низу, но недоходя до порысковъ сажени на двѣ, оканчиваются прикрѣпленными къ нимъ блоками, именуемыми «лопырями». При порыскѣ, у бабокъ, укрѣпляются особые блоки, называемые «прóтивнями»: прóтивни и лопыри стягиваются особыми толстыми веревками, снастями, называемыми «бѣгами». Между бѣгами, на каждой сторонѣ судна, къ вершинкѣ мачты привязываются «монтари», то-есть двѣ снасти: къ бортамъ они прикрѣпляются за крючья, а съ другаго конца, для нихъ, у мачты, находятся по обѣ стороны по лопырю. По направленію отъ монтарей къ носу судна, мачта прикрѣпляется съ каждаго борта другими четырьмя снастями, которыя называются «шкадронными». Съ вершинки мачты спускаются къ кормѣ четыре «ложки» или веревки, а къ носу двѣ «бузанныя» снасти. Съ праваго борта судна, между пишными и шкадронными ложками, тянется къ верху мачты веревочная лѣстница или «ванты».

Парусъ прикрѣпляется къ «рáйнѣ», или длинному дереву, къ концамъ тонко-стесываемому; она бываетъ толщиной отъ пяти до восьми вершковъ, а въ длину соразмѣряется съ шириною судна; парусъ прикрѣпляется къ ней посредствомъ бичевокъ, пришиваемыхъ къ парусу во всю его ширину, черезъ каждый аршинъ. Райна, или рáина съ парусомъ поднимается на мачту посредствомъ продѣтой въ блокъ веревки, называемой «подъемною снастью»; веревки же, находящіяся по концамъ раины и называемыя «дитвами», служатъ къ тому, чтобъ направлять парусъ по вѣтру; каждый конецъ дитвы, идущей во всю длину паруса, прикрѣпляется за кольца у бортовъ. Парусъ сшивается изъ нѣсколькихъ полотнищъ «канифаса», или толстаго пеньковаго полотна, и представляетъ площадь иногда въ триста квадратныхъ саженъ, особенно на расшивахъ большаго размѣра, при высокой мачтѣ.

Судно управляется рулемъ, который состоитъ изъ бруса, привѣшиваемаго къ кормѣ на желѣзныхъ крючьяхъ; къ нижнему его концу, доходящему до дна судна, прибиваются щитомъ доски, длиною въ полторы сажени, а шириною въ семь четвертей. Рулемъ дѣйствуютъ при помощи «правила», или бруса, прикрѣпленнаго къ верхнему концу руля.

Для удержанія судна на одномъ мѣстѣ, во время стоянокъ и сильныхъ вѣтровъ, каждая расшива имѣетъ при себѣ шесть «кошекъ», или четырехлапыхъ якорей. Одинъ изъ нихъ, вѣсомъ отъ десяти до двадцати пудовъ, называется «становымъ», другой вѣсомъ отъ семи до пятнадцати пудовъ — «подпускнымъ», а остальные, вѣсомъ отъ четырехъ до семи пудовъ—«ходовыми». Становой якорь употребляется для остановки судна; подпускной употребляется тогда, когда одинъ становой не сдержитъ расшивы; ходовые же якоря употребляются тогда, когда судно не можетъ идти впередъ ни парусомъ, если нѣтъ попутнаго вѣтра, ни бичевой, по отсутствію бичевника. Въ такихъ случаяхъ одинъ якорь, привязанный къ длинному канату, завозится на челнокѣ впередъ судна и выбрасывается въ рѣку; народъ, находящійся на суднѣ, или лямками, или на шпиляхъ, то-есть посредствомъ воротовъ, подтягиваетъ на этомъ канатѣ свое судно къ закинутому якорю; по мѣрѣ приближенія судна къ нему, завозится другой ходовой якорь: такъ судно и двигается отъ якоря до якоря. Этотъ способъ движенія судна называется «завозомъ»; при помощи завозовъ и бичевы, расшивы ходятъ изъ Астрахани до Нижняго-Новгорода дней въ семьдесятъ, семьдесятъ-пять и въ восемьдесятъ.

Кромѣ обыкновеннаго паруса, разставляемаго для упора попутнаго теченія воздуха, ходовыя суда прибѣгаютъ иногда къ «водяному парусу», опускаемому съ котораго-нибудь борта въ воду, для противодѣйствія сильному теченію рѣки и прибоя волнъ около, крутыхъ береговъ. Водяной парусъ дѣлается изъ рогожи, или изъ паруснаго полотна, и натягивается на деревянную рамку; длятого, чтобъ этотъ приборъ не сносился водой, а противоборствовалъ бы ей, къ нижней сторонѣ рамокъ подвѣшиваются «пригрузки» свинцовыя, а больше изъ кирпича; такіе пригрузки, въ низовомъ краѣ, именуются «нѣмцами», хотя собственно нѣмцами называютъ всякой балластъ, тяжести, камни и землю, набитые въ холщевые мѣшки.

Расшивы поднимаютъ, смотря по своей величинѣ, грузъ отъ десяти до двадцати и даже до тридцати тысячъ пудовъ. При сплавѣ судна «съ верху» въ низовыя мѣста, когда слѣдованію судна помогаетъ самое теченіе рѣки, число судорабочихъ бываетъ весьма-ограниченно и не превышаетъ десяти человѣкъ; но когда судно идетъ «съ низу», противъ теченія, то каждая тысяча пудовъ груза разсчитывается на $3^1/_2$ человѣка бурлаковъ и потому, при расшивѣ съ грузомъ въ тридцать тысячъ пудовъ, бурлаковъ бываетъ сто человѣкъ. Большія расшивы сидятъ въ водѣ до пятнадцати четвертей и потому совершаютъ свои путины только во время большой воды; къ осени же, по мелководью и безчисленнымъ отмелямъ, рейсовъ они не совершаютъ. Въ

настоящее время расшивы буксируются пароходами—стало-быть, число бурлаковъ ограничивается одною сторожевою прислугою.

Говоря о судахъ, нельзя не вспомнить, что въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время ярмарки, происходитъ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ недавніе годы происходила значительная торговля судами. Камскія лодьи и межеумки, въ которыхъ доставляется соль въ Нижній-Новгородъ, гдѣ, какъ извѣстно, находятся самые значительные казенные соляные запасы, продаются здѣсь или на дрова, или на постройку холодныхъ строеній. Новыя суда продаются здѣсь жителями ближайшихъ къ Нижнему береговыхъ селеній. Здѣсь, на всемъ протяженіи Волги и Оки, отъ Нижняго въ одну сторону вплоть до самой Костромы, а по другую до устья Клязьмы, жители занимаются постройкою судовъ для плаванія по Волгѣ и по Окѣ: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ судостроеніе составляетъ исключительное занятіе сельскаго населенія. Въ этомъ отношеніи особенно-замѣчательны крестьяне Балахнинскаго Уѣзда, Чернорѣцкой Волости, селъ Кубенцова, Городца, Василёвой-Слободы, также жители Балахны и въ-особенности обитатели береговъ Унжи, въ Костромской Губерніи. Построивъ суда, они отправляютъ ихъ въ Нижній или совершенно порожнія, или съ балластомъ, состоящимъ изъ булыжника, кирпича, изразцовъ, дровъ и тому подобнаго. Въ Нижнемъ-Новгородѣ они распродаютъ свой балластъ, а суда переуступаютъ тѣмъ купцамъ, которымъ нужно отправить съ ярмарки товары свои водой. Къ такимъ судамъ принадлежатъ «бѣляны», заимствовавшіе свое названіе отъ того, что они строются изъ бѣлаго лѣса, не высмаливаются и обшиваются досками посредствомъ деревянныхъ нагелей; по сплавѣ бѣлянъ на низъ, они тамъ разбиваются и продаются на дрова. Впрочемъ, торговля судами въ Нижнемъ-Новгородѣ не имѣетъ правильныхъ оборотовъ; число судовъ, доставляемыхъ сюда съ исключительною цѣлью продажи, совершенно-ничтожно предъ массою тѣхъ, которыя нагружены «купецкимъ товаромъ». Часть сихъ послѣднихъ покупается хозяевами клади отъ судохозяевъ; значительнѣйшая же часть употребляется для новой транспортировки грузовъ.

Кромѣ ярмарки, Нижній-Новгородъ обращаетъ на себя вниманіе обширнымъ приготовленіемъ канатовъ, веревокъ и разной пеньковой дѣли, чугунными подѣлками, изготовленіемъ стали и фабрикаціею винъ.

Разумѣется, первенство въ фабрикаціи винъ нашего внутренняго происхожденія, на манеръ иностранный, должно принадлежать Москвѣ и Ярославлю, перерабатывающимъ нашъ родной чихирь и кизлярку, или виноградный спиртъ, въ сотерны, барзаки, лафиты, бургонское, рейнвейны, и превращающимъ простое хлѣбное вино въ ромъ, ликеры и бальзамъ; однакожъ и Нижній-Новгородъ занимаетъ въ этой промышлености довольно-замѣчательное мѣсто. Извѣстно, что донское вино привозится въ Нижній-Новгородъ преимущественно въ видѣ чихиря, самими Донцами, которые доставляютъ его сюда черезъ Качалинъ и Дубовку, Волгой. Въ Нижнемъ-Новгородѣ они выдѣлываютъ изъ этого чихиря шипучее вино, какое изготовляется на мѣ-

стѣ, въ Цымлянской Станицѣ. Превратившись въ шипучее вино и будучи разлитъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ бутылки и полубутылки, донской чихирь частью отправляется весною въ Рыбинскъ и въ Ярославль, а частью остается въ Нижнемъ до ярмарки, уничтожается наѣзжими посѣтителями и выписывается виноторговцами другихъ городовъ. Точно то же происходитъ и съ крымскими шипучими винами, которыя, впрочемъ, продаются ужь за настоящее шампанское. Въ Макарьевскомъ Уѣздѣ есть село Воскресенское; въ немъ съ-давнихъ поръ существуетъ заводъ, на которомъ приготовляются бутылки для фабрикуемыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ винъ.

Сталь въ старинныя времена приготовлялась только въ Тюрингіи, которая и снабжала Европу сперва сырою, а потомъ такъ-называемою цементованною сталью. Въ половинѣ семнадцатаго столѣтія и въ Англіи было введено приготовленіе цементованной стали, сперва въ самомъ маломъ видѣ; но такъ-какъ металлъ получался очень-посредственнаго качества, то, для улучшенія издѣлій, сталь все-таки выписывали изъ Германіи. Около половины прошедшаго столѣтія начали ужь въ Ньюкестлѣ рафинировать сырую сталь; она мало-по-малу стала входить въ употребленіе и вытѣсняла съ англійскихъ рынковъ нѣмецкую сталь.

Быстро слѣдовали, одно за другимъ, улучшенія въ искусствѣ рафинированія. Англійскіе заводчики не щадили издержекъ и вскорѣ убѣдились, что шведское и русское желѣзо лучше туземнаго для выдѣлки хорошей стали. Но всѣ средства рафинированія, всѣ придуманныя въ этой работѣ улучшенія, не могли придать стали двухъ главныхъ качествъ: однородности во всей массѣ и ковкости. При рафинированіи, часть стали обращалась даже въ желѣзо; отъ этого проистекали большіе убытки и заводчикъ никогда не могъ вполнѣ быть увѣренъ въ успѣхѣ предпринятой работы, въ добротѣ приготовляемаго металла: Англичане попрежнему нуждались въ нѣмецкой стали, которая и привозилась къ нимъ, до самаго исхода прошедшаго столѣтія, въ значительномъ количествѣ.

Впродолженіе этой промышленной борьбы между двумя націями — одной, которая, казалось, навсегда ужь укрѣпила за собою первенство въ приготовленіи стали, и другой, которая силилась, если не опередить соперницу, то по-крайней-мѣрѣ сравняться съ нею — въ маленькомъ городкѣ Англіи, въ Донкастерѣ, приготовился рѣшительный переворотъ въ этомъ производствѣ, переворотъ, доставившій англійскимъ стальнымъ издѣліямъ первенство передъ другими на всѣхъ рынкахъ земнаго шара и сдѣлавшій всѣ, болѣе или менѣе образованныя, страны данницами Британіи. Этотъ переворотъ задумалъ, приготовилъ и совершилъ бѣдный часовой мастеръ, В. Гунтсманъ. Нѣсколько разъ пытался онъ приготовлять изъ англійской стали нужные для своего мастерства инструменты, которые привозились тогда въ Англію исключительно изъ Тюрингіи, но всѣ попытки его были напрасны; правда, отъ скручиванія, перегибанія полосъ, отъ продолжительной проковки, качество издѣлія улучшалось, но металлъ получался не однородный по всей массѣ, недостаточно-ковкій и тягучій. Гунтсманъ

терялъ надежду, рѣшился расплавить его и открылъ приготовленіе литой стали. Это открытіе, достойно-оцѣненное немногими согражданами, доставило изобрѣтателю независимое состояніе и, въ 1740 году, Гунтсманъ устроилъ близъ Шеффильда, богатаго копями каменнаго угля, первую мастерскую для приготовленія литой стали въ значительномъ размѣрѣ. Его примѣру послѣдовали другіе; но долго первые заводчики боролись съ естественными затрудненіями и съ предразсудками своихъ соотечественниковъ, которые не могли и даже не хотѣли вѣрить, чтобъ отечественная сталь была лучше привозной, нѣмецкой, тѣмъ болѣе, что ужь искони такова была увѣренность всѣхъ; но теперь превосходство англійской стали такая аксіома, въ которой никто ужь не сомнѣвается.

Съ наступленіемъ нынѣшняго столѣтія, въ Англію не только вовсе перестали ввозить иностранную сталь, но йоркшейрскіе заводы ежегодно отпускаютъ за границу до трехъ мильйоновъ пудовъ стали въ разныхъ видахъ, изъ числа пяти мильйоновъ пудовъ, приготовляемыхъ больше, чѣмъ на пятидесяти заведеніяхъ, стѣснившихся въ Йоркшейрѣ. Цементованной стали выдѣлывается въ Англіи, круглымъ числомъ, до пяти мильйоновъ пудовъ.

Какими путями развивалась въ Россіи выработка стали — этого мы не съумѣемъ опредѣлительно пересказать; можемъ замѣтить только одно, что приготовленіе стали у насъ очень-давно началось и сосредоточено теперь на нѣкоторыхъ казенныхъ и частныхъ уральскихъ заводахъ: въ пермской, вятской и оренбургской губерніяхъ, а во внутреннихъ губерніяхъ, въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ и въ уѣздахъ: нижегородскомъ и горбатовскомъ; ужь отсюда сталь, собственно «томлёнка», разсылается въ Петербургъ, Москву, Ярославль, Тулу, въ рязанскую и тамбовскую губерніи и въ пограничныя мѣста: Астрахань, для Персіи, и въ Оренбургъ, а больше въ Троицкъ, для вывоза въ Среднюю-Азію.

Производство стальныхъ издѣлій принимаетъ у насъ весьма-замѣчательные размѣры въ разныхъ мѣстностяхъ, но самая обширная выдѣлка ихъ сосредоточена въ Горбатовскомъ Уѣздѣ Нижегородской Губерніи. Сёла: Павлово, Ворсма, Давыдово, Золино, Мартово, Тумботино, Тарки; деревни: Санницы, Завалищи, Заплатина, Долоткова, Давыдкова, Булатникова — всѣ они изстари живутъ этимъ промысломъ. Что выдѣлка стали и приготовленіе стальныхъ издѣлій дѣлотутъ не новое, не теперь только возникшее, въ этомъ положительно удостовѣряетъ насъ оффиціальное указаніе, что въ 1749 году, изъ оренбургскаго края отправленно въ Азію «немалое число россійскихъ фабрикъ и ремеслъ товарныхъ вещей, яко въ томъ числѣ павловскаго дѣла ножницъ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ паръ».

Производствомъ желѣзныхъ подѣлокъ, неподходящихъ подъ категорію ножеваго и слесарнаго дѣла, занимаются въ прибрежныхъ селеніяхъ нижегородскаго, балахнинскаго и семеновскаго уѣздовъ. Особенную репутацію себѣ пріобрѣли въ Нижегородскомъ Уѣздѣ село Безводное, въ Балахнинскомъ—село Городецъ, въ Семеновскомъ—село Красное Раменье. Здѣсь приготовляютъ для судовъ якори и гвозди и

тянутъ проволоку. До какой степени велика масса переработываемаго такимъ-образомъ желѣза—неизвѣстно ; о грамадности ея можно догадываться только по аналогіи съ промышленостью какой-нибудь малоизвѣстной мѣстности, по стеченію случайныхъ обстоятельствъ приведенной въ ясность. Такъ въ недавнее время изслѣдовано, что крестьяне весьёгонскаго и череповецкаго уѣздовъ, потребляютъ до полуторыхъ-сотъ-тысячъ пудовъ желѣза, для перековки его въ гвозди.

Издѣліе проволоки занимаетъ тоже множество рукъ. Полагаютъ, что одно изготовленіе изъ этой проволоки крючковъ даетъ существованіе двумъ тысячамъ семействъ, работающимъ съ подряда купцовъ и по ихъ заказамъ, но ужь непредъявляющимъ свой товаръ на ярмаркѣ. Лѣтомъ крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ, а зимой, цѣлой семьей, трудятся надъ заказанною работой: крестьянинъ тянетъ проволоку, рубитъ изъ нея мѣрныя звѣнья, а ребятишки, отрубленную полоску загибаютъ—и удочка готова; послѣ ужь на каждомъ крючкѣ сдѣлаютъ легонькую жабёрку, одинъ конецъ удочки приплюснутъ, другой подвострятъ, потомъ весь запасъ уложутъ въ кульки, по тысячѣ крючковъ въ каждый—и товаръ готовъ ужь къ отправкѣ.

Товаръ этотъ, то-есть крючки, или удочки, раздѣляется на два вида : главный и мелочной. Крючки перваго вида употребляются въ морскомъ рыболовствѣ по Каспію и дѣлятся на три сорта : первый въ полтора пуда на тысячу крючковъ, и второй въ пудъ и тридцать фунтовъ — для обыкновеннаго морскаго лова; третій сортъ, въ два съ половиной пуда въ кулькѣ, идетъ исключительно на живодно̀й ловъ, для рыболовства жѝводью (то-есть приманкой на живую рыбу); четвертый сортъ, ровно въ пудъ на тысячу, идетъ только на рѣчное рыболовство, по Волгѣ, Камѣ, Дону, Уралу, Курѣ, Днѣпру и другимъ, въ сѣверныхъ и въ остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ выработка крючковъ существуетъ домашняя. Есть еще родъ удочекъ, называемыхъ блесно̀й, съ небольшимъ желѣзнымъ крючкомъ, припаяннымъ къ жестяной или оловянной рыбкѣ, и сортовъ двадцать маленькихъ и среднихъ удочекъ для рыболовья по мелкимъ водамъ.

О количествѣ желѣза, потребляемаго на удочки, можно судить изъ того, что крючковъ, вѣсомъ отъ полутора до двухъ съ половиною пудовъ на тысячу, въ одной сѣверной части Каспійскаго Моря ежегодно употребляется до ста тысячъ кульковъ, а это, при среднемъ вѣсѣ кулька, ровно два пуда, составитъ двѣсти тысячъ пудовъ желѣза; разумѣется, что въ это число не вошли еще крючки, въ неменѣе-огромныхъ размѣрахъ, употребляемые въ рѣчномъ рыболовствѣ въ разныхъ краяхъ Россіи.

Кулёкъ крючковъ, лѣтъ за шесть назадъ, стоилъ купцамъ двадцать-пять рублей ассигнаціями; теперь цѣна спала до шестнадцати рублей ; на мѣстѣ же рыболовства , рыбопромышленики перепродаютъ крючки своимъ рабочимъ за семь съ половиною рублей серебромъ.

Удочки эти, притупляясь въ дѣлѣ, безпрестанно оттачиваются рабочими; и когда оттачиваніе это дойдетъ до-того, что загнутая часть крючка совершенно-уничтожится и точить будетъ ужь нѣчего, то эти кончики удочекъ, или такъ-называемые чѝпчики, собираются, свари-

ваются и идутъ на дѣло чекýшекъ, дубинокъ, которыми чекýшатъ, угомáнивáютъ, пришибаютъ, бьютъ тюленя, въ изобиліи ловимаго на Каспійскомъ Морѣ. Но множество этого «лома» идетъ на продажу для Персіи, гдѣ его подвергаютъ особенному процесу въ разныхъ изверженіяхъ, потомъ сваривáютъ и, въ дальнѣйшихъ операціяхъ, приготовляютъ изъ него булатъ, изъ котораго выдѣлываютъ цѣнное оружіе.

Что жь касается до чугуна, то самые значительные чугуннoплавильные заводы находятся въ сосѣдственномъ Мелепковскому Уѣзду Владимірской Губерніи — Ардатовскомъ Уѣздѣ: это именно Выксунскіе заводы Шепелевыхъ; здѣсь ежегодно чугуна выплавляется до семисотъ-тысячъ пудовъ. Чугунныя подѣлки необходимы во всякомъ хозяйствѣ, даже въ крестьянскомъ: сковороды, чугунки, котлы, вьюшки требуются всюду, не говоря ужь о прочихъ видахъ чугуннаго литья. Даже въ испорченномъ видѣ, сдѣлавшись ужь негодными къ употребленію, чугунныя вещи не пропадаютъ задаромъ: мелкіе торгаши скупаютъ чугунный «ломъ» или «бой» по городамъ и селеніямъ и снова перепродаютъ его на заводы для переплавки. Противъ самаго Нижняго-Новгорода, на лѣвомъ берегу Волги, есть село Боръ, въ которое много скупается этого боя, а подлѣ Бора, въ селѣ Кононовѣ существуетъ особый заводъ для выдѣлки изъ чугуннаго боя разныхъ предметовъ домашняго хозяйства.

Въ Нижегородской Губерніи существуетъ еще одна, весьма-скромная, но тѣмъ не менѣе весьма-замѣчательная по своей обширности, промышленость—приготовленіе разныхъ пеньковыхъ издѣлій, особенно-нужныхъ для судоходства и рыболовства. Я не имѣлъ средствъ собрать подробныхъ свѣдѣній о всей массѣ пеньковыхъ товаровъ этого рода, выдѣлываемыхъ въ Нижегородской Губерніи, но двукратная, во время настоящаго путешествія, побывка въ Нижнемъ и пребываніе въ мѣстностяхъ, славящихся обширнымъ рыболовствомъ, дала мнѣ возможность собрать слѣдующія, хотя краткія, однакожь, какъ мнѣ кажется, все-таки интересныя данныя для внутренней нашей торговли. Данныя эти касаются до товара, называющагося дѣлью, сѣтками, каряжникомъ, поводцóмъ, хребтúною, урѣзомъ и смóльною снастью.

«Дѣль» приготовляется изъ пеньковой пряжи и идетъ на дѣланіе неводовъ. Невода̀ на Волгѣ бываютъ различныхъ размѣровъ; обыкновенно, длина ихъ равняется половинѣ ширины рѣки, но подъ Астраханью невода доходятъ до гигантскихъ размѣровъ, именно: до восьмисотъ саженъ длины и до тридцати саженъ глубины. Въ одной изъ прошлогднихъ книжекъ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» разсказанъ былъ несчастный случай погибели одного семейства, вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми, въ Волгѣ, при переѣздѣ изъ Астрахани на правой берегъ рѣки; въ концѣ было прибавлено, что экипажъ и лошади вытащены чрезъ нѣсколько дней изъ воды — неводомъ! Ужь изъ этого разсказа можно вывести заключеніе о величинѣ и прочности неводовъ; но это едва-ли не яснѣе будетъ, когда мы прибавимъ, что, при счастливыхъ заловахъ, неводами выгаски-

вается до ста тысячъ штукъ рыбы, и небольшихъ и самыхъ огромныхъ.

Дѣль приготовляютъ въ Нижегородскомъ Уѣздѣ. Производство это особенно-обширно въ селахъ Румянцовѣ, Чуварлѣяхъ и ихъ окрестностяхъ. Крестьяне приготовляютъ слѣдующіе четыре сорта дѣли: «однопёрстникъ» мѣрою въ семь саженъ, и въ тридцать ячѣй или «глазкòвъ», или клѣтокъ въ ширину; «однопёрстникомъ» дѣль эта называется потому, что въ глазкѣ или въ ячею можетъ свободно проходить только одинъ перстъ; на томъ же основаніи три остальные сорта называются «двупёрстникъ», «трехперстòвая дѣль» и «ладòнникъ», въ родѣ рѣчной сѣтки, съ ячеёю въ ладонь взрослаго человѣка. Всѣ эти сорты бываютъ одинаковыхъ размѣровъ, то-есть въ семь саженъ и тридцать ячей ширины и каждая такая сѣтка называется «концòмъ», а въ сотнѣ концовъ вѣсу бываетъ четыре съ половиною пуда. Продажа совершается «концами», и такихъ-то концовъ въ одну Астрахань доставляется до мильйона. Концы счаливаются «пàрами», въ такомъ видѣ и бунтуются. Дѣль идетъ только для рѣкъ. Неводами, изъ нея сдѣланными, ловятъ судака, леща, сома и всякую другую такъ-называемую «частикòвую», «черную» или простую рыбу. Конецъ дѣли на мѣстѣ продается по двугривенному.

Сѣти состоятъ изъ двухъ сѣтокъ, «рѣжакà» или «рѣдйли» и «частикà». Первая бываетъ съ рѣдкими ячеями, вторая съ частыми; онѣ складываются вмѣстѣ и соединеніемъ своимъ составляютъ рыболовное орудіе, называемое сѣтью. Сѣти бываютъ длиной въ двадцать-пять саженъ, шириной же около двухъ саженей, и уже и шире, чтò зависитъ отъ числа глазкòвъ. По числу ячей, сѣти раздѣляются на морскія и рѣчныя. Морскія сѣти бываютъ четырехъ сортовъ: въ 18, въ 16, въ 14 и даже въ 12 ячей: эти послѣднія для самой крупной рыбы; а рѣчныя сѣти бываютъ обыкновенно въ сорокъ ячей. Сѣтьми ловятся тѣ же породы рыбъ, которые ловятся и на удочку, именно: осетръ, севрюга, бѣлуга и сомъ. Главная выдѣлка сѣтей происходитъ въ Нижегородскомъ же Уѣздѣ, въ тѣхъ же селахъ, гдѣ приготовляютъ дѣль. Крестьяне вяжутъ сѣти цѣлой семьей во все продолженіе зимы и, со вскрытіемъ Волги, возвращаютъ ихъ тѣмъ купцамъ, которые съ осени подрядили ихъ на эту работу. Сѣти вяжутъ нѣкоторые «исправные», или достаточные крестьяне и не съ подряда, а просто на продажу. Вѣсъ каждой сѣти бываетъ различенъ, и отъ шести фунтовъ доходитъ даже до пятнадцати, особенно въ сортахъ, назначаемыхъ для морскаго рыболовства; но, соображаясь съ обширностью приготовленія этого товара, съ достовѣрностью полагаютъ, что въ сотнѣ концовъ сѣтей вѣсу, среднимъ числомъ, бываетъ пятнадцать пудовъ. Продажа сѣтей происходитъ поштучно; цѣна на мѣстѣ бываетъ отъ сорока до семидесяти копеекъ серебромъ; но двадцать лѣтъ назадъ, когда и хлѣбъ и работа были дешевле, и товаръ этотъ стоилъ вдвое дешевле. Сѣти бунтуются однимъ концомъ, а для продажи счаливаются пàрами. Сѣтокъ для Астрахани дѣлается болѣе семидесяти-пяти тысячъ штукъ. Знатоки дѣла разсчитываютъ, что для одного морскаго рыболовства

въ сѣверной части Каспія потребно ежегодно болѣе пятидесяти-тысячъ штукъ сѣтей.

Къ сѣтямъ нуженъ «каря́жникъ», или толщиною въ мизинецъ веревка, къ которой сѣть подшивается. Главное заготовленіе каряжника происходитъ въ Горбатовскомъ Уѣздѣ, гдѣ крестьяне вьютъ его съ-подряда изъ купецкой пеньки. «Конецъ», или каждая веревка, каряжника имѣетъ сорокъ саженъ длины и вѣситъ пять фунтовъ; но продажа его производится пудами; цѣна на мѣстѣ — шесть съ полтиной ассигнаціями за пудъ; въ Астрахань этого товара доставляется до 35,000 пудовъ.

Къ удочкамъ, или къ толстымъ крючкамъ, которыми рыба ловится какъ въ Каспійскомъ Морѣ, такъ и въ самой Волгѣ, начиная отъ Сарепты внизъ до послѣднихъ волжскихъ розсыпей, нужны еще три вида пеньковаго товара: «поводе́цъ»—веревка въ полмизинца толщиной, къ которой удочка прикрѣпляется; «четверная-пряжа», бывающая потоньше той бичевки, которою обвязываются сахарныя головы, и служащая для прививки удочки къ поводцу, и, наконецъ, «хребти́на»—веревка, потолще каряжника, къ которой самая удочка привязывается за поводцы. Эти три вида работаются тоже по разнымъ деревнямъ Горбатовскаго Уѣзда крестьянами и самими мѣщанами города Горбатова Поводецъ продается «пучка́ми»; въ каждомъ пучкѣ бываетъ сорокъ «косяко́въ», въ каждомъ косякѣ двѣнадцать саженъ длины; вѣсу въ пучкѣ 35 — 37 фунтовъ; цѣна пучку на мѣстѣ семь съ полтиной ассигнаціями. Въ Астрахань отправляется до 35,000 пучковъ поводца. Хребти́на бываетъ тоже по двѣнадцати саженъ въ косякѣ, двадцать косяковъ составляютъ пучокъ; вѣсу въ немъ тридцать фунтовъ, цѣна пять рублей ассигнаціями. Въ Астрахань ежегодно требуется хребтины 35,000 пучковъ. Четверная пряжа, кромѣ удочекъ, необходимая также для садки сѣтей и неводовъ, свивается изъ четырехъ, пяти и шести пеньковыхъ нитей; продается она концами, по пуду въ каждомъ; цѣна пятнадцать рублей ассигнаціями за пудъ; ея въ одну Астрахань привозятъ ежегодно тоже до 35,000 пудовъ.

«Урѣзъ», попросту называемый «ловецкою-снастью», есть простая пеньковая веревка, на которой держатся невода. Урѣзъ бываетъ различныхъ сортовъ, вѣсомъ отъ одного до пяти пудовъ въ концѣ, который обыкновенно бываетъ во сто саженъ длины каждый. Производство этого товара и главный закупъ его сосредоточенъ въ Горбатовѣ; цѣна на мѣстѣ отъ шести до восьми рублей ассигнаціями за пудъ. Въ Астрахань, для Волги и моря, ежегодно требуется его до ста тысячъ пудовъ.

Смо́льною снастью называются просмолёныя веревки, реи и канаты, для оснастки ходовыхъ, или транспортныхъ, и рыболовныхъ судовъ. Производство и покупка смольной снасти происходитъ въ Горбатовѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ. Обыкновенная снасть имѣетъ вѣсу отъ одного до пятидесяти пудовъ, при нормальной длинѣ во сто саженъ; канаты же всегда дѣлаются ста-двадцати-саженной длины, вѣсомъ отъ тридцати до двухсотъ пудовъ въ концѣ; толщина каната отъ семи, восьми и десяти дюймовъ доходитъ до двадцати-двухъ дюй-

мовъ въ окружности, или до четверти аршина въ діаметрѣ. Цѣна смольной снасти на мѣстѣ отъ семи рублей ассигнаціями доходитъ до восьми рублей ассигнаціями; снасти этой для Астрахани привозилось прежде, когда ходовыя суда не были еще вымѣщены пароходами, болѣе трехсотъ-тысячъ пудовъ. Кромѣ Нижняго-Новгорода и Горбатова, канаты приготовляются еще въ селахъ Городцѣ балахнинскаго и Работкахъ макарьевскаго уѣздовъ.

Выше было сказано, что въ Нижнемъ-Новгородѣ находятся огромные запасы казенной соли. Соляные магазины бывали здѣсь и встарину, но въ тѣ стародавніе годы соль эта хорошо кормила какъ скромныхъ своихъ потребителей, такъ и соляныхъ надзирателей и цаловальниковъ, приставленныхъ для надзора за этими богатствами. Въ Нижнемъ-Новгородѣ мнѣ сообщили одинъ старинный документъ о соли слѣдующаго содержанія.

«Бысть мужъ нѣкій, въ Новѣградѣ Нижнемъ дозорщикъ, прозвищемъ Мѣстинъ, именемъ Ѳома, рекомый Большая-Крома. И приставленъ бысть ко амбарамъ, ихъ же построяху, во днѣхъ оныхъ, на самомъ брезѣ, у пристани, на Волзѣ. Кійждо голъ и по всякое лѣто наполняхуся амбары тѣ солью, я же изъ Перміи Великой, отъ Соли-Камской, съ варницъ именитыхъ людей Строгоновыхъ, Чусовою до Камы, и Камой до Волги, и Волгою до града сего, на струзѣхъ сплавляшеся. И бысть въ Новѣградѣ Нижнемъ воеводою ближній бояринъ Іеремій Игнатовичъ Пушка. И рѣче убо Ѳома, глаголемый Большая-Крома, воеводѣ Пушкѣ: — Се убо весна пріиде, и съ подсвѣжья рѣка тече, и хлябіи разверзошася, съ горъ потокомъ бѣгущимъ, и время разливамъ настати: повели убо, благій воевода, соль во амбарахъ запечатлѣти и боярскую свою печать приложи, да врази и кромѣшники, тати и разбойницы не исхитятъ тайно, разливамъ сущимъ, соли и казны соляной ни коегождо ущерба не чинятъ! — И рѣче воевода: По что сіе ми речеши? Самъ бо, сый казны приставщикъ и цаловальникъ, твори яко же хощеши, блюдяся враговъ, татей и разбойниковъ: мене же чесо ради въ отвѣтъ гонеши? — И отвѣща ему Ѳома, Большая-Крома: о воевода! мнѣ ли, малу человѣку сущу, минуючи высокое твое благоутробіе, избѣгаючи пресвѣтлаго взгляда ясныхъ очей твоихъ, дерзновенно самовластвовать? Ты вождь и управитель насъ, бѣдныхъ холопишковъ и сиротъ. И прельстися воевода Пушка словесами лукавыми и лестію сладкоглаголанною. И вземъ колымагу, и всѣде въ нію, и рѣче возницѣ, яко ко пристанѣмъ потягнетъ, и поскакаше, колесомъ о каменіе звѣнящимъ. Зломерзкій же оный дозорщикъ, восплеще руками, и приведоша ему коня, и сѣде нань, и побѣже за колымагою воеводскою. И пріидоша къ соляной казнѣ, и приступиша ко амбарамъ, и на запоры замки повѣсиша, и отдаша ключи воеводѣ, воевода же вземъ и положи ихъ въ зепы своя, и выняше восчину, и запѣчатлѣ входы печатьми — и отыдоша. — И быша разливы веліи. — Водамъ же сошедшимъ, вниде Волга во предѣлы своя. — Амбары же осташася крѣпцы и устроеніе ихъ не росплышася, казна же соляная вся утече. И восплакася воевода Пушка зѣло горько и возопи: о, люте мнѣ! о, люте мнѣ! како

такову многу усышку и утечку возвратити мнѣ? О зло, зла злѣйшее, злолукавый приставщикъ: се несмотрѣніемъ и татьбой его единаго, азъ казною своею и своимъ добромъ, въ отвѣтъ впадохъ! Овый же злокозненный Ѳома, Большая-Крома, водамъ прибывающимъ, вниде въ согласіе съ богомерзкимъ отступникомъ, тяглымъ человѣкомъ Митькою Хлопушкою, даде ему шесть струговъ, и тайно, нощію, нагрузи ихъ солью, и пусти Хлопушку въ чужу сторону, да хищеніе его прикрыетъ и соль сбудетъ, идѣ же восхощетъ. И Ѳома Хлопушкѣ обѣщахъ, яко изведетъ его за службу изъ нужды горькія и пятину прибытковъ своихъ дастъ навѣки, дондеже живъ будетъ. И отыде Митька Хлопушка отъ града на струзехъ, и уплыве далече, и продаша соль всю доброй цѣною, и по зимѣ возвратися въ домъ свой. И бысть радость велія въ домѣ Ѳомы, рѣкше Большой-Кромы, яко наутріе внидетъ къ нему Митька, и вдастъ сребро и злато, и будетъ онъ, Ѳома, яко Крезъ во странахъ лидійскихъ, кичитися богачествомъ. Почто убо Хлопушкѣ, мнилъ Ѳома, вручати обильную кису пѣнязей? Мнози бо деньзи пагуба суть убогому! Дадимъ, рѣче, ему десятину, отнюду же пятину, ея же ему и въ ларцѣ не уложити. И наутріе не пріиде Митька Хлопушка къ дозорщику Ѳомѣ; и на завтрее такожде. И поиде Ѳома на стогны градскіе, и повстрѣчашеся съ Хлопушкой, и поятъ его съ собою, и введе въ домъ свой.

— Аще, друзе Митяй, доброе ми что повѣдаеши? вопроси Ѳома.

— Вся убо суть добра и блага! тако отвѣща Хлопушка.

— Елико пѣнязей привезеши, куда убо азъ посылахъ тя?

— Добре потрудихся: хватитъ злата ми на мой вѣкъ, и чадамъ оставлю не мало.

— Колико же ми принеслъ еси? вопроси Ѳома: — и поколику соль продалъ еси?

— Кую соль?

— А я же ти отдалъ есмь!

— Не вѣмъ, про кую глаголеши!

— Соль, ею же нагрузи шесть судовъ, ю же далъ ти... изъ соляныя казны!

— Вскую хощеши татя мя видѣти? Чесо ради мниши вора мя суща быти? Не клеветой убо мене погубиши, не нарѣканіемъ мя уязвиши... Буди же здравъ, добави Ѳомѣ Митька Хлопушка: — лихомъ мя не вспомянеши!..

Рѣче и сокрыся. Ѳома же, изумленію предавыйся, не двигнуся съ мѣста... И поднесь Митька Хлопушка, идя стогнами и срѣтевъ Ѳому, такожде мимо дому Ѳомы проходяще, емлетъ шапку со главы своея, поклонъ ему трижды творяще, низко кланяющеся. Мню азъ, грѣшный, тако: яко первый поклонъ творитъ ему за соль, второй за прежнюю дружбу и любовь, третій же, мню, за то, яко выпусти его изъ дому жива, здрава и невредима.»

Сбивчивость слога, неумѣніе владѣть старинным книжнымъ языкомъ, небывалое имя боярина Іереміи Пушки и другія причины даютъ мнѣ поводъ заподозрить этотъ документъ въ его истинности.

Къ-вечеру шестаго мая послалъ я за лошадьми, неимѣя намѣренія

долго заживаться въ Нижнемъ. Въ ту минуту, когда я сходилъ съ крыльца роскошной, но дешевой всегда, кромѣ періода ярмарки, гостинницы, кто-то быстро прошмыгнулъ мимо меня, бросился къ каретѣ, и сталъ отпирать дверцы.

— Милости просимъ, пожалуйте! Лошадки готовы! Счастливаго пути!

— А, Сидоръ Кузьмичъ! гдѣ вы пропадали? куда вы это скрывались?

— Да все хлопоталъ, сударь вы мой, насчетъ помѣщеньица на ярмаркѣ...

— Ну, есть ли удача?

— Не даетъ Господь!

— Ну, прощайте, Сидоръ Кузьмичъ, желаю вамъ успѣховъ.

— Да что «прощайте»!.. Вотъ теперь бы славно на дорожку ушицы, этакъ, стерляжьей на шампанскомъ... да, этакъ, рейнвейнцу... Я, вѣдь, у васъ еще въ долгу — то все было нѣкогда... или запамятуешь, а теперь вотъ свободный вечерокъ выдался... Воротимтесь-ка, сударь, назадъ, кутнёмъ ужь, такъ и быть...

— До другаго раза, Сидоръ Кузьмичъ, до другаго раза!

— Ну, какъ знаете-съ... оно и точно: что теперь за время? ни то, ни сё, всего шесть часовъ... Пойду-ка я въ заведеніе, да спрошу чайку парочку... На обратномъ-то пути осчастливьте, удостойте навѣстить прежняго комнаньйона! Вотъ ужь мы тогда спрыснемъ, такъ спрыснемъ!!

— Пошолъ! крикнулъ почтальйонъ, когда я дружески распростился съ Сидоромъ Кузьмичомъ.

V.

Матрёша.

Когда присмотришься къ нашей крестьянской промышлености, да хорошенько войдешь въ положеніе нашихъ деревенскихъ рабочихъ, то, право, отъ души поблагодаришь судьбу за то, что у насъ, въ сельскомъ быту, не существуетъ тѣхъ бездомныхъ, неимѣющихъ постояннаго крова тружениковъ, которые въ Западной Европѣ составляютъ огромную массу народа, такъ-называемаго рабочаго класса. Въ предшествовавшихъ главахъ мы толковали и о кустарникахъ, и о настоящихъ фабричныхъ рабочихъ, говорили и о тѣхъ промыслахъ, которые выходятъ изъ обыкновеннаго круга обыдённыхъ крестьянскихъ занятій, тѣсно-связанныхъ съ земледѣліемъ: и читатели наши, вѣроятно, не встрѣтили у насъ того, что̀ въ тѣсномъ смыслѣ называется ouvrier. Наши работники, если они не мѣщане и не обладаютъ, поэтому, правомъ производить отъ своего лица торговые, въ извѣстныхъ размѣрахъ, обороты, то принадлежатъ къ сословію крестьянъ; они или владѣльческіе, или свободные, разныхъ категорій и вѣдомствъ, казеннаго, коронnаго и другихъ. Нашъ мастеровой изъ этого сословія имѣетъ клочокъ земли, болѣе или менѣе обширный; ужь по одному этому онъ не бобыль и всегда, въ бо̀льшей или меньшей степени, вправѣ считать будущность свою обезпеченною.

Если я теперь возьму для образца типъ русскаго простолюдина и, мысленно, отрѣшу его отъ пользованія землею на родинѣ, поставлю его въ несуществующее у насъ положеніе безпріютнаго мастероваго, человѣка, у котораго своего нѣтъ, какъ говорится, ни кола, ни двора, подчиню его зависимости только одного фабриканта, то въ какомъ безотрадномъ свѣтѣ простолюдинъ этотъ мнѣ представится? Въ самомъ грустномъ, въ самомъ несчастномъ, потому-что самъ-собой такой простолюдинъ существовать не можетъ; насущный кусокъ хлѣба, вся жизнь его зависятъ отъ отношеній его къ фабриканту. Заведетъ фа-

брикантъ машину—работники остаются безъ хлѣба: они и рады бы, со всѣмъ жаромъ человѣка, находящагося въ крайности, предаться воздѣлыванію полей, да земли-то у нихъ нѣтъ: не къ-чему рукъ приложить! Еслибъ и случилось даже найдти чужую землю, то и за пользованіе ею надо платить деньги, да и воздѣлывать ее безъ денежныхъ средствъ невозможно; а не всякому же выдается счастливый удѣлъ обладать какимъ-нибудь, хотя бы небольшимъ, денежнымъ капиталомъ. А если нѣтъ работы, къ которой человѣкъ спеціально подготовленъ съ малолѣтства, да нѣтъ родной нивы, на которую рабочему можно имѣть виды про всякій случай, то на какіе же предметы онъ можетъ обратить свою дѣятельность, гдѣ ему искать новыхъ путей къ тому, чтобъ заработать себѣ честный кусокъ хлѣба?

Разсуждая такимъ-образомъ, я невольно думаю о шаткости положенія рабочаго класса въ просвѣщенной Европѣ, о повсемѣстномъ распространеніи тамъ пауперизма и о всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя ужь не разъ бывали послѣдствіемъ прекращенія работъ, и всегда желчно досадую на тѣхъ непрошенныхъ публицистовъ, которые все наше, русское, по ихъ мнѣнію недозрѣлое, недоросшее, хотятъ мѣрять иностранною мѣркою. Я не виню этихъ публицистовъ: Россіи они въ глаза не видали, о Европѣ знаютъ по-наслышкѣ; о существенныхъ различіяхъ народнаго быта въ Россіи отъ народнаго быта остальной Европы, вслѣдствіе неодинаковости историческихъ началъ, имъ не приходилось разсуждать за недосугомъ; но односторонно восторгаясь Западною Европою, они о русскомъ крестьянинѣ обыкновенно судятъ по петербургскимъ извощикамъ, либо дворникамъ, о русскихъ фабрикахъ — по издѣліямъ Толкучаго Рынка, о русской природѣ — по болотамъ, ближайшихъ къ нашей столицѣ мѣстъ; тѣмъ неменѣе мнѣ всегда бываетъ досадно, что при такихъ «мизерныхъ» познаніяхъ своего отечества и при верхоглядствѣ на нѣкоторыя дѣйствительно-существующія у насъ, какъ и во всемъ человѣчествѣ, темныя стороны быта, многіе у насъ «ахаютъ» и «охаютъ» о томъ, что вотъ, дескать, какъ еще у насъ народъ-отъ грубъ и невѣжественъ! вотъ какіе у него неискоренимые пороки!

— Что вы тутъ говорите о фабричныхъ сёлахъ въ Россіи? возражалъ мнѣ однажды одинъ изъ нашихъ доморощенныхъ публицистовъ: — слыхалъ и я самъ кое-что о фабричныхъ сёлахъ: ну, что это за сёла? Дворы накось, воротъ нѣтъ: одна калитка, да и у той дверца давнымъ-давно сорвалась съ петель и валяется у порога; во дворѣ хлѣва нѣтъ, лошадёнки—и той у мужика не водится, развѣ-развѣ что одна коровёнка, да двѣ овцы жмутся въ той же избушкѣ, гдѣ живутъ сами хозяева!.. Вы взгляните-ка когда-нибудь на крестьянина, особенно въ то время, когда онъ, выработавъ миткаль, приноситъ его къ фабриканту на фабрику. Цѣны еще на работу не установились, а мужику въ деньгахъ нужда пришла крайняя. Толстобрюхій фабрикантъ-бородачъ отбираетъ отъ мужика товаръ и вручаетъ ему записочку, по которой, въ другомъ отдѣленіи дома, выдаютъ деньги. Мужикъ получитъ тщедушную плату, положитъ ее на ладонь, подкинетъ раза два, поразсмотритъ, попридумаетъ, и идетъ къ хозяину: «Отдай

товаръ назадъ! возьми назадъ деньги!» Фабрикантъ на него и руками и ногами: насилу мужика образумитъ тѣмъ, что товаръ сданъ ужь въ бѣлильню, а расходъ въ деньгахъ по книгамъ выведенъ: не марать же книги для мужика!.. Пожалуй, и радъ бы товаръ отдать, да гдѣ его теперь возьмешь!.. И идетъ мужикъ домой съ нажитою копейкой. Вотъ онъ и на улицѣ. Онъ глазъ не спускаетъ съ полученной въ разсчетъ монеты; то привѣситъ ее на ладони, то поднесетъ поближе къ лицу, и крѣпкую думаетъ онъ думу: что жь ему изъ этихъ денегъ выгадать? На хлѣбъ мало; на оброкъ — и думать нечего... семь-ка, пойдти-было да съ горя выпить!.. Вотъ вамъ ваши фабричные рабочіе!

— А вы видали это сами?

— Нѣтъ, гдѣ жь мнѣ самому это видѣть... но я слыхалъ отъ вѣрныхъ людей.

Я не спорю: можетъ-быть, и бываютъ подобныя продѣлки; я даже допускаю, что они, какъ исключительныя явленія, дѣйствительно могутъ случаться съ отдѣльными лицами, и допускаю это на томъ основаніи, что гдѣ есть блестящая сторона медали, тамъ есть и оборотная ея сторона, гдѣ есть свои радости, тамъ есть и свое горе... Да и кто же горя не знаетъ? кто съ горемъ не спознавался? Но горе частнаго лица ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить выраженіемъ безотраднаго состоянія цѣлаго сословія, тѣмъ болѣе у насъ, въ Россіи. Тотъ же рабочій, коль-скоро замѣчаетъ онъ, что ткачество ему не везетъ, что оно его не кормитъ, броситъ трудъ, непріносящій выгодъ, и пріймется за другой промыселъ, къ которому нужно только приглядѣться, а не учиться съ малыхъ лѣтъ. Но у нашего крестьянина все-таки въ запасѣ есть родная земля, на которой онъ можетъ успокоить свою старость, и которая служитъ для него всегдашнимъ обезпеченіемъ. Никакая сила въ мірѣ не изгонитъ съ лица земли бѣдности: бѣдность должна существовать, какъ должно существовать богатство; но дѣло въ томъ, что нищеты у насъ нѣтъ такой, какая бросается въ глаза всюду въ хваленой Западной Европѣ.

Есть у насъ много людей, до безумія влюбленныхъ въ сельскую жизнь, съ которою они познакомились на Черной Рѣчкѣ или близь Павловска; они мечтаютъ о пастушкахъ и пастушкахъ, но только не о нашихъ: они бредятъ Франціей или Германіей, и едва-ли не вполнѣ убѣждены, что вообще передъ французскимъ мужикомъ нашъ русскій человѣкъ то же, что дикій Готтентотъ передъ каждымъ порядочнымъ человѣкомъ. Они не могутъ допустить себѣ мысли, чтобъ русское крестьянское сословіе, въ массѣ своей, въ-отношеніи образованности нравственной и религіозной, точно такъ же, какъ и въ-отношеніи грамотности, стояло неизмѣримо-выше поселянъ южной и югозападной Франціи. Разскажите это нашему свѣтскому франту, поговорите съ нимъ о дикости, грубой непонятливости и о неопрятности французскаго мужика тѣхъ краевъ, побесѣдуйте съ нимъ о крайней невоспитанности, кругломъ невѣжествѣ и о скаредничествѣ всей парижской bourgeoisie, берущей верхъ только говорливостью; разскажите ему о богатствѣ, зажиточности, чистоплотности, цивилизованности крестьянъ нашихъ восточныхъ, сѣверовосточныхъ, или сибирскихъ

губерній—свѣтскій франтъ васъ осмѣётъ и ваше стремленіе вразумить, образумить его, назоветъ избыткомъ квасного патріотизма: такъ еще въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего русскаго общества дики взгляды на Русскихъ, такъ еще темны ихъ понятія о своемъ родномъ отечествѣ. А отъ этого-то имена Madelaine, Raoul, Ursule, Martin для русскаго уха возбуждаютъ гораздо-болѣе пріятныхъ ощущеній, чѣмъ имена Ѳеклы, Василисы, Лукерьи или Пафнутья: ужь это одно чего стоитъ! Въ любую Eudoxie или Euphrosine заглаза можно влюбиться; но какая барышня не сойдетъ у насъ отъ горя съ ума, еслибъ ей пришлось вдругъ переименоваться въ Авдотью или въ Афросинью.

У насъ почему-то многіе съ идеею мужика соединяютъ идею самыхъ-грубыхъ наклонностей и пороковъ, во главѣ которыхъ ставятъ пристрастіе русскаго человѣка къ крѣпкимъ напиткамъ. Разумѣется, порокъ этотъ, ужь потому что онъ порокъ, долженъ внушать прискорбныя мысли; но гдѣ же этого порока не существуетъ? Лучшій изъ европейскихъ народъ—Англичане, тѣ едва-ли не перещеголяютъ и нашихъ, Русскихъ! Нѣмцы мало пьютъ водки, но водка неторовату Нѣмцу не по карману; за дороговизной вина, Нѣмецъ топитъ свое горе въ пивѣ! Конечно, это нисколько не можетъ служить оправданіемъ укорененной давними вѣками слабости въ русскомъ человѣкѣ: не-уже-ли нельзя низойдти къ этой слабости въ простолюдинѣ, когда мы безъ вниманія проходимъ мимо людей, подверженныхъ тому же пороку, только съ другою обстановкой, съ обстановкой, льстящей личнымъ нашимъ наклонностямъ?

Многіе у насъ какъ-то непривѣтливо смотрятъ на крестьянина, если онъ принарядится въ щеголеватую сибирку, надѣнетъ покрасивѣе сапоги, станетъ пить чай да кофе, или начнетъ разбирать книгу, видимо не про него писанную. «Смотрите, какъ мужикъ-то зазнался! Куда ты, сиволапый, лѣзешь!» готовы они крикнуть ему въ ту самую минуту, когда, съ одной стороны, самимъ имъ прислуживаетъ въ ресторанѣ чистый мужикъ, только во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, а съ другой, рядомъ съ ними возсѣдаетъ за такимъ же, какъ и они, столомъ другой мужикъ, торгующій крестьянинъ, принужденный обстоятельствами завернуть въ ресторанъ и задобрить здѣсь нужнаго ему человѣка хорошимъ ужиномъ.

Конечно, это ужь крайность; но рѣчь была о томъ, что не бѣдность, а завидное довольство—удѣлъ русскаго крестьянина, пустившагося на разные промыслы, и особенно такого, который, преодолѣвъ трудныя обстоятельства и, вспомоществуемый случаемъ, расправитъ крылышки и пойдетъ перепархивать по густому лѣсу русской коммерціи.

Мы часто видимъ торгующихъ крестьянъ, которые, вслѣдствіе обширности своихъ операцій, пріобрѣли себѣ купеческія свидѣтельства отъ низшей гильдіи и до высшей, производятъ обширные торги, кредитуются на многія тысячи рублей; многіе изъ нихъ начали свое поприще тѣмъ, что даже гильдейскія-то повинности внесли не изъ своего кармана, а заимствовались ими на-кредитъ; но послѣ имъ удалось расширить сферу своихъ дѣйствій и сдѣлаться замѣчательными капиталистами. И торговому крестьянину, и

крестьянину-земледѣльцу всякій вѣритъ такой или иной капиталъ, зная, что совѣстливый русскій мужичокъ сочтетъ грѣховнымъ дѣломъ отречься отъ долга и, наконецъ, что онъ рано или поздно найдетъ средство расквитаться съ своимъ кредиторомъ за одинъ разъ, или въ нѣсколько пріемовъ. Это общее правило, служащее, по мнѣнію многихъ, вѣрнымъ доказательствомъ хорошей нравственности крестьянскаго населенія, а также и обезпеченнаго его состоянія, можетъ быть подтверждено ежедневнымъ опытомъ: въ любомъ краѣ нашего отечества, въ любое время года, менѣе-зажиточная часть крестьянскаго населенія постоянно пользуется широкимъ кредитомъ зажиточнѣйшей части. Долги эти утверждаются не заемными письмами, не другими какими-нибудь несомнѣнными актами, они обезпечиваются единственно честнымъ словомъ мужичка православнаго: онъ сведетъ на базаръ послѣднюю коровёнку, продастъ послѣднюю мѣру овса, цѣлой семьей пойдетъ въ работу, въ личныя услуги, но должникомъ неоплатнымъ не будетъ. Увѣряютъ, что именно на этомъ держится вся система кредита, и говорятъ, что гдѣ есть кредитъ, тамъ обширны и коммерческія сдѣлки, гдѣ обширна коммерція, тамъ царство богатѣетъ, а гдѣ вся земля богата, тамъ и благосостояніе общее. Частные случаи не могутъ идти за примѣры, и кто жь не знаетъ, что у всякаго общаго правила есть свои исключенія.

Нижегородская Губернія занимаетъ почти такое же пространство, какое занимаетъ и Владимірская; она почти такъ же густо населена, какъ Владимірская, слѣдовательно, по малоземелью, крестьяне и здѣсь необходимо должны были обратиться къ различнымъ промысламъ, при занятіи которыми они могли бы удовлетворить своимъ насущнымъ нуждамъ, а подъ-часъ и сберечь копейку про черный день.

Нижегородская Губернія, по естественному своему положенію, раздѣляется на двѣ части; эти части рознятся какъ естественными свойствами земли, такъ и нравами жителей.

Въ сѣверной части, среди лѣсовъ и болотъ, находится множество деревень, но сёла рѣдки. Всѣ эти деревни малонаселенны; строенія въ нихъ, по причинѣ изобилія въ лѣсѣ, помѣстительны, прочны и чисты. Болотисто-песчаная почва земли неудобна къ воздѣлыванію, почему, богатые лѣсомъ, жители съ незапамятныхъ временъ занимаются приготовленіемъ разныхъ издѣлій изъ этого матеріала.

Въ южной части губерніи, въ противоположность сѣверной, селенія многолюдны; домы здѣсь не такъ помѣстительны и опрятны; многіе кроются соломой, есть и курныя избы; характеръ населенія большею-частью чисто-земледѣльческій.

Жители береговъ Оки и Волги отличаются сильною наклонностью къ промышлености издѣльной и торговой, и наслаждаются зажиточностью, довольствомъ и привольемъ. Селенія здѣсь чрезвычайно-многолюдны; до десятка можно насчитать такихъ, гдѣ численность обитателей простирается до шести тысячъ душъ.

Крестьяне разныхъ уѣздовъ Нижегородской Губерніи частью приискиваютъ себѣ занятія въ мѣстахъ постояннаго своего жительства, а частью оставляютъ домы и отходятъ на заработки въ отдаленныя

мѣста. Одни идутъ въ бурлаки и ходятъ на судахъ по Волгѣ и Камѣ, другіе занимаются извознымъ промысломъ: ремесленность, а отчасти и мануфактурная промышленость, развитая здѣсь, а также и перевозка товаровъ, скопляющихся на Нижегородской Ярмаркѣ, поддерживаютъ и развиваютъ извозный промыселъ, дающій здѣшнимъ крестьянамъ приличное за трудъ вознагражденіе. Много нижегородскихъ крестьянъ отправляется на заработки въ Самарскую Губернію, гдѣ мало своихъ рабочихъ рукъ для уборки хлѣба при всегдашнихъ благодатныхъ урожаяхъ и гдѣ во-время подоспѣвшая помощь дорого цѣнится; многіе сплываютъ въ Астрахань и идутъ въ матросы на суда, плавающія по Каспійскому Морю, или, за неимѣніемъ другихъ благопріятныхъ занятій, идутъ на тяжелыя работы къ откупщикамъ и владѣльцамъ каспійскихъ рыболовныхъ водъ; многіе отправляются, по-крайней-мѣрѣ въ прежніе годы большими партіями отправлялись—въ Сибирь, на тамошніе золотые пріиски и этими трудами стараются поддержать благосостояніе своихъ семей.

Въ предъидущей главѣ мы ужь имѣли случай указать на нѣкоторые виды крестьянской промышлености въ Нижегородской Губерніи и на существующіе здѣсь фабрики и заводы; говорили о судостроеніи въ Балахнинскомъ Уѣздѣ, о выдѣлкѣ здѣсь желѣзныхъ вещей, но не сказали о прочихъ отрасляхъ дѣятельности, о чемъ довелось намъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія.

Въ Балахнинскомъ Уѣздѣ существуютъ частные солеваренные заводы, на которыхъ ежегодно добывается соли до ста тысячъ пудовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ добываютъ красную глину и балахнинская глиняная посуда славится во всѣхъ поволжскихъ губерніяхъ; во многихъ мѣстахъ крестьяне промышляютъ продажею валенаго товара, обуви и шляпъ; село Катунки пріобрѣло извѣстность выдѣлкою кожь и изготовленіемъ изъ нихъ строченаго товара; село Городецъ, кромѣ выдѣлки якорей, гвоздей и канатовъ для судовъ, производитъ торговлю сальными мѣстной выдѣлки свѣчами и пряниками, а въ самой Балахнѣ мѣщанки занимаются изготовленіемъ шолковыхъ блондъ и нитяныхъ кружевъ весьма-замѣчательной отдѣлки.

Я не берусь сравнивать здѣшнія кружева съ брюссельскими кружевами и съ валансьенскими блондами, но, сколько мнѣ случалось видѣть на своемъ вѣку этого товара, балахнинскія призведенія далеко обогнали саксонскія издѣлія этого рода: а что касается до цѣнъ, то, по всей вѣроятности, балахнинскія кружева не уступятъ, а еще превзойдутъ по своей дешевизнѣ, цѣны французскихъ и бельгійскихъ кружевъ. Мнѣ не безъизвѣстно, что въ Бельгіи дѣлаются кружева по двѣ тысячи франковъ за метръ, что тамъ, для кружевъ, выпрядаютъ такія тонкія нитки, что фунтъ ихъ оцѣнивается въ тысячу рублей серебромъ, и нисколько не беру на себя смѣлости увѣрять, что это же самое можно сдѣлать и въ Балахнѣ. Я могу только засвидѣтельствовать, что видѣлъ блонды въ девять гривенъ и въ полтора рубля ассигнаціями за аршинъ, а кружева по рублю съ четвертью за аршинъ, но они были такой ширины и такихъ достоинствъ, что въ петербургскихъ магазинахъ ихъ нельзя купить и по три рубля за

аршинъ. Я видѣлъ восхитительныя мантильи, за которыя здѣшніе магазинщики не взяли бы меньше двух-сотъ рублей серебромъ, но за которыя балахнинскія кружевницы запрашивали только полтораста рублей ассигнаціями. Одно только могу поставить издѣліямъ этимъ въ укоръ — старинные рисунки, напоминающіе нѣсколько рисунки бордюровъ у обыкновенныхъ деревенскихъ полотенецъ, да нѣкоторую жестковатость выдѣлки; но, признаюсь, я сильно сомнѣваюсь, чтобъ эти самыя блонды и кружева, несмотря на явный отпечатокъ ихъ русскаго происхожденія, не продавались въ нашихъ магазинахъ за чисто-иностранныя издѣлія.

Блонды эти и кружева обыкновенно скупаются торговцами и торгашами у бѣдныхъ и нуждающихся въ деньгахъ мастерицъ, разумѣется за-дешево, и только къ этой причинѣ я отношу то, что мягкость, нѣжность и вкусъ не блещутъ изящностью на всѣхъ видахъ этого товара. Мнѣ кажется, что трудно отъ бѣдной мѣщанки и требовать изящества при такихъ обстоятельствахъ, когда все существованіе ея зависитъ отъ прижимистаго и вѣчно-скупаго торговца, и когда рукодѣліемъ своимъ она едва-едва пропитаться можетъ съ многочисленной семьей. Къ-тому же и конкуренція между кружевницами велика: заспоритъ съ торговцемъ одна, другая сама напросится на дешевизну: деньги нужны! Нѣкоторыя, однакожь, успѣваютъ избѣжать вліянія скупщиковъ товара. Онѣ выбираютъ изъ среды себя одну бабу, побойчѣе и, ко времени сближенія срока ярмарки, снаряжаютъ ее въ Нижній Новгородъ для разноса блондъ и кружевъ по домамъ и для неубыточной продажи богатымъ потребителямъ, съѣзжающимся на ярмарку. Вотъ, у такихъ-то торговокъ и случалось мнѣ видѣть издѣлія, поразившія меня нѣжностью и отчетливостью отдѣлки.

Замѣчательность Макарьевскаго Уѣзда — противолежащее городу Макарьеву село Лысково съ знаменитою хлѣбною пристанью. Здѣсь производится обширная погрузка зерноваго хлѣба и скупъ торговцами отъ мѣстныхъ крестьянъ, кромѣ хлѣба, лѣсовъ и лычныхъ издѣлій. По обилію лѣсовъ по рѣкѣ Керженцу и по давнишней привычкѣ крестьянъ къ плотничеству, здѣсь весьма-обширно производство сундуковъ. Безъ сомнѣнія, происхожденіе этой промышлености надо отнести къ тому времени, когда нынѣшняя Нижегородская Ярмарка еще только возникала здѣсь, при Макарьевѣ Монастырѣ, и когда мѣстные жители увидѣли всю выгоду и настоятельную надобность въ изготовленіи сундуковъ и такъ-называемыхъ «укладокъ». Керженскіе или макарьевскіе сундуки, а также сундуки, выдѣлываемые въ извѣстномъ селѣ Павловѣ, обыкновенно окрашиваются красною или голубою краской, иногда оковываются полосами листоваго желѣза, а иногда просто покрываются лакомъ, но вообще размалёвываются разными цвѣтными узорами. Но есть еще сундуки, гораздо-цѣннѣе нижегородскихъ—это тѣ, которые приготовляются на многихъ заводахъ Пермской Губерніи, гдѣ первое мѣсто въ выработкѣ ихъ принадлежитъ тагильскимъ заводамъ. Сибирскіе сундуки всѣ сплошь оковываются

желѣзомъ, расписываются грубою живописью и снабжаются замками со звономъ и съ разными курьёзными выдумками.

Сундуки идутъ въ продажу двухъ родовъ: простые, штучные, большіе, одиночные, имѣющіе особое назначеніе и продающіеся отдѣльно, и сундуки «станами», сундукъ въ сундукѣ, въ каждомъ станѣ по осьми сундуковъ, вложенныхъ одинъ въ другой. Этого рода сундуки составляютъ собственно такъ-называемый сундучный товаръ, по отношенію его вообще ко всѣмъ другимъ видамъ лѣснаго товара. Но есть еще другое, частное значеніе «сундучнаго товара».

Купцы, производящіе торговые обороты между Россіею и владѣніями Средней Азіи, нуждаются преимущественно въ сундукахъ перваго рода. Они раскладываютъ въ нихъ холстинки, кисею, парчу, бархатъ, плисъ, чай, иногда сахаръ, краски, сафьянъ и другую мелочь, такимъ-образомъ, чтобъ въ парѣ, или въ двухъ парахъ, сундуковъ вышло общаго вѣса, и товара и укладки, отъ шестнадцати до восьмнадцати пудовъ. Весь товаръ, помѣщаемый въ сундукахъ, называется сундучнымъ, но въ тѣсномъ смыслѣ, названіе это принадлежитъ преимущественно парчѣ, шолковому и лучшему бумажному товару: товаръ этотъ иначе въ Среднюю Азію не везется, какъ въ сундукахъ, которые, будучи окутаны кошмами или рогожами, навьючиваются на верблюдовъ, а въ Средней Азіи и сами распродаются, какъ товаръ.

Сундуки втораго рода, то-есть «станами», идутъ въ Среднюю Азію по-большей-части безъ всякой поклажи, въ рѣдкихъ только случаяхъ кое-какая цѣнная кладь помѣщается во внутреннемъ, самомъ мелкомъ сундукѣ. Этого рода сундуки, въ русскомъ быту къ употребленію почти вовсе-негодные, составляютъ необходимую потребность жителей Азіатской Турціи, Персіи, Афганистана, Хивы, Бухары, Кокана, западныхъ областей Китая, мелкихъ среднеазійскихъ владѣньицъ и почти всей Индіи. Народы Турана и Индустана крупными сундуками обставляютъ свои жилища, какъ мы украшаемъ ихъ мёбелью, хранятъ въ нихъ свои пожитки, а въ мелкіе сундуки укладываютъ драгоцѣнности и употребляютъ ихъ для подарковъ и для помѣщенія подарковъ.

У Азіатца ни одно семейное событіе, ни одно должностное происшествіе, ни одна явка по властямъ, обойдтись безъ сундука не можетъ, и чѣмъ лицо, которому нужно сдѣлать приношеніе, значительнѣе, тѣмъ красивѣе выбирается сундучокъ для вещи, составляющей приношеніе. Женихъ ли несетъ подарки въ домъ родителей невѣсты, подчиненный ли является по начальству къ азіатскому сановнику, или воротившійся изъ дальнихъ торговъ купецъ идетъ на поклонъ къ хану — онъ безъ «положительнаго» не смѣетъ предстать на глаза; учтивость и знаніе приличій обязываютъ его къ тому, чтобъ приготовленный имъ сюрпризъ былъ поданъ не просто въ томъ сундучкѣ, въ который онъ положенъ, но чтобъ сундучокъ этотъ былъ поставленъ въ другой, обширнѣйшій сундучокъ, другой — въ третій, а тотъ въ четвертый.

Торговля сундуками у насъ чрезвычайно-обширна. Кромѣ постоян-

наго вывоза этого товара за границу, и въ центрѣ Россіи ни одна крестьянская семья безъ сундука не проживетъ, а есть и цѣлые уѣзды, гдѣ сундуки — та же мѣбель: стало-быть, ужь по одному этому весьма-легко допустить, что у насъ ежегодно производится болѣе мильйона сундуковъ. Люди, знающіе дѣло спеціально и притомъ практически, увѣряютъ, что чрезъ Астрахань, да черезъ Оренбургъ, Троицкъ и Петропавловскъ ежегодно вывозится отъ насъ по-крайней-мѣрѣ тысячъ двѣсти сундуковъ.

По рѣкамъ Волгѣ и Сурѣ жители промышляютъ рыбаченьемъ; особенно въ уѣздѣ Васильскомъ рыболовство составляетъ важный промыселъ. Здѣсь весьма-много ловится стерляди, которая лѣтомъ доставляется въ Нижній и далѣе въ «прорѣзахъ» или лодкахъ съ прорѣзными въ корпусѣ судна щелями, для постояннаго освѣженія воды и для поддержанія этимъ способомъ рыбы постоянно-живою. Говорятъ, что зимою рыбу эту отправляютъ изъ Василя-Сурскаго въ Москву на перемѣнныхъ лошадяхъ; огромное количество живыхъ стерлядей потребляется на Нижегородской Ярмаркѣ. По значительному улову рыбы, васильсурскіе рыболовы, неимѣя возможности сбыть ее всю живою, коптятъ ее и въ этомъ видѣ отправляютъ большими партіями въ Москву и другіе города. Въ этомъ же уѣздѣ замѣчательна еще одна промышленость, тѣсно-связанная съ рыболовьемъ. Купцы, торгующіе снастями для астраханскихъ и донскихъ рыбопромышленниковъ, скупаютъ здѣсь по деревнямъ такъ-называемые «плуты» или небольшіе брусья изъ осокореваго дерева, изъ котораго ловцы, то-есть чернорабочіе у рыбопромышленниковъ приготовляютъ поплавки къ неводамъ и другимъ рыболовнымъ орудіямъ. Погрузка этого товара на суда происходитъ въ селѣ Фокинѣ, на самой Волгѣ. Плуты покупаются тысячами, по пяти рублей ассигнаціями за тысячу. Для Волги, Каспійскаго Моря, Урала, Куры, Терека, Дона и другихъ рѣкъ, плутовъ идетъ въ дѣло несчетное число мильйоновъ.

Въ Семеновскомъ Уѣздѣ, изобильномъ лѣсами, выдѣлывается такъ-называемый «щепной» товаръ: ложки, чашки, короба, сундуки и прочее, но болѣе всего въ Семеновскомъ Уѣздѣ приготовляется именно деревянной посуды. Ложки точатъ по-большей-части въ городѣ Семеновѣ и его окрестностяхъ, а чашки въ Хохловской Волости. Частью крашенная, а большею-частью бѣлая посуда идетъ въ село Городецъ, здѣсь скупается гуртомъ, красится олифою и весной отправляется въ низовыя губерніи, а лѣтомъ на Нижегородскую Ярмарку. Въ тѣхъ участкахъ Семеновскаго Уѣзда, гдѣ лѣсовъ менѣе, крестьяне занимаются приготовленіемъ изъ овечьей шерсти (изъ шерсти барановъ, овецъ и молодыхъ ярокъ) такъ-называемаго валенаго товара, валенокъ, поярковыхъ шляпъ, которыя идутъ едва не на всю Россію. Касательно валенаго товара вообще замѣчаютъ, что существующія на него цѣны до-того ничтожны, что едва-ли бы могли покрыть издержки, употребляемыя на самый матеріалъ, если бъ онъ не былъ частью домашняго приготовленія, а частью не скупался за-дешево отъ нашихъ же кочевыхъ инородцевъ. Крестьяне Балахнинскаго и Семеновскаго Уѣздовъ издавна занимаются валяніемъ шляпъ и обуви, сбываютъ то-

варъ свой въ огромныхъ количествахъ и, вслѣдствіе обширности своего промысла, отличаются домостроительствомъ и трезвостью жизни. Несмотря, однакожь, на всѣ эти выгодныя условія, они доселѣ не могли сдѣлаться зажиточными отъ своего производства, между-тѣмъ, какъ сосѣди ихъ, занимающіеся иными промыслами, замѣтно богатѣютъ. Отъ этого же, полагаютъ, происходитъ и то, что валеный товаръ нисколько не подвигается къ улучшенію, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно около извѣстнаго центра этого производства, села Кантаурова, и были дѣланы довольно-удачныя попытки къ усовершенствованію валеночнаго товара, что̀ свидѣтельствуется, какъ горячностью, съ которою нѣкоторые крестьяне Семеновскаго Уѣзда спѣшили представить свои произведенія на лондонскую выставку, такъ и отзывами, которые объ этомъ товарѣ въ то время были сдѣланы. У насъ все болѣе-и-болѣе распространяется въ крестьянскомъ быту обыкновеніе носить картузы и фуражки, которые продаются дешевле поярковыхъ шляпъ, оставшихся теперь только для праздничнаго наряда и сдѣлавшихся такимъ-образомъ предметомъ крестьянской роскоши, а это, говорятъ, имѣло сильное вліяніе на упадокъ валеночной промышлености и на пониженіе цѣнъ ея произведеній.

Знаменитость Горбатовскаго Уѣзда составляютъ села Павлово и Ворсма и обширное производство тамъ стальныхъ издѣлій, о чемъ мы ужь прежде сказали.

Кромѣ выдѣлки стальныхъ издѣлій, а также и сундуковъ, село Павлово пріобрѣло себѣ извѣстность мыловаренными заводами и приготовленіемъ строченыхъ издѣлій. Здѣсь въ довольно-большомъ количествѣ шьются «бахилы», или высокіе, безъ толстой подошвы, сапоги для рыболововъ, постоянно-работающихъ по̀поясъ въ водѣ. Бахилы эти, смотря по своему размѣру, раздѣляются на аршинные, пятичетвертовые, шестичетвертовые и большіе, почти до пояса. Бахилъ здѣсь ежегодно покупается до пяти тысячъ паръ, средняя цѣна за пару, глядя по величинѣ, бываетъ отъ пятидесяти копеекъ до двухъ рублей серебромъ. Въ селѣ Богородскомъ, съ давнихъ годовъ занимающемся обширною выдѣлкою кожь, приготовляется огромное количество рукавицъ, которыя сбываются по всему приволжскому краю большими партіями.

Въ Лукояновскомъ Уѣздѣ, кромѣ лѣсныхъ издѣлій, крестьяне занимаются выдѣлкою суконъ и полотенъ; характеръ Сергачскаго Уѣзда чисто-земледѣльческій; а въ Княгининскомъ Уѣздѣ замѣчательна выдѣлка кожъ и дубленіе тулуповъ. Въ этомъ отношеніи, село Мурашкино пріобрѣло себѣ, можно сказать, европейскую извѣстность · мурашкинскіе тулупы обратили на себя вниманіе и на лондонской выставкѣ. Мурашкинскіе скорняки такъ хорошо умѣютъ выдѣлывать и красить мездру на овчинѣ, что сшитые изъ нея тулупы пріобрѣтаютъ какую-то бархатность и противостоятъ вредному вліянію сырости и мокроты на кожу. Тулупъ во внутренней торговлѣ Россіи имѣетъ огромное значеніе: милліоны русскихъ подданныхъ, почти всѣхъ племенъ, носятъ тулупы, а цифра, служащая выраженіемъ ежегоднаго потребленія овчинъ въ Россіи, изумительна по своей громадности. Мы не

довольствуемся мерлушками и овчинами чисто-русскаго происхожденія; мы до мильйона ихъ получаемъ отъ нашихъ степныхъ кочевниковъ и болѣе ста тысячъ ежегодно пріобрѣтаемъ изъ владѣній Средней Азіи.

Въ Ардатовскомъ Уѣздѣ чугунные заводы и суконныя фабрики даютъ крестьянамъ вѣрные заработки; другіе же крестьянскіе промыслы особеннаго вниманія на себя не обращаютъ.

Въ Арзамасскомъ Уѣздѣ крестьяне валяютъ кòшмы и войлоки, покупаютъ въ огромномъ количествѣ привозимую изъ-за-и пріуральскихъ губерній зайчйну, выдѣлываютъ заячьи шкуры, шьютъ изъ нихъ на продажу мѣха для шубъ. Арзамасскій Уѣздъ всегда слылъ уѣздомъ, богатымъ гусями; крестьяне здѣшніе собираютъ сырые продукты, доставляемые домашнею птицою, и продаютъ по деревнямъ прасоламъ пухъ и перьё, какъ для набивки перинъ, такъ и для приготовленія писчихъ перьевъ. Арзамасскія салотопни и тамошніе кожевенные заводы заслуживаютъ тоже вниманія. Село Красное составило себѣ репутацію издѣліемъ поярковыхъ шляпъ, а село Выѣздново — валеными сапогами и кòшмами. Въ самомъ Арзамасѣ промышленная дѣятельность развита довольно въ широкихъ размѣрахъ; здѣсь съ одной стороны выдѣлываютъ мездровый клей, съ другой, въ заведеніи Лысковцева, приготовляютъ для внутреннихъ губерній пожарныя трубы; такъ-называемые «академики» Ступинской Школы живописи занимаются иконною живописью на холстѣ, а мѣщане здѣсь, какъ и въ Симбирскѣ, славятся выдѣлкою фольговыхъ ризъ на иконы, для небогатыхъ семействъ. Здѣсь же происходитъ скупъ холстовъ мѣстнаго произведенія, сбытъ ихъ на Нижегородскую Ярмарку и поставка въ казну, для арміи. Чрезъ Арзамасъ лежитъ большой коммерческій трактъ изъ Москвы въ Симбирскъ и въ Саратовъ. Въ Арзамасскомъ Уѣздѣ, почти отъ самой границы его съ уѣздомъ Нижегородскимъ, начинается черноземная полоса.

Изъ Москвы я выѣхалъ на другой день послѣ того, какъ земля одѣлась первою зеленью, а еще и въ Нижнемъ Новгородѣ не привелось мнѣ видѣть вполнѣ-распустившейся березы, хотя было ужь шестое мая. Но къ-ночи этого же дня, я подъѣзжалъ къ селу Митину, и здѣсь, въ огромномъ болотѣ, тысячи слившихся въ одинъ нестройный звукъ пискливыхъ голосовъ еще за-версту доносились до меня печальнымъ гуломъ; помѣрѣ моего приближенія, невидимый хоръ все громче-и-громче привѣтствовалъ меня хвалебною пѣснью веснѣ и трогательными поздравленіями съ наступленіемъ совершеннаго лѣта. Я имѣлъ полную возможность наслаждаться пѣвучимъ концертомъ лягушекъ и отличать зеленыхъ примадоннъ отъ разжирѣлыхъ и рыжеватыхъ basso-cantante: лошаденки попались мнѣ усталыя и я съ истинно-примѣрнымъ хладнокровіемъ подчинился тоскливому черепашьему передвиженію отъ деревни до деревни. Съ семи часовъ вечера, почти вплоть до четырехъ часовъ утра, я «сдѣлалъ» только три станціи, или менѣе шестидесяти верстъ; но зато я наслаждался чудною погодою. Мой дорожный термометръ (Реомюра), впродолженіе цѣлой ночи, ни на линію не опустился ниже пятьнадцати градусовъ; погода стояла

сухая, прекрасная; на небѣ чисто, ни облачка; даже вѣткомъ ни разу не пахнýло: казалось, сама природа нѣжилась и лѣниво выжидала завтрашняго пробужденія.

Но кромѣ концерта лягушекъ, меня порадовало и другое пѣніе: въ позднiй часъ того же вечера, впервые въ этомъ году, услышалъ я звонкій свистъ и дробное щелканье молодаго соловья. Мой соловушка, вѣроятно, не принадлежалъ къ числу первыхъ солистовъ: въ задушевномъ мотивѣ, который выпѣвалъ онъ съ замѣтною натяжкою, слышалось явное дребезжанье и рѣзкая сиповатость голоса. Можетъ-быть, онъ простудился... можетъ-быть, онъ слишкомъ понатужилъ свое горлышко, напѣвая сладкія пѣсни подругѣ и предаваясь восторгамъ въ тиши темной ночи... Мнѣ этотъ соловей пришелся не по вкусу и я былъ радъ-радёхонекъ, когда тощія клячи оттащили меня отъ широкой полянки на такое разстояніе, что соловьиное щебетанье перестало ужь досягать до моего слуха.

Ночь тёмнымъ покровомъ спустилась на землю; тишина наступила мертвенная; она едва-едва нарушалась мѣрнымъ стукомъ копытъ о крѣпкую еще землю.

Но вотъ мгла, накрывавшая всю окрестность, стала приподниматься на одномъ краю горизонта; съ правой стороны дороги, далеко-далеко за лѣсомъ, какъ-будто бы немножко просвѣтлѣло; окраины видимой дали озарились томною желтизною; вдругъ она вся порозовѣла, потомъ понемногу все алѣла, алѣла, какъ-будто бы разгоралась. Вершины деревъ, кончики утреннихъ облачковъ подернулись огненнымъ, золотистымъ блескомъ, востокъ просiялъ и на освѣтленномъ полотнѣ небосклона темными чертами отпечатались рѣдкіе стволы еще тощихъ деревъ, неприкрасившихся нарядными свѣжими листьями. Промежду этихъ деревъ что-то сверкнуло; показалась лучезарная, расплывающаяся по горизонту полоса яркаго огня; огонь этотъ быстро началъ расти, поднимался все выше-и-выше, облилъ теплымъ потокомъ свѣта всю поляну и показался надъ просѣкой раскаленнымъ кругомъ. Пахнýло свѣжимъ вѣткомъ; слегка закалыхались берёзки, задрожала травка; гдѣ-то вблизи раздалось пѣніе жаворонковъ, сперва одного, потомъ другаго и не прошло минуты, какъ цѣлый хоръ божьихъ птичекъ залился согласнымъ гимномъ, привѣтствуя восходящее воскресное утро.

Съ восходомъ солнышка все радостно встрепенулось, все ожило, все взглянуло веселѣй; даже мои несчастныя клячи—даже онѣ почувствовали на себѣ вліяніе благодатнаго утра, принялись, по мановенію ямщицкаго кнута, бѣжать въ припрыжку курц-галопомъ и бѣжали такъ-скоро, какъ-только позволяли имъ ихъ старыя, одеревенѣлыя косматыя ноги.

Мы приближались къ небольшому лѣску и первое дерево, взглянувшее на меня попраздничному, была совершенно распустившаяся, вся въ цвѣту, липа, такъ и обдавшая меня благоуханнымъ запахомъ только-что взглянувшихъ на божій міръ цвѣточковъ. Я выглянулъ изъ окна и весело на душѣ мнѣ стало подъ впечатлѣніемъ нежданнаго подарка: всѣ березки окончательно распустились и принарядились

нѣжною, дѣвственною зеленью, которая отъ солнечныхъ лучей казалась бирюзовою и почти-прозрачною.

Селеніе, въ которое мы теперь пріѣхали для перемѣны лошадей, еще все спало; до самаго станціоннаго дома не встрѣтили мы ни живой души; лишь пробужденные стукомъ экипажа, гуси лѣниво приподнялись съ мѣстъ и, замѣтивъ нашихъ буцефаловъ, готовыхъ ихъ стоптать, шумно загагакали, распустили долгія крылья и торопливо заковыляли прочь съ дороги. Молоденькій, скакавшій впереди насъ, бычокъ, худо устереженный въ хлѣву дворовой бабой, бѣжалъ-бѣжалъ и, перенятый на дорогѣ сердитымъ собачьимъ лаемъ, вдругъ остановился, нагнулъ голову, взглянулъ на собаку, попробовалъ-было кольнуть ее бодливымъ рогомъ, но, перетрусившись, брыкнулъ ногами, замоталъ мордой и кинулся въ растворенныя ворота перваго крестьянскаго двора.

Лѣниво поднялся и тотъ хозяинъ, къ которому мы пріѣхали; по тѣмъ фразамъ, которыми привѣтствовалъ онъ нескромнаго путника, позволившаго себѣ потревожить сладкій сонъ уставшаго, послѣ вчерашней парки, хлопотуна, я догадывался, что не скоро дастъ смотритель мнѣ лошадокъ и принудитъ взять маленькій урокъ терпѣнію. Но почтальйонъ пустилъ въ ходъ важныя три слова: дѣйствительный... карета... почтальйонъ... какъ въ ту же минуту весь домъ былъ поднятъ на ноги; бойкая четверка въ наборныхъ хомутахъ заняла свою позицію; староста лишній разъ прикрикнулъ на очереднаго—и вотъ красивый парень, съ темнорусыми кудрями, сидитъ ужь на козлахъ. То былъ молодой, лѣтъ двадцати-двухъ-трехъ, ямщикъ, съ большими сѣрыми глазами, съ красными, какъ маковъ цвѣтъ, щеками, и съ темною, коротенькою, курчавою бородкой. Онъ одѣлся, для праздника, въ нанковый, изжелта-зеленаго цвѣта халатъ, съ широко-отложеннымъ на спину чернымъ плисовымъ воротникомъ. Франтовская черная шляпа, въ родѣ тирольской, съ широкими полями и съ высокою конической тульей, перевязанною крестъ-на-крестъ разноцвѣтными лентами, съ шелковистымъ пучкомъ на узенькой верхушкѣ и съ павлиньимъ перомъ внизу тульи, надѣта была на бекрень и чрезвычайно шла къ красивому, препріятному лицу удалаго ямщика.

Не успѣлъ почтальйонъ взгромоздиться на свое мѣсто, не успѣли дверцы экипажа захлопнуть мою особу, какъ возница гикнулъ, понагнулся немного впередъ, свиснулъ, развелъ рукою по воздуху, потомъ подобралъ возжи, ударилъ ими ретивыхъ лошадокъ—онѣ кинулись, полетѣли, понеслись какъ вихорь и менѣе чѣмъ въ полчаса времени остановились у подъѣзда другаго почтоваго дома, миновавъ цѣлую станцію.

Къ-полудню мы прискакали въ Арзамасъ. Городъ этотъ показался намъ весьма-чистенькимъ и опрятненькимъ. Каменныя строенія главной улицы жались одно подлѣ другаго и украшались широкими навѣсами, растянутыми надъ длиннымъ рядомъ лавокъ. Лавки набиты были разнымъ товаромъ, на глаза бросались хомуты и дуги, фонари и проволоки, веревки и рукавицы, но больше всего обращали на

себя вниманіе мѣха, заячьи и кошачьи, распяленные на дверяхъ и прибитые къ нимъ гвоздочками: вывѣски въ такихъ рядахъ рѣдко бываютъ.

Насъ подвезли къ одному дому. Запыхавшійся лакей, въ долгополомъ сюртукѣ, съ слѣдами непривычности къ этому костюму, должнобыть, очень еще недавно замѣнившему спокойный халатъ мастероваго, или чекмень дворовaго, съ поклонами встрѣтилъ меня у подъѣзда и съ неотвязными вопросами проводилъ по деревянной лѣстницѣ во второй этажъ зданія.

— Нумеръ прикажете-съ?

— Обѣдать!

— Обѣдъ самый лучшій-съ.

— Дай карту.

— Картъ нѣтъ-съ: не имѣется!

— Что-нибудь скорѣе принеси.

— Пашкеты есть; есть биштикъ; есть съ волобаномъ телятина...

— А супъ какой?

— Супъ — щи-съ, а можно и окрошку-съ.

— Господа, куда это вы? спросилъ я, съ удивленіемъ увидѣвъ, что нѣсколько посѣтителей, возлѣ которыхъ я пріютился, схватили по частямъ чайный приборъ, графинчикъ съ водкой, блюдо съ парою подовыхъ пирожковъ, стаканы и рюмки и бросились со всѣхъ ногъ съ своихъ мѣстъ, предпринявъ намѣреніе переѣхать въ слѣдующую комнатку.

Помѣщеніе, которое мы теперь занимали, состояло изъ длиннаго, невысокаго зала въ пять оконъ, въ которыхъ зимнія рамы были ужь выставлены. Окна были открыты и сѣрыя полоски замазки на стеклахъ свидѣтельствовали объ экономіи и разсчетливости содержателя. Стѣны комнаты, неоклеенныя обоями, а выштукатуренныя сѣрою краскою, на двухаршинной высотѣ отъ полу оттѣнивались грязными ласами, слѣдами прикосновенія сальныхъ головъ обычныхъ посѣтителей заведенія. Некрашенный полъ ходилъ ходенёмъ и издавалъ пріятный скрипъ подъ тяжелыми чоботами «гостей», угощавшихся здѣсь за свои деньги. Къ каждому окну приставленъ столъ, накрытый небезукоризненной бѣлизны скатертью и обставленный тремя набитыми мочалою, обитыми порыжѣлымъ бараномъ стульями. На каждомъ столикѣ стояло по мѣдному двурогому подсвѣчнику съ сальными огарками и съ нанизанными въ фестоны на мѣдную проволоку призматическими стеклышками. Кромѣ подсвѣчника, на каждомъ столикѣ красовались судочки съ пивнымъ уксусомъ, съ затхлымъ масломъ, съ горчицей намеднишняго приготовленія, и съ перцомъ, хранившимся въ фаянсовомъ сосудцѣ, у котораго верхняя часть вся истыкана меленькими дырочками, а на донышкѣ засунута плохо обточенная пробочка, затыкавшая потаенное отверстіе, чрезъ которое сосудецъ наполнялся перцомъ. Два такіе же стола и небольшой дубовый шкапчикъ съ посудой и столовымъ бѣльемъ приставлены были къ противоположной окнамъ стѣнѣ, большая часть которой занята была широкимъ, длиннымъ диваномъ, обитымъ тоже, какъ и стулья,

рыжеватою кожею, изъ прорѣхъ которой выглядывали кой-гдѣ то клочки шерсти, то пуки соломы, то длинныя пряди нечесаной мочалы. Въ переднемъ углу, подъ кивотомъ, кокетливо таращился угловатый модный диванчикъ, обтянутый полосатымъ, сильно-загрязненнымъ тикомъ и щеголявшій проскочившими сквозь обивку проволочными пружинами, которыя острыми своими концами въ одно мгновеніе сгоняли съ ложа дерзновенныхъ, покушавшихся понѣжить на немъ усталые члены.

Группа посѣтителей, возлѣ которыхъ я было усѣлся, состояла изъ трехъ особъ: рыжаго торговца въ сѣромъ кафтанѣ, плѣшиваго сидѣльца съ рѣдкой бородкой, въ длиннополомъ сюртукѣ, и еще какого-то господина съ вывернутыми надъ самымъ ухомъ темнорусыми висками, со взбитымъ кокомъ и въ архалукѣ изъ бумажнаго кашемира. За другимъ столомъ сидѣлъ почтенныхъ лѣтъ, съ плотноподстриженными сѣдыми волосами, но съ бородой, тучный господинъ въ опрятномъ, разстегнутомъ на-роспашь сюртукѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась черная, наглухо-застегнутая жилетка, съ голубымъ бисернымъ снурочкомъ отъ часовъ. Когда три первые посѣтителя всполошились и стали перетаскиваться въ другую половину, онъ одинъ остался въ прежнемъ положеніи и продолжалъ попивать чаёкъ, придерживая блюдечко тремя перстами лѣвой руки, съ оттопыреннымъ на-сторону мизинцемъ, а въ двухъ перстахъ правой руки онъ бережно держалъ кусочекъ сахарку, который, повременамъ, и прикусывалъ здоровыми, изящной бѣлизны зубами, подувъ предварительно полными своими губами на благовонный, но горячій, какъ кипятокъ, нектаръ.

— Что вы это, господа? куда вы? повторилъ я, обратясь къ своимъ сосѣдямъ.

— Ничего-съ: тамъ позакусятъ! отвѣтилъ за нихъ прислужникъ.

— Не-уже-ли я вамъ помѣшалъ, господа? Я лучше самъ туда отправлюсь; я васъ нисколько не хочу безпокоить.

— Какъ можно-съ вамъ: тамъ грязновато-съ! снова отвѣтилъ лакей.

— Пожалуйста, останьтесь, господа!..

Но «господа» не слушали, не отвѣчали ни слова и съ оторопѣлыми физіономіями удалились туда, гдѣ грязновато.

— Экіе чудаки! ушли!.. а все бы лучше съ живымъ человѣкомъ хоть слово перемолвить... Неправда-ли-съ? спросилъ я, обратясь къ старику, который даже не пошевелился.

— Дѣло ваше дорожное-съ, господское дѣло-съ; простому человѣку не слѣдъ быть тамъ, гдѣ господа бываютъ... вотъ и я сейчасъ, только стаканчикъ допью-съ, отправлюсь! замѣтилъ спокойно старикъ, отеревъ краснымъ бумажнымъ платкомъ лобъ, щеки и шею, подвергнувшіеся транспираціи, вслѣдствіе обильнаго чаеванья.

— Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе, хоть вы не оставляйте меня одного: я человѣкъ проѣзжій, а дорожному человѣку пріятно потолковать съ людьми бывалыми.

— Умныя рѣчи говорить изволите-съ; да гдѣ жь нашему брату придумать угодное для вашей милости слово. Вы лучше насъ все знаете!

— Униженіе паче гордости — это разъ, а другое дѣло всего знать человѣку невозможно. Вотъ, напримѣръ, я теперь въ Арзамасѣ, черезъ часъ уѣду отсюда, а что̀ такое Арзамасъ, что̀ въ этомъ городѣ есть хорошаго, чѣмъ въ немъ промышляютъ—я и не знаю...

— А что̀ вамъ до купецкаго дѣла за надобность? Для чего вамъ знать, чѣмъ здѣсь промышляютъ?

— Какъ же не стараться узнать, чѣмъ цѣлый городъ достаетъ себѣ честный кусокъ хлѣба? Вѣдь это очень-любопытно.

— Почему же любопытно-съ, смѣю спросить?

— Да какъ же не любопытно? Зная занятія, на которыхъ сидятъ Арзамасцы, я ужь сейчасъ пойму характеръ его промышленныхъ оборотовъ.

— Суть-то, что ли, самую хотите знать?

— Да, сущность: я сейчасъ и опредѣлю его значеніе, и особенность въ-отношеніи къ Нижнему-Новгороду, къ Балахнѣ, къ Калугѣ, къ Брянску...

— То-есть, примѣрно сказать, отличку сдѣлаете? Ну, да нашъ городъ маленькій, промышленость его мелкая, куда ему противъ Нижняго! Здѣсь любопытнаго мало-съ!

— Какъ мало: да здѣсь все для меня любопытно! меня подивилъ ужь первый мой шагъ въ эту комнату. Еще ни въ одномъ городѣ мнѣ не случалось видѣть, чтобъ люди, которые имѣютъ равныя со мною права на помѣщеніе въ этомъ залѣ, бросились отъ меня какъ отъ звѣря...

— Это учтивство свое они передъ вами показали.

— Какая въ этомъ учтивость! мы здѣсь всѣ за свои деньги ходимъ.

— Позвольте, милостивый государь, спросить васъ: трубочку или папироску имѣете обыкновеніе курить? сказалъ, обратясь прямо ко мнѣ, господинъ съ висками и въ архалукѣ, ужь давно смотрѣвшій на меня сквозь щолку двери.

— И то и другое.

— Позвольте мнѣ изъ вашего кисета снабдить себя: табакъ вашъ, разумѣть надо, столичнаго, можетъ, иностраннаго приготовленія?

— Кисетъ мой не при мнѣ, я его въ экипажѣ оставилъ, но у меня въ карманѣ папиросы—хотите?

— Желательно-съ. Изволили благополучно ѣхать-съ?

— Хорошо.

— Благопріятственный климатъ-съ; и дождей нѣтъ: можно ѣхать.

— Здѣсь лошади прекрасныя.

— Точно-такъ-съ.

Господинъ въ архалукѣ замолчалъ, закурилъ папироску, придвинулъ стулъ поближе ко мнѣ, усѣлся и глубокомысленно сталъ попыхивать на меня дымомъ.

— Какъ лошадямъ здѣсь не быть хорошимъ: вездѣ большіе тракты; обозы, почесть, круглый годъ ходятъ съ разнымъ товаромъ то въ Нижній, то изъ Нижняго.

— По почтовой дорогѣ?

— Ну, не все по почтовой дорогѣ; есть такія особенныя, купецкія дороги, коммерческіе тракты.

— Какіе же это коммерческіе тракты: въ Симбирскъ?

— И въ Симбирскъ, и въ Казань, и въ Саратовъ.

— Разскажите, пожалуйста, мнѣ, какого же направленія держатся обозы, слѣдуя этимъ трактамъ?

— Да разнаго направленія-съ. Вотъ, напримѣръ, иные въ Симбирскъ идутъ тою же дорогой, что̀ и вы теперь изволите ѣхать, а то больше ходятъ просёлками изъ Нижняго прямо на Сергачъ, потомъ на Ардатовъ; этой дорогой выкидываютъ, супротивъ почтоваго тракта, верстъ съ полтораста. Изъ Ардатова идутъ въ Симбирскъ всегда почтовою дорогой. Изъ Симбирска обозы поворачиваютъ на Саратовъ, тутъ тоже есть особая для нихъ дорога: сначала на село Урень, а тамъ на Промзинò, а съ Промзинà въ Княжуху, съ Княжухи поворотъ налѣво, въ удѣльное село Сыресь, потомъ въ мордовскую деревню Тетюши, потомъ въ Рѣпьевку, въ Лыковщину и въ Саранскъ, а тамъ московскимъ трактомъ въ Пензу, а тамъ и пошелъ въ Саратовъ, въ Астрахань. Еще есть трактъ, тоже коммерческій, изъ Промзинà въ Казань: тутъ обозы идутъ черезъ мордовскую деревню Маклаушъ, татарскія деревни Богдашкину и Шамордину, на городъ Буинскъ, а тамъ пойдетъ большой трактъ на Ключищи, или Семь-Ключей, и на село Иваново — тамъ и Казань.

— Увеселительно съ обозами ѣхать-съ! началъ господинъ въ архалукѣ.

— Чѣмъ же увеселительно?

— А какъ же-съ? Не то что̀ на почтовыхъ! Ѣдешь вальяжно, никто тебя не гонитъ; захочешь лежать — лежи, спать захочешь — спи сколько душѣ угодно, тебя и не колыхнетъ; а хочешь потѣшиться — ребята и пѣсню споютъ. Лежитъ мужикъ на телегѣ брюхомъ кверху, заложитъ руки подъ голову, спуститъ свой грѣчневикъ-шапку на самый носъ, чтобъ солнышкомъ рожу не пекло—и любо ему, знай пѣсни горланитъ!

— Зимой не загорланитъ! замѣтилъ старикъ: — какъ морозомъ-то его прохватитъ, да начнетъ сани-то валять съ шибля на шибель, съ ухаба на ухабъ, а тутъ еще возъ развяжется, да черезсѣдѣльникъ ослабнетъ, голыми-те руками на вѣтру надо и то и сё дѣлать — не станешь спать, когда надо глядѣть въ оба!

— А и зимой хорошо-съ! продолжалъ архалукъ.—То-то благодать мужику, какъ въ постоялый ввалится! Засядутъ цѣлою артелью за хлѣбъ-за-соль, хватятъ по доброй красоулѣ пѣнничку, да какъ пріймутся уписывать щи ли, горохъ ли тамъ какой—такъ ижно держись: успѣвай только подливать хозяйка. Откуда, кажется, апекитъ берется!

— Еще бы апекиту не взяться, какъ проголодаются да назябнутъ!

— А и точно сказать, поневолѣ диву дашься, какъ посмотришь: сколько съѣсть человѣкъ можетъ! Подадутъ, примѣнительно сказать, на пятерыхъ щей: такъ вѣдь ихъ поставятъ чашку почитай что въ полведра! Хлѣба каждый отрѣжетъ по такому ломтю, что имъ можно у насъ вдоволь напитать четверыхъ голодныхъ. Поглядѣли бы вы,

какими кусищами онъ ротъ себѣ набиваетъ: какъ прожевать онъ ихъ можетъ — на удивленье-съ! Не безизвѣстно, можетъ, вамъ, что мужикъ только на ломти ножомъ хлѣбъ разрѣзываетъ, напередъ сотворивъ лезвеёмъ надъ хлѣбомъ крестное знаменіе, а ломти рѣзать ножомъ нельзя: ломти надо рушить, преломлять. Какъ пріймутся ребята за шти—то-то пойдетъ работа! Упарятся, упыхаются, рожи раскраснѣются, глаза нальются, точно хотятъ выскочить—а имъ и горя мало! Кричатъ хозяйкѣ: «подлей еще!» Начнетъ мотолыгу обсасывать — сало да жиръ такъ и растекаются по усамъ, да по бородѣ... ну, упрѣетъ мужикъ, да и полно. Еще на половинѣ обѣда у него душа забесѣдуетъ во всю глотку; мужичокъ хватитъ жбанчикъ кваску — воркотанье перестанетъ, но зато сейчасъ же начнется икота: «кто-то меня вспоминаетъ!» скажетъ онъ; «да, видно, свинья за-угломъ!» подхватятъ товарищи и всѣ разсмѣются—и разомъ пріймутся уписывать крутую кашу.

— Полно тебѣ пустяки-то молоть: вишь, вѣдь ихняя милость тебя и не слушаетъ! Ну, спѣлъ бы лучше пѣсенку.

— А пѣсенки любите слушать? спросилъ меня архалукъ.

— Люблю, только настоящія деревенскія, особенно старинныя.

Господинъ въ архалукѣ всталъ, оправился, отставилъ стулъ на мѣсто, уперъ руки въ бока, затопалъ ногами и на веселый напѣвъ началъ распѣвать:

Ой, матушка, не могу,
Сударыня, не могу,
Не могу! не могу!
Ходи браво, не могу!
Комаръ ступилъ на ногу,
На ногу! на ногу!
Ходи браво, на ногу!
Дай матушка косыря,
Косыря! косыря!
Ходи браво, косыря!
Рубить-казнить комара,
Комара! комара!
Ходи браво, комара!

— Довольно, довольно! Нѣтъ ли чего-нибудь получше, поумнѣе?

— Какъ не бывать-съ получше! Та, вотъ что̀ про комарика-то — пѣсня скоморочная; ее поютъ бабы, когда «поднимаются» съ «бесѣды», съ пиру, только-что отпразднуютъ и станутъ выходить со двора въ ворота. А вотъ пѣсенка хорошая, что̀ подруги невѣстѣ въ дѣвичникъ поютъ:

Собиралися
Черны тученьки,
Черны тученьки
Рано съ вечера;
Опущалися
Часты дожжечки,
Часты дожжечки
Вкругъ бѣлой зари;

Заставалъ буравъ
Добра молодца,
Добра молодца
Во дикой степѣ,
Во дикой степѣ
Подъ березонькой,
Подъ березонькой
Да подъ бѣленькой.
А не бѣлая
Да березонька
Ко сырой землѣ
Приклонялася:
Красна дѣвица
Добру молодцу
Въ рѣзвы ноженьки
Низко кланялась:
Низко кланялась
Покланялася,
Покланялася —
Покорялася!
Развеселое
Житьё дѣвичье!
Не на вѣкъ-то мнѣ
Житье дѣвичье,
Не на вѣкъ оно
Доставалося!
Гдѣ ты, красота?
Гдѣ ты, дѣвичья?
Гдѣ ты сгинула?
Гдѣ дѣвалася?

Между-тѣмъ, забившіеся въ грязную комнатку посѣтители, рыжій да плѣшивый, должно-быть, соскучились тамъ сидѣть одни: понуривъ голову и неглядя по сторонамъ, они съ замѣтною неловкостью перешли черезъ залъ, въ которомъ я сидѣлъ, скрылись въ передней и оттуда ужь, черезъ нарочнаго-посыльнаго, вызвали къ себѣ третьяго товарища, распѣвавшаго мнѣ пѣсни.

— Что это за человѣкъ? чѣмъ онъ у васъ занимается? спросилъ я своего собесѣдника, когда господинъ въ архалукѣ удалился.

— Да это такъ-себѣ парень, маленечко не то съ дурцо̀й, не то съ придурью, а на всѣ руки мастеръ: и въ малярахъ бывалъ, кидался и въ мелкій торгъ, да за взбалмошностью ни къ одному дѣлу привыкнуть не могъ.

— Но куда же онъ послѣ того дѣвался?

— А шатался по деревнямъ и кидался на разныя выдумки, пока не попалъ въ нашъ городъ.

— Здѣсь ему вѣрно повезло?

— Повезти-то неоченно оно, того, повезло, а все-таки не безъ работы остался: да поди ты — совсѣмъ парень отъ рукъ отбился, забралъ себѣ въ голову пустошь разную, теперь и мается!

— Что же такое? Лѣнится, что ли?

— И не лѣнится, да нѣслухъ такой, такой пасквилантъ сталъ, что никто, почитай, его и къ себѣ не пускаетъ; а дѣло кажись-бы доброе: по портретной части пошолъ.

— Въ чемъ же неудачи? заказовъ мало?

— Нѣтъ, сударь, не заказовъ, а сноровки нѣтъ у него: не въ ту силу гнетъ! Далъ ему, примѣрно, нашъ повѣренный себя срисовать: такъ онъ его какъ отдѣлалъ? Посадилъ его живьёмъ, ну какъ быть человѣку надо—и сходственно, и авантажно, да тутъ же загогулинку и придѣлалъ: потрафилъ такъ, будто повѣренный пристально глядитъ, какъ изъ окна подаютъ вёдра съ водой и разливаютъ ее, черезъ воронку, въ штофы, да въ разную такую посуду. А то вотъ другой, тоже хорошій человѣкъ, захотѣлъ себя списать, а онъ передъ нимъ поставилъ торговца, будто тотъ низко кланяется, да подаетъ кулечикъ съ бакалеей, да головку сахару. На что ужь я—человѣкъ смирный, а онъ и меня изобидилъ: писалъ дочь мою, что замужемъ за гласнымъ, да и написалъ ее вдвое дороднѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Ну это бы еще ничего, а то въ обѣ руки далъ ей по вотрушкѣ, а по столу, у котораго она сидитъ, разсыпалъ съ полсотни огурцовъ: ну, дѣло ли это? Будто ужь она только на огурцахъ, да на вотрушкахъ и изжила свой вѣкъ!

— Такъ что жь теперь вашъ портретистъ придумалъ?

— А что? а ничего! На аферъ пустился: завелъ телегу, завелъ лошадку, да и ѣздитъ по деревнямъ—у мужиковъ хлѣбъ скупаетъ.

— А прибыльное это дѣло?

— Какъ не прибыльное! очень-прибыльное! Нашъ братъ, купецъ, ѣздитъ по имѣніямъ, да хлѣбецъ скупаетъ зерномъ у помѣщиковъ, а аферисты, либо мужики, что побогатѣе, да порисковатѣе, а особенно Татары, народъ-отъ они попромышленнѣе нашего выходитъ, вотъ тѣ ѣздятъ по базарамъ...

— Какъ же это они дѣла свои здѣсь обдѣлываютъ?

— Да долгая, сударь, исторія: вашу милость за что мнѣ задерживать! А просто сказать, такой торговецъ купитъ, свезетъ, перепродастъ и съ барышомъ домой воротится — вотъ и все.

— Покупаютъ-то гдѣ хлѣбъ у васъ больше, въ Лысковѣ?

— И въ Лысковѣ, и въ Воротынцѣ, и въ Городцѣ — ужь это для отправки на посудахъ, а то и гужомъ везутъ въ Москву, во Владиміръ — вѣдь тамъ хлѣба-то нѣтъ своего.

— Вѣрно по приволжскимъ селеніямъ этотъ хлѣбъ скупаютъ?

— Какое, сударь, по приволжскимъ? У насъ по Окѣ, да по Волгѣ и есть хлѣбопашество, да вѣдь не оно главнѣйше кормитъ: хлѣбопашествомъ-то здѣсь занимаются только по привычкѣ, по давности.

— Такъ въ зарѣчныхъ уѣздахъ, что ли?

— Какой за рѣкой хлѣбъ! Тамъ лѣсъ, да песокъ, да глина — захотѣли вы тамъ хлѣба!

— Ну, въ Горбатовскомъ Уѣздѣ?... или въ Ардатовскомъ?

— Да пожалуй, и въ Ардатовскомъ есть хлѣбъ, да много ли его? Не хлѣба, а чугуна тамъ искать надо: въ томъ краю, почитай, на этомъ только и сидятъ крестьяне: они роютъ въ своихъ дачахъ руду,

да и везутъ, для продажи, на заводы. Это выгоднѣе хлѣбопашества, за которымъ и хлопотъ, и возни и трудовъ всякихъ много. Руду рыть выгоднѣе, вотъ рудой больше и занимаются.

— Значитъ, тамъ рудное дѣло предпочитаютъ земледѣлію, потому-что трудъ земледѣльца не окупается?

— Значитъ, что такъ.

— Гдѣ же земледѣліе приноситъ очевидныя выгоды? Гдѣ оно общее, гдѣ оно больше въ ходу и доходнѣе для мужика?

— Мало ли гдѣ? Есть и въ нашей губерніи мѣста хлѣбныя, а то больше везутъ изъ Симбирской, да изъ Пензенской Губерніи. Вотъ видите ли, ваша милость, у насъ такъ-сказать два амбара—Промзинò и Починки; въ Промзинѣ сами побываете, увидите; ну, а Починки въ сторонѣ; это безъуѣздный городъ въ Лукояновскомъ Уѣздѣ. Изъ Промзина хлѣбъ везутъ водой въ Петербургъ, а изъ Починокъ — гужомъ, сухопутьемъ, въ Москву; въ Промзинѣ хозяева — капитальные купцы, въ Починкахъ—мелочники; въ Промзинѣ все господскій хлѣбъ, а въ Починкахъ крестьянскій.

— А откуда везутъ хлѣбъ въ Починки?

— Изъ Пензенской Губерніи, изъ Саранска, изъ Инсара. Въ Починкахъ каждую недѣлю по четвергамъ бываютъ базары. Мужику понадобились деньги: онъ везетъ хлѣбъ по мелочамъ въ Починки. Къ этому же дню, въ Починки съѣзжаются наши Татары и зажиточные крестьяне, почитай всякъ, у кого есть пара лошадей, да завелась лишняя сотняга денегъ—вотъ они и скупаютъ у инсарцовъ хлѣбъ по мелочамъ, кулями, и везутъ сначала въ Арзамасъ, потомъ въ Лысково; здѣсь и продаютъ; а прослышатъ, что цѣны стоятъ хорошія въ Нижнемъ—тамъ вѣдь тоже хлѣба-то нѣтъ — они на своихъ лошадяхъ и везутъ свой обозъ въ Нижній, а пуще того отправляются съ нимъ во Владиміръ... и до Москвы многіе доходятъ. Ѣдутъ тихонько только чтобъ лошади не заморить, харчатся на дешевое — оттого съ барышомъ и продаютъ: чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ и хлѣбъ больше въ цѣну входитъ.

Въ Арзамасѣ существуетъ замѣчательное не духовное, а мірское гражданское общество удалившихся отъ мірскихъ треволненій женщинъ, посвятившихъ себя труду и молитвѣ: это такъ-называемая «Арзамасская Алексѣевская Община», соображающаяся во всемъ съ даннымъ ей уставомъ общежитія. Главныя основанія этого устава заключаются въ томъ, что «духовныя сестры», какъ называются лица, составляющія общину, состоятъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и управленіемъ «настоятельницы». Настоятельница избирается изъ среды сестеръ самими ими и опредѣляется въ это званіе Нижегородскою Духовною Консисторіею, съ утвержденія епархіальнаго архіерея. Слѣдуя оффиціально-обнародованнымъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» свѣдѣніямъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать изъ нихъ слѣдующія извлеченія.

Духовныя сестры повинуются настоятельницѣ во всемъ безпрекословно. Пища, одежда и все, относящееся къ содержанію, у нихъ общее. Никто невправѣ работать на себя въ-отдѣльности. Ни въ одеждѣ,

ни въ украшеніи келій не допускается никакой роскоши: сестры обязаны носить платья единообразнаго покроя, только изъ холста или чернаго сукна; шелкъ и бумажныя ткани изгнаны. Въ стѣнахъ общины никакихъ веселостей и мірскихъ забавъ не допускается; сестры должны проводить время въ трудѣ и молитвѣ, для чего въ общей трапезѣ ежедневно отправляются утреннія и вечернія правила, а въ воскресные и праздничные дни—божественная служба, въ которую, однакожь, сестры отнюдь ничѣмъ не должны вмѣшиваться. Относительно пищи строго соблюдается монашескій церковный уставъ. Безъ благословенія и особеннаго приказанія настоятельницы, ни одна изъ сестеръ не можетъ отлучиться за ограду общины, даже на самое короткое время. Кромѣ кельи настоятельницы, гостиной для посѣтителей и приворотни для простаго народа, никакой мужчина, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ имѣть входа въ кельи и другія помѣщенія общины.

Такимъ-образомъ, безъ благословенія и позволенія настоятельницы, въ общинѣ не предпринимается ничего, даже самыхъ малостей. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни настоятельницы, относятся къ той изъ старшихъ сестеръ, которую она сама назначитъ къ временному исправленію своихъ обязанностей. Старшими сестрами называются тѣ, которыя, по назначенію настоятельницы, начальствуютъ надъ прочими, помѣщающимися въ однихъ съ ними кельяхъ, потому-что сестры не имѣютъ отдѣльныхъ келій, и, смотря по удобству и величинѣ послѣднихъ, живутъ въ числѣ отъ пяти до десяти въ каждой. Старшая сестра есть полная хозяйка и распорядительница въ своей кельѣ; младшія же находятся у ней въ совершенномъ послушаніи, такъ-что, безъ ея позволенія, не могутъ даже выходить въ другія кельи. Старшая распоряжаетъ трудами сестеръ и ихъ рукодѣльемъ, надзираетъ за ихъ поведеніемъ и образомъ жизни, смотритъ, чтобъ въ кельѣ соблюдалась чистота и опрятность, чтобъ между послушницами не было праздности или излишнихъ разговоровъ, въ рѣчахъ и поступкахъ не происходило бы чего-либо неблагопристойнаго или нескромнаго, не возникало бы неустройствъ или раздоровъ, а сохранялись бы постоянная и взаимная ласковость, расположеніе, согласіе и любовь. Въ долгіе зимніе вечера, когда всѣ сестры занимаются рукодѣліемъ или какою-нибудь другою келейною работою, одна изъ нихъ, во все то время, постоянно читаетъ вслухъ какую-либо духовную или назидательную книгу, чѣмъ изгоняются неумѣстные разговоры и хранится должное молчаніе.

Въ общину принимаются лица женскаго пола всякаго званія и лѣтъ безразлично, но съ большою осмотрительностью и предосторожностями. По предъявленіи законнаго вида, посторонняя женщина допускается въ общину неиначе, какъ прогостивъ въ ней на испытаніи мѣсяцъ, два, полгода и даже годъ, смотря по лѣтамъ и званію. Впродолженіе этого времени, гостьѣ дается разсмотрѣть въ-точности образъ, порядокъ и условія жизни въ общинѣ, а вмѣстѣ-съ-тѣмъ наблюдается: способна ли она сама къ послушанію и дѣйствительно ли имѣетъ намѣреніе вступить въ общину навсегда и только для богоугодной жизни, а не съ какими-либо иными цѣлями и побужденіями. Когда, по со-

вершенномъ испытаніи, желающая окончательно вступить въ общину, ей выдается черное общинное платье, какое употребляется во всѣхъ штатныхъ монастыряхъ непостриженными бѣлицами; затѣмъ новой сестрѣ, смотря по способностямъ, лѣтамъ и званію, назначается настоятельницею келья, въ которой она должна жить, и «послушаніе», то-есть рукодѣлье, или же черная работа и другіе какіе-либо общежительные труды.

Въ общину не принимаются тѣ, которыя пожелали бы вступить въ нее лишь навремя, однакожь каждая изъ поступившихъ вправѣ оставить общину, когда пожелаетъ.

Къ трудамъ общимъ для всѣхъ сестеръ относятся вышиваніе, на продажу, золотомъ и серебромъ плащаницъ, ризъ и тому подобнаго, шитье въ окружныя церкви и въ другія мѣста Россіи всякой церковной ризницы и принадлежащихъ къ оной вещей, низаніе жемчугомъ и каменьями иконъ и украшеніе ихъ фольгою. Кромѣ этого, почти-исключительнаго промышленнаго направленія общины, сестры выдѣлываютъ и чернятъ сукно, самими сестрами употребляемое, шьютъ на себя платье, бѣлье, обувь, вяжутъ чулки и вообще изготовляютъ все для себя необходимое.

Къ черной же работѣ, или собственно къ общиннымъ трудамъ, принадлежатъ въ-особенности служба при трапезѣ и на кухнѣ, печенье хлѣба въ хлѣбной и варенье кваса въ квасной, уходъ за принадлежащими общинѣ лошадьми, коровами и курами, также работы на общинной мельницѣ. Кромѣ-того, лѣтомъ сестры занимаются воздѣлываніемъ общинныхъ огородовъ. Всѣ вообще, даже самыя тяжелыя работы отправляются самими сестрами, безъ всякаго пособія мужчинъ.

За Арзамасомъ всюду по дорогѣ мнѣ попадался народъ, больше все женщины, толпами стремившіяся въ Арзамасъ на ярмарку и на церковный праздникъ Николая-угодника, бывающій девятаго мая. Всѣ бабы, молодыя и старыя, были въ обыкновенномъ странническомъ нарядѣ: въ синемъ сарафанѣ безъ всякихъ украшеній, въ наглухо-завязанномъ, бумажнымъ платкомъ, повойникѣ, съ клюками и лукошками въ рукахъ и съ котами, повѣшенными на веревочкѣ за спиной; путь свой онѣ совершали кто въ лаптяхъ, а кто и на босу-ногу. Старухи одѣты были также, и отъ молодыхъ женщинъ отличались только тѣмъ, что, вмѣсто кокошника, носили кички, обвязанныя платкомъ такимъ образомъ, что весь уборъ издали походилъ нѣсколько на обыкновенные старушечьи чепцы.

Праздничный нарядъ здѣшнихъ крестьянокъ состоитъ изъ бархатнаго, цвѣтнаго или темнаго, обшитаго узенькимъ галуномъ двурогаго кокошника, и изъ краснаго или синяго сарафана, еще неизветшалаго отъ долгаго употребленія. Сарафанъ обшивается «галуномъ», то-есть широкою шелковою или бумажною волнистою тесьмою, тянущеюся спереди отъ шеи до самаго низа; подолъ же обшивается ею не весь вокругъ, а только, изъ экономіи, спереди на половину; при синемъ сарафанѣ тесьма бываетъ розовая, при красномъ — голубая или зеленая. При красномъ сарафанѣ женщины носятъ бѣлыя рубахи, а при синемъ — проймы и рукава, однимъ словомъ, вся выходящая наружу

часть рубахи дѣлается изъ краснаго кумача. Рубахи рѣдко бываютъ холщевыя, а больше все ситцевыя. Сверхъ сарафана носятъ еще полосатые ситцевые фартуки; поясы побольшей-части шелковые, завязываемые въ два ряда; на груди бѣлѣется «блондочка», или «манишко», сіяютъ янтари и крупныя бусы; къ ушамъ привѣшиваются большія, на старинный фасонъ, серьги. Верхнее платье, «холоднйкъ», есть родъ полукафтанья, или коротенькаго по колѣно капота; оно бываетъ или китайчатое, или нанковое, а у людей зажиточныхъ шьется и изъ чернаго плиса. Крестьянская обувь состоитъ изъ толстыхъ шерстяныхъ чулковъ и изъ котовъ.

Въ понедѣльникъ, восьмаго мая, въ полдень, прибылъ я въ городъ Ардатовъ, Симбирской Губерніи. Уѣздъ этого Ардатова носитъ на себѣ совершенно-иной отпечатокъ, чѣмъ уѣздъ соименнаго ему города Нижегородской Губерніи; здѣсь господствуетъ исключительно одно земледѣльческое направленіе, другихъ же отраслей промышленной дѣятельности нѣтъ. Здѣсь заводовъ и фабрикъ всего-на-все считается пять, и всѣ они составляютъ только видоизмѣненіе самыхъ обыкновенныхъ сельско-хозяйственныхъ занятій: это именно одинъ винокуренный заводъ, два солодовенныя заведенія и двѣ такъ-называемыя химическія фабрики, а просто-на-просто сказать: въ двухъ мѣстахъ приготовляютъ поташъ. Ардатовъ — маленькій и небогатый городокъ; жители его промышляютъ мелкимъ товаромъ и содержатъ постоялые дворы для обозовъ, проходящихъ изъ Симбирска въ Нижній-Новгородъ.

Какъ только въѣдешь въ предѣлы Симбирской Губерніи, то съ перваго раза замѣтишь рѣзкую противоположность во всемъ, что̀ видалъ прежде. Вопервыхъ, природа здѣсь краше и разнообразнѣе, климатъ благорастворенніе, виды картиннѣе и роскошнѣе, чѣмъ прежде бывали; мѣстность почти всюду перерѣзывается живописными возвышенностями и множествомъ мелкихъ рѣчекъ, привольными лугами и густыми лѣсами и перелѣсками, въ которыхъ стройные дубы перемѣшиваются съ обыкновенными у насъ породами деревьевъ. Поля здѣсь тучнѣе и воздѣланнѣе, селенія пространнѣе; господскія усадьбы роскошнѣе; хозяйство помѣщиковъ находится въ видимомъ благоустройствѣ; скота здѣсь множество и онъ содержится прекрасно; каждая лошадка смотритъ здѣсь картинкою—такъ она сытна, опрятна и статна. Казалось бы, что видя повсюдное, если не особенное богатство, то по-крайней-мѣрѣ общее довольство, видя самыя счастливыя условія благосостоянія, увидишь и народъ съ такою наружностью, на которой бы, какъ въ зеркалѣ, отпечатлѣвалась та зажиточность, которою онъ пользуется; воображаешь себѣ, что здѣсь у каждаго довольный, веселый видъ, размашистость въ пріемахъ, свобода въ рѣчи, самоувѣренность во взглядѣ, и нескончаемо удивишься, когда замѣтишь совершенно тому противное: исключеніе составляютъ одни присурскіе обитатели, представляющіе собою какъ-бы продолженіе той же расы, которая раскинулась почти по всему пространству Нижегородской Губерніи.

Симбирскій крестьянинъ смотритъ какъ-то пасмурно; поступь у него медленная, въ пріемахъ замѣчается какая-то вялость; на разговоръ

у него какая-то неподатливость; общительности съ незнакомыми, кажется, вовсе у него нѣтъ; въ здѣшнемъ мужикѣ есть какая-то сонливость, неповоротливость; онъ видимо какъ-будто бы всего дичится; наружный видъ его рѣшительно не гармонируетъ съ тою обстановкою, среди которой онъ поставленъ. Что этому причиной: чисто ли одни земледѣльческія занятія и отсутствіе тѣхъ промысловъ, при которыхъ развивается въ мужикѣ живость и увертливость; послѣдствія ли это сосредоточенной жизни въ правилахъ и обычаяхъ давней старины и придерживанья стараго закона, или есть тому какія-нибудь особенныя причины—я разобрать этого никакъ хорошенько не могу, а замѣтилъ только одно, что межлу здѣшними поселянами и угрюмыми Сибиряками, несмотря на множество самыхъ рѣзкихъ противорѣчій, есть какое-то сходство. Если же на симбирскомъ крестьянинѣ окружающее его довольство и успѣло дѣйствительно чѣмъ-нибудь высказаться, то оно высказалось на его личности не въ физіономіи, а единственно въ полнотѣ тѣла.

Можетъ-быть, я и ошибаюсь, но, какъ мнѣ кажется, у насъ, на Руси, полнота, или, какъ говорятъ Сибиряки, корпусность и матёрость играютъ важную роль въ физіологіи русскаго мужика: ужь коли мужикъ толстъ и лѣзетъ вонъ изъ кафтана, да еще и борода у него пушиста—можно держать сто противъ одного, что онъ словно сыръ въ маслѣ катается. Мнѣ не одинъ разъ случалось видать такіе случаи, что, напримѣръ, живетъ-себѣ мужикъ, пользуясь самою скромною долей. Подумаешь о немъ: кажется, взглянуть не на что — стоитъ сухой, поджарый, сутуловатый; ни на какой разговоръ мужика не разлакомишь и на всѣ вопросы едва-едва выпускаетъ сквозь зубы самые односложные отвѣты. Но улыбнется крестьянину судьба: либо хлѣбца Господь уродитъ, либо пеньку мужикъ сбудетъ съ нежданною выгодою, либо хозяйку себѣ заведетъ, сущую кралечку, либо случаемъ прибавитъ къ стаду еще коровку-другую, либо прикупитъ лишнюю лошадку, особенно, если выберутъ его односельчане въ старосты, либо въ торгъ какой-нибудь пустится — глядишь: двухъ-трехъ лѣтъ не пройдетъ, мужика и узнать нельзя! щеки жирѣютъ, лоснятся; бородишка, клинъ-клиномъ торчавшая, кудрится, пріобрѣтаетъ пушистость и разстилается по широкой груди окладистымъ вѣеромъ—мужикъ перерождается совершенно. Онъ иначе не ходитъ, какъ въ высокихъ сапогахъ и въ синемъ кафтанѣ; иначе дома не нѣжится, какъ въ александрійской рубахѣ и въ ситцевомъ халатѣ; иначе не катается, какъ на прикрытой ковромъ телегѣ, всегда парою. Онъ ужь и къ чаю привыкъ; и каждое воскресенье у него есть кусокъ мяса къ обѣду; и лучины онъ больше не жжетъ, а покупаетъ маканыя свѣчи; и въ избѣ у него цѣлая стѣна обклеена обоями, а черезъ годъ-другой онъ и всѣ четыре стѣны выложитъ шпалерами; и зеркало-то у него промежду оконъ повѣшено не такое, что въ немъ лица человѣческаго не признаешь, а взглянется въ него самъ Власъ—Власъ и на стеклѣ обозначится, а глянетъ тётка Степанида — и та самоё-себя на стеклѣ увидитъ. Дѣло въ томъ, что обстоятельства, удача, и счастіе матеріально и нравственно, наружно и внутренно, совершенно преобра-

зуютъ каждаго и дѣлаютъ изъ него какъ-бы другаго человѣка. Разумѣется, богатство и бѣдность всюду перемѣшаны и у насъ, какъ и въ цѣломъ мірѣ, по-крайней-мѣрѣ меня утѣшаетъ то, что нищеты въ Симбирской Губерніи мнѣ видѣть не довелось нигдѣ, дородность же и рослость обитателей сама бросается въ глаза.

Начиная съ самаго Ардатова, я безпрестанно обгонялъ огромныя вереницы народа, толпами валившаго по дорогѣ въ одну со мной сторону. Для меня такъ еще свѣжи были вчерашнія встрѣчи, что я не сразу могъ догадаться, что эти толпы идутъ ужь не къ Арзамасу, а совершенно въ противную сторону, но куда именно—мнѣ было неизвѣстно. Въ толпахъ этихъ виднѣлось много разнаго люда, и пѣшкомъ и изрѣдка на телегахъ, но мужчинъ замѣтно было гораздо-меньше, нежели женщинъ; молодыя шли впереди всѣхъ, старухи отставали и шли особнякомъ позади; онѣ стремились впередъ разнообразными кучками и весело щебетали промежь собой въ разныхъ разговорахъ. Всѣ онѣ были съ клюками; всѣ отъ деннаго жара низко спустили на глаза головные платки и почти у каждой въ рукахъ бѣлѣлся узелокъ съ добромъ, чтобъ назавтра хорошенько принарядиться, а за спиной повѣшено лукошко, или кузовокъ съ разной поклажей. Шумныя толпы бабъ, трещавшихъ безъ умолку, изрѣдка разражались звонкимъ хохотомъ, или на смѣшную побайку которой-нибудь изъ сопутницъ, или на продѣлку холостаго парня, пускавшагося, для потѣхи приглянувшейся ему краснощекой дѣвки, на разныя дурачества. Говоръ былъ неумолчный, но не прерывался никакими мірскими пѣснями, и лишь на минуту прекращался при приближеніи къ толпѣ экипажа; тогда наступала мгновенная тишина; шаловливыя молодицы принимали смиренный видъ, чинно останавливались взглянуть на проѣзжающаго, посылали ему поклоны, а подчасъ и улыбки и, исполнивъ это, снова принимались за балагурство.

Спустясь съ одного холма и взъѣхавъ на слѣдующую отлогую возвышенность, я настигъ небольшую группу молоденькихъ крестьянокъ, опередившихъ главную массу своихъ товарокъ. Въ группѣ этой было съ десятокъ взрослыхъ дѣвокъ и молодыхъ бабъ; четверо молодцоватыхъ парней, должно-быть, близкихъ родственниковъ, куралесили съ ними и шутили напропалую. Крикнувъ ямщику, чтобъ онъ потише ѣхалъ, я высунулся изъ окна и пристально сталъ любоваться одною красавицей-крестьянкой, лѣтъ, этакъ, семнадцати. Она шла одиноко, несмѣшиваясь съ подругами.

Несмотря на то, что дѣвушка ступала по пыльной дорогѣ босикомъ, ножка у нея была пребѣленькая и премаленькая. Она, должно-быть, очень-устала: лицо ея разгорѣлось какъ пышный розанъ и крупныя капли пота сверкали на крохотныхъ, красненькихъ, какъ піонъ, губкахъ и на черныхъ бровяхъ, которыя узенькими полосками оттѣняли большіе, полные блеска и огня, темноголубые, осѣненные длинными рѣсницами глаза. Тонкіе, лоснящіеся волосы, можетъ-быть, вымазанные и постнымъ масломъ, а, можетъ-быть, и просто смоченные квасомъ, но все-таки густые, шелковистые волосы, вырвались изъ-подъ повязки, и хоть нѣсколько всклокоченными, но роскошными пря-

лями распались по обѣ стороны полненькихъ, бѣленькихъ, какъ снѣгъ, плечиковъ, которыя, сколько можно было судить по отстегнутой запонкѣ вòрота, были намѣренно обнажены, чтобъ остудить жаръ и навѣять на нихъ прохладу... Но на землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, я зналъ это и потому старался не глядѣть на загорѣлыя, мускулистыя, немножко-красноватыя, вооруженныя сухими, костлявыми пальцами руки моей феи, которая бойко ими размахивала, да, признаться сказать, молодецки и шагала она самоувѣренною, но тяжелою поступью. Но что̀ мнѣ за дѣло до рукъ? Дѣвочка была такъ хороша, такъ граціозна, что я любовался ею, любовался и отъ полноты тихаго удовольствія, должно-быть, пресладко улыбнулся.

— Что̀ зубы-те скалишь? весело и съ улыбкой крикнула сладенькимъ голоскомъ моя смиренница.

— На тебя смотрю, красавица.

— Полно пялы-то разставлять; знай поѣзжай, проваливай!

— Жаль съ тобой распроститься... Знаешь что̀, душечка: садись ко мнѣ, я подвезу!

— Вишь ты каковъ! Мало васъ такихъ, что ли!.. Ступай, ступай, знай! сказала дѣвушка, кивнувъ раза два головкой и махнувъ платочкомъ.

— Да хороша-то ты больно уродилась, лучше всѣхъ изъ табунка выдалась... возразилъ я, стараясь примѣниться къ ней рѣчью.

— Ой-ли? спросила дѣвушка, разсмѣявшись.

Она сперва опустила глазки; потомъ искоса взглянула на меня, почти украдкой, и поспѣшила застегнуть запонку, ловко приподнявъ плечами съѣхавшую съ нихъ проймочку сорочки.

— Право, такъ!.. Ну, а хочешь, я съ тобой пройдусь немного?

— А по мнѣ што? по мнѣ пожалуй! Кто тебѣ не велитъ?

— Да нѣтъ, ты-то хочешь ли?

— А што мнѣ тебя неволить? Хошь такъ, хошь сякъ, а то хошь какъ хошь! и дѣвушка опять усмѣхнулась, облизывая губки.

Я прекратилъ разговоръ и смотрѣлъ на хорошенькую крестьянку.

— А солнышко-то, поди, скоро сядетъ! сказала мнѣ дѣвочка, послѣ недолгаго молчанія, во время котораго она успѣла пригладить волосы и поправить на головѣ платочекъ.

— Нѣтъ еще! до вечера далеко! отвѣчалъ я серьёзно.

— А легко; не моритъ!

— День не знойный сегодня.

Такими и подобными такимъ отрывистыми рѣчами мы долго перекидывались другъ съ дружкой; ямщикъ придерживалъ лошадокъ; хорошенькая крестьяночка шла-себѣ попрежнему шагисто по пѣшеходной тропѣ, вблизи отъ экипажа.

— Дàве жарчей было!.. Совсѣмъ-было сопрѣла! чуть не пристала!

— Иди потихонечку — не умаешься! отвѣтилъ я, почувствовавъ въ эту минуту, что восторженность моя упала вдругъ на нѣсколько процентовъ.

— А теперь таковò ладно: и вѣтромъ-те продуватъ, и идти по мо-

лоденькой травкѣ таково-мягко! сказала моя спутница и — зарумянилась.

— Ты не устала?

— Не устала; а ты?

— А мнѣ съ чего уставать?

— Все сидѣть — отсидишься! замѣтила крестьяночка.

Она опять взглянула на меня украдкой, опустила глазки и снова облизала губки.

Мы опять оба замолчали.

— Тебѣ бъ промяться? спросила она, опять-таки неглядя на меня, и разгорѣвшись пуще прежняго.

Я не отвѣчалъ ни слова.

— Ну, да что же ты не вылѣзаешь? крикнула она полусердито, полужалобно.

— Можетъ, ты не хочешь? сказалъ я, нисколько невдумавшись въ это приглашеніе.

— Нешто осерчалъ на меня?.. Ну, полно!.. иди; промнись маненько... и я рядкомъ пойду!

На дѣвочку любо-дорого было взглянуть. Она остановилась, сощурила свои масляные глазки, наклонила на сторону головку и съ такой грустной, но плутовской улыбкой, поднявъ брови и полураскрывъ ротикъ, взглянула на меня, что я ужь предвкушалъ удовольствіе невысказанной еще вполнѣ ласки молоденькаго созданія, которое было увлечено, разумѣется, не чѣмъ инымъ, какъ только любопытствомъ: можетъ-быть, ей никогда не удавалось слышать привѣтливаго слова отъ не-мужика.

Я не заставилъ дѣвушку еще разъ повторить свое приглашеніе, выпрыгнулъ изъ дормёза, подбѣжалъ къ красавицѣ и, безъ дальнихъ церемоній, потрепалъ ее по пышному плечику.

— Экая прелесть, какая! сказалъ я, еще разъ слегка прикоснувшись къ ея плечику.

— Ну, ладно, не трошь!... къ Миколѣ ѣдешь, што-ли?

— Я въ Промзино.

— Въ Промзино и мы.

— А что тамъ такое?

— Экъ, онъ... не знаетъ? а баринъ! Вѣдь въ Промзинѣ Миколаявленный, угодникъ святой—завтра тамъ праздникъ... Народу-то, народу-то!... видимо-невидимо. Вѣдь и ярмарка тамъ тоже... такъ-то ужо людно — яблоку упасть негдѣ!

— Эка жалость: я ночевать буду въ Промзинѣ, да завтра-то не цѣлый день тамъ проведу.

— Уѣдешь?

— Уѣду.

— Далече?

— Далеко! сказалъ я со вздохомъ.

Дѣвушка тоже вздохнула.

— А ты откулева?

— Я издалека.

— Съ Москвы?

— Изъ Петербурга.

— Ишь ты откуля! глубокомысленно замѣтила крестьянка, пристально на меня посмотрѣвъ.

— Что жь у тебя: семья тамъ? спросила она.

— Гдѣ?

— Ну, тамъ, гдѣ ты живешь...

— А я гдѣ живу?

— Ты самъ сказалъ гдѣ...

— Въ Петербургѣ.

— Ну, тамо-тка и есть!

— Скажи: въ Петербургѣ.

— Ну его, не умѣю!... въ Питерѣ, что ли?... У тебя жена, что ль тамъ, въ Питерѣ-то?

— Жены нѣтъ.

— Али вдовецъ?

— Я холостой.

— Ну, ужь какъ же! холостой! тебѣ поди годовъ съ сорокъ будетъ!

«Ай да красавица, удружила!» подумалъ я, заживое задѣтый такимъ замѣчаніемъ, вопервыхъ, потому-что до сорока лѣтъ мнѣ долго еще жить остается, а вовторыхъ, потому-что... ну, да кто жь самъ себѣ врагъ? а куртизаня съ молоденькой дѣвушкой, кому не хочется примолодиться?

— Сестра у тебя тамъ осталась?

— И сестры у меня нѣтъ... А у тебя родные есть?

— И батя есть и матка есть.

— А женихъ?

— Жениха не высватали.

— А есть на примѣтѣ?

— Нѣтъ еще.

— Какъ тебя зовутъ?

— Матрёной.

— Отчего же ты, Матрёша, жениха себѣ о-сю-пору не высватала?

— Да молода, баютъ родные.

— Какое молода? ты ужь дѣвушка совсѣмъ на возрастѣ... а какая же ты хорошенькая! вотъ ужь красавица, такъ красавица: у тебя женихамъ, чай, счету нѣтъ! сказалъ я и положилъ ей руку на плечико, но дѣвушка, слегка оттолкнувши мою руку, такъ вся и вспыхнула, опустила головку и потомъ, поднявъ на меня задумчивые глазки, сказала, сама задыхаясь :

— Ты, ужо баринъ, коли хочешь идти, такъ иди ладненько, а меня не замай!

— Но я хотѣлъ тебѣ платочекъ поправить... сказалъ я, замѣтивъ, что гнѣвъ Матрёнушки исчезъ мгновенно и недовольное прежде личико теперь повеселѣло, озарившись самодовольною улыбкой.

— То-то, платочекъ поправить!.. Поправить—поправь, коли хочешь,

да смотри не шали... ну, гдѣ ты хотѣлъ поправить?.. Вотъ догони-ко-сь меня прежде, а тамъ и поправь!

Рѣзвой козочкой бросилась спутница моя въ сторону, залилась звонкимъ хохотомъ, пробѣжала небольшое разстояніе, остановилась, обернулась ко мнѣ, граціозно пригнулась, оперевшись руками о колѣнки и, зардѣвшись, какъ спѣлая вишенька, заворковала:

— А ну-ка, ну-ка! догони меня!... ну-ка, слови, слови!

Я забылъ, что самъ гожусь въ отцы этой дѣвочкѣ, кинулся за нею, поймалъ, но въ то же время, я какъ-то нечаянно прихватилъ за головной платокъ, повязка свалилась—и густая, полновѣсная, кое-какъ отъ пыли подобранная подъ платокъ, незаплетенная русая коса такъ и разсыпалась каскадомъ, такъ и обдала Матрёшу, словно русалку какую, золотистыми волнами...

Въ это время мы незамѣтно добѣжали до поворота дороги; передъ нами снова разстилалась широкая поляна; вблизи отъ дороги, невдалекѣ отъ верстоваго столба, мы натолкнулись на пенёкъ, къ которому прислонилась сломленная прошлогоднею бурей и давно ужь засохшая береза; мы сѣли на перекладинку и стали поджидать матрёшиныхъ подругъ, которыхъ давно-давно опередили.

— Останься назавтра въ Промзинѣ! сказала Матрёша, когда привела въ порядокъ волосы и снова скрыла ихъ подъ некрасивымъ и грязнымъ бумажнымъ платкомъ:—вѣдь ты пробудешь тамъ весь праздникъ? вѣдь ты будешь гулять по ярмаркѣ? Я то же тамъ буду... я отъищу тебя.

— Останусь, останусь... я непремѣнно постараюсь остаться.

— До завтра? повторилъ я.

— Да, да; до завтра... Ну, прощай, прощай!

Я подалъ знакъ ямщику, вскочилъ въ экипажъ: лошади мѣрною рысью тронулись.

На ярмаркѣ я выходилъ всѣ закоулки, въ селѣ засматривался вовсѣ окна, по улицамъ не пропускалъ ни одной гуляющей крестьянки безъ того, чтобъ не заглянуть ей въ лицо — и все напрасно! Я пускался въ безпрестанные разговоры со встрѣчными мужиками и бабами, ловко заводилъ рѣчь, выпытывалъ хоть что-нибудь о Матрёшѣ, но Матрёнъ была на праздникѣ такая куча, что всѣ мои ухищренія не привели меня ни къ какимъ послѣдствіямъ. Рѣшительно—никакихъ слѣдовъ!

Матрёша, какъ видѣніе, исчезла.

И слава Богу!

VI.

Крестьяне.

Я пріѣхалъ въ Промзино-Городище восьмаго мая вечеромъ.

Промзино находится въ Алатырскомъ Уѣздѣ Симбирской Губерніи и лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Суры. Населеніе въ немъ довольно-обширно и доходитъ до трехъ съ половиною тысячъ душъ. Училища, пріюта, или какого-нибудь подобнаго общественнаго заведенія въ немъ нѣтъ, но зато, кромѣ станціоннаго дома, есть почтовая контора и довольно-значительный трактиръ, платящій, за право своего здѣсь существованія, до пяти тысячъ рублей вотчинному управленію. Это ужь само-собой указываетъ, что Промзино должно почему-либо выходить изъ разряда обыкновенныхъ селъ и имѣть какое-нибудь особенное значеніе.

Промзино, какъ и село Лысково, весьма-значительная хлѣбная пристань. Сюда съѣзжается въ годъ отъ ста-восьмидесяти до двухъ-сотъ «капиталовъ», какъ здѣшніе жители вообще выражаются, говоря о хлѣбныхъ торговцахъ. Купцы эти и ихъ прикащики живутъ здѣсь постоянно съ осени до весны, лишь на короткое время удаляясь изъ этой главной своей резиденціи по окрестнымъ и даже дальнимъ помѣщичьимъ селеніямъ, для скупа зерноваго хлѣба.

Весь почти хлѣбъ изъ уѣздовъ Корсунскаго, Буинскаго, Алатырскаго, частью Ардатовскаго и Симбирскаго свозится гужомъ въ Промзино, поступаетъ прежде на мельницы, которыя содержатся купцами же изъ оброчной платы помѣщику, и затѣмъ весь хлѣбный товаръ поступаетъ въ амбары, а со вскрытіемъ весны и прямо въ барки, если онѣ совсѣмъ готовы къ принятію грузовъ. Основываясь на устныхъ разсказахъ, можно почти навѣрное сказать, что на здѣшней

пристани грузится ежегодно до ста-тысячъ четвертей хлѣбнаго товара всякаго вида и сорта. А такъ-какъ здѣшній хлѣбъ поспѣваетъ въ Петербургъ скорѣе, чѣмъ хлѣбъ, отправляемый съ моршанскихъ пристаней, который, какъ извѣстно, иногда зазимовываетъ у Ладожскаго Канала, что случается «годомъ», очень-рѣдко, то въ Промзинѣ онъ и цѣнится дороже, чѣмъ на другихъ пристаняхъ. Съ Суры барки съ хлѣбомъ быстро сплавляются до города Василя, и оттуда скоро доходятъ Волгой до Рыбинска; баркамъ же, отправляющимся съ моршанскихъ пристаней, путь предстоитъ продолжительнѣйшій по Мокшѣ, Цнѣ и Окѣ, и потому въ Рыбинскъ онѣ приходятъ гораздо-позже промзинскихъ судовъ.

Хлѣбъ для промзинской пристани скупается купцами какъ у самихъ помѣщиковъ, такъ и у тѣхъ лицъ сельскаго населенія, которыя временно владѣютъ поземельными угодьями; сравнительно говоря, эти послѣдніе пользуются бо́льшими барышами, чѣмъ помѣщики.

Церковнослужители сельскіе сами полей не обработываютъ; не обработываютъ ихъ и тѣ дворовые люди, которыхъ помѣщики, за долговременную службу, одѣляютъ землей въ бо́льшемъ или мѣньшемъ количествѣ. Эти лица почти вездѣ сдаютъ свои участки своимъ же односельчанамъ, или и постороннимъ крестьянамъ, «изъ-полу» и, незная рѣшительно никакихъ хлопотъ, заботъ и расходовъ по хозяйству, получаютъ съ своихъ половниковъ одинъ лишь чистый барышъ— половину урожая. Половникъ везетъ хлѣбъ къ купцу, тратится на харчи, провіантъ и пристанища; онъ одинъ принимаетъ на себя всѣ расходы, а хозяинъ полей ничего этого не знаетъ. Система половничества (Halfenwirthschaft) извѣстна не въ одной Россіи, она существуетъ и въ остальной Европѣ, въ Германіи, во Франціи и въ Италіи, но вообще, въ государственной экономіи, принимается за правило, что подобныя хозяйства, основанныя на выдѣлѣ, со стороны пользователя въ пользу хозяина, той или другой доли ужина, хороши только для южныхъ хлѣбородныхъ странъ, гдѣ плодоносная почва, благорастворенный климатъ, легкость труда и быстрота сбыта дѣлаютъ возможнымъ полученіе столь-высокаго поземельнаго дохода, какова половина ужина. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за границею берутъ натурой только третью часть, а въ Германіи и это вывелось и наёмъ изъ-полу замѣненъ наймомъ за деньги. У насъ половничество, кромѣ Вологодской Губерніи, гдѣ оно существуетъ въ обширныхъ размѣрахъ и на узаконенныхъ правилахъ, укоренилось и въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ губерніяхъ тверской, самарской, оренбургской, черниговской. Въ этой послѣдней, по словамъ одного мѣстнаго изслѣдователя, г. Гавриленки, между тамошними казаками, составляющими особый отдѣлъ государственныхъ крестьянъ, да и почти между всѣми обывателями, существуетъ особенное отношеніе «тяглыхъ», то-есть имѣющихъ скотъ для обработки своихъ полей, къ «пѣшимъ», неимѣющимъ его. Отношеніе это, имѣя видъ займа, состоитъ въ томъ, что «пѣшіе», имѣя земли, отдаютъ ихъ «тяглымъ», съ условіемъ, вспахать поля, засѣять ихъ или своимъ зерномъ, или зерномъ владѣльца земли, и, смотря по этому, пользоваться извѣстною (но какою—

не сказано) долею изъ получаемыхъ произведеній. Относительно снимки хлѣба съ полей у нихъ также является особенный договоръ: «гуляющій», то-есть неимѣющій полей, «становытця», договаривается, у зажиточнаго хлѣбопашца сжать извѣстную часть поля, обыкновенно, за третій снопъ: два хозяину, третій жнецу. Эти два обычая, увеличивая число рукъ и облегчая трудность продовольствія, по замѣчанію г. Гавриленки, очень-благодѣтельны для жителей.

Что жь касается до помѣщиковъ, то ихъ хозяйство, несмотря на все единообразіе, можно раздѣлить на два различные вида, рознящіеся одинъ отъ другаго совершенной бездѣлицей. И въ томъ и въ другомъ мѣстѣ обработка полей производится барщиной; крестьяне лѣтомъ ходятъ на работу назначенное имъ число дней въ недѣлю, разумѣется, не въ ненастье. Зимой барщинная услуга состоитъ главнѣйше въ гонкѣ подводъ съ господскимъ хлѣбомъ въ Промзино къ купцамъ, покончившимъ съ землевладѣльцами свои сдѣлки. Помѣщики, сами управляющіе своимъ хозяйствомъ, отправляютъ подводы на мельницы по уговору съ купцами; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ, вмѣсто помѣщиковъ, всѣмъ завѣдываютъ управляющіе, купцы покупаютъ хлѣбъ, также какъ и всюду, съ доставкой на мельницы, но при этомъ присовокупляется еще одно условіе — «съ перевалкой въ амбары». Вотъ это условіе отсылки подводъ «съ перевалкой» или «безъ перевалки» и составляетъ, между-прочимъ, существенное отличіе такого или инаго состоянія имѣній.

Крестьянинъ, который везетъ хлѣбъ «безъ перевалки», доставляетъ его на мельницу и, сдавъ купцу, сейчасъ же, безъ особенныхъ съ своей стороны расходовъ, возвращается домой. Напротивъ, тотъ мужикъ, управляющій котораго подрядился доставить хлѣбъ «съ перевалкой» въ Промзино, за что, разумѣется, купецъ дороже платитъ вотчинному управленію, разсчитывая совершить свой путь въ трои сутки, забираетъ съ собой харчей для себя и фуража для лошади дни на четыре. Но пріѣзжаетъ онъ на мельницу: мельница въ ходу и занята помоломъ зерноваго хлѣба. Хорошо, если купецъ, кортомящій мельницу, пріймetъ зерно и сейчасъ же замѣнитъ его мукой, хоть и не изъ этого самаго зерна, но изъ того же вида хлѣба; а если у него муки нѣтъ въ запасѣ? если онъ, изъ какихъ-нибудь разсчетовъ, непремѣнно захочетъ сдать крестьянину муку именно того же самаго зерна, который онъ только-что привезъ. Крестьянинъ долженъ ждать лишніе два, три, четыре дни. Не имѣя, по обыкновенію, ни гроша денегъ на траты по чужой надобности, онъ долженъ такъ распредѣлить свой фуражъ и провіантъ, чтобъ его хватило на всю дорогу. Онъ начинаетъ и самъ ѣсть не такъ сытно, какъ ѣлъ вчера и третьяго-дня; и лошадь кормитъ онъ съ тѣмъ же разсчетомъ, день за день убавляя мѣру выдачи. Наконецъ ему навалили возъ кулей съ мукой; крестьянину надо спѣшить, поскорѣй его доставить и вернуться домой; но тощая, полуголодная лошадь лѣнива: идетъ нога-за-ногу. Мужикъ вытягиваетъ своего буланка, понуждаетъ его идти скорѣй, хочетъ сдѣлать на немъ больше верстъ, чѣмъ обыкновенно дѣлаютъ на сытомъ конѣ, и хочетъ именно потому, что у него мало

ужь овса остается, что завтра кормить коня нѣчѣмъ, нѣчего самому поѣсть! Лошадь не слушается, мужикъ выбивается съ нею изъ силъ и возвращается домой въ такомъ видѣ, что въ тщедушной клячонкѣ ужь трудно признать прежняго статнаго и здороваго буланку. Лошадь пропала; хозяйство мужика принимаетъ другой оборотъ; безъ добраго коня у него все пойдетъ плоше и плоше. Завести новую лошадь — денегъ стоитъ! Еще идетъ подвода; въ новомъ извозѣ другая лошадь захилѣла, ужь тутъ мужикъ словно ракъ на мели остается. А управляющій доноситъ рапортомъ проживающему вдали помѣщику, что онъ совершилъ блестящую спекуляцію. Всѣ сосѣди распродали свой хлѣбъ купцамъ по пяти съ полтиной за четверть; лишь онъ одинъ, ревнуя господскимъ пользамъ и не щадя своего живота, продалъ хлѣбъ по неслыханной цѣнѣ—по восьми рублей ассигнаціями за четверть, и что, поэтому, вотчинное управленіе, благодаря его трудамъ и попеченіямъ, пріобрѣло лишнихъ столько-то тысячъ доходу.

Живущій вдали помѣщикъ радуется такому барышу, шлетъ управляющему особенное благоволеніе, назначаетъ ему щедрую награду и, встрѣтясь съ молодымъ сосѣдомъ по имѣнію, хвастается передъ нимъ благосостояніемъ своихъ деревень.

— Хлѣба нынче хороши у насъ уродились! говоритъ онъ, издалека заводя рѣчь.

— Да, благодареніе Богу, урожаи хорошіе были, отвѣчаетъ сосѣдъ.

— И цѣны порядочныя!

— И цѣны порядочныя!

— Много значитъ въ хозяйствѣ свой глазъ.

— О, еще и какъ много!

— Но вы вѣдь, кажется, довольно-рѣдко ѣздите въ деревню?

— Да такъ же, какъ и вы.

— Я и здѣсь живу, а все отсюда вижу.

— И у меня отчетность въ отличномъ порядкѣ.

— Но у меня, батюшка, управляющій, просто, золото!

— И у меня управляющій честнѣйшая душа.

— А почемъ онъ у васъ нынче хлѣбъ продалъ?

— Такъ же, какъ и всѣ: по пяти съ полтиной.

— И видно, что честняга!

— А что жь?

— Да тоже, что онъ либо плутъ, либо пошлый дуракъ!

— Помилуйте, я его лично знаю: отцу-покойнику тридцать лѣтъ служилъ.

— Вѣрьте вы имъ! всѣ они честными людьми смотрятъ.

— Да скажите, пожалуйста, изъ чего вы заключаете?

— А изъ того, что хлѣбъ нынче не пять рублей, а вотъ не угодно ли взглянуть: мой по восьми рублей продалъ... а вашъ-то?!

— Ахъ онъ мошенникъ! Сейчасъ же его вонъ изъ вотчины!

Ѣдетъ огорченный баринъ самъ въ деревню, проѣзжаетъ черезъ сосѣдское село, гдѣ хлѣбъ дороже его продали; смотритъ по сторонамъ: избы почти всѣ покривились, кровли крыты соломой. Обезноженныя лошади шатаются около деревни и еле-еле головами мотаютъ,

Въ параллель къ избамъ и къ скотамъ, все прочее находится въ одинаково-цвѣтущемъ запущеніи и упадкѣ. Сосѣдъ невольно почесываетъ себѣ затылокъ.

Пріѣзжаетъ баринъ и въ свою деревню, глядитъ и не нарадуется. Крестьянскія избы стоятъ прямо и вытянулись ровною линіею; бо́льшая часть домовъ крыта тёсомъ; на иныхъ толстыми пластами навалены снопы свѣжей соломы. По улицамъ чисто и опрятно. На задворкахъ, въ хлѣвахъ стоятъ откормленныя коровы; на выгонѣ разгуливаютъ статные кони, сытненькіе, гладенькіе, ничѣмъ неизнуренные. Мужики и бабы одѣты прилично и не безъ щегольства; смотрятъ въ глаза барину прямо и весело; на поклонъ его милости сами, безъ старостина понуканья, несутъ меду, яицъ, холста, полотенецъ, молоденькихъ куръ съ пѣтушками, барашковъ и всякаго разнаго добра, кому что̀ подъ-силу. Они безъ боязни подходятъ къ желанному гостю, съ привѣтливой, довольною миной отвѣшиваютъ ему низкіе-пренизкіе поклоны и молчаливо ставятъ доброму барину на столъ и на лавки свои приношенія, отъ души произнося извѣстную крестьянскую фразу: «ты нашъ отецъ — мы твои дѣти!»

Тогда только, посравнивъ да посмотрѣвъ, молодой помѣщикъ догадывается, что невсегда дешевая цѣна приноситъ меньше барышей, а что для самого помѣщика, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, выгоднѣе хлѣбъ продать по пяти, чѣмъ по восьми рублей. Помѣщикъ тогда только и нравственно и матеріально богатъ, когда его крестьяне пользуются довольствомъ... Молодой баринъ пишетъ сосѣду письмо о подвигахъ «золотаго» управляющаго. Тотъ не радъ лишнимъ тысячамъ и спѣшитъ распроститься съ «нещадившимъ живота» управителемъ.

Такъ вотъ что̀ значитъ иногда перевалка. Разумѣется, что главный барышъ нашихъ помѣщиковъ все-таки заключается не столько въ цѣнности самаго хлѣба, сколько въ цѣнности права перевозку его подводить подъ категорію барщинной послуги; этимъ правомъ у насъ только очень и очень-рѣдкіе не пользуются и, разумѣется, такіе люди составляютъ необыкновенное исключеніе. Другую существенную выгоду помѣщиковъ составляетъ выдѣлъ крестьянамъ участковъ подъ огороды и конопляники: за этотъ надѣлъ крестьяне принимаютъ на самихъ-себя обязанность уплачивать подушныя подати.

Хлѣбъ въ Промзинѣ грузится въ барки, вмѣщающія въ себѣ до полуторыхъ-тысячъ четвертей разнаго хлѣба: снизу, разумѣется, кладется мука, а сверху овесъ, потому-что овесъ, въ случаѣ подмочки, дѣлается никуда негоднымъ, а мукѣ отъ воды ничего не дѣлается. Если кулъ съ мукой и утонетъ, онъ и тогда почти не потеряетъ своей цѣнности, лишь бы его изъ воды вытащить; мука не впитываетъ въ себя столько влажности, чтобъ совершенно распуститься; въ кулѣ, подвергшемся подмочкѣ, образуется только тонкая кора верхняго слоя муки: она одна негодна къ употребленію, прочій товаръ остается въ прежнемъ своемъ достоинствѣ. Иной случай бываетъ съ солью. Если на соль льетъ дождь сверху, товаръ этотъ ничего чрезъ то не теряетъ; но если въ суднѣ, нагруженномъ солью,

откроется течь снизу, то соль, насыщаясь влагою, вся вытечетъ вонъ изъ судна въ рѣку.

Главная улица села Промзина ведетъ къ рѣкѣ Сурѣ, по берегу которой построены амбары. Если идти къ рѣкѣ, то съ лѣвой стороны къ главной улицѣ примыкаетъ довольно-обширная площадь, за которой виднѣется двухолмная гора: на одной возвышенности стоитъ барскій домъ, на другой, къ которой надо подниматься по чрезвычайно-крутымъ тропинкамъ, красуется старинная часовня. По другую сторону горы тянутся остатки стариннаго вала.

Я ужь не засталъ предпразднества: седьмаго числа, съ большимъ торжествомъ изъ церкви переносится, при огромномъ стеченіи народа, явленный образъ Николая-угодника въ часовню, и въ этомъ торжествѣ принимаетъ участіе какъ ближайшая къ въѣзду въ село половина промзинскаго населенія, такъ и стекающіеся сюда изъ разныхъ деревень крестьяне, чистые Русскіе и Мордва.

Я самъ не видалъ, но мнѣ очевидцы разсказывали, что большимъ благочестіемъ и горячностью къ славословію отличаются Мордовки.

Костюмъ Мордвы общеизвѣстенъ. Мужчины ходятъ въ бѣлыхъ кафтанахъ, въ короткомъ, по колѣни, исподнемъ платьѣ, въ бѣлыхъ онучахъ и въ маленькихъ уютно-сдѣланныхъ лаптяхъ. У женщинъ обувь такая же; потомъ слѣдуетъ бѣлая юпка и бѣлая рубаха, всегда вышитая по краямъ и вдоль всего стана красною бумагой. На головѣ Мордовки носятъ довольно-красивыя красныя кички особеннаго фасона, украшенныя бахромой и лопастью, выпускаемою сзади на затылокъ; къ косѣ, которая идетъ вдоль спины, поверхъ рубахи, и затыкается за красный шерстяной кушакъ, привѣшивается какое-нибудь украшеніе, красная или желтая кисточка, или что-нибудь другое. На груди висятъ бусы; въ ушахъ — огромныя серьги; назади къ кушаку прицѣпляется родъ небольшаго фартука, или занавѣски, какъ это назвать я не умѣю. Между мордовскими женщинами попадаются недурненькія лица, но, вообще говоря, народъ этотъ некрасивъ. Мордовки славятся искусствомъ ходить, немарая обуви: онѣ ступаютъ такъ легко и аккуратно, что, переправляясь черезъ топкую и густую грязь, никакъ не замараютъ своихъ маленькихъ лаптишекъ, тогда-какъ другая женщина, переходя такое мѣсто, непремѣнно бухнетъ въ грязь полновѣсно и засядетъ въ ней чуть-чуть не по колѣни.

Населеніе Промзина-Городища можно раздѣлить на два разряда: ямская слобода, ближайшая къ въѣзду въ село, отличается тишиною, смиреніемъ и промышленнымъ направленіемъ своихъ обитателей; они одѣваются скромно и прилично и любятъ часто ходить въ церковь Божію; другая, обширнѣйшая часть, населена людьми стараго покроя, усвоившими себѣ наружный блескъ городскаго роскошества. Этотъ отдѣлъ жителей тѣснится ближе къ рѣкѣ и отличается совершенно-иными особенностями.

Было еще неочень-поздно, когда я прибылъ въ Промзино. Сумерки только еще приближались; вечеръ тихій и теплый; послѣ дневнаго зноя и нѣкотораго утомленія манило подышать прохладой: я и

пошелъ прогуляться по селенію, въ противоположную отъ ямской слободы сторону.

На завалинкахъ около избъ тѣснились группами молодыя бабы и дѣвки; укутавшись холодниками и шубейками, или и просто сидя въ однихъ сарафанахъ, онѣ платочками прикрывали себѣ нижнюю часть лица, щелкали орѣшки, лупили сѣмечки, тараторили между собою, но при моемъ приближеніи прекращали разговоръ и сохраняли глубокое молчаніе, косясь повременамъ на заѣзжаго гостя и подмигивая на него подругѣ; изрѣдка, развѣ, какая-нибудь забіяка, желая подтрунить надъ сосѣдкой и ввести ее въ краску, ущипнетъ ее за мясистые бока или руки и заставитъ прискакнуть на одномъ мѣстѣ: та едва удерживалась, чтобъ не закричать благимъ матомъ. Подруги прикусывали язычки и, выпустивъ меня изъ виду, разражались звонкимъ хохотомъ и бойчѣй заигрывали другъ съ дружкой.

Отдалясь отъ домика, въ которомъ я пріютился, на порядочное разстояніе, я свернулъ въ сторону и близь однихъ воротъ замѣтилъ женщину. Она сидѣла на улицѣ подъ самымъ окномъ, плотно прислонившись къ стѣнкѣ, положивъ нога на ногу и подперевъ голову лѣвой рукой. Въ правой рукѣ, которая была прссунута подъ лѣвую, она держала, какъ мнѣ сперва показалось, черную цѣпочку или ленту. Женщина эта, должно-быть, о чемъ-нибудь крѣпко думала: она не слыхала моихъ шаговъ и только тогда, когда я довольно-близко подошелъ къ ней, медленно поворотила ко мнѣ голову, потомъ быстро перемѣнила положеніе и поспѣшно запрятала свою цѣпочку въ карманъ сарафана. Мнѣ не случалось прежде замѣчать, чтобъ у сарафановъ бывали карманы.

Я взглянулъ попристальнѣе на сидѣвшую. Это была женщина лѣтъ подъ тридцать, съ весьма-красивымъ, но чрезвычайно-блѣднымъ продолговатымъ лицомъ, которое весьма-много выигрывало отъ блеска прекрасныхъ, большихъ голубыхъ глазъ, оттѣненныхъ очень-узенькими и очень свѣтлыми, немного даже рыжеватыми бровями. Морщинки около угловъ глазъ и на лбу, полный подбородокъ, маленькія, но очень-полныя, немножко синеватыя губы и не то что строгій, а рѣзкій взглядъ, несмотря на нѣжность матовой кожи лица, ясно говорили, что эта женщина недаромъ изжила свои годы; черные непріятные зубы свидѣтельствовали о наклонности ея къ разнымъ лакомствамъ и притираньямъ, а свѣжій, малопоношенный сарафанъ и спустившаяся съ здоровыхъ и пріятно-округленныхъ плечъ бархатная шубейка служили вѣрнымъ признакомъ полнаго довольства. Впрочемъ, объ этомъ еще вѣрнѣе можно было судить по маленькой ножкѣ, обутой въ бѣлый бумажный чулокъ и въ довольно-казистый башмачокъ; полныя руки, неукоризненной бѣлизны, видимо никогда не знали тяжелой работы. Женщина была хорошаго роста, сообразно съ нимъ умѣренно-полна и сложена очень-недурно.

Она взглянула на меня, немного насупившись, неласково и невесело, такъ, съ совершеннымъ безстрастіемъ, съ легкимъ только оттѣнкомъ любопытства. Я весело кивнулъ ей головой; она немного улыбнулась и сама мнѣ полупривѣтливо кивнула.

— Здравствуй, красавица!

— Здравствуй, баринъ.

— Что пригорюнилась?

— Думала такъ, про себя.

— А о чемъ думала?

— А ни о чемъ!.. Вишь, ночь на дворѣ... дѣлать нечего, а спать рано — и скучно! И она громко зѣвнула, осѣнивъ уста крестнымъ знаменіемъ.

— Зачѣмъ же ты сидишь одна?

— А не съ кѣмъ вдвоемъ сидѣть.

— Ужь будто не съ кѣмъ?

— Да не съ кѣмъ и есть!

— Подсѣсть развѣ мнѣ къ тебѣ?

— Садись, милости просимъ — мѣста довольно!

Она прихватила руками широко-раскинувшуюся по завалинкѣ юпку сарафана, примяла ее поближе къ себѣ и очистила для меня мѣстечко съ краю. Въ деревнѣ какія церемоніи? я усѣлся рядкомъ съ этой бабёнкой, хоть для обоихъ насъ и мало было мѣста.

— Вишь ты, больно важевàтъ: таки-усѣлся! возразила она, самодовольно улыбнувшись. — Ну что ты тутъ высидишь?

— Ничего: посижу, отдохну, да съ тобой перекинусь словечкомъ.

— Вишь ты!

— Ты же этакая славная!

— Вишь ты!

— Ты просто молодцомъ смотришь.

— Вишь ты!

— Ростомъ, дородствомъ — всѣмъ взяла, настоящая краля!

— Вишь ты!... Да ты, слышь, изъ какѣихъ? Съ товаромъ, што ль? али чиновникъ?

— Такъ-себѣ, по разнымъ дѣламъ разгуливаемъ.

— Али по питейной?

— Да, хоть по питейной.

— А въ коемъ откупѣ?

— По ту сторону, за Волгой, въ Самарѣ.

— Нештò, важно!

— А что это у тебя въ карманѣ? спросилъ я, дотронувшись до сарафана.

— А ничего! Тебѣ штò?

— Какъ ничего! да ты сама сейчасъ запрятала, когда я подходилъ? Возьми опять въ руки, я мѣшать тебѣ не стану.

Моя собесѣдница молча вынула изъ кармана вещь, принятую мною за цѣпочку. То былъ мягкій, узенькій ремешокъ, сшитый такимъ образомъ, что походилъ нѣсколько на сплоенную кожу: черезъ каждыя девять складокъ, десятая была крупная. Теперь только я узналъ знакомую мнѣ по Сибири лѣстовку.

— У тебя большая семья?

— Братьёвъ двое, да отецъ, да мать...

— Братья холостые?

— Холостые...

— А мужъ дома?

— Что̀ ты это? какой мужъ! я дѣвица! отвѣтила моя собесѣдница недовольнымъ тономъ и зорко взглянувъ на меня проницательными и широко-раскрытыми глазами.

— Что жь ты за̀-мужъ не выходишь, вѣдь пора?

— Какъ можно за̀-мужъ? я ста̀рка! сказала она такъ, какъ-будто бы желала выразить недоконченную фразу: «какой ты, право, безтолковый!»

— А, ста̀рка?

— Ста̀рка!

— Значитъ, ты хочешь состарѣться въ дѣвствѣ? спросилъ я, предположивъ, что здѣшняя старка, значитъ почти то же, что̀ въ югозападной Россіи «покрытка.»

— И умру такъ.

— Чѣмъ же ты жить станешь?

— А у меня про черной день ужь запасено: про мой вѣкъ хватитъ.

— Да что жь у тебя такое есть?

— А вишь изба какая, и деньжишекъ не одна сотня есть.

— Гдѣ жь ты добыла столько денегъ?

— Гдѣ добыла? «капиталамъ» фатеру въ наймы даю — тѣмъ и добыла. Постоялецъ пріѣдетъ, надо за нимъ ходить, прислуживать, харчи давать — вотъ одинъ мнѣ и построилъ эту избу, и хозяйство мнѣ завелъ все съизнова.

— Гдѣ жь теперь твои родные: гуляютъ, видно, для праздника.

— Нѣтъ; мужики всѣ ушли ужь на суда.

— Много выручаютъ они этой работой?

— А всяко случается: до Васили́ берутъ двадцать рублевъ, а до Нижняго—полсотни.

— Серебромъ?

— Нѣтъ, бумажками.

— Ну да и на эти деньги погулять можно.

— Да вѣдь я имъ всѣхъ денегъ на руки не выдаю: а вотъ большой у меня братъ пошолъ до Василя; я двѣнадцать рублей отъ него отобрала, изъ нихъ внесу за семью подушныя и оброкъ, да еще и своихъ прибавлю, а восемь рублей дала брату на руки, на харчи: онъ у меня и не закуралеситъ.

— Какъ же это у тебя мужики всѣ изъ дому разошлись: кто жь въ полѣ-то будетъ работать?

— Вѣстимо, невпустѣ ему лежать.

— Такъ то-то же!... ну, такъ какъ же теперь вы съ хлѣбомъ справляетесь? поле забросили, а на судахъ заработки не Богъ знаетъ какіе...

— Эхъ ты головушка! али не знаешь? Отдаемъ въ наймы! охотниковъ-то не искать стать.

— Что̀бъ вамъ самимъ свои поля пахать, чѣмъ ходить на̀-сторону, на тяжелую работу?

— Эко ты порядки-то наши знаешь! сказала старка съ усмѣшкой.

Ты тò смекни, что земли-то своей мало, коровушекъ-то нѣтути, нàзьму не въ достачу, а хлопотни да возни полонъ ротъ—вотъ наши посудили, да и порѣшили идти въ бурлàки. Ихъ трое: съ весны-то они двѣ путѝзы вѣрныхъ сдѣлаютъ — у насъ на прожитокъ и запасёно; а какъ къ тому да еще и землю въ наймы отдать — недоимки никакой и не выйдетъ.

— Не всѣ же мужики у васъ въ бурлаки ходятъ?

— Ну, не всѣ.

— Ну, эти же чтò дѣлаютъ?

— Ну, землю пашутъ, а то въ «деньщики» ходятъ, на какую нинаесть работу, хлѣбъ ли складывать въ амбаръ къ капиталамъ, али чтò другое; старухи булки разносятъ въ продажу—не скламши руки сидимъ!

— Да коли у тебя столько денегъ, зачѣмъ же братья твои пошли въ бурлаки?

— Братьямъ не на печи же лежать? а деньги есть — такъ то мои, а не братьёвы: я своимъ трудамъ не про нихъ запасала.

— Ну, а сама-то ты тоже много работаешь?

— Да вѣдь хозяйство-то все на моихъ плечахъ, я и избу содержи, и за капиталомъ ходи: капиталъ поить-кормить надо — я одна стряпуха; только и отдыху, что лѣто настанетъ, да праздникъ прійдетъ— вотъ мы и гуляемъ. Смотри-ко-сь насъ завтра сколько на улицу высыпитъ.

— Гулянье завтра рано начнется?

— А какъ въ звоны ударятъ... время же вёдренное, народу привалило много... али ты не бывалъ у насъ въ этотъ день?

— Не доводилось.

— Ну, вотъ погуляй завтра съ нами... А мы, сердечной, съ тобой загуторились: вишь ужь темень; мнѣ пора въ избу, надо встать пораньше.

— Ну, такъ прощай, до завтра.

— Прощенья просимъ, любезный!

По улицѣ ужь все смолкло. Сумерки накрыли все селеніе; по сторонамъ только темнѣли заборы и кровли избъ и развѣ-развѣ, то въ томъ уголку, то въ этомъ, слышалось шептанье молодыхъ сосѣдокъ, кончавшихъ бесѣды съ подругами и другими знакомыми.

Остальные часы этого дня проведены были въ пріятной бесѣдѣ съ содержателемъ почтовой станціи, молодымъ пензенскимъ помѣщикомъ, и съ почтеннымъ отцомъ-священникомъ села Промзина. Первый собесѣдникъ, успѣвъ отслужить царю и отечеству на полѣ брани, отдыхалъ теперь, и досуги, отъ занятія семейною жизнью и благоустройствомъ небольшаго имѣньица, удѣлялъ на разныя промышленныя предпріятія, къ числу которыхъ относилось и содержаніе промзинской почтовой станціи.

Утро девятаго мая было великолѣпно; день былъ совершенно-лѣтній; вслѣдствіе утомленія въ дорогѣ и поздней вечерней бесѣды, я проспалъ очень-долго и всталъ разбуженный торжественнымъ звономъ колоколовъ. Термометръ показывалъ девятнадцать градусовъ тепла.

Улицы были запружены толпами, стремившимися на церковную площадь; церковь полна народомъ, привалившимъ сюда изъ окрестныхъ деревень; богомольцы, преимущественно чужедеревенцы, а изъ Промзинцевъ, жители ямской слободы радостно встрѣчали праздникъ въ храмѣ Божіемъ; но цвѣта промзинскаго населенія еще не было видно: старки, старухи и молоденькія дѣвушки еще только снаряжались на гулянье.

Гора, вершина которой осѣнялась часовней съ явленнымъ образомъ Николая-Чудотворца, была усѣяна тысячами пришедшихъ сюда богомольцовъ; священникъ едва успѣвалъ удовлетворять ихъ благочестивымъ требованіямъ, и нѣсколько часовъ сряду, безъ отдыха, служилъ молебны.

На пути къ церкви и оттуда къ часовнѣ я былъ пораженъ необыкновенною для меня многочисленностью разныхъ калѣкъ, хромыхъ, безрукихъ, слѣпыхъ и прочихъ недужныхъ изъ нищей братіи Иные въ одиночку и попарно выглядывали изъ телегъ, иные купами разсѣлись на землѣ, иныхъ возили въ таратайкахъ, иные смиренно стояли на ногахъ и молча выпрашивали людскаго участія къ своей судьбѣ. Дряхлыхъ стариковъ, отжившихъ свое время, перешедшихъ обыкновенные предѣлы человѣческой жизни и давно-потерявшихъ и память и сознаніе, было здѣсь множество. Но у здѣшнихъ нищихъ, съѣхавшихся на праздникъ изъ разныхъ мѣстъ ближайшихъ губерній, та особенность, что они не пускаются на неотвязчивое канюченье, не преслѣдуютъ богатаго ближняго дерзкою неотступностью, но со всею преданностью судьбѣ оставляютъ проходящихъ въ покоѣ, углубившись сами въ распѣванье хорами Лазаря убогаго и другихъ подобныхъ припѣвовъ, укоренившихся въ нашемъ простонародьѣ. На ухо, нечуткое къ этимъ мольбамъ, нищіе дѣйствуютъ иными путями: они, усѣвшись гдѣ-нибудь подъ сѣнью, покачивая головою и безсознательно творя поклоны, держатъ въ рукѣ деревянную чашку, которую, однакожь, никому сами не подставляютъ въ той увѣренности, что гуляющіе жители, проходя мимо ихъ, не лишатъ ихъ подаянія... Сборъ подаяній на нищую братію производится у одиночныхъ калѣкъ — самими ими, у артелей—старшимъ нищимъ, а у тѣхъ, непринадлежащихъ къ артелямъ страдальцевъ, которые не могутъ сами двинуться съ мѣста, каковы, напримѣръ, столѣтніе старики и старухи, разбитые параличомъ и тому подобные — милостыню собираютъ ребятишки, приставленные къ нимъ въ качествѣ сторожей и вожатыхъ. Разумѣется, вошедшаго въ годы работника нельзя отнять отъ поля, поэтому-то, для исканія хлѣба на чужой сторонѣ, страдальцамъ и даютъ ребятъ, нестарѣе лѣтъ двѣнадцати... Подаянія невсегда сбираются деньгами; больше всего хлѣбомъ и яйцами, въ иныхъ мѣстахъ рыбой, въ иныхъ медомъ, рѣдко мясомъ и только въ крайнихъ случаяхъ восковыми свѣчами: послѣдняго рода пожертвованія дѣлаются преимущественно сборщикамъ на монастыри и церкви, снабженнымъ для того особенными приходными книгами.

Нищенство у насъ, въ Россіи, не составляетъ постояннаго промысла,

только дѣйствительная нужда въ чужой помощи ведетъ нищихъ на большія дороги и на сельскіе храмовые праздники.

Россія страна богатая и страна благодатная, но нищенство и у насъ, какъ всюду на земномъ шарѣ, существуетъ вслѣдствіе необходимости. Мы знаемъ навѣрное, что у насъ правительство призрѣваетъ только въ однихъ подвѣдомственныхъ Приказамъ Общественнаго Призрѣнія заведеніяхъ, до полумильйона душъ ежегодно; но открыть и обезпечить судьбу каждаго страдальца не въ средствахъ правительства, да и не въ его силахъ изъять всю нищету отъ соучастія тѣхъ обществъ, къ которымъ неимущіе принадлежатъ, тѣмъ-болѣе, что если нищенство гдѣ-нибудь и дѣйствительно составляетъ родъ промысла, то только временнаго, ограничиваемаго очень-короткимъ періодомъ зимнихъ мѣсяцовъ.

Нѣкоторые краи нашего отечества замѣчательны тѣмъ, что селенія въ нихъ бываютъ преимущественно-многолюдныя; въ другихъ же краяхъ, и особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, многолюдныя селенія служатъ исключеніемъ: тамъ больше мелкихъ селъ и деревень.

Возьмемъ, для примѣра, какую-нибудь одну деревушку, подвергшуюся несчастію, или пожару, или дурному урожаю, или градобитью, или большой мятелицѣ, сгубившей скотъ. Лѣтомъ люди всѣ на полевыхъ работахъ и трудятся сообща, вплоть до осени. Въ это время деревенская семья разсчитываетъ наличныя и въ виду имѣющіяся средства прожить безнужно до будущаго года; тутъ соображается кому остаться дома для полной управы хозяйствомъ, кому пуститься на опредѣленный промыселъ, какую корову или которую лошадь свести на базаръ, и прочее: и только тогда, когда всѣ эти соображенія не обѣщаютъ семьѣ несомнѣнной возможности хорошо провести зиму и управиться съ обсѣвомъ полей, только тогда, и то однѣ бабы, находятъ себя вынужденными удалиться на-время изъ своей деревни и искать дневнаго пропитанія по большимъ селамъ, или въ уѣздномъ городѣ. Здѣсь работаютъ онѣ поденно, что̀ случится, и только въ случаѣ совершеннаго отсутствія трудовыхъ заработковъ, прибѣгаютъ къ мірскому подаянью, причемъ, для внушенія къ себѣ бо̀льшаго участія, забираютъ съ собой и малыхъ ребятишекъ.

Бѣдность—понятіе относительное, и въ-отношеніи къ крестьянству, она невездѣ измѣряется одною и тою же мѣркою. За границей, мужикъ доволенъ, если у него есть тощій запасъ картофеля; въ Италіи и этого не нужно: въ знойномъ климатѣ мало ѣдятъ; теплой одежды тамъ не знаютъ, въ дровахъ нужды не имѣютъ. Въ богатой и сильной Россіи мужику тяжело разстаться съ такъ-называемыми прихотями, съ которыми онъ сжился: хочется винца, хочется пивца, хочется говядинки въ праздникъ покушать; въ недѣльный день мужику хотѣлось бы приварокъ къ щамъ и каши съ конопляным масломъ, или съ молокомъ, хотѣлось бы бабѣ платочекъ купить и хоть этимъ доказать свое спасибо за рубаху и исподнее платье, закупка и приготовленіе которыхъ внѣ заботъ самого крестьянина: это безотговорочная обязанность бабы... Вслѣдствіе этой-то, сравнительно говоря, большей зажиточности большинства земледѣльческаго населенія у насъ, чѣмъ во мно-

тихъ краяхъ за границей, меньшинство должно считаться бѣдняками, при отсутствіи тѣхъ условій, которыя бы дозволяли ему жить такъ же широко, какъ живутъ другіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири мужикъ, неимѣя хорошаго куска мяса къ обѣду и стакана чаю утромъ и вечеромъ, становится бѣднякомъ. Заставьте его только недѣлю прожить въ нетопленной избѣ и ѣсть одни щи — онъ прійдетъ въ совершенное отчаянье. Вообще говоря, нищенство, которому подверженъ у насъ небольшой процентъ населенія, свидѣтельствуя, съ одной стороны, объ обширности нуждъ и потребъ нашего простолюдья, съ другой стороны свидѣтельствуетъ сколько о малочисленности лицъ, испытывающихъ нищету, столько же и объ исключительности этого состоянія въ видѣ промысла.

Между-тѣмъ, какъ, обходя селеніе, я направился къ ярмаркѣ, туда же хлынули новыя толпы гуляющихъ. То были разряженныя въ-пухъ молодыя старки и старыя старухи, въ-сопровожденіи бородатыхъ кавалеровъ, стремившіяся на площадь людей посмотрѣть и себя показать. Народу въ Промзинѣ въ этотъ день собралось тысячъ тридцать, и, разумѣется, первое мѣсто на гульбищѣ занимали здѣшнія красавицы.

Одна изъ нихъ, набѣленная и нарумяненная бѣдовымъ образомъ, привѣтливо мнѣ поклонилась и поздравила съ праздникомъ; мнѣ большаго труда стоило разрѣшить свое недоумѣніе по этому случаю и догадаться наконецъ, что это была именно та старка, съ которою я проболталъ наканунѣ болѣе полчаса.

У вчерашней моей знакомки рыжеватыя брови, по чернотѣ и глянцовитости, вполнѣ могли теперь назваться соболиными; матовая блѣдность лица была сокрыта подъ толстымъ слоемъ румянъ, которыя здѣшнія франтихи покупаютъ въ уѣздныхъ аптекахъ въ мокромъ видѣ и въ порошкахъ; бѣлятся же онѣ просто-на-просто мѣломъ. Голова у моей старки была повязана шелковымъ соломеннаго цвѣта платочкомъ, но концы его спущены къ подбородку такимъ образомъ, что одна сторона лица, именно правая щека, подвергавшаяся вліянію горячихъ солнечныхъ лучей, была совершенно затѣнена платкомъ, другая же вполнѣ открыта, а упругая ткань примята рукою къ самому уху. Штофное лиловое платье, съ золотымъ галуномъ по подолу, походило нѣсколько на сарафанъ, хотя талья у него не по русскому, не по деревенскому обыкновенію, приходилась не около мышекъ, а тамъ, гдѣ тальѣ именно быть слѣдуетъ: это, разумѣется, придавало особенную прелесть пышной и роскошной груди. Платье было дорогое и стоило рублей пятьдесятъ серебромъ, навѣрно. Выпускные, бѣлые рукава сшиты были изъ тонкаго батиста, а легкій, обшитый рюшемъ, но весьма-широкій и доходившій до подола сарафана передникъ сдѣланъ изъ полосатой кисеи, бѣлой, съ узенькими розовыми полосками. Сверхъ тоненькихъ бѣлыхъ бумажныхъ чулокъ, на красивыя ножки моей старки надѣты были торжковскія, шитыя золотомъ, башмаки. Красавица, видимо, ими важничала: она павой выступала шагъ за шагомъ, придерживая пальчиками юпку и приподымая ее

повременамъ по-крайней-мѣрѣ на четверть аршина, особенно въ тѣхъ мѣстахъ улицы, гдѣ ѣдкая пыль лежала густыми ворохами.

Старка шла съ пріѣзжими гостями, молодыми супругами, съ полгода только какъ обженившимися. Молодой мужъ, худощавый мужчина невысокаго роста, надвинулъ себѣ на самыя брови высокую, кверху съуженную шляпу, съ широкими отвислыми полями. Новенькія онучи, высоко-обвязанныя поверхъ обыкновенныхъ крестьянскихъ синихъ шараваръ, обрисовывали чрезвычайно-нескладныя сухія ноги, обутыя въ лапти. Остальная часть наряда состояла въ короткомъ темнаго цвѣта армякѣ, надѣтомъ на-отпашь; изъ-подъ него широкой пунцовой полосой выглядывала александрійская рубаха, перевязанная, на ладонь ниже тальи, узенькимъ шелковымъ поясочкомъ. Худощавый крестьянинъ, любившій ходить шагисто, едва могъ умѣрять поступь, слѣдуя за старкой. Лицо его, выражавшее плохо-сдерживаемое довольство и собственною персоной и сознаніемъ важности знакомства съ зажиточною старкой, подернуто было горделивою и даже надменною миною, но безпокойные взгляды, безпрестанно бросаемые имъ по сторонамъ, доказывали или непривычность его къ такому блестящему обществу, въ какомъ онъ теперь находился, или особенную заботливость о ненарушимости покоя дражайшей половины, которую онъ велъ, какъ подобаетъ человѣку съ значеніемъ, подъ-руку.

Молодая супруга, здоровенная бабища, была втрое толще мужа и цѣлой головой выше его. Ей не было и двадцати лѣтъ, но гренадерскіе размѣры скрадывали красоту ея миловиднаго, раскраснѣвшагося отъ жара, какъ маковъ цвѣтъ, лица. Лѣвую свою руку она просунула мужу подъ-руку, а правую запустила себѣ за лацканы длинной коричневой «крутки», надѣтой поверхъ простаго, но совершенно-новенькаго синяго сарафана, отороченнаго цвѣтнымъ бумажнымъ галуномъ и усѣяннаго вдоль стана множествомъ дутыхъ мѣдныхъ пуговокъ. На головѣ у нея надѣтъ трехрогій повойникъ, обвязанный, для сбереженія отъ пыли, пестрымъ бумажнымъ платкомъ; на ногахъ тяжелые коты.

Меня научили отличать промзинскихъ дѣвокъ отъ крестьянокъ другихъ деревень тѣмъ, что первыя не носятъ кокошниковъ, не стягиваютъ платьевъ подъ-мышками и не поютъ пѣсенъ по деревенскому обычаю, то-есть не выѣзжаютъ на нижнихъ нотахъ, не басятъ, а поютъ унисономъ, отчаянно-звонкими, тонкими голосами, такъ, какъ поютъ дворовыя женщины и крестьянки ближайшихъ къ городамъ селеній.

Ярмарка была въ полномъ разгарѣ. Лавки раздвинулись въ нѣсколько рядовъ и молодые купчики зазывали честной народъ купить шали, платки, батисты разные, полутерно и штофныя матеріи. Въ свободныхъ мѣстахъ, между рядами торговцевъ, раскинуты рогожи и на нихъ, въ примѣрномъ порядкѣ, разложены гвозди, замки, очки, скобки, купоросъ, ухваты и складные ножички; на открытыхъ столахъ всюду виднѣлись ленты, бусы, цвѣтныя запонки, тесемки, снурки, булавки, наперстки, серьги съ бирюзой и драгоцѣнныя кольца изъ благородныхъ и неблагородныхъ металловъ. Важную статью торговли составляла и красная бумажная пряжа, лежавшая видными кипами около нихъ больше всего суетились Мордовки, у которыхъ въ обычаѣ

свою и мужнину одежду вышивать красною бумагой. Галантереей и разными интересными предметами набиты цѣлыя лавки; на-юру̀ лежали плисы, дорогіе кушаки, ситцы, бумажный кашемиръ... да чего тутъ не было? виднѣлись даже тѣ миньятюрные парасоли, которыя въ тридцатыхъ годахъ были и у насъ въ большой модѣ, но о которыхъ теперь даже и память исчезла. По концамъ рядовъ и въ разныхъ мѣстахъ базара стояли крытые навѣсомъ шалаши съ самыми роскошными лакомствами, съ пряничными коньками, съ соллатиками, съ позлащенными сердцами; винная ягода, изюмъ, шепталà, постила въ палочкахъ, лѣсные орѣхи со свищами и безъ свищей, сладкіе стручья, окаменѣлый черносливъ отпускались щедрою рукой за наличныя деньги. Множество возовъ, съ лошадьми, повернутыми хвостами къ публикѣ, манили къ себѣ тѣхъ покупателей, которые не обращали вниманія на мишуру и сласти. Въ телегахъ была мука, крупа, солома, лагушки съ дегтемъ, готовые кнуты и прочіе нужные въ хозяйствѣ предметы.

Было ужь далеко за̀-полдень; солнышко жгло и пекло; толпы народа приливали все болѣе-и-болѣе; по улицамъ раздавалось пѣніе на разные лады; многіе давно пообѣдали и, угостившись по праздничному, расхаживали теперь невѣрными стопами, съ пылавшими лицами и съ посоловѣлыми глазами. Изъ общаго увлеченія не изъяты были и женщины, хотя и извѣстно, что онѣ пьютъ вино не длятого, чтобъ гульнуть, а потому, что не опорожнить круговой стаканчикъ, въ крестьянскихъ понятіяхъ, гораздо-неучтивѣе, гораздо-оскорбительнѣе, чѣмъ въ нашемъ быту отказаться отъ карточки, вмѣстѣ съ которою очаровательная молодая хозяйка передаетъ приглашеніе на вистъ. Вотъ при этой-то надобности осушить круговую и понятно, почему въ нашихъ деревняхъ стаканъ съ виномъ отецъ съ поклономъ подаетъ даже малолѣтнему сыну, и даетъ къ нему прикоснуться: этого требуетъ обычай, а вовсе не желаніе заставить молодёжь принять участіе въ попойкѣ.

Какъ бы то ни было, а гулливыя толпы народа не могли на меня дѣйствовать благопріятно. Пробывъ понапрасну часа четыре между простымъ народомъ, съ цѣлью встрѣтить прежде-заинтересовавшую меня личность, я рѣшился разстаться съ шумнымъ гульбищемъ и воротился домой.

— Хорошо же вы обо мнѣ помните! Я сказалъ, еще съ мѣсяцъ назадъ, что мы ровно въ два часа будемъ сегодня обѣдать, а теперь, посмотрите, скоро половина третьяго, я больше полчаса васъ дожидаюсь!

Замѣчаніе это излилось изъ устъ сопутника, съ которымъ я выѣхалъ изъ Петербурга. Валерій Ивановичъ сдержалъ свое слово и ровно въ два часа пріѣхалъ въ Промзинò.

Въ тотъ же день, девятаго мая, вечеромъ, часу въ восьмомъ, выѣхали мы съ нимъ изъ Промзина и, оставивъ городъ Корсунь въ правой рукѣ, направились къ Симбирску.

Городъ Корсунь очень-маленькій и самъ-по-себѣ ничтожный городокъ, но онъ замѣчателенъ по двумъ довольно-обширнымъ ярмаркамъ,

троицкой и казанской. Въ Троицынъ-день здѣсь распродается товаровъ почти на двѣсти тысячъ рублей серебромъ, а 8-го іюля, въ день Казанской Божіей Матери, торговые обороты совершаются на половину этой суммы. Въ Корсунскомъ Уѣздѣ считается одинъ винокуренный заводъ, одинъ пивоваренный, одна фабрика писчебумажная и двѣ суконныя. Село Никитино и деревня Кобеляки отличаются исключительнымъ направленіемъ своихъ обитателей: здѣсь выдѣлываютъ однѣ поярковыя шляпы, а вообще по здѣшнему уѣзду много приготовляется войлоковъ.

Отъ села Уреня, отъ рѣчки того же названія, впадающей въ притокъ Суры, рѣку Барышъ, тянутся остатки вала прежней «симбирской черты», устроенной при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, для оберегания тогдашней юговосточной границы между Волгою и Дономъ. Эта военная линія, отъ самаго Симбирска тянулась въ предѣлы нынѣшней Пензенской Губерніи до существующаго понынѣ пригорода Атемара и до города Инсара. Черта эта состояла изъ землянаго вала со рвомъ, защищеннаго тыномъ и небольшими городками. На устройство этой длинной цѣпи простыхъ, но для тогдашняго времени достаточныхъ укрѣпленій употреблено было шесть лѣтъ, съ 1648 по 1654 годъ, впродолженіе которыхъ ежегодно работало отъ трехъ съ половиною почти до пяти тысячъ человѣкъ народу. Охраненіе этой линіи ввѣрено было сторожевому войску и казакамъ, число которыхъ простиралось до пятнадцати-тысячъ человѣкъ. Не прошло и полувѣка, какъ эта оберегательная линія была оставлена и отнесена далѣе къ югу: новая пограничная черта между Волгою и Дономъ, учрежденная Петромъ-Великимъ, названа была по городу Царицыну — «царицынскою».

Симбирская черта отъ Уреня идетъ на Тагай и далѣе до впаденія рѣчки Юшанки въ Сельдь (которая, въ свою очередь, впадаетъ въ Свіягу, а потомъ въ Волгу), потомъ тянется по самой Сельди, по правому ея берегу; у станціи въ селѣ Тетюши старый валъ выходитъ на самую почтовую дорогу, и пересѣкая ее съ лѣвой руки къ правой, прекращается, почти близъ самаго Симбирска.

Заселяя эту черту боярскими дѣтьми и разными служилыми людьми, царь Алексѣй Михайловичъ измѣщалъ ихъ богатыми помѣстьями; тучныя симбирскія земли жаловалъ онъ и боярамъ въ вотчину. Многіе изъ нихъ сводили крестьянъ съ прежнихъ своихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель, многіе привлекали мужиковъ отъ сосѣдей, отдавая имъ дѣвственныя нови въ полное распоряженіе; много укрывалось сюда и бѣглыхъ: и эти-то безпрестанные приливы народонаселенія вмѣстѣ съ неполною обезпеченностью землевладѣльцовъ отъ вторженія необузданныхъ кочевниковъ и лихихъ людей осѣдлаго быта служатъ объясненіемъ тому, что въ Симбирской Губерніи очень-мало малолюдныхъ селеній.

Народонаселеніе Симбирской Губерніи, въ томъ составѣ, въ которомъ она находилась въ 1850 году, простиралось до мильйона двухсотъ-тысячъ душъ обоего пола, въ томъ числѣ однихъ Татаръ, потомковъ старинной Мещоры и потому называющихъ себя Мишàръ, считалось

до восьмидесяти тысячъ душъ. Населеніе здѣшнее занято преимущественно землепашествомъ; но и скотоводство составляетъ замѣчательную отрасль промышленности: скота считалось приблизительно до двухъ съ половиною мильйоновъ головъ; половина этого количества приходилась на мелкій скотъ, а другая на крупный рогатый скотъ и на лошадей, того и другаго почти поровну. Судоходство совершается по двумъ главнымъ рѣкамъ, по Сурѣ и Волгѣ.

Въ 1846 году по Волгѣ прошло около 2,250 судовъ, съ грузомъ почти на шесть мильйоновъ рублей серебромъ; по Сурѣ прошло около 450 судовъ, съ грузомъ слишкомъ на три мильйона рублей серебромъ. Судорабочихъ всего было свыше 53,000 человѣкъ: на Волгѣ 33,000 и на Сурѣ 20,000 чел.

Въ 1849 году всѣхъ судовъ по обѣимъ рѣкамъ показано до двухъ тысячъ; на нихъ судорабочихъ двадцать тысячъ, а цѣнность груза около пяти мильйоновъ трехсотъ тысячъ рублей серебромъ.

Фабрикъ и заводовъ считалось сто-тридцать; цѣнность издѣлій, на нихъ выработанныхъ, опредѣлялась въ мильйонъ четыреста-тысячъ рублей серебромъ. Къ важнѣйшимъ фабрикамъ и заводамъ принадлежатъ кожевенные заводы въ Симбирскѣ, Сенгилеѣ и преимущественно въ Сызрани, славящейся обширнымъ приготовленіемъ юфти и другихъ видовъ кожевеннаго товара. Едва-ли не замѣчательнѣе здѣшнія суконныя фабрики: ихъ въ Симбирской Губерніи считается до девяноста. Помѣщики, владѣльцы этихъ фабрикъ, вырабатываютъ преимущественно армейское сукно для казны; до семисотъ-тысячъ аршинъ этого сукна поставляется на мѣстѣ, да, сверхъ-того, значительныя партіи сукна отправляются еще въ Казанскую Коммиссаріатскую Коммиссію. Въ дѣло идетъ шерсть какъ простыхъ, такъ и тонкорунныхъ овецъ, которыхъ здѣсь считается до ста-тысячъ головъ, а также и верблюжья шерсть, доставляемая изъ оренбургской и астраханской губерній.

Ярмарокъ учреждено въ Симбирской Губерніи очень-много, но замѣчательнѣйшая изъ нихъ такъ-называемая Сборная; на ней ежегодно распродается лошадей, хлопчатобумажныхъ издѣлій, суконъ, красокъ, сундуковъ, желѣза, желѣзныхъ и чугунныхъ издѣлій и разныхъ товаровъ на сумму болѣе полумильйона рублей серебромъ. На исправленіе натуральныхъ повинностей требуется ежегодно до ста-восьмидесяти-трехъ тысячъ лошадей и такое же количество рабочихъ, именно (за 1849 г.)

для подводной повинности 159,623 лошади и 122,533 проводника
для дорожной . . . . . 23,679 лошадей и 59,711 проводникъ.

О самомъ Симбирскѣ многаго сказать нѣчего, кромѣ-того, что городъ этотъ весьма-хорошо обстроенъ, что общество въ немъ блестящее, что дворянство мѣстное очень-богато и славится высокою степенью образованія, и что это въ полномъ смыслѣ уголокъ Москвы, съ ея привѣтливостью, гостепріимствомъ, широкимъ барствомъ и любовью къ наукамъ и изящнымъ художествамъ. Болѣе-подробныхъ свѣдѣній я дать не могу, потому-что прожилъ въ городѣ только двои сутки, а къ об-

ществу приглядѣлся въ домахъ мѣстныхъ представителей высшей власти.

Въ пятницу, двѣнадцатаго мая, вечеромъ выѣхали мы изъ Симбирска и тотчасъ же за городомъ замѣтили первые рои комаровъ: можетъ-быть, они и прежде гдѣ-нибудь намъ попадались, но вліянія подобной встрѣчи намъ не удавалось еще на себѣ испытать. Въ этотъ же день мы видѣли и первые, вполнѣ-распустившіеся кусты сирени.

Утро слѣдующаго дня настало восхитительное: на небѣ—ни облачка, въ воздухѣ — ни вѣтерка; небо все облито густою лазурью, поля покрыты яркою зеленью; казалось, каждое деревцо благоухало; но на душѣ было что-то тяжелое, а что̀ именно — и Богъ знаетъ! Дурной ли сонъ тому причиной, суевѣрная ли цифра наступившаго числа смущала немного, карканье ли во̀рона, перелѣтавшаго съ дерева на дерево, рядомъ съ нашимъ экипажемъ, и прямо на насъ выпускавшаго свои зловѣщіе крики, наводило на меня досаду, или, наконецъ, тревожилъ безпричинно-лопнувшій за утреннимъ чаемъ стаканъ — не знаю, но только оба мы, я и мой собесѣдникъ, сильно были не вѣдухѣ; на меня напала такая хандра, что и на свѣтъ-то Божій, казалось, не смотрѣлъ бы вовсе. Въ голову приходили такія дикія мысли...

Синева небесъ!... ка̀къ это звучно и ка̀къ пріятно глазу! Думаешь, что вѣдь и въ-самомъ-дѣлѣ весь міръ покрытъ хрустальнымъ колпакомъ: а это одна мечта! ни колпака, ни свода, ничего нѣтъ, ничего— одна даль, безпредѣльная даль, безъ границъ, безъ береговъ, безъ надежды встрѣтить наконецъ хоть гдѣ-нибудь твердое тѣло, опорную точку...

Яркая зелень полей!.. а что̀ въ ней толку? куда она годится? А вотъ, цвѣточки по травкѣ растутъ, пріятно па̀хнутъ, раскидываются узорами — отрадно и глазамъ и носу: да пользы-то что̀ въ этомъ, теперь, сію минуту? Ровно никакой! Любуешься направо, любуешься налѣво, а посмотришь впередъ, а за травкой да за муравкой чернѣется поле, усѣянное частыми ворохами свѣжаго навоза. И носъ и глазъ разочаровываются... Глупые! они не знаютъ, что въ этихъ-то ворохахъ и сидитъ существенная, общественная польза... А будетъ прокъ и въ яркой зелени полей. Надо погодить немножко. Вотъ какъ солнышкомъ-то молодую травку прожаритъ, да потеребитъ ее сѣкучимъ дождемъ, да опять зноемъ пропечетъ хорошенько, да скоситъ острой косой, да повысушитъ— ну вотъ тогда и будетъ прокъ: сѣно станетъ, скотамъ въ кормъ пойдетъ, вотъ и существенная польза.

Дерево благоухаетъ!... удивительное благоуханіе! особенно, когда этихъ благоухающихъ вѣтвей нарѣзать да связать изъ нихъ вѣникъ. Однѣ вѣтви, сами-по-себѣ, ни къ чему не служатъ, а вѣникъ вещь преполезная, особенно въ банѣ, а вѣдь русскій человѣкъ любитъ париться, а не то, можно и въ метлу обратить: метла вещь хорошая и тоже на многое пригодна...

Говорятъ, что новая метла всегда чисто мететъ. Не думаю, чтобъ это было вѣрно. Каковъ полъ и какова метла. Дворъ мести — вотъ такъ; а то куда метлѣ въ покои? ей ли по паркету шуркать! Метла— все метла; пока нова, потуда и годна; обметется—кинутъ. Не даромъ

говоритъ пословица: новая ложка—въ чести, а охлебается—подъ лавкой наваляется! А метлѣ-то какая честь подобаетъ?

Охъ ужь эта мнѣ тринадцатая цифра: который разъ она мнѣ не проходитъ даромъ!

Мы ѣхали чрезвычайно-быстро: часу въ одиннадцатомъ утра прибыли въ богатое село Усолье, гдѣ и нашли гостепріимный пріютъ и роскошный завтракъ у кореннаго Британца, главноуправляющаго усольскимъ имѣніемъ.

Настоящее свое названіе селеніе это носитъ потому, что, въ старинные годы, здѣсь происходила значительная выварка соли: но въ отличіе здѣшняго усолья отъ усолій другихъ мѣстъ, оно усвоило за собою прозваніе «Надѣинскаго», потому-что мѣстность эта, какъ сказано въ изданныхъ Археографическою Коммиссіею Актахъ: «съ варницами и со всякими варничными заводы, и съ крестьяны, и съ бобыли, и со всякими угодьи, и съ рыбными ловлями» отдана была гостямъ Надѣю и сыну его Семену Свѣтешниковымъ, а въ половинѣ семнадцатаго столѣтія Усолье это, со всѣми принадлежностями, пожаловано было царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ монастырю Рождества Пресвятыя Богородицы и великаго чудотворца Саввы Сторожевскаго. Монастырская братія рыбу, про монастырскій обиходъ, покупала на Яикѣ, у уральскихъ казаковъ, гдѣ и теперь производится обширный торгъ рыбой и рыбнымъ товаромъ. Рыбу везли съ Урала сухимъ путемъ, какъ и теперь, до Самары, о существованіи которой упоминается ужь въ актахъ, относящихся ко времени царствованія сына царя Іоанна Васильевича Грознаго, Ѳеодора Іоанновича. Въ Самарѣ въ то время собиралась казенная десятина, бывшая во времена царя Алексѣя Михайловича на откупу у гостя Владиміра Воронина, который былъ обязанъ доставлять въ Москву, на государевъ дворъ, на прежнемъ основаніи, по 486 бѣлугъ, по 4299 осетровъ и чалбышевъ (просто осетромъ называется большой, мѣрный осетръ, а чалбышемъ—полумѣрка, или осетръ, нѣсколькими вершками короче мѣрнаго осетра), по 600 стерлядей, по 566 пудъ по 30 гривенокъ икры, по 2,000 пучковъ вязиги и по 3 пуда клею, да новой къ тому наддачи по 60 бѣлугъ, по 240 осетровъ и по 108 пудъ 29 гривенокъ икры. Монастырской братіи, покупавшей рыбу у Уральцовъ, дозволено было безпошлинно провозить съ Урала по 1,500 бѣлугъ, по 2,500 осетровъ, по 1,500 стерлядей, по 300 пудовъ икры и по 2,000 пучковъ вязиги. Въ Усольѣ монастырская братья вываривала соль какъ для своей потребы, такъ и на продажу; для этой цѣли въ Усольѣ жили довѣренные люди, иногда пользовавшіеся разными обстоятельствами, которыя тоже, въ свою очередь, могутъ служить объясненіемъ причинъ многолюдности симбирскихъ селеній.

«Стольникъ нашъ и воевода Кирилла Пущинъ пишетъ (говорится въ одной грамматѣ на имя монастырскаго промышленика Леонтія Моренцова), что въ Самарскомъ Уѣздѣ, на Усѣ рѣкѣ, заведена десятинная пашня, а для той десятинной пашни построены острожки и надолобы: а ты-де тою землею завладѣлъ, и острожки и надолобы пожегъ, и у тѣхъ острожковъ, гдѣ было быть десятинной пашнѣ, за-

велъ слободы и набралъ изъ самарскихъ дворцовыхъ селъ и деревень крестьянъ, и Мордву и Чувашу, а изъ верхнихъ городовъ бѣглыхъ крестьянъ... къ Надѣинскому Усолью землею велѣно владѣть, какъ владѣли гости Надѣй и сынъ его Семенъ Свѣтешниковы, по тридцати четвертей въ полѣ, а въ дву потому жь, а нынѣ ты завладѣлъ, сверхъ той дачи, верстъ на двѣсти.»

Впослѣдствіи времени, когда населенныя имѣнія изъяты были изъ монастырской собственности, императрица Екатерина-Великая Усолье пожаловала графу Григорію Орлову, отъ него оно досталось брату его, графу Орлову Чесменскому, а потомъ перешло въ родъ Давыдовыхъ, въ качествѣ приданаго одной изъ его дочерей.

Усолье прилегаетъ къ самой Волгѣ, но съ почтовой дороги рѣки еще не видно. Отсюда идетъ крутой выгибъ Волги, извѣстный подъ названіемъ Самарской-Луки. Если луку эту огибать по самой рѣкѣ, то путь этотъ составитъ верстъ полтораста, а потому небольшія суда, идущія снизу, разгружаются иногда у деревни «Переволоки» и отсюда, сухимъ путемъ, волокомъ, черезъ село Рязань, доставляютъ товаръ къ устью рѣки Усы, къ селу «Жигулёвой Трубѣ»; тутъ хозяева снова грузятся на суда. Этимъ же путемъ слѣдуютъ и простые пловцы, выгадывая такимъ-образомъ больше ста верстъ: вмѣсто полутораста они дѣлаютъ только тридцать-пять верстъ.

Усолье и село Жигулы, или Жигулёва Труба, принадлежитъ одному и тому же помѣщику, который, кромѣ устья Усы, обладаетъ еще двумя затонами по правому берегу Волги. Затономъ здѣсь, а «проносомъ» въ Вятской Губерніи, называется глубокій рукавъ рѣки, врѣзавшійся въ материую землю, но другимъ концомъ несоединяющійся съ главнымъ русломъ; это безвыходное плёсо составляетъ какъ-бы рѣчной заливъ и служитъ превосходною гаванью; въ затоны вводятся суда для зимовки. Такихъ затоновъ по Волгѣ множество.

Берега Волги почти по всему пространству Самарской Луки, то-есть весь правый ея берегъ, чрезвычайно-гористы; горы эти слывутъ въ народѣ подъ названіемъ Жигулёвскихъ. Онѣ покрыты лѣсомъ и со стороны рѣки изобилуютъ «норами», или естественными и искусственными пещерами.

Жигулёвскія ущелья съизстари были притономъ бездомныхъ людей, занимавшихся грабежомъ. Волжскіе разбойники временъ царя Ивана Васильевича Грознаго, разрозненныя шайки Стеньки Разина и многія другія ватаги отчаянныхъ бродягъ, рыскавшихъ по широкому раздолью Волги; но еще и въ текущемъ столѣтіи, еще и въ наши времена проѣздъ въ этихъ мѣстахъ, и на сухомъ пути и по Волгѣ, былъ небезопасенъ, хотя нападенія на купцовъ и на купеческіе караваны, вслѣдствіе учрежденія флотиліи, называющейся гардкоутною командой, были ужь не въ такой степени сильны, какъ это прежде водилось. Въ послѣдніе годы разбои все болѣе-и-болѣе слабѣли, а съ 1848 года и совсѣмъ замолкли.

Изъ обнародованныхъ отчетовъ господина министра Внутреннихъ Дѣлъ, видно, что въ 1847 году въ «Жигуляхъ ограблено было всего-на-все только семь росшивъ и двѣ тихвинки; что грабители появля-

лись на суда вооруженные, но грабили только деньги и нѣкоторыя вещи, а не самую кладь, и что независимо отъ крейсирующихъ по Волгѣ военныхъ гардкоутовъ, приняты Министерствомъ особыя мѣры.» Во всеподданнѣйшемъ же отчетѣ господина министра, за 1848 годъ, сказано: «Съ цѣлію прекращенія, производившагося съ незапамятныхъ временъ грабежа судовъ на Волгѣ, преимущественно около такъ-называемыхъ Жигулёвскихъ Горъ, въ Симбирской Губерніи, приняты были Министерствомъ особыя мѣры; убѣжища, скрывавшихся въ сихъ горахъ бродягъ истреблены, а самые бродяги пойманы; вслѣдствіе того, во все продолженіе навигаціи 1848 года не только не произошло ни одного случая грабежа, но даже не оказывалось и покушеній къ нападенію на суда, чему дотолѣ не было примѣра.»

Воцарившееся съ той поры спокойствіе по Волгѣ и было причиною такого сильнаго развитія пароходства по этой рѣкѣ.

То, что̀ совершено было усиліями правительства въ 1848 году, вѣроятно, было бы еще ранѣе покончено, еслибъ хозяева судовъ и кладчики сами, съ своей стороны, содѣйствовали общему дѣлу упроченія тишины и порядка; а то возможно ли было дѣйствовать самыми вѣрными, неотразимыми средствами, когда судохозяева, подъ предлогомъ спѣшности собственныхъ дѣлъ, не заявляли о нападеніяхъ, которымъ сами подвергались?

Судохозяева, принявъ грузы на свои посудины, довѣряли ихъ лоцманамъ и водоливамъ, которые, разумѣется, радѣли больше о собственномъ спокойствіи, чѣмъ объ общественной пользѣ. Вооруживъ судно какой-нибудь чугунной пушчонной, они частенько не имѣли при себѣ ни золотника пороха для острастки грабителей; а если подчасъ и имъ запасались, то, развѣ, для салютовъ при проходѣ мимо городовъ, а не съ цѣлью пугнуть негодяевъ, для которыхъ нужны были нехолостые заряды.

Бурлаковъ на суда нанимали безъ разбора: было бы лишь дешево. Поэтому бурлаковъ, сравнительно съ грузомъ судна, было мало; тянуть лямку имъ было тяжело, а потому и естественно, что день-деньской изнуряясь въ тяжкой работѣ, бурлаки къ вечеру выбивались изъ силъ и уставали до послѣдней степени изнеможенія.

Послѣ этого можно себѣ представить, какого отпора могли надѣяться грабители, нападавшіе обыкновенно на тѣ суда, которыя бичевою шли снизу, въ Нижній или въ Рыбинскъ. И дѣйствительно, еще издали замѣтивъ судно, разбойники выходили изъ своихъ «норъ» на берегъ, прятались въ кустахъ и, поравнявшись съ толпою бурлаковъ, тащившихъ по берегу лямку, выбѣгали изъ засады и приказывали имъ остановиться. Бурлаки и сами рады были случаю отдохнуть маленько. Но если, при другихъ обстоятельствахъ, они и желали бы отпотчивать незванныхъ гостей по-своему, то истомленіе однихъ, недружность и разномысліе другихъ и страхъ у третьихъ къ оружію, которымъ грозили нападавшіе, лишалъ ихъ возможности сразу одолѣть свѣжаго и бодраго, хотя и немногочисленнаго непріятеля.

Мошенники, иногда всего три-четыре человѣка, а иногда и десятокъ, рѣдко больше, остановивъ на берегу лямочниковъ, громко вы-

зывали на палубу судна главнаго распорядителя, лоцмана, судохозяина или прикащика при товарѣ. Тѣ безпрекословно являлись на сцену, подходили къ борту, снимали шапки и отвѣшивали разбойникамъ низкіе поклоны.

— Вы, гости-купцы, люди богатые, кричалъ главный мошенникъ: — везете товары на ярмарки: подѣлитесь-ка съ нашимъ братомъ хлѣбомъ-солью!... Слышишь, что-ль?

— Слышимъ-ста, кормилецъ, слышимъ! Чего жь твоя милость прикажетъ?

— Да вышли намъ хоть куль-другой мучки, да четверичокъ-другой крупки, да соли маленько: за твое здоровье скушаемъ—тебя добрымъ словомъ вспомянемъ.

— Изволь, кормилецъ, не постоимъ на этомъ твоей милости; только самъ, что ль, къ намъ на посуду пожалуешь, али на берегъ велишь свезти?

— Хочешь добромъ раздѣлаться, вези лучше самъ сюда... А что хозяинъ: деньжишки у тебя въ казёнкѣ водятся? Скажи-ка правду: богатъ, аль нѣтъ?

— Богатъ не богатъ, а твоей милости поклониться найдемъ чѣмъ.

— А что, цѣлковичковъ пяточекъ удружишь?

— Передъ тобой, кормилецъ, на томъ не постоимъ!

— Ну такъ вези же!

— А твоей милости не супротивно будетъ, коли штофикъ винца пойдетъ на придачу?

— Вези, вези! Мы винца ужь давно не пивали!

Съ судна свозили деньги, вино, муку, крупу, соль—и дѣло кончалось самымъ дружелюбнымъ образомъ. Но если на крики бродягъ съ судна отвѣчали бранью, то грабители отвязывали запрятанную гдѣ-нибудь у берега лодку, переѣзжали на судно и, при помощи выбранныхъ ими изъ артели бурлаковъ, овладѣвали судномъ, то-есть связывали веревками находившихся тамъ лоцмана, водолива, кашевара и прикащика, дѣлали имъ разныя истязанія и грабили то, что было имъ нужнѣе, разумѣется, не до-чиста, а отнимали деньги и увозили вино, соль и съѣстные припасы, сколько можно ими было нагрузить челночокъ. Если же испытывали неудачу въ одномъ мѣстѣ, бродяги слѣдили за судномъ и, пользуясь удобною мѣстностью, сухопутьемъ обгоняли караванъ и нападали на него въ-расплохъ на другой, или на третій день не въ Жигуляхъ, а выше прежнихъ мѣстъ нападенія.

Не будь судовщики сами трусы, имѣй они подъ-рукою все, что нужно для противодѣйствія грабителямъ, будь они разборчивѣе при наймѣ бурлаковъ, разбойническая угроза «заворачивай сарынь на кичку!» давно бы вышла у народа изъ памяти. Судовщики нерѣдко разбойническія продѣлки прикрывали подъ тѣмъ предлогомъ, что необходимое въ такомъ случаѣ законное изслѣдованіе было бы задержкой урочнаго слѣдованія каравана. Разсчетъ извинительный развѣ только въ Хивѣ, а не въ образованномъ обществѣ, гдѣ исполненіе долга должно быть выше ничтожныхъ разсчетовъ.

Вотъ, зная эти-то обстоятельства и нельзя не проникнуться чувствомъ благодарности къ подвигу, совершенно, вполнѣ и навсегда обезпечившему безостановочное движеніе судоходства и вѣрное передвиженіе капиталовъ и дорогихъ грузовъ по Волгѣ, этой боевой жилѣ царства русскаго.

Чтожь касается до гардкоутной команды, или, какъ ее зовутъ прибрежные жители Волги, «гарьковой командры», то невстрѣчавшись съ ней въ переднемъ пути, а сталкиваясь во время обратнаго плаванія по Волгѣ, изъ Астрахани въ Нижній Новгородъ, мы о ней теперь ничего не будемъ говорить, отлагая все до будущаго времени.

Нашихъ крестьянъ многіе укоряютъ въ отсутствіи всякаго рода предпріимчивости, и въ неохотливости къ отъискиванію возможныхъ путей для увеличенія своего же благосостоянія. Можетъ-быть, я смотрю и односторонно, но мнѣ кажется, что упрекъ этотъ несовсѣмъ-основателенъ.

Кто изъ насъ не знаетъ, что всякое промышленное предпріятіе должно имѣть въ основѣ болѣе или менѣе-значительный денежный капиталъ. Говоря о московской, владимірской, нижегородской губерніяхъ, мы имѣли случай указать на различные мѣстные промыслы, дающіе нашему крестьянскому населенію средства къ безбѣдному существованію. Въ мѣстностяхъ, гдѣ народъ живетъ преимущественно земледѣліемъ, невсегда одно хлѣбопашество можетъ прокармливать крестьянскую семью. Крестьянину деньги дороги и тяжело они ему достаются, а между-тѣмъ, расходы его тоже значительны и весьма-цѣнны, сравнительно съ тою средою, въ которой земледѣльцы находятся. Крестьянинъ никогда не сидитъ склавши руки; онъ вѣчно въ трудѣ, вѣчно въ хлопотахъ. Мало ему земля приноситъ дохода, онъ выгадываетъ пользы или отъ домашняго скота, котораго у него у самого немного, или отъ домашней птицы, которая тоже у него немногочисленна. Мало ему этого, онъ выгребаетъ изъ печи золу, копитъ ее и потомъ продаетъ въ городѣ, торгуетъ оборышами холста и разнымъ тряпьемъ. Земля не требуетъ у него удобренія, онъ навозъ обращаетъ на другія потребы и всячески старается извлечь выгоды изо всего—то въ извозъ ходитъ, то членовъ своей семьи посылаетъ на заработки, то подряжается на рубку лѣса: онъ никакой работы не чуждается.

Въ тѣхъ краяхъ, черезъ которые я проѣзжалъ по дорогѣ къ Самарѣ, мѣста чисто-хлѣбопашественныя, сбытъ хлѣба всегда вѣрный, цѣна на него всегда хорошая, но и здѣсь мужика одно хлѣбопашество не прокормитъ вполнѣ и не обезпечитъ ему всѣхъ издержекъ.

Крестьянинъ, не одинокій, а семьянистый, пашетъ въ каждомъ полѣ, положимъ, по двѣ съ половиной десятины; зерна онъ высѣваетъ по двѣ съ четвертью четверти; хлѣба родится у него, и на озимяхъ и въ яровомъ, по восьми четвертей—урожай хорошій. Но изъ этого количества ему нужно отдѣлить по двѣ съ четвертью четверти на будущіе посѣвы, стало-быть, у него всего-на-все остается въ рукахъ шесть четвертей. Положимъ, что не весь этотъ хлѣбъ пойдетъ у него на прокормъ семьи, кое-что онъ и на базаръ сбудетъ, продавъ въ хоро-

шее время рожь и овесъ по четвертаку за пудъ, а пшеницу и по полтиннику. Но крестьянину, кромѣ прокорма, нужно и отопленіе; лѣсъ приходится иногда покупать на сторонѣ; нужно мужику и одѣться, купить сапоги, купить разныхъ матеріаловъ на платье; да на соль надо отложить пять рублей серебромъ, потому-что безъ восьми пудовъ соли ему не обойдтись; а сверхъ-того надо справить подушные и оброчные расходы. Крестьянинъ сознаётъ всю законность этихъ нуждъ и понимая, что отъ полевыхъ занятій остается у него много свободнаго времени, употребляетъ его съ пользою такимъ образомъ, чтобъ не только свести концы съ концами, но чтобъ подбавить еще и пріятностей въ скромной своей жизни. Живя при рѣкѣ, онъ иногда беретъ рыболовныя воды себѣ на аренду, снимаетъ мельницы; а не то, ткетъ холсты, выдѣлываетъ холстинку, занимается издѣліемъ валенаго товара, вяжетъ чулки и варежки, приготовляетъ грубое сукно и старается, невыходя изъ мѣста родины, неоставляя мѣстожительства, найдти какое-нибудь выгодное сподручное занятіе. Такъ и здѣсь. Въ Симбирскѣ нѣтъ камня, а онъ необходимъ: крестьяне открыли его въ Жигулёвскихъ Горахъ, ломаютъ его и, подъ названіемъ «дикарь», частью продаютъ его съ большою для себя пользою, частью сами употребляютъ его вмѣсто фундамента при своихъ крестьянскихъ строеніяхъ. Результатомъ этой предпріимчивости, трудолюбія, охоты и наклонности къ полезному препровожденію свободнаго времени то, что крайней, общей бѣдности я по дорогѣ не видалъ, а замѣтилъ повсюдное довольство большинства. Бываютъ причины неискупной бѣдности, но причины эти исключительны, или особенная, продолжительная болѣзнь главнаго работника въ семьѣ, или падежъ скотины, или непредвидимое несчастіе, или, наконецъ, закоренѣлость въ упорной лѣни, но такія причины не что иное, какъ рѣдкія исключенія изъ общаго правила.

Всю прилежащую Волгѣ часть Сенгилеевскаго и Сызранскаго уѣздовъ можно посправедливости назвать Швейцаріей: гористая мѣстность, глубокія ущелья, роскошные лѣса, восхитительныя мѣстоположенія, превосходный и здоровый климатъ — всего этого было достаточно, чтобъ подѣйствовать на хорошее расположеніе духа и прогнать хандру и грусть, томившую насъ съ самаго утра.

Мы выѣхали благополучно изъ села Жигулы, немного-позже полудня, часу во второмъ, или около двухъ. Жара была нестерпимая; въ воздухѣ душно и потому мы ѣхали довольно-тихо и ужь въ пятомъ часу прибыли въ село Аскуль. Перемѣнили лошадей. Поѣхали дальше.

— Валерій Иванычъ!

— Чего-съ?

— Вы спите?

— Нѣтъ; а что?

— Нѣтъ, такъ, ничего!

— Съ чего вы взяли, что я сплю?.. А вы спите?

— Нѣтъ; не сплю.

— Что жь вы дѣлаете?

— А ничего.

— Мечтаете?

— Нѣтъ.

— Припоминаете что-нибудь?

— Нѣтъ.

— Думаете?

— Нѣтъ.

— Ну и я тоже!.. Скучно!

— Скучно!

— Да вѣдь какъ скучно-то! не дай Богъ!

— И меня тоска томитъ!.. Да къ-тому же, мы и ѣдемъ-то трусцомъ, совсѣмъ не подавишнему.

— Видите жара какая... а все-таки сегодня будемъ ночевать въ Самарѣ: всего сорокъ верстъ.

— Да крикните вы на ямщика; почтальйонъ глупъ, что не понукаетъ: уснулъ, думаетъ, что и мы спимъ, а еще шестеркой ѣдемъ.

— Станція велика: двадцать-двѣ версты; пусть его ѣдетъ трускомъ; зато послѣ, вечеркомъ, какъ захолодитъ, легче будетъ ѣхать.

— У меня просто сердце ноетъ!

— И у меня тоже, да ничего, пройдетъ.

Мы замолчали и всю дорогу больше рта не разинули.

Намъ надо было взъѣхать на одну возвышенность, переѣхать ее вдоль на пространствѣ трехъ-четырехъ верстъ и опять спуститься въ долину. Лошади, утомясь вздымать грузный экипажъ на несовсѣмъ-пологій пригорокъ, потащились-было еще лѣнивѣе, но кучеръ догадался пристегнуть ихъ кнутишкомъ, и онѣ двинулись впередъ легонькой рысцой.

Вдругъ мы ощутили довольно-сильный толчокъ, какъ-будто экипажъ перескочилъ черезъ бревно. Мы ахнули полной грудью, насъ такъ и обдало ужасомъ.

— Несчастье!.. Боже мой! вскричали мы оба въ одинъ голосъ.

Экипажъ, принявъ направленіе въ сторону, медленно остановился.

Мы бросились съ своихъ мѣстъ и выпрыгнули на дорогу.

Предчувствіе насъ не обманывало. Въ одномъ мѣстѣ лежала лошадь, въ другомъ человѣкъ! То былъ молодой ямщикъ, ѣхавшій вершникомъ.

Я никогда не видалъ, какъ люди умираютъ, бросился къ нему, одной рукой приподнялъ голову несчастнаго, другой хотѣлъ ему сложить крестъ на правой рукѣ, но охолодѣвшая рука не слушалась, пальцы не гнулись; ни въ чемъ признака жизни!

Прочитавъ надъ такъ нежданно-погибшимъ послѣднія молитвы, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, мы, послѣ долгаго, скорбнаго, но безмолвнаго сѣтованія объ этомъ ужасномъ событіи, принуждены были обратиться къ почтальйону и ямщику съ разспросами: какъ это могло случиться? Я и мой собесѣдникъ поочередно разспросили и того и другаго, но оба они могли только объяснить, что одна изъ выносныхъ, именно та, которая была подъ форейторомъ, засѣкала ногу; послѣдній разъ она, должно-быть, наступила на острый камень, испугалась этого, сдѣлала курбетъ, а форрейторъ, по инстинкту само-

сохраненія, предчувствуя бѣду, бросилъ стремена и хотѣлъ соскочить въ сторону. Но, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божескаго произволенія, надо было случиться такъ, что въ это же самое мгновеніе у одной изъ коренныхъ лопнулъ хомутъ. Главный ямщикъ не смогъ, поэтому, сдержать лошадей, онѣ взяли немного въ сторону, колесо экипажа описало дугу — и вотъ, однимъ ударомъ, убило наповалъ и человѣка и животное.

— Будто зналъ, сердечный, что съ Божьимъ свѣтомъ простится! говорилъ сквозь слезы ямщикъ.

— А что?

— Да какъ же? Утрось, рано на зарѣ, пришелъ онъ въ ямщицкую. —«Что, молъ, ты, Алексѣй?»—«А что, говоритъ, дядюшка такое?»— «Аль нездоровъ?»—«Нѣтъ, слава Богу, ничего, молъ, здоровъ!»—«Да что жь, молъ, такой блѣдный? лица нѣтъ, парень, вовсе!» — «Ухъ, дядюшка, не говори: сосетъ змѣя утробу: быть бѣдѣ сегодня! говоритъ».—«Полно, Господь съ тобой, что ты?»—«Да чего «что»: смотри, де-скать, не умереть бы мнѣ!»—Парень былъ очередной. Прикатила повозка — Алексѣю ѣхать. Сталъ запрягать; жена прибѣжала, зипунишка принесла...

— И жена есть? спросилъ Валерій Ивановичъ.

— Какъ же, батюшка, жена!.. и дѣтки есть...

— И дѣти!.. Много?

— Двои, сударь! Да еще крошки: парень-то, вишь, молодой, года четыре всего женатъ... и жена-то красивая, да и самъ-отъ такой... упокой, Господи, его душеньку!—такой кроткій, смирёный.

— Ну, такъ какъ же... и уѣхалъ Алексѣй утромъ съ проѣзжимъ?

— И уѣхалъ, сударь!.. Только вотъ, тово, жена-то зипунишка ему принесла, сталъ онъ оболокаться, взялъ кнутъ, жена подала рукавицы, а онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на нее, да какъ кинется въ слезы... Обнялъ бабу-то, поцаловалъ ее, перекрестилъ: — «Ну, говоритъ, жена, прощай! Буди надъ тобой Господь Саваоѳъ, и вся сила небесная, Божья Матерь Заступница наша, и Никола угодникъ святой! Прощай, говоритъ, жена! Спасибо тебѣ за любовь да за ласку, береги дѣточекъ, а меня, говоритъ, не жди... можетъ, Господня воля!.. кто знаетъ?.. а всяко, говоритъ, живетъ: и къ добру случится, и къ худу...» Опять поцаловалъ жену, опять ее перекрестилъ; полѣзъ на облучокъ, махнулъ кнутомъ—только и было.

— Ну, да вѣдь онъ послѣ воротился?

— Воротился.

— Ну, что жь?

— А вонъ, извольте видѣть — вонъ онъ!.. Вѣдь таки умеръ!

— Коли онъ утромъ ѣздилъ, зачѣмъ же другой разъ поѣхалъ?

— Разгонъ великъ былъ, батюшка, да почта, да вотъ ваша милость пожаловали — до него и опять черёдъ дошолъ.

— Ну, а жена?

— Жена и не знала, чай, что онъ поѣхалъ: онъ цѣлый день въ ямщицкой сидѣлъ!

Надо было подумать и о томъ, что̀ намъ самимъ было дѣлать и какія предпринять мѣры.

Законъ у насъ для всѣхъ одинъ и тотъ же. Чиновникъ ли ѣдетъ, или купецъ, бѣдный ли, или богатый— законъ не разбираетъ и всѣхъ судитъ безъ лицепріятія. Надо было и намъ исполнить предписанныя закономъ обязанности.

— А что, Валерій Иванычъ, кабы ѣхалъ купецъ съ товаромъ, да торопился на ярмарку, да съ нимъ бы такой случай случился— вѣдь ему просто бы бѣда! Несмотря на всю невинность, ему бы пришлось испытать большую задержку, пока судъ не разберетъ дѣла.

— Что жь дѣлать! Несчастье!.. Богъ посылаетъ! Нельзя же купца за то, что онъ богатъ, изъять изъ общаго порядка законнаго теченія дѣлъ; надо изслѣдовать, не гналъ ли онъ лошадей, не приневоливалъ ли ямщика нестись во всю силу, не ускорилъ ли онъ, не былъ ли онъ причиной смерти человѣка.

— Да вѣдь и въ-отношеніи насъ надо изслѣдовать тѣ же вопросы?

— И будутъ изслѣдовать. Мы сами предадимъ себя необходимому аресту и поспѣшимъ довести обо всемъ до свѣдѣнія властей. Наша совѣсть чиста передъ Богомъ, но надо, чтобъ еще законъ очистилъ насъ передъ людьми.

Мы распорядились такимъ-образомъ. Трупъ оставили совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ лежалъ и не двинули съ мѣста. Карету поставили съ боку дороги, обративъ колесо такъ, чтобъ запекшаяся на шинѣ кровь была на виду. Ямщика съ четырьмя лошадьми и своего слугу оставили на мѣстѣ происшествія; почтальйона отправили верхомъ въ селеніе Борковку, гдѣ находилась слѣдующая почтовая станція, съ написаннымъ на клочкѣ бумаги донесеніемъ о несчастномъ случаѣ, а сами пошли вдвоемъ пѣшкомъ въ лежащую на дорогѣ деревню, кажется, Шелехмеву длятого, чтобъ, въ случаѣ пребыванія тамъ члена Земскаго Суда, объявить ему обо всемъ, или, по-крайней-мѣрѣ, повѣстить сотскаго и заставить его выслать къ тѣлу караулъ, понятыхъ, которые должны были при тѣлѣ оставаться, пока судъ пріѣдетъ.

До станціи оставалось верстъ семь съ небольшимъ, до деревни Шелехмевой верстъ пять или около того. Былъ восьмой часъ вначалѣ. Шелехмевскіе крестьяне всѣ изъ Мордвы, что̀ ясно выказывалось ихъ маленькими лапотками и чистыми, бѣлыми рубахами, съ красными прошвами и узорами по краямъ и подолу.

Недоходя сажень полтораста до деревни, мы встрѣтили высокаго крестьянина, въ суконномъ кафтанѣ, въ малопоношенной шляпѣ и съ жиденькою дубинкою въ рукахъ.

— Что̀ это за деревня? спросилъ я его, незная еще тогда имени селенія.

— Шелехмева, ваше благородіе.

— Гдѣ сотскій?

— Я сотскій, кормилецъ.

Когда мы подошли къ деревнѣ. Сотскій постучалъ дубинкой подъ окномъ угловой избы, шепнулъ что-то одному встрѣчному крестья-

нину, подалъ какой-то условный знакъ другому и меньше чѣмъ въ двѣ минуты, прежде чѣмъ я могъ осмотрѣться, изо всѣхъ избъ вышли опрятно-одѣтые мужики, назначенные къ походу; четыре-пять подводъ, въ отличномъ порядкѣ, стояли наготовѣ.

Сотскій мигомъ распорядился; назначилъ двадцать человѣкъ понятыхъ и въ ту же минуту отправилъ ихъ на мѣсто; подводы оставлены, потому-что было недалеко; одну изъ нихъ сотскій предложилъ намъ, но мы отказались.

Мы отправились дальше. Недоходя до Борковки, мы встрѣтили телегу: сельскій священникъ ѣхалъ ужь, по нашему извѣщенію, прочитать молитвы надъ тѣломъ усопшаго, но еще не для того, чтобъ отслужить панихиду и предать его христіанскому погребенію; для этого слѣдовало выждать судебнаго рѣшенія. За священникомъ проскакалъ еще какой-то господинъ, тоже въ телегѣ и по тому же направленію.

Былъ ужь часъ десятый въ половинѣ, какъ намъ возвратили нашу карету и предложили продолжать путь съ тѣмъ, чтобъ подать въ Самарѣ новое объявленіе и остаться тамъ безвыѣздно, впредь до разрѣшенія дѣла.

До Самары считалось всего, по маршруту, верстъ восьмнадцать, но, по причинѣ разлива Волги, намъ предстояло ѣхать верстъ двѣнадцать сухимъ путемъ и верстъ семь водой.

Еще съ вечерень вѣтеръ началъ крѣпчать; нагнало тучки. Теперь было совершенно-темно; погода была бурлива; на станціи намъ объявили, что перевозчики насъ неохотно повезутъ и просили остаться до завтра. Мы, однакожь, поѣхали, доѣхали до перевоза, но вой урагана, совершенная темень, шумное всплескиванье волнъ, издававшихъ фосфорическій свѣтъ и воспоминаніе о недавнемъ несчастномъ случаѣ принудили насъ не рисковать собой и не кидаться безъ надобности на явную опасность. Мы предположили совершить переправу ранёшенько на зарѣ, часу въ третьемъ утра.

У перевоза мы переночевали; но вчерашнее ли утомленіе отъ всѣхъ волненій, спокойствіе ли совѣсти, усыпительное ли вліяніе пустынныхъ плёсковъ и разсыпчатаго шипѣнія безпрестанно-разбиваемыхъ волнъ, или всѣ эти причины вмѣстѣ, только мы всю ночь проспали и сладко и крѣпко: насъ еле-еле добудились въ шесть часовъ.

У берега стояли два дощаника. Одинъ едва-едва могъ сдержать карету; лошадей поставили на другую посудину.

Вѣтеръ былъ штормовой и дулъ снизу. Волны горами вздымались, пѣнились, кипѣли, шипѣли, съ шумомъ набѣгали одна на другую и одна объ другую разбивались съ страшнымъ ревомъ. Огромныя расшивы на всѣхъ парусахъ, какъ птицы, летѣли изъ Саратова. У маленькихъ судёнышекъ бѣлѣлась только оснастка; какъ чайки, рѣзво шныряли они по сѣдымъ холмамъ разъяренной рѣки и, съ быстротою стрѣлы, мчались одно за другимъ по-вѣтру.

Мы сперва спустились на гребль; въ дормёзъ сильно парусило: ребята всей грудью налегали на вёсла. Прежде чѣмъ выѣхать на матёрую воду, намъ надлежало версты четыре пробираться кустами,

промежъ деревьевъ, которыхъ только однѣ верхушки выглядывали изъ-подъ воды.

Наконецъ добрались мы до главнаго русла и очутились ниже Самары, которая едва виднѣлась издали, сверкая золотыми крестами своихъ храмовъ. Рабочіе кинули весла, распустили паруса и мы понеслись противъ теченія, направляя бѣгъ по вѣтру.

Намъ надобно было переѣзжать рѣку въ косомъ направленіи. Судёнышко наше накренивало такъ, что волной заливало борта; насъ сильно качало; того и гляди, что ненадежныя подставки, скользкія жерди, выскочатъ изъ-подъ колесъ экипажа; того и гляди, что карета юркнетъ въ воду, дощаникъ перевернется—и мы пойдемъ ко дну. Мы выдержали множество жестокихъ ударовъ, отъ которыхъ, казалось, судно такъ и разнесетъ въ щепы; каждый девятый валъ обдавалъ насъ новымъ ужасомъ; перевозчики только крякали и не говорили ни слова; на такую погоду глядя, имъ было не до пѣсенъ. На ихъ рукахъ, на ихъ отвѣтственности были мы, незнакомые господа съ каретой—можно себѣ представить, какъ ихъ самихъ заботила удача нашей переправы!.. Насъ, что называется, таки порядкомъ «потрепало», но русское «авось» великое дѣло; мы сами пустились на-авось и преблагополучно пристали къ берегу, ужь послѣ полудня.

Было воскресенье, четырнадцатаго мая. Пристань усѣяна чернымъ народомъ. Лошади были ужь готовы, прибывъ нѣсколькими минутами ранѣе. Толпы народа окружали экипажъ, любуясь его отдѣлкой и отдавая хвалу прочности его колесъ. При нашемъ появленіи многіе шапки поснимали, кто безмолвно, кто съ усердными поклонами. По случаю праздника, многіе гуляли, иные успѣли ужь и подгулять, но все это было тихо и смирно и не выходило изъ опредѣленныхъ границъ.

Нужно ли прибавлять, что строгое, гласное для публики слѣдствіе о мертвомъ тѣлѣ было кончено въ-два дня! Случай смерти преданъ, по статьѣ закона, волѣ Божіей, тѣло рѣшено предать погребенію, а насъ признали къ дѣлу сему неприкосновенными. Чрезвычайная быстрота дѣлопроизводства можетъ служить прекраснымъ образцомъ исполнительности производителей, когда они одушевлены охотою ускорить ходъ дѣла.

VII.

Мартышки.

Городъ Самара лежитъ на луговой сторонѣ Волги. Кромѣ Волги, Самару съ противоположной стороны обтекаетъ впадающая въ Волгу же рѣка Самара, тоже удобная для сплава. Такое географическое положеніе города въ плодоносномъ Заволжьи, удобство путей сообщенія, скорый и быстрый подвозъ сельскихъ продуктовъ, обширное народонаселеніе, занятое исключительно хлѣбопашествомъ, постоянно богатые урожаи—все это вмѣстѣ поставило Самару на степень важнаго торговаго пункта по хлѣбной торговлѣ. Пунктъ этотъ, по сухопутному отпуску, находится въ постоянныхъ сообщеніяхъ съ городомъ Уральскомъ и съ Илецкой-Защитой, частью съ Уфой и Оренбургомъ, но гораздо-обширнѣе торговыя связи его водою, именно съ Казанью, Нижнимъ Новгородомъ, Рыбинскомъ и Петербургомъ.

Самара, какъ пристань, имѣетъ огромное значеніе въ волжскомъ судоходствѣ. Въ этомъ городѣ сосредоточено главное управленіе всѣхъ сплавныхъ пунктовъ, начиная отъ впаденія рѣчки Майны въ Волгу и до южныхъ границъ Симбирской Губерніи.

На этомъ пространствѣ Волга протекаетъ на протяженіи 464 верстъ. Ширина ея здѣсь бываетъ въ межѣнь отъ одной до двухъ съ половиною верстъ, а въ полую воду—отъ четырехъ до тринадцати верстъ. Глубина, въ межѣнь, до пяти футовъ, а въ разливъ выше меженныхъ водъ—до четырехъ съ половиною саженъ. Берега Волги песчаны, мѣстами съ примѣсью мелкаго камня; правый берегъ гористъ; по немъ тянутся покрытыя лѣсомъ Жигулёвскія Горы; лѣвый берегъ отлогій и безлѣсный; дно ровное и песчаное, отчего и мели переносятся теченіемъ съ одного мѣста на другое.

Въ весенній разливъ Волга отдѣляетъ отъ себя много рукавовъ, которые, совершенно закрывая низменныя прибрежья, побочными своими протоками образуютъ острова. Рукава эти бываютъ до такой степени широки, что искусные и хорошо-знакомые съ рѣкой лоцмана, проводятъ по нимъ, для сокращенія пути, свои суда, избѣгая быстринъ матёрой воды или извилистаго теченія главнаго русла. Значительнѣйшіе изъ этихъ рукавовъ образуются противъ самой Самары у села Рожествена, сорокъ верстъ ниже Самары—у села Екатериновки и около города Сызрани. Рукава эти называются «вòложками», а про-

звища свои заимствуютъ отъ мѣстъ, при которыхъ они образовались. Такимъ-образомъ, на указываемомъ пространствѣ, три значительнѣйшія волóжки: Рожественская, Екатериновская и Сызранская.

На этомъ пространствѣ въ Волгу впадаютъ слѣдующія рѣки.

Майна, вытекающая изъ Спасскаго Уѣзда Казанской Губерніи; все ея протяженіе простирается до 115 верстъ; она впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны, верстахъ въ шестидесяти выше Симбирска. Майна бываетъ судоходна только на восемь верстъ, начиная отъ устья, и то въ весенній разливъ.

Съ той же стороны впадаетъ въ Волгу и несудоходная рѣчка Большой Черемшанъ; длина его теченія полтораста верстъ. Рѣка Уса, впадающая въ Волгу съ правой стороны, а Сокъ съ лѣвой тоже несудоходны. Длина теченія каждой 110 верстъ.

Длина теченія Самары двѣсти-десять верстъ; она судоходна только въ весеннее время и только на семьдесятъ-пять верстъ. Рѣчка Безенчукъ вливается съ лѣвой стороны въ Воложку, при которой стоитъ село Екатериновка. Здѣсь выстроены амбары и существуетъ пристань, на которой грузится преимущественно пшеница. Рѣчка Сызрань впадаетъ въ сызранскую воложку: здѣсь тоже хлѣбная пристань.

Суда, которыя здѣсь плаваютъ, бываютъ исключительно-плоскодонныя; они раздѣляются на палубныя и безпалубныя. Къ первымъ принадлежатъ «барка» и «бѣляна», къ послѣднимъ всѣ остальные виды «ходовыхъ» судовъ.

«Барка» бываетъ до 20 саженъ въ длину, до 8½ саженъ въ ширину, до 10 аршинъ въ глубину, въ водѣ сидитъ 3 аршина. Minimum стоимости такого судна 1,000 руб. сер. Судорабочихъ бываетъ 24 человѣка; они нанимаются больше всего изъ Казанской Губерніи. Суда эти грузятся преимущественно лѣсными издѣліями и спиртомъ; ходятъ съ Камы, изъ Лаишева до Дубовки. На нихъ лоцманамъ платится въ одинъ конецъ 20 руб., а бурлакамъ за путину 10 руб. сер.

«Бѣляна» бываетъ длиной до 10, шириною до 4, вышиной до 2 саженъ; сидитъ въ водѣ 3 аршина; minimum стоимости 250 руб.

И барки и бѣляны строются преимущественно въ Варнавинскомъ и Ветлужскомъ Уѣздахъ Костромской Губерніи и на рѣкѣ Вяткѣ въ Мамадышскомъ Уѣздѣ Казанской Губерніи. Онѣ употребляются только для одного низоваго сплава; на окончательномъ пунктѣ онѣ продаются въ «разбойку», преимущественно на дрова и на легкія пристройки. Изъ Лаишева (Казанской Губ.) до Дубовки (Саратовской Губ.) онѣ доходятъ, при самой благопріятной погодѣ, недѣли въ четыре, а при неблагопріятной, при противныхъ вѣтрахъ, низовой ходъ тянется и до шести недѣль.

Къ палубнымъ судамъ принадлежатъ «коломенка», «тихвинка», «кладная», «дощаникъ», разныхъ размѣровъ «росшивы», «коноводная машина», «подчалки» и «баржи» при пароходахъ. У росшивъ, у дощаника, у кладной и у тихвинки стѣны судовъ ко дну съуживаются.

«Коломенки» ходятъ изъ Златоустовскихъ Заводовъ Троицкаго Уѣзда и изъ Суксунскихъ, Челябинскаго Уѣзда Оренбургской Губерніи;

грузъ ихъ состоитъ преимущественно изъ желѣза, больше казеннаго, а отчасти и изъ деревянныхъ издѣлій. Длина коломенки бываетъ 19 саженъ, ширина $4^{2}/_{3}$ аршина, вышина $3^{1}/_{2}$ аршина, осадка $2^{1}/_{4}$ аршина; грузу поднимаютъ до 9,000 пуд., minimum цѣнности 300 руб. сер.; судорабочихъ десять человѣкъ, все заводскіе люди; ходятъ до Дубовки; назадъ не возвращаются.

«Дощаникъ» бываетъ длиной 8 саженъ, шириной 2 сажени, вышиной $2^{1}/_{4}$ аршина, осадка $1^{3}/_{4}$ арш.; стоитъ 350 руб.; грузу поднимаетъ до 4,000 пудовъ. «Кладнушка» бываетъ аршиномъ шире и полуаршиномъ выше дощаника; сидитъ 2 аршина; грузу поднимаетъ 6,000 пуд.; стоитъ 800 руб. сер. «Тихвинка» еще больше: до сорока аршинъ въ длину, до 13 аршинъ въ ширину, въ $3^{1}/_{2}$ аршина вышины и съ осадкой на $2^{1}/_{2}$ аршина; грузу поднимаетъ 7,000 пудовъ; стоитъ не менѣе 900 руб. сер. Строютъ ихъ въ Балахнинскомъ и Макарьевскомъ Уѣздахъ Нижегородской Губерніи, и въ Мологскомъ и Тихвинскомъ уѣздахъ Ярославской Губерніи. Ходятъ и внизъ и вверхъ по Волгѣ, при попутномъ вѣтрѣ на парусахъ, а въ тихое время «тягою» лямокъ по берегу (особо-устроеннаго бечевника на Волгѣ, по естественнымъ причинамъ, нѣтъ) и «подачею», то-есть посредствомъ завозки якорей.

Самая большая «росшива» такъ называемая «коннопарусная», поднимаетъ грузу до 50,000 пудовъ и стоитъ до 10,000 рублей серебромъ; на ней люди на лямкахъ не работаютъ, ни по берегу, ни на подачѣ: якоря вытаскиваются коннымъ приводомъ. Коннопарусная росшива, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигаетъ изъ Нижняго въ Самару въ недѣлю или въ восемь дней, при неблагопріятныхъ — въ двѣ недѣли, а изъ Самары въ Нижній, даже и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, нельзя поспѣть скорѣе, какъ въ сорокъ дней. Небольшая росшива поднимаетъ грузу тысячъ восемь пудовъ; стоитъ она 1,000 руб. сер.; длина ея 9 саженъ, при соотвѣтствующей ширинѣ и высотѣ. Росшивы строютъ больше прибрежные жители уѣздовъ Юрьевецкаго Костромской Губерніи, и Макарьевскаго и Балахнинскаго Нижегородской Губерніи. Грузъ ихъ, при верховомъ ходѣ, состоитъ изъ пшеницы и сала.

«Коноводная машина» имѣетъ самую неуклюжую конструкцію. Она бываетъ до 36 саженъ длины, 7 саженъ ширины, $3^{3}/_{4}$ аршина вышины и сидитъ въ водѣ почти на цѣлую сажень. Сверхъ палубы строится еще деревянная палатка (надъ коннымъ приводомъ) и избы для судовщика и прислуги, а также и помѣщеніе для бурлаковъ. Такая махина стоитъ до 50,000 руб. ассигнаціями, а грузу принимаетъ до 60,000 пудовъ, помѣщая его на свои подчалки. При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, «коноводная машина» — «конномашинное судно» тожь — идетъ вверхъ въ сутки до пятнадцати и даже до двадцати верстъ, а при неблагопріятныхъ и двухъ верстъ не сдѣлаетъ въ цѣлыя сутки. Внизъ по рѣкѣ, при хорошей погодѣ, она дѣлаетъ 50 верстъ, а при противномъ вѣтрѣ кидаетъ якорь и стоитъ на мѣстѣ. «Машиною» судно это называется потому, что, для подъема якорей, устроенъ конный приводъ. При слѣдованіи конномашиннаго судна вверхъ съ четырьмя подчалками, употребляется бурлаковъ бо-

лѣе восьмидесяти человѣкъ, да лошадей до полутораста головъ; лошади раздѣляются на три смѣны, и на каждой работаетъ до 50 лошадей; люди употребляются для обыкновенной судовой прислуги и для ухода за рабочими животными и чистки конюшень и рабочей палатки. Рабочіе все изъ Владимірской, да изъ Рязанской Губерніи. На такой машинѣ бываетъ 14 якорей: восемь «на-рыскѣ», каждый въ 15 пудовъ, пять «ходовыхъ», каждый отъ 70 до ста пудъ вѣсомъ, и одинъ «становòй», въ полтораста пудовъ; кромѣ-того, на каждомъ подчалкѣ по пятидесятипудовому становòму якорю. На самомъ суднѣ и на каждомъ подчалкѣ бываетъ по одной шèймѣ «варòвенныхъ» снастей, то-есть канатовъ и веревокъ, на машинѣ двѣсти пудовъ, а на подчалкахъ—полукосячныя шеймы, до 150 пуд. вѣсу: завòзень, то-есть лодокъ, съ которыхъ закидываются ходовые, подвигающіе судно якоря, при машинѣ четыре, на каждую полагается по пяти косяковъ снасти, въ 250—300 пуд. вѣсу. Рабочіе нанимаются большею-частью изъ Муромскаго Уѣзда; жалованье имъ 7 рублей за путину.

Самые большіе паруса употребляются на коннопарусной росшивѣ. На росшивѣ, поднимающей до 50,000 пуд. груза, парусъ шьется изъ 75 концовъ «канифасу», каждый длиною въ 50 аршинъ: за одно шитвò, сшивку и обшивку паруса платится до ста рублей серебромъ.

На пространствѣ отъ устья рѣчки Майны до Сызранской Вòложки всѣхъ мѣстъ, гдѣ грузятся суда, считается двадцать-одно: село Майна, городъ Симбирскъ, село Шиловка, урочище Тархановское, городъ Сенгилей, деревня Бектяшки, село Хрящовка, деревня Ѳедоровка, городъ Сызрань, деревни Новые-Костычи и Рязань, сёла Обшаровка, Жегулиха и Аскулы, деревни Отважная, Осиновка, сельцо Покровское или Марквашй, и сёла Царевщина, Екатериновка и Новодѣвичье. Наконецъ Самара.

Изъ сызранской пристани отправляется пшеница, пшено и живыя стерляди; изъ Новыхъ-Костычей и Обшаровки только пшеница; изъ Рязани брусовый камень; изъ Екатериновки — пшеница, изрѣдка рыба севрюга и илецкая каменная соль; изъ Симбирска хлѣбный товаръ, преимущественно ржаная мука, и лѣсныя издѣлія, доски, смола, лубья, обручи, дуги, колеса, ободья, лопаты и тому подобная мелочь. Изъ Хрящовки — мука ржаная, частью гречневая крупа; изъ Майны преимущественно овесъ и обручи; изъ Сенгилея ивовое и дубовое корьё, ржаная мука, овесъ, солодъ; изъ Новодѣвичьяго—разная мелочь мануфактурная; изъ Шиловки—преимущественно плуты и балберы изъ òсокори для Астрахани, ивовое и дубовое корьё, мѣлъ и известь въ Саратовъ. Изъ Жегулихи—известь и, частью, дрова; съ Тархановскаго Урочища только обручи; изъ Марквашей—известь, дрова и орѣхи; изъ Царевщины — бревна, изъ Ѳедоровки, Бектяшекъ и Отважной—дрова; изъ Аскула и Осиновки—кленовыя плахи, вязовые колесные скаты, дубовые колья, оси и ступицы.

Чтобъ уяснить себѣ относительную важность каждой изъ этихъ пристаней, мы можемъ привести слѣдующія, добытыя нами оффиціальнымъ путемъ, данныя за 1849 годъ. Въ-теченіе навигаціи этого года

Изъ села Новодѣвичьяго	отошло	судовъ	1	съ 3	челов. бурлаковъ
— дер. Осиновки	—	—	1	— 4	— —
— сел. Царёвщины	—	—	1	— 5	— —
— дер. Ѳедоровки	—	—	1	— 5	— —
— сел. Аскулъ	—	—	1	— 6	— —
— дер. Отважной	—	—	1	— 7	— —
— уроч. Тархановскаго	—	—	1	— 7	— —
— дер. Бектяшки	—	—	2	— 12	— —
— сел. Хрящовки	—	—	3	— 16	— —
— дер. Рязани	—	—	1	— 16	— —
— сел. Майны	—	—	3	— 29	— —
— селц. Марквашей	—	—	5	— 29	— —
— дер. НовыхъКостычей	—	—	1	— 32	— —
— сел. Обшаровки	—	—	1	— 37	— —
— сел. Жегулихи	—	—	7	— 38	— —
— гор. Симбирска	—	—	8	— 42	— —
— гор. Сенгилея	—	—	12	— 78	— —
— гор. Сызрани	—	—	5	— 164	— —
— сел. Шиловки	—	—	21	— 165	— —
— сел. Екатериновки	—	—	17	— 507	— —
а изъ города Самары	—	—	387	— 14,281	— —

Стало-быть, въ сравненіи съ Самарою, всѣ остальные двадцать пунктовъ совершенно-ничтожны. Въ число общаго итога, грузившихся въ Самарѣ судовъ вошли: 7 конномашинныхъ судовъ, 21 подчалокъ, три коннопарусныя судна, 265 росшивъ, 32 дощаника, 36 кладныхъ, 1 полубарка, 17 тихвинокъ, 2 коломенки, 1 шитикъ и двѣ лодки. О пароходахъ никакихъ свѣдѣній за 1849 годъ не оказалось.

Что касается до мѣстъ, куда грузы были назначены, то 12 судовъ отошли въ Кострому, 15 въ Ярославль, 55 въ Нижній Новгородъ, 79 въ Казань, 125 въ Рыбинскъ; остальныя 24 судна въ разныя мѣста, 17 въ Низовые города: Саратовъ, Дубовку и Астрахань, а семь въ разныя города верхо̀выхъ губерній.

Изъ Самары въ эти мѣста отправлено было въ 1849 году на судахъ (по частнымъ свѣдѣніямъ):

Разнаго хлѣбнаго товара, преимущественно пшеницы кубанки, а по-здѣшнему бѣлотурки, до пяти милльйоновъ пудовъ, по приблизительной оцѣнкѣ, на два съ половиною милльйона рублей серебромъ; сала до шести сотъ тысячъ пудъ, на милльйонъ семь-сотъ тысячъ рублей серебромъ; соли илецкой и ельтонской болѣе ста тысячъ пудъ, на сорокъ-семь тысячъ рублей серебромъ; льнянаго сѣмени болѣе пятидесяти тысячъ пудовъ, тысячъ на сорокъ серебромъ; марены, солодковаго корню и сѐрпухи тысячъ тридцать пудовъ, тысячъ на пятьдесятъ серебромъ. Кромѣ-того меньшими массами въ Самарѣ грузятъ на суда рыбу разную, веревки, якорья, дрова, тесъ, плахи, брусья, жерди, скипидаръ, поташъ, шадрикъ, деготь, смолу, баранину соленую, шерсть овечью, коровью и верблюжью, копыта, рога, роговыя стружки, конскій волосъ въ хвостахъ и гривахъ, скотской пухъ, ко̀шмы, клей мездровый, сырыя кожи коровьи,

коневьи, верблюжьи, козловыя, шкуры заячьи и сайгачьи, овчины бараньи, шитые тулупы, штыковую мѣдь, хлѣбный спиртъ, масло коровье, мѣлъ и прочія мелочи, такъ-что всю цѣнность грузовъ, при самой умѣренной оцѣнкѣ, люди, хорошо знакомые съ дѣломъ, опредѣляютъ по-крайней-мѣрѣ мильйоновъ въ пять серебромъ. Годъ на годъ, конечно, не приходится, и 1850 годъ обѣщалъ Самарѣ еще значительнѣйшіе обороты. Съ открытіемъ навигаціи, по 15 мая изъ Самары было уже отправлено клади на шесть съ половиною мильйоновъ рублей серебромъ, тоже, разумѣется, по самой скромной оцѣнкѣ.

Цѣнность предметовъ, сплавляемыхъ къ Самарѣ и здѣсь выгружаемыхъ, доходитъ до мильйона рублей серебромъ. Сюда привозятся мануфактурныя издѣлія, колоніальные товары, вино, плоды, какъ изъ Закавказья, такъ и изъ приволжскихъ губерній, какъ, напримѣръ, яблоки, груши, лимоны, лѣсные орѣхи, арбузы и тому подобное, валеный товаръ, желѣзный и скобяной товаръ и прочее.

Особенно-замѣчателенъ привозъ лѣснаго товара, стоимость котораго, по приблизительной оцѣнкѣ, доходитъ до 150,000 рублей серебромъ. Этой частной оцѣнкѣ полной вѣры дать нельзя, потому-что мелкое купечество, объявляя цѣны своей клади, иногда показываетъ ее менѣе настоящей цѣны. Изъ оффиціальныхъ же свѣдѣній видно, что въ 1849 году въ Самару доставлено было до 25,000 бревенъ, до 15,000 брусьевъ, до 12,000 тёсу, до 50,000 штукъ разнаго рода кольевъ, шестовъ и жердей; болѣе 5,000 штукъ ящиковъ и сундуковъ, болѣе 5,000 пуд. дегтю, до 4,000 пуд. смолы, около 200,000 штукъ мелкой деревянной посуды; кромѣ-того, везутъ цѣлыми судами дрова, мочалу, лубьё, колесные скаты, оси, поддоски, уголь и прочую мелочь.

Виноградныхъ винъ тоже привезено довольно: около 1,500 ведръ и, кромѣ-того, около 400 ящиковъ; спирту и водки болѣе 10,000 ведеръ. Цѣнность всѣхъ этихъ статей доходитъ до 80,000 рублей серебромъ.

Чаю доставляется въ Самару Волгой около 250 мѣстъ, сахару до 50,000 пудъ, что̀ составляетъ тоже около 80,000 рублей серебромъ.

Разнаго металла и металлическихъ издѣлій въ Самарѣ выгружено до 50,000 пудовъ, болѣе, чѣмъ на 150,000 рублей серебромъ.

Подъ сплавомъ всѣхъ этихъ товаровъ было: изъ пунктовъ, лежащихъ ниже Самары (Саратова, Дубовки, Астрахани) 2 росшивы, 2 дощаника, 1 кладная, 1 лодка при 114 судорабочихъ; а изъ пристаней, лежащихъ выше Самары, особенно изъ Казани и преимущественно изъ Нижняго Новгорода: росшивъ 26, дощаниковъ 25, кладныхъ 13, три барки, двѣ полубарки, три коломенки, двѣ тихвинки, одинъ мокшанъ, одинъ парòмъ, 9 лодокъ и 37 плотовъ при 877 судорабочихъ; всего-на-все 90 судовъ, 37 плотовъ и 985 судорабочихъ.

Стало-быть, изъ всего количества бурлàковъ, стекающихся въ Самару съ весны, только около 6½ % имѣютъ надежду въ концѣ лѣта возвратиться въ Самару съ вѣрнымъ заработкомъ; остальные же 93½ % должны отыскивать себѣ другіе благонадежные пути къ снисканію пропитанія. Этимъ объясняется, почему бурлàки преимущественно бываютъ изъ верховыхъ, избыточествующихъ народонаселеніемъ гу-

берній. Они «сѣгаютъ» то-есть сплываютъ на маленькихъ судёнышкахъ на-низъ за работой, безъ всякой клади, раннею весной, съ исключительною цѣлью возвратиться съ нажитою копейкою домой къ концу лѣта, когда руки бываютъ дороги. Изъ низовыхъ же губерній, крестьяне не ходятъ въ бурлаки, потому-что пребываніе ихъ въ родномъ углу неизбѣжно-нужно, за недостаточностью рабочихъ рукъ на полевыхъ работахъ.

Сколько изъ Самары отправляется и сколько подвозится къ ней товаровъ сухопутьемъ — мнѣ неизвѣстно. Можно сказать только одно, что отсюда въ верховые города гужомъ рѣшительно никакихъ тяжестей не отправляется, но обозы ходятъ отсюда въ Уфу, Оренбургъ, Уральскъ, особенно послѣ Нижегородской Ярмарки, съ разными товарами, каковы: чай, сахаръ, шелковыя и бумажныя ткани, пряные коренья, краски, выдѣланныя кожи, мѣдныя, желѣзныя и стальныя издѣлія, словомъ, всѣ принадлежности, необходимыя для всѣхъ состояній народа.

Соль изъ Илецкой Защиты возятъ въ Самару больше лѣтомъ, отчасти и зимой; вощики—жители Оренбургской Губерніи, соль перевозятъ на волахъ, но вощиковъ здѣсь называютъ не чумаками, а фурщиками. Изъ Уральска везутъ на Самару разную «коренную» рыбу, а зимой и свѣжую, также и всѣ виды рыбнаго товара: икру, клей, вязигу.

Съ весны цѣны за провозъ рѣдко бываютъ ниже рубля ассигнаціями, по причинѣ разлитія рѣкъ и затруднительности въ переправахъ; лѣтомъ же постоянная цѣна полтина и шесть гривенъ съ пуда, а зимой тридцать-пять и сорокъ копеекъ, ассигнаціями же, съ пуда, и въ Оренбургъ и въ Уральскъ почти одинаково. Но въ Уральскъ берутъ дешевле, потому-что изъ него везутъ обратно разную кладь, преимущественно рыбные товары; изъ Оренбурга же возвращаются почти всегда съ пустыми руками. Провозъ водой тоже дешевъ: до Казани берутъ 5 и 7 коп. сереб., въ Рыбинскъ 8 и 10 коп. сер.; пассажиры же на пароходахъ платятъ различно, смотря по благорасположенію и произволу управляющихъ пароходами частныхъ компаній. Если человѣкъ, съ виду, позажиточнѣе, съ него берутъ дороже, если сближается срокъ ярмарки—еще дороже; черный народъ помѣщаютъ на баржахъ въ маленькихъ, душныхъ каютахъ, съ утра раскаляемыхъ знойными солнечными лучами. Каюты, для легкости и прочности, обиты листовымъ желѣзомъ, окрашеннымъ темносѣрою краской. Такъ было два года тому назадъ, но, Богъ дастъ, всевозможныя улучшенія не преминутъ появиться и на баржахъ.

Въ Самарскомъ и въ Ставропольскомъ Уѣздахъ сѣютъ, какъ извѣстно, преимущественно пшеницу-бѣлотурку. Разсчитываютъ, что обработать десятину стоитъ 85 рублей ассигнаціями. Пустопорожнія земли берутся въ кортому; здѣсь въ обычаѣ говорить не «снять въ оброкъ», а «купить земельки». За съемку одной десятины платится отъ одного рубля ассигн. до полтины серебромъ; запахать десятину для посѣва стоитъ отъ 10 до 14 руб. асс., разумѣется, чѣмъ болѣе упустишь времени, тѣмъ обработка обойдется дороже. Владѣлецъ та-

кой земли передаетъ ее въ этомъ видѣ другому лицу уже за 18 и даже за 25 руб. асс. Если десятину засѣять бѣлотуркой, что обойдется рублей въ 18 ассигнаціями, то, въ этомъ видѣ, она переуступается въ другія руки уже за 60 или 65 руб. асс. При обыкновенно-хорошемъ урожаѣ, съ десятины снимается, говорятъ, отъ 60 до 80 пудовъ, а каждый пудъ продается не выше 50 коп. сер. Изъ этого разсчета ясно можно видѣть, въ какой степени хлѣбная операція въ Самарѣ заманчива и въ какой степени благосостояніе владѣльцовъ и купцовъ-кортомщиковъ лѣваго берега Волги обезпечено прочно. Пустопорожнія земли берутся въ кортому особыми промышленниками изъ разныхъ классовъ и переуступаются, съ большою выгодою, иногда черезъ вторыя руки въ третьи, крестьянамъ; впрочемъ, все пространство оброчныхъ статей, снятыхъ этимъ классомъ уже отъ аферистовъ, неочень-значительно въ-сравненіи съ пространствомъ пахатныхъ земель, принадлежащихъ другимъ сословіямъ.

Съ развитіемъ пароходства, парусное судоходство начало принимать гораздо-ограниченнѣйшіе размѣры; тысячи народа, находившаго вѣрный хлѣбъ въ бурлачествѣ, принуждены теперь обратиться къ болѣе-полезнымъ занятіямъ, и это направленіе ихъ дѣятельности какъ нельзя лучше согласуется съ пользами самарскаго купечества, представители котораго задешево нанимаютъ прежнихъ бурлаковъ для обработки обширныхъ своихъ полей достаточнымъ количествомъ рукъ. Обработанной земли здѣсь никто задешево не уступитъ другому; а чтобъ запахать новь, нуженъ основной и довольно-значительный капиталъ, завести который не всякій въ-состояніи. Новины пашутъ волами: лошадьми тутъ ничего не сдѣлаешь, для маленькаго крестьянскаго хозяйства, каково хозяйство, напримѣръ, у переселенцовъ, нельзя обойдтись безъ четырехъ паръ воловъ, безъ хорошаго плуга; нуженъ домъ, изба, телега и другія необходимыя въ домашествѣ мелочи, и безъ 500 руб. сер. тутъ нечѣмъ извернуться. По этому-то и понятно, что вся хлѣбная операція здѣсь находится исключительно въ рукахъ капиталистовъ, помѣщиковъ и купечества. Центръ главнаго скупа хлѣбнаго товара и отпуска его—Самара.

Хлѣбные амбары въ Самарѣ расположены по усть-Самарѣ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ берега. Съ самой ранней весны здѣсь начинается перегрузка хлѣба изъ амбаровъ на суда; количество его огромно; бѣдныхъ людей на работу стекается множество. Люди эти, подъ общимъ названіемъ «крючниковъ» или «носильщиковъ», состоятъ изъ бѣднѣйшихъ самарскихъ гражданъ и изъ собравшихся здѣсь бурлаковъ; они обязаны имѣть, по обыкновенію, для ссыпки зерна, собственные мѣшки, вмѣщающіе, какъ водится, по два пуда зерна. Разстояніе отъ хлѣбнаго амбара до судна рѣдко бываетъ больше пятидесяти шаговъ; плата за носку копейка ассигнаціями съ пуда. Въ день легко заработать полтину серебра, но выдаются такіе проворные крючники, что наживаютъ въ день до четырехъ рублей ассигнаціями. Такимъ-образомъ, считая разстояніе это въ 15 саженъ, выйдетъ, что сильный крючникъ въ-теченіе дня пронесетъ на своихъ плечахъ всего-на-все четыреста пудовъ тяжести; шесть верстъ пройдетъ съ двумя

пудами на спинѣ, шесть верстъ порожнякомъ, всего сдѣлаетъ четыреста концовъ, туда двѣсти и обратно двѣсти. Въ иные годы въ Самарѣ за одну погрузку судовъ въ народѣ расходится до 25,000 руб. сер.

При такомъ изобиліи зерновыхъ хлѣбовъ, понятно, почему въ здѣшнихъ мѣстахъ нѣтъ картофеля. Картофель—сущая благодать и большое подспорье хлѣбу тамъ, гдѣ его нѣтъ, или очень-мало; а что за радость помѣщику засѣвать имъ необозримыя поля тогда, когда онъ ему нуженъ только для супа, да для жаркàго? Чтобъ беречь массы картофеля, надо имѣть большія помѣщенія; а чтобъ имѣть сбыть, надо имѣть вѣрныхъ покупщиковъ. А кто здѣсь станетъ покупать картофель, если хлѣба много и цѣна на него всякому по-силамъ? Картофель, конечно, идетъ на патоку, на винокуреніе и на другія многоразличныя и выгодныя для производителя потребности, да здѣсьто, при большихъ барышахъ въ хлѣбной торговлѣ, нѐкогда этимъ заниматься, да и труды за уходомъ картофеля вовсе не окупаются. Послѣ этого можно представить себѣ гримасу и весь комизмъ положенія человѣка, отвѣчающаго на вопросъ о картофелѣ, отчаяннымъ голосомъ: «ой, бѣда намъ съ картофелемъ: одолѣлъ онъ насъ, проклятый, совсѣмъ!»

Какъ въ Промзинѣ хлѣбные торговцы носятъ исключительное названіе «капиталовъ», такъ здѣсь, въ Самарѣ, ихъ иначе не называютъ, какъ «сýммами». Они обыкновенно составляютъ дружныя общества и, для вспомоществованія другъ другу въ облегченіи разныхъ операцій, дѣлятъ между собою недѣлю по днямъ. Положимъ, напримѣръ, что одно такое общество образовалось изъ сорока-двухъ суммъ, сталобыть, въ каждый недѣльный день «накупàется» шесть торговыхъ домовъ, шестеро суммъ; вчера одни шестеро, сегодня другіе, а завтра прійдетъ чередъ третьимъ. И такимъ-образомъ каждая изъ шести группъ, въ свой опредѣленный день, «накупàется», пока не «докýпится», то-есть пока не покончитъ полной своей операціи.

Но само купечество, ужь потому, что это все «тузы», какъ здѣсь обыкновенно зовутъ главныхъ дѣятелей, въ мелкія сношенія съ продавцами-крестьянами не входятъ: всѣмъ этимъ завѣдываютъ «мартышки».

Мартышка — извѣстная птица; она летаетъ безпрестанно надъ водой, высматриваетъ плывущую рыбку, сторожитъ ее, кружится надъ нею, потомъ, съ высоты своего полета, падаетъ на нее и — клюетъ. Мартышка негодная птица; мясо ея черное, съ сильнымъ рыбнымъ запахомъ; ее даже въ пищу никто не употребляетъ.

Но мы не про этихъ мартышекъ хотимъ говорить. Наши мартышки — птицы другаго полёта; они тоже двуногія животныя, но безъ перьевъ, а линяютъ они развѣ только тогда, когда имъ пообобьютъ крылышки. Наши мартышки и на взглядъ довольно-взрачны. Лицо полное, румяное, но смиренное; глаза голубые, а больше сѣрые; волосы подстрижены въ-скобку; рыжая бородка либо кудрится роскошно отъ правой скулы и до лѣвой, либо торчитъ клиномъ. Рубаха на мартышкѣ красная, сапоги съ подборомъ; лѣтомъ на мартышкѣ легкій

верблюжій армячишко, зимой—овчинный полушубокъ. Мартышка — правая рука хлѣбнаго торговца.

Еще рано; не слыхать заутрень. Въ избѣ душно, дохнуть нельзя. Окна закрыты ставнями. Темно. На узенькой лавкѣ, согнувъ колѣни, лежитъ нàзвничь парень, подложивъ подъ голову, вмѣсто подушки, полѣно дровъ, окутанное тулупомъ. Пробивающійся сквозь щели ставней, одинокій, слабый лучъ сѣроватымъ снопомъ свѣта падаетъ на его лицо, орошенное жиромъ и полузакрытое влажными отъ сильнаго тепла волосами. Одна рука закинута на импровизированную подушку, другая покоится на сытномъ, со вчерашняго ужина, чревѣ. Мужикъ, полураскрывъ ротъ и плотно стиснувъ вѣки, храпитъ что̀ есть мо̀чи.

Такое же храпѣнье слышно и въ другомъ углу, но, за совершеннымъ мракомъ, туда ничего не видно; зрѣнію нѣтъ пищи; одно чувство слуха услаждается басистымъ храпомъ сокровеннаго носа. Съ полатей льются еще такіе же звуки, прерываемые повременамъ звонкимъ пискомъ женской натуры. Насторожив ухо, можно открыть присутствіе еще живой души: кто-то тяжело сапитъ, поворотившись разъ-другой на печкѣ и опять угомонившись. Счастливцы! они блаженствуютъ; ихъ сонъ невиненъ и безмятеженъ!

На улицѣ, подъ окномъ — все тихо; даже собаки не лаютъ. Все спитъ. Ни одна калитка не заскрипѣла еще на заржавѣлыхъ петляхъ. Точно весь свѣтъ вымеръ: ничто не шелохнется.

Но вотъ парень вдругъ вскочилъ съ лавки, точно угорѣлый. Едва успѣвъ поправить га̀шникъ, взъерошить волосы, почесать затылокъ и бока̀, онъ опрометью и босикомъ подбѣжалъ къ окну и плотно приложился ухомъ къ рамѣ. Отяжелѣвшіе, заспанные глаза разомъ разомкнулись; надутыя и распущенныя до самаго носа губы расправились; ротъ полураскрылся; чуткое ухо еще плотнѣе прижалось къ стеклу...

Такъ и есть! Вдалекѣ слышенъ скрипъ — это телега... мужикъ везетъ зерно въ городъ.

Мартышка ободрился, отрезвѣлъ отъ крѣпкаго сна, засуетился, въторопяхъ безъ обвертокъ вздѣлъ сапоги, обѣими руками разомъ влѣзъ въ армякъ, схватилъ кушакъ и шапку и бросился изъ избы вонъ.

— Богъ на̀-помочь, старинушка! кричитъ моложавый парень въ рыжемъ армякѣ, подпоясанномъ шерстянымъ кушакомъ, крестьянину, который идетъ рядомъ съ обозомъ изъ двухъ телегъ, нагруженныхъ мѣшками пшеницы.

— Богъ на̀-помочь, добрый молодецъ! отвѣчаетъ тотъ, приподнявъ шапку.

— Али съ хлѣбцомъ?

— Зерно на базаръ везу!

— Эхъ, старинушка, старинушка: тебѣ бы недѣльку назадъ догадаться въ городъ-то.

— Что̀ такъ, родимый?

— Да въ ономѣднишную пору цѣны ладныя стояли.

— А теперево?

— Почитай, всѣ докупились: и даромъ никому не надо — класть некуда.

— Что ты, родимый! Да вѣ, верстъ шесть назадъ, встрѣлся мнѣ парень: сказалъ, шишнадцать гривенъ бѣлотурка.

— Нѣту, старинушка: и полтора-то рубля не даютъ; тебя обманули!

— И кумъ Степанъ по шишнадцати гривенъ продалъ; сосѣдъ Авдѣй то же; а этто изъ Машуткикой ѣздили, Микита Вожинъ... слыхалъ, можетъ статься? да его сосѣдъ Ѳома Матвѣичъ, такъ тѣ на цѣлый пятакъ съ пуда больше взяли.

— Ужь какъ тамъ знаешь, старинушка, а лучше воротись домой; напрасно сутки двои настоишься на базарѣ: только прохарчишься!

— Чего, кормилецъ, домой? Ужь съ полсотни верстъ проѣхалъ! Эво, городъ близко: куда жь мнѣ дѣться теперь?

— Есть у меня покупатель, человѣкъ хорошій-такой... удружить, что ль, тебѣ?

— Уважь, кормилецъ, пожалѣй мою старость!

— Рубль двадцать дастъ: въ амбарѣ, я знаю, съищется мѣста...

— За эвтую цѣну какъ отдать?.. Нѣтъ, ужь я лучше на базарѣ...

— По мнѣ какъ знаешь: я твоей же ради пользы говорилъ.

— Обидно будетъ! самому въ убытокъ!

— Ну, я пятакъ надкину!

— Да что, пятакъ?.. Ужь видно вправду воротиться, да выждать время.

— За денежку еще не постоимъ!

— И цѣлый грошъ прибавь — и то нельзя отдать.

— Экъ, глядь-ко, обернись: экъ ихъ! Еще обозъ! Вишь ты сколько телегъ-то наѣхало!

Старикъ притпрукнулъ на лошадь, снялъ рукавицы, взялъ ихъ себѣ въ зубы и, въ-ожиданіи, пока задніе возы нагонятъ его телеги, поправилъ на своемъ сивкѣ шлею, подтянулъ черезсѣдѣльникъ, выпрямилъ ловкимъ толчкомъ дугу, переложилъ поуютнѣе мѣшки съ пшеницей и взгромоздился на нихъ отдохнуть отъ тяжелаго пути.

Возы приближались. Бойкій мартышка перездоровался со всѣми мужиками, наговорилъ имъ всѣмъ турусы-на-колесахъ, напугалъ ихъ низкими цѣнами на зерно, и не совѣтовалъ имъ по̀пусту убытчиться на безвыгодный и напрасный простой. Новымъ грошикомъ, надкинутымъ на прежнюю цѣну, ему не удалось заманить крестьянъ въ свои сѣти; дѣло дошло до рубля тридцати, но тѣ не поддавались; мартышка, разыгравъ роль непризнаннаго благодѣтеля, съ горькимъ упрекомъ сказалъ имъ: «Богъ же съ вами! васъ же жалѣючи.....», и пошелъ по одной дорогѣ, а возы отправились по другой прямо въ городъ.

На пути ихъ перенялъ другой мартышка; тотъ передалъ имъ вѣсти еще дурнѣе прежнихъ; изъ жалости, указывалъ имъ на добраго человѣка, убѣдительно описывалъ переполненные зерномъ амбары, входилъ во всѣ тонкости, давалъ самые дружескіе совѣты... крестьяне задумались, стали толковать промежь собой, раскинули умомъ-раз-

умомъ и порѣшили на рубль сорокъ. Мартышка повелъ всѣхъ ихъ въ городъ, къ амбарамъ Балды, первѣйшаго изъ всѣхъ тузовъ туза.

Но и прежній мартышка остался не безъ дѣла и не безъ успѣха. Онъ насунулся на новый обозъ, пустилъ въ ходъ весь свой талантъ, опуталъ мужичковъ сѣтью разныхъ хитростей — и вотъ, забравъ отъ всѣхъ нихъ «пробы», и «обзадачивъ» инаго мелкой суммой, покончилъ торгъ на рублѣ-сорокѣ и пустился вмѣстѣ съ ними къ амбарамъ того же Балды: сегодня черёдъ Балдѣ накупаться.

Въ Самарѣ, до послѣдняго пожара, амбары расположены были далеко и отъ базара и отъ заставы. Эти обширныя хлѣбохранилища, для сбереженія мѣста, выстроены тѣсно; разстояніе между линіями фасадовъ довольно-узковато; дорожка вьется между ними узенькая-преузенькая, едва телега протащится...

Начинаютъ мужики ссыпать зерно.

Передніе два, три, четыре воза исполняютъ это безъ всякихъ разговоровъ или приключеній. Но подъѣзжаетъ пятый возъ — и тутъ мартышка начинаетъ увѣрять крестьянина, что это хлѣбъ не тотъ, какой на торгу былъ на-показѣ: «зерно противу пробъ!» Мужикъ божится-клянется, что хлѣбъ все одинъ и тотъ же.

— Кормилецъ, какъ не тотъ?

— Ну, говорятъ тебѣ не тотъ!

— Да что ты, родимый, земля одна, зерно одно...

— Ну, еще говорить сталъ!.. Проваливай!

— Бери мѣшки-то, ссыпай!

— Ступай, ступай съ Богомъ; нѣкогда тутъ толковать съ тобой!

Мужикъ замолчалъ и уставилъ глаза на мартышку.

— Да ну же, говорятъ, ступай.

— Аль не берешь вовсе?

— Не беру... да ступай же, не задерживай другихъ... вишь, тамъ сколько вашей братьи.

Мужикъ подобралъ возжи, чмокнулъ на лошадь, хлеснулъ ее кнутишкомъ, лошадка понатужилась, хватила впередъ грудью и... тпру! ни съ мѣста!

— Да проѣзжай, что жь ты стоишь!.. Эй ты, задній! придвигайся!

— Проѣзжай, чего сталъ! ночевать что ль изъ-за тебя! кричатъ вслѣдъ остальные крестьяне.

Мужикъ опять нукнулъ на лошадь; лошадка опять запыхтѣла, возъ тронулся, но на первыхъ же шагахъ покривился такъ, что едва всѣ мѣшки не повыскакали. Мужикъ хотѣлъ-было пролѣзть впередъ, поглядѣть, «что за задача така встрѣлась», но между стѣной амбара и колесомъ телеги никакъ не протискаться. Онъ привсталъ на цыпочки— ничего не видно; всталъ на самое колесо... ба! да тутъ того и гляди не то-что весь возъ раструсишь, а просто шею сломишь: кирпичъ, плита, булыжникъ разбросаны грудами; на поворотѣ крутой косогоръ, тутъ ухабъ непроѣзжій, тамъ выпятилось бревно...

— Эка узина какая! этто и пустой телегѣ дай Богъ выдержать, и то безъ сѣдока, безъ клади! восклицаетъ крестьянинъ, зерно котораго такъ постыдно «охаяли».

— Проѣзжай! чего задумался? кричатъ на него сзади десятки голосовъ.

Впередъ проѣхать съ полнымъ грузомъ нѣтъ возможности; «дай-ко я поворочу телегу, авось повыберусь!» думаетъ мужикъ, соскакиваетъ съ колеса на землю и, повернувшись, высматриваетъ: какъ бы ему это сдѣлать? но по отчаянію, мгновенно выразившемуся на его лицѣ, можно догадаться, что всякая надежда выбраться изъ термопилъ пропала. Между-тѣмъ крики усиливаются; мартышка сыплетъ бранью; крестьяне заднихъ возовъ, непонимая, въ чемъ вся сила, тоже хорохорятся и шлютъ бѣднягѣ меткія прозванья. Что ему дѣлать? Онъ ужь разъ былъ въ этой передѣлкѣ; къ-несчастью, забылъ урокъ; теперь все вспомнилъ. Одна надежда на добродушіе мартышки.

— Что тебѣ нужно? спрашиваетъ мартышка на увѣсистый поклонъ крестьянина.

— Что хошь, кормилецъ, дѣлай — возьми зерно!

— Ну вотъ видишь зерно: вотъ проба! возражаетъ мартышка, опустивъ руку въ завѣтную, но недосягаемую глазу, потайную кадушку: — ну, супротивъ ли ея твое зерно?

— Все передъ тобой, родимый, только возьми!

— Отчего бы и не взять? пожалуй... Скости!

— Мы порѣшили на рубль сорокъ...

— Ну, да, по пробамъ; а это противъ пробъ, надо скостить!

— Да ужь, для твоей милости, пятакъ куда ни шелъ!

— Ахъ, ты этакой разэтакой! ахъ, старый хрѣнъ! что жь ты, смѣешься? Хочешь ссыпать, такъ вотъ тебѣ рубль съ гривной... Бери пока даютъ, а не то ступай и больше ужь ни слова!...

Эта операція общеизвѣстна въ Самарѣ подъ техническимъ выраженіемъ «узенькая дорожка».

Другая, подобная ей, продѣлка есть «ссыпка пятерками». Она состоитъ въ томъ, что мартышка, вмѣсто той кадки, которою принято ужь въ обычай ссыпать хлѣбъ, обзаводится, съ разрѣшенія хозяина, хлѣбнаго торговца, болѣе-объемистою «пятёркою». Крестьянинъ всыплетъ въ нее опредѣленную мѣру пшеницы, но мартышка встряхнетъ хорошенько своей кадушкой, зерно осядетъ, онъ и показываетъ мужику: «видишь, пятёрка не полна — подсыпь!»

Весь такимъ образомъ пріобрѣтенный излишекъ можетъ, въ-теченіе накупа, составить значительное количество товара. Но онъ пріобрѣтенъ не на трудовые капиталы хозяина. Русскій купецъ чрезвычайно совѣстливъ и не захочетъ присвоить себѣ то, что ему не принадлежитъ. Эти излишки, вслѣдствіе ссыпки пятёрками, принадлежатъ мартышкѣ. Такое право на полученіе подобныхъ прибытковъ иногда выговаривается и ранѣе, при первоначальныхъ условіяхъ «мартышекъ» съ «суммами»; оно вообще извѣстно въ публикѣ подъ скромнымъ названіемъ «барышъ прикащикамъ».

Такъ дѣлывалось! Но дѣлывалось, разумѣется, не всѣми; и нынѣ подобныя сдѣлки вообще встрѣчаются рѣдко, тѣмъ болѣе, если мартышка разсчитываетъ мужика честно, да еще къ-тому же подаритъ

его ласковымъ словомъ, да поднесетъ стаканчикъ винца, мужикъ и самъ, добровольно, поблагодарствуетъ его, на каждый пудъ зерна еще пятью фунтами.

Въ Самарѣ пшеницы мелютъ очень-мало и только для внутренняго потребленія, а обыкновенно ее отпускаютъ зерномъ; въ большихъ размѣрахъ помолъ существуетъ главнѣйше на Сурѣ да въ Рыбинскѣ. Причины, почему въ Самарѣ этого нѣтъ, заключаются въ томъ, что для отпуска хлѣба мукой торговцамъ предстоитъ новый расходъ на мѣшки; зерно же изъ амбара ссыпается прямо въ судно, безъ всякихъ со стороны хлѣбныхъ торговцевъ расходовъ: ни бочекъ, ни кулей — ничего не надо. Притомъ же купцы не хотятъ обращать капиталы на постройку мельницъ, а всѣ денежныя средства направляютъ только на ту операцію, къ которой издавна привыкли.

Самара начала расцвѣтать съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, Это премиленькій и довольно-чистенькій городокъ, съ зданіями болѣе одно и дву-этажными. Зданія эти иногда затѣйливы, но, несмотря на все разнообразіе построекъ, у всѣхъ домовъ есть одно общее отличіе, составляющее ихъ необходимую и непремѣнную принадлежность. Это именно узенькая деревянная пристройка, приставленная къ дому, каменному или деревянному — все-равно, и тянущаяся во всю ширину зданія. Пристройка эта начинается красивымъ крылечкомъ, съ лѣсенкою и съ навѣсикомъ; съ лѣсенки вступаешь въ сѣни, упирающіяся въ какой-то чуланчикъ, съ маленькимъ окошечкомъ во дворъ; дверь изъ сѣней направо ведетъ въ покои главнаго зданія.

Самара стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, холмистомъ полуостровѣ, образуемомъ рѣками Волгой и Самарой. Есть домы на такомъ выгодномъ мѣстоположеніи, что изъ ихъ оконъ видно и ту и другую рѣку. Но и тутъ случаются иногда своего рода неудобства: часто поднимаются бури, вѣтеръ шумитъ и стучитъ въ окна съ такою силою, что всѣ стекла повыбьетъ. Прежде въ Самарѣ жизнь была дешевая, но съ 1851 года, съ приливомъ народонаселенія, съ распространеніемъ во всѣхъ сословіяхъ новыхъ потребностей и нѣкоторой роскоши, въ жизни, все стало цѣннѣе.

Въ Самарѣ мы, въ качествѣ путешественниковъ, приняты были въ лучшемъ домѣ; радушіе благовоспитанныхъ хозяевъ заставило насъ забыть и утомленіе и дорожную хлопотню, иногда растравляющія кой-какія незамѣтныя душевныя ранки и лишающія добраго расположенія духа. Здѣсь мы, какъ и въ Симбирскѣ, жили будто въ эдемѣ и съ совершеннымъ спокойствіемъ принимали участіе въ общественныхъ удовольствіяхъ, направляя всѣ свои разговоры къ тому, чтобъ вызнать точную характеристику здѣшняго города.

Больше всѣхъ намъ въ этомъ дѣлѣ помогъ самъ хозяинъ, по своему положенію обязанный знать край во всей тонкости; еще одинъ препочтенный человѣкъ, Максимъ Степановичъ, лѣтъ далеко за семьдесятъ; у него «ни сабли Турокъ, ни картечь Нѣмцовъ, ни штыки Шведовъ, ни гранаты Французовъ» доселѣ не отняли ни бодрости, ни свѣжести силъ, ни энергіи; онъ хоть сейчасъ готовъ защипнуть съ врага кожицу хоть на рукавицы, но, любя миръ и спокойствіе, ко-

летъ только людскіе недостатки гусинымъ перомъ, обмокнутымъ въ чернила. Любознательность у этого человѣка необыкновенная; страсть къ чтенію такая, что онъ готовъ хоть не обѣдать; несмотря на поздній вечеръ своей жизни, онъ часто цѣлыя ночи просиживаетъ при тускломъ свѣтѣ свѣчи за письменнымъ столомъ и служитъ литературѣ меткими, а подчасъ и колкими замѣтками о разныхъ разностяхъ. Максимъ Степановичъ владѣетъ счастливымъ характеромъ, никогда не хандритъ, всегда веселъ, и чтобъ показать, что старость, дряхлость ему еще незнакомы, никогда не отказывается протанцовать два–три кадриля.

Мая 15-го, въ понедѣльникъ, мы выѣхали изъ Самары. Съ первыхъ же почти шаговъ въ глаза кинулось разнообразіе элементовъ, изъ которыхъ образовалось здѣшнее народонаселеніе. То попадется обомшенная изба, то вымазанная глиною и даже невыбѣленная мазанка; въ одномъ мѣстѣ мелькнетъ коренной русскій кафтанъ съ сарафаномъ, въ другомъ—украинская свитка съ плахтой; въ одномъ углу голубые глаза и русые волосы сѣверянина, въ другомъ—шадровитое лицо съ высунувшимися скулами и рѣдкой бородишкой инородца. На чистой, голой степи все въ рѣзкой противоположности съ тѣмъ, къ чему присмотрѣлись мы въ нагорной сторонѣ Волги.

Въ Смышляевѣ, первой отъ Самары станціи, въ огромномъ селѣ, главная улица котораго тянется версты на полторы, вниманіе наше обратилъ обычай, заслуживающій подражанія. Здѣсь бабы не ходятъ за водой съ ведрами, а ставятъ кадки или боченки на легонькіе «карандасики» и ѣздятъ съ ними на рѣчку: оно и не тряско и дешево, и удобно и экономно; въ одинъ поѣздъ можно набрать воды втрое противъ того, сколько ея забирается ведрами.

Перемѣнивъ здѣсь лошадей, мы поѣхали дальше. Вечерѣло, сумерки все болѣе–и–болѣе ниспадали на землю. Кругомъ тихо, даже травка не колыхнется. Намъ предстояла переправа. Мы подъѣхали къ рѣчкѣ и нѣсколько времени тянулись берегомъ.

Рѣка была въ разливѣ. За нею даль и холмы черными силуэтами обрисовывались на темнофіолетовомъ небѣ, едва–едва озаренномъ серебристымъ блескомъ восходящей, но еще невидимой глазу, луны. Но вотъ и она выплыла изъ-за пригорка и красно-золотистымъ ядромъ повисла надъ холмами. Пригорки подернулись красноватымъ сіяньемъ, переходившимъ съ одного гребня на другой, по мѣрѣ отдаленія луны отъ того мѣста, гдѣ она впервые показалась. Плывя незамѣтно по небосклону, она стала подниматься выше–и–выше, стала понемногу терять красноватый отливъ, и въ то время, какъ мы остановились у парома, она глядѣлась въ чистыя струи ужь не блестящимъ золотымъ блюдомъ, а какимъ-то какъ–будто круглымъ подносомъ изъ зеленой мѣди, усердно-вычищеннымъ толченымъ кирпичомъ. Поверхность рѣки подернулась рябью, въ ея переливахъ отраженіе луны дробилось и играло серебристымъ сверканьемъ. Мы стали на паромъ, проскользнули быстро на ту сторону, вступили въ мѣстность, надъ которою лежала темная тѣнь ближайшихъ возвышенностей и, ничего болѣе не видя, пустились далѣе.

Въ полночь насъ ждала еще переправа и, кажется, черезъ Кинель. Рѣчонка разлилась версты на двѣ съ половиной. Въ ночной темнотѣ рѣчныя воды казались густымъ чернымъ потокомъ; этою только чернотою и отдѣлялись онѣ отъ погруженныхъ въ полный мракъ береговъ. По выраженію перевощиковъ, «мѣсто глыбко здѣсь живетъ», но мы не прибѣгали къ весламъ, а передвигались на шестахъ. Вмѣстѣ съ всплескиваньемъ, сопровождавшимъ наше передвиженіе, слышался еще какой-то странный шумъ, похожій на шелестъ вѣтвей и листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ. Я не зналъ чему это приписать, но дѣло объяснилось и скоро и очень-просто. Рѣка поднялась высоко, выступила изъ береговъ, залила всю низменность и затопила собою кустарники и приземистыя вётлы и осокорь. Кой-гдѣ высовывались изъ-подъ воды ихъ вершинки — и вотъ мы ѣдемъ на паромѣ по густымъ, одѣтымъ листьями, вѣтвямъ деревъ, колотимъ ихъ шестами, упираясь въ нихъ, и вовсе не думаемъ объ участи раскидистой талины, въ которой укрывались прежде птички Божьи и по которой теперь мы плывемъ на неуклюжемъ суднѣ. Но намъ скоро пришлось объ этомъ подумать: говоря обыкновеннымъ языкомъ—мы «стали на-мель», но въ существѣ — мы сѣли на березу, и сѣли такъ ловко, что чуть-чуть дна въ паромѣ не прошибли! У двухъ деревъ, должно-быть, бурей сорвало вершинки; полая вода покрыла ихъ; мы, въ темнотѣ, на нихъ запнулись, стремленіемъ воды насъ нанесло на нихъ всѣмъ днищемъ — и вотъ мы двинуться не можемъ съ мѣста, въ первый разъ ознакомившись съ возможностью плыть по рѣкѣ на палубной, большой посудѣ — и очутиться въ ней на верхушкѣ дерева! Эти понимаемые водою рощи и лѣски по луговому берегу рѣки называются здѣсь «урема», то же, что въ Малороссіи «плавня».

На-утро мы съ нетерпѣніемъ взглянули на маршрутъ, на карту и съ самодовольною улыбкою поздравили другъ друга: мы въ Бузулукомъ Уѣздѣ! мы въ предѣлахъ Оренбургской Губерніи! Здѣсь вступаемъ мы въ совершенно-иную, уже азіатскую сферу.

Въ то время, когда я проѣзжалъ чрезъ Бузулукскій Уѣздъ, онъ еще входилъ въ составъ Оренбургской Губерніи, но съ слѣдующаго, 1851 года онъ причисленъ къ Самарской. Какъ эта причина, такъ и одинаковость интересовъ бузулукскихъ жителей съ самарскими и одинаковость направленія ихъ промышленной дѣятельности, побуждаютъ меня, сказавъ кой-что о Самарѣ, прибавить и о Бузулукомъ Уѣздѣ нѣсколько словъ, могущихъ, въ нѣкоторой степени, относиться и къ Уѣзду Самарскому.

Бузулукскій Уѣздъ пересѣкается рѣкою Самарою, на всемъ протяженіи отъ востока къ западу, пополамъ. По лѣвую сторону, въ южной части, ровныя степи, съ незначительными возвышеніями по направленію небольшихъ рѣчекъ и ключей. Вся эта сторона теперь безлѣсна. Растительный слой довольно-тонокъ, до двухъ вершковъ, но мѣстами доходитъ и до полуаршина; подпочва или глинисто-песчаная, или иловатая. Въ сѣверной половинѣ почти то же самое, съ тою разницею, что ближе къ рѣкѣ мѣстность песчанистѣе; уцѣлѣли и лѣса; здѣсь и водныхъ притоковъ больше, больше и неровностей и возвы-

шенностей. Въ этихъ возвышенностяхъ каменныхъ толщъ очень мало; известковый камень найденъ въ двухъ мѣстахъ, а жерновый въ трехъ.

О плодородіи этой страны старожилы, хорошо-знакомые съ краемъ, разсказываютъ, что первые три или четыре посѣва даютъ богатѣйшіе урожаи; затѣмъ три-четыре года урожай бываетъ посредственный; наконецъ сила плодородія оскудѣваетъ и урожаи бываютъ дотого бѣдные, что зерно самъ-третей выходитъ въ лучшіе и благопріятнѣйшіе годы. Вотъ на первыхъ-то «залогахъ» и сѣется знаменитая пшеница-бѣлотурка, кубанка то жь, арнаутка то жь. Говорятъ, что растительная сила въ здѣшнихъ «степовыхъ грунтахъ» до-того слаба, что послѣ десяти-двѣнадцати хлѣбовъ, пашни лѣтъ на десять остаются въ залежи и въ это время не покрываются никакою съѣдобною травою; дернъ же образуется на нихъ не ранѣе, какъ лѣтъ черезъ тридцать.

Изъ хлѣбовъ здѣсь сѣютъ рожь и пшеницу — на старыхъ земляхъ русскую, а на новяхъ бѣлотурку и черноколоску; также ячмень, полбу, овесъ, гречу, просо, горохъ. Въ южной, степной части ржи сѣется мало, а большею-частью яровые хлѣба. Надобно замѣтить, что улучшенныя иностранныя хозяйственныя сѣмена здѣсь еще не распространены; рожь-кустовку начали вводить только нѣкоторые помѣщики. Торговыя растенія, макъ, конопель, ленъ, сѣются только для домашняго обихода; огородныя овощи, по дальности сбыта, разводятся въ незначительномъ количествѣ; арбузы, дыни и огурцы сѣютъ на бахчахъ, въ полѣ и всегда на новой землѣ. Само-собою разумѣется, что о многопольной системѣ крестьянину и помышлять нельзя, вопервыхъ, по причинѣ большой населенности деревень, вовторыхъ, по отдаленности пашень, а втретьихъ, по ограниченности крестьянскихъ капиталовъ: здѣсь возможна и необходима только благодѣтельная общественная запашка.

Урожаи здѣсь зависятъ отъ изобилія въ дождяхъ: чѣмъ весна и начало лѣта «мочливѣе», тѣмъ и урожаи превосходнѣе. На новыхъ земляхъ пшеница даетъ въ хорошіе годы самъ-пятнадцать и болѣе; ржи, какъ малоцѣннаго хлѣба, и другихъ видовъ яроваго, кромѣ пшеницы, на новинахъ не сѣютъ, а потому и урожаи ихъ бываютъ посредственны: не болѣе самъ-пять, или и плохи, отъ самъ-другъ да самъ-третей. Искусственныхъ пріемовъ здѣсь не знаютъ; разведеніемъ масличныхъ и красильныхъ растеній никто не занимается; одни малороссійскіе «тамбовцы», то-есть переселенцы, и то бабы, добываютъ для личнаго употребленія, дикорастущія марену для красной краски, звѣробой для желтой и траву зеленецъ для зеленой. Садоводство ограничивается тѣмъ, что одни помѣщики содержатъ у себя въ садахъ по нѣскольку яблонныхъ деревъ.

И оно очень-понятно: избытокъ земель и валовая работа посѣвовъ бѣлотурки отклоняютъ еще жителей отъ пріисканія средствъ увеличить свое благосостояніе иными способами.

Главное занятіе и крестьянъ, и мѣщанства, и купечества — хлѣбопашество: это здѣсь выгоднѣйшая отрасль промышлености. Купцы и мѣщане снимаютъ въ оброкъ казенныя земли и обработываютъ ихъ

наймомъ. Нѣсколько купеческихъ и мѣщанскихъ семействъ найдется и такихъ, которыя торгуютъ гуртами овецъ и рогатаго скота; бьютъ ихъ сами; шерсть, сало, кожи доставляютъ въ Казань, а мясо, котораго, впрочемъ, на баранахъ остается ужь очень-немного, распродаютъ на мѣстѣ. Скота много и своего и прикупнаго; приволье здѣшнихъ степей даетъ хозяевамъ возможность содержать его впродолженіе цѣлаго лѣта безъ большихъ расходовъ и дешево. Этимъ занимаются и крестьяне и скоро наживаютъ деньгу; но ихъ немного, потому-что приступить къ этому промыслу съ небольшими средствами нѣтъ выгоды: на тысячу цѣлковыхъ только-что самъ прокормишься; а если желать доходовъ, разсчитывать на большую прибыль, то безъ десяти тысячъ рублей серебромъ врядъ-ли что̀ путное сдѣлаешь: по этому-то торговля скотомъ и остается въ рукахъ небольшаго числа капиталистовъ.

Существуетъ и еще промыселъ — содержаніе оброчныхъ водяныхъ мукомольныхъ мельницъ, тоже очень-выгодное занятіе, но оно здѣсь не сильно распространено. О рыболовствѣ не сто̀итъ и говорить: тутъ оно совершенно-ничтожно. Простолюдье здѣшнее на-сторону на заработки не ходитъ и мастерства для разныхъ домашнихъ нуждъ никого не знаетъ: плотники, каменьщики, кирпичники, красильщики, шерстобиты, колесники, шорники, овчинники, бондари — все это народъ пришлый, или, какъ здѣсь говорятъ, «иносторо̀нцы». Все это доказываетъ, что здѣшнему мужику нѣтъ еще нужды хитрить да умничать, чтобъ оплатить подати и быть сыту и одѣту.

О фабрикахъ здѣсь не можетъ быть и помину: фабрики существуютъ тамъ, гдѣ населеніе густо, гдѣ земли мало, гдѣ крестьянину негдѣ пахать. Возьмемъ въ примѣръ Московскую Губернію—это цѣлая фабрика; Владимірская, Нижегородская, бо̀льшая часть Костромской, Ярославской, Тверской только тѣмъ и живутъ, что занимаются фабричнымъ дѣломъ.

Въ Самарскомъ и Бузулуцкомъ Уѣздахъ, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ даже и начатковъ фабрикаціи. Домашнія крестьянскія произведенія для одежды изъ волокна и шерсти, такъ просты и грубы, что причислять ихъ къ фабричному производству вовсе не слѣдуетъ. Сукно—сермяга, а холстъ изъ льна или поскони такъ плохъ, что двѣ копейки серебромъ за аршинъ—красная цѣна: бываетъ такъ, что трудно скупить разомъ аршинъ двѣсти.

Въ Самарскомъ Уѣздѣ считается 26 фабрикъ и заводовъ; но въ чемъ же фабричная и заводская промышленость здѣсь выразилась? какіе это фабрики и заводы? 1 винокуренный, 1 крахмальный, 2 солодовенныхъ, 2 клейныхъ, 1 воскобойня, 1 маслобойня, 2 канатныя, 5 кожевенныхъ и 12 салотопенныхъ заведеній. Въ Бузулуцкомъ Уѣздѣ считается 20, именно: 1 винокуренный, 7 кожевенныхъ, 9 сыромятныхъ, 2 мыловаренныхъ и 1 клейный. На кожевенныхъ выдѣлывается «черный крестьянскій товаръ», какъ здѣсь называютъ кожи, и подошва, на сыромятныхъ выдѣлываютъ кожи на конскую упряжь, на канатныхъ — веревки; мыло и клей самаго дурнаго качества... одно только, дѣйствительно, не можетъ остаться безъ вниманія — огромный

салотопенный заводъ съ паровыми котлами; остальные далеко не такъ значительны; сала вытапливается въ Самарѣ и отсылается въ Петербургъ навѣрное мильйона на два рублей серебромъ. На здѣшнихъ салотопняхъ, въ самой Самарѣ, не только вытапливаютъ сало изъ тѣхъ барановъ, или другаго скота, которые сюда пригоняются, но здѣсь еще окончательно «сдабривается» бо́льшая часть сала первоначальной топки изъ Земли Уральскаго Войска и почти изъ всей Оренбургской Губерніи. Тамъ его скупаютъ у мелочныхъ салотоповъ, свозятъ въ города Шадринскъ (Пермской Губерніи), въ Казань и въ Самару, тутъ подвергаютъ его извѣстнымъ окончательнымъ процесамъ, разливаютъ въ бочки и шлютъ въ Петербургъ для отпуска за границу.

Для облегченія торговыхъ оборотовъ, въ Самарской Губерніи учреждено много ярмарокъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: въ Самарѣ—Сборная, бывающая въ Сборное Воскресенье (продается товаровъ на 50 тысячъ рублей серебромъ), Казанская, 8 го іюля (на 70,000 руб. сер.), Воздвиженская, 15-го сентября (на 25,000 руб. сер.); въ Бузулукѣ — Покровская, 1-го октября (на 60,000 руб. сер.); въ Новоузени въ тотъ же день (на 65,000 руб. сер.) и, въ уѣздѣ его, въ селѣ Александровъ-Гай, Казанская (на 50,000 руб. сер.). Пшеница продается преимущественно въ Самару и не на кредитъ, а всегда на наличныя деньги. У смѣтливаго торговца, впродолженіе осени и зимы, капиталъ можетъ обратиться раза два и три, и каждый оборотъ доставляетъ не менѣе 10%, а часто гораздо-болѣе. Кожи, шкуры, сало и шерсть идутъ въ Казань, но при торговлѣ этими товарами капиталъ обращается только однажды въ годъ.

Главная транспортная дорога здѣсь — такъ-называемый «соле-возный трактъ», пролегающій изъ мѣстечка, или такъ-называемой крѣпости «Илецкая-Защита» и тянущійся въ Самару на протяженіи четырехсотъ верстъ. Оренбургъ и Бузулукъ остаются въ правой рукѣ отъ этого тракта, первый верстахъ въ шестилесяти, а послѣдній верстахъ въ тридцати. Другая дорога «скотопрогонная»: она идетъ изъ Оренбурга до бывшей, да и нынѣче еще такъ-называемой крѣпости Борской, а оттуда, проселками чрезъ Бугурусланскій Уѣздъ, въ Казань. Доставка товаровъ съ Нижегородской Ярмарки въ Оренбургъ производится водою до Самары, а далѣе гужо́мъ въ Оренбургъ; товары же, здѣсь скупаемые, отправляются во внутреннія губерніи Россіи сухопутьемъ, на Казань.

Нынѣшніе православные обитатели Самарской Губерніи не коренные здѣшніе жители, а преимущественно переселенцы, или, какъ здѣсь говорится, «Тамбовцы», «Тамбоши», изъ какой бы они губерніи ни были, Курчане ли, Туляки ли—все-равно: въ такихъ случаяхъ говорится иногда опредѣлительно: курскіе Тамбовцы, тульскіе Тамбовцы, полтавскіе Тамбовцы. У переселенцовъ обыкновенный разговоръ о переселеніяхъ. Изъ городскихъ жителей о переселеніяхъ никто и не думаетъ; но бохлѣпашцы, жители тѣхъ селеній, гдѣ залоговъ ужь вовсе нѣтъ, гдѣ тонкій растительный слой до-того истощился, что не вознаграждаетъ трудовъ пахаря, тѣ безпрестанно хлопочутъ о переселеніи въ Киргиз-

скую Степь, въ которой, какъ было еще недавно объявлено въ газетахъ, дозволено заводить постоялые дворы и содержать вольныя почты.

Надобно сказать, что подобныя селенія годъ-отъ-году умножаются въ числѣ. Истощенныя поля, покрываясь, изъ-подъ почвеннаго слоя, пескомъ или глиною, вовсе не производятъ никакихъ луговыхъ злаковъ. На нихъ произрастаетъ только «перекати-поле», или, какъ иные называютъ, «бабій-разумъ», и рѣзушка (родъ пырея), которыхъ никакой домашній скотъ не ѣстъ, ни на корню, ни въ сѣнѣ. Беззаботливость, лѣность и всемогущее «авось» не принудили еще крестьянъ поусерднѣе подумать объ удобреніи; здѣсь даже двоить полей не умѣютъ; здѣшній мужикъ считаетъ себя только временнымъ гостемъ, а не хозяиномъ, навсегда привязаннымъ именно къ этимъ полямъ. По милости такой беззаботливости, при многихъ селеніяхъ изсякли въ степныхъ мѣстахъ рѣчки. Причина та, что лѣсъ и кустарники, произраставшіе по направленію ложбинъ, истреблены крестьянами; отлогости береговъ распаханы; а русла ихъ, заносимыя, вслѣдствіе дождей и вёшней воды, землею и глиною, образовали тину. Трехлѣтней засухи довольно для того, чтобъ выпарить послѣднюю влагу и дать тинѣ высохнуть и окрѣпнуть. И теперь въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сѣнокосныхъ луговъ вовсе не знаютъ; траву на сѣно скупаютъ на сторонѣ, верстъ за пятьдесятъ и за семьдесятъ; стада на этихъ голыхъ поляхъ едва переживаютъ лѣто, такъ-что иногда здѣсь домашній скотъ бываетъ гораздо «исправнѣе» зимой, нежели лѣтомъ — въ совершенную противоположность тому, что̀ мы привыкли встрѣчать повсюду. Впрочемъ, лѣсъ здѣсь все-таки еще неочень-дорогъ. Въ Бузулуцкомъ Уѣздѣ, простенькая крестьянская изба изъ сосновыхъ бревенъ, сажени въ три длиною и вѣнцовъ въ двѣнадцать вышины, сто̀итъ рублей сто серебромъ; на отопленіе въ годъ мужику надо до десяти саженъ трехполѣнныхъ дровъ, такая сажень сто̀итъ пять рублей ассигнаціями.

Поселянинъ этихъ краевъ и задумывается о далекихъ странахъ, про изобиліе которыхъ трубитъ молва часто въ фальшивую трубу. На эти звуки не отзываются только крестьяне тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть еще довольно поземельныхъ угодій и существуютъ залоги; многіе же изъ крестьянъ другихъ мѣстностей перечислились въ казачество и, на этомъ условіи, переселены въ Зауральскую Степь, въ такъ-называемый Новый-районъ, въ землю Оренбургскаго Казачьяго Войска, прилегающую къ южнымъ, юговосточнымъ и восточнымъ уѣздамъ Оренбургской Губерніи; нѣкоторые же, на томъ же условіи, переселились въ портовый городъ Ейскъ, въ Землю Черноморскаго Войска, на сточное прибрежье Азовскаго Моря.

Я полюбопытствовалъ узнать во что̀, напримѣръ, можетъ обойдтись независимому человѣку проживаніе въ здѣшнихъ мѣстахъ впродолженіе года, хоть бы, примѣрно, въ Бузулукѣ. Я предположилъ, что это лицо, капиталистъ, или купецъ, или кто-нибудь иной — человѣкъ семейный, въ лѣтахъ, съ правомъ на нѣкоторыя позволительныя излишества, человѣкъ, который не станетъ самъ себѣ сапоги чистить, или дрова рубить, а человѣкъ съ нѣкоторыми претензіями на то,

чтобъ и газету какую-нибудь прочитать, и по праздникамъ во фракѣ ходить... ну, чтобъ и жена у него не кухаркой ходила, и кофе бы пила... разумѣется, тутъ надо предположить, что къ такому капиталисту и добрые люди повременамъ захаживаютъ, а добрыхъ людей надо, по русскому обычаю, угостить, подать водочки, закусочки, надо и то, и сё. Я беру для примѣра семейство, состоящее изъ четырехъ лицъ: мужа и жены, старика-отца или старухи-матери и сына или дочери. Разумѣется, надо и прислугу: вопервыхъ кухарку, она же и прачка и горничная, а вовторыхъ работника, онъ же и лакей, и каммердинеръ и кучеръ, а въ провинціи нельзя жить и не держать своей лошади: извощиковъ нѣтъ, а у купца или капиталиста бываютъ дѣла, бываютъ разъѣзды—нельзя безъ лошади.

Мнѣ доставили вотъ какой примѣрный, но весьма-скромный разсчетъ. Для такого семейства, въ иномъ уѣздномъ городѣ можно нанять приличную квартиру за 7½ руб. сер. въ мѣсяцъ, но въ Бузулукѣ надо дать рублей двѣнадцать съ полтиной; стало-быть, для нестѣснительнаго, но скромнаго удобства предстоятъ слѣдующіе расходы: 1) квартира 150 р. с., 2) 10 кубическихъ саженъ дровъ, по 2½ р. с., 25 р. с., 3) свѣчъ сальныхъ 5 пудовъ, по 3½ р. с., 17 р. 50 к. с., 4) коровѣ и лошади сѣна, 24 воза, по 70 коп., 16 руб. 80 к. с., 5) овса на одну лошадь, 84 пуда, по 25 коп., 16 р. с., 6) ремонтъ экипажа и упряжи и ковка лошади 5 р. с., 7) плата работнику 30 р. с., 8) плата кухаркѣ 15 р. с., 9) на всю семью, то-есть на шесть человѣкъ по 1/½ пуда пшеничной муки, всего 108 пудовъ, по 30 коп., 32 р. 40 к. с., 10) ржаной муки по 10 фунтовъ въ мѣсяцъ на каждаго, всего 18 пудовъ по 20 коп., 3 р. 60 к. с., 11) пшена по пуду въ мѣсяцъ на всѣхъ, 12 пуд. по 40 коп., 4 р. 80 к., 12) на говядину и рыбу, по 7 пуд. на всѣхъ въ мѣсяцъ, того и другаго 84 пуда по 1 руб., 84 р. с., 13) масла коровьяго, полагая по 30 фунтовъ въ мѣсяцъ на всю семью, на полгода потребуется только 4½ пуда, по 4 р., 18 р. с., 14) на постное масло въ посты и постные дни, по тому же разсчету, 4½ пуда по 2 руб. 30 коп., 10 руб. 35 к. с., 15) на соль и приправы къ столу 5 р. с., 16) на овощи и разныя соленья 10 р. с., 17) чай, сахаръ и кофе 90 р. с., 18) водки на годъ 8 ведръ по 4 р., 32 р., 19) виноградnаго вина, въ мѣсяцъ по четыре бутылки, а такого вина, цѣною дешевле цѣловаго въ ротъ нельзя взять (вино употребляется чисто-иностранное, соболевскаго издѣлія) это обойдется въ 48 р. с., 20) табакъ и сигары 20 р. с., 21) гардеробъ господскій—мужской 60 р., женскій 50 р., всего 110 р. с , 22) поддержка въ порядкѣ хозяйства, ремонтъ посуды, мёбели и пр. 15 р. с., 23) удовлетвореніе необходимѣйшимъ надобностямъ въ-отношеніи къ церкви 8 р., 24) воспитаніе ребенка 150 р. с., 25) выписка журнала 16 р. 50 к. с., 26) корреспондеція, по большимъ праздникамъ стеариновыя свѣчи, лакомства и другіе непредвидѣнные расходы 43 р. с. Это, почти копейка въ копейку, составитъ ровно тысячу рублей серебромъ въ годъ: дешевизна, согласитесь, очень-завидная для привыкшаго къ многимъ удобствамъ капиталиста, желающаго небольшими доходами

обезпечить себя впродолженіе цѣлаго года и, кромѣ-того, доставить себѣ и семейству приличное развлеченіе и нѣкоторое роскошество.

Семьнадцатаго мая, въ среду, рано утромъ, пріѣхали мы въ такъ-называемую «крѣпость» Борскую: имя это селеніе усвоило себѣ потому, что прежде здѣсь былъ боръ, котораго теперь и слѣдовъ не осталось. Боръ вырубили и изъ него выстроили Борскую, въ которой нѣтъ ни рва, ни вала, ничего, что̀ напоминало бы о прежнемъ укрѣпленномъ пунктѣ.

Былъ праздникъ — Преполовеніе. Проѣзжая селенія Гвардейское, основанное еще при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ переселенцами, «солдатскими малолѣтками», Мойку и Ельшанку, мы вглядывались въ разнохарактерные наряды здѣшнихъ женщинъ. Многія изъ нихъ не носятъ сарафановъ; у нихъ бѣлыя рубахи съ длинными, доходящими до кисти, постепенно-съуживающимися рукавами; отложной воротничокъ застегивается крупной запонкой. Сверхъ нея юпка, полосатая шерстяная, изъ постоянно-перемѣшивающихся между собою красныхъ, желтыхъ и зеленыхъ полосокъ; чулки по-большой-части «панскіе», то-есть вязанные въ пять иголъ, а не простые «русскіе», крестьянскіе, вязанные въ двѣ иглы; сверхъ чулокъ коты. Верхнюю одежду составляетъ «шушу̀нъ»; онъ дѣлается изъ бѣлаго крестьянскаго сукна, съ красною по краямъ суконною же оторочкою и съ красными у мышекъ ластовицами. Шушунъ бываетъ безъ воротника, съ длинными, кверху широкими, а у кисти рукъ узенькими рукавами; онъ довольно-узковатъ, по-крайней-мѣрѣ не очень-просторенъ и едва доходитъ до колѣнъ. Если же это верхнее платье будетъ очень-просторно и длинно, ниже колѣнъ, то его называютъ «о̀хабень». Молодыя женщины головы повязываютъ краснымъ или пестрымъ, яркихъ цвѣтовъ, платкомъ, а пожилыя—бѣлою перевязью, изъ домашняго холста. У щеголихъ рубахи пестрыя, ситцевыя. Такой нарядъ чрезвычайно-живописенъ, особенно когда плотная, здоровая, хорошо-сложенная молодица явится безъ шушуна, съ ловко-стянутою кушакомъ юпки тальей, съ кокетливо-обдернутой сверхъ пояса рубахой, съ манерами, обличающими независимость и извѣстную дозу достоинства, и съ личикомъ, свидѣтельствующимъ о южномъ происхожденіи. Не всѣ, однакожь, носятъ шушуны; есть и кафтаны, есть и тѣлогрѣи.

Ребятишки, какъ и вездѣ, бѣгаютъ въ одной лишь рубашонкѣ; льняного цвѣта волосъ здѣсь гораздо-меньше, чѣмъ въ сѣверныхъ губерніяхъ. Русскіе ребятишки любятъ обыкновенно предоставлять себѣ большую свободу въ движеніяхъ и искусственно коротаютъ свою легкую одежду до-того, что уничтожаютъ въ ней всякую идею о длинѣ. Иначе имъ и трудно было бы проводить время въ обыкновенныхъ своихъ занятіяхъ, состоящихъ, кромѣ ѣды и питья, въ самой популярной здѣсь игрѣ—«соль возить»; въ этой игрѣ весь интересъ основанъ на прыганьѣ черезъ конъ и на скаканьѣ. Дѣти забавляются еще и тѣмъ, что гоняютъ по улицѣ комки перекати-поля, и бѣгаютъ за нимъ, когда степной вѣтеръ кружитъ его, подталкиваетъ и мчитъ далеко по ровной полянѣ.

Здѣсь ужь не называютъ Оренбургъ по нашему, съ удареніемъ на «у», а произносятъ съ удареніемъ на «о»; не говорятъ «конвѐртъ», а «кóнвертъ», не «ихъ», а «йхо», не «что дѣлать», а «чего дѣлать», не «вспомоществованіе», а «возможѐнье», не «отродье» или «отрасль», а «отрывокъ», не «Башкирцы», «султаны», а «Башкирьё» и «султаньё»; «кочевой народъ», зовутъ просто «орда» и прочее.

На степи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по близости деревень, подѣланы легкіе загоны для охраненія табуновъ въ ночную пору. Лошади днемъ пасутся на подножномъ корму по волѣ и небольшими косяками разгуливаютъ по открытой мѣстности. Высокая трава волнуется, точно зеленое море. Быстро пробѣгаетъ по полямъ тёмная тѣнь, кидаемая несущимся въ воздухѣ облачкомъ; вѣтеръ колышетъ траву, клонитъ ее долу, опять выпрямляетъ; волнистая линія, образуемая этимъ колыханьемъ, озлащается яркимъ сіяньемъ солнца; каждая травка блеститъ радужными искрами. Лошади, разметавъ гривы, разметавъ хвосты, мчатся дружною группой, слѣдомъ за породистымъ конемъ-предводителемъ и, добѣжавъ до ручейка, или рѣчки, кидаются въ холодныя струи освѣжиться отъ деннаго жара. Случайно-ѣдущіе въ двухъ телегахъ цыгане сдерживаютъ своихъ клячъ и коварными глазами слѣдятъ за соблазнительной приманкой. Смуглыя, черноокія ихъ подруги, повязанныя пунцовыми платками, подбираютъ распавшіяся по лицу черныя какъ смоль волосы, подымаютъ ко лбу жилистыя руки, застѣняютъ ими лицо отъ знойныхъ лучей солнца и тоже впиваются взорами въ безнадежную добычу. Въ сторонѣ показался наѣздникъ съ арканомъ въ рукѣ; онъ самъ скачетъ на конѣ, по направленію къ рѣчкѣ, и волосы его, подстриженные въ-скобку, подпрыгиваютъ на головѣ, неприкрытой шапкой. Проѣзжіе умѣряютъ жаръ прежняго созерцанія; старый цыганъ, треснувъ по пальцамъ черномазаго кудреватаго цыганёнка, протянувшаго-было ручонку въ эту сторону, спокойно подбираетъ спущенныя возжи, хлещетъ кнутомъ чубараго кореняка и продолжаетъ путь прежнею дорогой.

Но вотъ и самъ Бузулукъ, съ его полуторатысячнымъ населеніемъ мужескаго пола, и таковымъ же женскаго.

Начиная отъ Бузулука вплоть до самаго Оренбурга, вмѣсто обыкновенныхъ вѣхъ, по степи подѣланы земляныя кучки, сложенныя правильными пирамидами, и иногда, для красы, обложенныя камнемъ. На моемъ пути лежало село Погромное на рѣчкѣ того же названія. Въ этомъ селеніи высокій берегъ недавно обвалился, въ рѣку упалъ яръ и изъ вновь-образовавшейся стѣны выглянули гигантскіе клыки и два огромные зуба мамонта. Удивленные крестьяне вытащили ихъ изъ глины и представили мѣстному начальству, въ Бузулукъ, въ Окружное Правленіе Государственныхъ Имуществъ.

На зарѣ слѣдующаго дня, стало-быть, въ четверкъ, восьмнадцатаго мая, мы вступили въ область Земли Оренбургскаго Казачьяго Войска и прибыли въ «Переволоцкую» станицу, названную такъ потому, что стоитъ на западномъ склонѣ Общаго Сырта, отдѣляющаго бассейнъ рѣки Самары, отъ бассейна Урала; отсюда начинается волокъ. Сыртомъ же здѣсь называютъ всякую возвышенность, служащую водо-

раздѣломъ: это нарицательное имя обратилось здѣсь въ имя собственное; другаго названія горы эти не имѣютъ; а простолюдье здѣшнее вмѣсто «Общій-Сыртъ» говоритъ сокращенно «Опчій»; только къ одному этому прозванію оно и привыкло.

Предшествующее Переволоцкой селеніе называется Полтавскій-Редутъ или, какъ на генеральной картѣ Оренбургскаго Края сказано, «Полтавка:» населеніе ея составляетъ исключительно одна Мордва.

Утренній чай мы пили въ Татищевой—все это мѣста хорошо-знакомыя по пушкинской исторіи Пугачова. Объ этой несчастной эпохѣ нѣтъ даже и помину; теперь край ужь не та дикая пустыня, какою онъ былъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ.

Казачки здѣшнія ходятъ въ сарафанахъ, которые стягиваются не на тальѣ, а на половинѣ груди; поясовъ не бываетъ. У дѣвицъ волосы заплетаются въ одну косу; женщины же голову завязываютъ платкомъ и, закрѣпивъ сзади узелъ, оба длинные конца распускаютъ по сторонамъ. На ногахъ бѣлые чулки и коты; рубаха бѣлая съ длинными рукавами.

Мы пріютились на главной, узенькой улицѣ и сѣли у окна, уставленнаго цвѣточными горшками. Противъ, оконъ на улицѣ остановилась одинокая телега и крестьянинъ только-что разгрузилъ ее, выложивъ разные товары, привезенные для распродажи. Базаръ раскинутъ былъ на двухъ большихъ рогожахъ и передній планъ заняли девять чугунныхъ котловъ, въ которые торговецъ постукивалъ длинною палочкой. На веселые звуки котелковъ, изъ сосѣдскихъ оконъ выглядывали свѣженькія головки казачьихъ дочерей, которыя дивовались на импровизированную ярмарку. Пытливые ихъ взоры преимущественно были направлены на двѣ большія хлѣбальныя чашки, выточенныя изъ липоваго дерева и блестѣвшія туманною позолотой и серебрянымъ бордюромъ изъ мелкихъ листочковъ. Одна чашка была темнокоричневая, другая размалёвана красною краской и обѣ щедро намазаны лакомъ. На другой рогожѣ вытянулись въ линію березовыя ведёрки, никакъ цѣлая дюжина! а рядомъ съ ними стояло во весь ростъ прислоненное къ телегѣ рѣзное коромысло, покрытое голубоватой краской. Въ сторонѣ стояла пирамида изъ возвышавшихся одно надъ другимъ ситъ и рѣшотъ, десятка два лагушекъ для дегтю, нѣсколько концовъ веревокъ, форфоровой большой чайникъ и три такія же блюдечка съ чайными чашками; на каждой изъ нихъ, среди лавроваго вѣнка, была какая-нибудь надпись золотыми буквами. Въ приличныхъ мѣстахъ, на сѣрыхъ бумажкахъ, разложены были въ симетрическомъ порядкѣ гвозди, нашатырь, индиго, зеленый купоросъ, ножи и гребни. Выбирай, чего душа желаетъ!

Первыми посѣтителями этого базара явились ребятишки. Они дружной гурьбой окружили обѣ цыновки; настороженнымъ ухомъ прислушивались къ глухому звуку, издаваемому чугунками, озирались другъ на друга и, сдерживая радостную улыбку, безпричинно разражались наконецъ веселымъ хохотомъ и пускались въ крупные разговоры.

Рыжебородаго торговца забавляли дѣти: онъ самъ сталъ съ ними заигрывать. Колотя безпрестанно въ небольшой котелокъ, онъ тою же палочкой вдругъ напускался на дѣтей и щекоталъ перваго, который былъ къ нему поближе. Ребятишки взвизгивали и опрометью кидались отъ телеги прочь. Мужикъ хладнокровно продолжалъ свой звонъ; дѣти снова подкрадывались къ рогожамъ, снова навостряли уши и ужь сами тихохонько затрогивали мужика за полы смураго кафтана; тотъ долго на это не откликался и, давъ ребятамъ время заняться разсматриваніемъ золоченыхъ чашекъ, снова ихъ пугалъ неожиданнымъ манёвромъ.

Скоро началъ находить народъ; покупщики со всѣхъ сторонъ стекались... но чай отпить, лошади заложены и мы отправились.

Мы ѣхали восточнымъ склономъ Общаго Сырта; вдали Уралъ; на широкой степи на горизонтѣ виднѣлись группы невысокихъ холмовъ, выглядывавшихъ одинъ изъ-за другаго; по тучной травѣ бродили стада барановъ: мы увидѣли перваго Киргиза въ вислоухомъ калпакѣ и въ одномъ халатѣ, безъ рубахи. Онъ сидѣлъ при дорогѣ и узенькими глазками вглядывался въ приближавшійся къ нему нашъ экипажъ. Когда мы поравнялись, Киргизъ сталъ на ноги, снялъ калпакъ и, обнаживъ давно ужь небритую голову, на которой даже и тюбетейки не было, угрюмо, но низко кивнулъ раза два, сдѣлавъ два скорые поклона и не спуская съ насъ глазъ.

Былъ полдень; солнце жгло и палило; изъ-за покрытыхъ зеленью холмовъ выглядывали сизыя тучки; въ воздухѣ душно, но намъ ужь недалеко: вонъ, вправо ослѣпительной бѣлизной блещутъ городскія зданія, яркой искоркой горитъ соборный куполъ, бѣлоснѣжной колонной высится минаретъ каравансарая... еще двѣнадцать верстъ и мы почти-что дома.

Переправившись черезъ Сакмару, въ восьми верстахъ отъ города, и давъ лошадкамъ отдохнуть, мы полетѣли съ быстротою; городскія зданія росли, башкирскій каравансарай, служащій памятникомъ просвѣщенной заботливости прежняго правителя края, В. А. Перовскаго, и выстроенный по эскизамъ архитектора Брюлова, росъ передъ нами во всей красотѣ своихъ деталей. За нимъ, вправо отъ дороги, виднѣлись крѣпостныя стѣны и земляной валъ, по которому сотни народа, въ бѣлыхъ рубахахъ, въ бѣлыхъ калпакахъ, возили тачки; около нихъ копошились другіе люди въ сѣрыхъ фуражкахъ и въ сѣрыхъ курткахъ; солнышко жгучимъ лучомъ падало на солдатское ружье, но лучъ этотъ, преломившись въ полированной поверхности штыка, разсыпался и дробился на тысячи горящихъ разными огнями искръ.

У шлагбаума насъ опросили и отобрали подорожную моего спутника. Мы въ Оренбургѣ.

VIII.

Илецкая Защита.

Первое впечатлѣніе, производимое Оренбургомъ на заѣзжаго человѣка, чрезвычайно-поразительно: кажется, такъ и окунешься въ настоящую Азію. То попадется на встрѣчу коренастая, полнощокая, узкоглазая и скуластая Киргизка, одѣтая въ обыкновенный бумажный мужской халатъ, обутая въ неуклюжія сапожищи, съ выпущенными поверхъ ихъ шальварами, и намотавшая на голову себѣ кусокъ холста въ видѣ высокой шапки; то натолкнешься на верховаго наѣздника съ неевропейскимъ типомъ лица, съ страннымъ костюмомъ, въ которомъ главную роль играетъ опять тотъ же халатъ, и высокій вислоухій калпакъ, съ старинною саблею и съ длиннымъ копьемъ въ рукахъ. Спросишь встрѣчнаго: что̀ это за человѣкъ такой? и повѣришь на̀-слово, что это казакъ, Башкирецъ. Не успѣешь его выпустить изъ виду, какъ замѣчаешь передъ собой новую фигуру — такого же дикаря, но ужь гораздо-бѣднѣе одѣтаго все въ тотъ же халатъ и почти въ такой же калпакъ; вглядишься въ его монгольскій обликъ, всмотришься въ его косоватые глаза и рѣденькую клиновидную бородку и догадаешься, что это Киргизъ. Въ иномъ мѣстѣ попадется сильно-нарумяненная Татарка, надѣвшая себѣ на голову, вмѣсто чадры, легкій лѣтній халатъ и закрывшая имъ свое размалёванное личико отъ нескромныхъ взоровъ любопытствующихъ мужчинъ. Тутъ, въ переулкѣ, стая голодныхъ собакъ не даетъ дороги прохожему; тамъ арава жирнохвостыхъ барановъ гонится черезъ пловучій, на живую нитку смастеренный, мостъ; у покривившагося на бокъ домика мететъ улицу Татаринъ въ долгой, гораздо-ниже колѣнъ, синей рубахѣ и въ черной ермолкѣ или тюбетеѣ на дѐ-гола выбритой головѣ; здѣсь мычитъ, точно младенецъ плачетъ, павшій на колѣни верблюдъ, высоко поднявъ свою долгую шею съ коротенькой мордочкой и съ жалостнымъ выраженіемъ свѣтленькихъ глазокъ. Вдали

виднѣется каравансарай; ближе сюда блеститъ на синемъ небѣ жестяная луна, насаженная на высокій шпицъ татарской мечети, а черезъ нѣсколько времени спустя, на минаретѣ покажется навитая на мѣховую шапку чалма азанчѣя: онъ высунется немного изъ-за рѣшетки окна, заткнетъ себѣ уши пальцами и, тряся, что̀ есть мочи, бородой, во все горло станетъ распѣвать завѣтныя слова, призывая правовѣрныхъ на молитву. Копье, калпакъ, шальвары, скуластыя лица, верблюды, бритые черепы и груды кизяка повсюду, повсюду селямы, халаты и непривычный уху говоръ — чистѣйшая Азія!

Но нѣтъ, это не Азія. Надо хорошенько оглядѣться, надо хорошенько ко всему прислушаться. Золотые кресты сіяютъ надъ изящными храмами православныхъ церквей; цѣлыя линіи уютныхъ, щегольскихъ деревянныхъ домиковъ дружно вытянулись вдоль по улицѣ; между ними красуется нѣсколько роскошныхъ, большихъ каменныхъ зданій; въ одной сторонѣ раздаются звучные аккорды бальной музыки, съ другой несется къ намъ дробное грохотанье барабана и командныя слова звонкаго тенора на воинскомъ ученьи: вотъ цѣлый взводъ кадетовъ, обмундированныхъ въ красивую казачью форму; изъ сосѣдняго дома льются чудные звуки серебрянаго голоска молоденькой дѣвушки, разучивающей итальянскую арію, или повторяющей старинный романсъ: «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи!» На пыльной, немощеной улицѣ появляются франтовскіе экипажи на лежачихъ рессорахъ, а вотъ и кавалькада: ее составляютъ хорошенькія амазонки—оренбургскія барышни, окруженныя услужливыми, щеголеватыми кавалерами.

Въ Оренбургѣ все есть: чего хочешь, того просишь; здѣсь какая-то смѣсь парижскаго съ нижегородскимъ, нижегородскаго съ хивинскимъ. Это не Европа, но и не чистая Азія; отъ Азіи нашъ Оренбургъ поотсталъ, но не дошелъ еще во всѣхъ чертахъ до утонченности главнѣйшихъ русскихъ городовъ. Оно, впрочемъ, такъ и быть должно. Оренбургъ городъ новый; едва прошло десятилѣтіе, какъ онъ отпраздновалъ свое одновѣковое существованіе.

Имя Оренбурга происходитъ отъ названія рѣки Ори и нѣмецкаго окончанія «burg». Имя этого города извѣстно съ 1734 года, когда императрица Анна Іоанновна соизволила повелѣть выстроить въ Киргизской Степи на рѣкѣ Ори городъ. Исполненіе этого повелѣнія возложено было на извѣстнаго государственнаго человѣка, обер-секретаря, статскаго совѣтника Кириллова; городъ, какъ говоритъ классическій, доселѣ первенствующій описыватель Оренбургскаго Края, Петръ Рычковъ, въ 1735 году дѣйствительно застроенъ былъ близь устья рѣки Ори: «Но понеже оное мѣсто къ населенію тутъ большаго города по многимъ причинамъ оказалось неспособно и отъ вёшней воды явилось весьма поёмное, того ради, по представленію тайнаго совѣтника Татищева, еще отъ ея жь величества блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны, въ 1739 году августа 9 дня, имянной указъ послѣдовалъ, чтобъ оный, при Кирилловѣ застроенный, городъ именовать Орскою Крѣпостью, а настоящій Оренбургъ

строить по Яику-рѣкѣ, ниже того мѣста сто-восемьдесятъ-четыре версты, при урочищѣ, называемомъ Красная-Гора (нынѣ крѣпость Красногорская, 74 версты выше Оренбурга), который тутъ въ 1740 году былъ и застроенъ, но и сіе для разныхъ неудобностей отмѣнено и высочайшимъ именнымъ указомъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти великія государыни императрицы Елисаветы Петровны, состоявшимся въ Правительствующемъ Сенатѣ, за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ, октября 18 дня 1742 года, для показанныхъ, отъ господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Неплюева, обстоятельствъ, повелѣно строить его близъ устья рѣки Сакмары, на томъ мѣстѣ, гдѣ оный нынѣ находится.»

Первоначальная мысль основанія города въ Киргизской Степи принадлежитъ Петру-Великому. Соймоновъ разсказываетъ, что когда, во время персидскаго похода, въ присутствіи Государя, зашла рѣчь о торговлѣ Россіи съ Азіей, императоръ изволилъ замѣтить, что хотя по Каспійскому Морю и можно намъ имѣть съ Персіей и съ береговыми народами коммерцію, но море ненадежно, пристаней и складовъ скоро сдѣлать негдѣ, да и трудно, а надлежитъ неотмѣнно сдѣлать коммуникацію съ сухаго пути, построить на Яикѣ городъ, уставить военную черту, сладить съ Киргизами: оттуда близко Хива, а отъ Хивы и до Индіи недалеко, всего переходу мѣсяца два. Слѣдствіемъ, между-прочимъ, этой великой мысли была экспедиція князя Бековича-Черкасскаго, погибель котораго даже понынѣ страшитъ Хивинцовъ. Вмѣстѣ съ кончиною Великаго угасли и помыслы о Средней Азіи. Но въ 1733 году, киргизскій ханъ Абульхаиръ, возведенный потомъ государынею въ достоинство хивинскаго хана, призналъ за благо принять присягу на вѣрноподданство Русской Государынѣ. Въ это время прежніе слуги великаго царя, Волынскій, Татищевъ, князь Урусовъ и Соймоновъ разъяснили императрицѣ важность этого событія и преднамѣренія Петра-Великаго; вслѣдствіе этого-то всеподданнѣйшаго доклада и назначены были для строенія Оренбурга оберсекретарь Кирилловъ и Татаринъ, полковникъ Тевкелевъ, оставившій послѣ себя любопытные матеріалы, касающіеся Оренбургскаго Края. Самый успѣшный ходъ дѣлу устройства новой крѣпости данъ былъ тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Ивановичемъ Татищевымъ: онъ окончательно избралъ для новаго города нынѣшнее его мѣсто, выстроилъ крѣпость, населилъ ее, учредилъ дороги, основалъ военную линію, вызвалъ переселенцовъ, завелъ хлѣбопашество, положилъ начало горнозаводскому дѣлу, ввелъ правильную разработку копей каменной соли и организовалъ порядокъ производства коммерческихъ сношеній съ залинейскими Киргизами. Въ Оренбургѣ были сосредоточены управленія военное, гражданское и пограничное; развитіе промышленныхъ силъ шло съ блестящимъ успѣхомъ; едва-возникнувшій Оренбургъ росъ не по днямъ, а по часамъ; но съ 1770 года начались смятенія у Башкирцовъ, потомъ, въ 1782 году, главное управленіе губерніей перенесено въ Уфу, въ 1786 году начались частые пожары: Оренбургъ выгорѣлъ до тла и почти вплоть до начала текущаго столѣтія не могъ

подняться изъ ничтожества, до котораго доведенъ былъ стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ.

Нынѣ Оренбургъ, въ-отношеніи къ Оренбургской Губерніи, есть только уѣздный городъ; по географическому своему положенію, онъ находится на этой сторонѣ рѣки Урала, бывшаго Яика, на границѣ Земли Оренбургскаго Казачьяго Войска, огромной области, отдѣляющей Оренбургскую Губернію отъ средней и восточной частей Киргизской Степи, точно такъ же, какъ Земля Уральскаго Казачьяго Войска отдѣляетъ губерніи Самарскую и Астраханскую отъ западной части той же Киргизской Степи (оренбургскаго вѣдомства). Совершенно-иное значеніе имѣетъ Оренбургъ ко всему пространству необъятнаго Оренбургскаго Края, въ составъ котораго входятъ слѣдующія области:

1) Башкирія, то-есть вся Оренбургская Губернія и части губерній Пермской, Вятской и Самарской.

2) Земля Оренбургскаго Казачьяго Войска.

3) Земля Уральскаго Казачьяго Войска.

4) Степь Киргизовъ Внутренней Орды, то-есть часть Астраханской Губерніи.

5) Степь Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства, начиная отъ восточныхъ прибрежій Каспія, далѣе къ востоку, черезъ Усть-Уртъ и черезъ все Аральское Море до праваго берега рѣки Сыра.

Какъ важная крѣпость и какъ средоточіе управленія всѣми этими отдѣльными областями, Оренбургъ, естественно, вмѣщаетъ въ себѣ всю аристократію цѣлаго народонаселенія Края: все, что̀ есть лучшаго, пышнаго, торжественнаго по отношенію къ общественному положенію, къ богатству, роскоши, высшей образованности—все это дружно скопилось въ одномъ Оренбургѣ. Поэтому и неудивительно, что самыя значительныя учебныя заведенія устроены не въ губернскомъ городѣ Уфѣ, а въ самомъ Оренбургѣ; въ немъ существуютъ именно: 1) Оренбургскій Неплюевскій Кадетскій Корпусъ, для Русскихъ, для Башкирцовъ и для Киргизовъ; 2) гражданская школа для киргизскихъ дѣтей; 3) училище при Батальйонѣ Военныхъ Кантонистовъ; 4) Фельдшерское Военное Училище, въ которомъ съ большимъ успѣхомъ обучаются Русскіе, Евреи, Татары и Башкирцы; 5) полурота Корпуса Топографовъ, въ которой подготовляются спеціально-образованные чертежники и рисовальщики-топографы и геодезисты. Про медресѐ при мечетяхъ и говорить нѐчего: они у насъ заведены всюду.

Оренбургъ городъ и военный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, купеческій; но ни православные, ни мухаммеданскіе представители здѣшняго купечества не успѣли еще основать здѣсь ничего такого, гдѣ бы дѣти ихъ могли усвоить себѣ знанія, въ каждомъ быту полезныя, а въ купеческомъ и подавно необходимыя.

Въ Оренбургѣ круглый годъ, изо дня въ день, ярмарка. Торговлю его можно раздѣлить на внутреннюю, въ стѣнахъ самаго Оренбурга, на внѣшнюю, или на коммерческіе обороты Оренбурга какъ съ другими городами имперіи, такъ и съ Киргизскою Степью, и на торговлю

заграничную, или на коммерческія связи Оренбурга съ Хивой и Бухарой.

Цифры, касающіяся до статистики города Оренбурга, не поражаютъ своею громадностью. Въ Оренбургѣ за 1849 годъ считалось 44 дома каменныхъ, изъ нихъ 25 казенныхъ и 1667 домовъ деревянныхъ, изъ нихъ 8 казенныхъ; лавокъ каменныхъ 148, деревянныхъ 99; жителей, кромѣ военнаго вѣдомства, мужескаго пола три съ половиною тысячи, женскаго до четырехъ тысячъ; ежегодно рождается до тысячи человѣкъ, умираетъ до семисотъ человѣкъ; браковъ совершается до двухъ сотъ. Фабричная промышленость ограничивается только первоначальною обработкою продуктовъ, получаемыхъ отъ киргизскаго скотоводства: здѣсь существуютъ заведенія для выварки клея, мыла, отливанья свѣчъ, выдѣлыванія кожъ; но гораздо-значительнѣе салотопни; ихъ считается до двѣнадцати; сала топится тысячъ на шестьсотъ рублей ассигнаціями.

Купечествующихъ лицъ немного, именно:

Почетныхъ гражданъ, 1-й гильдіи купцовъ, капиталовъ.	1, лицъ	3
Купцовъ 1-й гильдіи	2, —	8
— 2-й гильдіи	2, —	5
— 3-й гильдіи русскихъ	44, —	136
— — — мухаммеданъ	19, —	96
Дворянъ и чиновниковъ, объявившихъ капиталъ по 3-й гильдіи	2, —	2
Иногородныхъ купцовъ, получившихъ свидѣтельство. .		20
Торгующихъ крестьянъ по свидѣтельствамъ 3-го рода .		13
4-го рода .		26
Прикащиковъ.		84
Въ сосѣдственной Оренбургу слободѣ Каргалѣ, или въ Сейтовскомъ Посадѣ, мухаммеданъ, записанныхъ по 3-й гильдіи . . . . . капиталовъ	74, —	400

Каргала лежитъ на рѣкѣ Сакмарѣ, въ восьмнадцати верстахъ отъ Оренбурга. Посадъ этотъ застроился, лѣтъ сто тому назадъ, вслѣдствіе привилегіи, данной Сенатомъ Татарину Сейту съ двумя стами единовѣрными ему семьями, съ тѣмъ, чтобъ они, согласно сдѣланному ими добровольному вызову, поселились здѣсь, обстроились, занялись торговлею и завели бы хлопчатобумажныя плантаціи. Каргалинцы занялись торговлею, которая и донынѣ составляетъ главнѣйшее ихъ занятіе; но къ посѣвамъ хлопчатой бумаги доселѣ даже и не приступали.

Каргалинцы, какъ и касимовскіе Татары, занимаются преимущественно мелочнымъ торгомъ и разносомъ товаровъ по домамъ, торгуютъ халатами, кушаками, разными бухарскими матеріями, разными шкурами, а пуще всего одолѣваютъ заѣзжаго человѣка прелестными, вязаными въ узоръ дамскими платками изъ «кашмирскаго пуха», то-есть изъ пуха обыкновенныхъ степныхъ киргизскихъ козъ. Пухъ этотъ въ старые годы огромными тюками вывозился изъ Оренбурга въ Ростовъ; тамъ его перекупали оптовые торговцы и отправляли въ Лембергъ, а изъ Лемберга товаръ этотъ шелъ ужь во Францію, откуда возвращался обратно къ намъ въ Москву и Петербургъ, въ видѣ пре-

восходныхъ кашмирскихъ платковъ и шалей, которыми теперь снабжаютъ насъ московскія фабрики.

Мы здѣсь, въ Петербургѣ, предорого платимъ за пуховые платочки, косыночки, чулки, дамскія пальто и прочія издѣлія, пріобрѣтаемыя нами за иностранныя; а этотъ, именующійся иностраннымъ, товаръ выдѣлывается у насъ же, въ Россіи, и если не ошибаюсь, то преимущественно въ Тамбовской Губерніи и потомъ въ Землѣ Оренбургскаго Казачьяго Войска, на Оренбургской Линіи, на пространствѣ отъ Оренбурга до Орской Крѣпости. Тамъ нѣкоторыя изъ этихъ издѣлій приготовляются казачками и распродаются по коммиссіямъ въ самомъ Оренбургѣ. Нельзя сказать, чтобъ промышленость эта процвѣтала: напротивъ, по разсказамъ здѣшнихъ старожиловъ, она видимо клонится къ упадку. Причина та, что правильной торговли этими издѣліями нѣтъ; опредѣленныхъ заказовъ здѣшнія мастерицы не получаютъ; техническихъ усовершенствованій въ вязаньи не придумано, а за плохимъ сбытомъ и промышленость эта, несмотря на давность своего существованія, не пріобрѣла въ столицахъ и большихъ городахъ общеизвѣстности. Если и случится въ Петербургѣ пріобрѣсть, по случаю, роскошный съ виду, нѣжный на ощупь пуховый платокъ, то, разумѣется, мы платимъ вчетверо и впятеро дороже, чѣмъ этотъ платокъ въ-самомъ-дѣлѣ стоитъ на мѣстѣ.

Мнѣ случилось видѣть, между-прочимъ, одинъ такой платокъ. Величина его была около квадратной сажени и при-всемъ-томъ, вѣсу въ немъ было всего 13½ золотниковъ; по своей тонинѣ, онъ легко могъ быть продѣтъ сквозь обыкновенный перстень.

Еще здѣсь есть одно замѣчательное производство — это выдѣлка армячины изъ верблюжьяго пуха и шерсти. Изъ простой армячины, то-есть изъ грубаго толстаго шерстянаго полотна, шьются обыкновенные армяки, бывающіе въ восточныхъ предѣлахъ имперіи во всеобщемъ употребленіи нашего простолюдья, особенно въ Сибири; но въ Каргалѣ, въ Илецкомъ Городкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ, сосѣдственныхъ къ Оренбургу, мѣстахъ, полотно это выдѣлывается чрезвычайной тонины, нѣжности и мягкости, особенно если къ верблюжьему пуху примѣшать шолку или шолковыхъ охлопьевъ. Тонкая армячина, имѣющая цвѣтъ бѣлый, желтый, или сѣроватый, занимаетъ какъ-бы средину между камлотомъ, папляномъ и кашмиріеномъ и, по плотности своей, можетъ соперничествовать съ привозными иностранными мужскими лѣтними матеріями и совершенно уничтожить дешевое, но весьма-непрочное московское или остзейское лѣтнее трико, или такъ-называемую брючную матерію. Но въ томъ-то и дѣло, что между производителями этого товара нѣтъ людей, вопервыхъ — капитальныхъ, а во-вторыхъ—достаточно-свѣдущихъ въ разныхъ знаніяхъ для того, чтобъ постигнуть важность механическаго пряденія верблюжьяго пуха, воспользоваться этимъ изобрѣтеніемъ, примѣнить его къ своему производству и произвести благодѣтельную реформу въ мѣстной фабрикаціи шерстяныхъ тканей. Разумѣется, настанетъ время, прійдетъ срокъ, когда необходимость эта почувствуется, когда явятся и капиталы и познанія и когда все пойдетъ какъ-нельзя-лучше.

Однакожь, то время, когда около Оренбурга должны будутъ возникнуть фабрики, еще очень отъ насъ отдаленно. Числительность населенія по сю сторону Урала и родъ жизни Киргизовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пустынность степи—пустынность въ нашемъ, европейскомъ значеніи этого слова — сами собою служатъ естественнымъ указаніемъ, почему здѣсь должна существовать только торговля, а не фабричная дѣятельность.

У Оренбургскаго Края двѣ границы: одна государственная, по рѣкѣ Сыръ-дарьѣ («дарья» значитъ рѣка), другая таможенная, по рѣкѣ Уралу. Торговля съ Киргизами, производящаяся въ предѣлахъ Царства Русскаго, между рѣками Ураломъ и Сыромъ, но ужь за таможенною границею, называется иными «заграничною» нашею торговлею, тогда-какъ эпитетъ этотъ долженъ относиться исключительно къ торговлѣ нашей съ ближайшими къ намъ старинными владѣльцами Средней Азіи, Хивой и Бухарой, и со вновь, въ недавнее время самостоятельно утвердившимся, Коканомъ.

Политическія и торговыя связи наши съ государствами... нѣтъ, виноватъ, не съ «государствами», а съ «ханствами», этой части Азіи возникли давно; не кидаясь въ туманную даль временъ отдаленныхъ, припомнимъ только, что по рѣкѣ Уралу распространялись Ногайскія Земли, что еще при царѣ Іоаннѣ IV послы бухарскіе и хивинскіе трепетали взоровъ бѣлаго царя русскаго и что еще въ первый годъ основанія нашего Петербурга юргенчскій и хивинскій ханъ Шайбадуръ присылалъ къ государю Петру-Великому посла своего съ просьбою «быть ему у его царскаго величества въ подданствѣ», на что государь тогда же и соизволилъ: быть ему въ подданствѣ указалъ. Объ этомъ событіи было сообщено публикѣ къ свѣдѣнію въ издававшихся въ Москвѣ отъ правительства вѣдомостяхъ, въ нумерѣ отъ 18-го марта 1704 года.

Мѣна наша съ дальними сосѣдями производилась, въ старинныя времена, по Волгѣ; потомъ, когда наши промышленные люди стали придвигаться все дальше-и-дальше къ востоку, главные пункты торговли передвинулись на рѣку Каму и потомъ на Тоболъ; распространяясь отсюда еще восточнѣе, мы не упускали изъ виду и южныхъ странъ: окруживъ отовсюду Башкирію, купцы наши стали проникать далеко за Уфу, къ южнымъ предгоріямъ Уральскаго Хребта. Стеченіе обстоятельствъ дало новый толчокъ промышленному движенію и, при преемникахъ Петра, торговля съ Киргизами и съ среднеазійцами была организована на прочныхъ, по тогдашнимъ событіямъ, началахъ, а въ самомъ Оренбургѣ, для успѣшнѣйшаго хода ея, основанъ былъ мѣновой дворъ.

Цѣль учрежденія мѣновыхъ дворовъ прекрасная; она состояла въ томъ, чтобъ отнять у среднеазійцевъ охоту попрежнему посѣщать Макарьевскую Ярмарку и, проникая въ центральную Россію, своимъ обширнымъ торгашествомъ мѣшать промышленнымъ оборотамъ русскихъ подданныхъ. Учрежденіемъ мѣновыхъ дворовъ имъ указаны пункты, долженствующіе навсегда оставаться главными рынками нашей азіатской торговли, гдѣ и оптовой и разничный продавецъ всег-

да могъ найдти себѣ покупщиковъ и навѣрное сбыть съ рукъ все, что вывезено имъ изъ своей земли, не дѣлая того подрыва внутренней нашей торговлѣ, какой былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ появленія среднеазійскихъ торгашей на центральныхъ рынкахъ внутренней Россіи. Впрочемъ, этотъ предметъ такъ обширенъ, что разъясненію его должно бы посвятить отдѣльное разсужденіе.

Осмотрѣвшись съ недѣльку въ Оренбургѣ, я предпринялъ поѣздку въ мѣстечко Илецкую Защиту, за которою доселѣ осталось еще названіе крѣпости, хотя она теперь не имѣетъ никакого стратегическаго значенія.

Для избѣжанія недоразумѣній, считаю нелишнимъ повторить, что эту Илецкую Защиту недолжно смѣшивать съ Илецкимъ Городкомъ: Илецкая Защита лежитъ за рѣкою Ураломъ, въ землѣ перваго округа Оренбургскаго Казачьяго Войска, по сю сторону рѣки Илека, верстахъ въ пяти отъ этой рѣки. Участокъ земли, приписанный къ этому мѣстечку, находится въ исключительномъ завѣдываніи Министерства Финансовъ.

Илецкій же городокъ лежитъ на западъ отъ Защиты, гораздо-ниже ея, по теченію рѣки Илека, и находится въ землѣ не Оренбургскаго, а Уральскаго Казачьяго Войска.

Богатства Илецкой Защиты извѣстны съ весьма-давнихъ временъ. Книга Большому Чертежу, разсказывая про рѣку Гемъ, у Калмыковъ — Зенъ, у Киргизовъ — Джемъ, которую мы переименовали въ Эмбу, и переходя отъ нея къ рѣкѣ Уралу, наименовываетъ рѣку Илезъ, или Илекъ и говоритъ, что тутъ есть «гора Тустеби, по-нашему, та гора — соленая: ломаютъ въ ней соль». Илецкой Защитѣ и доселѣ нѣтъ у Киргизовъ инаго названія, какъ стариннаго Тустюбя, слово-въ-слово: Соль-Гора, а на прежнюю разработку этой соли Ногайцами, потомъ Киргизами и сопредѣльными съ ними Башкирцами, указываютъ многочисленныя ямы, до-сихъ-поръ, какъ говорятъ, еще существующія.

Изъ записки, полученной мною, во время посѣщенія Защиты, отъ мѣстнаго начальства, видно, что, при основаніи Оренбургской Линіи, во время управленія Краемъ тайнаго совѣтника Неплюева, въ 1744 году, посыланъ былъ въ Киргизскую Степь, для развѣдыванія, майоръ Кублицкій: онъ сдѣлалъ около Тустюбя развѣдку въ пятидесяти-трехъ мѣстахъ, но глубже трехъ аршинъ солянаго пласта не проникалъ; черезъ годъ послѣ него отправленъ былъ туда же ревельскаго драгунскаго полка полковникъ Иннисъ, Англичанинъ; но о послѣдствіяхъ его разысканій ничего не извѣстно, кромѣ только того, что съ-тѣхъ-поръ соляныя копи начали разработываться и Русскими; добытая соль употреблялась въ то время только на продовольствіе войскъ; разрѣшено было и Башкирцамъ, въ числѣ прочихъ, при обложеніи ихъ ясакомъ, дарованныхъ имъ отъ правительства привилегій, разработывать эти копи безденежно. Въ 1746 году губернаторъ, для пользы народной, испрашивалъ у Правительствующаго Сената дозволеніе на свободную добычу илецкой соли, съ платежемъ въ казну установленнаго акциза. Въ 1753 и 1754 годахъ, по указамъ Сената, ясакъ съ

Башкирцевъ и съ Мещеряковъ снятъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ воспрещена имъ безденежная добыча илецкой соли; копи поступили въ казенное завѣдываніе и соль, ужь отъ казны, продавалась желающимъ по тридцати-пяти копеекъ за пудъ. Однакожь, прежніе владѣльцы степи, Киргизы, оставлены были при своемъ правѣ безденежнаго пользованія солью; право это впослѣдствіи измѣнилось въ томъ отношеніи, что Киргизовъ не самихъ лично допускали къ разработкѣ копей, а давали имъ выработанную на казенный счетъ соль въ неограниченномъ количествѣ. Нынѣ, когда Илецкая-Защита лежитъ ужь внѣ прежнихъ границъ Киргизской Степи, которая въ этомъ мѣстѣ теперь начинается ужь за рѣкою Илекомъ, положено отпускать Киргизамъ соль безденежно въ количествѣ девяти тысячъ пудовъ ежегодно. Извѣстно, что Киргизы почти вовсе не употребляютъ соли, или употребляютъ ея очень-мало, и что, кромѣ илецкой соли, они довольствуются солью еще изъ множества разсѣянныхъ по степи соляныхъ озеръ.

Около мѣста разработки соли построена была въ старинные годы крѣпостца и для охраненія ея опредѣлена пѣхотная комплектная рота съ артиллеріею; но укрѣпленія этой крѣпостцы, почти до нашихъ временъ, ограничивались однѣми только рогатками, которыя считались, и дѣйствительно были, вполнѣ-достаточнымъ оплотомъ противъ набѣговъ хищныхъ Киргизовъ. Вслѣдствіе этихъ преградъ и самое селеніе усвоило за собою названіе Илецкой-Защиты. Въ 1832 году, когда оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ графъ Сухтеленъ, селеніе это обнесено брустверомъ и рвомъ. Но важнѣйшимъ событіемъ была особая мѣра, предложенная въ 1810 году, обер-квартирмейстеромъ полковникомъ Струковымъ и имъ же приведенная въ исполненіе. Мѣра эта, вслѣдствіе которой богатое илецкое мѣсторожденіе соли совершенно и навсегда ограждено отъ набѣговъ киргизскихъ хищниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезопасена дорога во внутреннюю Россію, состояла въ томъ, вопервыхъ, что для сбыта соли открытъ новый удобнѣйшій путь къ волжской пристани при городѣ Самарѣ, на протяженіи 320 верстъ, а во вторыхъ—для охраненія Защиты проведена новая таможенная черта съ восточной стороны по рѣчкамъ Куралѣ и Бердянкѣ, а съ юга по рѣкѣ Илеку. Все это было приведено въ исполненіе въ 1811 году, а отрѣзанное отъ степи пространство, между рѣками Ураломъ, Илекомъ и Бердянкой, заселено оренбургскими казаками. Такимъ-образомъ Илецкая-Защита очутилась ужь внѣ Киргизской Степи, или, какъ въ то время неправильно выражались, внутри предѣловъ государства. Въ 1810 году всѣ заняты были Наполеономъ: намъ нѣкогда было обращать вниманіе на свой востокъ; у насъ даже успѣли забыть, что вся Киргизская Степь давнымъ-давно, именно съ 1741 года, находилась внутри предѣловъ государства.

Что касается до управленія илецкимъ промысломъ, то съ начала поступленія его въ казенное завѣдываніе, въ немъ происходили разныя измѣненія. Сначала добыча соли производилась подъ непосредственнымъ распоряженіемъ главнаго оренбургскаго начальства; въ это время она отдана была на откупъ, ненадолгое время. Потомъ въ Оренбургѣ учреждена была соляная контора; соль развозилась сухо-

путно вольнонаемными возчиками къ городу Стерлитамаку, для сплава по рѣкамъ Бѣлой и Камѣ, а далѣе Волгою до Нижняго Новгорода, для мѣстныхъ запасныхъ магазиновъ. Съ 1790 года перевозка эта была прекращена и добыча соли по 1806 годъ производилась подъ распоряженіемъ Оренбургской Казенной Палаты, исключительно для мѣстнаго продовольствія жителей Оренбургской Губерніи. Въ это время годовой расходъ ея исчисленъ былъ въ триста тысячъ пудовъ, а до 1786 года соли здѣсь добывалось ежегодно до двухъ милліоновъ пудовъ. Съ 1806 года илецкія копи, въ облегченіе соляной операціи, обращены въ вольный промыселъ, подъ управленіемъ особой экспедиціи и съ учрежденіемъ запасныхъ магазиновъ, для распродажи соли: въ Оренбургѣ и Уфѣ — по сухопутной развозкѣ, а въ Стерлитамакѣ—для сплава водою по рѣкѣ Бѣлой; при этомъ цѣна соли опредѣлена: на мѣстѣ выработки въ 12 копеекъ, а въ запасныхъ магазинахъ нѣсколько-дороже, то-есть съ надбавкою цѣнности провоза. Въ 1816 году, по проекту Струкова, опредѣлено илецкій промыселъ распространить и предположено соль добывать, по правиламъ горныхъ разработокъ, въ количествѣ неменѣе четырехъ милліоновъ пудъ, съ тѣмъ, чтобъ три милліона пудовъ ежегодно доставлялось на самарскую пристань. Для этой цѣли основано было новое сословіе крестьянъ-солевозовъ, которые, въ числѣ десяти тысячъ душъ, и были приписаны къ Илецкой-Защитѣ. Для главнаго управленія промысломъ образовано Правленіе въ городѣ Самарѣ, а при выработкѣ на мѣстѣ— Горная Контора въ Илецкой-Защитѣ. Въ 1818 году контора уничтожена, а правленіе переведено изъ Самары въ Илецкую-Защиту. Въ 1827 году промыселъ былъ снова преобразованъ.

Солевозный трактъ идетъ изъ Илецкой-Защиты степью и чрезъ слободу Новокардаиловскую входитъ въ Уральскую-Землю у Илецкаго Городка, далѣе выходитъ на линейную уральскую дорогу между Мухрановкою и Кинделями; отсюда степью же достигаютъ до тракта, ведущаго изъ Уральска въ Бузулукъ, между умётами Озернымъ и Пономаревымъ. Съ Озернаго солевозный трактъ, чрезъ умёты Грязный, входитъ въ предѣлы Самарской Губерніи и здѣсь, черезъ хуторъ Иргизскій, село Орѣховку и деревню Подъемную, достигаетъ Самары.

Въ одной любопытной рукописи, относящейся къ 1799 году, разработка описывается такимъ-образомъ. Яма, гдѣ соль добываютъ, находится въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крѣпостцы въ полуденную сторону; около нея построены плетневые съ камышевыми крышами магазины. Нынѣ ямы въ ширину и въ длину саженъ по сту, а въ глубину аршинъ десять. Работа производится слѣдующимъ образомъ: на горизонтальномъ соляномъ полу ямы, во всю ширину, дѣлаютъ изъ соли уступы, вышиною въ одинъ аршинъ, шириною три аршина: точно какъ лѣстницу. На площади верхняго уступа пробиваютъ борозды узкими желѣзными теслами и топорами, шириною вершка въ три, разстояніемъ борозда отъ борозды въ одинъ аршинъ, а въ глубину на аршинъ, то-есть до горизонта втораго уступа. Нарубивши такихъ бороздъ во всю ширину ямы, сколько ихъ выйдетъ, положатъ

бревно на катки и, привязавъ къ нему, къ обоимъ концамъ, веревки, за которыя двѣнадцать человѣкъ ухватясь, бьютъ на каткахъ концомъ бревна, съ другаго приступка, въ кряжъ соли, между бороздъ находящійся, отчего соль отскакиваетъ большими кусками. Итакъ, сбивши весь трехаршинный кряжъ соли, сбиваютъ другой; такъ и всѣ, сколько ихъ есть во всю ширину ямы, и продолжаютъ такимъ образомъ ломку соли уступъ за уступомъ. Сбитую соль кусками и вырубленную мелкую, относятъ на носилкахъ изъ ямы на доскахъ въ магазины, гдѣ складываютъ ее вѣсомъ и отпускаютъ вѣсомъ же пріѣзжимъ подряднымъ возчикамъ. Соль въ Илецкой-Защитѣ хотя, по положенію, и продается по копейкѣ за пудъ крѣпостнымъ жителямъ, но никто ее не покупаетъ, ибо по улицамъ, по дорогѣ, около ямы, по телегамъ, на инструментахъ, на платьѣ работниковъ — вездѣ соль находится, отчего она здѣсь идетъ даромъ.

Нынѣшняя манера разработки копей производится нѣсколько-улучшенными способами. Выработка располагается правильными уступами, борозды продольныя и поперечныя вырубаются топоромъ и подчищаются киркой; затравками служатъ деревянные колья, потому-что желѣзные клинья отъ ударовъ въ сплошную массу соли могутъ выскочить, а деревянныя въѣдаются въ нее плотно; косяки сбиваются барсами или таранами. Длина косяка бываетъ неравная: отъ десяти и до тридцати аршинъ, глядя по обстоятельствамъ, но ширина и толщина всегда одна и та же, въ пять четвертей. Косяки, посредствомъ желѣзныхъ клиньевъ, разбиваются на равныя половинки, которыхъ можетъ быть и двѣ и три и четыре; половинки снова разбиваются на меньшія части—четвертинки и наконецъ на восьмушки; восьмушки эти или, попросту, комья, бываютъ правильной формы; ихъ-то на тачкахъ свозятъ на указанное мѣсто и складываютъ огромными бунтами въ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ. Бунты эти стоятъ всегда на чистомъ воздухѣ; вліяніе атмосферы на нихъ слишкомъ-ничтожно для того, чтобъ напрасно расходоваться на постройку деревянныхъ шатровъ.

Вѣсу въ кубическомъ аршинѣ илецкой соли пятьдесятъ пудовъ, но, для ровности счета, обыкновенно считается 48 или 49 пудовъ: усышки и утечки тутъ, разумѣется, быть не можетъ; но великъ расходъ бываетъ на ту соль, которая мелкими брызгами отскакиваетъ отъ массы при рубкѣ соли. Но и эта мелкая соль не пропадаетъ задаромъ: она, подъ названіемъ бороздковой, накладывается лопатками въ соленосный ушатъ, свозится на опредѣленное мѣсто и продается желающимъ. Кто рубилъ соль, тотъ самъ обязанъ мелкую соль изъ своихъ бороздокъ выносить въ особый бунтъ. Въ кубическомъ аршинѣ мелкой соли считается вѣсу отъ восьми до одиннадцати пудовъ, глядя по обстоятельствамъ.

Добыча соли производится только лѣтомъ; зимой работъ не бываетъ, кромѣ, развѣ, экстренныхъ случаевъ. Вольнонаемные работники здѣсь больше Татары, Башкирцы и Киргизы обѣднѣвшихъ родовъ. Заподряженные получаютъ съ перваго числа марта по 22 копейки, а съ перваго апрѣля — по 26 копеекъ серебромъ за каждый рабочій день;

они довольствуются собственнымъ содержаніемъ и квартирою и обязаны добыть соли лѣтомъ отъ 25 до 30 пудовъ въ день, а въ прочее время года отъ 20 до 25 пудовъ въ каждый рабочій день. Вольнонаемные на земляныхъ работахъ получаютъ по 19 копеекъ поденщины.

Развѣданное доселѣ мѣсторожденіе илецкой каменной соли занимаетъ площадь отъ востока къ западу на 609, а отъ сѣвера къ югу на 982 сажени; глубина, тоже невполнѣ-изслѣдованная — 68 саженъ. Въ семьнадцати верстахъ отсюда, есть другое, тоже богатое мѣсторожденіе каменной соли, именно Мертвыя-Соли. Богатства здѣсь такія, что въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Павловичъ, обозрѣвая Защиту 13-го сентября 1824 года, воскликнулъ: «Боже мой, какое богатство!»

Въ знаменитой Величкѣ добыча каменной соли производится подземными работами; а такъ-какъ выработка шахтами гораздо-красивѣе, чѣмъ вскрытыя работы, и такъ-какъ при вскрытыхъ работахъ въ соляныхъ копяхъ нельзя образовать ни залъ, ни павильйоновъ, ни какихъ другихъ заманчивыхъ для глаза сооруженій, то очень-понятно, что у насъ болѣе знаютъ о Величкѣ, чѣмъ объ илецкихъ или о кульпинскихъ копяхъ. Наконецъ и у насъ открыта была, въ 1820 году, подземная выработка: двумя шахтами пройдено было 22 сажени. Всѣ удостовѣрились въ совершенномъ удобствѣ образовать такого рода выработку въ сплошной и твердой соляной массѣ, безъ особенныхъ крѣпей и безъ всякихъ затрудненій; а для любителей хорошихъ видовъ возродилась надежда, что и у насъ, какъ и въ Величкѣ, въ страшныхъ подземельяхъ возникнутъ величественныя аркады кристалловидныхъ колоннъ съ портиками и галереями... Но Императоръ Александръ первый повелѣть соизволилъ оставить эти шахты, сказавъ, что «при такомъ неистощимомъ богатствѣ, нѣтъ надобности изнурять людей подземными работами.» Любители величественныхъ зрѣлищъ, конечно, много потеряли, но человѣчество выиграло отъ милосердаго отзыва государя.

Управлявшій илецкимъ промысломъ, Струковъ, такимъ-образомъ оцѣнивалъ богатство этого мѣсторожденія: «добыча илецкой соли должна быть упрочена на отдаленныя времена, потому-что этотъ источникъ есть богатѣйшій въ государствѣ и можетъ снабжать наилучшею солью всѣ мѣста верхней части Волги, начиная отъ города Самары, а также и обѣ столицы и сѣверозападныя губерніи и можетъ замѣнить иностранную соль. Озерныя наши соли, саратовскія (теперь онѣ ужь астраханскія) и крымскія, въ-сравненіи съ илецкою, и низшаго достоинства по качеству и отъ означенныхъ мѣстъ удалены; варочная соль, истребляя пространные лѣса сѣвера, по системѣ водъ камскихъ, которыми снабжаются нижнія области по Волгѣ и Дону, какъ и прибрежья Каспійскаго и Азовскаго морей, можетъ лишить всѣ страны сіи необходимаго лѣса, да и самыя варницы впослѣдствіи затруднятся дровами, на вываркy соли потребляемыми.»

Въ 1850 году все выработанное пространство содержало въ себѣ 110 саженъ длиннику, 44 поперечнику, а глубиной мѣстами семь, а мѣстами восемь саженъ. Число рабочихъ непостоянно; въ мое пребы-

ваніе ихъ было около четырехъ сотъ человѣкъ. Слой земли, прикрывающей площадь илецкаго района, разнообразный: есть и голый песокъ, есть и черноземъ, способный къ посѣвамъ бѣлотурки.

Вблизи солянаго флеца, на ровно-стелющейся степи, стоитъ скалистая гипсовая гора, носящая названіе «Маячной». Высота этой горы простирается до двадцати саженъ надъ поверхностью земли; вершина ея увѣнчана зубчатою стѣною замка, обращеннаго въ острогъ и нынѣ необитаемаго; къ подошвѣ ея пристроены домики и мазанки мѣстныхъ крестьянъ. Гора эта изрыта искусственными, а частью и естественными пещерами. Зимой въ нихъ температура гораздо-выше температуры наружнаго воздуха; напротивъ-того, лѣтомъ тамъ холодно, и въ прежніе годы, когда пещеры эти содержались въ порядкѣ и извивались длинными проходами, далеко отъ устья входовъ въ глубь горы, онѣ служили настоящими погребами; теперь же, когда стѣны этихъ природныхъ корридоровъ обвалились и переходы засыпались камнемъ, пещеры эти стали не такъ пространны, чтобъ можно было слѣдить за постояннымъ пониженіемъ температуры. Я былъ введенъ въ одну изъ такихъ пещеръ; высотой она была около сажени, а длиной отъ трехъ до четырехъ аршинъ. Я видѣлъ въ ней камни, опушенные инеемъ, видѣлъ и висящія изъ трещинъ сосульки замерзшей воды, но термометръ Реомюра въ разныхъ углахъ показывалъ только +8°, при температурѣ наружнаго воздуха въ +19°.

Вблизи разработки есть небольшое и неглубокое, въ ростъ человѣка, соляное озерко. Вода въ немъ чиста и прозрачна, какъ въ горномъ источникѣ; въ ней плаваютъ міріады инфузорій, длиною не болѣе двухъ линій; края средней части тѣла животнаго между головою и хвостомъ и множество снабженныхъ щупальцами ножекъ, посредствомъ которыхъ оно чрезвычайно-быстро плаваетъ въ водѣ, окрашены коричневымъ цвѣтомъ и на водѣ придаютъ всему животному видъ краснаго, юлящаго всюду червячка.

Купающіеся въ этомъ озеркѣ не могутъ погружаться въ него всѣмъ тѣломъ и оставаться въ водѣ по произволу: ихъ немедленно выноситъ кверху. Съ-изстари замѣчено, что, послѣ вѣтряной погоды, когда вода въ озерѣ взволнуется и наконецъ стихнетъ, дно становится весьма-тепло и даже горячо на ощупь; во всякое другое время оно чрезвычайно-холодно, какъ и слѣдуетъ быть, потому-что дномъ озерку служатъ сплошныя массы каменной соли, всегда холодной, какъ ледъ. Временную же теплоту дна иные объясняютъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей на вогнутую поверхность дна; иные—безпрестаннымъ треніемъ соляныхъ частицъ, осаждающихся послѣ того, какъ все озеро всколышется отъ сильнаго вѣтра; иные, наконецъ, объясняютъ тѣмъ, что горячіе пары, проникая подземнымъ путемъ сквозь трещины не гладкаго, а шероховатаго дна, нагрѣваютъ скопляющіяся на немъ соляныя грязи. Какъ бы то ни было, но общее мнѣніе приписываетъ здѣшнимъ водамъ цѣлебное дѣйствіе, особенно для страждущихъ ревматизмами. Впослѣдствіи времени, для значительныхъ посѣтителей здѣсь устроены три ванны, а охотники изъ простонародья купаются въ озеркѣ просто для потѣхи; особеннаго дѣйствія соленой воды на

организмъ объяснить не могутъ, кромѣ того, что «въ волосахъ осѣдаетъ соль.»

Илецкая-Защита небольшое мѣстечко; въ немъ, кромѣ чернорабочихъ и служителей, народонаселеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ семействъ чиновниковъ, которые составляютъ цвѣтъ здѣшняго общества. Климатъ здѣсь теплый; живется всѣмъ очень-хорошо и очень-весело: развлеченія общественныя неразнообразны и потому очень-понятно, что балы, обѣды, ужины, карточные вечера должны очень-часто перемѣшиваться съ умственными занятіями; общество все воспитанное, все съ европейскими привычками: стало-быть, праздное время, и скуки ради и ради удовольствія, посвящается чтенію газетъ и журналовъ, а дамы, какъ дамы цѣлаго свѣта, только тѣмъ и живутъ, что читаютъ французскіе романы. А соскучится въ Защитѣ, ѣдутъ въ Оренбургъ — вѣдь это рукой подать: выѣхалъ утромъ, пріѣхалъ къ обѣду, проплясалъ всю ночь до упаду, и назавтра опять въ Защитѣ.

Кромѣ соли и общаго довольства, въ Илецкой Защитѣ такъ мало своего, самостоятельнаго, что, пріѣхавъ въ нее въ среду, 24 мая, вечеромъ, я выѣхалъ оттуда въ пятницу 26 числа въ обѣдъ, не успѣвъ подмѣтить никакихъ рѣзко-бросающихся въ глаза особенностей: такъ здѣсь все отзывается Оренбургомъ... столицей... шампанское, шелковыя платья, король-валетъ самъ-пятъ, блондовые чепцы, чудный ростбифъ, Бальзакъ и Эжень Сю, лакированные сапоги, листовскія транскрипціи... однимъ словомъ, все, какъ у насъ, въ Петербургѣ. Чтожь касается до низшаго слоя, до простолюдья, то особенно-блестящихъ сторонъ оно, по разрозненности элементовъ, его составляющихъ, представлять не можетъ: днемъ оно работаетъ, ночью спитъ, въ праздники пьетъ вино... какихъ-нибудь особенностей, по кратковременности пребыванія, подмѣтить мнѣ не удалось.

IX.

Хивинцы.

Въ Оренбургѣ я свелъ знакомство съ нашими купцами и съ купеческими прикащиками. Изъ бесѣдъ съ ними я узналъ, что заграничные обороты наши съ Среднею Азіею производятся съ бо̀льшимъ блескомъ, быстротою и живостью въ городѣ Троицкѣ, чѣмъ въ Оренбургѣ; поэтому я и положилъ себѣ занятіе спеціальнымъ своимъ предметомъ, тѣмъ, для котораго я сюда пріѣхалъ, начать знакомствомъ съ операціями Троицкаго Мѣноваго Двора.

Въ городъ Троицкъ я могъ ѣхать изъ Оренбурга тремя путями: или по Линіи, казачьими землями, или проселками черезъ Башкирію, или почтовымъ трактомъ, столбовой дорогой на Уфу и на Златоустовскій Заводъ. И такъ было хорошо, и этакъ было любопытно, и по той дорогѣ пуститься интересно. Я хотѣлъ воспользоваться и тѣмъ и другимъ и третьимъ и, сообразивъ всѣ обстоятельства, составилъ себѣ маршрутъ такого рода, чтобъ въ передній путь ѣхать проселками и по Башкиріи и по казачьей землѣ, а изъ Троицка возвратиться въ Оренбургъ тоже частью проселками, но другой ужь дорогой, по Башкиріи, по Войсковой Землѣ, и проѣхать земли горнаго вѣдомства.

Я предположилъ начать свои разъѣзды перваго іюня, но впослѣдствіи долженъ былъ отложить свой отъѣздъ еще на день, вотъ по какому случаю.

Въ Оренбургѣ жило въ это время хивинское посольство, возвращавшееся изъ Петербурга восвояси. Посольство это состояло изъ двухъ хивинскихъ сановниковъ, и неочень-многочисленной ихъ свиты. Одинъ изъ главныхъ сановниковъ, посланныхъ ханомъ, добравшись до Оренбурга, простудился и занемогъ такъ сильно, что не въ-состояніи былъ ѣхать въ Петербургъ. Туда отправленъ былъ другой сановникъ. Онъ былъ у насъ, въ Петербургѣ, жилъ довольно-долго, посѣщалъ спектакли, нѣкоторое время обращалъ на себя вниманіе публики и, какъ

водится, скоро былъ забытъ. Теперь онъ былъ въ Оренбургѣ на возвратномъ пути въ Хиву.

Я забылъ сказать, что хивинское владѣніе, по своей ничтожности и по давней и неискупной нравственной зависимости отъ Россіи, не имѣетъ права посылать къ намъ посланниковъ въ европейскомъ значеніи этого слова: оно можетъ имѣть при нашемъ дворѣ только «посланцовъ». Наше могущество и нашу дѣйствительную власть всѣ Хивинцы, отъ хана до послѣдняго ясыря, почитаютъ въ такой степени, что признаютъ и сознаютъ, что если Хива и существуетъ, то она существуетъ единственно по милосердому соизволенію на то Царя Русскаго. Я говорю безъ преувеличенія, не увлекаясь нисколько патріотизмомъ; и если мнѣ, изъ желанія показать противное, укажутъ на кой-какія, какъ-будто бы противорѣчащія мнѣ обстоятельства, то эти обстоятельства объясняются очень-просто. Во многихъ семействахъ родныя дѣти, время отъ времени, выказываютъ духъ ослушанія, а иногда и непокорности; у дикихъ и невѣжественныхъ Хивинцевъ ослушность эта выказывается мгновенными вспышками, въ которыхъ они извиняютъ себя успокоительной фразой, что «авось, вина эта съ рукъ сойдетъ; а можетъ-быть, я кой-что и выиграю!» Но вообще говоря, и говоря серьёзно, Хива чтитъ, какъ святыню, волю Русскаго Государя... Англичане, проникавшіе окольными путями въ Хиву и разсказывавшіе о ней и объ Киргизахъ многое, вотъ хоть бы господа Шекспиръ и Абботъ, сами на себѣ испытали, что̀ значитъ русское имя въ сосѣдственныхъ съ нами странахъ Средней Азіи.

Но обратимся къ нашимъ Хивинцамъ.

Хивинское посольство, по дорогѣ изъ Хивы въ Оренбургъ, неминуемо должно было проѣзжать Киргизскую Степь; по всегдашнему сближенію своему съ Киргизами, хивинскому правительству очень-хорошо извѣстны духъ и моральное состояніе нашихъ Киргизовъ. Но у насъ, въ Россіи, есть еще единовѣрный съ Хивинцами народъ, съ которымъ Хивинцы давно раззнакомились. Это именно Башкирцы, народъ весьма-многочисленный, сильный и, по вѣрноподданической приверженности къ престолу, давно ужь въ цѣломъ своемъ составѣ обращенный въ такое же войсковое сословіе, какъ Донцы, Уральцы, Черноморцы и другіе, съ тою разницею, что въ сихъ послѣднихъ рѣзко бросается въ глаза смѣсь племенъ и нарѣчій, какъ, напримѣръ, Великороссіяне, Малороссы, Калмыки, Татары, Цыгане, Болгары и иные, а въ башкирскомъ войскѣ, главнѣйшую массу народа составляютъ чистые Башкирцы; они, равно какъ и другіе, записавшіеся въ Башкирцы иноплеменники, всѣ до одного исповѣдуютъ исламизмъ.

Вслѣдствіе этой-то причины, любознательному хивинскому правительству и захотѣлось, вѣроятно, поближе ознакомиться съ этимъ народомъ, узнать его нравственный бытъ и матеріальное благосостояніе и привести въ точную извѣстность, въ какой степени національность этого мухаммеданскаго народонаселенія и его религія пользуются своимъ положеніемъ внутри имперіи.

Исполнитель ханской воли, старѣйшій изъ двухъ посланцовъ, именно тотъ, который возвратился изъ Петербурга (потому-что другой все еще былъ боленъ и изъ дому никуда не выѣзжалъ), явился въ одинъ прекрасный день къ бывшему, въ мое время, оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, старому, заслуженному генералу и, притворившись простачкомъ, просилъ разрѣшенія прокатиться недалеко изъ Оренбурга, подышать чистымъ степнымъ воздухомъ и взглянуть на башкирскую кочевку. Разумѣется, тайная мысль не укрылась отъ проницательности главнаго начальника края: онъ съ охотою на это согласился, вѣроятно, думая такъ: пусть полюбуется Хивинецъ благоденствіемъ, до котораго довелъ я Башкирцовъ подъ Оренбургомъ. Дозволеніе было дано; Хивинцы готовились къ прогулкѣ.

Узнавъ объ этомъ, я сталъ составлять планъ, какъ бы и мнѣ присосѣдиться къ Хивинцамъ? Обстоятельства мнѣ благопріятствовали: главноначальствовавшій въ то время башкиро-мещеряцкимъ войскомъ, на правахъ отдѣльнаго атамана, съ титуломъ «командующаго» военный офицеръ, блестящаго образованія молодой человѣкъ, кончившій курсъ наукъ въ Военной Академіи, нѣсколько лѣтъ командовавшій «центромъ» Кавказской Линіи, весь увѣшанный крестами полковникъ, съ которымъ я познакомился съ самаго пріѣзда въ Оренбургъ, сбирался показать хивинскому сановнику цвѣтъ ввѣреннаго его попеченіямъ народа, а послѣ всего посѣтить другіе башкирскіе кантоны и проѣхаться еще немножко-подальше. Онъ съ большимъ радушіемъ предложилъ мнѣ свое сообщество, а я тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ спѣшилъ воспользоваться его обязательностью, что намъ обоимъ предлежалъ одинъ и тотъ же путь и что съ такимъ руководителемъ я не могъ встрѣтить по дорогѣ никакихъ задержекъ или препятствій ни въ путеслѣдованіи, ни въ собираніи свѣдѣній.

Полковникъ съ Хивинцами предполагали выѣхать изъ Оренбурга втораго іюня, и потому первое іюня я долженъ былъ посвятить непремонному визиту къ будущимъ своимъ хивинскимъ спутникамъ. Я отправился къ нимъ не утромъ, а послѣ обѣда, немножко подъ вечеръ.

Посланецъ жилъ въ одной изъ веселенькихъ улицъ Оренбурга. Ему отъ казны отвели для квартиры довольно-помѣстительный деревянный одноэтажный домъ съ свѣтлыми, чистыми и уютными покоями. Для почота, у подъѣзда поставленъ былъ часовой съ ружьемъ. Хивинецъ всему былъ очень-радъ, только бы самому никакихъ расходовъ не знать: его поили, кормили, возили кататься—все на казенный счетъ; даже на содержаніе посланцовъ и всей ихъ свиты выдавались суточныя деньги.

Я приблизился къ дому, занимаемому старикомъ-посланцомъ, котораго звали Ходжешь-Мегремъ, выглянулъ изъ передней во дворъ и замѣтилъ нѣсколько тощихъ, исхудалыхъ туркменскихъ аргамаковъ, осѣдланныхъ, покрытыхъ разноцвѣтными коврами и привязанныхъ къ изгородамъ двора и къ столбикамъ. Посреди двора воткнутъ былъ треногій козелъ; на немъ висѣлъ чугунный котело̀къ, въ которомъ варился, вѣроятно, кирпичный чай. Рядомъ съ нимъ, но ближе къ окну,

въ которое я глядѣлъ, разведенъ былъ небольшой огонь подъ тагаиомъ; на таганѣ стоялъ чугунный котелъ: въ мутной жидкости, которою онъ былъ переполненъ, плавали куски баранины. Нѣсколько работниковъ копошилось у огня, мѣшая въ котлѣ деревянною палкою; другіе валялись на землѣ, разостлавъ подъ себя войлочные потники изъ-подъ сѣделъ. Въ сторонѣ, за цыновочнымъ занавѣсомъ, сидѣлъ нашъ русскій казакъ, дружески обнявшись съ однимъ изъ Хивинцовъ, и что-то съ нимъ растабарывалъ потатарски.

Въ передней лежали на полу два человѣка. Я поджидалъ, что авось-либо они встанутъ на ноги и доложатъ обо мнѣ посланцу; ожиданія мои были напрасны. Одинъ только дюжій купчина, какъ послѣ оказалось, первый секретарь посольства, проходя черезъ переднюю, замѣтилъ меня и, подойдя поближе, спросилъ:

— Чего надо?

— Посланца надо, отвѣчалъ я.

— А его тамъ... тутъ... ступай сюда.

Я вошелъ въ первую комнату; за мной вошелъ и первый секретарь.

Едва я переступилъ порогъ, меня такъ и ошибло какимъ-то страннымъ запахомъ, не то мыломъ, не то крахмаломъ, а какимъ-то особеннымъ, зловоннымъ газомъ, составляющимъ неотъемлемую особенность каждаго, пожирающаго старую конину, мусульманина.

Въ обширномъ покоѣ, о четырехъ окнахъ, разбросаны были по полу кòшмы и ковры, на которыхъ возлежали самъ посланецъ и его приближенные. Самъ Ходжешь-Мегремъ сидѣлъ поджавъ колѣни въ переднемъ углу комнаты, прислонившись спиной къ стѣнкѣ. Коверъ подъ нимъ былъ старенькій-престаренькій, весь продиравленный и самаго безвкуснаго рисунка, грубой туркменской работы. Двѣ-три подушки, одна въ грязной ситцевой наволочкѣ, другая покрытая полушелковою матеріею, валялись около него въ неживописномъ безпорядкѣ. Ходжешь-Мегремъ одѣтъ былъ въ три сильно-потертые простые бумажные халата, изъ-подъ которыхъ выглядывала очень-подозрительной бѣлизны длинная, ниже колѣнъ, рубаха изъ бязи, или грубаго бѣлаго бумажнаго холста, вдвое или втрое толще нашего миткаля. Ходжешь-Мегремъ сидѣлъ на коврѣ безъ сапоговъ, босой: обувь его и порыжѣлыя онучи заткнуты были подъ простую подушку, чтобъ ихъ не разбросало свободно-гулявшимъ по всѣмъ комнатамъ сквознымъ вѣтромъ.

Посланецъ былъ очень-пожилой человѣкъ, съ виду лѣтъ шестидесяти. Довольно-густая борода, быстрые глаза, красивыя брови и орлиный носъ придавали ему весьма-мужественную физіономію; но блѣдный цвѣтъ лица, нѣсколько-осунувшіяся и ввалившіяся щеки и сердитый взглядъ производили на меня несовсѣмъ-пріятное впечатлѣніе. Особенную суровость ему придавала шапка, которую Хивинцы почти никогда не скидаютъ и которая, въ настоящее время, составляетъ какъ-бы характеристическое отличіе Хивинцевъ отъ другихъ народовъ, обитающихъ въ ближайшихъ къ намъ странахъ Средней Азіи.

*

Въ Иранѣ шапки высокія, но узковатыя, кверху съуживающіяся; съуженіе это еще искусственно увеличивается особою манерою Персіянъ сжимать верхніе края своего головнаго убора. У Киргизовъ головной уборъ составляетъ зимой—малахай, въ родѣ нашихъ зимнихъ маймистскихъ теплыхъ шапокъ, а лѣтомъ бѣлый войлочный калпакъ, съ особеннымъ серпообразнымъ войлочнымъ же козырькомъ сзади и спереди; у Бухарцовъ и Коканцовъ на голову навивается чалма, повязываемая на разныя манеры, смотря по племени, къ которому житель принадлежитъ; у Хивинцовъ и лѣтняя и зимняя шапка одна и та же: высокій и широкій, кверху еще немного-расходящійся цилиндръ, обшитый черною мерлушкой, съ вшитымъ въ верхушку кружкомъ сукна темныхъ цвѣтовъ, синяго или чернаго, а иногда и съ небольшимъ, въ родѣ казачьяго, суконнымъ выпускомъ.

Подъ овчинною шапкой Хивинцы, подобно другимъ своимъ единовѣрцамъ, носятъ тюбетѣи, или ермолки. Нашъ татарскій или коканскій тюбетей дѣлается въ видѣ простой ермолки, полушаріемъ; бухарскій тюбетей бываетъ почти такой же, но островерхій, киргизскій — совсѣмъ особая статья, а у Хивинцевъ тюбетеи тоже островерхіе, какъ у Бухарцовъ, но гораздо, по-крайней-мѣрѣ вдвое, выше бухарскихъ тюбетеевъ; поэтому, на нашъ глазъ, Хивинецъ въ шапкѣ своей страшенъ; а когда сниметъ ее отъ жары и останется въ одномъ тюбетеѣ, то въ немъ онъ чрезвычайно-смѣшонъ, потому-что суровое выраженіе лица у Азіатца и конусообразная кикиболка на гладко-выбритомъ черепѣ какъ-то странно между собою гармонируютъ.

— Селямъ алейкюмъ! сказалъ-было я, привѣтствуя посланца и произнося чисто-мусульманскую фразу.

— Ждаровъ! спасибъ! отвѣчалъ старикъ, протянувъ мнѣ свою мощную длань, испещренную глубокими морщинами, и пригласивъ сѣсть на единственномъ стулѣ, который немедленно былъ внесенъ изъ передней и поставленъ среди комнаты.

— Отчего посланникъ не хочетъ быть со мною вѣжливъ? спросилъ я, обратившись къ такъ-называемому секретарю посольства.

— Какъ-такъ?

— Отчего онъ не отвѣчаетъ мнѣ какъ слѣдуетъ: «алейкюмъ селямъ»?

Первый секретарь передалъ мое замѣчаніе посланцу; тотъ пробормоталъ въ отвѣтъ какую-то длинную фразу, которую мнѣ тотчасъ же и перевели ломаннымъ русскимъ языкомъ:

— Ты извини, не сердись: на твой селямъ мы не можемъ отвѣчать селямомъ: ты не правовѣрный, не мухаммеданинъ; только своему единовѣрцу мы говоримъ селямъ. А тебѣ сердиться не за что: посланецъ уважилъ тебя какъ равный равнаго: годы твои молодые, а онъ, старикъ, не просто кивнулъ головой, а сдѣлалъ должное привѣтствіе рукой, приложивъ ее отъ земли къ сердцу и ко лбу; да еще и руку тебѣ подружески протянулъ, попетербургски...

— Какъ это попетербургски? Развѣ у васъ не такъ же протягиваютъ другъ другу руки?

— Одну руку протягивать мы выучились въ Петербургѣ, а дома, въ Хивѣ, мы здороваемся иначе... вотъ какъ...

И секретарь посольства, протянувъ обѣ руки ко мнѣ и схвативъ меня за руки, сперва прижалъ мою правую руку къ своему сердцу, а потомъ свою правую руку къ моему сердцу.

— Вотъ какъ у насъ, въ Хивѣ, добрые пріятели здороваются! прибавилъ жирный купецъ, считавшійся за секретаря посольства.

— А Бухарцы какъ же здороваются?

— Бухарцы?... А Бухарцы тоже такъ здороваются.

— Ну, а Киргизы?

— Киргизы-то?... Ну, вотъ, если Киргизы встрѣтятся, пріятель съ пріятелемъ, ну... такъ они тоже такъ же здороваются.

— Стало-быть, вы всѣ одинаково здороваетесь?

— Какъ я тебѣ показалъ, такъ здоровается каждый хорошій мусульманинъ: и вашъ казанскій Татаринъ, и Киргизъ, и тамъ далеко, въ Пенджабѣ, татарскій человѣкъ, сейкъ, точно такъ же здороваются—все одно... А ты, пожалуйста, не сердись: мы тебѣ не сказали «алейкюмъ селямъ» потому, что ты не нашъ... ты джаўръ; у насъ съ тобой и одинъ Богъ, да ты въ Мухаммеда не вѣришь. Тебѣ селяма нельзя отдать: вѣра не позволяетъ!

Стулъ, на которомъ я усѣлся, былъ невыразимо-грязенъ, къ-тому же такъ жостокъ и неровенъ, что сидѣть было трудно; поэтому я безъ церемоніи присосѣдился къ посланцу и помѣстился рядомъ съ нимъ на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги. Хивинцы видимо были довольны, что я, примѣняясь къ ихъ обычаямъ, старался во всемъ подражать имъ.

— Вотъ ты началъ говорить о вѣрѣ, продолжалъ я начатый съ первымъ секретаремъ разговоръ: — кто же у васъ заботится объ исполненіи обрядовъ вѣры?

— Кто? Всякій заботится самъ про-себя!

— Ну, это конечно; да я не то хотѣлъ спросить. Видишь ли что: нашъ Государь имѣетъ въ своемъ владычествѣ нѣсколько милліоновъ мусульманскихъ подданныхъ. Они у него вездѣ разсѣяны—вотъ и въ Башкиріи, и въ Киргизской Степи, и въ Сибири, и за Кавказомъ, и въ Крыму, и по всей Волгѣ, и въ Петербургѣ, и въ Польшѣ — вездѣ у насъ мухаммедане. Вотъ, нашъ Государь раздѣлилъ ихъ на нѣсколько округовъ и въ каждомъ округѣ поставилъ, своею властью, особаго муфтія, какъ главнаго духовнаго управителя въ томъ, что̀ касается религіозныхъ отправленій.

— Да̀, муфтіи есть: мы это знаемъ; но нашъ ханъ самъ главный начальникъ надъ всѣми муллами.

— А есть ли у васъ такіе муфтіи, какіе у насъ?

— Нѣтъ; муфтіевъ у насъ нѣтъ.

— Ну, вотъ есть ли у васъ такой духовный глава, какимъ въ Константинополѣ считается шейх-эль-исламъ?

— И шейх-эль-ислама у насъ нѣтъ.

— Такъ у васъ только самъ ханъ заправляетъ всѣми духовными дѣлами?

— Нашъ ханъ—великій ханъ: онъ одинъ надъ всѣми великій.

— Такъ-то такъ; но вѣдь ты, я думаю, самъ знаешь, что у насъ муфтіи безъ царскаго указа ничего сдѣлать не могутъ; въ Стамбулѣ выше шейх-эль-ислама есть еще высшая власть, это власть самого султана. Но вѣдь ваша Хива не то, что̀ Россія; вашъ ханъ только ханъ, а не падишахъ, и даже не султанъ: въ дѣлахъ вѣры вѣдь и надъ ханомъ, должно-быть, есть старшіе...

— А ты почемъ это знаешь? спросилъ изумленный Хивинецъ, предположивъ, что мнѣ извѣстны религіозныя отношенія хивинскаго хана къ какой-нибудь посторонней власти, чего я, признаюсь, вовсе и не подозрѣвалъ; и разговоръ-то нашъ былъ направленъ на этотъ предметъ совершенно-случайно, да и я самъ перекидывалъ словами только для того, чтобъ что-нибудь говорить. Я воспользовался изумленіемъ своего собесѣдника и понесъ ему турусы на колесахъ.

— Ну, я знаю это потому, что стамбульскій падишахъ важнѣе хивинскаго хана. Въ народѣ, который исповѣдуетъ исламъ, стамбульскій падишахъ долженъ имѣть большой почетъ: у стамбульскаго падишаха и Мекка и Медина; у него въ самомъ Стамбулѣ важнѣйшія мечети; у него въ Іерусалимѣ есть знаменитая мечеть Сахàра съ висящимъ въ воздухѣ камнемъ. А ты знаешь, какіе великіе города Бухарà и Самаркандъ? что жь ты мнѣ тутъ толкуешь, что вашъ ханъ одинъ надъ всѣми мусульманами великій правитель?...

Мой Хивинецъ, вѣроятно, не подозрѣвалъ, что я высказывалъ ему такія вещи, которыя извѣстны у насъ каждому, и дивился безднѣ моей учености. Сначала это поразило его, потомъ развязало его языкъ и наконецъ неразговорчивый Хивинецъ до того сталъ словоохотенъ, что трудно было остановить потоки его цвѣтущихъ рѣчей, изъ которыхъ я могъ понять только то, что главою всего мухаммеданскаго міра въ Средней Азіи считается турецкій султанъ; что между Турціею, съ одной стороны, а Хивою и Бухарòй, съ другой, существуютъ постоянныя дружественныя сношенія и пересылка пословъ; но что, за отдаленностью Константинополя, а еще болѣе Мекки и Медины отъ Хивы и затруднительности переѣздовъ черезъ невѣрную землю Кызылбашей, Алійцевъ-Персіянъ, Хивинцы ограничиваютъ свое скитальничество по мусульманскимъ священнымъ мѣстамъ однимъ Машàдомъ (или, по другому выговору — Мешхэдомъ), сосѣдственнымъ съ хивинскими предѣлами. Въ Машадѣ есть знаменитая мечеть съ золоченымъ куполомъ; городъ этотъ имѣетъ священное значеніе въ глазахъ мухаммеданъ, потому-что здѣсь покоится прахъ Имама Ризà, а Имамъ Ризà былъ пятымъ и послѣднимъ потомкомъ Алія. По отдаленности мѣстопребыванія стамбульскаго падишаха и по необходимости имѣть что-нибудь въ родѣ духовнаго владыки въ самомъ центрѣ Мавераннегра, или области, лежащей между рѣками Сыромъ и Аму, и даже цѣлаго Турана, то-есть части Туркестана, лежащей на сѣверъ отъ Аму-дарьи, намѣстникомъ турецкаго султана

въ дѣлахъ вѣры, блюстителемъ религіознаго благочинія, верховнымъ распорядителемъ всего, касающагося до ислама, испоконъ-вѣка признается бухарскій владѣлецъ, носящій титулъ эмира, чѣмъ и высказывается нравственное его первенство между сосѣдними среднеазійскими самовластными ханами и зависимыми отъ нихъ беками или второстепенными «державцами». Надобно прибавить, что этотъ простонародный переводъ слова «бекъ», самъ-собою, по духу языка, указываетъ на то, что истинное его значеніе діаметрально противоположно смыслу, заключающемуся въ словѣ «самодержецъ».

Разговоры лились у насъ быстро, быстро мѣнялись и предметы разговоровъ. Самъ посланецъ принималъ живое участіе въ бесѣдѣ; съ удивленіемъ говорилъ онъ объ Аральскомъ Морѣ и о чудесно-выросшемъ при немъ городѣ, которому Хивинцы и Бухарцы успѣли ужь дать новое названіе: «Раимъ-Кала», какъ называютъ они наше Аральское Укрѣпленіе на правой сторонѣ Сыръ-дарьи, куда, почти на глазахъ ихъ самихъ, за нѣсколько недѣль отправлены были изъ Орской двадцать семей колонистовъ изъ природныхъ Русскихъ, потому-что Раимъ-Кала въ то время занята была только гарнизономъ, а не постояннымъ населеніемъ; при хивинскомъ же посольствѣ отправлены туда и чигири, или родъ водоподъемныхъ мельницъ, такихъ же, какія находятся почти въ общемъ употребленіи въ Астраханскомъ Краѣ и въ Закавказьѣ, а чигири нужны въ Аральскомъ Укрѣпленіи потому, что земля, прилегающая къ Сыр-дарьѣ, безводна и для орошенія полей, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, возможно и удобно введеніе искусственной поливки.

Что касается до ирригаціи полей, то способъ этотъ, о которомъ многіе у насъ знаютъ только по-наслышкѣ, существуетъ повсюду въ такихъ степныхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе еще не густо, гдѣ оно не прочно-осѣдлое, гдѣ трудъ человѣка не цѣнится почти ни во что, гдѣ опредѣленныхъ заработковъ, въ видѣ отдѣльнаго промысла, еще не существуетъ и, наконецъ, разумѣется, тамъ, гдѣ топографическія условія не противятся проведенію водоспускныхъ канавокъ. И потому ирригація полей, съ давнихъ временъ извѣстная, кромѣ отдаленныхъ чужеземныхъ краевъ и у насъ, въ Россіи, въ Закавказьи и Киргизской Степи, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у патріархальныхъ племенъ Востока, врядъ-ли можетъ въ обширныхъ размѣрахъ укорениться въ мѣстностяхъ, заселенныхъ образованнымъ народонаселеніемъ. Въ низовьяхъ Волги есть искусственное орошеніе садовъ, бахчей и огородовъ; но поливка обширныхъ хлѣбныхъ полей, по дороговизнѣ труда, сравнительно съ ожидаемыми результатами, невозможна: тщетно стали бы мы требовать искусственной ирригаціи и отъ цѣлаго Новороссійскаго Края. Кабинетный ученый, закупорившись въ Петербургѣ, можетъ давать совѣты новороссійскому пахарю, да новороссійскому-то пахарю, которому родное поле извѣстно, какъ свои пять пальцевъ, остается только изподтишка подтрунивать надъ великимъ учителемъ и надъ его умствованіями, конечно, по цѣли своей заслуживающими всякаго почтенія, но тѣмъ не менѣе на дѣлѣ совершенно-непримѣнимыми.

Отъ чигирѣй разговоръ перешелъ на Гератскую Компанію 1837 и 1838 годовъ. Ходжешь-Мегрему, какъ видно, были хорошо извѣстны гератскія дѣла; онъ насказалъ мнѣ множество прелюбопытныхъ вещей о Мухаммед-шахѣ, который самъ предводительствовалъ персидскою арміею, двигаясь къ Герату; и о прежнемъ владѣтелѣ Афганистана, шах-Шуджа-уль-Мулькъ, который, впродолженіе тридцати лѣтъ, жилъ въ Лодіани, на иждивеніи Англичанъ; объ «инглиз-адамъ» Мак-Ниллѣ и о сэръ Генри Потинджерѣ, о нашихъ Виткевичѣ и о графѣ Симоничѣ. Гератскимъ державцомъ въ то время былъ Камран-Мирза, генерал-губернаторомъ Индіи—лордъ Аукланъ, англійскимъ министромъ въ Тегеранѣ—сэръ Джонъ М. Нилль, а Потинджеръ жилъ въ Гератѣ въ качествѣ англійскаго агента: посланникомъ отъ Мак-Нилля къ Мухаммед-шаху съ грознымъ требованіемъ возвращенія его въ Тегеранъ и съ объявленіемъ, что, въ противномъ случаѣ, походъ его признанъ будетъ непріязненною демонстраціею противъ англоиндійскихъ владѣній, былъ полковникъ Стоддортъ, тотъ самый, который предательски погибъ впослѣдствіи времени въ Бухарѣ и для спасенія котораго такъ человѣколюбиво и рыцарски правительство наше прибѣгло-было къ своимъ средствамъ, къ-несчастію, освѣдомившись обо всемъ ужь тогда, когда за могущественнымъ его вліяніемъ Англичане обратились, потерявъ слишкомъ-много времени.

Все это вещи давно-извѣстныя и давно ужь описанныя, стало-быть, распространяться о нихъ много нѣчего. Пока мы о нихъ толковали, посланцовы прислужники суетились около насъ, нѣсколько разъ подсыпая на блюдечки разныя сласти, которыми угощало насъ хивинское гостепріимство.

Въ Хивѣ ничего такъ много не родится, какъ фруктовъ. Если главнѣйшую характеристику нашей русской внутренней и внѣшней торговли составляютъ металлы, хлѣбъ и ситцы, то существенную сторону хивинскихъ оборотовъ составляютъ сушеные фрукты, которыми вся Хива только и живетъ. Вся Киргизская Степь, вся южная полоса Россіи пробавляется сухими плодами, привозимыми къ намъ отъ нашихъ азіатскихъ сосѣдей, въ томъ числѣ и изъ Хивы, снабжающей насъ разными сластями въ большомъ изобиліи. Стало-быть, очень-понятно, что для нетороватаго Хивинца цѣлые десятки блюдечекъ съ кышмышомъ, изюмомъ, урюкомъ, фисташками, грѣцкими орѣхами, сливами, обсахаренными въ меду миндалинами и персиковыми ядрышками и прочими лакомствами, составляли точно такой же чувствительный расходъ, какой для каждаго изъ насъ можетъ составить ломоть хлѣба, отрѣзанный для дорогаго гостя. Но вотъ наконецъ по комнатѣ пронеслись неблаговонные клубы дыма: видно, ставятъ самоваръ и разжигаютъ въ немъ, вмѣсто березовыхъ углей, обломки кизяка, который, какъ извѣстно, вырабатывается изъ конскаго помёта... Значитъ, Хивинецъ расщедрился: онъ хочетъ угостить насъ цѣннымъ, дорого-стоющимъ напиткомъ — чаемъ!

Пока ставили самоваръ, да пока онъ еще разогрѣвался, солнышко замѣтно склонилось къ западу и близко ужь было къ закату.

— Ну, ты посиди тутъ смирно, а мы сейчасъ будемъ готовы: мы только намазъ сдѣлаемъ, сказалъ мнѣ первый секретарь посольства, выслушавъ какое-то приказаніе посланца.

— Какой намазъ? спросилъ я.

— А вотъ только Богу помолимся.

— Развѣ непремѣнно теперь нужно? нельзя послѣ?

— Нельзя никакъ! Это пятый и послѣдній дневной намазъ: нашъ пророкъ все проститъ, можно три средніе, которые въ теченіе дня совершаются, намаза пропустить—все ничего, а первый да послѣдній самые важные!

Прислуга разостлала посереди пола чистую кошму, накинула на нее какой-то дырявый коверъ и сверхъ него разостлала еще одинъ коврикъ. Хивинцы прежде поодиночкѣ выходили въ другія комнаты совершать омовенія, потомъ вошли опять, оправили на себѣ платья, оглядѣли ихъ, чисты ли они, надвинули себѣ поплотнѣе шапки, нахлобучивъ ихъ на самыя уши, встали съ своихъ мѣстъ на кошму и выстроились въ одну линію; только стоявшій въ серединѣ ихъ самъ посланецъ нѣсколько выпятился впередъ и всталъ на коверъ. Затѣмъ всѣ они разомъ сомкнули глаза и стали шептать про-себя разныя молитвы. Общее молчаніе нарушилось тяжелымъ вздохомъ посланца, проговорившаго едва-слышно «Аллахъ-акбаръ!» и смиреннымъ поклономъ въ землю. Приникнувъ къ землѣ и пролежавъ нѣсколько секундъ въ этомъ положеніи, Хивинцы поднялись снова; Ходшежь-Мегремъ вздохнулъ еще тяжеле, погромче произнесъ «Аллахъ-акбаръ» и опять припалъ къ землѣ, что сдѣлала и вся его свита. Вставанія и поклоны повторялись неоднократно и каждый разъ старикъ-посланецъ произносилъ свои воззванія къ Аллаху съ болѣе-и-болѣе тяжкими вздохами, обратившимися наконецъ въ какія-то задыхающіяся всхлипыванія, совершенно-похожія съ тѣми звуками, которые издаются мучительными вздохами сильно-страдающаго грудною болью человѣка. Хивинцы творили свои молитвы отчасти стоя на ногахъ, отчасти сидя въ колѣнопреклоненномъ положеніи; по выраженію лицъ однихъ молельщиковъ, видно было, что въ произносимыхъ ими словахъ сильное участіе принимаетъ и умъ и сердце, тогда-какъ лица другихъ были рѣшительно безъ всякаго выраженія. Черезъ десять минутъ церемонія была кончена.

Всѣ снова принялись за болтовню, но она плохо клеилась въ-ожиданіи появленія чая. Кстати скажемъ, что Хивинцы пьютъ чай трехъ сортовъ: кирпичный, зеленый и черный. Первые два сорта они получаютъ отъ бухарскихъ и ташкентскихъ купцовъ, добывающихъ его изъ разныхъ городовъ китайскаго Туркестана, преимущественно же изъ Чугучака и Кульджи, а черный чай покупаютъ въ Хивѣ отъ русскихъ купцовъ, посылающихъ чай изъ Оренбурга въ Хиву. Объ вывозѣ чая, и кирпичнаго и чернаго, въ послѣдніе годы изъ Чугучака нашими русскими купцами и объ основаніяхъ мѣны этого товара на коренныя русскія издѣлія я ужь сообщилъ нѣсколько свѣдѣній въ «Разсказѣ троицкаго купца Абдул-вали Абубакирова», напечатанномъ

въ «Географическихъ Извѣстіяхъ» за 1850 годъ; а здѣсь прибавлю только то, что среднеазійскіе наши сосѣди, вслѣдствіе условій жаркаго своего климата, предпочитаютъ пить преимущественно зеленый чай, а черный считаютъ вреднымъ, потому, будто бы, что онъ густитъ кровь и производитъ болѣзненные припадки. Вслѣдствіе этихъ же самыхъ причинъ, Хивинцы и Бухарцы избѣгаютъ употребленія въ пищу конины, которая, какъ извѣстно, составляетъ весьма-любимое у мухаммеданъ блюдо. Впрочемъ, въ нашемъ сѣверномъ климатѣ, Хивинцы очень-охотно, и даже весьма-усердно, кушали конину.

Зеленымъ чаемъ попоцивалъ Ходжешь-Мегремъ и всю нашу честную компанію. Оборванный, высокаго роста, работникъ вошелъ въ комнату, держа въ рукахъ огромный подносъ, уставленный небольшими полоскательными чашками, приблизился ко мнѣ, согнулся въ три погибели и подставилъ душистый нектаръ прямо мнѣ къ носу, указавъ глазами на болѣе-красивый сосудъ, у насъ употребляемый для мытья и полосканья грязныхъ стакановъ, а во всей Азіи, кромѣ Китая, да даже и въ Китаѣ у нѣкоторыхъ племенъ, замѣняющій обыкновенныя чайныя чашки.

Я взялъ чашку и скоро ощутилъ, что въ ней чистѣйшій кипятокъ. На одномъ изъ блюдечекъ съ сластями лежала чайная ложечка; я взялъ ее въ руки и началъ ею пробовать чай: было горячо, но не сладко. Вѣрно, сахаръ еще не разошелся, подумалъ я и сталъ ложечкой мѣшать въ дымящемся отъ пара настоѣ. Снова попробовавъ чай, я опять-таки нашелъ его недовольно-сладкимъ и опять началъ работать ложечкой; но скоро убѣдился, что мнѣ вовсе сахару не клали.

— Одолжи мнѣ сахару, сказалъ я слугѣ.

Тотъ вытаращилъ на меня глаза и не отвѣчалъ ни слова, а только слегка покосился на посланца.

— Нѣсколько кусочковъ сахару! повторилъ я.

— Бельмéй! отвѣтилъ работникъ, понявшій знакъ, который сдѣлалъ ему хозяинъ, считавшій, вѣроятно, знакъ этотъ для меня неуловимымъ.

— Скажи ему, чтобъ онъ принесъ сахару, сказалъ я, обратившись къ секретарю посольства.

— Сакàръ? спросилъ онъ, нѣсколько сконфузившись.

— Да, сахару.

— Сакàръ... не понымай... бельмéй! отвѣчалъ хитрецъ, начавъ ломать русскій языкъ безъ пощады и дѣлать такія ошибки, которыхъ онъ никакъ не могъ дѣлать, весьма-порядочно разговаривая по-нашему.

Я указалъ пальцомъ на чай и повертѣлъ въ чашкѣ ложечкой.

— Тавò не понымай!

Я приложилъ палецъ къ зубамъ, щолкнулъ языкомъ, потомъ опять ткнулъ пальцомъ въ чашку.

— Бельмéй, бельмéй!

Я повторилъ свое мимическое объясненіе; плутоватый купецъ внимательно слѣдилъ за моими тѣлодвиженіями, самъ сталъ выдѣлывать

тѣ же штуки, сощурилъ одинъ глазъ, скривилъ одну сторону лица, пустилъ въ ходъ ту же жестикуляцію и едва удерживаясь отъ смѣха, онъ проговорилъ:

— Бельмѐй, бельмѐй!

— Экой ты какой лгунъ! Вѣдь ты знаешь, что̀ значитъ сахаръ?

— Не понымай сакà̀ръ, не понымай! бельмѐй!

— Вѣдь ты не первый годъ въ Россіи?

— Бувалъ.

— Вѣдь ты привыкъ къ чаю? Живалъ съ Русскими нѣсколько лѣтъ сряду?

— Русскимъ-то его привыкалъ.

— Ну, вѣдь ты знаешь, съ чѣмъ Русскіе чай пьютъ?

— А!.. чай пьютъ?

— Ну, да̀, съ чѣмъ пьютъ.

— Молокамъ-то его мѣшалъ, чай-то!

— Еще съ чѣмъ?.. чтобъ сладко было...

— Шлядка?

— Ну, да̀ ..

— А... такой бѣлый?..

— Ну, ну...

— Этакій крѣпкій...

— Ну, да̀, сахаръ!

— Этакій, ножикомъ-то ево рубляитъ? Такой въ ротъ клядаитъ?.. Да̀, да̀, помнилъ, помнилъ... закà̀ръ... закаррррръ!

— Ну, теперь знаешь?

— Тиберъ ево знаешь!

— Ну, вотъ, и посланникъ вашъ знаетъ.

— О, какъ же, знаетъ! Ево сама закà̀ррамъ-то кусалъ.

— Ну, вотъ и вели мнѣ подать сахару.

— Ай-яй, нинада! Такой желёна чай .. закà̀рръ ниту нада кладилъ!

— Кà̀къ не надо! надобно!

— Безъ закà̀рръ чай скусна, люче... ай-яй шибко ладно ево безъ закà̀рръ! Бульна ево такъ хороша!

— Да мнѣ-то не вкусно...

— Ай-яй какой ти! Попробуй, поджалуста, тà̀къ... кушай узумъ, кышмышъ, закà̀рръ ниту нада!

— Ну, ладно, ладно! пускай не надо! сказалъ я, подумавъ немного и довольствуясь тѣмъ, что мнѣ привелось быть участникомъ этихъ забавныхъ выходокъ скупости.

Веселое расположеніе, въ которомъ я находился, было вновь усилено одною любопытною сценою. Старикъ-посланецъ тихимъ голосомъ проговорилъ имя своего любимца Рахмета-Уллы, которое онъ, сокращенно, произнесъ Рамеля!

— Рамеля! громко сказалъ первый секретарь посольства.

— Рамеля! закричалъ одинъ изъ Хивинцевъ, развалившійся подлѣ выходныхъ дверей залы.

— Рамеля! крикнулъ еще громче рѣзкій голосъ въ сосѣднемъ покоѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ вошелъ молодой Хивинецъ, лѣтъ двадцати-пяти отъ-роду, высокаго роста, съ довольно-выразительными, когда смотришь въ профиль, чертами, съ большими черными глазами и красивою бородкой; когда онъ повернулся къ намъ лицомъ, то потухшіе взоры и лицо, чрезвычайно-блѣдное, не могли не подѣйствовать на насъ самымъ непріятнымъ образомъ. Впечатлѣніе это было еще болѣе усилено крайнею неопрятностью, какую только можно себѣ представить и безъ того ужь въ неопрятномъ Хивинцѣ. Это и былъ Раметля, бывшій, какъ мнѣ послѣ сказывали, когда-то фаворитомъ посланца. Теперь онъ былъ простымъ прислужникомъ.

Раметля принесъ съ собой особеннаго устройства кальянъ и сталъ его раскуривать. Кальянъ этотъ, былъ ли онъ сдѣланъ изъ тыквы-горлянки, или выточенъ изъ дерева, положительно сказать не умѣю, имѣлъ форму двухъ, плотно-соединенныхъ другъ съ другомъ, шаровъ, съ чашечкой для табаку и съ коротенькимъ деревяннымъ чубукомъ для втягиванія дыма. Кальянъ захрипѣлъ и захлюпалъ и сталъ переходить изъ рукъ Раметля къ устамъ другихъ Хивинцевъ и потомъ опять попался къ Рахмету-Уллѣ. Видно было, что всѣ одинаково трудились надъ его раскуриваніемъ; наконецъ дымъ началъ выходить большими клубами.

Раметля, продолжая его раскуривать, приблизился къ Ходжешь-Мегрему; тотъ приподнялся немного на коврѣ и прислонился къ стѣнкѣ, возлѣ которой полулежалъ въ осанистой позѣ. Раметля нагнулся къ нему вмѣстѣ съ кальяномъ, посланецъ широко раскрылъ себѣ ротъ... и я никакъ не могъ догадаться: для чего онъ это дѣлаетъ. Но скоро загадка разъяснилась: Раметля, набравъ себѣ полнёхонекъ ротъ дыму, приникъ лицомъ къ лицу посланца и далъ ему вдохнуть въ себя весь тотъ запасъ дыму, который онъ, Раметля, задерживалъ въ себѣ. Приложившись къ нему устами, Ходжешь-Мегремъ втянулъ въ себя, теперь вдвойнѣ-очищенныя струйки аромата, и сдѣлалъ видъ, какъ-будто бы онъ чего-нибудь глонулъ, пріятно облизался и выпустилъ изъ себя красивое облачко дыма. Повторивъ разъ десятокъ ту же самую продѣлку, Ходжешь-Мегремъ опять принялъ прежнее положеніе, какъ ни въ чемъ не бывало!

Я, признаться сказать, очень подивился такой странной манерѣ курить табакъ, но едва ли не въ бо́льшее изумленіе пришелъ, услышавъ на свои слова такой отвѣтъ:

— Посланецъ балчой чалавикъ: ево работить нельзя сама! ево курилъ сама тяджело будитъ!

— Не-уже-ли чванливость, восточная спѣсь, лѣность и истомленіе, вслѣдствіе условій климата, до такой степени заставили посланца облѣниться, что онъ даже куреніе табаку, для своего же удовольствія, считаетъ тяжелой, неприличной работой?

Но на этотъ, слишкомъ-хитро, слишкомъ покнижному предложенный вопросъ, я не получилъ надлежащаго отвѣта. Сосѣдъ, къ которому я обратился-было за разрѣшеніемъ, непривѣтливо взглянувъ на меня, коротко сказалъ:

— Урусъ бельмѐй! то-есть не понимаю порусски.

— А что̀, Хивинцы любятъ курить табакъ? спросилъ я другаго сосѣда.

— Очень любятъ! Ты видѣлъ? что̀ жь спрашиваешь? отвѣтилъ онъ, переводя мнѣ отвѣтъ посланца.

— И трубку курятъ?

Этимъ вопросомъ затруднилъ немного собесѣдника; но когда растолковалъ жестами, что̀ я разумѣю подъ названнымъ мною общеупотребительнымъ у насъ куреніемъ, посланецъ черезъ переводчика отвѣтилъ:

— Нѣтъ, этого мы не знаемъ; мы только кальянъ знаемъ.

— А нюхать знаете?

— Носа̀мъ совать? Ай, какъ можно! Это одинъ Киргизъ носа̀мъ сова̀итъ. Нашъ пророкъ не велитъ табакамъ нюхать: онъ сердится за это!

— Ну, а когда пророкъ не видитъ, не глядитъ?

— Ну, когда пророкъ не глядитъ, тогда можно нюхать, тогда все можно! сказалъ мнѣ вполголоса переводчикъ, вѣроятно, не осмѣлившись передать ни моихъ, ни своихъ словъ строгому и набожному старику-посланцу.

— А Бухарцы трубку курятъ?

— Въ Бухарѣ никто не смѣетъ ни курить, ни нюхать!

— Это отчего такъ?

— Пророкъ запретилъ вообще табакъ, вино, карты и всякое такое...

— Да вѣдь и Бухарцы одной вѣры съ вами? Какъ же вы курите?

— Да у нихъ эмиръ строгій человѣкъ—бѣда, какой сердитый: все, все запрещаетъ, а кто не слушаетъ — бьютъ!

— Да вѣдь этакъ и опіумъ надо запретить?..

— И офій нельзя курить, нельзя кушать...

— Да вѣдь вамъ всѣмъ хорошо знакомъ опіумъ?

— Еще бы — бухарскій эмиръ самъ его любитъ...

— А какъ же Коранъ?

— Ну... да то пророкъ не видитъ! Да опіумъ и дорогъ: не всякій достанетъ, не всякій и узнаетъ!

— Я вотъ былъ въ Петербургѣ, много видѣлъ чудеснаго! замѣтилъ посланецъ, продолжая начатый разговоръ о куреніи.

— Въ Петербургѣ для васъ, я увѣренъ, много было чудеснаго.

— Какъ же... однакожь, вѣдь и у насъ, въ Хивѣ, есть тоже разныя чудеса... У васъ, въ Петербургѣ, ихъ тоже довольно... и тамъ, да вотъ и здѣсь, въ Оренбургѣ, мы видѣли этакія палочки: ихъ съ одного конца зажгутъ, а другой положатъ въ ротъ—дымъ такъ пойдетъ!

— Вѣрно, вотъ эти? спросилъ я, вынувъ имъ папиросницу и показавъ папироску.

— Ай, нѣтъ; то такая черная-черная, толстая-претолстая!

— То сигара, а это папироска; это тоже курится — и, для убѣжденія ихъ, я закурилъ папироску, раздавъ нѣсколько штукъ присутствующимъ, изъ которыхъ только двое умѣли съ ними управиться, а

остальные замуслили данныя имъ папироски съ противоположнаго конца и стали ихъ раскуривать, приложивъ огонь къ самому мундштуку.

— Ну, а кромѣ папиросокъ, случалось же вамъ видѣть еще что-нибудь чудесное?

— Какъ же! мы все видѣли! намъ все показывали... ай-яй хорошо въ Петербургѣ... Вотъ тамъ у васъ «дарья» (рѣка)... ай-яй какая большая дарья... А знаешь, тамъ какіе дома есть? въ иной домъ можно весь Оренбургъ посадить! Мы и прежде слыхали про это, да все вѣрить не могли.

— А въ театрѣ были?

— Вездѣ были!

— Театръ, я думаю, вамъ больше всего понравился?

Старикъ-посланецъ, поддерживая свою сановитость, отвѣчалъ довольно-общими мѣстами; но одинъ изъ его свиты, вмѣшавшись въ разговоръ, сказалъ мнѣ:

— Театръ у васъ одинъ хорошъ, гдѣ лошади играютъ... Лошатка скакаетъ, скакаетъ, а нòгамъ тàкъ, такъ... все играетъ, все играетъ!.. А дивка, такой славный дивка!.. такъ на лошатка тоже играетъ... и такъ, и такъ, и такъ!.. Бульна ево хороша!..

И мой Хивинецъ, въ восторгѣ отъ воспоминаній, началъ, сидя на кошмѣ, дрыгать ногами и разводить руками въ воздухѣ, едва удерживаясь, чтобъ не вскочить съ мѣста и не пуститься въ плясъ.

Драматическія наши представленія, разумѣется, не могли Хивинцамъ понравиться, потому-что они тутъ ни слова не понимали; объ музыкѣ нашей они ничего сказать не могли—такъ мало оставила она впечатлѣній въ ухѣ, дѣйствовать на которое можно развѣ пилой, да волынкой, да еще турецкимъ барабаномъ. Собесѣдники мои увѣряли меня, что имъ не понутру пришелся и балетъ; но по разгорѣвшимся глазамъ, по страннымъ тѣлодвиженіямъ, которыми они передавали неправящіяся имъ позы, я могъ навѣрное заключить, что и старики и молодые Хивинцы куда-бы не прочь еще хоть разочекъ взглянуть на качучу или на тарантеллу.

Наблюдательность Хивинцевъ была истинно-изумительна: они замѣтили паркетные полы и картинныя галереи и драгоцѣнныя статуи, но не умѣли дать имъ никакой цѣны. И въ-самомъ-дѣлѣ, покажите дикому Азіатцу Венеру-Каллипигу, онъ рѣшительно въ толкъ себѣ не возьметъ, чѣмъ тутъ другіе люди восторгаются. Чтобъ имѣть какой-нибудь успѣхъ, надо на холодный мраморъ натянуть хоть чулки—тогда только воспріимчивость Хивинца будетъ хоть чѣмъ-нибудь затронута, а безъ того, чистая красота, пластическое изящество позъ для него недоступны.

Условившись съ посланцомъ насчетъ завтрашняго отъѣзда и поспѣшивъ пріобрѣсти себѣ легонькій тарантасъ, такъ-какъ прежній нашъ экипажъ не могъ быть употребленъ въ дѣло при разъѣздахъ по проселочнымъ дорогамъ Башкиріи, мы на другой день, къ опредѣленному сроку, собрались подъ вечеръ опять у Хивинцевъ и ужь

отсюда въ четырехъ экипажахъ пустились въ путь; но и тутъ дѣло не обошлось безъ сценъ, которыя, сами-по-себѣ, не заключали въ себѣ ничего необыкновеннаго, но которыя для насъ, непривыкшихъ къ азіатскимъ церемоніямъ, представляли новую интересную сторону.

Для комфорта азіатскихъ путешественниковъ по Киргизской Степи, у одного оренбургскаго жителя, весьма гостепріимнаго хозяина, имѣется особый экипажъ, чрезвычайно-умно приспособленный для почетныхъ гостей изъ дальнихъ среднеазійскихъ владѣній и какъ-нельзя-лучше соотвѣтствующій всѣмъ требованіямъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Для насъ, привыкшихъ къ низенькимъ, уютненькимъ кареткамъ на плоскихъ рессорахъ, азіатскій экипажъ, разумѣется, покажется съ перваго взгляда весьма-страннымъ; но знакомый съ дѣломъ человѣкъ, конечно, не преминетъ отдать должной дани справедливаго почтенія строителю этого экипажа.

Представьте себѣ огромный кузовъ, при видѣ котораго въ головѣ наблюдателя невольно зараждается мысль о гигантской тыквѣ, которую, жизненною, положимъ хоть электро-магнитною, столовращательною силою расперло во всѣ стороны. Представьте послѣ этого, что эту самую распертую со всѣхъ боковъ тыкву поставили на неизмѣримой длины колесницу, или хоть на простой тарантасный ходъ, состроенный по увеличенному размѣру: прибавьте къ этому хорошій скатъ добрыхъ лафетныхъ колесъ; въ-заключеніе всего, присовокупите допотопный, мутно-зеленый цвѣтъ наружной окраски этого рыдвана и бывшій когда-то пунцовымъ штофъ, которымъ обита его внутренность — и въ мысляхъ вашихъ распёртая тыква, безъ-сомнѣнія, сейчасъ же превратится въ парящій на колесницѣ чудовищный арбузъ... Сравненіе это тѣмъ бо̀льшую будетъ имѣть степень меткаго уподобленія, что подъ мутно-зеленою оболочкою, въ прекрасно-арбузной внутренности, мелькаютъ черныя шапки и черныя бороды Хивинцевъ — ни дать, ни взять, настоящія арбузныя сѣмечки.

Но дѣло опять-таки не въ антедилювіанскомъ рыдванѣ, а въ Хивинцахъ.

Было жарко: зной томилъ до нельзя; и вотъ, всѣ эти почетные путешественники, снявъ съ себя лишніе халаты и разувшись совершенно, то-есть снявъ съ себя сапоги и ту часть обуви, которая для зимняго времени имѣетъ другое названіе, названіе онучъ — а надобно сказать, что даже хивинскому хану и его прелестнымъ ханьшамъ и одалыкамъ, европейскіе чулки незнакомы — такъ вотъ... наши Хивинцы разоблачившись до-чиста, то-есть оставшись только въ шапкѣ, въ рубахѣ и въ неуклюжихъ шальварахъ, полѣзли въ свою колымагу... Я забылъ сказать, что этотъ несравненный и, можетъ-быть, единственный въ цѣлой Россіи экипажъ именно такъ и зовется: колымагой.

Ходжешь-Мегрему, какъ почетнѣйшему лицу, было указано то мѣсто, которое мы всѣ привыкли считать почетнымъ. Но «ихъ степенство» изволили обидѣться: не-уже-ли ему, посланнику великаго хана, воспользоваться предлагаемымъ мѣстомъ и помѣститься такъ, чтобъ

простой мужикъ, ямщикъ, сидѣлъ къ нему задомъ? Какой же видъ представится тогда передъ его очами? Спина и затылокъ ямщика?..

Какіе ни были представлены посланцу резоны, онъ ни за что не хотѣлъ принять ихъ во вниманіе. Ему напомнили про Петербургъ, гдѣ кучера сидятъ спиной даже къ знатнымъ барынямъ, да и ко всѣмъ прочимъ, но и то на него мало подѣйствовало. Посланецъ самъ напомнилъ, что онъ и въ передній путь въ Петербургъ, и на обратномъ пути изъ Петербурга, занималъ ту лавочку въ четырехмѣстной каретѣ, которая и на русскомъ языкѣ называется переднею лавкой... Нѣчего было дѣлать: надо было распорядиться такъ, какъ посланцу хотѣлось.

Наконецъ всѣ усѣлись по мѣстамъ и разсѣлись на каретныхъ подушкахъ — но опять не по-нашему: свѣсить ноги къ полу экипажа для человѣка, привыкшаго ихъ поджимать калачикомъ—истинное наказаніе. Наши Хивинцы забрались на свои сидѣнья совсѣмъ съ ногами и заняли на нихъ позицію, уткнувшись кто на корточкахъ, а кто съ запросто-поджатыми ногами.

Ну, кажется, все кончилось благополучно. Ямщикъ гикнулъ, крикнулъ: «гайда, пошолъ!» лошади рванулись, понеслись, лафетныя колеса начали подскакивать съ камешка на камешекъ, съ рытвинки на рытвинку; бѣдные Хивинцы едва съ скамеекъ не слетѣли: ихъ такъ славно начали подтряхивать, что они, подвергнувшись страшной скачкѣ, поспѣшили растворить двери колымаги и стали цѣпляться руками за обнаженные углы экипажа.

— Акрымъ, акрымъ! то-есть тише, тише! кричали одни во все горло.

— Хохта, хохта! стой, стой! кричали еще громче другіе.

Лошади остановились — опять коммиссія! Босые Хивинцы повылѣзли вонъ, начали жаловаться и требовали, чтобъ въ колымагѣ у нихъ выломали сидѣнья. До дому было недалеко; началась работа; внутренность колымаги наскоро была очищена и безпокойные гости опять полѣзли въ рыдванъ и набились туда точно въ щель тараканы, разсѣвшись, къ полному своему удовольствію, на покрытомъ коврами полу экипажа и настежь растворивъ обѣ его дверцы.

Не было сомнѣнія, что теперь всѣ препятствія устранены совершенно. Почтовые колокольчики снова зазвенѣли; мы выѣхали изъ городскихъ воротъ.

Экипажи наши направились по большому офимскому тракту и стали приближаться къ едва-виднѣвшимся издали безлѣснымъ холмамъ, составляющимъ острогъ Общаго-Сырта, и по своему наружному виду, усвоившимъ за собою названіе «Гребенѣй». Эти невысокія каменистыя горы, въ промышленномъ отношеніи, кромѣ ломокъ известковаго камня, замѣчательны тѣмъ, что онѣ составляютъ общественную собственность Уральскаго Казачьяго Войска, принадлежатъ къ дачамъ Сакмарской-Станицы, и что мѣстные мѣдные заводчики преимущественно и почти исключительно отсюда берутъ мѣдную руду для дѣйствій своихъ мѣдиплавильныхъ заводовъ. Не желая быть въ зависимости отъ уральскихъ казаковъ и руководствуясь разными промышленичe-

скими видами, мѣдные заводчики съумѣли издавна обратить гребенское мѣсторожденіе руды на собственныя свои выгоды. Еще въ 1805 году, когда оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ князь Волконскій, они окортомили у сакмарскихъ казаковъ всю имѣющуюся получиться изъ гребенскаго мѣсторожденія мѣдную руду, не могу навѣрное сказать за какое вознагражденіе, только что-то очень-выгодно, а главнѣйшимъ условіемъ поставлено то, чтобъ обязательство это свято соблюдалось «на вѣчныя времена». Но такъ-какъ «на вѣчныя времена» законодательство наше не дозволяетъ никакихъ актовъ, недаромъ подозрѣвая, изъ благихъ видовъ, не кроется чего другаго въ подобнаго рода условіяхъ, то въ тридцатыхъ годахъ мѣстные заводчики и задумали-было составить съ казачьимъ обществомъ новый актъ о покупкѣ себѣ этой части войсковой общественной земли въ вѣчное потомственное владѣніе. Но отчужденіе общественной казачьей собственности въ постороннія руки тоже строго запрещено закономъ. Правительство вошло въ обсужденіе этого дѣла и, ограждая, съ одной стороны, войсковое сословіе отъ необдуманнаго и очень-невыгоднаго для нихъ самихъ ущерба угодій, а съ другой, и самый законъ отъ недозволительныхъ нарушеній его самовластными распоряженіями, ввело казачье общество въ кругъ его законныхъ дѣйствій, предоставивъ ему пользоваться основнымъ своимъ правомъ передачи своей поземельной собственности въ постороннія руки только во временное пользованіе, и не иначе, какъ на положительно-опредѣленный срокъ.

Въ лѣвую руку отъ того пути, котораго мы держались, виднѣлись Бёрды, или Бёрдская Станица—казачій выселокъ Сакмарскаго-Городка (Уральскаго Войска), потомъ Каргала или Сейтовскій-Посадъ вошедшій въ составъ башкиро-мещеряцкаго войска; далѣе въ виду былъ и уральскій Сакмарскій-Городокъ, но мы до него не доѣхали, а свернувъ въ сторону, пустились по проселку. Около этого мѣста мы остановились и вдругъ насъ обступила толпа незнакомыхъ намъ людей, немедленно-выстроившихся въ линію. По загорѣлымъ, скуластымъ ихъ лицамъ, по рѣденькимъ усамъ и бородѣ, даже по малѣйшимъ принадлежностямъ одежды, видно было, что это не русскіе люди. На однихъ надѣты были просторные армяки изъ верблюжьей шерсти и бѣлые, обшитые цвѣтными полосками, высокіе войлочные калпаки; на другихъ были синіе и красные длинные кафтаны, обшитые позументами, и высокія, цвѣтныя же, обшитыя галунами шапки; третьи красовались въ обыкновенныхъ казачьихъ курткахъ.

— Что это за люди? спросилъ я своего сосѣда.

— Это выставка!

— Да люди-то это какіе?

— Казаки, Башкирцы.

— Что же такое значитъ «выставка»?

— А «выставка» значитъ импровизированная станція, подстава нужнаго количества лошадей для проѣзжающихъ по распоряженію начальства, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ станцій, нѣтъ даже, иной разъ, и селеній.

— Какимъ же образомъ ихъ импровизируютъ? Какъ они знаютъ: кто ѣдетъ и сколько лошадей нужно?

— Для этого по тѣмъ башкирскимъ юртамъ, то-есть деревнямъ и селамъ, черезъ которыя нужно проѣзжать хоть бы мнѣ съ вами, заблаговременно даются надлежащія начальственныя предписанія, съ которыми обыватели и соображаются, глядя по обстоятельствамъ. Если ѣдетъ само начальство по дѣламъ службы, то почтовая гоньба у Башкирцевъ, какъ и во всякомъ казачьемъ войскѣ, составляетъ ихъ непремѣнную натуральную повинность; если же кто-нибудь ѣдетъ не по дѣламъ службы, тотъ долженъ платить башкирскимъ возничимъ узаконенную прогонную плату.

Подобнаго рода объясненіе сдѣлано было и пытливымъ Хивинцамъ; но врядъ ли Башкирцы пощетились отъ «его степенства» не только-что прогонами, но даже хоть бы копеечкой на водку. Посланецъ до такой степени былъ скупъ и жаденъ до денегъ, что въ тѣхъ домахъ, гдѣ его угощали, что̀ называется на-повалъ, онъ нигдѣ прислугѣ даже гривенника не давалъ на магарычи за хлопоты. Правда, онъ хорошо зналъ, что разгуливаетъ въ Россіи, какъ гость, на казенный счетъ, но не менѣе того, ему тоже хорошо было извѣстно, что Россія не Хива и что у насъ всякій трудъ непремѣнно долженъ быть оцѣненъ на деньги и непремѣнно вознагражденъ. Правило это Хивинцы мастерски умѣютъ примѣнять къ собственнымъ своимъ трудамъ, даже тамъ, гдѣ, собственно говоря, никакого труда не было; они умѣли лишь набивать свои кошельки дешево-доставшимися имъ деньгами, зато ужь для другихъ они ни за что̀ въ мірѣ не стали бы распоясывать мошну.

Наступили сумерки и за часъ до полуночи мы прибыли въ деревню Верхняя-Чебенька, памятную намъ по тому обстоятельству, что здѣсь, ночью, въ сильную темень, мы, полусонные, благодаря искусству мухаммеданина, исправлявшаго должность ямщика, чуть-чуть не опрокинулись-было со всѣмъ экипажемъ въ рѣку Сакмаръ, а главное, потому, что насъ поразила судьба здѣшнихъ обитателей. Это плотный, невысокаго роста, приземистый народецъ, давно-свыкнувшійся со всѣми удобствами осѣдлой жизни, успѣшно-занимающійся земледѣліемъ и совершенно, какъ кажется, отвыкшій отъ всѣхъ обычаевъ и коренныхъ привычекъ и замашекъ кочеваго, патріархальнаго быта. Но къ какому племени этотъ народъ принадлежалъ — навѣрное сказать очень-трудно. Одинъ изъ обывателей назвалъ себя Татариномъ изъ Чувашей, другой, къ которому я обратился съ вопросомъ—просто Татариномъ. Большинство здѣшнихъ жителей считаетъ себя Мещеряками; въ общемъ своемъ составѣ всѣ они считаются Башкирцами; но, странная вещь, они не вошли въ составъ башкирскаго войска, къ которому принадлежатъ всѣ остальные, какъ чистые Башкирцы, такъ и считающіеся Башкирцами мусульмане другихъ племенъ, не вошли они и въ составъ мещеряцкихъ кантоновъ, а составляютъ отдѣлъ оренбургскаго казачьяго войска.

Въ-теченіе вечера и ночи намъ встрѣтилось по дорогѣ нѣсколько десятковъ воловыхъ подводъ съ солью. Легонькія фуры крестьянъ от-

личались отъ нашихъ телегъ и конструкціею своею и небольшою вмѣстимостью. Онѣ были запряжены каждая парою воловъ; грузъ ихъ, состоявшій изъ комовой соли, былъ прикрытъ лубьями и весь караванъ глядѣлъ какъ-то особенно-весело, отличаясь опрятностью и негромоздкостью.

Путь свой мы совершали непроторенною дорогой, цѣликомъ по степи и къ разсвѣту очутились на прелестной полянѣ, обрамленной съ двухъ сторонъ небольшимъ лѣскомъ. Здѣсь была кочевка двухъ башкирскихъ деревень, Джунгурляукской Чебеньки и Куджабаковой. Башкирскія кибитки, то-есть переносные моченные домы, раскинуты были полукругомъ, и для непривыкшаго глаза казались какими-то безобразными ворохами чего-то, покрытаго грязными войлоками, междутѣмъ, какъ это были низенькія помѣщенія, смастеренныя изъ деревянныхъ шестовъ и рѣшетокъ, выстроенныя полушаріемъ, или правильно-закругленнымъ съ верхняго конца цилиндромъ, и окутанные сверху отъ дѣйствія наружнаго воздухами кошмами, или большими полстями войлока.

На кочевкѣ еще все спало, только одна «выставка» бодрствовала, готовясь принять жданныхъ ѣздоковъ, да въ сторонѣ виднѣлись косяки лошадей, пасшихся на подножномъ корму и такъ лѣниво-бродившихъ по лугу, что ихъ можно было принять за совершенно-неподвижныхъ. Недалеко отсюда, какъ-будто украдкой, пробиралась небольшая рѣчка, которую мнѣ назвали Актана, а впереди едва-вошедшее солнце освѣщало намъ три послѣдовательные ряда высокихъ и чрезвычайно-живописныхъ горъ, отроговъ южнаго Урала. Каждой изъ этихъ возвышенностей Башкирцы дали особенныя названія; такъ ближайшій къ намъ небольшой хребетъ прозывался Терыклы-узякъ, за нимъ слѣдуетъ Имань-юртъ, а потомъ самый высокій—Ташлы-айры.

Въ девять часовъ утра мы прибыли къ какому-то зданію, передъ которымъ было разбито нѣсколько обширныхъ, обитыхъ хорошими кошмами кибитокъ. Мѣстность представляла голыя горы, покрытыя только травою. Мѣсто это чрезвычайно-уединенное; селенія нѣтъ. Съ одной стороны видно какое-то зданіе деревянное, но прочное; съ другой нѣсколько флигелей и конюшенъ; вдали полусгнившія и заброшенныя зимовки; кругомъ кустарникъ; у журчащаго потока мелкій лѣсокъ таловый съ нѣсколькими ветлами; въ разныхъ концахъ его выглядывали пчелиные ульи. Все съѣхавшееся сюда наше общество размѣстилось не внутри жилаго дома, а въ кибиткахъ. Мы были на общественномъ башкирскомъ конномъ заводѣ.

Башкирцы лихой народъ и чудные наѣздники. Удаль свою они не разъ успѣли выказать въ блистательныхъ войнахъ, которыя вела Россія съ своими врагами. Нѣчего и говорить, что, по роду своей службы, они не могутъ вполнѣ замѣнить тяжелой кавалеріи, или быть хорошими пѣхотинцами; но, какъ легкое иррегулярное войско, какъ казаки, они первенство надъ собою могутъ уступить развѣ только кавказскимъ Линейцамъ да Уральцамъ; а въ безстрашіи, отвагѣ и примѣрной исполнительности они съумѣли поддержать казачью славу наравнѣ съ Донцами и Черноморцами, и это въ-теченіе нынѣшняго сто-

лѣтія они успѣли доказать въ Отечественную Войну двѣнадцатаго года, въ турецкую кампанію, въ польскую войну, въ хивинскую экспедицію и при многихъ другихъ случаяхъ.

Начало общественнаго башкирскаго коннаго завода положено В. А. Перовскимъ еще во время перваго его управленія Оренбургскимъ Краемъ: онъ выписалъ жеребцовъ изъ Карабаха, изъ Туркменіи и закупилъ ихъ на лучшихъ заводахъ Россіи. При общественномъ заводѣ особыхъ штатныхъ чиновниковъ и ветеринаровъ нѣтъ; всѣ должности, необходимыя при такомъ учрежденіи, замѣнены самими Башкирцами, несущими внутреннюю службу.

Чтобъ не терять даромъ времени, немедленно приступлено было къ выводкѣ лошадей для показа хивинскому посланцу. Представленіе это состояло, такъ-сказать, изъ шести отдѣленій. Сначала вывели намъ двадцать чрезвычайно-красивыхъ жеребцовъ случной конюшни; всѣ они были заводскаго приплода, кромѣ одного, сѣраго аргамака, отбитаго въ сорокъ-восьмомъ году въ степи у Хивинцевъ, во время неудачнаго возбужденія ими Киргизовъ на Сыр-дарьѣ. Затѣмъ выведены четыре аргамака, приведенные Ходжешь-Мегремомъ изъ Хивы и предназначенные хивинскимъ ханомъ въ дарственное приношеніе Государю Императору. Государь Императоръ, осчастлививъ хана принятіемъ этого подарка, всемилостивѣйше пожаловалъ аргамаковъ казачьимъ сословіямъ Оренбургскаго Края и потому теперь жеребцы эти долженствовали быть распредѣлены по случнымъ конюшнямъ войскъ уральскаго башкирскаго и оренбургскаго. Изъ четырехъ аргамаковъ одинъ, рыжій, былъ весьма-неважныхъ статей, зато остальные три были необыкновенно-изящны. Знатоки признавали бураго аргамака за лучшаго; другіе отдавали первенство гнѣдому, но такого удивительнаго цвѣта, что онъ казался какъ-будто бы подернутымъ позолотой... я, съ своей стороны, не могъ глазъ оторвать отъ сѣраго Тэкэ, рослаго красавца, вершковъ пяти, съ длинною, прямою, тонкою шеею, съ удивительно тонкою кожею; гривы у него почти вовсе не было; мордочка, ножки, грудь были просто — заглядѣнье...

Его вели за повода два дюжіе Башкирца; онъ едва касается земли, выплясывая красивыми ножками, на которыхъ каждая жилка рѣзко выдается наружу упругою стальною струной. Все туловище, вспотѣвшаго отъ избытка энергіи, коня въ буквальномъ смыслѣ облито золотомъ — такъ чуденъ цвѣтъ его шерсти подъ свѣтлыми лучами солнца. Хвостъ игриво разметнулся трубой; шейные мускулы напряжены съ невѣроятною силою; глаза горятъ точь-въ-точь какъ раскаленные угли; отъ благородной головы такъ и пышетъ огнемъ; въ рельефно-выдавшихся артеріяхъ течетъ вмѣсто крови, чистый пламень; казалось, что, при видѣ статнаго аргамака, самъ ощущаешь, своими глазами видишь, какъ у него изъ ушей паръ валитъ, изъ ноздрей пламя.

Послѣ аргамаковъ выводили трехлѣтнихъ жеребчиковъ, происшедшихъ отъ породъ туркменской, орловскаго завода и другихъ; потомъ нѣсколько головъ чрезвычайно-красивыхъ жеребчиковъ, предназначенныхъ отъ начальства въ награду заслужившимъ его вниманіе Башкирцамъ. Затѣмъ мы осмотрѣли матокъ разсадника, косякъ которыхъ со-

стоялъ болѣе, чѣмъ изо ста головъ; всѣ онѣ происходятъ преимущественно отъ башкирскихъ матокъ и кровныхъ жеребцовъ. Наконецъ, намъ показывали косяки годовалыхъ и двугодовалыхъ жеребчиковъ и кобылокъ; въ каждомъ косякѣ было до двухсотъ-пятидесяти головъ.

Четвертаго іюня, въ воскресенье, часу въ одиннадцатомъ утра, переѣхали мы съ коннаго завода въ помѣщичье село—Петровское, расположенное на рѣчкѣ Ассель, которая впадаетъ въ рѣку Икъ съ правой стороны. Въ-ожиданіи обѣда, которымъ гостепріимный владѣлецъ уже распорядился, намъ подали чай.

Еще наканунѣ и въ этотъ же день утромъ я дивился неизвинительной неделикатности Хивинцовъ. Положимъ, они скупы и чрезвычайно-скупы; положимъ, что этою скупостью можно оправдать и то, что они гостю своему не дали къ чаю сахара и то, что, собравшись въ дорогу, почли за выгодное вовсе не брать чаю, разсчитавъ, очень-основательно, что чужой чай обойдется гораздо-дешевле своего; но въ эти два дни скупость и жадность ихъ перешли уже обыкновенные предѣлы. Н. П., главный распорядитель и хозяинъ всего, касавшагося до нашего путешествія, зналъ слабости и наклонности Хивинцовъ и щедрою рукою одѣлялъ ихъ питьемъ и яствами; но дворецкій его, распоряжавшій всѣмъ его хозяйствомъ, мало былъ знакомъ съ Азіатцами и взялъ въ дорогу такое количество сахару, какого, по его разсчетамъ, было заглаза достаточно для двадцати человѣкъ гостей въ-теченіе двухъ недѣль. На дѣлѣ разсчетъ этотъ оказался невѣренъ; и я, помѣстившись въ одной кибиткѣ съ Н. П., долженъ былъ принять невольное участіе въ семейномъ секретѣ.

— Конфузія, совершенная конфузія, сударь! докладывалъ дворецкій барину.

— Да какъ же это могло случиться?.. ну, посылай скорѣй нарочнаго въ городъ...

— Послать-то я ужь послалъ; да вы, сударь, хоть ихъ-то поурезоньте.

— Да что жь они тебѣ сдѣлали?

— Какъ что, помилуйте? Каждый-таки разъ, какъ я подаю имъ чай—а изволите знать, они его пьютъ у насъ по шести разъ на день, да по полдюжинѣ стакановъ заразъ — такъ, извѣстное дѣло, учтивства ради подаешь имъ полнёхоньку сахарницу... а они пять кусковъ, пребольшущихъ этакихъ, положатъ въ стаканъ, а остальные полсотни... куда! гораздо-больше полусотни, сахарница у насъ большая!... такъ они весь остатній сахаръ и высыпятъ себѣ въ карманы шальваръ, благо они у нихъ широки...

— Что это у васъ, обычай что ли такой? спросилъ одинъ изъ нашихъ перваго секретаря.

— А что такое?

— Да смотри, какъ вы нагружаете карманы чужимъ сахаромъ.

— Это мы очень любитъ.

— Вѣдь ты знаешь, что у насъ, у Русскихъ, правило: пей, ѣшь въ волю, а въ карманъ не таскай. Это нехорошо, стыдно...

— Зачѣмъ стидна?

— Да вѣдь дома-то твой хозяинъ, я чай, сахару и въ глаза не видитъ.

— Айяй, какъ можина: ево шлядка, бульна его шлядка любитъ!

— Ну что ты мнѣ толкуешь? у васъ гостю и взглянуть-то на сахаръ не даютъ!...

— Э, ти не знаешь! Такой балчой чалавикъ — его нада шладка. Когда онъ дома живетъ—сама шлядка все кушаетъ... Ево возьметъ—сахаромъ-то ево такъ кушайтъ...

И онъ мимикой началъ показывать, что его хозяинъ возьметъ въ руки цѣлую голову сахару да такъ и начнетъ ее зубами грызть...

— Ну, полно врать, братецъ: и чай-то пьетъ, такъ только, думаю, взглянетъ на сахаръ — тѣмъ и доволенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! а ево пьетъ вотъ какъ: возьметъ этики, этики, этики маленькій чашечка чаю—и туда такой... такой... такой балчой кусокъ сахару.

Послѣдняя выходка разсмѣшила меня окончательно. Надо было видѣть съ какими ужимками Хивинецъ понемногу все уменьшалъ воображаемую величину хозяйской чашки и довелъ наконецъ ее до величины наперстка; между-тѣмъ, чтобъ дать понятіе о кускѣ сахара, въ нее полагаемаго, онъ отдѣлялъ одну руку отъ другой все дальше и дальше и развелъ наконецъ ихъ до того, что кусочекъ сахару для чашки долженъ былъ вѣсить пуда три-четыре.

Село Петровское само-по-себѣ весьма-замѣчательно богатымъ орнитологическимъ собраніемъ, принадлежащимъ здѣшнему владѣльцу, который, подъ собственнымъ надзоромъ, а иногда и собственными руками, набиваетъ чучела и ежегодно дополняетъ свой кабинетъ новыми и часто весьма-рѣдкими экземплярами пернатыхъ, водящихся на всемъ пространствѣ Оренбургскаго Края, то-есть отъ Каспійскаго Моря до Аральскаго, отъ Сыр-дарьи до рѣки Камы и отъ Волги до Тобола. Нѣчего и говорить, что собраніе это произвело особенное впечатлѣніе на Хивинцевъ. Они тутъ двухъ вещей никакъ понять не могли: что̀ за фантазія у помѣщика окружать себя мертвыми птицами, которыхъ тутъ навѣрное есть до тысячи штукъ? и отчего это въ залѣ музеума мертвечиной вовсе не пахнетъ?

Много у насъ и за обѣдомъ было потѣхи. Хивинцовъ дивила и форель, которая водится здѣсь въ рѣчкахъ Камышлы, Акташъ и нѣкоторыхъ другихъ, и раки, и мороженое, и кремъ. Пушистость крема доводила Хивинцовъ до восторга: нѣкоторые, замѣтивъ, что его, по легкости, неловко брать въ руки, вонзали въ него палецъ и любовались послѣ, какъ сдѣланное такимъ-образомъ отверстіе само собой все понемногу сглаживалось; другимъ, желавшимъ разомъ проглотить цѣлую ложку мороженаго, оно казалось чрезвычайно-жгучимъ; третьи, въ томъ числѣ и самъ посланецъ, принявъ полоткѝ, то-есть копченыхъ гусей, за свинину, огорчились надъ оскорбительной насмѣшкой, которой никто имъ не причинялъ и потомъ сами хохотали отъ души, когда имъ показали неразрѣзаннаго и хорошо-прокопченаго гуся и осязательно доказали, что кушанье, принимаемое имъ за запрещен-

ную пророкомъ пищу, вещь самая невинная и притомъ чрезвычайно вкусная.

За обѣдомъ наши Хивинцы сидѣли довольно-добропорядочно, какъ слѣдовало, на стульяхъ, а посланецъ на диванѣ, но спустивъ къ землѣ ноги. Каждое кушанье они хвалили одобрительнымъ «бикъ джаксы», то-есть очень-хорошо, и вѣжливымъ «алла-риза-булсунъ», то-есть благодарю покорно и не очень-дико дѣйствовали вилкой и ложкой. Правда, вилка ставила ихъ въ нѣкоторое смущеніе при видѣ соуса или супа, но они скоро оправлялись, выказывая сметливость свою съ самой блестящей стороны. Такъ, напримѣръ, если въ супѣ плавалъ картофель или морковь, то Хивинецъ выловитъ картофелинку ложкой, потомъ возьметъ эту картофелинку съ ложки пальцами да и наткнетъ на вилку, а тамъ и въ ротъ — и все въ порядкѣ.

Старикъ-посланецъ былъ человѣкъ очень-строгихъ правилъ. Хивинцы, изъ боязни къ нему, не осмѣливались при немъ прикасаться къ хмѣльнымъ напиткамъ, которые запрещены Кораномъ. Они поодиночкѣ выходили въ другую комнату и тамъ, прикрывъ лицо рукой, другою подносили хорошую рюмку водки къ устамъ и проглатывали ее съ особенною удалью.

— А ты пивалъ шампанское? знаешь его?

— Ну, какъ же не знать: меня въ Петербургѣ сколько разъ подчивали шампанскимъ.

— Такъ, стало-быть, ты знаешь, что оно привозится къ намъ изъза морей въ бутылкахъ; оно бываетъ мокрое и продается очень-дорого...

— Ну, знаю!

— А вотъ теперь видишь какъ народъ ухитрился: вотъ посмотри, у меня въ карманѣ нѣсколько стакановъ сухаго шампанскаго. Стоитъ только воды подлить: оно такъ и запѣнится.

— Не-уже-ли правда?

— Да вотъ хоть самъ посмотри.

Я вынулъ изъ кармана коробочку съ содовыми порошками, приготовилъ ихъ какъ слѣдуетъ и выпилъ. Мои Хивинцы остолбенѣли и побѣжали доложить о такомъ важномъ изобрѣтеніи посланцу. Надо было повторить при немъ опытъ. Ходжешь-Мегремъ всплеснулъ руками и объявилъ своей свитѣ, что тутъ непремѣнно гдѣ-нибудь сидитъ шайтанъ и что тому, кто выпьетъ этого напитка, несдобровать.

Разсѣявъ, сколько могъ, невыгодное заключеніе, которое старикъ имѣлъ объ невинныхъ порошкахъ, я предложилъ посланцу самому принять ихъ. Онъ отнѣкивался единственно на томъ основаніи, что это сухое шампанское вино, а всякое вино запрещено пророкомъ. Когда и этотъ пунктъ былъ объясненъ тѣмъ, что это совсѣмъ не виноградъ и не вино, а легкое медицинское средство, имѣющее такіе и такіе результаты, то Ходжешь Мегремъ, согласившись со мной, рѣшился принять его отъ меня собственноручно, однакожь съ тѣмъ, что принимать порошки внутрь станетъ не онъ самъ, а вмѣсто него, фаворитъ его, Раметля.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, такъ-какъ Раметля не

успѣвалъ выпить смѣсь вовремя, Хивинцы вошли во вкусъ и неотступно умаливали меня подѣлиться съ ними содой. Я расщедрился и снабдилъ ихъ порошками по-крайней-мѣрѣ по полсотни пріемовъ, но ихъ къ слѣдующему дню не осталось нисколько. Меня, впрочемъ, не это дивило, а дивила крѣпость хивинскаго желудка: у инаго отъ неумѣреннаго пріема соды, непремѣнно оказались бы хоть какіе-нибудь болѣзненные признаки, а наши Хивинцы были какъ ни въ чемъ не бывало!

О мухаммеданахъ идетъ молва, что они въ ротъ хмѣльнаго не берутъ. Не говоря ужь про то, что это общее правило, какъ и всякое общее правило, имѣетъ свои, и довольно-рѣзкія, исключенія, нельзя упустить изъ виду, что мусульмане даже и въ массѣ не пренебрегаютъ опьяняющими средствами. Закавказскіе наши Татары страстные охотники до чихиря, Казанскіе Татары пристрастны къ пиву, Бухарцы и Хивинцы безъ зазрѣнія совѣсти и очень-неумѣренно, хотя и тайкомъ, пьютъ водку, выгоняемую тамошними Евреями изъ риса, а Башкирцы изобрѣли особый, равномѣрно-опьяняющій напитокъ, не знаю какъ сами они его называютъ, но по-нашему его просто зовутъ кислымъ медомъ. Берутъ медъ вмѣстѣ съ восчиной, разводятъ его кипяткомъ, подливаютъ въ него немного дрожжей, или кладутъ вмѣсто того кусокъ ржанаго или пшеничнаго хлѣба; взваръ заквашивается, ставится въ теплое мѣсто и на другой день онъ ужь совершенно-готовъ. Напитокъ этотъ очень-крѣпокъ, непріятенъ на нашъ вкусъ, немножко кисловатъ, немножко сладковатъ, но вообще чрезвычайно-пьянъ. Неумѣренное его употребленіе разстроиваетъ желудокъ и грудь и полагаетъ основаніе чахоточнымъ страданіямъ. Все это знаютъ сами Башкирцы, однакожь, пренебрегая опасностью, впиваются въ него до того, что иной въ-теченіе сутокъ вольетъ въ себя цѣлое ведро этого кислаго меда, тогда-какъ непривычнаго къ этому напитку и одинъ стаканъ съ ногъ сшибетъ. Въ замѣнъ кислаго меда, Башкирцы лѣтомъ пьютъ кумысъ, превосходный напитокъ, общеупотребительный между всѣми кочевыми племенами.

Въ тотъ же день, въ воскресенье, къ вечеру, съ рѣчки Асселя мы отправились въ прелестную долину Белегуша, лежащую въ 125 верстахъ отъ Оренбурга. При въѣздѣ въ нее мы замѣтили полуразвалившуюся мечеть. Вступивъ въ долину, мы поражены были движеніемъ, которымъ она была оживлена.

Долина Белегуша служила мѣстомъ лѣтней кочевки тринадцати полукочевыхъ, полуосѣдлыхъ башкирскихъ деревень ближайшихъ къ этому мѣсту одиннадцатаго и двѣнадцатаго юртовъ десятаго башкирскаго кантона. Сотни красивыхъ наѣзниковъ встрѣтили своего атамана восторженными криками и кружили около его экипажа, потѣшая и его и себя джигитовкою. Рѣзвые кони ихъ были наряжены въ красивые верховые уборы. Серебряныя уздечки, пахвы и богатыя сѣдла изукрашены цвѣтными камнями, огромными сердоликами и бирюзою, вѣроятно, фальшивою; чапраки шиты изъ сукна яркихъ цвѣтовъ и богато обложены галунами. Казаки одѣты были въ національные свои наряды: въ голубые и малиновые, обшитые золотомъ и серебромъ

чапаны, въ штофные и атласные бешметы; на головахъ ихъ были тоже разнокалиберные уборы; то малиновыя бархатныя шапки, то богатые суконные колпаки, широко-опушенные лисьимъ околышемъ, то обшитые бобромъ атласные тюбетеи, то легонькіе красные суконные башлыки; однимъ словомъ, всюду и во всемъ высказывалось великолѣпіе, хотя и чисто-азіатское, тѣмъ не менѣе однакожь нелишенное нѣкоторой степени изящества и даже въ глазахъ тѣхъ людей, которые съ малыхъ лѣтъ присмотрѣлись къ однообразію европейскаго костюма.

Много здѣсь было молодыхъ людей въ обыкновенныхъ казачьихъ мундирахъ; они, изъ особенной ревности къ формѣ, не желали воспользоваться дарованнымъ Башкирцамъ дозволеніемъ носить на службѣ народную одежду; многіе изъ нихъ даже и принарядились въ свои доспѣхи вовсе не потому, чтобъ на нихъ падала служебная очередь, а единственно изъ доброй воли и желанія выказать рвеніе свое и доказать, что добрый казакъ, и по приказу и по охотѣ, всегда готовъ на царскую службу. И такихъ примѣрныхъ всадниковъ было здѣсь не десятки, а цѣлыя сотни, въ чемъ я на другой же день имѣлъ случай лично удостовѣриться. Мѣстное начальство, для сформированія сверхъ комплекта одной учебной сотни, вызывало вольныхъ охотниковъ изъ числа тѣхъ казаковъ, которые были ужь выкомандированы на внутреннюю службу; но вмѣсто ста охотниковъ изъ служилыхъ казаковъ, предъ взоры любимаго атамана предстало пятьсотъ человѣкъ неочередныхъ Башкирцовъ, на-подборъ молодецъ къ молодцу. Нѣкуда было дѣвать такое множество молодёжи; ихъ надо было распустить по домамъ. Надо было видѣть, съ какимъ огорченіемъ непопавшіе въ «сотню» охотники выслушали объявленіе, что начальство, цѣня ихъ преданность, не имѣетъ надобности отрывать ихъ отъ домашнихъ занятій и употреблять на службу не въ очередь. Въ Россіи такіе порывы чувствъ вѣрноподданничества вовсе нерѣдкій случай. Вѣроятно, это происшествіе прошло бы и у меня незамѣченнымъ, да спасибо Хивинцамъ: они надоумили меня вдуматься въ великость значенія этого, по нашему мнѣнію, очень-обыкновеннаго факта. Мои Хивинцы просто остолбенѣли отъ изумленія, когда имъ объяснили такое необыкновенное стеченіе избранной башкирской молодёжи изъ лучшихъ семействъ.

— Да, у насъ бы ихъ и палкой на ханскую службу не выгнали! замѣтилъ секретарь посольства.

— Хочешь службамъ гуляйть, золотая тилля (червонецъ) намъ давай! присовокупилъ другой его товарищъ, давая тѣмъ замѣтить, что въ Хивѣ никто даромъ на службу не пойдетъ.

— А конямъ-то ево падишахова? спросилъ третій Хивинецъ.

Когда имъ отвѣтили отрицательно и объяснили, что у насъ каждый казакъ долженъ выступить въ походъ по первому призыву, на всемъ на готовомъ, на собственное иждивеніе снарядивъ себя и амуниціей и конемъ и сбруею, Хивинцы не нашлись что̀ даже и отвѣчать на это. Разумѣется, мы не упустили замѣтить имъ, что подобныя обязанности казаковъ существуютъ вслѣдствіе того, что они никакихъ

ужъ другихъ повинностей и податей не несутъ и имѣютъ привилегію владѣть Высочайше дарованной имъ общественной войсковой землей, раздѣляемой каждому члену войсковаго сословія поровну, сообразно съ его чиномъ. Но Хивинцы—народъ азіатскій: имъ ничѣмъ не вдолбишь европейской теоріи поземельнаго владѣнія. Они поняли только то, что Россія богата и сильна народною любовью и преданностью къ престолу и отечеству, и что для русскаго Царя—всѣ его подданные одинаково-родныя дѣти.

Первое мое знакомство съ Башкирцами произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе.

Извѣстно, что всѣ мухаммедане брѣютъ головы; ихъ брѣютъ себѣ и Башкирцы. Нельзя отрицать и того, что европейскій костюмъ, военная каска или казачья шапка и бритый черепъ какъ-то несовсѣмъ идутъ одно къ другому. Въ-отношеніи къ Башкирцамъ, начальство не вмѣшивалось въ эту дисгармонію, зная очень-хорошо, что лучше всего вопросъ предоставить свободному теченію обстоятельствъ, а не заставлять народъ круто отказаться отъ старинныхъ національныхъ привычекъ.

Башкирцы отовсюду окружены Русскими; лучи нашей цивилизаціи, такъ или иначе, должны были отразиться и на Башкирцахъ. Молодёжи и отцамъ семействъ дорога была національная одежда, да и царская-то форма тоже очень пришлась имъ по вкусу. Того, что къ военному покрою плохо идетъ бритая голова, не понять они не могли: нѣкоторые, изъ усердія дать себя замѣтить начальству, стали понемногу пріучаться и мундиръ надѣвать, и волосы отпускать и даже брить бороду, а борода для мусульманина вещь самая драгоцѣнная! Теперь вовсе нерѣдкость встрѣтить даже пожилаго Башкирца съ выбритою бородою и съ отпущенными, по формѣ, на головѣ волосами.

Большинству нашихъ читателей, вѣроятно, извѣстна фамилія русскаго офицера Аитова. Этого офицера, по вѣроисповѣданію мухаммеданина, Хивинцы, передъ началомъ хивинской экспедиціи, вѣроломнымъ образомъ взяли въ Киргизской Степи въ плѣнъ и отправили въ Хиву, ободравъ его до-чиста и оставивъ на немъ цѣлыми только мундирный сюртукъ, эполеты и шарфъ. Ханъ потребовалъ Аитова къ себѣ, и когда тотъ явился къ нему, по необходимости, въ этихъ единственныхъ признакахъ воинственнаго своего призванія, то ханъ, считая серебряный шарфъ самою несомнѣнною эмблемою высшихъ государственныхъ должностей, съ глубокою, говорятъ, горестью замѣтилъ славному плѣннику: какъ это онъ, будучи такимъ большимъ человѣкомъ и притомъ мусульманиномъ, рѣшился сдѣлаться еретикомъ въ глазахъ всего мухаммеданскаго міра, нося, словно франкъ какой, длинные на головѣ волосы? Пятнадцать лѣтъ назадъ, г. Аитовъ доказалъ хану и заставилъ его согласиться, что отпущеніе волосъ на головѣ и бритье бороды, по смыслу буквы Корана, не должны считаться отступничествомъ, и что холодный климатъ Россіи и другія обстоятельства служатъ для него самымъ законнымъ оправданіемъ въ нарушеніи правилъ, не непреложныхъ по своему существу.

Этого г. Аитова хорошо помнилъ и самъ Ходжешь-Мегремъ, соб-

ственнымъ показаніемъ подтвердившій, что первымъ и самымъ настойчивымъ требователемъ возвращенія изъ Хивы русскихъ плѣнниковъ былъ именно г. Аитовъ, а вовсе не какой-нибудь Англичанинъ, какъ разсказывали иностранные писатели; а что г. Шекспиръ, на котораго они указываютъ, былъ именно то, что порусски называется «съ боку припека», хотя честный, добрый, человѣколюбивый и сострадательный человѣкъ, однакожь, вовсе непричастный къ дѣлу вынужденія хана къ возврату нашихъ плѣнниковъ.

Къ слову о Шекспирѣ, о которомъ въ предлежащихъ разсказахъ мы по особеннымъ причинамъ не желаемъ сообщать всѣхъ собранныхъ нами, очень, впрочемъ, любопытныхъ, матеріаловъ, мы прибавимъ и то, что хивинская экспедиція 1839 года была поистинѣ самымъ-блестящимъ подвигомъ главнаго оренбургскаго начальства; этою экспедиціей мы, даже не начиная военныхъ дѣйствій, одержали славныя побѣды и надъ Хивинцами и надъ жестокостью безпримѣрной зимы. Славу подвиговъ нашихъ въ этотъ походъ и важность уроновъ, понесенныхъ во время его Хивинцами, могутъ оцѣнить только люди хорошо-знакомые съ нашимъ востокомъ и со всѣми сопровождавшими выполненіе экспедиціи обстоятельствами. Ворочемъ, мы въ распространеніе этого предмета пускаться здѣсь не будемъ: это завлекло бы насъ слишкомъ-далеко, а главное потому, что для оцѣнки этого событія во всѣхъ его подробностяхъ не наступило еще время.

Насмотрѣвшись на башкирскіе костюмы и праздничные и будничные, на цвѣтные чапаны и на синіе и бѣлые халаты, я сталъ разспрашивать о прежнемъ національномъ вооруженіи, которое только въ очень-недавнее время вышло у Башкирцовъ изъ употребленія. Во-первыхъ, Башкирцы носили шлемы, стальные, съ золотыми насѣчками по ободкамъ и съ толстыми стеганными бархатными козырками и назатыльниками; къ отверстію, слѣланному въ вершинкѣ шлема, привязывался какой-нибудь цвѣтной, обшитый золотомъ, лоскутокъ сукна, а въ самое отверстіе втыкалось совиное перо. Во-вторыхъ, Башкирцы, поверхъ чапановъ, носили стальныя кольчуги, въ родѣ тѣхъ, какія изрѣдка носятъ еще Киргизы и какія мы доселѣ можемъ видѣть въ Петербургѣ на кавказскихъ горцахъ, Собственнаго Его Величества Конвоя. Въ-третьихъ, вмѣсто портупей, у Башкирцовъ были старинные кожаные пояса съ насѣчками и съ отлитыми изъ бронзы, вмѣсто бляхъ, орлами, и прежнія жалованныя кривыя сабли съ насѣчками на клинкѣ и съ орлами на рукояткахъ. Всѣ эти принадлежности воинскаго снаряда доселѣ, какъ святыня, сохраняются во многихъ башкирскихъ семействахъ. Наконецъ у Башкирцовъ были копья и сайдаки, то-есть лукъ и колчанъ со стрѣлами. Эти послѣднія принадлежности вооруженія, равно какъ и старинныя сабли доселѣ еще иногда употребляются Башкирцами, хотя отъ стрѣлянія изъ луковъ они и порядочно поотстали, славно зато владѣя саблей и винтовкой. Впрочемъ, намъ все-таки удалось лично посудить о мастерствѣ Башкирцовъ стрѣлять изъ луковъ, и вотъ по какому случаю.

Командующему башкирскимъ войскомъ пришло на мысль угостить своихъ посѣтителей наславу. Лучшаго для этого онъ ничего не могъ

придумать, какъ задать самимъ Башкирцамъ «туй», то-есть праздникъ. Въ воскресенье же полковникъ объявилъ своимъ казакамъ, что завтра, въ понедѣльникъ, будетъ для нихъ пиръ, игры, борьба, пляска, угощеніе, стрѣльба въ цѣль и конская скачка. Немедленно посланы были нарочные скупить по окрестнымъ деревнямъ лошадей на убой для башкирскаго пира, разныхъ сластей и кумыса для угощенія и разныхъ мануфактурныхъ издѣлій для призовъ состязателямъ.

Въ понедѣльникъ на зарѣ все ужь было готово. День начался тѣмъ, что начали рѣзать лошадей и барановъ и готовить изъ конины и баранины разныя блюда. Убой коней производится самымъ башкирскимъ манеромъ. Коню спутываютъ переднія ноги, потомъ захлёстываютъ веревкой заднія, валятъ такимъ-образомъ животное на земь и, положивъ его по направленію къ востоку, прочитываютъ какую-то коротенькую молитву и наконецъ просто-на-просто отрѣзываютъ коню голову обыкновеннымъ ножомъ, который у всякаго кочевника виситъ всегда на поясѣ, вмѣстѣ съ непремѣнною принадлежностью каждаго Башкирца и каждаго Киргиза, «калтòй». Калтà есть первообразъ того, чтò извѣстно въ воинскомъ нашемъ нарядѣ подъ именемъ солдатской сумы, разница только та, что этотъ кожаный кармашекъ, или сумка, у кочеваго жителя привѣшивается на поясѣ спереди у лѣваго боку.

Когда кровь изъ трупа перестанетъ бить ключомъ и смертныя судороги окончатся, рѣзальщики приступаютъ къ сдиранію кожи и это дѣлаютъ они съ такою ловкостью, съ такимъ искусствомъ, что право не мѣшало бы у нихъ поучиться нашимъ русскимъ работникамъ, сдирающимъ шкуры для кожевенныхъ заводовъ, въ которые, скажемъ къ слову, поступаютъ, разумѣется, разныхъ родовъ шкуры и прямо отъ нашихъ степныхъ кочевниковъ. Содравъ кожу, рѣзальщики приступаютъ къ присвоенію себѣ тѣхъ частей трупа, которыя не йдутъ ужь на пищу. Такъ, напримѣръ, одинъ торопится запрятать въ карманъ жилы: онъ ихъ прежде выкваситъ, потомъ прокоптитъ въ дыму, потомъ вымнетъ, то-есть перетретъ и такимъ-образомъ раздѣлитъ жилу на пасьмы, и вотъ эти-то волокна башкирскія женщины и употребляютъ вмѣсто нитокъ при шитьѣ сапоговъ или кухонной, кожаной посуды. Другой обрубаетъ у барана ножныя оконечности; когда ихъ у него понакопится довольно, онъ ихъ продастъ на клееварные заводы; третій старается присвоить себѣ скотскую голову, которую онъ дома сваритъ на бульйонъ, а четвертый придумываетъ какъ бы ему одному завладѣть цѣлой шкурой, совсѣмъ, и съ гривой и съ хвостомъ, тогда-какъ этотъ прибыльный предметъ сбыта долженъ, по обычаю, достаться всѣмъ рѣзальщикамъ даннаго субъекта въ общее ихъ достояніе. Волосъ идетъ въ продажу, шерсть на кошмы, овчина на одежду, а конская шкура на шитье обуви и посуды; даромъ почти ничего не пропадетъ. Даже кишки и тѣмъ есть назначеніе. Башкирцы начиняютъ ихъ кобыльими потрохами и другими спеціями и приготовляютъ такимъ образомъ любимое свое блюдо — кобылью колбасу, «кызъ».

Кухня у Башкирца на кочевкѣ нехитрая: посереди кибитки, на голой землѣ, разводится огонь, на него ставится таганъ, на таганѣ котелъ — исторія недолгая; но на общественномъ празднествѣ нельзя

же было не подумать о сформированіи настоящей барской кухни; и кушанья много готовилось, и надзоръ за тѣмъ, чтобъ не было нанесено ущерба общественному достоянію, долженъ быть сосредоточеннѣе. Такая кухня, подъ надзоромъ дежурныхъ урядниковъ, устроена была и здѣсь. Въ уединенномъ рвѣ выкопаны были ямы; въ отвѣсныхъ стѣнахъ его продѣланы боковыя отверстія, замѣнявшія печи; все это сдѣлано было хорошо, ладненько, вытянуто ровною линіею и въ какіе-нибудь полчаса времени, двадцать печей задуманы, состроены и сгруппированы всѣ вмѣстѣ въ самомъ близкомъ одна отъ другой разстояніи. Подъ всѣми ямами въ одно время запылали костры, надъ всѣми кострами въ одно время уставлены котлы и всѣ они въ одно время начали разогрѣваться, будучи щедро наполнены заманчивыми гомерическими кусками конины и баранины.

Башкирецъ на постоянномъ мѣстопребываніи ѣстъ ужасно много; но въ дорогѣ, на походѣ, не знаешь куда дѣвается у него аппетитъ. Одна горсть курта, разведеннаго въ водѣ, достаточна для того, чтобъ напитать до сыта четырехъ взрослыхъ Башкирцовъ; при нуждѣ, одному человѣку довольно только небольшаго катышка этого сыра: онъ будетъ сытъ имъ цѣлыя двои сутки и не проголодается.

Ежедневная пища Башкирца состоитъ изъ одного блюда. Онъ ѣстъ только два раза въ сутки: въ обѣдъ и въ ужинъ; утромъ онъ въ ротъ ничего не беретъ, развѣ напьется кумысу, и то лѣтомъ, разумѣется; зимой только богатые пьютъ кирпичный чай съ масломъ. Разносоловъ мало; обыкновенное блюдо— кашица изъ полбенной крупы съ растертымъ въ ней куртомъ (говорятъ: и «куртъ» и «крутъ»). Лѣтомъ, когда скотъ бываетъ дойнымъ, Башкирцу не житье, а масляница: у него является и кумысъ, и масло, и сыръ, и каймакъ — кушанье, состоящее изъ однихъ жирныхъ и густыхъ пѣнокъ; тѣ, которые въ состояніи зарѣзать барана, разумѣется, не довольствуются однимъ блюдомъ; у нихъ и салма, и бишбармакъ и пловъ съ черносливомъ и изюмомъ— всего вдоволь. Богатые люди, вмѣсто кирпичнаго, пьютъ цвѣточный чай, да и какъ еще пьютъ! У Башкирцовъ я видалъ такіе огромные самовары, какихъ ни въ одной сбитенной даже въ Москвѣ не сыщешь. Башкирцы разсыпной чай пьютъ и въ-накладку, и въ-прикуску и даже вовсе безъ сахару, съ однѣми сливками; этотъ послѣдній способъ приготовленія называется «сухой чай».

Скачка, борьба, пляска и другія игры производились съ большимъ одушевленіемъ. Въ награду побѣдителямъ раздавались разные призы: или лошадь, или баранъ, или халатъ, или платокъ бумажный, или цвѣтной ситецъ, однимъ словомъ такой предметъ, который съ пользою могъ быть употребленъ въ домашнемъ быту Башкирца. Но въ описаніе этихъ увеселеній теперь входить я не стану, потому-что впослѣдствіи мнѣ прійдется въ другомъ мѣстѣ обратиться къ тому же предмету. Скажу только нѣсколько словъ о стрѣльбѣ изъ луковъ.

На Белегушѣ было много народу; однѣхъ башкирскихъ женщинъ было здѣсь болѣе трехъ-сотъ, стало-быть, всю массу съѣхавшихся сюда Башкирцовъ можно навѣрное опредѣлить человѣкъ въ тысячу;

но изъ всѣхъ изъ нихъ на вызовъ атамана явилось только съ полсотни охотниковъ показать свое искусство въ лучномъ боѣ.

На ровномъ мѣстѣ, вдали отъ кибитокъ, разбитыхъ длинными рядами по одной сторонѣ долины, выбрана была арена для состязателей. Съ одного конца арены вколочены были невысокіе шесты, въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, и къ нимъ прикрѣплены небольшіе щитки изъ обыкновенной бересты. Стрѣлки, раздѣленные на групы, разставлены въ линію и поставлены каждая група противъ своего шеста; затѣмъ отмѣрены шаги и поданъ знакъ къ началу состязательства. На разстояніи тридцати шаговъ всѣ попали въ мету; не было ни одного промаха; на сорока шагахъ въ цѣль попадали тоже почти всѣ до одного; а надобно замѣтить, что число выстрѣловъ для каждаго стрѣлка не ограничивалось никакимъ опредѣленнымъ счетомъ; на разстояніи пятидесяти-пяти шаговъ только десять охотниковъ отличились вѣрностью глаза, а на шестидесяти шагахъ ни одна стрѣла до меты не долетѣла.

Для меня интересъ представлялся не столько въ томъ, на сколько шаговъ хватитъ стрѣла и который именно Башкирецъ бо́льшее число разъ попадаетъ въ цѣль, сколько въ тѣхъ картинахъ, какія представляли охотники своею личностью. Нельзя было довольно налюбоваться изяществомъ позъ, которыя принимались жаждавшими не приза, а только славы стрѣлка́ми. Надо было видѣть съ какой увѣренностью, съ какимъ напряженіемъ силъ каждый Башкирецъ натягивалъ свой тугой лукъ и сгибалъ его въ три-погибели на звучащей, какъ струна, тетивѣ; съ какою гордою осанкою онъ выставлялъ одну ногу впередъ; съ какой отважною самоувѣренностью онъ приподнималъ къ груди своей лукъ съ наложенною на него стрѣлою; съ какою змѣиною алчностью онъ щурилъ свои рысьи глаза, продолжительно впиваясь ими въ далекую мету, съ какимъ замѣтнымъ замираніемъ сердца онъ спускалъ тетиву... Его видимо обдавало въ эту минуту холоднымъ по́томъ; онъ блѣднѣлъ какъ полотно и вдругъ вспыхивалъ яркимъ румянцомъ, когда стрѣла вонзалась въ бересту; налитые кровью глаза загорались живою радостью, и онъ, подавляя самодовольную улыбку, неуклюжо, словно медвѣдь, озирался на това́рищей. Я словъ не найду обстоятельно пересказать всѣ его движенія. Прекрасно, восхитительно было смотрѣть на этого полудикаря. Мы всѣ отъ восторга что́ называется «расходились» и пустились наперебой усиливать призы. Общее упоеніе было до такой степени сильно, что случайно-заѣхавшій на кочевку купчикъ, немолодой ужь человѣкъ, видавшій не такіе виды, не могъ совладать съ самимъ собою. Онъ вертѣлся, семенилъ ногами, скакалъ, кидался изъ стороны въ сторону, щедро сыпалъ русскими прибаутками и красными словами... и наконецъ не выдержалъ: русская душа сказалась! купчикъ снялъ съ шеи цвѣтной галстухъ, вытащилъ изъ кармана красный бумажный платокъ, скинулъ съ плечъ новенькій армячокъ, распростился съ зелененькимъ кредитнымъ билетомъ и все это присоединилъ къ собраннымъ уже запасамъ новыхъ призовъ. Новыя удалыя продѣлки башкирскихъ джигидляровъ снова задѣли его за живое: онъ высыпалъ все мелкое серебро изъ кошелька себѣ

на руку и полною пригоршней бросилъ его въ толпу удальцовъ, крикнувъ имъ нараспѣвъ: «Эй, вы, молодцы, Башкирцы-удальцы! на-те вамъ на водку, кушайте во здравье!»

Хивинцы давно ужь были раззадорены, а выходка торговца окончательно привела ихъ въ азартъ; они тоже полѣзли въ карманъ и начали кидать въ народъ обѣими руками...

— Ужь не хивинскіе ли червонцы? подумалъ я, недовѣрчиво поглядывая на сторону.

— Нѣтъ, это были не червонцы, а просто изюмъ да орѣхи!

Хивинецъ не расщедрится; не таковъ онъ человѣкъ на свѣтъ родился, не въ такихъ понятіяхъ онъ выросъ, не съ такими чувствами свыкся на родной землѣ...

Сердобольный Хивинецъ, обходя собравшуюся около стрѣлковъ группу народа, остановилъ свое вниманіе на одной еще очень-молоденькой дѣвушкѣ, которая, впрочемъ, не могла похвастаться особеннымъ пригожествомъ. Бѣдность ли ея наряда кинулась ему въ глаза, или что̀ другое — ужь не знаю, только Хивинецъ остановился, подозвалъ ее къ себѣ, вступилъ въ разговоръ и узналъ, что дѣвушка эта сиротка, осталась послѣ родителей въ крайней бѣдности и нищетѣ и что добрые сосѣди, несмотря на то, что сами были бѣдны, сжалились надъ нею и пріютили ее въ своей семьѣ. Высказывая о благодѣтельномъ поступкѣ своихъ теперешнихъ воспитателей, она не могла удержаться, чтобъ не пролить нѣсколько слезинокъ благодарности.

— Полно, не плачь! сказалъ добродушный старикъ, утѣшая сиротку: — если твои благодѣтели бѣдны и находятся въ нуждѣ, стало-быть, такова воля Аллаха! на̀, возьми и помни, что это *я* даю тебѣ... поди, подѣлись съ ними...

Дѣвочка отъ радости со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать по направленію къ кибиткамъ, крѣпко стиснувъ что-то обѣими ручонками. Она побѣжала сначала опрометью, потомъ пошла тише, потомъ остановилась, оглянулась назадъ, оглядѣлась по сторонамъ и, мучимая любопытствомъ, раскрыла пригоршню; посмотрѣвъ въ нее пристально и изумленными глазами, она вдругъ бросила подарокъ Хивинца на землю, зарыдала какъ дитя и съ отчаяніемъ закрыла руками овлаженное слезами личико. Поданная бѣдняжкѣ помощь заключалась въ кускѣ лепешки, въ двухъ кускахъ сахару и въ роскошной кисти крупнаго изюма.

Возвратившись отъ стрѣльбы въ цѣль въ свои кибитки, мы нашли передъ ними семь человѣкъ башкирскихъ, не то музыкантовъ, не то пѣвцовъ... а какъ бы это сказать... виртуозовъ, артистовъ особеннаго рода. Артисты эти состояли изъ двухъ отдѣловъ; одни назывались «чибизгачи» и играли на «чибизгѣ», или на тростниковой дудкѣ, около трехъ четвертей длины и съ пятью дырочками: четыре были съ наружной стороны инструмента, а пятая на задней сторонѣ; а остальные четверо назывались «курайчи» и играли на собственномъ своемъ горлѣ.

Курайчи извлекали изъ него заразъ два совершенно-противоположные звука: одинъ самый тоненькій и довольно-пискливый, другой ба

совой. Какимъ-образомъ они извлекли оба эти звука въ одинъ и тотъ же моментъ времени, этого ни сами они растолковать, ни другія лица объяснить мнѣ никакъ не могли; замѣтилъ я только то, что музыкантъ, принявшись пѣть пѣсню, прежде всего вдыхаетъ къ себѣ порядочный запасъ воздуха и потомъ ужь изгнетаетъ изъ себя посредствомъ недоступныхъ мнѣ усилій, сначала басовую ноту, сильно-отзывающуюся храпѣніемъ, а вслѣдъ затѣмъ и дискантовую, по неестественности своей высоты, возбуждающую сомнѣніе: не въ заднихъ ли полостяхъ рта оно образуется, при помощи нагнетательнаго столба, имѣющагося въ запасѣ воздуха? Не умѣю я самъ рѣшить этого вопроса, а передаю только личныя свои замѣчанія. Надо присовокупить къ этому, что измѣненіе тоновъ происходитъ только съ дискантовымъ звукомъ, басовая же нота остается неизмѣнною и гудитъ непрерывно продолжительнымъ legato, вплоть до того срока, пока курайчи не почувствуетъ необходимости перевести дыханіе. Чибизгачи, наигрывая на своемъ инструментѣ тотъ же мотивъ, какой напѣваютъ курайчи, въ одно и то же время, сопровождаетъ эту игру акомпанементомъ той же басовой ноты, какая слышится и у курайчи; но у дудочника мнѣ не удавалось подслушать горловыхъ звуковъ писка, напѣвающаго мотивъ пѣсни.

Кромѣ природныхъ Башкирцовъ, такихъ же мастеровъ пѣть горломъ удалось мнѣ найдти и между каргалинскими Татарами, то-есть между обитателями Сейтовскаго Посада; кромѣ того, деревенскій мальчикъ изъ коренныхъ Русскихъ, жившій въ кучерахъ у моего оренбургскаго сосѣда, послѣ двухъ-трехъ недѣль упражненія въ томъ же искусствѣ, до такой степени съумѣлъ направить свою переимчивость, что сталъ весьма-недурнымъ виртуозомъ на этомъ присущемъ каждому изъ насъ инструментѣ.

Башкирскія пѣсни отличаются весьма-мелодическимъ напѣвомъ; но напѣвъ этотъ, какъ вообще у всѣхъ Азіатцовъ, имѣетъ основнымъ характеромъ какую-то заунывность и истому. Мнѣ довелось прослушать нѣсколько и веселенькихъ башкирскихъ пѣсенокъ; но изъ разспросовъ я узналъ, что всѣ эти веселые напѣвы суть произведенія музыкальныхъ вдохновеній новѣйшихъ туземныхъ маэстро.

О словахъ, смыслѣ и степени увлекательности красотами народныхъ башкирскихъ пѣсенъ судить я не могу; знаю только, по разсказамъ другихъ, что пѣсни эти бываютъ и героическаго, и хвалебнаго, и элегическаго и даже эротическаго содержанія.

Я забылъ сказать, что въ числѣ разнообразныхъ призовъ, предоставленныхъ состязателямъ на играхъ, были, между-прочимъ, жареныя кобыльи рёбра. Увѣнчанные ими Башкирцы, получивъ въ свои руки этотъ вкусный трофей, приносили его въ даръ прежде всего своему атаману, или, въ случаѣ его отказа, какому-нибудь изъ почетнѣйшихъ гостей. Всякій, разумѣется, отказывался отъ предлагаемой, но незаслуженной имъ чести и, въ благодарность за вниманіе, прибавлялъ къ призу еще небольшой пешкёшъ. Русскіе клали кто рубль, кто полтину серебра, а Хивинцы отдѣлывались только изюмомъ да орѣхами. Самый обрядъ предложенія подарка сопровождался нѣ-

которою торжественностью. Жареныя рёбра, для большей видимости, воткнуты были на заостренныя съ обоихъ концовъ жерди. Получившій призъ бралъ въ руки жердь вмѣстѣ съ жаркимъ и, поднося ее къ тому, кого онъ хотѣлъ почествовать изъявленіемъ чувствъ особенной своей преданности, преклонялъ предъ нимъ одно колѣно и втыкалъ жердь въ землю подъ самымъ носомъ чествуемаго. Въ башкирскихъ ли обычаяхъ преклонять, въ такихъ случаяхъ, колѣно, или манера эта перенята ими въ-слѣдствіе бесѣдъ съ Русскими о рыцарской вѣжливости нѣкоторыхъ кавалеровъ съ дамами — рѣшить я не могу; но мнѣ что-то сдается, что это не коренной, не народный обычай Башкирцовъ. Передачу же приза старшему мнѣ объяснили тѣмъ, что это, дескать, служитъ для Башкирцовъ, какъ-бы выраженіемъ того, что для нихъ чужда жадность и что они всѣмъ готовы подѣлиться съ ближнимъ. Но мнѣ кажется, что гораздо ближе къ истинѣ будетъ, если мы объяснимъ эти приношенія общею всѣмъ вообще Азіатцамъ дальнихъ странъ боязнью, чувствомъ страха и недовѣрчивостью къ своимъ правителямъ. Въ нашихъ Башкирцахъ это осталось только единственнымъ оттѣнкомъ, можетъ-быть, ихъ древней исторіи; у другихъ же народовъ и доселѣ еще опасеніе насилій и боязнь притѣсненій такъ велики, что фраза «добромъ не дашь — сами отнимемъ» для среднеазійца не вмѣщаетъ въ себѣ никакой идеи о незаконномъ домогательствѣ. Разберите нѣкоторыя фразы обычной вѣжливости самаго вѣжливаго народа Азіи — Персіянъ: всѣ они проистекаютъ изъ того же источника. А чтобъ доказать, до какой степени у Азіатца силенъ постоянный страхъ за свою собственность, за свою жизнь даже, и съ какими проявленіями жестокости и коварства сжился, сдружился, сроднился онъ съ младенческихъ лѣтъ подъ угнетательной политикой своихъ средне-азійскихъ правителей, приведу въ примѣръ одно происшествіе, которое, случись оно съ Русскимъ или съ какимъ-нибудь другимъ Европейцомъ, не имѣло бы никакого значенія, а привыкшаго къ насиліямъ Хивинца оно повергло въ совершенное отчаяніе.

Однажды вечеромъ, по предложенію распоряжавшаго нашими удовольствіями хозяина, мы собрались кавалькадой на прогулку. Лошади были приготовлены для каждаго такихъ превосходныхъ статей, какихъ только можно было выбрать изъ огромнаго башкирскаго табуна, пасшагося невдалекѣ отъ кочевки. Башкирцы, которымъ принадлежали эти лошади, весьма-охотно уступили намъ и нарядныя свои сѣдла. Почетнѣйшіе изъ башкирскихъ старшинъ тоже приглашены были принять участіе въ нашей прогулкѣ, и такимъ образомъ вся кавалькада возросла до пятидесяти человѣкъ. Все шло обыкновеннымъ порядкомъ; только трое Хивинцовъ изъ посланцовой свиты что-то покапризились и тѣмъ навели маленькую тѣнь на общее выраженіе удовольствія, которое между всѣми нами до сей минуты ничѣмъ не было нарушено.

Приготовленія къ отъѣзду были покончены; лошади выведены ужь передъ наши кибитки, многіе сидѣли уже на коняхъ, какъ вдругъ атаманъ замѣтилъ, что трое гостей сидятъ, снаружи посланцовой кибитки, на корточкахъ и не думаютъ вставать съ мѣста.

— Какъ? что̀ такое? Мы всѣ давно готовы; что вы не садитесь? спросилъ ихъ распорядитель черезъ переводчика.

— Мы не поѣдемъ! коротко отвѣчали Хивинцы.

— Отчего? Вѣдь вы хотѣли?

— Хотѣли, да теперь нельзя ѣхать.

Пошли дальнѣйшіе разспросы, но отъ суровыхъ дикарей никакъ нельзя было съ первыхъ же словъ узнать о причинѣ ихъ замѣтнаго неудовольствія. Наконецъ мы добрались до истины. Хивинцы пришли въ негодованіе оттого, что сѣдла, для нихъ приготовленныя, были не такъ роскошны, какъ у башкирскихъ старшинъ, которые отправлялись вмѣстѣ съ нами.

Нѣчего дѣлать; послали искать новыхъ лошадей, потому-что сѣдло безъ лошади и лошадь безъ сѣдла нельзя было нанимать у Башкирцовъ; иначе вмѣсто того, чтобъ помѣшать прогулкѣ одного казака, нужно было лишить этого удовольствія двоихъ Башкирцовъ. Наконецъ, лошади съ болѣе-нарядным, чѣмъ прежде, коннымъ уборомъ были приведены къ ставкѣ. Теперь Хивинцамъ не понравились и сѣдла и кони, а у примкнувшихъ къ намъ башкирскихъ старшинъ и тѣ и другія были очень-драгоцѣнны.

Несмотря на то, что трое изъ самыхъ неотесанныхъ въ мірѣ бюргеровъ... гражданъ... однимъ словомъ, Хивинцовъ—въ Хивѣ нѣтъ различія сословій—огорчали своими выходками почетныхъ людей, гостепріимствомъ которыхъ они пользовались, и задерживали нашу прогулку, главный распорядитель старался всѣми мѣрами побѣдить ихъ невѣжество своею учтивостью и вниманіемъ, и уговорилъ нѣкоторыхъ богатыхъ Башкирцовъ ссудить неугомонныхъ Хивинцовъ франтовскими сѣдлами и чапраками. Но Хивинцы и этимъ не были довольны. Имъ представляли и то, что богатые, убранные каменьями конные приборы могутъ быть только у богатыхъ людей; что богатые люди не станутъ давать своихъ вещей напрокатъ, что почетному Башкирцу лестно и самому гарцовать на конѣ передъ такими рѣдкими и дорогими гостями, и что все-таки нѣкоторые изъ нихъ, чтя гостепріимство, уступили свои сѣдла тремъ безпокойнымъ гостямъ; но Хивинцы попрежнему хохлились. Одинъ изъ русскихъ гостей, погорячѣе нравомъ, нецеремонно далъ имъ замѣтить, что очень-глупо имъ капризничать изъ пустяковъ, что они въ своей Хивѣ, чай, ѣздили на деревянныхъ стременахъ и то не на коняхъ, а развѣ на коровахъ, какъ и у насъ бѣднѣйшіе изъ Киргизовъ это дѣлаютъ; что каждый башкирскій старшина во сто разъ важнѣе любаго изъ Хивинцовъ, и что, наконецъ, во всякомъ случаѣ очень-неприлично съ ихъ стороны до такой степени забываться и дуть губы изъ зависти, тѣмъ болѣе, что остальные ихъ товарищи молчатъ и довольны всѣмъ, чѣмъ ихъ снабжаютъ.

Никакіе резоны не помогали. Хивинцы продолжали, сидя на корточкахъ, качаться изъ стороны въ сторону.

— Да бросимте ихъ, что̀ на нихъ смотрѣть! ну, стоютъ ли они этого? посовѣтовалъ одинъ изъ нашихъ.

— Не хотите ѣхать — какъ хотите! а вздумаете прогуляться — для

васъ приведутъ еще новыхъ лошадей, догоняйте насъ пожалуйста; мы вамъ будемъ очень-рады; а захотите одни кататься — вотъ и вамъ свита изъ Башкирцевъ! я къ вамъ приставлю ихъ, пожалуй, цѣлый десятокъ! сказалъ нашъ хозяинъ, выведенный Хивинцами изъ послѣднихъ предѣловъ терпѣнія.

Наконецъ всѣ, кромѣ троихъ несговорчивыхъ Хивинцовъ, сѣли на коней и поѣхали. Безъ-сомнѣнія, непріятныя сцены, выказавшія съ такой невыгодной стороны кичливость зазнавшихся чужеземцовъ, не могли не имѣть вліянія на общее расположеніе духа членовъ кавалькады. Русскіе были недовольны, потому-что ихъ предупредительная вѣжливость была пренебрежена; Башкирцы были недовольны, потому-что Хивинцы оскорбили ихъ народную гордость желаніемъ показать, что любой Хивинецъ важнѣе самаго почетнаго Башкирца; Хивинцы были недовольны, потому-что на капризы ихъ товарищей не стали наконецъ обращать вниманія, да и самъ умный и строгій посланецъ, отъ котораго старались скрыть неделикатныя выходки его подчиненныхъ, былъ недоволенъ, узнавъ обо всемъ и не имѣя права настаивать на требованіяхъ, неимѣвшихъ никакого разумнаго основанія. Послѣ всего этого будетъ понятно, почему, несмотря на то, что нѣкоторые весельчаки старались оживить кавалькаду занимательными бесѣдами и разными шутками — все шло какъ-то не такъ, какъ бы слѣдовало. Гости ѣхали насупившись; разговоры не завязывались; скука и утомленіе выражались на лицѣ каждаго. Даже чибизгачй и курайчй, предшествовавшіе поѣзду въ передней шеренгѣ, и тѣ перестали выказывать свое искусство и призамолкли.

Водворилось молчаніе; тишина не нарушалась ничѣмъ, развѣ только звучаньемъ старшинскихъ сабель, дребезжаньемъ наборныхъ уздечекъ, да свистомъ нагаекъ, которыми помахивали всадники.

Мы между-тѣмъ успѣли проѣхать порядочное разстояніе; все становище далеко оставили за собой; башкирскія кибитки едва виднѣлись издали. Широкая долина стала, между-тѣмъ, съуживаться и, наконецъ, мы начали приближаться къ восхитительной мѣстности. Окаймлявшіе долину холмы, сближаясь съ обѣихъ сторонъ, образовали родъ ущелья, тянувшагося прямою ровной трубой; а за перспективою, образованною направленіемъ пригорковъ, виднѣлась широко-разстилавшаяся поляна, далеко на горизонтѣ замыкавшаяся грядами высокихъ горъ; вечернее солнышко чудно освѣщало даль и окрестности: синее небо роскошнымъ куполомъ прикрывало бирюзовый фонъ картины, на которой въ сомкнутой кучкѣ мелькали красные халаты Башкирцовъ, черныя одежды Хивинцовъ и роскошные мундиры русскихъ офицеровъ. Даже нечувствительные къ красотамъ природы Хивинцы почувствовали особенную прелесть, озираясь по сторонамъ и любуясь видами, которые казались имъ совершенно-новыми. Хивинцы и родились и выросли на голой степи; видъ горъ естественно долженъ былъ ихъ поразить.

Незадолго передъ вступленіемъ въ это ущелье, какой-то башкирскій наѣздникъ, несшійся во весь опоръ, догналъ кавалькаду и, доложивъ о чемъ-то своему начальству, тотчасъ же пустился въ обратный

путь и на всемъ скаку началъ подавать какіе-то условные знаки тѣмъ, которые отвѣта его дожидались. Башкирецъ этотъ пріѣзжалъ, какъ послѣ оказалось, испросить у начальства согласіе на желаніе удалой молодежи потѣшить гостей джигитовкой.

Вдругъ старика-посланца, какъ-будто-бы что-то покоробило; онъ замѣтно сталъ какъ-будто самъ не свой. Вѣроятно, его старыя кости порастрясло порядкомъ, думали мы; впрочемъ, мы неочень-много проскакали, да и ѣхали-то легонькой рысцой. Можетъ-быть, это маленькія желудочныя спазмы — чего-нибудь покушалъ неосторожно... Однако Ходжешь Мегремъ скоро оправился; лицо его приняло прежнее выраженіе.

Но скоро съ посланцомъ опять возобновились тѣ же припадки, и именно въ то время, когда мы, заслышавъ за собой страшный топотъ, оглянулись и увидѣли цѣлый строй башкирскихъ всадниковъ, которые, въ полномъ вооруженіи, съ гикомъ и взвизгиваньемъ, пики на перевѣсъ, неслись по нашимъ слѣдамъ въ-разсыпную. Удалые Башкирцы, и молодежь, и пожилые люди съ окладистыми бородами, въ богатыхъ цвѣтныхъ халатахъ, въ огромныхъ, выложенныхъ галунами, калпакахъ, мчались на рѣзвыхъ бѣгунахъ такъ быстро, что даже у насъ, у зрителей, сердце обмирало; они обогнали насъ, начали кружить около насъ, огибая всю кавалькаду то съ правой стороны, то съ лѣвой; выдѣлывали разныя штуки длинными своими копьями, перегибались на лошади черезъ сѣдло, на всемъ скаку припадали къ землѣ и производили богатырскими своими потѣхами чрезвычайно-поразительный эффектъ. Мы не могли довольно наглядѣться на воинственныя движенія этихъ удальцовъ, не могли глазъ оторвать отъ этихъ чудныхъ наѣздниковъ, изъ которыхъ каждый старался перещеголять другаго въ красотѣ и ловкости движеній.

Вдругъ въ кавалькадѣ нашей затѣялась какая-то сумятица. Хивинцы сдѣлались угрюмы; лица у всѣхъ у нихъ вытянулись и подернулись блѣдностью; они робко переглядывались другъ съ другомъ и засуетились около Ходжешь Мегрема. Бѣдный старикъ помертвѣлъ, какъ полотно, и началъ конвульсивно мигать глазами; его трясло точно въ лихорадкѣ; подкативъ, наконецъ, глаза подъ-лобъ и не переставая хлопать вѣками, онъ началъ слегка стонать, шататься изъ стороны въ сторону и съ ужасомъ призывать имя Аллаха. Положеніе посланца до такой степени было отчаянно, что мы, не понимая дѣла и слыша плачевныя просьбы Хивинцевъ воротиться домой, принуждены были прервать свою прогулку и возвратились въ ставку шагомъ. Во все это время старый Хивинецъ еле держался въ сѣдлѣ; двое его прислужниковъ принуждены были его поддерживать во всю дорогу.

Отдохнувъ немного, Хивинецъ совершенно успокоился; попеченія и ухаживанья русскихъ возвратили ему даже веселое расположеніе духа. Онъ сдѣлался разговорчивымъ, началъ шутить, смѣяться надъ своею мнительностью и надъ невольнымъ испугомъ; но чего онъ испугался—болѣзненныхъ ли своихъ припадковъ, или что̀ иное ему почудилось — этого онъ не сказалъ намъ.

Солнышко между-тѣмъ совершенно закатилось. Богъ-знаетъ откуда взявшійся вѣтеръ нагналъ тучки; небо покрылось непроницаемымъ покровомъ; надъ долиною распространилась густая мгла; зги не было видно; только вѣтеръ порывисто гудѣлъ, развѣвая длинныя и толстыя полсти войлока, которыми нѣкоторыя кибитки некрѣпко были обвязаны; рѣдкій лѣсокъ, покрывавшій ближайшую къ намъ возвышенность, шумѣлъ отъ шелеста листьевъ; стройныя деревья его скрипѣли и трещали, сильно раскачивая своими вершинами, расколыханными отъ крѣпкихъ напоровъ поднимавшейся бури. Бури, впрочемъ, не было, ураганъ пронесся благополучно; погода, однакожь, не совершенно стихла; свѣжій вѣтерокъ все еще проносился по долинѣ, изрѣдка взмахивая распущенными войлочными дверьми у кибитокъ.

Давно ужь ожидавшіе своего начальника, Башкирцы еще за недѣлю назадъ приготовились сдѣлать ему сюрпризъ нежданною новостью— башкирскою иллюминаціей; а ею приличнѣе всего было закончить день, посвященный народному празднеству. Никто изъ насъ этого не зналъ и потому всѣ мы запрятались въ кибитки, готовясь ко сну, но все еще поджидая чѣмъ-то окончится поднявшійся ураганъ. Въ кибиткѣ было намъ тепло и пріютно, а на открытомъ воздухѣ и холодно и темно такъ, что хоть глазъ выколи.

Внезапно мы поражены были страшнымъ заревомъ, которое проглядывало въ неплотно-окутанное верхнее отверстіе кибитки; въ то же время запахло чѣмъ-то палёнымъ; черезъ нѣсколько мгновеній заслышался вдали страшный гулъ и конскій топотъ постепенно къ намъ приближавшейся толпы всадниковъ... Мы выскочили изъ кибитокъ и онѣмѣли отъ изумленія.

По верхнимъ окраинамъ холмовъ, служащихъ долинѣ рамою, разставлено было въ разныхъ мѣстахъ болѣе сотни смоленыхъ бочекъ, пылавшихъ широкимъ пламенемъ; на склонахъ пригорковъ и на высунутыхъ изнутри кибитокъ наружу длинныхъ шестахъ висѣли огромныя горящія берёсты; болѣе сотни весельчаковъ, пѣшіе и конные, вооруженные, вмѣсто сабель и копей, берестяными факелами, скакали и прыгали, съ пѣснями и воемъ, около атаманской кибитки. Крикъ, визгъ, пискъ, вой, веселые напѣвы, конскій топотъ, ржаніе коней, тысячи факеловъ, красное зарево на небѣ, ослѣпительный блескъ около кибитокъ, страшная темень въ сторонѣ, красные чапаны, дикія, озаренныя кровавымъ блескомъ зарева лица Башкирцевъ, звонъ сабель, стукъ копей — это было страшное зрѣлище.

Хивинцы выглянули изъ своихъ кибитокъ и поспѣшили опять въ нихъ запрятаться. Мы, между-тѣмъ, взбѣжали на возвышенность, откуда видъ на башкирскія потѣхи былъ еще эффектнѣе, еще великолѣпнѣе.

Виновникъ празднества, не видя около себя своихъ хивинскихъ гостей, послалъ почетныхъ башкирскихъ офицеровъ къ посланцу съ приглашеніемъ полюбоваться на эти чудныя игры. Посланецъ явился, едва поддерживая свою сановитость; было ясно, что онъ опять, какъ говорится, былъ не въ своей тарелкѣ.

Отъ старости ли, отъ утомленія ли, или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, Ходжешь Мегремъ не захотѣлъ подняться на вершину примыкавшаго къ кибиткамъ холма. Мы были принуждены сами къ нему спуститься и дружною групой размѣстились всѣ вмѣстѣ въ полугорѣ. Шумная вереница разгулявшейся башкирской молодежи замѣтила насъ и съ новыми воплями кинулась къ намъ на гору, размахивая факелами и выплясывая такія неуклюжія пà, что нельзя было удержаться отъ хохота. Огни озарили нашу групу; красное пламя берестъ освѣтило багровымъ свѣтомъ наши улыбавшіяся лица. Всѣ мы были веселы и довольны; одни Хивинцы глядѣли какими то бирюками. Когда Башкирцы, держа въ рукахъ огни, подступили еще ближе, начали кружить около насъ и проскакивать въ нашей толпѣ, то мимо одного гостя, то мимо другаго, съ Ходжешь Мегремомъ сдѣлался новый обморокъ; онъ поблѣднѣлъ, помертвѣлъ и, закативъ глаза подълобъ, съ плачевнымъ всхлипываніемъ и стонами началъ повторять «Аллахъ акбаръ! Аллахъ акбаръ!» Всѣ Хивинцы были поражены ужасомъ и не знали что̀ начать, что̀ дѣлать...

Тутъ только мы узнали всю причину. Давешнее ущелье, преднамѣренное, по понятіямъ Хивинцевъ, арестованіе трехъ приближенныхъ къ посланцу лицъ, стража, приставленная къ нимъ изъ десяти Башкирцевъ, подъ видомъ свиты, передовой наѣздникъ, шопотомъ отданныя приказанія, длинныя пики, острыя сабли, цѣлыя полчища вооруженныхъ людей—все это приводило привыкшаго къ жестокостямъ и вѣроломству Хивинца въ трепетъ. Онъ вспомнилъ давнія провинности своихъ хановъ, вспомнилъ преступныя, но тщетныя ихъ возбужденія Киргизовъ противъ насъ, вспомнилъ разграбленія каравановъ, вспомнилъ про убійство князя Бековича, которое, несмотря болѣе чѣмъ на столѣтнюю давность, по убѣжденію, по вѣрованію всѣхъ Хивинцевъ, рано или поздно, но неискупно должно быть отомщено Россіею, онъ вспомнилъ все и былъ увѣренъ, что его нарочно заманили въ могильное ущелье затѣмъ, чтобъ голову отрѣзать, или чтобъ посадить на колъ, или, что̀ еще ужаснѣе, замучить страшными смертями—арбузами и ковылемъ!.. Но, вѣрно, то было только острасткой: конецъ пришелъ теперь! Эти шайтаны въ красныхъ халатахъ, эти костры, это пламя, которое люди, не боясь обжога, держатъ въ голыхъ рукахъ, эти визги, эти пѣсни несмотря на бурную ночь... нѣтъ сомнѣнія! ихъ всѣхъ сожгутъ, бѣдныхъ Хивинцевъ! Изъ нихъ живьемъ станутъ вытапливать сало—вѣдь Русскіе съ цѣлымъ свѣтомъ ведутъ торговлю саломъ—пригодится!

Убѣдившись въ неосновательности своихъ опасеній, Хивинцы изъ страха перешли къ необузданной веселости, пустившись въ пріятельскія бесѣды съ Башкирцами и стараясь подражать ихъ оживленнымъ тѣлодвиженіямъ; разговорамъ, шуткамъ, веселью не было конца. Занявшаяся заря прорѣзала мракъ и освѣтила самую мирную картину. Въ разныхъ концахъ долины, на чистомъ воздухѣ, прислонясь къ кибиткамъ, одновѣрные и одноязычные Башкирцы и Хивинцы сидѣли небольшими кружка̀ми; посереди каждаго кружка шипѣли толстопу-

вые самовары, а немножко въ сторонѣ отъ нихъ стояли огромныя лахани съ кумысомъ.

И попили же въ это время Хивинцы и кумысу и чаю вдоволь, благо можно было предаться неумѣренности на доровщинку!

На слѣдующій день, во вторникъ, шестаго іюня, Ходжешь Мегремъ со всею своею свитою отправился въ обратный путь къ Оренбургу, а черезъ день послѣ него снялся и я и, вдвоемъ съ Н* П*, отправился колесить по Башкиріи.

X.

Башкирцы.

Башкирцы, какъ ужь замѣчено, входятъ въ составъ такъ-называемаго Башкиро-Мещеряцкаго Казачьяго Войска, управляемаго отдѣльнымъ начальникомъ и раздѣляющагося на Башкирцовъ и на Мещеряковъ.

Населеніе собственно-башкирскаго войска состоитъ изъ людей разныхъ племенъ, изъ настоящихъ Башкирцовъ и изъ мухаммеданъ, именующихся Башкирцами только потому, что они записались въ Башкирцы, въ башкирское войско. Такимъ-образомъ между Башкирцами можно встрѣтить: 1) Киргизовъ, вышедшихъ изъ степи, добровольно-покинувшихъ прежнія кочевья и пожелавшихъ нести казачью службу; они находятся въ седьмомъ и десятомъ башкирскихъ кантонахъ; 2) Татаръ Оренбургскихъ въ десятомъ и бывшихъ нагайскихъ въ десятомъ и тринадцатомъ башкирскихъ кантонахъ; 3) Вотяковъ—вотяцкія физіономіи, особенно у женщинъ, весьма-рѣзко бросаются въ глаза въ сѣверной части десятаго башкирскаго кантона; 4) омусульманенную Черемису, издавна-вышедшую съ береговъ Черемшана, Волги и Камы; преданіе объ этомъ сохранилось между Башкирцами перваго кантона въ Осинскомъ Уѣздѣ Пермской Губерніи; наконецъ, между Башкирцами же мы найдемъ и 5) омусульманенныхъ Калмыковъ торгоутскаго племени, именно въ шестомъ башкирскомъ кантонѣ, въ Челябинскомъ Уѣздѣ, и 6) чистыхъ Мещеряковъ, то-есть омусульманенную Мещору, издавна-вышедшихъ изъ-за Волги, пріютившихся въ Башкиріи и, при благовидныхъ обстоятельствахъ, превратившихся изъ припущениковъ въ хозяевъ.

Башкирцы сами себя, и то коренныхъ только своихъ соплеменниковъ, называютъ «Ба̀шкуртъ», прочимъ же, именующимся Башкирцами иноплеменникамъ они даютъ общее названіе, «Миша̀рь». Слово «Ба̀шкуртъ» или «Башку̀ртъ» въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ звучитъ нѣсколько-иначе. Намъ привелось изъ устъ женщинъ десятаго кантона слышать это названіе въ другой формѣ, именно «Паскуртъ» и «Паскиртъ» · не можетъ быть, чтобъ я обслышался; иначе я не обратилъ бы на это слово вниманія и не ввелъ бы этого замѣчанія въ свой дневникъ, помня о «Паскатирахъ» Рубруквиса.

Какъ вмѣстѣ съ Башкирцами считаются заодно и другіе иноплеменники, такъ и сами Башкирцы попадаются не въ одной Башкиріи.

Коренныхъ Башкирцовъ мы находимъ, вспервыхъ, между уральскими казаками, гдѣ составляютъ они особое башкирское отдѣленіе; во-вторыхъ между оренбургскими казаками, гдѣ они живутъ смѣшанно съ русскими; втретьихъ, наконецъ, Башкирцовъ немудрено встрѣтить и между киргизскими родовичами.

Всѣ именующіеся собственно-Башкирцами инородцы, входящіе въ составъ Башкирскаго Казачьяго Войска, раздѣлены на тринадцать кантоновъ; нѣкоторые изъ нихъ лично несутъ казачью службу; другіе, вмѣсто того, обложены денежнымъ сборомъ; третьи, вслѣдствіе давности этого сбора, успѣли ужь совершенно отвыкнуть отъ воинскихъ занятій. Существенное юридическое отличіе этого казачьяго сословія отъ другихъ подобныхъ, состоитъ въ томъ, что Башкирцы, за проступки и преступленія, внѣ воинской службы учиненныя, кромѣ конокрадства, судились не военнымъ, а гражданскимъ судомъ.

Въ земляхъ русскихъ казачьихъ сословій мы встрѣчаемъ два противоположные отдѣла населенія: казаковъ и крѣпостныхъ людей, особенно у Донцевъ; у Башкирцовъ крѣпостнаго сословія нѣтъ; припущенники въ Донской Землѣ подчинились крѣпостному праву вотчинниковъ-казаковъ; припущенники Башкирцовъ, состоявшіе изъ разнаго сброда финскихъ племенъ, составили впослѣдствіи отдѣльную массу народа, извѣстную подъ названіемъ «Сословія Тептярей и бобылей», съ уничтоженіемъ когда-то существовавшихъ тептярскихъ полковъ, естественнымъ образомъ обратившихся въ государственныхъ крестьянъ, какими они сами себя ужь давно привыкли считать. Наши казаки состоятъ изъ двухъ разрядовъ людей: изъ казаковъ (то-есть рядовыхъ казаковъ и урядниковъ) и чиновниковъ (отъ перваго оберофицерскаго чина и до полнаго генерала). У Башкирцовъ мы находимъ три разряда, въ слѣдующей градаціи: I. казакъ и урядникъ; II. за-урядъ хорунжій, за-урядъ сотникъ, за-урядъ эсаулъ, имѣющіе право на офицерскій мундиръ и эполеты, но несчитающіеся еще оберофицерами; III. затѣмъ Башкирцовъ производятъ въ хорунжіе (корнеты), сотники (поручики), въ эсаулы (ротмистры), въ старшины (майоры), подполковники, полковники и генералы. Изъ Закавказскихъ Татаръ у насъ многіе дослуживаются до чина военныхъ генераловъ; есть даже полные генералы; Башкирцевъ же выше полковниковъ я не встрѣчалъ.

Всѣ Башкирцы, по различію образа жизни, раздѣляются на полукочевыхъ и на осѣдлыхъ.

Башкирцы *перваго* кантона всѣ осѣдлые. Они раздѣлены на девять юртъ; каждая состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень; восемь юртъ расположены въ Осинскомъ Уѣздѣ Пермской Губерніи, девятая—въ Пермскомъ Уѣздѣ. Народонаселеніе ихъ: 8,403 души мужескаго пола и 7,472 души женскаго, духовенства 55 человѣкъ мужеск. пола. (Приводимые здѣсь итоги, основаны на оффиціальныхъ данныхъ, касающихся 1849 года и сообщенныхъ намъ главнымъ начальникомъ края. Такъ-какъ въ собраніи данныхъ я имѣлъ въ виду только статистическія и этнографическія свѣдѣнія о Башкирцахъ какъ о воинскомъ сословіи, то само-собою разумѣется, что исчисленія Башкирцевъ, носящихъ ору-

жіе и несущихъ дѣйствительную военную службу, до меня не могло касаться.)

Второй кантонъ, тоже съ осѣдлымъ народонаселеніемъ, состоитъ изъ четырехъ юртъ, расположенныхъ въ Екатеринбургскомъ и трехъ юртъ, лежащихъ въ Красноуфимскомъ Уѣздахъ Пермской Губерніи; всего 6,444 души мужескаго и 5,738 душъ женскаго пола; духовныхъ 70 человѣкъ.

Третій кантонъ весь лежитъ въ Шадринскомъ Уѣздѣ Пермской же Губерніи; 8,913 душъ мужескаго пола и 8,221 женскаго; духовныхъ 64 человѣка. Изъ числа одиннадцати юртъ этого кантона, двѣ населены полукочевымъ племенемъ, а три юрты оффиціально называются «Мещеряками третьяго башкирскаго кантона».

Четвертый кантонъ, весь полукочевой, расположенъ въ восточной части Троицкаго Уѣзда Оренбургской Губерніи; раздѣленъ на девять юртъ и состоитъ изъ 5,712 душъ мужескаго и 6,481 души женскаго пола, духовныхъ 60 человѣкъ.

Пятый кантонъ, весь осѣдлый, расположенъ въ томъ же уѣздѣ, но на западъ отъ горныхъ заводовъ; онъ состоитъ изъ шести юртъ; часть обитателей шестой юрты этого кантона оффиціально числится Мещеряками; все населеніе состоитъ изъ 6,022 душъ мужескаго и 5,610 душъ женскаго пола; духовныхъ 72 человѣка.

Шестой кантонъ, отчасти полукочевой, отчасти осѣдлый, расположенъ въ Челябинскомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи; въ немъ 18,016 душъ мужескаго и 16,110 душъ женскаго пола; духовнаго 149 человѣкъ.

Седьмой кантонъ, состоящій преимущественно изъ горцевъ, весь полукочевой; онъ раздѣляется на тридцать юртъ; всѣ онѣ находятся въ Верхнеуральскомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи; народа считается 26,842 мужчины и 25,686 женщинъ; духовныхъ 210 человѣкъ.

Восьмой кантонъ, лежащій въ Стерлитамацкомъ Уѣздѣ, раздѣляется на двадцать-пять юртъ; изъ нихъ обитатели трехъ юртъ — горцы, а остальные—степные Башкирцы, жилища которыхъ расположены въ степныхъ, далекихъ отъ горъ, отъ лѣса, мѣстахъ. Въ немъ 23,542 души мужескаго пола и 22,794 души женскаго; духовныхъ 263 человѣка. Образъ жизни полукочевой.

Девятый кантонъ лежитъ въ Уфимскомъ Уѣздѣ; раздѣленъ на четырнадцать юртъ. Жители лѣтомъ ведутъ кочевую жизнь. Всего ихъ считается 12,342 души мужескаго пола и 11,191 женскаго; духовныхъ 155 человѣкъ.

Десятый кантонъ почти весь полукочевой; онъ состоитъ изъ сорока-одной юрты: изъ нихъ въ Оренбургскомъ Уѣздѣ находится тридцать-семь, въ томъ числѣ одна юрта осѣдлая; три юрты (2,248 душъ муж. пола и 2,041 д. женскаго) въ Бузулуцкомъ Уѣздѣ Самарской Губерніи, и одна юрта (865 душъ муж. п. и 835 душъ женскаго пола) въ Стерлитамацкомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи; народонаселеніе этого кантона состоитъ изъ 43,152 душъ мужескаго и 39,724 женскаго пола; духовныхъ 392 человѣка. Одна юрта этого кантона, заключающая въ себѣ Каргалу или Сейтовскій Посадъ (всего 1,414 д. муж.

и 1,511 д. женск. пола) состоитъ изъ Татаръ разныхъ наименованій и изъ потомковъ смѣси племенъ, въ небольшомъ числѣ вышедшихъ изъ разныхъ владѣній Средней Азіи и, въ половинѣ прошлаго столѣтія, поселившихся около Оренбурга.

Одиннадцатый кантонъ весь осѣдлый и весь лежитъ въ Бирскомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи; онъ состоитъ изъ двадцати семи юртъ и содержитъ съ себѣ 30,850 душъ муж. и 27,868 душъ женскаго пола; духовныхъ 314 чел. муж. пола.

Двѣнадцатый кантонъ, тоже весь осѣдлый; народа въ немъ считается 25,683 души мужескаго пола и 25,046 душъ женскаго; духовныхъ 280 человѣкъ; онъ раздѣляется на двадцать-пять юртъ; изъ нихъ двадцать-двѣ расположены въ Мензелинскомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи, двѣ юрты (1,513 д. муж. и 1,510 жен. пола) въ Елабужскомъ Уѣздѣ Вятской Губерніи и одна юрта (933 д. муж. и 908 д. жен. пола) въ Сарапульскомъ Уѣздѣ той же губерніи.

Въ тринадцатомъ башкирскомъ кантонѣ считается 29,837 д. муж. п. и 28,505 д. жен. п.; духовныхъ 337 человѣкъ. Въ этомъ кантонѣ двадцать-девять юртъ: одна юрта (1,475 душъ муж. и 1,522 женскаго) находится въ Бугурусланскомъ Уѣздѣ Самарской Губерніи; пять юртъ (2,934 д. муж. и 2,998 д. жен. пола) въ Бугульминскомъ Уѣздѣ той же губерніи, а остальныя двадцать-три юрты расположены въ Белебеевскомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи. Почти весь кантонъ осѣдлый; только обитатели юртъ, прилегающихъ къ рѣкѣ Дёмѣ, лѣтомъ ведутъ кочевую жизнь. Въ числѣ осѣдлыхъ Башкирцевъ Белебеевскаго Уѣзда, находятся и потомки выбѣжавшихъ до 1752 года изъ плѣна отъ Киргизовъ разноплеменныхъ выходцевъ Средней Азіи, въ числѣ которыхъ были Хивинцы, Бухарцы, Афганцы, Персіяне, даже Турки и Арабы. Въ то время прибыло этихъ киргизскихъ плѣнниковъ болѣе двухъ сотъ человѣкъ; третья часть изъ нихъ обращена въ христіанство и, подъ именемъ крещеныхъ Татаръ, поселена около Ногайбацкой Крѣпости, основанной еще въ 1736 году и заселенной тоже съизстари крещеными Татарами. Потомки этихъ крещеныхъ Татаръ, переведены были оттуда въ новѣйшія времена за рѣку Уралъ, въ бывшую Киргизскую Степь, въ Землю Оренбургскаго Казачьяго Войска, въ которомъ они въ настоящее время и числятся.

У всѣхъ Башкирцевъ есть свои родовыя тамги; если семья раздѣляется, то родовая тамга хотя и остается прежняя, напримѣръ: у двухъ родныхъ братьевъ, но каждый кладетъ на своей тамгѣ особую отличку, какую-нибудь черточку, или другой значокъ.

Прежде, чѣмъ мы подведемъ итогъ нынѣшней численности такъ-называемыхъ вообще Башкирцовъ, взглянемъ на итоги народонаселенія за прежнее время.

Рычковъ, писавшій въ 1760 году знаменитую, доселѣ первостепенную «Оренбургскую Топографію» и съ трудами котораго по этой части далеко не сравнялись ни чьи еще труды, говоритъ, что, по присланнымъ отъ провинціальныхъ воеводъ вѣдомостямъ, Башкирцовъ, по одному развѣдыванію, а не по переписи, показано:

въ Уфимской Провинціи	86,384	душ.	обоего пола
въ Исетской Провинціи.	19,792	—	— —
всего	106,176	—	— —

По дворовому же исчисленію, въ одной Уфимской Провинціи, кромѣ обитавшихъ за рѣкой Ураломъ Башкирцовъ, по старшинскимъ вѣдомостямъ считалось 8,892 двора.

По переписи 1782 года Башкирцовъ числилось 69,482 души мужескаго пола.

Неизвѣстный авторъ одной рукописи, относящейся къ 1799 году, такимъ образомъ высчитываетъ мухаммеданское и инородческое населеніе края:

князей и дворянъ	80
купцовъ и торговыхъ Татаръ.	1,116
ясашныхъ Татаръ.	16,361
ясашныхъ тархановъ. . . .	19
помѣщичьихъ людей и крестьянъ.	515
казаковъ	3,180
сартъ	415
салтанаульскихъ мурзъ . . .	755
служилыхъ тархановъ . . .	874
служилыхъ Татаръ	7,622
Чувашъ некрещеныхъ, крест.	18,000
Чувашъ служилыхъ	259
некрещенной Мордвы . . .	16,457
Мещеряковъ.	17,618
Тептярей	49,899
Башкирцовъ	80,244

По ревизіи 1816 года Башкирцовъ считалось 120,431 д. муж. пола
По отчетамъ за 1849 годъ ихъ было . . . 245,758 — — —
230,446 — жен. —
476,204 — обоего пол.

Башкирцы добровольно покорились Россіи въ XVI столѣтіи, вслѣдъ за покореніемъ нами Казанскаго Царства; тогда же, для надзора за ними, среди дикихъ башкирскихъ лѣсовъ заложенъ былъ городъ Уфа. Во внутреннее управленіе народомъ правительство встарину не входило; а для удержанія его въ тишинѣ и спокойствіи довольствовалось только тѣмъ, что отбирало отъ Башкирцовъ аманатовъ и изстари строго воспрещало Русскимъ селиться въ Башкиріи. Въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича (глава XVI, ст. 43) было именно сказано: «Всякихъ чиновъ русскимъ людемъ у Башкирцовъ земель не покупать, и не мѣнять, и въ закладъ, и здачею, и въ наемъ на *многіе годы* не имать. А будетъ которые люди учнутъ земли тѣ имать здачею, или покупать, или въ закладъ, или въ наемъ на многіе лѣта имать, и у тѣхъ всякихъ чиновъ людей тѣ татарскія помѣстные и ясачные земли имать на Государя, да имъ же за то отъ государя быть въ опалѣ.»

Башкирцы встарину занимали своими кочевьями какъ нѣкоторыя нынѣшнія обиталища Оренбургской Губерніи, такъ и простран-

ства за рѣкою Ураломъ, вошедшія впослѣдствіи времени въ составъ такъ-называвшейся Киргизской Степи; но еще тѣснѣе жались они въ нынѣшней Пермской Губерніи. Земли забирали они отчасти своевольно, отчасти испрашивая на нихъ грамматы; грамматы эти давались имъ воеводами и давались щедро: проситель обозначалъ прослышанныя имъ живыя урочища, обѣщался платить положенный ясакъ лисицами и куницами, бобровыми шкурами и медомъ, кланялся челомъ воеводѣ—и получалъ во владѣніе себѣ съ родомъ своимъ, или съ такими-то товарищами, цѣлую область, раскинутую на пространствѣ нѣсколько сотъ, а иногда даже и тысячъ квадратныхъ верстъ.

Между-тѣмъ, въ центрѣ Башкиріи, около города Уфы, выдѣлялись обширныя земли, выдававшіяся въ жалованье и въ помѣстья государевымъ служилымъ людямъ, а потомъ башкирскія земли отбирались подъ устройство крѣпостей, редутовъ и фельдшанцовъ для бывшей закамской черты; кромѣ-того, промышленики и служилые люди, основавшись въ пермской землѣ, вытѣсняли оттуда Башкирцовъ и заставляли ихъ искать другихъ обиталищъ и такимъ-образомъ распространяться все южнѣе и южнѣе отъ прежнихъ мѣстъ кочевья.

Башкирцы съизстари успѣли выказать весь неспокойный нравъ свой. Нѣкоторые изъ нихъ, въ началѣ шестисотыхъ годовъ, принимали участіе въ замыслахъ властолюбивыхъ внуковъ бывшаго сибирскаго царька Кучума; нѣкоторые дѣйствовали заодно съ возмущавшимися тайшами сосѣдственныхъ калмыцкихъ племенъ; нѣкоторые, просто пускались на грабежъ нашихъ пограничныхъ селеній. Еще и тогда были получаемы воеводами наказныя царскія грамматы объ обезоруженіи тѣхъ изъ нихъ, которые обзавелись огнестрѣльнымъ оружіемъ не на бой съ дикими ордами кочевниковъ зауральскихъ, а на враждебныя дѣйствія внутри Россіи; однакожь, распоряженія эти не касались Башкирцовъ, которые старательно несли пограничную службу и воевали съ непокорными Калмыками, Ногайцами и Киргизами Башкирцы не всегда, однакожь, были вездѣ спокойны, и то тамъ, то здѣсь оказывали духъ своеволія и необузданности. Такъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, ихъ усмирялъ стольникъ и воевода Зеленинъ, а въ 1707 году князь Шаховскій: воеводы эти дѣйствовали съ неравнымъ успѣхомъ.

Надо, однакожь, отдать справедливость Башкирцамъ въ томъ, что они никогда и не помышляли возставать противъ русскаго правительства: только нѣкоторые роды возмущались иногда противъ притѣснительныхъ дѣйствій частныхъ лицъ и по-большей-части мелочныя обстоятельства, совершенно-непредвидѣнныя, заставляли сосѣдствующіе съ первыми роды, принимать въ ихъ частныхъ схваткахъ преступное участіе. Все это, разумѣется, нисколько ихъ не оправдываетъ, но можетъ еще болѣе ихъ обвинить, потому-что само правительство съ примѣрною вѣротерпимостью и съ истинно-христіанскимъ милосердіемъ заботилось о благоденствіи Башкирцовъ. Такъ, напримѣръ, въ Указѣ 18 мая 1734 г. сказано: «Въ нарядѣ изъ Башкирцовъ — къ службѣ, а изъ Тептярей и бобылей—для работъ, поступать со всякою умѣренностью, чтобъ въ томъ никакой обиды и неуравненія не воспослѣдовало; а

понеже Башкирцы служили безъ жалованья, токмо имъ давалось въ жалованье сукна и деньги (а встарину и золотыя новгородки), ежели кто изъ непріятелей кого убьетъ и голову принесетъ, или живаго, взявъ въ полонъ, приведетъ, того ради и нынѣ служить имъ безъ жалованья... а подлымъ тептярямъ и бобылямъ, въ работѣ будучимъ, заработанныя деньги, или хлѣбъ на пропитаніе, по сколько разсудится... А Башкирцовъ отнюдь въ работу не наряжать и тѣмъ ихъ отъ охоты къ службѣ не озлоблять, ибо они служатъ и служить имѣютъ безъ жалованья, и на своихъ лошадяхъ и съ своимъ ружьемъ». Было даже сказано въ этомъ Указѣ, что, въ отношеніи «распорядка въ судѣ и правосудія смотрѣть на обычай каждаго народа, какъ и почему въ коемъ народѣ правыя удовольства получаютъ, а винныхъ штрафуютъ, такъ и въ помянутыхъ судахъ уставить, ибо наше всемилостивѣйшее соизволеніе есть, чтобъ всѣ, кто бъ какой вѣры и народа ни былъ, справедливостью и судомъ скорымъ довольствовался и тѣмъ напрасныя озлобленія въ волокитахъ и незнающему нашихъ русскихъ судныхъ правъ народу неправые въ судѣ вымыслы (о которыхъ не токмо Нашему интересу поврежденіе происходить можетъ, но и Богу противно) пресѣчены были». Кажется, впрочемъ, что, касательно послѣдней статьи, законъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе и остался только проектомъ.

Въ административномъ отношеніи, Башкирія въ то время раздѣлялась на четыре отдѣла или «дороги»: Башкирцы «Казанской Дороги» обитали въ странѣ, лежащей на пути отъ Уфы въ Казань; Башкирцы «Осинской Дороги» на пути изъ Уфы въ городъ Осу; «Ногайская Дорога» обозначала широкій путь изъ Уфы въ Киргизскія Степи, а «Сибирская Дорога» вела въ Сибирь, черезъ городъ Челябу. «Дороги» эти раздѣлялись на «волости» или роды, а волости на «тюбы» и «аймаки», или отдѣленія.

I. Казанская Дорога раздѣлялась на двѣнадцать волостей; волости эти были слѣдующія:

1) Каршинская: въ ней тюбы и аймаки Ак-башъ, Карганаръ и Кадряй.
2) Кайлинская: Идиль-Кайли, Кир-Кайли, Юрак-тау-Кайли и Актау-Кайли.
3) Элдятская: Уфа-элдятъ, Кир-элдятъ и Бура-элдятъ.
4) Гирей или Кирей: Урман-кирей, Идиль-кирей.
5) Тогузларъ.
6) Еней.
7) Байляръ.
8) Дуванѣй: въ ней тюбы — Дуванѣй, Аджеево-Дуванѣй, Рысмекей, Бакай, Талбазинъ.
9) Иланъ: Кырк-Иланъ, Идиль-Иланъ, Бадракъ.
10) Зирян-юртъ.
11) Киргизъ и
12) Биляръ.

II. Осинская Дорога раздѣлялась на пять родовъ: Тазларъ, Уранъ, Уванышъ, Ирехтинскій и Гайнинскій.

III. Ногайская Дорога раздѣлялась на десять родовъ:

1) Минъ; въ ней тюбы и аймаки: Чубинъ, Кыркулинъ, Яик-субянъ, Кулы-минъ, Слыминъ, Ногай-ляр-минъ, Миркитъ, Уршекъ, Улькей-минъ, Саралинъ, Кубовскій, Ик-минскій.

2) Табынъ: Биш-аулъ, Кси-табынъ, Урман-табынъ, Калчир-табынъ, Кумрутъ, Дуван-табынъ, Малля-табынъ.

3) Юрматынъ: Мешер-юрматынскій, Тяльтинскій, Бакаевскій, Арларскій, Биш-Казанъ и Макарвскій.

4) Кыпчакъ, или Джиди-ру: Бусмаш-кыпчакъ, Суун-кыпчакъ, Чанким-кыпчакъ, Сарым кыпчакъ, Кара-кыпчакъ, Карагай-кыпчакъ и Таміан-кыпчакъ.

5) Бурзянъ: Жанса-бурзянъ, Карагай-бурзянъ, Дир-бурзянъ, Ногайляръ, Байулъ, Мумашъ, Емашъ.

6) Усерганъ: Ай-усерганъ, Джау-тюбя-усерганъ, Шишайляръ, Бишайляръ, Сурянъ, Чурашъ.

7) Тунгаурская: Урман-тунгауръ, Ялан-тунгауръ.

8) Таміанъ: Ик-таміанъ, Масаукъ, Малтыцкій, Коянеицкій.

9) Табынъ: Кубелякъ, Тлеу, Карагай, Кси, Емурантаянъ.

10) Катай: Идиль-катай, Кошек-катай, Инзер-катай, Кузгун-катай.

IV. Башкирцы Сибирской Дороги раздѣлялись на семь слѣдующихъ родовъ:

1) Кудеи: его тюбы были Урман-кудеи, Билекей-кудеи, Кир-кудеи, Шетан-кудеи, Усрак-кудеи, Урусбай-кудеи, Куллар-кудеи, Дуван-кудеи, Туркменъ, Лямес-туркменъ, Ногайляръ, Зюбберди.

2) Танып: Кыр-танып, Су-танып, Унларъ, Кыр-унларъ, Су-унларъ, Балахчинъ, Байкинъ, Кайпанъ, Укунчинъ.

3) Айли: Илан-айли, Алчинъ, Упей, Дуванъ, Таз-дуванъ, Сызенъ, Ейрли, Мурзаляръ, Тарнакли, Каратаулы, Сартъ, Тюбелясъ, Чублисызга.

4) Куваканъ: Елан-куваканъ, Тау-куваканъ, Сатка-куваканъ, Сагит-куваканъ, Киркули-куваканъ.

5) Барын-Табынъ.

6) Кара-Табынъ: Айла-табынъ, Кукзюрряк-табынъ, Кыпчак-табынъ, Мусюл-табынъ, Акшураз-табынъ.

7) Башкирцы китайскаго рода, кочевавшіе за Ураломъ, раздѣлялись на отдѣленія: Бала-китай, Баллы-китай, Бучкуръ, Сынрянъ, Сызгинъ, Чирлинъ, Терсатъ, Бекатинъ, Чалжаутъ и Сартляръ.

Въ настоящее время это раздѣленіе осталось только въ преданіяхъ, и то не у всѣхъ Башкирцовъ.

Изъ приведенныхъ названій родовъ, изъ которыхъ многіе носятъ одно и то же названіе, что̀ и у Киргизовъ, равномѣрно изъ общности обличія, языка, вѣры, образа жизни и нравовъ нѣкоторыхъ отдѣловъ обоихъ племенъ, нельзя не прійдти къ убѣжденію, что когда-то и то̀ и другое племя составляли вмѣстѣ одинъ народъ, и что только стеченіе постороннихъ обстоятельствъ разъединило эти части и обратило Башкирцовъ въ самое враждебное Киргизамъ племя. Почти до настоящаго времени Башкирцы были самые опасные и самые непримиримые враги Киргизовъ.

Въ башкиро-мещеряцкомъ войскѣ все народонаселеніе за 1849 годъ

исчислено въ 558,220 душъ обоего пола, именно 288,121 д. мужескаго и 270,099 д. женскаго. Земель, имъ принадлежащихъ, считается безмалаго тринадцать мильйоновъ десятинъ. На этихъ земляхъ, кромѣ Башкирцовъ и Мещеряковъ, живутъ, на правѣ припущенниковъ, поселяне постороннихъ вѣдомствъ въ числѣ 95,096 душъ по седьмой ревизіи; бо́льшая половина ихъ, именно 51,859 душъ должны быть надѣлены изъ башкирской земли тридцатидесятинною пропорціею, остальныя 43,237 душъ пятнадцатидесятинною; за этимъ надѣленіемъ башкирскимъ вотчинникамъ остается болѣе десяти съ половиною мильйоновъ десятинъ земли. Обитающихъ на башкирской землѣ постороннихъ жителей можно раздѣлить на три класса 1) на припущенниковъ, безоброчно-допущенныхъ вотчинниками къ совмѣстному съ ними владѣнію, 2) на кортомщиковъ, платящихъ вотчинникамъ условленную оброчную плату и 3) на самовольныхъ поселенцовъ, распахивающихъ башкирскія земли по собственному благоусмотрѣнію.

Скота считается	у Башкирцевъ	у Мещеряковъ
Лошадей около	500,000 головъ	около 50,000 головъ
Крупнаго рог. скота болѣе	300,000 —	около 35,000 —
Мелкаго скота овецъ и козъ болѣе	700,000 —	болѣе 80,000 —

Хлѣба сѣется: ржи до двух-сотъ тысячъ четвертей, пшеницы до ста тысячъ; другихъ видовъ хлѣба до трех-сотъ тысячъ четвертей.

Въ башкиро-мещеряцкомъ войскѣ считается всѣхъ селеній 2136, да 69 отдѣльныхъ хуторовъ, а кибитокъ для лѣтнихъ кочевокъ до пятнадцати тысячъ. Въ башкирскихъ и мещеряцкихъ селеніяхъ считается до девяноста тысячъ домовъ, до тысячи-шести сотъ мечетей, до двухсотъ лавокъ, до двухсотъ-пятидесяти кузницъ, двадцать питейныхъ домовъ и 313 частныхъ школъ, «медресе» при мечетяхъ, съ 6555 учениками. Обученіемъ здѣсь занимаются муллы; преподается грамота и законъ; ученье бываетъ только зимою; лѣтомъ дѣти помогаютъ родителямъ въ хозяйственныхъ занятіяхъ. Для дальнѣйшаго образованія Башкирцовъ существуютъ разныя заведенія: въ самомъ Оренбургѣ фельдшерская школа при военномъ госпиталѣ и Неплюевскій Кадетскій Корпусъ, а въ Казани — Гимназія. Окончившіе здѣсь съ успѣхомъ курсъ ученія, Башкирцы могутъ поступать въ тамошній Университетъ.

Каждымъ юртомъ управляетъ юртовый старшина изъ природныхъ Башкирцевъ; каждымъ кантономъ управляетъ кантонный начальникъ тоже изъ природныхъ Башкирцевъ; нѣсколькими кантонами командуетъ башкирскій попечитель изъ природныхъ Русскихъ штабофицеровъ; цѣлымъ войскомъ завѣдуетъ «командующій», находящійся, вмѣстѣ съ атаманами казачьихъ войскъ оренбургскаго и уральскаго, въ зависимости отъ главнаго начальника Оренбургскаго Края. Для производства судебныхъ дѣлъ въ общихъ гражданскихъ учрежденіяхъ защитникомъ Башкирцевъ является башкирскій стряпчій изъ коренныхъ русскихъ губернскихъ чиновниковъ.

Раздѣленіе Башкирцовъ и Мещеряковъ на кантоны учреждено императоромъ Павломъ Петровичемъ въ 1798 году.

Въ теперешнюю свою поѣздку по Башкиріи, я не видалъ еще настоящихъ башкирскихъ деревень: народъ былъ на лѣтнихъ кочевкахъ и жилъ въ кибиткахъ.

Кибитка, или кошъ — переносный домъ, имѣющій форму полушарія и представляющій внутри довольно-обширную круглую залу съ закругленнымъ же потолкомъ. Обширность кибитки бываетъ различна, глядя по достатку хозяевъ; кибитка средней величины имѣетъ аршинъ восемь въ діаметрѣ.

Кибитка состоитъ изъ четырехъ, пяти или шести рѣшетчатыхъ стѣнъ, связанныхъ одна съ другою посредствомъ жилъ или ремней. Обширность кибитки считается обыкновенно не по длинѣ діаметра, а по числу «головокъ», составляемыхъ каждою парою жердей, изъ которыхъ дѣлается кибиточная рѣшетка; такихъ головокъ бываетъ у людей достаточныхъ полтораста и больше. Въ пустое пространство, оставляемое промежуткомъ двухъ несвязанныхъ вмѣстѣ краевъ рѣшетки навѣшивается на деревянной рамѣ дверь, одиночная или состоящая изъ двухъ половинокъ. На головки насаживается куполъ кибитки, или толстый обручъ, «чангракъ», поддерживаемый на извѣстной высотѣ длинными выгнутыми тальниковыми шестами, которые привязываются къ головкамъ рѣшетки тоненькими веревочками, свитыми изъ конскаго волоса. Части кибитки, сдѣланныя изъ дерева, окрашиваются красною краской. Около стѣны кибитки, немного пониже головокъ, выкладывается широкая шерстяная тесьма, скрѣпляющая весь верхній кругъ кибиточной рѣшетки; эта связь называется «башкуръ», «головочный поясъ». Тяжесть, съ которою куполъ кибитки налегаетъ на стѣнку, удерживаетъ кòши въ порядкѣ и въ надлежащей твердости. Вся кибитка, сверху до низу, покрывается длинными полстями войлока, у очень-богатыхъ чистыми бѣлыми, а у людей обыкновеннаго достатка — сѣрыми; каждая такая кошмà, для крѣпости, оторачивается толстымъ плетенымъ шерстянымъ снуркомъ; наконецъ, вся кибитка поверхъ войлоковъ обвязывается веревками, сплетенными изъ гривъ и хвостовъ, которые обыкновенно срѣзываются у молодыхъ лошадей до трехлѣтняго ихъ возраста. При сильной вѣтряной погодѣ кибитка привязывается къ вбитымъ около нея въ землю кольямъ.

Внутри семейной кибитки развѣшиваются двѣ занавѣски: одна, кругомъ стѣны, служитъ для кибитки тѣмъ же, чѣмъ обои для нашихъ комнатъ; другая, развѣшиваемая вдоль кибитки, начиная отъ дверей, раздѣляетъ башкирское жилье на два неравныя отдѣленія: бóльшее — мужское, меньшее — женское. Въ экстренныхъ случаяхъ, послѣдняя занавѣска откидывается, чтобъ дать больше простора созваннымъ гостямъ.

Мы часто ходили въ гости къ Башкирцамъ и замѣтили, что внутреннее убранство кибитокъ почти у всѣхъ у нихъ одинаково. У одной стѣны приставляется кровать съ нещегольскою постелью и съ ситцевымъ, или выбойчатымъ, стеганнымъ не на ватѣ, а на верблюжьей шерсти, одѣяломъ, запрятываемымъ на день подъ войлоки и подъ ковры; по сторонамъ разставляются разныя кадочки, сундуки, сундучки, скамейки, самоваръ, чайные приборы, кумганы, или особаго рисунка

чугунные рукомойники въ ярковычищенныхъ большихъ мѣдныхъ тазахъ, вёдра и лахани для кумыса, небольшіе «турсуки» и огромные «сабо», сдѣланные изъ цѣльной шкуры, снятой съ конской ноги: въ нихъ приготовляется и хранится кумысъ; красныя деревянныя чашки и прелестные ковши, «черпаки», выточенные весьма-затѣйливо и искусно изъ дерева, липы или березы; ведра, сшитыя изъ конёвьей кожи, «челяки», высокія узенькія кадочки, большіе чугунные котлы съ ушами и прочая утварь.

Самымъ лучшимъ украшеніемъ кибитокъ бываютъ мужскія и женскія яркихъ цвѣтовъ платья, развѣшанныя на жердочкахъ; оружіе, конская сбруя и разныя принадлежности охоты, и наконецъ ковры, разостланные по земляному полу поверхъ войлоковъ, по скамьямъ и по сундукамъ.

Впослѣдствіи времени, когда довелось мнѣ проводить по нѣсколько дней въ башкирскихъ деревняхъ, я замѣтилъ, что такова же характеристика и ихъ жилыхъ избъ, съ тою только разницею, что въ избахъ всюду широкія нары и кругомъ всей комнаты навѣшаны полочки для посуды, которою народъ любитъ хвастаться, потому-что обиліе ея, рекомендуя зажиточность хозяевъ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ гостепріимность. Башкирецъ полагаетъ, что всякій, глядя на бездну чашекъ, мисокъ, блюдъ и прочаго, непремѣнно подумаетъ: «не даромъ же у него такъ много этого добра: вѣрно гостей много ходитъ!»

Деревни башкирскія состоятъ изъ правильныхъ улицъ; избы вытянуты въ нитку и построены всѣ по одному плану. Въ одномъ 1847 году Башкирцы выстроили себѣ 13,950 новыхъ домовъ и девять общественныхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ; этою одновременностью построекъ и объясняется однообразность ихъ архитектуры.

Прежде башкирскія деревни, въ степныхъ кантонахъ, были совсѣмъ не такія правильныя, какія мы теперь видимъ. Избы лѣпились по направленію ручьевъ и рѣчекъ, вдоль ихъ теченія, какъ бы оно извилисто ни было; иногда домы разставлялись по обѣимъ сторонамъ рѣчки, вѣроятно, для бо́льшаго удобства въ водопоѣ скота, котораго Башкирцы содержатъ множество. Улицъ почти не было, а существовали какіе-то закоулки, неровные и кривые, въ родѣ лабиринтовъ. Хозяева не чистили дворовъ никогда; дорогаго для нашихъ краевъ, но вовсе для Башкирцовъ ненужнаго, удобренія скоплялось столько, что даже скоту нельзя было подлѣзть подъ крышу; не было ни входа ни выхода; все было загромождено нечистотою. Башкирецъ смекалъ дѣломъ и переносилъ свой домъ на новое мѣсто. Старое пепелище не пропадало задаромъ: нынѣче тамъ славно конопля родится.

Теперь улицы въ башкирскихъ деревняхъ прямыя, широкія, саженъ въ двѣнадцать—не то, что́ прежде, когда двумъ телегамъ нельзя бывало разъѣхаться; поско́тинъ, или огороженныхъ выгоновъ, у деревень нѣтъ, потому-что земли и безъ того изобильно. Въ томъ краю, котораго мы теперь держались, говорятъ, только деревня Кучаргина, она же Салихова, въ тринадцатой юртѣ десятаго кантона, состоящая изъ Татаръ-припущенниковъ, зачисленныхъ въ Башкирцы, одна огорожена околицей.

Башкирскій домъ, «уй», занимаемъ мѣста вдоль по улицѣ три сажени, а вглубь идетъ аршинъ на восемь или на девять; кладется онъ въ тринадцать вѣнцовъ; высота комнатъ бываетъ три аршина, считая отъ пола до потолка. Службъ почти не бываетъ никакихъ; есть только загонъ для овецъ и конюшня, безъ крыши, для лошадей. Скотъ зимой тебенюетъ, то-есть пасется на подножномъ корму: Башкирецъ избѣгаетъ лишнихъ расходовъ на лѣсъ, очень-цѣнный въ безлѣсныхъ степныхъ кантонахъ. Близь дома, какъ водится, идетъ заборъ и на немъ навѣшаны ворота.

Если взъѣхать къ Башкирцу въ ворота, то домъ его прійдется на правой сторонѣ. Дворъ раздѣляется досчатою или плетневою перегородкой, а иногда и просто жердочками, на двѣ части: передній — чистый дворъ, и задній, или скотный. На сторонѣ, противоположной въѣзду, у задней стѣны послѣдняго двора тянется навѣсъ, а налѣво въ углу жмется конюшня. Амбаровъ нѣтъ, или очень-мало.

У входа въ домъ, у дверей крылечка, лежитъ чурбанъ, замѣняющій лѣсенку, или и въ-самомъ-дѣлѣ лѣсенка, уступа въ три, ведущая въ комнату. Съ европейской точки зрѣнія, Башкирецъ нерачителенъ къ домостроительству и хлопочетъ не о чистотѣ комнатъ, и не о многочисленности ихъ, а только о томъ, чтобъ жить въ нихъ было ему тепло и сытно. У людей небольшаго достатка только одна комната, иногда перегороженная надвое; оконъ на улицу два; косяковъ въ рамахъ не бываетъ; двойныхъ рамъ тоже нѣтъ. Стекла вставляются въ окнахъ только у богатыхъ людей, а у прочихъ, вмѣсто стеколъ, въ окна натягиваютъ брюховицы, или пузыри съ рубцовъ; пузырь тонокъ, полупрозраченъ и не требуетъ дорогой починки. Стекло медвѣжеватому Башкирцу не по карману: по непривычности и неумѣнью обращаться съ этимъ матеріаломъ, онъ безпрестанно вводилъ бы себя въ чувствительный изъянъ.

Башкирецъ любитъ согрѣвать свое жилье каминомъ или чувáломъ. Башкирскій чувалъ, имѣющій разныя формы—вещь прекрасная, благодаря которой, комната Башкирца всегда просторна, воздухъ въ ней всегда свѣжъ; теплота отъ топки распространяется во всѣ концы одинаково. Да съ нашими патріархальными и объемистыми печами Башкирцу и не слалить: и хлопотъ за ними непривычному человѣку много, да и котлы, въ которыхъ Башкирцы варятъ свою однообразную пищу, въ обыкновенную печь не пролѣзутъ—нельзя же ему придумывать новыя блюда! По одну сторону чувала иногда приставляются особаго устройства печурки, въ которыхъ котлы эти вмазываются.

Комната обставляется широкими нáрами; на нихъ разстилаются кòшмы, покрываемыя цвѣтными пòласами, а у богатыхъ и коврами (поласъ почти то же, чтò и коверъ, но не имѣетъ ворсы). Перины бываютъ только у богатыхъ. Надо еще прибавить, что Башкирцы считаютъ предосудительнымъ имѣть прислугу: въ домѣ одна работница—жена; несмотря на то, что Мухаммедъ разрѣшаетъ многобрачіе, бóльшая часть Башкирцовъ довольствуется только одной женой. Многобрачіе влечетъ за собой увеличенные расходы, да и на то, чтобъ пріобрѣсти лишнюю жену, Башкирцу нужно имѣть лишнія деньги для

взноса «калыну» или, какъ Русскіе говорятъ «плакàту», то-есть денежнаго обезпеченія невѣсты, на случай, если мужъ ее прогонитъ. Бракъ у мухаммеданъ не имѣетъ того высокаго значенія, какое онъ имѣетъ у насъ; тамъ онъ означаетъ только простое сожитіе. Значеніе калына, или калыма, какъ обезпеченія участи жены, въ иныхъ мѣстахъ утрачивается, и тогда, на повѣрку, выходитъ, что простонародье наше почти право, говоря, будто Татаринъ покупаетъ себѣ жену. Впрочемъ, у богатыхъ людей бываетъ нѣчто въ родѣ прислуги: я говорю не про работниковъ, нанимаемыхъ для разныхъ хозяйственныхъ необходимостей, а о молодыхъ людяхъ, находящихся въ нѣкоторыхъ семьяхъ какъ-бы на воспитаніи; они играютъ роль не дѣтей и не слугъ, а что-то въ родѣ средневѣковыхъ пажей, и находятся собственно при особѣ почетнаго въ родѣ Башкирца.

Въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ лѣсу много, разумѣется, строенія бываютъ лучше и обширнѣе; домы строются изъ крупныхъ бревенъ, заборы изъ досокъ и всегда бываютъ цѣлые. Въ рѣдкомъ домѣ найдешь, что заборъ или дворная переборка выведена только на треть или на четверть дѣйствительной длины двора; жордочки, хворостъ и плетни здѣсь очень-рѣдки. Въ башкирскихъ деревняхъ лѣсныхъ кантоновъ бываютъ и теплыя конюшни и разныя хозяйственныя пристройки, да и комнаты въ домахъ выше и обширнѣе. Обыкновенно домъ состоитъ изъ двухъ комнатъ: та, которая почище, прибирается понаряднѣе; отопляется она голландской печью; иногда печь выкладывается изразцами, и это не какая-нибудь новинка, а съизстари заведенный обычай. Намъ случалось видѣть печи, украшенныя старинными узорочными составными изразцами, соединенными между-собою красивыми и отчетливо-сдѣланными мѣдными заклёпками; такія печи, сколько мы слышали, доселѣ еще водятся въ старинныхъ домахъ Южной Россіи и Польши. Эта чистая комната называется у Башкирцовъ «кунакъ-уй», то-есть кунацкая или гостиная. Другая комната, съ чуваломъ, предназначена для хозяйственныхъ занятій; мнѣ ее назвали «аш-пышерà»: тутъ и женское отдѣленіе, тутъ и кухня.

На нарахъ разстилаются кошмы простыя или дорогія, чистыя бѣлыя или разноцвѣтныя; около стѣнъ лежатъ придвинутые къ нимъ и исправляющіе должность перинъ—пòласы, свернутые зигзакомъ, съ тою цѣлью, чтобъ посѣтитель обратилъ вниманіе на ихъ красивый рисунокъ. Столовъ въ комнатѣ бываетъ мало: все—и столы, и стулья, и диваны—замѣняютъ нàрами; на нàрахъ же и спятъ Башкирцы. У бѣдныхъ одѣяломъ служатъ тулупы и кафтаны, а въ изголовье кладется кой-какая подушка. Скатерти бываютъ изъ грубаго холста домашней выработки или изъ хивинской выбойки.

По стѣнамъ, на видныхъ мѣстахъ, развѣшиваются разныя вещи, свидѣтельствующія о зажиточности хозяина. Промежь оконъ, вверху, размѣщаются сѣдла, наборныя уздечки; пониже ихъ—маленькое зеркальцо, кругомъ его — вышитыя по концамъ полотенцы; съ боковъ висятъ полочки съ посудою; въ разныхъ мѣстахъ вывѣшены нарядныя платья, мужскія и женскія.

Хлѣбъ пекутъ, больше все изъ полбенной муки, въ особыхъ битыхъ печахъ, устроиваемыхъ на дворѣ. Печи эти бываютъ безъ трубъ; тутъ же сушатъ и зерновой хлѣбъ для крупъ; въ этихъ же печахъ пекутъ и лепешки изъ полбеннаго тѣста. Когда тѣсто приготовятъ, то его налѣпляютъ на внутренніе бока печи, точно такъ же, какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ. Когда такую лепешку прохватитъ жаромъ, ее отлѣпляютъ и дальнѣйшимъ процесамъ печенія ужь не подвергаютъ.

Если домъ есть почти у каждаго башкирскаго семьянина, то кибитку имѣть не всякій изъ нихъ бываетъ въ силахъ: у лѣсовиковъ, ихъ имѣютъ только богатые, и то тамъ только, гдѣ дороги въ лѣсахъ удобны для ихъ перевозки; прочіе живутъ лѣтомъ въ аласыкахъ; у степняковъ почти у каждаго есть кибитка; неимущіе же изъ нихъ живутъ лѣтомъ въ прутяныхъ балаганахъ.

Балаганы строются небольшіе и кроются кошмами; внутренняго убранства не бываетъ почти никакого, кромѣ разостланной на полу кошмы, на которой семья спитъ вповалку.

Аласыкъ бываетъ двухъ родовъ: тамъ, гдѣ переѣздъ съ мѣста на мѣсто удобенъ для телегъ, аласыкъ дѣлается изъ четырехъ частей, или сторонъ. Части эти состоятъ изъ лубковъ, нашитыхъ на планки и связанныхъ вмѣстѣ веревками. Эти четыре стѣнки, при остановкѣ семьи на мѣстѣ, складываются въ четыреугольный балаганъ; концы у него склиниваются и загибаются со всѣхъ четырехъ сторонъ кверху; на нихъ накладывается еще лубокъ и такимъ манеромъ образуется закругленная крыша. Для двери вырѣзывается съ одной стороны узенькое пространство; оно обшивается тоненькими жердочками, составляющими раму, а къ ней привѣшиваются, въ качествѣ дверей, лубочные лоскуты. Такое прочное жилье не покрывается ужь войлоками.

Тамъ же, гдѣ переѣздъ въ лѣсахъ для телегъ затруднителенъ, аласыкъ ужь не перевозится съ одного мѣста на другое, а на каждомъ мѣстѣ перекочевки одинъ разъ навсегда устроивается постоянный аласыкъ; у него тоже на четыре прямыя стѣнки накладывается пятая— рамка съ выгнутымъ лубкомъ.

Иные, вмѣсто аласыка, дѣлаютъ, на мѣстахъ постояннаго своего кочевья, лѣтній домъ, который не что иное, какъ простой бревенчатый срубъ, сверху прикрываемый драницами или, какъ здѣсь говорятъ, «дряньёмъ». Въ лѣтнемъ домѣ не дѣлается ни наръ, ни чуваловъ.

Принадлежащіе къ отдѣлу полукочевыхъ, Башкирцы кочуютъ по-бо́льшей-части только впродолженіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцовъ, іюня и іюля. Нѣкоторые все это время «сидятъ» около самой деревни, и вся кочевка ихъ состоитъ только въ пользованіи лѣтнимъ воздухомъ; иные, въ буквальномъ смыслѣ, кочуютъ, то-есть переносятся цѣлымъ домомъ съ одного мѣста на другое. Подобнаго рода передвиженіе совершается у нихъ разъ по шести въ лѣто; разумѣется, народъ все-таки кружится около своей деревни и на далекое разстояніе отъ нея, на чужую территорію, не забирается.

Когда живущіе въ лѣсахъ Башкирцы выходятъ изъ зимовниковъ на кочевье, то, вмѣсто телегъ, они изрѣдка употребляютъ одни тележные передки и на нихъ накладываютъ неудобоносимое имущество, напримѣръ, сундуки и тому подобное. Обыкновенно же, все имущество—носильное платье и хозяйственные предметы—укладывается въ челякй, или лубочныя коробья и навьючивается на лошадь, у бѣдняка—на единственнаго верховаго коня, позади сѣдла, а у того, кто позажиточное—на особую лошадь. Хозяинъ, баба его, дѣвки и все семейство ѣдутъ верхомъ, гуськомъ, одинъ позади другаго; матери укладываютъ грудныхъ дѣтей себѣ за кафтанъ («зилянъ», длинный китайчатый бешметъ, зеленаго или чернаго цвѣта), къ груди, и подвязываются, для удобства и себѣ и ребенку, шерстянымъ кушакомъ. Годовыхъ и двухлѣтнихъ ребятишекъ, которые еще не въ-состояніи сами держаться на лошади, мать сажаетъ позади себя, на крупѣ коня; иногда усаживаетъ сзади него еще другаго ребенка и, пропустивъ имъ обоимъ подъ-мышки кушакъ, подвязываетъ ихъ такимъ-образомъ къ себѣ. Поддерживаясь этимъ кушакомъ, задній ребенокъ хватается руками за передняго, а этотъ, послѣдній, держится за мать, и путь для всѣхъ совершается благополучно. Отецъ и взрослые члены семейства тоже не избавляются отъ этихъ хлопотъ; но, разумѣется, большая тягость лежитъ преимущественно на женщинѣ.

Дѣтей, которыя подросли ужь побольше, но которыя все-таки не въ-состояніи еще сами управиться съ лошадью, родители помѣщаютъ на сѣдло впереди себя. Для этого устроивается удобное сидѣнье, навѣшиваемое на луку сѣдла, а къ нему придѣлываются особыя жердочки, за которыя дѣти и держатся на пути. Иногда жердочки эти замѣняются протянутой отъ луки сѣдла веревочкой.

Башкирцы всѣ занимаются земледѣліемъ, но не у всѣхъ оно производится съ равнымъ успѣхомъ. У совершенно-осѣдлыхъ, несмотря на всю невзыскательность пріемовъ и патріархальность орудій, оно находится довольно въ хорошемъ состояніи; даже у полукочевыхъ Башкирцовъ во многихъ мѣстахъ поля содержатся въ отличномъ порядкѣ, особенно у людей зажиточныхъ, обладающихъ существенными средствами заниматься хлѣбопашествомъ, какъ особымъ промысломъ, въ обширныхъ размѣрахъ. На давность укорененія у Башкирцовъ земледѣлія, перешедшаго къ нимъ, вѣроятно, отъ Казанскихъ Татаръ, указываетъ существованіе у нихъ особеннаго «праздника сохи», «сабантуй», котораго, впрочемъ, намъ не удалось видѣть, но который, сколько намъ разсказывали, состоитъ изъ обыкновенныхъ, при всякомъ праздненствѣ, увеселеній.

Но по обширности и богатству луговыхъ мѣстъ, Башкирцы гораздо-прилежнѣе занимаются скотоводствомъ, которое для кочевыхъ родовъ составляетъ исключительный источникъ ихъ благосостоянія. Наклонность къ той или другой отрасли сельской промышленности кладетъ на Башкирцовъ такое рѣзкое, характеристическое отличіе, что Башкирцы-земледѣльцы кажутся совершенно-другимъ народомъ, чѣмъ Башкирцы-скотоводы; вслѣдствіе чего первые обложены правительствомъ, вмѣсто службы натурой, денежными сборами; послѣдніе же

несутъ казачью службу лично. Разсказавъ, въ предъидущей главѣ, о видѣнныхъ мною на Белегужѣ Башкирцахъ, я не считаю необходимымъ распространяться о вовсе непохожихъ на нихъ совершенно-осѣдлыхъ ихъ единоплеменникахъ, да мнѣ и не удалось хорошо съ ними ознакомиться.

Полукочевые Башкирцы, кромѣ обширнаго скотоводства, занимаются и звѣроловствомъ; звѣролововъ, впрочемъ, сравнительно съ скотоводами, немного. Изъ звѣрей преимущественно промышляютъ зайцовъ, волковъ, лисицъ, куницъ, норокъ и другихъ; а что касается до бобровыхъ гоновъ, которыми прежде славилась Башкирія, то бобры здѣсь давнымъ-давно вывелись.

Обитающіе въ лѣсахъ Башкирцы ловятъ беркутовъ и соколовъ, пріучаютъ ихъ къ охотѣ и потомъ перепродаютъ богатымъ Киргизамъ и среднеазійскимъ купцамъ, посѣщающимъ наши таможни. Многіе занимаются бортевымъ пчеловодствомъ и изготовленіемъ разныхъ лѣсныхъ товаровъ: рубятъ дрова и бревна и сплавляютъ ихъ къ Оренбургу и далѣе по Уралу, сидятъ деготь и смолу, приготовляютъ поташъ и шадрикъ.

Меня очень занимала весьма-возможная въ Башкиріи обработка прядильныхъ растеній на большую руку. Извѣстно, что мы получаемъ изъ-за границы болѣе мильйона пудовъ хлопчатой бумаги и, по причинѣ развитія у насъ хлопчатобумажнаго производства, производство льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій у насъ несовсѣмъ успѣшно. Свою пеньку и свой ленъ мы значительными партіями отпускаемъ за границу, а сами у себя, по-крайней-мѣрѣ до послѣдняго времени, мало обращали настойчиваго вниманія на переработку этихъ грубыхъ матеріаловъ въ обработанныя издѣлія.

Въ седьмомъ и десятомъ башкирскихъ кантонахъ ленъ сѣется, но въ весьма-незначительномъ количествѣ; жители всюду довольствуются конопляй, растущею дико въ деревняхъ, даже около домовъ. Иные сѣютъ его, но очень-мало, и запасъ, полученный въ-теченіе одного лѣта, будетъ весьма-достаточенъ башкирской семьѣ на домашнія потребности по-крайней-мѣрѣ года на два или на три.

Ленъ даетъ на полпуда пудъ, полтора, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ даже два пуда волокна, а изъ пуда приготовляется Башкирцами аршинъ сорокъ грубаго холста. Башкирцы замѣтили, что ленъ сильно истощаетъ землю и потому воздѣлываніемъ его не охотно занимаются.

Если семья засѣваетъ полтора пуда конопли, то получаетъ волокна до трехъ пудовъ: два съ половиной пуда пеньковаго и около полупуда посконнаго. Изъ этого сыраго продукта она выработываетъ аршинъ сто холста. Въ добавокъ къ этому, семья добываетъ около четырехъ пудовъ дикорастущей конопли и выработываетъ изъ нея тоже аршинъ сто грубаго, но прочнаго холста.

Изъ всего этого матеріала хозяйка обшиваетъ и себя и дѣтей и мужа, приготовляя каждому на одну смѣну бѣлья, то-есть сшивъ имъ каждому по длинной и широкой сорочкѣ и по парѣ широкихъ туманъ, которыя носятъ и мужчины и женщины, остальное она рѣжетъ на по-

лотенцы, на скатерти и на другія мелочи, а остатокъ прячетъ про запасъ. Здѣсь не шьютъ бѣлья по нѣсколько перемѣнъ за одинъ разъ, потому-что новое бѣлье служитъ подмогою старому; неопрятность и неряшливость здѣсь нейдутъ въ разсчетъ. Башкирецъ щеголяетъ если не франтовской сорочкой, то довольно-чистымъ и бѣлымъ воротничкомъ, который обшивается узенькимъ позументомъ и откидивается на халатъ à l'enfant; у него всегда есть, двѣ или три, будничныя перемѣны и одна праздничная пара бѣлья, сшитаго изъ китайки.

Пенька почти вся идетъ на холстъ; веревокъ изъ нея Башкирцы не дѣлаютъ; гдѣ много липы, тамъ веревки вьются мочальныя, а гдѣ нѣтъ липы и скотоводство обширно, тамъ, вмѣсто веревокъ, вьются арканы, приготовляемые изъ конскихъ волосъ. Если пенька, приготовленная для зимы, остается безъ употребленія, то ее сберегаютъ до другой зимы, иногда въ мятомъ видѣ. Но вообще, запастись пенькой здѣсь почти ничего не стоитъ: для Башкирца трудъ не великъ набрать дикаго конопля и погрузить его воду; но трудолюбіе его не заинтересовывается въ этомъ случаѣ оттого, что требованій на пеньку нѣтъ и сбыть запасовъ нѣкуда. Посконь хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и берутъ отдѣльно, однакожь она въ дѣло идетъ вмѣстѣ съ пенькой. Въ иныхъ безлѣсныхъ юртахъ изъ конопли дѣлаютъ плетни и изгороди у навѣсовъ.

Башкирцы, да впрочемъ не одни Башкирцы, а вся южная полоса Россіи, отъ Новороссійскаго Края, пожалуй, до Даурiи, одѣвается нынѣче въ хлопчатобужныя матеріи, въ московскіе и владимірскіе ситцы, въ кинешемскія нанки и коломенки, въ казанскіе кумачи и китайки и въ персидскія, хивинскія, бухарскія и пр. бязи, выбойки и зендели. Грубаго, заграничнаго хлопчатобумажнаго товара привозится къ намъ множество и хлопчатая бумага все болѣе и болѣе вытѣсняетъ въ Башкиріи мѣстныя прядиленныя растенія.

Вопросъ о введеніи выгоднѣйшей и лучшей обдѣлки у насъ этихъ растеній очень-важенъ, но въ-отношеніи къ той части Башкиріи, которую я посѣтилъ, онъ не можетъ имѣть приложенія. Чтобъ понять это, надо обратиться къ слѣдующимъ этнографическимъ замѣткамъ о башкирскихъ женщинахъ, въ домашней своей жизни такъ много отличающихся отъ русскихъ женщинъ.

Начнемъ слѣдить за ея занятіями, со времени выхода Башкирцевъ на кочи. Здѣсь она занимается доеніемъ коровъ и кобылицъ, если онѣ у нея свои (а не то нанимается доить ихъ у богатыхъ Башкирцевъ), приготовленіемъ кумыса, приготовленіемъ на прокъ масла и крута, шитьемъ бѣлья изъ приготовленнаго весною холста, починкой и шитьемъ сапоговъ для всего семейства и другими хозяйственными работами. Такъ идетъ день за день до самаго сѣнокоса: тогда она отправляется, вмѣстѣ съ мужемъ, на покосъ. Если у нея въ семьѣ есть взрослыя дѣти, она въ это время имъ препоручаетъ свое хозяйство, а если ихъ нѣтъ, то, соображаясь съ достаткомъ, поручаетъ стороннему лицу исправленіе домашнихъ своихъ работъ; обыкновенно для этого употребляется какая-нибудь старуха, которая, въ одно и то же время, нанимается за дешевую плату къ нѣсколькимъ хозяевамъ.

смотря однакожь по числу коровъ и кобылицъ, которыхъ ей слѣдуетъ доить.

Во время жатвы повторяется то же самое, а иногда бываетъ и такъ, что семья всей кибиткой переходитъ на мѣсто работы. Въ эту же пору Башкирцы собираютъ дикій или и сѣяный конопель, сушатъ его на солнцѣ и потомъ вымачиваютъ въ водѣ. Надобно замѣтить, что Башкирцы не всегда берутъ сѣмена и что иногда и дикорастущій конопель остается безъ всякаго употребленія: Башкирецъ увѣренъ, что на этомъ же мѣстѣ, на слѣдующій годъ, опять выростутъ конопли безъ всякихъ съ его стороны личныхъ заботъ и содѣйствія.

По окончаніи жатвы и всѣхъ полевыхъ работъ, или еще и раньше, Башкирцы возвращаются въ зимовки, то-есть въ деревни. Здѣсь, башкирской женщинѣ предстоятъ новыя заботы: она поправляетъ печь, или чувалъ, обтягиваетъ окна пузыремъ, приготовляетъ пеньку и запасы крупъ на зиму, шьетъ сапоги на все семейство, прядетъ шерсть, ткетъ сукно и шьетъ изъ него на семью теплые чулки, нерѣдко и рукавицы, чинитъ и платаетъ кафтаны, или шьетъ новые, дубитъ овчины и приготовляетъ тулупы; если шерсти накопилось у нея вдоволь, она валяетъ кошмы для кибитокъ и для внутренняго убранства покоевъ. Во всѣхъ этихъ существенныхъ занятіяхъ проходитъ у нея половина зимы, вплоть до новаго года. Если она тутъ совсѣмъ управится, то у ней остается впереди цѣлые три мѣсяца свободнаго времени! Тутъ-то она и садится за пряжу, въ свободныя отъ обыденныхъ хлопотъ минуты.

Снаряды, употребляемые башкирскими женщинами, въ этомъ случаѣ, состоятъ изъ грубаго веретена и длинной палки: одинъ конецъ ея упирается къ потолку, другой прикрѣпленъ къ полу; къ ней привязываютъ кудель и прядутъ одинаковымъ образомъ и шерсть и пеньку; никакихъ другихъ инструментовъ Башкирцы не знаютъ.

Не мѣшаетъ однакожь замѣтить, что Башкирки рѣдко прядутъ вечеромъ; да если и примутся за эту работу, то сидятъ за ней недолго, между-тѣмъ какъ русскія крестьянки только по вечерамъ и занимаются пряжей; это время у насъ считается лучшимъ и самымъ удобнымъ; притомъ же наша крестьянка какъ засядетъ за дѣло, такъ и сидитъ за нимъ вплоть до пѣтуховъ, не сходя съ мѣста.

У Башкирокъ пряжа пеньки не всякую зиму составляетъ непремѣнное занятіе: иной годъ хозяйка заготовляетъ больше холстовъ, а иной— больше суконъ. Вытканные изъ пеньки холсты бываютъ хоть и грубы, зато чрезвычайно-прочны; часто Башкирки мѣняютъ ихъ торговцамъ на китайку, аршинъ на аршинъ.

Другую, собственно для меня показавшуюся любопытною, отрасль башкирскаго хозяйства составляетъ пчеловодство.

Извѣстно, что пчелы, разроившись въ лѣсахъ и выбравъ себѣ матку, сами прививаются отдѣльными обществами къ какому-нибудь дереву, дубу, вязу или осокори. Зная это, Башкирцы весной, въ маѣ, цѣлыми деревнями отправляются въ лѣса на поиски и, раздѣлившись партіями, каждый самъ про-себя, выискиваютъ лѣсины, въ которыхъ отшедшій рой можетъ поселиться. Найдя такое дерево, Башкирецъ

затамговываетъ его своей тамгой, то-есть вырѣзываетъ на немъ родовое свое клеймо и приступаетъ къ обдѣлкѣ борти.

Пособіями въ этомъ служатъ ему топоръ, ножъ и «кирѣнь», или широкій, пальца въ четыре, ремень, выплетенный изъ нѣсколькихъ узенькихъ сыромятныхъ ремешковъ.

Борти разбиваются на деревѣ довольно-высоко, для безопасности отъ медвѣдя. Къ устройству ихъ Башкирецъ приступаетъ такимъ образомъ.

Выбравъ высокое дерево, онъ длятого, чтобъ взобраться на высоту, прежде всего дѣлаетъ внизу ствола двѣ зарубки, потомъ обхватываетъ и себя, около пояса, и дерево плетенымъ киренёмъ, заклепываетъ концы этого ремня деревянными палочками, вдѣваемыми въ петли и, прикрѣпивъ такимъ-образомъ себя къ стволу, начинаетъ подниматься по дереву выше и выше, упираясь ногами въ стволъ, а спиною въ ремень. Вставъ на первую пару зарубокъ, онъ начинаетъ вырубать новые уступы: рубнетъ налѣво, сдѣлаетъ тамъ зарубку — и поставитъ туда лѣвую ногу, потомъ рубнетъ направо — и переставитъ правую ногу; потомъ опять начинаетъ работать налѣво, а тамъ направо, и наконецъ достигаетъ надлежащей высоты, останавливаясь иногда саженяхъ на пяти отъ поверхности земли. Тамъ, ужь въ полулежачемъ положеніи, держась на зарубкахъ и повиснувъ на ремнѣ, онъ начинаетъ долбить дерево.

Башкирецъ долбитъ его длятого, чтобъ расширить дупло и образовать въ немъ впадину, сверху закругленную, въ діаметрѣ четверти въ двѣ, а длиной до двухъ съ половиной аршинъ. Дѣлая впадину, онъ во всю длину этого углубленія, разумѣется, прорубаетъ щель; а такъ-какъ щели не должно быть, то онъ и заколачиваетъ ее отрубкомъ, оставляя только небольшое пустое пространство, «летйкъ:» въ это-то отверстіе и влетаютъ либо дикія, либо прокарауливпія рой дворовыя пчелы. Все сдѣланное въ деревѣ углубленіе называется «колодой» или «бортью», а самое дерево—«бортевымъ деревомъ». Иногда на одномъ и томъ же деревѣ дѣлается по двѣ и по три борти.

Начиная съ ильина-дни вплоть до Преображенья, а иногда и до Успенья, Башкирцы снова цѣлыми партіями разъѣзжаютъ по лѣсу и осматриваютъ свои затамгованныя борти, попрежнему влѣзая на деревья по зарубкамъ и защищаясь отъ пчелъ сѣтками Къ концу этого срока они выбираютъ весь медъ, оставивъ часть на зимнее пропитаніе пчеламъ, которыя тутъ и остаются.

Башкирцы лѣсныхъ кантоновъ съ большою охотою занимаются пчеловодствомъ. Есть мѣста, особенно вверхъ по рѣкѣ Инзерю, гдѣ на каждые сто деревенскихъ семей считается круглымъ счетомъ по тысячѣ и даже до двухъ тысячъ бортей: ульи сами-по-себѣ; ихъ Башкирцы разставляютъ у себя на огородахъ, или гдѣ-нибудь около деревни.

О другихъ сторонахъ экономическаго быта Башкирцевъ мы не будемъ здѣсь распространяться: это завлекло бы насъ слишкомъ-далеко. Обратимся опять къ нашимъ разъѣздамъ: въ нихъ опять прійдется намъ встрѣтиться съ Башкирцами.

XI.

Переѣздъ въ Степь.

Во все продолженіе переѣздовъ нашихъ съ одной кочевки на другую, меня постоянно потѣшали Башкирцы, на которыхъ лежала очередь отправлять натурой повинность почтовой гоньбы.

Башкирскія лошади въ тѣхъ кантонахъ, которые я теперь проѣзжалъ, принадлежатъ къ породѣ обыкновенныхъ степныхъ лошадей. Небольшая, съ виду худенькая, тощенькая, башкирская лошадка отличается долгою прямою шеей, длиннымъ станомъ, стройными, тоненькими длинными ножками, небольшими копытами, немножко какъ-будто скулистой, тупоносой мордочкой, складомъ своимъ вовсе непохожей на характеристичныя физіономіи нашихъ сытныхъ и рослыхъ лошадокъ. Жилистая, мускулистая, несовсѣмъ собой красивая башкирка чрезвычайно-сноснва, быстра, рѣзва, горяча и способна переносить всякую тяжелую работу: рѣзвому бѣгуну часто съ почетомъ приходится исправлять обязанности доброй возовой лошади. Но намъ, на первый разъ, пришлось свести знакомство не со смиренными и хорошо-вышколенными клячами, а съ породистыми бѣшеными скакунами, которыми каждый очередной Башкирецъ хвастался передъ моимъ спутникомъ, воображая, что когда везешь начальника, то подъ его экипажъ надо подпречь не коней, а вихрей, длятого, чтобъ ему пришлось «ай-яй больно-шипки гулять!»

Мы летѣли по едва-протореннымъ колеямъ, а мѣстами и по голой травѣ, словно птицы. Тарантасъ быстро несся, то подскакивая вверхъ по выбоинамъ и яминамъ, то задѣвая со всего размаха ступицами колесъ за барана, за корову, за выдавшійся пенекъ дерева или за сучья кустарника. Такіе непредвидимые удары, угрожавшіе крушеніемъ нашему ковчегу, особенно часто случались на крутыхъ поворотахъ, когда возница нашъ, не разбирая ничего, какъ говорится, каталъ во всѣ лопатки съ прежнею быстротою, награждая и безъ того ужь слишкомъ-ретивыхъ коней частыми и сильными ударами ногайки. Все однакожь сошло съ рукъ благополучно: тарантасъ не разбился въ дребезги, ни разу не опрокинулся, ни разу мы не вываливались изъ него и, въ цѣлости и сохранности, передавались съ рукъ на руки, отъ выставки до выставки.

Очередной Башкирецъ повинность почтовой гоньбы исправляетъ въ будничномъ своемъ нарядѣ: въ бѣломъ или синемъ халатѣ и въ бѣ-

ломъ калпакѣ. Приготовляясь управлять пегасами и ухватываясь за бразлы предстоящаго управленія, Башкирецъ прежде всего нѣсколько минутъ стоитъ въ смущеніи передъ тарантасомъ. Его беретъ раздумье: какъ бы избавиться отъ кòзелъ?..

— Ну, что̀ задумался? садись.

— Чи-часъ, пулкàвникъ.

— Боишься кòзелъ, что̀ ли?

— Чево боился?.. не боился...

— Ну, то-то же... не то садись верхомъ.

— Верхомъ!.. а маклашки нашъ братъ подчивалъ не надо?

— Да развѣ тебя бьютъ?

— Твоя то моя нитъ бивалъ... Семенъ Иванычъ тоже нитъ бивалъ... Кантунный-то начальникъ тоже нитъ бивалъ...

— А Хасянъ Байназаровичъ у васъ престрогій человѣкъ!

— Ай-яй, наша Никифоръ Назаричъ!.. ево-та бульно шипки строгая: а пальцомъ-та ево свой братъ Бàшкуртъ никогда не замалъ... Козлàмъ-то ево боился я не сидѣть... кантунный-та сказалъ: тарантасамъ-то на козламъ садiйся...

— Ну, такъ садись же, садись скорѣй; некогда мнѣ съ тобой растабаривать.

— Я таби сама мало мало покалякивалъ, пулкавникъ, а козламъ я не боился...

Башкирецъ взгромоздился кой-какъ на козлы, подобралъ возжи, ревнулъ и взвизгнулъ какимъ-то дикимъ голосомъ: лошади помчались, и на первомъ же толчкѣ возничій нашъ чуть не слетѣлъ на землю. При другомъ толчкѣ повторилось то же неудобство: Башкирецъ растянулся и еле-еле удержался за желѣзныя перильцы своего сидѣнья. Это надоумило его усѣсться нѣсколько повыгоднѣе. Башкирецъ придвинулся къ краю сидѣнья и сталъ руками придерживаться за желѣзный ободъ кòзелъ; но и это, впрочемъ, плохо ему помогло; послѣ долгихъ колебаній, онъ сползъ съ козелъ и пріютился на кучерскомъ подножномъ сунлучкѣ. На висячій замокъ, къ нему привѣшенный, Башкирецъ нашъ не обращалъ вниманія; его безпокоило только то, что, при сильной тряскѣ и очень-неудобной, слишкомъ-наклоненной доскѣ новаго сидѣнья, ему изъ-за лошадей ничего не было видно впередъ.

Не въ терпежь, видно, пришлась нашему ямщику такая пытка. Не выпуская изъ рукъ возжей, онъ привсталъ на перекладинку, приподнялся повыше, заглянулъ къ намъ въ тарантасъ и замѣтивъ, что пассажиры заняты, повидимому, интереснымъ разговоромъ и не обращаютъ на него вниманія, перешагнулъ на лошадей, усѣлся на коренной, скрутилъ возжи, запихалъ ихъ себѣ за кушакъ и за пазуху, ухватился одной рукой за невзрачную дугу, а другой за поводокъ — и пошелъ надѣлять всю тройку ловкими взмахами ногайки.

Раннимъ утромъ мы остановились въ ущельи уральскихъ предгорій, отъ главнаго хребта которыхъ отдѣлялись мы рѣкою Икомъ. Теперь мы были на окраинѣ степи, распространяющейся между правымъ берегомъ Сакмары и лѣвымъ берегомъ Ика, и раздѣляющей юго-западную отрасль хребта Уральскаго отъ другаго высокаго хребта,

Ирындыка, соединяющагося, близь впаденія Сакмары въ Уралъ, съ горами Губерлинскими.

Вслѣдъ затѣмъ прибыли мы на самый Икъ, къ кочевкѣ Башкирцовъ деревни Юлды-бай, или Мурадымовой, встрѣтивъ по дорогѣ «Татаръ башкирскаго вѣдомства». Ихъ, какъ растолковали намъ, легко отличить отъ настоящихъ Башкирцовъ тѣмъ, что они не чуждаются лаптей; коренные же Башкирцы, кромѣ сѣверныхъ кантоновъ, не носятъ лаптей никогда.

Чѣмъ далѣе къ востоку стали мы придвигаться, тѣмъ народъ встрѣчали рослѣе и, кромѣ того, откормленнѣе: такихъ толстяковъ, какъ на этомъ пути, мнѣ прежде не удавалось еще между Бишкирцами встрѣчать.

На одномъ отдыхѣ въ кочевкѣ намъ снова привелось быть зрителями башкирскихъ игръ и потѣхъ. У Башкирцовъ была борьба, пляска и перетягиваніе на арканахъ.

Въ пляскѣ башкирскія женщины не принимали участія; на это пускаются одни только мужчины. Признаюсь, потѣха эта скорѣй похожа на скачки медвѣдей, чѣмъ на граціозныя тѣлодвиженія разумнаго созданія, желающаго выразить ими какую-нибудь мысль. Башкирцы пляшутъ или въ-одиночку, или вдвоемъ; въ послѣднемъ случаѣ они становятся другъ противъ друга, гримасничаютъ, кривляются, ломаются, прискакиваютъ и, распустивъ руки, топаютъ ногами, сопровождая все это взвизгиваньемъ, бормотаньемъ и особыми звуками, происходящими отъ дробнаго болтанья языкомъ въ полстяхъ надутыхъ щекъ.

Борьба, «куряшъ», сопровождается такими же тяжелыми пріемами. Двое Башкирцовъ, снявъ съ себя халаты, берутъ въ руки по полотенцу, обхватываютъ имъ противника, укоротивъ концы, притискиваютъ его къ себѣ и начинаютъ другъ друга таскать съ одной стороны на другую до-тѣхъ-поръ, пока который-нибудь изъ нихъ не свалится и не признаетъ себя побѣжденнымъ. Разумѣется, борьба начинается тѣмъ, что народъ раздѣляется на двѣ партіи; сперва задираютъ другъ друга мальчишки соперничествующихъ сторонъ, потомъ являются юноши, а потомъ выходятъ на состязаніе настоящіе поединщики-атлеты.

Но перетягиванье на арканѣ представляетъ собою самую характеристическую потѣху. Башкирцы срощаютъ концы аркана и, ставъ, босикомъ, другъ къ другу спиной въ нѣкоторомъ отдаленіи, пропускаютъ его промежь ногъ и, черезъ грудь, надѣваютъ себѣ на шею, а шея у Башкирцовъ до такой степени прокоптилась и загорѣла отъ солнца, что кажется будто она вся вымазана сажею; затѣмъ соперники нагибаются къ землѣ и стараются перетянуть одинъ другаго. Чтобъ шею не рѣзало арканомъ, подъ него подкладываютъ мѣховую шапку, или кусокъ войлока. Оба соперника становятся на четвереньки и начинаютъ другъ друга тянуть, одинъ въ одну сторону, другой въ другую. Въ этомъ положеніи, какъ нельзя больше, бываютъ они похожи на двухъ медвѣдей, барахтающихся въ тенетахъ. Тюбетейки сваливаются съ головы, бритый черепъ краснѣетъ отъ натуги и лоснится отъ жара; глаза выкатываются изъ своихъ впадинъ; долгая ру-

баха выбивается изъ-подъ пояса; засученныя шальвары и обнаженныя ступни ногъ покрываются пескомъ и пылью, взбиваемою поступательными упорами бойцовъ о рыхлую землю; каждый изъ соперниковъ сначала пыхтитъ, потомъ кряхтитъ, потомъ, по мѣрѣ нажиливанья, начинаетъ ревѣть, визжать, вскрикивать... Враждующіе роютъ руками землю, стараясь найдти твердую опору противъ волокущаго ихъ назадъ непріятеля — и все это длится до-тѣхъ поръ, пока одинъ не выбьется совершенно изъ силъ и не будетъ оттянутъ противникомъ въ сторону, совершенно-противоположную той, куда обращено лицо побѣжденнаго. Разумѣется, перетягиванье производится на ровномъ мѣстѣ; на косогорѣ же одинъ, естественно, занимаетъ сильнѣйшую позицію, нежели другой.

Но вотъ еще потѣха, рекомендующая дикарство Башкирцовъ съ самой яркой стороны. Впереди кибитокъ, на чистомъ и ровномъ мѣстѣ, выставили большой чугунный котель, наполненный кислымъ, и притомъ еще смѣшаннымъ немного съ мукой, молокомъ. Котелъ окопали немножко, длятого, чтобъ его трудно было сдвинуть съ мѣста или своротить на бокъ. Подозвали ребятишекъ и, кинувъ въ молоко двугривенный, подарили его въ собственность тому изъ нихъ, кто достанетъ его изъ котла губами, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ рукъ онъ отнюдь не запускалъ въ котелъ.

Ребятишки съ радостью принялись за добычу; и такъ-какъ охотниковъ собралось множество, то и учредили между собой очередь: кому послѣ кого приступать къ добычѣ монеты, скоро-замѣненной полтинникомъ. Обѣщано было, послѣ каждаго удачнаго улова, кидать по новому полтиннику для каждаго охотника.

Ребятишки сбросили съ себя шапки, тюбетейки, халаты и рубахи и остались въ однихъ шальварахъ. Давно привыкнувъ къ потѣхамъ этого рода и понимая, что, окунувшись въ молоко, весьма-легко захлебнуться, они старательно начали закладывать себѣ уши и ноздри, вмѣсто ваты, свѣжею травой. На украсившагося такимъ катышками мальчишку нельзя было смотрѣть безъ смѣха. Очередной искатель сталъ у котла на колѣни, ухватился ручонками за придѣланныя къ нему уши и погрузился въ молоко головой по самыя плечи: тамъ носомъ и губами вышаривалъ онъ свѣтленькую монетку, валандаясь и дрызгая въ непроницаемой и густой смѣси. Когда мальчишка уставалъ, онъ выныривалъ изъ котла, но не отставалъ отъ него, а только обтряхивался и вытиралъ себѣ голову и лицо, съ которыхъ густое молоко стекало попрежнему въ котелъ. Мальчишка, которому жидкость успѣла ужь войдти и въ носъ и въ уши, только отчихивался да отплевывался, возвращая котлу все отъ него полученное, и снова окунался за монетою. Занятіе это продолжалось долго, до-тѣхъ-поръ, пока удача не награждала искателя. Мальчикъ, ткнувшись носомъ о мотету, нажималъ всѣмъ лицомъ на дно и, подпихивая полтинникъ губами все выше и выше, стараясь только, чтобъ онъ какъ-нибудь снова не свалился книзу, дожималъ и дотаскивалъ его до окраинъ, гдѣ схватывалъ въ ротъ и окончательно освобождалъ изъ котла. Потѣха жалкая, но тѣмъ не менѣе, слишкомъ-характеристическая, чтобъ не сказать

о ней ни слова, тѣмъ болѣе, что тутъ ребенокъ, ужь играя, начинаетъ пріучаться хитрить и обманывать, стараясь, незамѣтно для зрителей, запустить руку въ котелъ, выловить пальцами монету и втихомолку надуть товарищей, лишивъ искуснѣйшихъ и терпеливѣйшихъ изъ нихъ права и надежды выиграть призъ.

Изъ этого можно ужь видѣть, что та опрятность и чистоплотность, къ которой мы у себя привыкли, вообще не въ понятіяхъ Башкирцовъ. Конечно, бываютъ и у насъ случаи, что, напримѣръ, слуга, подавая за обѣдомъ тарелку гостю, по торопливости, вымоетъ и вытретъ ее необщеупотребительными средствами; бываютъ и у насъ разные примѣры неряшества, но зато мы и смотримъ на нихъ какъ на важныя упущенія и нарушенія порядка; но у Башкирцовъ совсѣмъ-другое: тамъ нисколько и не сознаютъ, что извѣстнаго рода неряшество дурно. Чтобъ пояснить мысль свою приведу примѣръ.

Употребивъ въ дѣло походный свой стаканъ и готовясь сѣсть въ экипажъ, я поторопился отдать его Башкирцу съ тѣмъ, чтобъ онъ его поскорѣй вымылъ. Самоваръ съ водой стоялъ еще въ кибиткѣ, полоскательная чашка не убрана, полотенце висѣло тутъ же; Башкирецъ не сообразилъ этого, побѣжалъ со стаканомъ на рѣчку, теръ его тамъ и пескомъ и иломъ, наконецъ принесъ ко мнѣ, вытеревъ по дорогѣ халатомъ. Но замѣтивъ, что на стеклѣ остались густыя сальныя полосы отъ грязныхъ рукъ, которыми онъ держалъ его, Башкирецъ преспокойно плюнулъ на стаканъ, сталъ его оттирать непомѣрно-грязнымъ рукавомъ и съ самодовольнымъ видомъ передалъ мнѣ... Не огорчать же мнѣ было услужливаго Баршкирца! Скрѣпя сердце, я спряталъ стаканъ на мѣсто и ужь на слѣдующемъ переходѣ отдалъ его русскому слугѣ.

Одинъ изъ главныхъ начальниковъ Оренбургскаго Края, любившій и жаловавшій Башкирцовъ, проводилъ лѣтніе мѣсяцы на башкирской кочевкѣ. Однажды, лѣтъ пятьнадцать тому назадъ, войдя въ кибитку къ одному Башкирцу, генералъ, желая его почтить, спросилъ себѣ чашку кумыса. Башкирецъ-хозяинъ, чтобъ угодить любимому начальнику, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показать свою опрятность, схватилъ чашку, вылизалъ ее до-чиста языкомъ, наполнилъ кумысомъ и подалъ дорогому гостю. Генералъ замѣтивъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ протекаетъ ручеекъ, спросилъ: нельзя ли вымыть чашку водою? «Можно, батышка», отвѣчалъ Башкирецъ: «я тиби чичасъ водамъ-то его мою» и съ этими словами вылилъ кумысъ изъ чашки обратно въ сабо, потомъ выполоскалъ чашку, вытеръ ее полою кафтана, опять налилъ кумыса изъ того же сабо и подалъ. Генералъ видѣлъ всѣ хлопоты и усердіе Башкирца и, нѣчего дѣлать! выпилъ чашку, разумѣется, не разъ поморщившись.

Дурныя стороны Башкирцовъ составляютъ страсть къ сутяжничеству и конокрадство. Очень-понятно, что оба эти порока привились къ народу не внезапно, а появились вслѣдствіе историческихъ причинъ, обширнаго прежде вотчиннаго права и баранты. Башкирецъ радъ каждому случаю придраться къ сосѣду, чтобъ завести съ нимъ тяжбу, хотъ бы изъ-за малѣйшихъ пустяковъ. Онъ, въ этихъ случаяхъ, при-

бѣгаетъ не къ шаріату, по началамъ котораго производится раздѣлъ имѣнія и рѣшеніе серьёзныхъ споровъ, а обращается къ присутственнымъ мѣстамъ и изводитъ множество гербовой бумаги, изъ всѣхъ силъ хлопоча ввести въ изъянъ соперника, пока самъ не будетъ обвиненъ въ ябедничествѣ.

Что касается до конокрадства, которое Башкирцы приписываютъ будто бы обѣднѣнію, но которое вѣрнѣе, кажется, отнести къ послѣднимъ проблескамъ когда-то сильной между Башкирцами баранты, то теперь виновныхъ въ этомъ преступленіи велѣно судить военнымъ судомъ. Зло это слишкомъ-велико, чтобъ не обращать на него всей строгости законодательства. Присматриваясь къ нарушеніямъ различныхъ правъ и къ видоизмѣненіямъ проступковъ и преступленій, совершаемыхъ инородческими племенами, съ государственной точки зрѣнія, нельзя не обратиться къ старинной мысли — собранія инородческихъ законовъ. Для науки подобныя собранія будутъ драгоцѣнностью, но въ смыслѣ замѣны ими дѣйствующихъ общихъ гражданскихъ законовъ, это было бы вѣрнымъ путемъ къ разъединенію національностей и къ застою юридическихъ началъ въ нашихъ инородческихъ племенахъ: нашъ Сводъ Законовъ долженъ быть и дѣйствительно есть единственнымъ источникомъ правосудія для всѣхъ подданныхъ имперіи.

Конокрадство у Башкирцовъ тѣмъ строжайшему должно подлежать преслѣдованію, что къ совершенію этого преступленія руководитъ не сознаніе безъисходной бѣдности, а совсѣмъ-другое чувство. Люди наблюдательные, старожилы края, замѣтили, что Башкирецъ рѣдко украдетъ лошадь у Башкирца же; чаще-всего онъ норовитъ увесть ее у Русскаго, у Чувашенина, или у кого другаго, только не у своего брата-мухаммеданина; стало-быть, тутъ, кромѣ самаго акта кражи, преступленъ и разсчетъ, замыселъ, arrière-pensée, съ какими Башкирецъ обдумываетъ эту кражу. Независимо отъ того, раскрытіе преступленій этого рода гораздо-труднѣе у Башкирцовъ и другихъ Татаръ, нежели въ деревняхъ у русскихъ крестьянъ. Русскій или Цыганъ, продастъ ли онъ лошадь, перекраситъ ли ее, или перетавритъ, во всякомъ случаѣ не можетъ совершенно скрыть всѣхъ слѣдовъ преступленія. Татарину украсть чужую лошадь — съ полà-горя: ему стоитъ только увести кобылу, а тамъ зарѣзалъ ее, съѣлъ — и концы въ воду!

Замѣтили тоже люди наблюдательные у Башкирцовъ любовь къ чистому воздуху. Башкирецъ, кажется, ни о чемъ серьёзномъ не можетъ толковать въ кибиткѣ, или дома, въ комнатѣ: ему непремѣнно надо выйдти на воздухъ и тамъ совѣтоваться съ сосѣдомъ. Напримѣръ: прійдетъ бумага отъ кантоннаго начальника къ юртовому старшинѣ: онъ не прочтетъ ее спокойно дома, а пойдетъ къ сосѣду, Хамидуллѣ, вызоветъ его съ собой на улицу, начнетъ съ нимъ разсуждать, что вотъ, дескать, бумага пришла отъ «кантоннаго»: вѣрно, пишетъ о чемъ-нибудь! Потомъ пойдутъ соображенія: о чемъ кантонный пишетъ? кàкъ ему отвѣчать, если онъ пишетъ о томъ-то? чтò ему сказать, если онъ пишетъ не объ этомъ, а объ другомъ? Мухаммеджанъ, сосѣдъ, живущій съ противоположной стороны, увидитъ въ окно, что юртовой о чемъ-то громко разсуждаетъ съ Хамидуллой, самъ не утерпитъ, чтобъ

не выйдти на улицу и не присоединиться къ юртовому. Тогда всѣ трое начинаютъ снова прежній разговоръ о прибытіи бумаги, о вѣроятномъ ея содержаніи, и о необходимости отвѣчать на такой-то вопросъ такъ-то, а на такой-то вотъ этакъ. За Мухаммеджаномъ является на сходку Камаль-Эддинъ; при немъ начинается разговоръ снова; за Камаль-Эддиномъ прибѣжитъ Исетка, за Исеткой — Мурзабайка, за Мурзабайкой — Мавлюгулка, и наконецъ сбѣжится вся деревня, начнется шептанье и перешептыванье, пересуды и дальновидныя соображенія; народъ раздѣлится на партіи, потомъ опять соберется въ кучку, пойдутъ споры, разногласія и ужь долго спустя юртовой съ мидасовскою премудростью порѣшитъ всѣ возникшія здѣсь несогласія тѣмъ, что уйдетъ домой, вскроетъ пакетъ, прочтетъ бумагу и объявитъ міру, что отъ начальства приказъ пришелъ или о поданіи списка очереднымъ на службу Башкирцамъ, или о содержаніи деревенскихъ улицъ въ чистотѣ, или о посѣвѣ картофеля, или о чемъ-нибудь другомъ, одинаково-интересномъ для его однодеревенцовъ. Башкирцамъ и въ голову не прійдетъ пожалѣть о потерѣ времени и о безплодности ихъ прежнихъ соображеній.

Кромѣ обыкновенныхъ духовныхъ лицъ, имѣющихъ право читать и объяснять Коранъ, у Башкирцовъ, въ старые годы, бывали свои ишаны. Я не знаю настоящаго значенія хивинскаго «инаха», который, говорятъ, есть то же, что̀ и нашъ ишанъ; но мнѣ извѣстно, что въ предѣлахъ Россіи, или по-крайней-мѣрѣ близь ея границъ, существуютъ три ишана: одинъ живетъ гдѣ-то за Сыр-дарьей у Киргизовъ, другой — на восточномъ берегу Каспійскаго Моря, у залива Александер-бай, у Туркменовъ, третій—въ Стерлитамацкомъ Уѣздѣ въ деревнѣ Стерлибашъ.

Въ этомъ Стерлибашѣ существовало, въ прежнее время, учрежденіе въ родѣ не то̀ Александрійской Академіи, съ которою у него, разумѣется, не было ничего общаго, не то̀ въ родѣ Самаркандскаго Университета, каковаго, впрочемъ, въ Самаркандѣ не оказывается. Значеніе этого учрежденія можно пояснить такимъ-образомъ, что въ Стерлибашъ стекались любознательные мухаммедане изъ всей Башкиріи, изъ Казани и даже будто бы изъ Крыма. Занимали они здѣсь маленькія комнатки, жили въ строгой умѣренности и отчужденіи отъ міра и все время посвящали изученію Корана и всѣхъ таинственностей ислама. Самымъ пребываніемъ своимъ въ Стерлибашѣ, каждый отшельникъ пріобрѣталъ себѣ эпитетъ ученаго и безспорно считался всѣми за муллу, или духовнаго истолкователя Корана. Чтобъ быть муллой, достаточно умѣть читать Коранъ, и не разъ случалось видѣть юношей, повидимому недоросшихъ и до двадцатилѣтняго возраста, которые занимали должность муллы, объясняли своимъ слушателямъ законъ и, какъ по физіономіи немудрено было замѣтить, сами не совсѣмъ понимали то̀, что̀ читали въ книгѣ. Въ Стерлибашъ стекались ужь не юноши, а люди возмужалые, иногда ужь въ лѣтахъ, и здѣсь проходили они полный курсъ мусульманскаго законовѣдѣнія, подъ ферулой сѣдобородаго ишана, который управлялъ всѣми ихъ дѣйствіями, всѣми поступками, всѣми помышленіями и направлялъ ихъ къ буду-

дущему проповѣдыванію, на основаніи началъ, которымъ онъ, ишанъ, самъ слѣдовалъ.

Стерлибашскому отшельнику стоило только, по окончаніи курса у своего ишана, отправиться въ вояжъ, съ караваномъ, сперва въ Бухару, а потомъ въ Самаркандъ и потомъ возвратиться въ Башкирію, чтобъ слава о немъ, какъ объ ученѣйшемъ изъ самыхъ ученыхъ, распространилась между всѣми мухаммеданами Россіи. Впрочемъ, въ Самаркандѣ усовершенствовали свои познанія закона многіе башкирскіе муллы. Одинъ изъ нихъ, Хаир-Заманъ (въ первомъ башкирскомъ кантонѣ), между-прочимъ, увѣрялъ одного моего знакомца, что самаркандскіе ученые совсѣмъ не такіе пошлые невѣжды, какъ многіе о нихъ воображаютъ, хотя и вовсе не такіе профессоры, какъ иные о нихъ пишутъ. Они знаютъ исторію, но по-своему, безъ примѣси правды; подъ исторіею разумѣютъ больше хронологію; объ европейскихъ государствахъ имѣютъ самыя сбивчивыя понятія, но обладаютъ и нѣкоторыми европейскими картами, управиться съ которыми несовсѣмъ-то они умѣютъ, не зная съ какой стороны къ нимъ подступиться. Больше всего знакомы имъ наше Каспійское Море и страны, его облегающія.

Башкирцы имѣютъ множество повѣрій, обличающихъ ихъ старинное язычество. По незнанію языка, по кратковременности пребыванія и по неимѣнію случая сойдтись съ людьми, хорошо-знакомыми съ предразсудками башкирскаго простолюдья, мнѣ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній о башкирскихъ повѣрьяхъ; тамошніе знакомцы мои сообщили мнѣ по этому предмету немногое.

Хребетъ Джильмердякъ, отрогъ южнаго хребта Урала, тянущійся верстъ на сто по Стерлитамацкому Уѣзду, по мнѣнію Башкирцевъ, весь населенъ высшими существами, непринадлежащими къ нашему міру. Отдѣльная гора этого хребта, именуемая Улу-джаман-тау, то-есть Большою и Злою, въ ненастье, скрываетъ въ туманахъ свою вершину, равняющуюся, по разсказамъ, третьей части видимой тогда высоты горы. Гора эта вся, кромѣ вершины, покрыта лѣсомъ; кочевые Башкирцы, переходя по ней съ мѣста на мѣсто, достигаютъ по временамъ ея половины. Иные случайно, напримѣръ, во время переѣздовъ или охоты, поднимаются гораздо-выше. Въ дальнихъ высотахъ, даже въ полдень, за густымъ туманомъ, ничего не видать; дыханіе спираетъ; толстое верблюжье сукно проникается сыростью насквозь и пары бываютъ сгущены до такой степени, что зги не видно и дорогу нужно вышаривать руками. По преданіямъ стариковъ, вершина этой горы увѣнчана обширнымъ озеромъ, на берегу котораго стоитъ, въ видѣ трона, огромный камень. Этотъ монолитъ носитъ у Башкирцевъ названіе «Діу-падышах-сынынг-тахты», то-есть, «тронъ царя дивовъ».

Башкирцы перваго кантона считаютъ себя потомками переселенцевъ изъ древняго Булара, но не Булгара. Башкирцы увѣрены, что это двѣ разныя «мѣстности» и что Буларъ стоялъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Билярскъ, въ Чистопольскомъ Уѣздѣ Казанской Губерніи, при Маломъ Черемшанѣ. Что Буларъ и Булгаръ суть два діа-

лектныя произношенія одного и того же слова — это теперь не подлежитъ сомнѣнію; но важность указанія Башкирцевъ на розность мѣстностей служитъ новымъ подкрѣпленіемъ уже давно-высказанной мысли, что Булгаръ двѣнадцатаго столѣтія могъ не имѣть ничего общаго съ Булгаромъ десятаго вѣка. У Башкирцевъ этого кантона сохранилось преданіе, что мухаммеданство приняли они около временъ покоренія Казани, стало-быть, въ очень еще недавнее время, когда мухаммеданство проникло и въ финскія племена дальняго зауральскаго сѣвера. Это само-собой указываетъ, что еще въ XVI-мъ столѣтіи народъ этотъ придерживался язычества, а преданіе о прежней родинѣ на Черемшанѣ заставляетъ думать: не принадлежатъ ли нынѣшніе осинскіе Башкирцы къ одному съ Черемисою корню? Изъ вѣрованій отдаленной старины у нихъ осталось еще понынѣ въ употребленіи жертвоприношеніе черными духамъ, «карà-нерсѐ». Одинъ изъ образованныхъ Башкирцевъ этого кантона разсказывалъ намъ, между-прочимъ, что еще и понынѣ, въ случаѣ чьей-нибудь болѣзни, родственники больнаго, тихонько отъ сосѣдей, отправляются въ лѣсъ и тамъ, по старинѣ, съ обрядами, хранящимися въ-тайнѣ, умилостивляютъ «черныхъ духовъ» кровавою жертвою, и исключительно одними только черными баранами. Имени Аллаха при этомъ не произносится никогда и никакихъ мухаммеданскихъ молитвъ не читается. Когда, по окончаніи жертвоприношенія, люди возвращаются домой, то имъ, ни подъ какимъ видомъ не дозволяется обернуться назадъ: иначе они, по словамъ старыхъ людей, въ то же мгновеніе падутъ, пораженные суровымъ гнѣвомъ черныхъ духовъ.

Совершая путь прежде, до рѣки Ика, по направленію на сѣверо-западъ, мы съ Мурадымовой круто повернули на востокъ и все глубже-и-глубже вдавались въ ущелья, имѣя въ виду дважды переѣхать главный хребетъ Урала, собственно затѣмъ, чтобъ взглянуть на одинъ частный мѣдиплавиленный заводъ.

Дорога предстояла намъ живописная, но преутомительная. Кругомъ горы, пади, небольшія долины, испещренныя безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, между которыми горделиво возвышала свою пунцовую головку «барская спѣсь» или «татарское мыло». Этою «барскою спѣсью» башкирскія женщины румянятся, разумѣется, только лѣтомъ; зимой же онѣ, вмѣсто румянъ, употребляютъ, какъ меня увѣряли, толченую киноварь, чему я несовсѣмъ вѣрю, и кошениль, что̀ гораздо-правдоподобнѣе. Горы лѣпились одна на другую и скрывали отъ взоровъ дальніе пригорки за березнякомъ или за стройнымъ сосновымъ лѣсомъ. Повременамъ голые, повременамъ обомшенные травой камни выглядывали по сторонамъ узкой и тряской дороги огромными валунами; иногда отдѣльный холмъ какъ-будто пополамъ прорѣзывался гигантскимъ известнякомъ, который шероховатыми и высокими ребрами торчалъ по обнаженной отъ лѣса вершинѣ горы и точно лѣстницей сползалъ по ея склону къ самой подошвѣ, соединяясь тамъ съ такими же выступами сосѣдней горы. Мѣста были преживописныя, но дорога, нечего грѣха таить, была прегадкая, хуже чѣмъ всякій

другой проселокъ; надо припомнить, что мы ѣхали не-почтовымъ трактомъ и были далеко въ-сторонѣ отъ воздѣланныхъ путей сообщенія.

Наконецъ мы пріѣхали въ деревеньку, или, вѣрнѣе, въ выселокъ, принадлежащій тому заводу, который мы собирались посѣтить. Тутъ нашли мы среди лѣса часовеньку и нѣсколько, около десятка, или и меньше, новенькихъ крестьянскихъ домиковъ, содержимыхъ очень-чисто. Мѣстъ для пашни мало; крестьяне обязаны выставить каждый по пятисотъ пудовъ мѣдной руды, изъ Гребенѣй, изъ-подъ Сакмарскаго Городка: это составитъ верстъ около двухсотъ. Что касается до стоимости провоза въ этихъ мѣстахъ, то ее безгрѣшно, особенно въ дурное время, надо положить копеекъ хоть въ двадцать съ пуда.

Наконецъ, проѣхавъ еще верстъ двадцать, мы прибыли, часу въ первомъ дня, въ заводъ. Хозяина не было въ заводѣ, главноуправляющаго тоже; насъ принялъ человѣкъ, казалось, непринадлежащій къ числу заводскихъ людей: вѣроятно родственникъ чей-нибудь и, какъ по всему видно, человѣкъ знакомый съ губернскими приличіями. Онъ ласково пригласилъ насъ въ занимаемыя имъ комнаты. Рослый, но блѣдный, сухощавый слуга, въ тиковомъ халатѣ, принялся снимать съ насъ верхнее платье.

Въ комнатахъ поразила насъ особенность, свидѣтельствовавшая о пристрастіи нашего теперешняго хозяина къ красненькимъ цвѣточкамъ, о которыхъ мы недавно упоминали. Горшки съ «барскою спѣсью» стояли и на окнахъ, и по всѣмъ угламъ комнатъ, и у печей, и на кронштейнахъ — всюду. Въ кабинетѣ, въ которомъ весь письменный столъ заваленъ былъ бумагами, счетами, реестрами, нарядами и листами «Вѣдомостей Московской Городской Полиціи», лучшимъ украшеніемъ комнаты былъ портретъ, висѣвшій надъ диваномъ. По обѣимъ сторонамъ портрета прибиты были кронштейны и на нихъ опять-таки стояли горшки великолѣпной «барской спѣси»; хорошенькія вазочки съ этими же миленькими цвѣточками висѣли на снуркахъ у каждаго окна кабинета.

На портретѣ изображено женственное лицо какого-то кудреватаго, жирненькаго и сильно-подрумяненнаго амура въ ухарской цвѣтной венгеркѣ, обложенной оранжевыми снурками; отсутствіе усовъ доказывало, что на портретѣ снято лицо какого-нибудь отчаяннаго франта изъ штатскихъ. Въ миролюбивыхъ наклонностяхъ оригинала нельзя было и сомнѣваться; стоило только взглянуть на коротенькій, сильно-вздернутый носикъ у портрета, на пухленькія, даже слишкомъ-пухлыя щеки, для которыхъ живописецъ не пожалѣлъ лишнихъ порошинокъ бакана, и на высоко-повязанный галстухъ съ вздернутыми къ ушамъ и туго-накрахмаленными воротничками — и сейчасъ согласишься, что видишь передъ собою совершеннаго ягненка; завитые барашкомъ волосики еще болѣе увеличивали это сходство. Маленькое противорѣчіе общему впечатлѣнію нашелъ я только въ одномъ обстоятельствѣ: у представленной на портретѣ особы приподнята была кверху въ ракурсѣ рука, съ разверстымъ указательнымъ пальцемъ, на которомъ надѣтъ большой и, должно-быть, очень дорогой перстень. Признаюсь, я употребилъ нѣсколько лишнихъ мгновеній на то, чтобъ разглядѣть

этотъ портретъ, написанный, на мои глаза, довольно-таки малярною кистью, и не могъ сообразить, гдѣ могъ добыть себѣ артистъ натуру для такой карикатуры?

— Любуетесь портретомъ, сударь? спросилъ меня хозяинъ.

— Да!.. отвѣчалъ я двусмысленнымъ тономъ.

— Это у насъ въ Путивлѣ такіе художники-съ!.. А что-съ, похожъ? спросилъ онъ немного погодя.

— На кого?

— Да вѣдь это съ меня писали-съ!.. Недавно-съ.. передъ моимъ отъѣздомъ сюда...

— Ну, какъ же! очень-похожъ! ни дать ни взять, точно двѣ капли воды! отвѣтилъ я, видя, что почтенному господину будетъ очень-лестно мое одобреніе и что для него было бы очень-огорчительно, еслибъ я позволилъ себѣ намекнуть ему о стихахъ Крылова и о той художнической кисти, которая «Кузьму Лукой писала».

Завязалась рѣчь о художествахъ вообще и о художествахъ въ Путивлѣ въ-особенности, о важности портретной живописи, о томъ, о другомъ, наконецъ хозяинъ спохватился и, обратясь ко мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ, спросилъ:

— А что?.. да вы, того-съ, обѣдали ли, господа?

— Нѣтъ, мы сегодня почти ничего не ѣли и ужасно проголодались! отвѣчалъ я безъ церемоніи, разсчитывая какъ бы въ-самомъ-дѣлѣ намъ, этакъ порядочнымъ образомъ пообѣдать.

— Эхъ, жаль-съ; а я только-что пообѣдалъ-съ... Ну ужь извините-съ, теперь поздно... а вотъ мы зато чай на англійскій манеръ откушаемъ.. я вѣдь никогда не ужинаю-съ... а такъ, знаете, закусываю съ чаемъ. А между-прочимъ, не угодно ли отдохнуть-съ; я велю подать фруктовъ-съ... у меня садъ... какой садъ!.. вотъ тутъ-съ подъ окномъ, чудесный-съ... Такъ покушаемъ фруктовъ, а тамъ пойдемъ заводъ осматривать... а тутъ какъ-разъ и чай... Эй, человѣкъ!

Худощавый гайдукъ явился, и на этотъ разъ, вмѣсто тиковаго халата, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ узенькомъ-преузенькомъ галстучкѣ и въ бѣлыхъ бумажныхъ перчаткахъ.

— Подай, братецъ, намъ фруктовъ! сказалъ онъ, растягивая слова ужасно-длинно.

Гайдукъ повернулся налѣво-кругомъ.

— Фруктовъ!... понимаешь?

— Понимаю-съ, Александра Пафнутьичъ, отвѣтилъ лакей, обратившись къ хозяину.

— Ну, хорошо, ступай!

Гайдукъ снова повернулся налѣво-кругомъ.

— Такъ фруктовъ! Слышишь?

— Слушаю-съ, Александра Пафнутьичъ! проговорилъ тотъ, снова обратясь къ нашему весельчаку.

— Ну, хорошо; теперь можешь идти!

Гайдукъ ушелъ.

— Я пріучаю людей дѣлать все не торопясь... Дядюшка мой, здѣшній управляющій, онъ матушкиной двоюродной сестрицѣ приходится

какъ-то по мужской линіи... онъ мнѣ, знаете, не то что сватъ, не то что братъ, а, какъ говорится, oncle... оно, знаете, имѣетъ значеніе! все-таки oncle не что-нибудь такое, а пофранцузски! Дядюшка у меня степнякъ такой, сердитый, угрюмый, а скажешь ему oncle! mon oncle! онкельчикъ-голубчикъ! онъ ужь и самъ становится другимъ человѣкомъ и обходится со мной ласковѣе. Такъ... про что бишь я говорилъ-съ?... Да, у него люди служить не умѣютъ... Я бывалъ въ Москвѣ: пока дядюшка ѣздитъ въ городъ по заводскому дѣлу, а это продлится все-таки еще съ недѣлю, я выучу его людей служить по столичному: посмотрите, имъ самимъ любо! во фракѣ щеголяютъ—и ничего не дѣлаютъ, сидятъ сложивши руки!

Въ эту минуту въ комнату вошелъ прежній гайдукъ съ огромнымъ подносомъ, на которомъ блестѣли, точно два озерка на пространной степи, двѣ маленькія фаянсовыя тарелочки съ только-что нарванными ягодами.

— Фрукты? спросилъ исправлявшій должность хозяина.

— Фрукты-съ! отвѣчалъ гайдукъ.

— Какіе фрукты?

— Малина-съ и земленика-съ!

— Хорошо. Помни, что никогда не надо подавать одного блюда на подносѣ; подавай всегда два, два и два... Слышишь?

— Слушаю-съ.

— Понимаешь?

— Понимаю-съ, Александра Пафнутьичъ.

— Поставь же эти фрукты тутъ, на столѣ, и принеси еще фруктовъ... тамъ спроси у Лукерьи... пусть въ кладовой поищетъ!

Гайдукъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ опять показался въ дверяхъ съ огромнымъ подносомъ и съ двумя тарелками.

— Что, фрукты?

— Фрукты-съ!

— Съ чѣмъ эта тарелка, что налѣво?

— Дыня-съ!

— А съ той стороны?

— Тоже дыня-съ!

— Хорошо; поставь здѣсь на столѣ и ступай вонъ.

Дыни здѣсь продаются по копейкѣ; для насъ нарѣзали этого фрукта съ десяточекъ самыхъ тоненькихъ ломтиковъ. Вѣроятно, это было очень-вкусно, но... «куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснаго!» Нечего дѣлать, мы переглянулись другъ на дружку и пошли осматривать заводъ.

Заводская земля огромна; къ заводу приписано ея верстъ сто длиннику и верстъ восемьдесятъ поперечнику; лѣсу много. Заводское селеніе занимаетъ дикую, но живописную мѣстность. Оно расположено на горѣ и по скату ея; улицы обстроены чистенькими домами; съ одной стороны бѣлѣется каменная церковь. За однимъ утесистымъ холмомъ озеро; одинъ берегъ его состоитъ изъ голыхъ скалъ, образуемыхъ пластами ребромъ стоящаго известняка; вверху полуразрушенная мельница; влѣво заводъ, съ пятью высокими, выбрасывающи-

ми густой черный дымъ, трубами; противъ мельницы, на другомъ берегу, владѣльческій домъ съ садикомъ, въ которомъ растетъ одна черемуха; дорожки заглохли и заросли густой травой. Черныя воды озера, крутыя тропинки, дикіе, лишенные растительности утесы, пустынность окрестностей съ одной стороны, безлюдье по улицамъ, съ другой стороны, а тамъ видимое запущеніе, надъ всѣмъ этимъ безоблачное голубое небо, растилающееся прозрачнымъ покровомъ надъ всѣмъ видимымъ пространствомъ, и на немъ раскаленное ядро послѣполуденнаго солнышка, прожигавшаго насъ нестерпимо-горячимъ потокомъ лучей—все это производило особаго рода эффектъ и наводило на насъ какія-то тяжелыя ощущенія.

У заводскаго зданія, тамъ и сямъ, виднѣлись групами, занятые исправленіемъ разныхъ работъ крестьяне; между ними изрѣдка мелькали свѣжія, но безстрастныя лица молодыхъ бабъ въ «занавѣскахъ», или долгихъ, начинающихся у самой шеи передникахъ, надѣваемыхъ поверхъ сарафана; ребятишекъ не встрѣтили мы нигдѣ и ихъ веселенькія личики не могли теперь оживить собою картину общаго труда.

Мы вошли въ сарай и поспѣшили пройдти впередъ; намъ хотѣлось взглянуть попристальнѣе на работы и замѣтить всѣ пріемы, съ которыми, одѣтые въ однѣ бѣлыя рубахи, работники копошились около печи, подкидывали дровъ, подвозили руду и занимались другимъ дѣломъ; но, приблизившись къ печамъ, мы поспѣшили отъ нихъ отстониться, потомъ пятились шагъ за шагомъ назадъ, наконецъ, не вытерпѣли и выбѣжали изъ сарая прохладиться подъ палящимъ зноемъ. Жара для насъ, непривычныхъ людей, была сильна и на солнышкѣ, но въ сараѣ она казалась намъ нестерпимою. Я, однакожь, вооружился всѣмъ запасомъ безстрашія, вынулъ изъ футляра термометръ, вошелъ опять въ сарай и, ставъ въ двухъ саженяхъ отъ устья печей, хотѣлъ дѣлать наблюденія. Чрезъ нѣсколько мгновеній ртуть въ моемъ термометрѣ быстро поднялась до 43 градусовъ; не имѣя рѣшимости поближе подойдти къ рабочимъ, я бросилъ свою попытку и опять выбѣжалъ на солнце: другой прохлады вблизи не было; тѣнь лежала по другую сторону сарая, и до нея далеко было добираться.

Вотъ эта-то жара и служитъ объясненіемъ, почему у плавиленныхъ печей рабочіе работаютъ въ бѣлыхъ рубахахъ. Этотъ обычай, замѣченный мною на частномъ заводѣ, напомнилъ мнѣ другой, заслуживающій подражанія, порядокъ въ другомъ мѣстѣ. Разумѣется, все образцовое, лучшее, мы видимъ на казенныхъ заводахъ. Я помню очень-хорошо, что, въ давнюю бытность свою въ Барнаулѣ, мнѣ случалось входить въ залы, гдѣ нестерпимость жары тоже не могла на меня не подѣйствовать. Но тамъ эту адскую жару мы чувствовали только у самаго устья печи; а что всего важнѣе, тамъ обязанные быть вблизи этихъ устій рабочіе защищены были отъ сильнаго жара не бѣлыми рубахами, а толстыми войлочными латами, такими же рукавицами, шапками и масками для лица. Казна вводитъ расходы на эти немного-цѣнные предметы въ свой бюджетъ, а нѣкоторые частные заводчики или не знаютъ этого человѣколюбиваго изобрѣтенія, или не

берутъ примѣровъ съ казенныхъ заводовъ, единственно въ видахъ сбереженія экономіи.

Въ-самомъ-дѣлѣ, какія противоположныя чувства приходится испытывать человѣку, которому привелось взглянуть на казенные заводы и на иные заводы частныхъ лицъ! На казенныхъ — учтивость, предупредительность, научное знаніе предмета, строгость надзора за рабочими, разумная разсчитанность каждаго дѣйствія, на каждомъ шагу свидѣтельствуютъ о человѣколюбіи, о христіанской любви къ ближнему; сердцу становится весело, поглядѣвъ на благоустройство и благочиніе казенныхъ заводовъ... но какъ невесело бываетъ подчасъ быть гостемъ у инаго частнаго заводчика!

Утомившись отъ прогулки, мы возвратились домой и, въ ожиданіи «англійскаго чая», расположились съ истощенными желудками на отдыхъ, распорядясь, однакожь, напередъ послать нашего Башкирца въ окрестныя дачи, чтобъ нанять намъ новыхъ лошадей. Тройка, на которой мы пріѣхали, была истомлена тяжелою дорогой, а Александръ Пафнутьичъ своихъ лошадей не могъ намъ ссудить, потому-что всѣ онѣ были заняты заводскою работой; у заводскихъ же людей нанять ихъ было тоже нельзя, какъ намъ объявили, по двумъ причинамъ: привычныхъ къ почтовой гоньбѣ лошадей у нихъ не было, а еслибъ и нашлись охотники выставить упряжку, то и тогда крестьянамъ нельзя было этого дозволить, потому-что, польстившись на прогоны, охотникъ долженъ былъ бы самъ править лошадьми и, стало-быть, отвлечь себя отъ урочныхъ работъ на заводѣ.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли ѣздилъ нашъ Башкирецъ, мы навѣрное сказать не можемъ, только къ вечеру явилась новая башкирская тройка.

Наконецъ насъ позвали къ англійскому чаю.

Въ столовой былъ раскрытъ длинный столъ, покрытый бѣлою скатертью и приготовленный на двѣнадцать кувертовъ. Прекрасное бѣлье, неукоризненнаго блеска серебро, серебряный чайный сервизъ, граненые стаканы, рюмки и бокалы—все это въ изобиліи разставлено было чрезвычайно-симметрически. Вмѣсто вазъ съ пахучими цвѣтами, на столѣ разставлено было нѣсколько скромныхъ горшковъ съ знакомыми намъ цвѣтками барской спѣси, а въ промежуткахъ ихъ кокетливо глядѣли давешнія тарелочки съ «фруктами»—съ ломтиками дыни, съ малиной и съ земляникой.

Чай сопровождался легонькою закусочкой. Эта легонькая закуска состояла изъ пяти блюдъ, одно за другимъ внесенныхъ щеголеватымъ гайдукомъ: онъ ихъ поставилъ на другомъ концѣ стола, противоположномъ тому, на которомъ былъ чайный приборъ. Я полюбопытствовалъ взглянуть на легонькую закуску, сопровождавшую англійскій чай, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что наша недобровольная діэта вознаграждена будетъ самымъ неожиданнымъ образомъ: къ чаю поданы были горячіе кислые щи съ свининой, гречневая каша съ молокомъ, остатки холоднаго изъ бараньей головы или изъ телячьихъ ножекъ, остатки кулебяки съ морковью и половина жаренаго гуся. Этишкетка на единственной бутылкѣ, на половину ужь опорожненной, закупорен-

ной пробкой съ статуэткой россійскаго Жюль-Жанена, важно-занимавшей самый центръ стола, этишкетка эта россійскими литерами возвѣщала намъ, что мы будемъ наслаждаться напиткомъ, нами еще неизвѣданнымъ, и именно «грандмадерой»... виномъ, только-что выписаннымъ изъ Златоустовскаго Завода.

Втроемъ закусивъ на двѣнадцати кувертахъ и хорошо подкрѣпивъ себя на дальнѣйшій путь, мы распростились съ Александромъ Пафнутьичемъ и около сумерекъ оставили его гостепріимный кровъ. Ужь отъѣхавъ съ версту отъ завода, мы узнали отъ людей своихъ, что, въ попыхахъ, Александръ Пафнутьичъ забылъ отдать приказъ, чтобъ дать и имъ чего-нибудь позакусить: такъ они, бѣдняжки, и остались не только безъ англійскаго чая, но даже вовсе безъ чая, даже вовсе безъ хлѣба. Это поставило насъ нѣсколько въ-тупикъ, но, впослѣдствіи времени, мы перестали всему дивиться, наслушавшись почти невѣроятныхъ анекдотовъ насчетъ разсѣянности этого господина.

Оставивъ заводъ, мы должны были снова перевалить черезъ кряжъ, чтобъ выѣхать на рѣку Сакмару. Скоро стемнѣло и затруднительный переѣздъ по горнымъ тропинкамъ сдѣлался еще затруднительнѣе. Подъемы на горы были утомительны, спуски круты, дорога узка, колеи невѣрныя и засыпанныя вѣтроломомъ; а гдѣ не было опрокинутыхъ бурею деревьевъ, загромождавшихъ намъ дорогу, тамъ экипажъ нашъ выдерживалъ неменѣе-опасные толчки, подпрыгивая на высунувшіеся съ боковъ дороги камни. Къ ночи стало тепло, но сырость воздуха проникала насъ насквозь; скоро это ощущеніе замѣнено было новымъ неудобствомъ. Чѣмъ болѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ воздухъ становился удушливѣе; темень наступила страшная и мы принуждены были ѣхать почти шагомъ, потому-что тарантасъ нашъ катился по такому крутому косогору, что мы принуждены были наконецъ выйдти изъ него и идти пѣшкомъ.

Скоро мы достигли до ожидавшей насъ новой башкирской «выставки» и съ конвоемъ пустились дальше. Желаніе поскорѣе прискакать въ жилье, мы принуждены были ограничить простымъ желаніемъ не простоять всю ночь на одномъ мѣстѣ и провести ее безъ непріятныхъ происшествій, а непріятности этого рода ожидали насъ на каждомъ шагу: то нужно было проѣхать чрезъ совершенно-разрушенный мостъ, при спускѣ съ одной горы и при подъемѣ на другую, то перенесть тарантасъ на рукахъ чрезъ буреломъ, грудой лежавшій посередь дороги, то приходилось живою подпоркою поддерживать грузный экипажъ, совершенно-перекосившійся на каменистой тропинкѣ крутаго косогора. Къ довершенію всѣхъ нашихъ хлопотъ, началась гроза : мы... по-крайней-мѣрѣ лично я пришолъ въ совершенное уныніе. Меня и безъ того дорога истомила, да на бѣду свою я еще и плотно поужиналъ въ заводѣ; я задыхался отъ усталости и отъ духоты въ воздухѣ; а тутъ еще новое испытаніе : проливной дождь мочитъ насъ безъ всякаго милосердія; ослѣпительная молнія рѣжетъ глаза, а громъ съ оглушительнымъ грохотомъ такъ и дробитъ въ раскатахъ по скаламъ въ ущельяхъ.

Наконецъ и громъ какъ-будто бы угомонился и сталъ гудѣть вдали глухими перекатами; но молнія все не переставала и багровымъ свѣтомъ озаряла дикія окрестности, за мгновеніе передъ тѣмъ погруженныя въ совершенный мракъ. Просѣка, по которой мы ѣхали, сдѣлалась какъ-будто бы шире, дорога — спокойнѣе; мы снова засѣли въ тарантасъ и, точно пловцы какіе, стали нырять въ волнахъ горныхъ вершинъ, очутившись въ главныхъ высотахъ хребта, черезъ который проѣзжали. Утомленіе взяло свое и мы, довѣрившись инстинкту лошадей, искусству ѣхавшаго на коренной изъ нихъ Башкирца и опытности двухъ конвойныхъ, скакавшихъ впереди и выглядывавшихъ дорогу, стали понемножку успокоиваться, забываться, дремать и, кажется, сладко бы проспали, еслибъ порывистый свистъ вѣтра, визгливый ревъ Башкирцовъ и рѣзкія вспыхиванья молніи не заставляли насъ, время отъ времени, вздрагивать съ просонковъ и, раскрывъ полусонные глаза, озираться на всѣ стороны. Но по сторонамъ, кромѣ стараго и рѣдкаго лѣса, мгновенно освѣщенныхъ ущелій и сосѣднихъ горныхъ вершинъ, ничего не было видно: мы опять предавались тревожному сну. И вдругъ, и слухъ и зрѣніе наши поражены были картиною, въ существѣ своемъ, конечно, не естественною, но тѣмъ не менѣе немножко будто-бы знакомою: мы ясно видѣли передъ собой суковатый пень, который, по мѣрѣ нашего приближенія къ нему, росъ все выше, выше, раздавался въ сторону все шире, шире, наконецъ превратился въ какое-то чудовище съ двумя огромными огненными глазами и съ длинными, неизмѣримо-длинными руками, которыми оно махало направо и налѣво. Мимо насъ пробѣгали дикіе вепри, олени, ползли гремучія змѣи; чудовище махало на нихъ руками и съ каждымъ взмахомъ тысячи совъ и филиновъ слетались съ сосѣднихъ деревьевъ, хлопали крыльями и страшнымъ завываньемъ скликали передъ чудовище новыя стаи огненныхъ змѣй, мещущихъ пламя звѣрей и цѣлый сонмъ человѣческихъ скелетовъ съ смѣющимися челюстями у голыхъ и пожелтѣлыхъ отъ времени череповъ. Раздалась адская музыка. Я своими глазами видѣлъ въ рукахъ одного мертвеца тамбуринъ, у другаго—мѣдныя тарелки; самъ видѣлъ, какъ, вооруженный огненными рогами козелъ, ставъ на заднія ноги и игриво шевеля маленькимъ хвостикомъ, жеманно держалъ въ переднихъ лапахъ англійскій рожокъ и наигрывалъ на немъ что-то очень-знакомое; я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ огромнѣйшихъ филиновъ, съ размаха стукался головой за привѣшенный къ пальцу чудовища огромный там-тамъ и производилъ звонкій гулъ, созывавшій всѣ стаи птицъ и звѣрей на поляну, на которой кружились они въ адской пляскѣ. Я слышалъ своими ушами дружнымъ хоромъ повторявшіяся призыванія «Саміель! Саміель!» я видѣлъ самъ какъ огненные, всѣ въ красномъ Саміели, въ остроухихъ красныхъ шляпахъ, въ красныхъ мантіяхъ... и не одинъ, а цѣлые сотни саміелей... выскочивъ изъ-за ближнихъ деревьевъ, начали кружить около нашего тарантаса и, размахивая чѣмъ-то длиннымъ, пѣли знакомымъ мнѣ напѣвомъ, но невообразимо-страшными голосами, знакомыя всѣмъ намъ слова: «Духи подземелья, забудемте край!..

Впечатлѣніе этихъ грезъ такъ было на меня сильно, что я, очнув-

шись, никакъ не хотѣлъ вѣрить дѣйствительности. Мы попрежнему ѣхали шагомъ по горамъ и человѣкъ десять нарядныхъ Башкирцовъ, составлявшихъ смѣнный конвой, съ шумомъ и съ гиканьемъ кружились около тарантаса, сопровождая насъ на новую выставку, на новый пріютъ.

Въ три часа утра мы остановились на Сакмарѣ, оставивъ за собой горы, собственно называемыя Уральскими; по ту сторону Сакмары, за менѣе-высокими горными отрогами, могущественно разстилались громадныя высоты другаго хребта, носящаго названіе Ирындыка.

Остановившись на роздыхъ на одной башкирской кочевкѣ, мы пошли въ гости къ одному изъ почетныхъ Башкирцовъ, заслуженному офицеру. Хозяинъ нашъ совершенно привыкъ къ европейскому костюму: брилъ бороду, отпускалъ волосы на головѣ, но все еще носилъ тюбетейку, поверхъ которой надѣвалъ форменную шапку, а иногда, вмѣсто нея, носилъ, при мундирѣ «буркъ» — обыкновенную татарскую мѣховую шапку. Русскимъ языкомъ владѣлъ онъ превосходно и не только писалъ порусски исправно, но еще любилъ и почитывать книжечки.

Гостепріимный хозяинъ, котораго звали Мухаммедомъ Абдуррахмановичемъ, а порусски Матвѣемъ Романычемъ, а больше Трифономъ Лукичемъ, угостилъ насъ превосходнымъ кумысомъ, чаемъ, каймакомъ, салмӧй, или бараньимъ бульйономъ съ мелконарубленными кусочками мяса, чумаромъ или лепешками и превосходнымъ масломъ, чухонскимъ, которое Башкирцы ѣдятъ, намазывая пальцами на одинъ ломоть хлѣба, прикрываемый другимъ ломтемъ.

Трифонъ Лукичъ представилъ намъ двухъ своихъ супругъ: одна изъ нихъ, которая помоложе, была высокая, довольно-стройная горянка; другая, постарше, женщина довольно-полная; обѣ онѣ отличались грубыми физіономіями и были собой некрасивы, хотя врожденное женщинѣ кокетство проглядывало въ пріятномъ выраженіи лица, въ скромныхъ, смиренно-опущенныхъ къ землѣ взорахъ, въ роскошной подмалёвкѣ щекъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ всѣхъ принадлежностей національнаго наряда, съ тайнами котораго сообщительный Трифонъ Лукичъ познакомилъ насъ съ полною готовностью.

Первымъ признакомъ замужней женщины служитъ невидимая постороннему глазу часть наряда, именно «кукрякъ». Онъ имѣетъ форму тѣхъ манишекъ, которыя носятъ у насъ недостаточные люди, для прикрытія грубой сорочки и для приданія ей виду голландской рубашки. Кукрякъ бываетъ поменьше такой манишки и надѣвается на голую грудь подъ «кульмякомъ». Кукрякъ шьется изъ шолковой матеріи одного цвѣта и обшивается по краямъ другою цвѣтною полоской. Вторая, невсегда видная часть одежды — туманы, обыкновенно выбойчатые, у зажиточныхъ людей ситцевые, а у богатыхъ шелковые. Самую видную часть одежды составляетъ «кульмякъ», замѣняющій и сорочку и верхнее платье. Кульмякъ есть не что иное какъ обыкновенная длинная женская татарская рубаха, ситцевая или кумачная, съ длинными воротничками, съ широкими рукавами и съ разноцвѣтными полосками по подолу. Длинная прорѣха, сдѣланная напереди кульмяка, обшивается разноцвѣтными лентами, или другими лоскутка-

ми; она называется «изю». Чулокъ башкирскія женщины не знаютъ; вмѣсто нихъ служатъ простыя обвертки, знакомыя даже большинству нашей публики, потому-что и у насъ люди даже благовоспитанные предохраняютъ себя отъ мозолей этою обувью: многіе изъ нашихъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ носятъ обвертки. Дальнѣйшая обувь башкирской женщины состоитъ изъ простыхъ сапоговъ, «ичйгъ», собственнаго издѣлія, и изъ туфлей, «кйбисъ», надѣваемыхъ поверхъ нихъ.

Верхнее платье башкирской женщины составляютъ или матерчатый камзолъ безъ рукавовъ, въ родѣ нашихъ кучерскихъ поддёвокъ, или «бешметъ» та же поддёвка, только съ рукавами и кармашками на груди, украшенными серебряными кисточками и цвѣтными стеклянными пуговками, и наконецъ «халатъ», или весь красный, или черный съ краснымъ воротникомъ и обложенный по поламъ и по подолу широкимъ позументомъ, или красными лентами, если халатъ сшитъ не изъ краснаго сукна. Съ боку халата, на томъ мѣстѣ, гдѣ бы можно сдѣлать кармашки, нашиваются изъ узенькаго позумента глухія петлички: эта часть наряда называется «буюрлукъ», набедренникъ.

Перстни, серьги, браслеты и полубраслеты, наконецъ шаль, или обыкновенный красный бумажный платокъ на головѣ—все это почти одинаково какъ у Башкирокъ, такъ и у всѣхъ осѣдлыхъ Татарокъ: Башкирки только любятъ преимущественно одноцвѣтныя красныя матеріи.

Характеристическое отличіе женскаго башкирскаго наряда составляетъ собственно головной уборъ, называемый кашбо̀въ (кашба̀у, кашма̀у, хушпу̀), порусски «набровникъ». Этотъ драгоцѣнный и тяжелый нарядъ — родъ чепчика; онъ весь нижется изъ корольковъ, а на макушкѣ и по краямъ увѣшивается старыми серебряными копеечками, новенькими пятачками, гривенничками, иногда даже цѣлковыми, а у богатыхъ людей и полуимперіалами. Но такъ-какъ я ужь сказалъ, уборъ этотъ тяжеловатъ, да и деньги дороги, то нѣкоторыя Башкирки замѣняютъ тяжелыя золотыя и серебряныя монеты копіями съ нихъ, выбиваемыми изъ жести и латуни.

Къ кашбову сзади привѣшивается длинная широкая лента, ниспадающая поверхъ платья до самыхъ ногъ щеголихи. Этотъ хвостъ «улу̀нъ» затѣйливо вышивается бисеромъ и стеклярусомъ, моржа̀номъ, то есть корольками и змѣиными головками, то-есть раковинками. Въ pendant къ улуну, отъ кашбова же, ниспадаетъ на грудь башкирской женщины «сильтяръ» или «чильтяръ» рѣшотка, вынизанная изъ однихъ корольковъ и опушенная бахромкой изъ стекляруса и мелкихъ корольковъ; а подъ сильтяромъ, отъ шеи до пояса, и даже еще ниже, навѣшивается родъ нагрудника «сака̀лъ», порусски «борода», весь составленный изъ настоящихъ или фальшивыхъ монетъ, золотыхъ и серебряныхъ, чаще-всего изъ старинныхъ копеечекъ. Сверхъ сакала, надъ самымъ желудкомъ, красовалась восьмиугольная серебряная дощечка, или бляха «гумбязь»—талисманъ, въ таинственную силу котораго вѣрятъ всѣ Башкирки. На этомъ талисманѣ было восемь рядовъ арабскихъ цифръ; четвертый рядъ, самый широкій, состоялъ

изъ десяти цифръ; онъ съуживался понемногу и книзу и кверху; въ первомъ ряду было семь цифръ, въ послѣднемъ только шесть. Цифры разставлены безъ всякаго порядка и, какъ водится, не имѣли никакого смысла.

Подъ всѣмъ этимъ уборомъ, вообще называемымъ «кашбовъ», виднѣлся «тастàръ», или длинное, свѣтлое, коленкоровое покрывало, надѣтое сверхъ головы и обхватывавшее собою, поверхъ кульмяка, спину, плечи и грудь башкирской женщины.

Дѣвушки по наружному виду отличаются отъ женщинъ тѣмъ, что у нихъ голова открыта; костюмъ ихъ тотъ же, что̀ и у женщинъ, кромѣ кукряка; онѣ носятъ и сильтяръ и сакалъ, но собственно кашбова не надѣваютъ. Голова у дѣвушки расчесывается проборомъ на двѣ косы, выкидываемыя сверхъ платья и украшаемыя разными побрякушками, змѣиными головками, моржанами и кисточками изъ шерсти или шолка, перевитыми бисеромъ и стеклярусомъ.

Мужчины, разумѣется, щеголяютъ бешметами и халатами. Бешметы и камзолы шьются изъ разноцвѣтныхъ, волнистыхъ и полосатыхъ бухарскихъ матерій, изъ узорочныхъ московскихъ штофовъ и изъ гладкихъ матерій; а халаты преимущественно бываютъ цвѣтные суконные, выложенные широкими позументами, иногда ряда въ три, по воротнику, по̀ламъ и по̀долу; бѣдные люди ходятъ въ грубыхъ, бѣлыхъ шерстяныхъ халатахъ, а у богачей они бываютъ изъ тонкаго сукна, иногда бѣлые атласные, роскошно-вышитые шелками. Подъ верхнимъ халатомъ, надѣваемымъ на-распашку, блеститъ дорогая серебряная, убранная разноцвѣтными камнями, бляха бархатнаго бухарскаго пояса; на одномъ бедрѣ «калтà», на другомъ натруска и сумочки для узкаго ножа и для дроби.

Главное отличіе Башкирца составляетъ калпакъ. Это очень-высокая шапка, похожая на гречневикъ или на обрубленную сахарную голову, бываетъ или съ очень-широкимъ раструбчатымъ, кверху расходящимся, лисьимъ околышемъ, или съ полями, поддернутыми надъ висками кверху и имѣющими форму раздвоеннаго уха, но ужь безъ всякой опушки. Перваго рода калпаки бываютъ суконные и иногда обшиваются вдоль тульи крестъ-на-крестъ узкимъ позументомъ, а вторые шьются изъ яркаго цвѣтнаго бархата, преимущественно малиноваго; поля подшиваются бѣлымъ плисомъ; но кромѣ четырехъ продольныхъ золотыхъ стрѣлокъ, золотой позументъ идетъ кругомъ тульи внизу, и между каждой парой продольныхъ полосокъ, вдоль калпака, нашиваются еще по одной небольшой золотой стрѣлкѣ; такимъ-образомъ калпакъ этотъ на солнышкѣ какъ жаръ горитъ. Выпускаемые на халатъ воротнички рубахъ, обшиваются серебрянымъ или золотымъ снурочкомъ. У Башкирцовъ осѣдлыхъ кантоновъ такихъ парадныхъ нарядовъ ужь нѣтъ; тамъ носятъ простые калпаки изъ бѣлаго войлока или круглыя бѣлыя шляпы, съ широкими круглыми полями, надрѣзываемыми у ушей, для большаго удобства поднять или опустить ихъ, глядя по обстоятельствамъ.

Продолжая отсюда путь нашъ на сѣверовостокъ, мы прибыли въ деревню Тахтагулову и тотчасъ же отправились на близлежащій зо-

лотой пріискъ, осматривать его богатство и работы. Хорошаго, впрочемъ, мы мало видѣли; намъ даже показалось, что здѣсь работы производятся гораздо-экономнѣе, нежели на тѣхъ пріискахъ, которые видали мы въ Сибири. Тамъ, напримѣръ, на пробойкѣ песковъ ставили обыкновенно четырехъ человѣкъ, а здѣсь на рѣшоткѣ стояли мѣстами три, а мѣстами только два человѣка. Я старался приписать это легкости промывки и меньшей сцѣпляемости песковъ. Усовершенствованныхъ машинъ не привелось мнѣ здѣсь замѣтить.

Въ работники на здѣшніе пріиски являются изрѣдка крестьяне, государственные и удѣльные изъ губерній Казанской, Вятской и Пермской; чаще всего обѣднѣвшіе Башкирцы, Киргизы, Тептяри и казаки оренбургскаго войска.

Въ сосѣдствѣ съ ЮжнымъУраломъ довольно золотоносныхъ мѣстностей; мѣстности эти можно раздѣлить на нѣсколько категорій. Въ Верхнеуральскомъ Уѣздѣ золотые пріиски бываютъ или на башкирскихъ вотчинныхъ земляхъ, или на земляхъ казенныхъ. Изъ собственно казенныхъ земель замѣчательны двѣ дачи, такъ-называемыя Ишимбетевская Дача и Березовая-Роща; есть также пріиски и на казенныхъ земляхъ, населенныхъ Тептярами. Любопытно то, что условія на разработку этихъ пріисковъ были заключены въ 1837 году съ самими Тептярами. Въ Троицкомъ Уѣздѣ золотые пріиски находятся въ башкирскихъ вотчинныхъ земляхъ и въ казачей общественной землѣ. Наконецъ, есть золотые пріиски въ Киргизской Степи (оренбургскаго управленія) въ долинахъ разныхъ рѣчекъ, не говоря ужь про многочисленные пріиски Сибирской Киргизской Степи.

Съ этихъ мѣстъ мы очутились ужь на голой степи и съ выѣздомъ въ Алмухаммедову оставили горы позади себя. Здѣсь больше десятка Башкирцовъ выпросились сопровождать насъ до Старой-Линіи и, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, отправились слѣдомъ за нами. У теперешнихъ наѣздниковъ я впервые увидѣлъ старинныя, гнутыя изъ березы, стремена съ широкой плоскостью для ступни ногъ. На границѣ земель Войскъ Башкирскаго и Оренбургскаго, мы вышли изъ экипажа и, на прощанье съ Башкиріей, пустились пѣшкомъ, единственно изъ желанія хорошенько промять ноги и поговорить съ толпившимися около насъ Башкирцами.

По поводу разговора съ ними о болѣзняхъ, которыми страждутъ Башкирцы и которыя общи всему нашему простолюдью, я узналъ, что у Башкирцовъ испоконъ-вѣка существуетъ присницова метода леченія холодною водою; но Башкирцы не съумѣли пустить въ ходъ свои гидропатическіе пріемы, и вотъ за это слава друзей человѣчества не на ихъ долю выпала. Леченіемъ, впрочемъ, здѣсь занимаются преимущественно муллы. Они обкладываютъ больнаго мокрыми тряпками, полотенцами и простынями и отчитываютъ болѣзнь Кораномъ; поэтому тѣ изъ Башкирцовъ, которые посмышленѣе, и не могутъ отдать себѣ отчета: чему надо приписать цѣлебную силу — водѣ или муллѣ?

Идя неторною дорогою, по которой купами росли пышные степные цвѣты и цѣлыя полосы земли покрыты были то ковылемъ, то

шалфеемъ, то богородицкой травой, я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нашихъ провожатыхъ усердно собирали какія-то травы. Увидавъ въ рукахъ у одного изъ нихъ голубую лилію, я спросилъ его: для чего онъ набираетъ эти цвѣтки?

— Это мой бабамъ краски! отвѣтилъ Башкирецъ, сомнительнымъ взоромъ, брошеннымъ имъ на меня, договоривъ мысль: какъ же, молъ, ты этого не знаешь?

Цвѣтокъ этотъ, который Башкирцы называютъ «кук-буяу», даетъ свѣтло-синюю краску: ею башкирскія женщины красятъ бумажную и льняную пряжу. Затѣмъ мнѣ показали другой, зелененькій цвѣточекъ «сары-буяу»; цвѣты эти набираются только въ іюнѣ; они даютъ желтую краску; въ ней Башкирцы красятъ и сукно и холстъ; краска добывается собственно не изъ цвѣтка, а только изъ листьевъ. Въ лѣсахъ и на лугахъ, но не на степи, произрастаетъ, какъ говорили мнѣ, «истѣк-буяу» — высокая трава, дающая тоже желтую краску. Есть еще какая-то «джир-буяу» — земляная краска, о которой мнѣ Башкирцы ничего не сказали, объявивъ, что это бабье, а не ихъ дѣло. Кромѣ того, близъ озера Акчагула мы нашли еще два красильныя растенія. Одно, названное Башкирцами «кызыл-буяу», то есть красная краска, есть ни что иное, какъ дикорастущая марена, изъ которой, какъ извѣстно, приготовляется у насъ крапъ и гарансинъ; но Башкирцы этихъ хитростей не знаютъ; они даже и за мареной никакого ухода не имѣютъ, а поэтому и марена ихъ, недостигающая извѣстной толщины, въ фабричное дѣло негодится. Башкирцы сбираютъ тощіе корни своей марены, рубятъ ихъ, потомъ толкутъ и, измельчивъ ихъ сколько умѣютъ, набиваютъ ими котелъ, до половины наполненный щелокомъ. Когда этотъ отваръ начнетъ кипѣть, въ котелъ еще прибавляютъ крѣпкаго щелока; говорятъ, что отъ этого краска выходитъ яснѣе, ярче и чище и очень-прочно держится. Разговаривая объ этомъ съ прикащиками, встрѣченными мною на Линіи, я отъ одного изъ нихъ впослѣдствіи узналъ, что нѣсколько пудовъ отборныхъ корней дикой марены онъ въ этомъ же году отослалъ въ городъ Александровъ къ своимъ хозяевамъ, Барановой и Зубову. Другое растеніе называется «тумар-буяу», или «корень-краска». Корень этотъ водится всюду на солонцоватыхъ мѣстахъ, и въ Башкиріи, и въ Астрахани, и во всей Киргизской Степи, и на туркменскихъ берегахъ, и въ Хивѣ, и въ Бухарѣ. Немногіе листья, выходящіе изъ этого корня, всегда бываютъ покрыты соляною пылью. Краска эта даетъ соловой цвѣтъ, то-есть изъ-желта-блѣднозеленый. Башкирцы употребленія его не знаютъ, а Киргизы посредствомъ этого корня выдѣлываютъ и красятъ свои кожевенныя издѣлія, козловыя шаравары и кожаны. Но гораздо-важнѣйшее красильное вещество доставляютъ пріиски и ломки въ Башкиріи хромоваго желѣза. Ломки эти находятся въ дачахъ общаго владѣнія четвертаго башкирскаго кантона и Златоустовскаго Завода, около мѣста, называемаго Бѣлая Глина, въ отрогѣ Урала, въ горахъ, называемыхъ Сіяли-Тау, почти въ самой вершинѣ рѣки Міяса, недалѣе, какъ верстахъ въ пяти отъ рѣчки. Этотъ минералъ, имѣющій такое важное значеніе для нашихъ химическихъ заводовъ и столь

нужный для нашихъ мануфактуръ, кромѣ обширнаго внутренняго потребленія, въ огромномъ количествѣ вывозится и за границу.

Намъ надлежало распроститься съ Башкирцами у двухъ небольшихъ озеръ, отстоявшихъ другъ отъ друга въ незначительномъ разстояніи; одно называлось Травное; оно заросло осокой, камышомъ и занесено было пескомъ; другое, усѣянное сердоликами, называлось Акчагулъ; около него водились ящерицы и такая бездна полевыхъ мышей, что, казалось, мы вступили совершенно въ мышиное царство. Пѣшіе и конные сопутники наши разсыпались въ разныя стороны, замахали нагайками и передавили и переколотили невинныхъ звѣрковъ такое множество, что я ужь начиналъ думать, не промышляютъ ли Башкирцы торговлею этого легкаго и нетеплаго мѣха, или, по-крайней-мѣрѣ, не сбываютъ ли мышиныхъ шкурокъ на перчаточныя фабрики — ничуть не бывало: Башкирцы тѣшились только изъ одного удовольствія.

На-прощаньи съ Башкирцами, мы выспросили у нихъ о дорогѣ. Оказалось, что мы сейчасъ должны пріѣхать въ Янгильскій или Ангильскій-Отрядъ (редутъ) и оттуда перерѣзать весь Новый-Районъ поперегъ, черезъ казачьи станицы: Браиловъ, Кацбахъ, Варшаву, а тамъ дальше — какъ намъ Богъ велитъ, и такимъ-образомъ пріѣхать на Новую-Линію въ Николаевское Укрѣпленіе, на рѣкѣ Аятѣ, притокѣ Тобола.

Прошлую ночь мы провели совершенно безъ сна; нынѣшній день, за обиліемъ матеріаловъ, нельзя было и думать объ отдыхѣ; стало-быть, теперь, не ожидая ничего привлекательнаго впереди, по случаю поздняго вечера, съ спокойною совѣстью могли подкрѣпить свои силы освѣжительнымъ сномъ. Мы подозвали своего служителя и дали ему такой наказъ:

— Ты, Дмитрій, день-то-деньской славно выспался...

— Никакъ нѣтъ-съ, помилуйте! отвѣчалъ онъ, едва-глядя полусонными глазами.

— Ну, хорошо; ты кажется и теперь соснуть хочешь...

— Никакъ нѣть-съ, помилуйте сударь!

— Такъ ты не хочешь спать?

— Да, никакъ нѣтъ-съ, помилуйте! какой теперь сонъ.

— Ну, тѣмъ лучше — мы за тебя выспимся! А ты, смотри, какъ мы пріѣдемъ въ Кацбахъ, такъ ты насъ сейчасъ и разбуди: не забудешь?

— Никакъ нѣтъ-съ, помилуйте.

— А до Кацбаха ты ужь дай намъ выспаться—не тронь насъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, помилуйте, будьте благонадежны-съ!

Въ Ангильскомъ нѣчего намъ было смотрѣть, да мы, признаться, и не полюбопытствовали раскрыть глаза; мы крѣпко спали; только спустя долгое время, мы услышали, что кто-то около насъ копошится.

— Что, Кацбахъ? спросилъ я, пробудившись, но не раскрывая глазъ и не двигаясь съ мѣста.

— Никакъ нѣтъ, ваше... проговорилъ чужой голосъ, придавъ мнѣ какой-то очень-важный титулъ.

— Гдѣ же мы?

— Въ Магнитной.
— А Кацбахъ?
— Кацбаха нѣтъ-съ!
— Да гдѣ жь онъ?
— Не могимъ знать, ваше...
— А что жь тутъ есть?
— Двѣ церкви есть: каменная да деревянная.
— А, доброе дѣло! — Рѣка есть?
— Уралъ течетъ.
— А еще что?
— Гора есть, Магнитная.
— А ты, кто такой?
— Казакъ на почтовой очереди.

— А, славно, славно! проговорилъ я безсознательно, чувствуя, что сонъ меня ололѣваетъ. Мнѣ хотѣлось взглянуть на Магнитную, но я былъ не въ силахъ оторваться отъ подушки и никакъ не могъ развести глазъ. Мнѣ хотѣлось какъ-нибудь расколыхать себя; я сталъ продолжать начатый разговоръ съ казакомъ:

— Такъ это не Кацбахъ?
— Никакъ нѣтъ-съ, Магнитная.
— А ты бывалъ въ Кацбахѣ?
— Какъ не бывать-съ? бывали!
— А, славно, славно!... Такъ ты дорогу знаешь въ Кацбахъ?
— Найдемъ дорогу-съ!
— А, славно, славно!... Ну, такъ пошелъ же!... Пріѣдешь въ Кацбахъ, скажи мнѣ...

Все призамолкло; я опять заснулъ и не слыхалъ, какъ тарантасъ тронулся съ мѣста.

Сильный грохотъ нашего экипажа по какой-то звонкой мѣстности опять разбудилъ меня. Я раскрылъ глаза и увидѣлъ, что мы ѣдемъ по большому деревянному мосту. Я оглянулся — за нами было какое-то довольно-большое село.

— Эй, ямщикъ!... казакъ!... Кацбахъ, что ли?

— Городъ Верхнеуральскъ, ваше благородіе! Съ этимъ словомъ возница нашъ пріударилъ лошадокъ и онѣ еще прытче понесли насъ.

— Да какъ же это такъ... Верхнеуральскъ? Какъ же это мы, вмѣсто Кацбаха, попали въ Верхнеуральскъ? Открылось, что мы девяносто верстъ проспали, а почтовые ямщики, не получивъ никакого приказа отъ нашего Дмитрія, везли насъ себѣ преспокойно впередъ обыкновенной почтовой дорогой. Нельзя сказать, чтобъ и Дмитрій проспалъ безпробудно: онъ аккуратно разсчитывался съ ними чрезъ каждыя двѣ станціи—за одну, которую миновали, и за другую, куда везъ насъ новый ямщикъ; но онъ дѣлалъ это совершенно-безсознательно и въ просонкахъ забывалъ и Кацбахъ и все на свѣтѣ.

Въ этой части рѣки Урала, если вѣрить разсказамъ верхнеуральскихъ обитателей, рыба въ февралѣ и мартѣ дохнетъ и съ вскрытіемъ рѣки она расплывается по берегамъ. Рыба здѣсь не такая, какъ у уральскихъ казаковъ: самая важная — полупудовая щука. При-

чинъ смертности рыбы много; вопервыхъ, рыбѣ нѣтъ свободнаго прохода внизъ; вовторыхъ, мельницы чѣмъ-то виноваты, а главная причина та, что жители верхняго Урала всюду валятъ навозъ въ рѣку, хоть и не въ воду, а по берегамъ, но все-таки въ половодье навозъ расплывается и засоряетъ русло. Рыбу ловятъ мордами и вятелями. Сто лѣтъ ужь хлопочутъ о судоходствѣ по Уралу, а, кажется, вовсе нѣтъ надежды, чтобъ эта рѣка когда-нибудь могла сдѣлаться судоходною.

Вмѣсто Кацбаха, на который мы разсчитывали, мы попали въ Кассель. Это было первое поселеніе, встрѣченное нами за Старой Линіей, въ Новомъ-Районѣ, въ участкѣ бывшей Киргизской Степи, а нынѣ давно ужь обращенномъ въ Землю Оренбургскаго Казачьяго Войска, и именно съ-тѣхъ-поръ, какъ Линія сведена съ Урала и отодвинута къ востоку.

Время основанія сословія оренбургскихъ казаковъ, въ нынѣшнемъ его многочисленномъ объемѣ, относится къ настоящей эпохѣ, а самое начало его не восходитъ далѣе второй четверти прошлаго столѣтія. Войско это, стало-быть, еще очень-юно; но, благодаря его существованію, миръ, тишина и спокойствіе царствуютъ ненарушимо въ такъ-называемыхъ — выражаясь высокимъ слогомъ — дикихъ ордахъ зауральскихъ хищниковъ. Много трудовъ и много хлопотъ стоило достославному казачеству нашему довести этихъ хищниковъ до такого блистательнаго результата. Вотъ эпизодъ изъ древней исторіи прежнихъ сшибокъ нашихъ казаковъ съ Хазаками (Киргизами).

Губерлинскія Горы славились полнымъ удобствомъ для удачныхъ набѣговъ Киргизовъ на русскія селенія; тамъ горы безъ лѣсовъ. Извѣстно, что гдѣ лѣсъ, тамъ лошадь «не играетъ»—казаку погарцовать и негдѣ. Однажды партія киргизскихъ хищниковъ напала на нашихъ. Двадцать-пять человѣкъ казаковъ бросились ихъ преслѣдовать, но Киргизы, увидѣвъ русскіе стволы, повернули направо-кругомъ — и были таковы! Слѣды скрали, а лошадей угнали. Погоня длилась двои сутки. Наконецъ наши молодцы, усталые, полуголодные, на изморенныхъ лошадяхъ, добрались до какой-то рѣчки и ужь тутъ настигли притаившихся въ камышахъ хищниковъ. Тѣ въ-разсыпную и прямо въ воду. Казаки за ними. Въ рѣкѣ завязалась рукопашная. Казаки осилили. Двое витязей обратили тутъ на себя общее вниманіе— старый урядникъ и киргизскій батырь: долго оба боролись, барахтаясь въ водѣ. Они рубили другъ друга, кололи, топили, грызли, двадцать разъ ныряли на дно, и двадцать разъ снова схватывались съ полнымъ ожесточеніемъ. Наконецъ, Русскій скрутилъ Киргиза и на арканѣ поволокъ его въ плѣнъ.

За набѣгъ Киргизы, разумѣется, были наказаны, по закону. Когда все было ужь кончено, побѣжденный батырь явился въ судъ съ жалобой на стараго урядника.

— А-а, русскій законъ! Совсѣмъ, батышка, бѣда ево, эта русской законъ!... Ево, батышка, бульна, бульна строгая! Казакамъ-то ево уши кусить не давалъ, батышка, русскій законъ!

Такъ началъ начальству жалобу свою на русскаго, киргизскій ба-

тырь, доказывая, что законъ велитъ воину преслѣдовать хищника, но велитъ ему въ самомъ преслѣдованіи соблюдать извѣстныя условія человѣколюбія; а урядникъ поступилъ нечеловѣколюбиво: онъ у Киргиза ухо отнялъ.

Завязалось дѣло; пошло слѣдствіе, и урядникъ на допросѣ отозвался сперва запамятованьемъ, а потомъ чистосердечно сознался, что теперь точно, онъ вотъ что̀ припомнилъ: Киргизъ въ водѣ подставлялъ ему подножку, сшибалъ его съ ногъ, щипалъ его, грызъ ему плечо и силился утопить; онъ же, съ своей стороны, стараясь невѣсткѣ сдѣлать отмѣстку, самъ не упускалъ случая удружить Киргизу; но когда тотъ сталъ ужь сильно его притѣснять и мучить, то, сохраняя свою жизнь, онъ, для собственнаго спасенія, вынужденнымъ нашелся ухватиться, но не руками, а зубами, за ухо своего врага. Теперь же онъ только одного обстоятельства не помнитъ, именно, что̀ онъ въ-попыхахъ, или съ горяча, съ этимъ ухомъ сдѣлалъ — съѣлъ ли его, въ-самомъ-дѣлѣ, или выплюнулъ въ воду?

За храбрость урядникъ былъ награжденъ, а за отгрызенное ухо ему сдѣлано увѣщаніе. Ужь сколько десятковъ лѣтъ прошло этому происшествію, а память о немъ все еще живетъ въ преданіи. И теперь, если вздумается постороннему человѣку спросить казака:

— А что̀, братъ-казакъ, по добру ли, по здорову въ степь сходилъ? Казакъ отвѣтитъ:

— Э-эхъ, ваше благородіе, вишь нынѣче времена какія! съ Киргизами «коммиссія»! съ ней и за ухо не раздѣлаешься!.. Живи, говорятъ смирно!

Въ новый составъ Оренбургскаго Казачьяго Войска вошли старые казаки и поступили новые охотники изъ разныхъ племенъ; тутъ больше Русскихъ, но есть и Калмыки, есть и Татары разныхъ наименованій, Лашманные, которые несли повинность рубки корабельнаго лѣса, Чемоданные, повинность которыхъ состояла въ возкѣ почты и, между-прочими, есть такъ-называемые крещеные Татары. Вотъ этихъ-то послѣднихъ я и встрѣтилъ въ Касселѣ.

Хозяйка, у которой мы теперь пристали, называлась тоже крещеною Татаркой. Она была еще дѣвица; отъ-роду ей было лѣтъ четырнадцать, или пятнадцать. Порусски она не знала ни полслова; одѣта была въ какую-то смѣсь русскаго съ татарскимъ: на ней была красная кумачная, на холстинной подкладкѣ рубаха съ фалбалами изъ узенькой черной и широкой синей каймы, узенькій стоячій воротникъ и длинные широкіе рукава съ русскими ластовицами. Сверхъ русскихъ лаптей, выглядывали татарскіе туманы; надѣтъ татарскій камзолъ, отороченный позументомъ, а сверхъ него русскій короткій передникъ. На головѣ русская же низенькая, спереди двурогая кичка; а серьги въ ушахъ татарскія. На жердочкахъ у кровати висѣли ситцевый халатъ и овчинная шуба, крытая плисомъ.

Мужчины-казаки, внѣ службы, вообще ходятъ въ хивинскихъ и бухарскихъ халатахъ, по поясъ засунутыхъ въ козловыя шальвары, и въ форменной фуражкѣ; рубахи у всѣхъ обыкновенныя солдатскія, а не крестьянскія и не татарскія. Порусски говорятъ хорошо.

Если войдти къ исправному крещеному Татарину въ домъ, то въ немъ вотъ что̀ можно замѣтить:

Входъ бываетъ съ низенькаго крылечка; оно ведетъ въ сѣни. Тутъ, у входа въ комнату, стоитъ оловянный кумганъ и виситъ полотенцо. Сѣни довольно-обширны; въ нихъ стѣна противъ дверей забрана досками и раздѣлена на нѣсколько, на два или на три отдѣльные чуланчика, для храненія домашнихъ мелочей. По обѣимъ другимъ стѣнамъ развѣшано, содержимое въ порядкѣ, полное казачье оружіе и конская сбруя и упряжь. Двери изъ сѣней ведутъ направо въ «горницу», налѣво — въ избу. Въ обѣихъ, противъ входныхъ дверей, по два окошка во дворъ, въ остальныхъ двухъ стѣнахъ по одному, во дворъ и на улицу.

При входѣ въ «горницу», налѣво въ переднемъ углу, развѣшены святые образа̀, подъ которыми подклеенъ единственный кусочекъ бумажныхъ обоевъ; около образо̀въ два-три чистыя полотенца; подъ образа̀ми стоитъ столъ, покрытый чистою скатертью. По обѣимъ тянущимся отсюда стѣнамъ стоятъ, по русскому обычаю, лавки, покрытыя татарскими кошмами. На стѣнѣ противъ входа, надъ лавками, виситъ зеркальцо, а кругомъ, на лавкахъ — сундуки разнаго сорта съ украшеніями изъ жести. Во второмъ, соотвѣтственномъ переднему углу, стоитъ кровать съ войлоками, пуховикомъ, съ синей подушкой и съ пестрымъ одѣяломъ; передъ кроватью, на жердочкѣ, развѣшано разное платье. Близь кровати, въ углу, «лазня», подвалъ. Въ ногахъ кровати, въ заднемъ углу одиноко стоитъ, не прислоняясь къ стѣнѣ, чисто-выбѣленная голландская печь. Между печью и задней стѣной горницы оставляется темненькій промежутокъ, называемый «бульбясъ»; онъ предназначается для разныхъ разностей и застѣпляется занавѣской.

Въ избѣ, въ переднемъ углу, «святые», подъ ними столъ, а посереди его, по русскому обычаю, солонка. Въ противоположномъ углу огромная русская печь; кругомъ избы татарскія на̀ры; сверху русскія полати.

Во дворѣ, прямо противъ дома, лѣтняя кухня; по бокамъ ея два амбара; направо колодецъ, за нимъ небольшая домашняя мельница съ коннымъ приводомъ; за мельницей баня, а налѣво конюшня, хлѣвъ и теплые «базы» для зимняго содержанія овецъ. Кругомъ двора навѣсы, а подъ ними телеги и крестьянскіе тарантасы. Позади двора огородъ и большой загонъ для скота.

Въ степи, которую я теперь переѣзжалъ, есть мѣста, покрытыя лѣсомъ, есть и безлѣсныя мѣстности, есть обширныя пространства черноземy, а есть и голые солонцы; но вообще земля богатая. Лѣса раздѣлены на станичные и на войсковые; войсковые лѣса еще остались, но станичные всѣ покончены; осталась только мелкая береза.

За Касселемъ мнѣ пришлось проѣзжать черезъ Арси, Фершампенуазъ, хорошенькую станицу Парижъ и довольно-обширное селеніе Великопетровское. Обитатели этихъ мѣстъ, преимущественно Калмыки и Ногайбаки, горько жаловались, что у нихъ три года сряду побиваетъ градомъ хлѣба̀; прежде, бывало, они возами возили хлѣбъ въ

Троицкъ и выручали хорошія деньги, а теперь сами дорогой цѣной покупаютъ хлѣбъ въ Троицѣ, почти за полтораста верстъ.

Калмыки пришли сюда въ 1843 году съ Волги, гдѣ составляли особое войско, называвшееся по городу Ставрополю (Самарской Губерніи) Ставропольскимъ Калмыцкимъ Войскомъ. Нынѣ оно уже не существуетъ. Калмыки эти крещены; но они все-еще усердные буддисты. У нихъ давно введено христіанство, давно уничтожено раздѣленіе народа на владѣльцевъ, зайсанговъ и подвластныхъ, давно введено равенство обращеніемъ ихъ въ казаки; но народъ, котораго вся жизнь сроднилась съ идеею о подвластности зайсангамъ и о раболѣпствѣ предъ гелюнгами, долго не переставалъ въ своей братьѣ-казакахъ находить и нойоновъ, и жрецовъ, и зайсанговъ. Калмыки эти теперь очень-бѣдны; живутъ они въ кибиткахъ, но у всѣхъ построены и домы, больше для вида, да развѣ для лишняго тепла на зиму. Бѣдность ихъ проявляется во всемъ, но главнѣйше въ отсутствіи скота; а крайность не довела еще ихъ до необходимости приняться за земледѣліе. Киргизы страхъ какъ боятся Калмыковъ, вѣря сказкамъ, будто Калмыки ѣдятъ человѣческое мясо.

Ногайбаки—крещеные Татары, переселенные въ Киргизскую Степь изъ Белебеевскаго Уѣзда, гдѣ еще въ старые годы они населяли Ногайбацкій Округъ, названный такъ по Ногайбацкой Крѣпости, и составляли особый родъ служилыхъ Татаръ. Когда я былъ въ Астрахани, тамошніе мои знакомцы изъ юртовскихъ и изъ кундровскихъ Татаръ передали мнѣ преданіе, что нѣсколько семей Ногаевъ бѣлой кости, или бековъ, поссорившись съ своими родичами, откочевали отъ устьевъ Волги въ Нарын-Пески, оттуда степями лѣваго берега Волги достигли до Кинели и потомъ перешли за рѣку Икъ, гдѣ и поселились; поэтому они доселѣ называютъ себя «шабрами» Башкирцовъ. Сельбище ихъ и названо поэтому Ногайбакомъ, обитатели котораго, расплодившись и усилившись въ числѣ другими сходцами, тоже мухаммеданами, платили правительству нашему ясакъ; но ясакъ этотъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ былъ съ нихъ, за разныя услуги, снятъ и Ногайбакамъ дано дозволеніе нести, вмѣсто того, казачью службу. Село Ногайбаково и нынѣ существуетъ въ Белебеевскомъ Уѣздѣ, близъ озера Акайкулъ, а въ 55 верстахъ оттуда есть село Бакали, часть обитателей котораго, вмѣстѣ съ частью обитателей Ногайбака, разселены по Новому Району. Мужчины-Ногайбаки и Бакали, почти всѣ, очень-хорошо говорятъ порусски; но женщины всѣ остаются Татарками, какъ по языку, такъ и по костюму и по образу жизни.

Изъ Великопетровской надо было ѣхать въ Кулевчи: этотъ перегонъ составляетъ верстъ девяносто. Подрядившійся везти насъ казакъ не хвастался лошадьми; они и съ виду-то были не казисты, но, выбѣжавъ безъ отдыха въ одинъ конецъ девяносто верстъ съ грузнымъ тарантасомъ впродолженіе восьми часовъ, они, какъ-нельзя-лучше доказали старую истину, что наружность иногда обманчива бываетъ. Полдороги до опушки когда-то огромнаго лѣса «Джабик-Карагай», или до верховья Аята, ѣхали мы прекраснымъ, но совершенно-пустыннымъ

мѣстоположеніемъ. Только насъ и веселило, что мы мѣстами встрѣчали ели и стройныя сосны. Куликовъ здѣсь видимо-невидимо; ихъ пиканье громко раздавалось въ мертвой тиши по степи. На западѣ, тотчасъ послѣ солнечнаго заката, явилась не багровая, а совершенно-пунцовая полоса свѣта; время-отъ-времени она становилась все туманнѣе и блѣднѣе и наконецъ весь горизонтъ въ обѣ стороны озарился какимъ-то какъ-будто блѣдно-золотистымъ сіяніемъ, опредѣлить которое я не умѣю. Переливы этого свѣта, еле-мерцающія звѣздочки надъ головой, зелень степи, погруженной въ таинственный полумракъ—все это такъ заняло мое лѣнивое воображеніе, что я и не замѣтилъ, что мы давно стоимъ на одномъ мѣстѣ, не двигаясь впередъ.

— А что̀, батюшка, которой, то-есть, доро̀ги намъ держаться? спросилъ меня ямщикъ.

— Ступай на Кулевчи!

— Да этто, батюшка вы мой, дорога-то на двое дѣлится: такъ я и не знаю, направо ли взять, али налѣво?

— Да возьми въ которую-нибудь!

— Не попасть бы намъ, батюшка, не туда, куда надо! Одна-то дорога, я знаю, идетъ въ Кулехчи, а другая, стало-быть, во Владиміровку; а которая изъ нихъ эта, и которая та — я и не придумаю... Вы, батюшка, то-есть, не знаете-съ?

— Я здѣсь не бывалъ...

— А я и бывалъ, года четыре назадъ, ѣздили мы съ молодцомъ въ Миколаевку... да что̀ ты станешь дѣлать! теперь не помню!.. Какъ же быть, батюшка — ась?

— Да возьми наугадъ въ праву руку.

— Да пожалуй, отчего не взять въ праву руку... оно, наугадъ, можно, только чтобы того... не попасть куда не надо...

— Ну, бери влѣво.

— Ну, влѣво такъ влѣво! По-мнѣ какъ прикажете-съ; возьмемъ и влѣво... мнѣ што̀? на то воля ваша-съ! Коли влѣво, батюшка, прикажете-съ, мы и влѣво поѣдемъ, да чтобъ намъ не махнуть куда-нибудь въ сторону.

— Боишься вправо, боишься влѣво, бери по серединѣ!

— Какъ, батюшка, по серединѣ! Я не боюсь дороги; чего мнѣ бояться? Возьмемъ и вправо, а не то и влѣво можно... по мнѣ какъ прикажете... на то есть воля ваша-съ.

— Ну, айда̀ вправо и конча̀лъ базаръ! отвѣтилъ я на башкирскій манеръ.

Отправившись наудачу, мы замѣтили огонёкъ въ лѣсу, поѣхали на него и были окликнуты передовыми съ временнаго форпоста. Передовые указали намъ настоящую дорогу и мы, съ разсвѣтомъ прибывъ въ Кулевчи, въ восемь часовъ утра въ самый троицынъ-день пріѣхали въ Николаевское Укрѣпленіе, въ которомъ съ перваго раза пріятно поражаетъ взоры прекрасная, изящной архитектуры, каменная православная церковь, выстроенная въ родѣ цитадели и обнесенная высокою каменною стѣной, съ наугольными башнями.

Въ Николаевскомъ, какъ и въ каждомъ возникающемъ городкѣ, центръ поселенія носитъ названіе города, отдѣленнаго отъ форштата такой невысокой стѣной, что ее въ иныхъ мѣстахъ перешагнуть можно. Жители центральной части называютъ себя горожанами, а прочихъ — фурштатскими.

Мы остановились у одной «горожанки», у молоденькой, высокой, здоровенькой и весьма-пригожей урядничихи, Катерины Андревны.

Катерина Андревна очень интересовалась знать, откуда и кто мы такіе.

— Такъ, матушка, проѣзжіе, сами-по-себѣ!.. Велите-ка намъ самоваръ поставить! сказалъ я, желая поскорѣй отъ нея отдѣлаться.

— Аль вы изъ Троицкаго катите?

— Нѣтъ, не изъ Троицка; мы издалече!

— То-то я смотрю, платье у васъ этакое хорошее... неужто, думаю, уфимскіе? неужто заправду губернскіе чиновники... Вы съ Уфы ѣдете?

— Нѣтъ, матушка, Катерина Андревна, не изъ Уфы ..

— Да у васъ что-то все больно, того, хорошо... и тарантасъ какой важный... Ну, вѣрно вы изъ Уфы... скажите!

— Не изъ Уфы, Катерина Андревна, подымай выше!

— Ужь будто и съ Оренбурга! воскликнула хозяйка съ изумленіемъ.

— Какъ бы не такъ, изъ Оренбурга! выше поднимай!

— Что вы, Христосъ съ вами! да неужто вы и взаправду казанскіе?

— Поднимай выше!

— Аль съ Нижняго?

— Выше, Катерина Андревна, еще выше!

— Да полноте же вы меня пугать... Нѣшто въ-самомъ-дѣлѣ вы московскіе бояре?

— Бояре не бояре, а поважнѣе Москвы жительство имѣемъ, шутливо замѣтилъ я, стараясь узнать, какой эффектъ произведутъ мои слова на добродушную урядничиху. Она и руки опустила, пораженная внезапною мыслью и быстро устремила на насъ заблиставшіе радостью глаза.

— Ахъ, Господи, ахъ, божиньки мои, да не-уже-ли жь мои гости дорогіе—петербургскіе? Да полноте вы меня дурачить... да я, право, не знаю... да нѣтъ, быть не можетъ! Эко счастье Богъ послалъ!... Вы взаправду петербургскіе?

— Петербургскіе, петербургскіе!.. Да для васъ-то развѣ не все-равно?

— Какъ можно все-равно! что вы это!.. все-равно!.. да я этакой радости въ вѣкъ не забуду... Эй, Исетка, давай самоваръ; Фатимка, вынимай жарко изъ печки, да поди, сбѣгай, сливочекъ густенькихъ принеси сюда, густенькихъ, скорѣй... А я-то, дура этакая... пойдти скорѣй платье другое надѣть.

— Что это, Катерина Андревна, никакъ на васъ въ-самомъ-дѣлѣ для праздника и сарафана порядочнаго еще не надѣто...

— Помилуйте-съ, что вы это? за кого вы насъ почитаете? Мы не

какіе-нибудь, мы тоже горожанки, понимаемъ тоже, какъ есть дѣло.. Къ-чему же намъ сарафаниться? Съумѣемъ ходить не хуже-съ людей-съ.

Битые два часа Катерина Андревна трудилась выказать намъ всѣ богатства своей неистощимой любезности; чрезвычайно-мило кокетничала, жеманилась, строила глазки, разумѣется, все это дѣлалось по инстинкту, безъ обдуманнаго разсчета заполонить наши сердца... Катерина Андревна сіяла радостью; внутреннее довольство собой и цѣлымъ міромъ написано было во всѣхъ чертахъ ея свѣженькаго личика... но, увы! два часа — слишкомъ-быстротечный мигъ для такихъ радостей: мы торопились къ Киргизамъ.

— Да чего вы у нихъ не видали-то?.. стоютъ того Киргизы! А вотъ вы у насъ прогостили бы денёчекъ-другой, дѣло-то бы и лучше вышло .. Не торопитесь, останьтесь еще... ну, хоть часочекъ!...

— Пора, пора, Катерина Андревна...

XII.

Киргизы.

Поѣздкой въ Киргизскую Степь оканчивается первая часть странствованія, предпринятаго мною съ цѣлью собранія свѣдѣній о внѣшней нашей торговлѣ съ нѣкоторыми владѣніями Азіи. Впрочемъ, въ настоящихъ «Разсказахъ», имѣющихъ предметомъ только легкій очеркъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ мое путешествіе, я не вхожу и не входилъ въ разрѣшенія вопросовъ, касающихся спеціальнаго моего занятія: этому предмету посвятилъ я отдѣльный трудъ. Здѣсь же я ограничивался только краткими промышленными, статистическими и этнографическими замѣтками и очерками, по убѣжденію моему, могущими служить для читателя пособіемъ къ лучшему ознакомленію съ мѣстностями, чрезъ которыя доводилось мнѣ проѣзжать. Какъ ни сухи должны казаться для многихъ эти преднамѣренныя отступленія отъ простой и безъискусственной передачи дорожныхъ встрѣчъ, впечатлѣній и бѣглыхъ замѣтокъ о видѣнномъ и слышанномъ, однакожь, такой же системы намѣренъ я держаться и въ будущемъ времени, когда доведется мнѣ говорить о переѣздѣ изъ Троицка въ Оренбургъ, о поѣздкѣ по Уралу, о пребываніи въ Астрахани и о плаваніи оттуда по Волгѣ вплоть до Нижняго Новгорода, въ которомъ обозрѣніе знаменитой ярмарки, такъ-сказать, завершило цѣль моего наглядnаго знакомства съ нѣкоторыми областями Россіи. Я не желаю, да и не смѣю разсчитывать на исключительно-литературные успѣхи бесѣдъ, которыя имѣлъ честь вести съ читателями; но для меня особенную цѣну должно имѣть сознаніе, что время, употребленное мною на разъѣзды по Россіи, не убито понапрасну, что сообщаемые мною плоды моей наблюдательности не лишены положительнаго интереса новизны для публики, и что вообще писательскіе труды мои приносятъ наукѣ хоть и малую, но существенную пользу.

Киргизская Степь, по смыслу закона, составляетъ, какъ извѣстно, особую область имперіи. Она начинается съ восточныхъ прибрежій Каспійскаго Моря. Начиная отъ Гурьева-городка, она ограничивается сначала рѣкою Ураломъ вплоть до Илецкаго-Городка, далѣе межа эта идетъ по рѣкѣ Илеку, потомъ по Бердянкѣ до впаденія этой рѣчки въ Уралъ, потомъ опять по рѣкѣ Уралу вплоть до Орской-крѣпости, а оттуда по нижней части рѣки Ори; затѣмъ, перерѣзывая вершины притоковъ Тобола, тянется по Тогузаку, протоку рѣки Уй, потомъ по Ую, притоку Тобола, потомъ по самому Тоболу до крѣпости Звѣриноголовской и еще нѣсколько далѣе. Отъ впаденія рѣчки Алабуги въ Тоболъ, межа эта идетъ разными урочищами вплоть до Омска и далѣе идетъ по ту сторону рѣки Иртыша, параллельно его теченію вплоть до озера (норъ) Зайсана. Отъ Зайсана начинается «граница»: направляясь къ югу и, проходя въ сосѣдствѣ городовъ Чугучака, Ак-Кента и Кульджи, она доходитъ до озера (куль) Иссыкъ; отсюда, окаймляя собою всѣ вершины рѣкъ, вливающихся въ русское озеро (денгизъ) Балхашъ, выходитъ на рѣку Чу и идетъ по немъ до Теле-Куля (озера Телѐ); отсюда переходитъ она на рѣку (дарья) Сыръ къ бывшей коканской-крѣпостцѣ Ак-мечеть и, начиная съ этого русскаго форта, тянется по Сыру вплоть до Аральскаго Моря. Такимъ-образомъ рѣки Чу и Сыръ составляютъ южную русскую границу въ этой части Азіи. Отъ моря Аральскаго до моря Каспійскаго граница имперіи неопредѣлена положительно: по географическому положенію этой части степи, топографически еще неизслѣдованной, она должна огибать юговосточные спуски Усть-Урта и отсюда выходить на рѣку Атрекъ, составляющую живую границу нашу съ Персіей.

Если провести умственную линію отъ устья рѣчки Алабуги до бывшей крѣпостцы Ак-мечеть такимъ образомъ, чтобъ она шла сначала по рѣкѣ Убагану и, оставивъ на востокъ отъ себя верхнее теченіе рѣки Ишима, а на западъ — притоки Тургая, направилась по нижнему теченію рѣки Сары-су, то эта умственная линія раздѣлитъ всю Киргизскую Степь на двѣ части. такъ-сказать, на двѣ огромныя по пространству губерніи, западную и восточную, какъ показано это и въ обнародованныхъ въ послѣднее время правительствомъ географическихъ картахъ, изъ которыхъ мы и заимствовали приведенныя выше указанія.

Эти двѣ части степи составляютъ двѣ особыя области: Западная часть называется Степью Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, Восточная — Степью Киргизовъ Сибирскаго вѣдомства. Есть люди, которые не довольствуются этимъ законнымъ названіемъ и, вѣроятно, по пристрастію къ высокому слогу, называютъ первую Малою Ордою, послѣднюю — Среднею Ордою. Названія эти дѣйствительно когда-то существовали, но употреблять ихъ теперь, когда ни Малой ни Средней Ордъ давнымъ-давно не существуетъ, было бы неизвинительнымъ анахронизмомъ. Слово «орда», означающее у кочевыхъ племенъ просто «ставку», или «главную ставку» народнаго вождя, а у нашего простолюдья имѣющее значеніе всякаго кочеваго народа и бродячей шайки, на оффиціальномъ языкѣ предполагаетъ само-

стоятельное существованіе людnаго кочеваго общества подъ единою властью правителя, именующагося ханомъ. Но киргизскихъ хановъ давнымъ-давно въ Россіи уже не существуетъ; Киргизы болѣе ста лѣтъ не управляются собственными самостоятельными предводителями: подвѣдомственные оренбургскому начальству. Киргизы, наравнѣ съ другими мѣстными инородцами, состоятъ въ завѣдываніи оренбургскаго генерал-губернатора; сибирскіе же Киргизы управляются генерал-губернаторомъ Западной Сибири; и тѣ и другіе состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ русскихъ чиновниковъ, и тѣ и другіе давно ужь отчасти перемѣшались родами такимъ-образомъ, что поколѣнія, принадлежащія къ семьѣ племенъ, изъ которыхъ сплотилась такъ-называвшаяся Средняя Орда, перемѣшались между поколѣніями, принадлежащими къ семьѣ племенъ, изъ которыхъ сплотилась такъ-называвшаяся Малая Орда, они такъ выклинились и вросли одни въ другія, что естественнаго разграниченія между ними теперь быть ужь не можетъ: стало-быть, и употреблять теперь для нынѣшнихъ Киргизовъ эти, долженствующія выйдти изъ употребленія, названія нѣтъ никакого основанія.

Есть еще третье отдѣленіе Киргизовъ, именно тѣхъ, которые разобщены съ остальною массой своихъ единоплеменниковъ и кочуютъ въ Нарынъ-Пескахъ, между рѣками Волгой и Ураломъ, отъ Элтонскаго Озера до каспійскихъ прибрежій; это именно Киргизы Внутренней Орды: у нихъ дѣйствительно, еще на нашей памяти, существовалъ утвержденный Высочайшею властью титулъ хана; но это ханское званіе было только титулярное, а потому оно, какъ послѣдній остатокъ азіатизма, со смертью хана Джангера навсегда уничтожено и во внутренней Ордѣ, какъ уничтожено оно было еще прежде въ Ордахъ Малой и Средней.

Система управленія всѣми Киргизами различна, вслѣдствіе историческихъ причинъ. Киргизы Внутренней Орды управляются, въ зависимости отъ оренбургской пограничной коммиссіи, особымъ Совѣтомъ; всѣ члены его служатъ отъ короны и одинъ изъ нихъ, изъ природныхъ русскихъ чиновниковъ, засѣдаетъ со стороны министерства Государственныхъ Имуществъ.

Сибирскіе Киргизы раздѣлены на округи и администрація ими сосредоточивается въ такъ-называемыхъ окружныхъ Приказахъ; округъ раздѣляется на волости, а волости на аулы. Но про сибирскихъ Киргизовъ, у которыхъ сами мы не бывали, мы и не станемъ здѣсь ничего говорить; прибавимъ только, для полноты обзора, нѣсколько словъ о такъ-называемой Большой Ордѣ. Большая Орда, Большая Сотня, Улу-джузъ, какъ и всѣ Киргизы, естественно находятся подъ властью Россіи; но китайское правительство считаетъ ихъ своими подданными. Главные китайскіе правители областей знаютъ, что это не правда; но что же будешь толковать противъ серединнаго правительства? Поэтому кульджинскій джан-джунъ, пожалуй, военный губернаторъ, и дѣлаетъ вычетъ изъ жалованья всѣхъ своихъ подчиненныхъ и отсылаетъ эти деньги въ Пекинъ при донесеніи, что это, дескать, собрано съ Киргизовъ Большой Орды.

*

Степь Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства, еще въ 1825 году, раздѣлена на три части; теперь этихъ частей должно быть четыре: западная, средняя, восточная и четвертая. Западная часть занимаетъ пространство между рѣками Ураломъ, Хобдой и Эмбой; восточная тянется на извѣстную ширину, отъ сѣвера къ югу начиная съ рѣки Уя до бывшей крѣпостцы Акмечети; средняя часть лежитъ между этими двумя крайними частями и простирается къ югу вплоть до Аральскаго Моря; четвертая часть включаетъ въ себѣ весь Усть-уртъ и пространства, лежащія между нимъ, рѣкою Эмбой и восточными прибрежьями Каспійскаго Моря.

Киргизами каждой такой части управляетъ начальственное лицо, утверждаемое, по представленію главнаго оренбургскаго начальства, Высочайшею властью. Лицо это всегда избирается изъ состоящихъ на государственной службѣ природныхъ Киргизовъ султанской породы, то-есть людей благорожденныхъ, потомковъ Чингис-Хана, и носитъ званіе султана-правителя. Такихъ султановъ-правителей, въ мою бытность въ степи, было только трое; должность правителей четвертой части была вакантною. Есть еще одно административное лицо, управляющее особымъ отдѣломъ Киргизовъ, это именно «попечитель» прилинейныхъ Киргизовъ, по случаю обѣднѣнія въ стадахъ, вышедшихъ изъ глубины степей, приселившихся къ русскимъ станицамъ, въ которыхъ добываютъ они хлѣбъ разными заработками и личными услугами въ качествѣ работниковъ и пастуховъ, или подкочевавшихъ къ линіи съ намѣреніемъ заняться какимъ-нибудь сподручнымъ промысломъ. Въ попечители прилинейныхъ Киргизовъ избираются малыхъ чиновъ гражданскіе чиновники изъ природныхъ русскихъ. Въ градаціи административныхъ должностей, должность такого попечителя стоитъ гораздо-ниже должности султана-правителя.

Каждый султанъ-правитель титулуется или оффиціальнымъ своимъ, принадлежащимъ ему, по носимому имъ военному чину, титуломъ, или чествуется, вслѣдствіе давняго обычая, кореннымъ русскимъ привѣтствіемъ—«ваше высокостепенство»: этотъ титулъ придается и хивинскому хану. Султанъ-правитель состоитъ на жалованьѣ и, кромѣ денежнаго оклада, получаетъ еще окладъ хлѣбный, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ четвертей хлѣба въ годъ. Онъ управляетъ своими подчиненными при пособіи извѣстнаго числа помощниковъ изъ султановъ же, или и изъ біевъ—почетныхъ въ народѣ людей изъ простолюдья, изъ «чорной кости». Каждая часть степи, то-есть всѣ подчиненные каждаго султана-правителя, раздѣляются на дистанціи, управляемыя дистаночнымъ начальникомъ изъ біевъ а каждая дистанція, состоитъ изъ нѣсколькихъ ауловъ, отдѣльныхъ кочевныхъ стойбищъ, подвижной деревушки, находящейся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ аульнаго старшины, старосты, «ак-сакала», слово-въ-слово «бѣлой бороды».

Пространства степи (оренбургскаго вѣдомства), занимаемыя западною и четвертою частями, лежатъ по направленію караванныхъ дорогъ въ Хиву; земля восточной части—по направленію къ Бухарѣ; средняя часть лежитъ между ними и границами своими опирается на сѣвер-

ныя прибрежья Аральскаго Моря и низовья Сыра. Это географическое положеніе страны имѣетъ свое вліяніе на характеръ Киргизовъ и очень-естественнымъ образомъ отражается въ ихъ образѣ жизни въ различныхъ явленіяхъ.

Западная и четвертая части находятся, такъ-сказать, подъ вліяніемъ хивинской цивилизаціи, хоть слово цивилизація рѣшительно не можетъ имѣть здѣсь примѣненія: гораздо вѣрнѣе будетъ, если я скажу, что они находятся подъ вліяніемъ хивинизма; восточная часть, вслѣдствіе тѣхъ же географическихъ причинъ, находится подъ вліяніемъ бухаризма, а средняя составляетъ какъ-бы переходъ отъ западной къ восточной. Можетъ-быть, я выразился несовсѣмъ-ясно и потому объяснюсь проще.

Вліяніе Хивы выразилось на Киргизахъ западной части тѣмъ, что эти Киргизы обладаютъ тою же суровостью и мрачностью характера, которыя составляютъ принадлежность Хивинцевъ, тою же необщительностью, загрубѣлостью, дикарствомъ и жесткостью, которыя составляютъ характеристическія черты обитателей Ховарезма; у Киргизовъ этой части одинакова съ Хивинцами наклонность къ хищничеству, одинаковы и другія стороны быта; вліяніе Хивы выразилось даже въ одинаковости вкусовъ въ домашней жизни, выразилось даже въ пристрастіи къ извѣстнымъ цвѣтамъ народной одежды: темныхъ цвѣтовъ сукна, темныхъ цвѣтовъ ситцы, иногда и узорчатые, но не яркихъ цвѣтовъ и болѣе полосатые, чѣмъ пестрые.

У Киргизовъ восточной части мы замѣчаемъ совершенно-другое: пестроту и яркость цвѣтовъ въ одеждѣ, щеголеватость, свѣтлый взглядъ, общительность, радушіе, веселость, миролюбіе, вѣжливость, услужливость, наклонность къ удовлетворенію любознательности, воинственность безъ хищничества и другія того же рода положительныя достоинства, усвоенныя здѣшними Киргизами, вслѣдствіе частыхъ торговыхъ сообщеній съ обитателями бухарскаго владѣнія, которое, несмотря на всю отдаленность своихъ началъ общественной жизни отъ тѣхъ, къ которымъ мы привыкли въ Европѣ, все-таки стоитъ неизмѣримо выше, чѣмъ владѣніе хивинское. Въ этомъ-то смыслѣ различія степеней восточнаго дикарства, Бухару весьма-справедливо называютъ Аѳинами Средней Азіи, хоть въ самомъ примѣненіи названія Аѳинъ къ Бухарѣ скрывается ужь ѣдкій сарказмъ.

Понявъ это различіе, усвоивъ его себѣ, проникнувшись сознаніемъ причинъ его произведшихъ, прослѣдивъ нить мыслей, ведущихъ насъ чрезъ всю массу вопросовъ, загромождающихъ проникновеніе истины, и распутавъ узлы, связывающіе разнообразныя задачи о постепенномъ ходѣ впередъ, нельзя не прійдти къ убѣжденію въ великости, въ міровомъ значеніи торговли и въ той истинѣ, что только при посредствѣ ея разливается въ народѣ миръ, спокойствіе, довольство, а за нимъ и просвѣщеніе. Первый двигатель тутъ — торговля; все остальное — только ея естественныя послѣдствія... Но обратимся къ Киргизамъ.

Мы сдѣлали раздѣленіе Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства по длинѣ степи, по направленію отъ запада къ востоку; для полноты взгля-

да нужно произвести имъ еще новое дѣленіе по ширинѣ степи. Разумѣется, дѣленіе это произвольное, но мнѣ кажется, что оно прояснитъ новую сторону предмета. Мы разлѣлимъ Киргизовъ, вопервыхъ, на обитающихъ близь сѣверныхъ окраинъ степи, или на прилинейныхъ, вовторыхъ, на кочующихъ близь границъ имперіи, и втретьихъ, на занимающихъ среднія полосы степи.

Прилинейные Киргизы, отъ близкаго сосѣдства съ русскими казачьими селеніями, день-ото-дня все больше и больше усвоиваютъ себѣ начала нашей общественной жизни и, подвергаясь вліянію русской цивилизаціи, постепенно русѣютъ. Результатъ прекрасный, весьма-хорошо чувствуемый и самими Киргизами. Одно только жаль, что къ ближайшей подкочевкѣ къ Линіи руководитъ ихъ не исключительное желаніе усвоить себѣ плоды русскаго просвѣщенія, а одна лишь нужда, крайняя нищета и необходимость заработать насущный кусокъ хлѣба у Русскихъ. Киргизъ обѣднѣетъ въ степи, потеряетъ лошадей въ барантѣ, или лишится барановъ въ непогодье: что жь ему остается дѣлать? Или нищенствовать между своей братьей, или подкочевать къ Линіи и работать на Русскихъ, честнымъ образомъ наживая копейку.

Богатый Киргизъ не станетъ кочевать близь Линіи, вслѣдствіе топографическихъ условій. Богатымъ Киргизъ бываетъ тогда, когда у него много домашняго скота; скотъ этотъ надо кормить, пасти его по привольнымъ лугамъ, занимать этими пастбищами обширныя пространства: близь Линіи почти каждый удобный клочокъ земли дорогъ; на клочкахъ этихъ, занятыхъ множествомъ бѣдняковъ, толпятся тѣсными отарами ихъ бараны и, истравляя степь, едва-едва бываютъ сыты. Богатый Киргизъ очень-хорошо это понимаетъ и, очень-естественно, безисходно кочуетъ въ среднихъ полосахъ степи.

У кого мало скота, тому нечего бояться прилинейнаго многолюдства; всякій смекаетъ, что гдѣ пасутся обширныя стада, найдется мѣстечко и для его лошадокъ, или баранчиковъ, и поэтому безбоязненно пускается въ странствованіе, къ которому вынуждаютъ его стѣсненныя обстоятельства. Надо отдать справедливость прилинейнымъ Киргизамъ въ томъ, что главная масса ихъ состоитъ изъ людей трудолюбивыхъ, дѣятельныхъ, привыкающихъ къ осѣдлости, примиряющихся съ необходимостью безпрерывнаго хлѣбопашества, примиряющихся съ мыслью, что мирныя сельскія занятія именно этого рода должны наконецъ навсегда смѣнить ихъ прежнія чисто-пастушескія занятія. Вмѣстѣ съ этимъ отзывомъ, долженъ все-таки я сказать, что богачей между прилинейцами очень-мало.

Истые Киргизы занимаютъ среднія полосы степи. Пастушеская, чисто-патріархальная жизнь, барантá, какъ средство выказать молодечество, торговля, какъ средство сбыта излишковъ своего хозяйства и пріобрѣтенія посредствомъ нихъ произведеній нашей заводской и мануфактурной промышлености, наконецъ хлѣбопашество, которое у Киргизовъ существовало, какъ извѣстно, еще при царькѣ Кучумѣ и которымъ, въ видѣ особой промышлености, занимаются преимущественно капиталисты, киргизскіе богачи, давая этими заработками занятія бѣднѣйшимъ своимъ собратіямъ— вотъ главныя условія быта,

отличающія истыхъ Киргизовъ отъ другихъ ихъ соотчичей. Если прибавить къ этому сознаніе твердости русской силы, знакомство съ коварствомъ и неправосудіемъ сосѣдственныхъ владѣній Средней Азіи, разумное пониманіе преимуществъ, доставляемыхъ этимъ сравнительнымъ созерцаніемъ своего будущаго, невольное проникновеніе идеею законности и подчиненіе себя различнымъ элементамъ русской жизни, то мы, кажется, достаточно будемъ понимать Киргизовъ этой части Степи.

Что касается до дальнихъ Киргизовъ, въ мѣстностяхъ между двумя морями, то, само-собой разумѣется, здѣсь мы врядъ-ли много найдемъ отраднаго—все это дикари, по географическому разобщенію съ русскимъ міромъ, еще на долгое время остающіеся дикарями. Правительство охраняетъ этихъ дикихъ сыновъ угрюмой степной природы отъ притѣсненій сосѣдствующихъ съ ними племенъ, но само не пользуется отъ нихъ никакими финансовыми выгодами. Эти дальніе Киргизы въ государственную казну не вносятъ ничего.

Законъ говоритъ, что каждый Киргизъ, какъ и всякій другой Русскій подданный, имѣетъ право сына своего помѣстить въ учебныя заведенія, внутри имперіи находящіяся, на общихъ правилахъ. Каждый Киргизъ можетъ переходить въ другое государственное сословіе, селиться внутри имперіи, вступать въ службу и записываться въ гильдіи, гдѣ пожелаетъ. Каждый Киргизъ имѣетъ полную свободу отлучиться, для собственныхъ своихъ нуждъ, промысловъ и работы, куда пожелаетъ; равномѣрно и каждый другой русскій подданный имѣетъ право отлучаться въ Киргизскую Степь, точно также, какъ онъ отлучается въ любую сосѣдственную губернію.

Такое давнее предоставленіе Киргизамъ тѣхъ же правъ и преимуществъ, какими пользуются и коренные Русскіе, естественнымъ образомъ поставило Киргизовъ, какъ и всѣхъ подданныхъ, въ одинаковую съ ними необходимость подчиняться и финансовымъ учрежденіямъ. Денежный сборъ съ Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства составляетъ 1 р. 50 коп. сер. и называется «кибиточнымъ сборомъ», потому-что взыскивается съ каждой кибитки, съ каждаго кочевнаго дома. Богатое семейство, занимающее собою и прислугою своею десять кибитокъ, платитъ въ годъ пятнадцать рублей серебромъ, два-три бѣдныя семейства, занимающія вмѣстѣ одну общую кибитку, платятъ всѣ вмѣстѣ только полтора рубли. Киргизы сильно сочувствуютъ этой простотѣ и строгой справедливости системы. Что касается до билетнаго сбора, то онъ введенъ у Киргизовъ съ 1817 года и простирается ежегодно до пятнадцати тысячъ рублей серебромъ.

Пользуясь случаемъ, я могъ бы здѣсь представить нѣсколько статистическихъ данныхъ объ ежегодныхъ итогахъ сборовъ кибиточнаго и билетнаго, о числѣ кибитокъ и душъ обоего пола Киргизовъ, о числѣ верблюдовъ, лошадей, рогатаго и мелкаго скота, но я этого не дѣлаю, зная всю невѣрность имѣющихся у меня данныхъ, невѣрность тѣмъ-болѣе извинительную, что кибиточный сборъ платятъ, какъ я ужь сказалъ, не всѣ Киргизы: правительство къ нему не принуждаетъ.

Идея законности этихъ сборовъ, разумѣется, не сразу была сознана Киргизами; но потомъ народъ болѣе-и-болѣе сталъ ею проникаться. Напримѣръ, въ 1838 году съ Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства въ государственную казну поступило только около семнадцати тысячъ, а въ 1840 году только пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Теперь Киргизы съ году на годъ все болѣе-и-болѣе постигаютъ справедливость этого платежа; какъ прежде, при наступленіи платежнаго срока, они торопились откочевывать отъ Линіи въ глубь Степи, такъ теперь они спокойно остаются на прежнихъ мѣстахъ и, посредствомъ собственныхъ своихъ сборщиковъ, торопятся покончить эту финансовую операцію. Теперь, съ 1846 по 1850 годъ, ежегодно поступаетъ съ оренбургскихъ Киргизовъ въ казну кибиточныхъ сборовъ по сту тысячъ серебромъ, и есть полная увѣренность, что въ-теченіе времени сборъ этотъ по-крайней-мѣрѣ удвоится.

Сборомъ этимъ завѣдываютъ дистаночные начальники, которыхъ въ этомъ случаѣ контролируютъ султаны-правители. У нѣкоторыхъ дистаночныхъ начальниковъ не только каждая киргизская семья самымъ отчетливымъ образомъ внесена въ реестры, съ обозначеніемъ лѣтъ, примѣтъ, наружныхъ качествъ и способовъ занятій; у нихъ даже всему имуществу каждой киргизской семьи заведены отчетливыя вѣдомости.

Опираясь на устные разсказы именитыхъ Киргизовъ и на собственные ихъ разсчеты, основанные, разумѣется, на приблизительныхъ соображеніяхъ относительнаго богатства каждаго рода, или поколѣнія, можно предположить, что въ Степи оренбургскаго вѣдомства должно быть около двухъсотъ тысячъ кибитокъ, то-есть около мильйона душъ Киргизовъ обоего пола; что у нихъ, навѣрное, тысячъ сто верблюдовъ, до мильйона лошадей, болѣе полумильйона рогатаго скота и до десяти мильйоновъ мелкаго скота, козъ и барановъ.

Самое отдаленное и самое дикое поколѣніе Киргизовъ составляютъ Адàевцы, то-есть Киргизы рода Адàи. Родъ этотъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и простирается до двадцати тысячъ кибитокъ. Адаевцы зимуютъ на Мангышлакѣ, на полуостровѣ Бозачи, правильнѣе, Бозаджи, на нѣкоторыхъ островахъ Каспійскаго Моря и частью на Усть-Уртѣ. Народъ этотъ совершенно-дикій и чрезвычайно-безпокойный.

Адаевцы начинаютъ трогаться съ мѣста, то-есть начинаютъ свои перекочевки въ половинѣ февраля, или въ началѣ марта, и направляются къ Эмбѣ, на Сагызъ и пески Тайсугинъ.

Сѣвернѣе Адаевцевъ, по берегамъ Каспійскаго Моря, зимуютъ роды Тазларъ, Исентемиръ, Черкесъ, Иссыкъ и Кити, совершенно-спокойные сами-по-себѣ и только тревожимые Адаевцами. Перекочевку эти роды начинаютъ въ мартѣ и, совершая передвиженіе все сѣвернѣе и сѣверо-восточнѣе, доходятъ: Тазларъ до рѣки Уила, Китинцы на Илекъ и на Хобду, остальные распространяются до Уила и даже до Чингирлау. Описавъ дугу на переднемъ пути, они новою дугою идутъ въ обратный путь и, въ половинѣ или концѣ ноября, останавливаются на прежнихъ зимовкахъ, въ странѣ, называемой Атрàу (изъ чего

нѣкоторые сдѣлали у насъ урочище Утравъ) и занимающей всѣ берега Каспійскаго Моря, начиная отъ устья рѣки Урала до южныхъ прибрежій Каспія; сюда же причисляются и ближайшіе къ берегу острова.

Къ востоку отъ Адаевцовъ, на Усть-Уртѣ, кочуетъ тоже довольно-многочисленный родъ Чумичли-Табынъ, столь же дикій, какъ и Адаи, но гораздо-болѣе миролюбивый. Число Чумичли-Табынцовъ полагаютъ въ шесть тысячъ кибитокъ. Съ открытіемъ весны они снимаются съ мѣстъ и лѣтомъ доходятъ до вершинъ Эмбы и даже до Сагыза. Въ половинѣ августа они начинаютъ подвигаться на зимовки, на Усть-Уртъ и на западные берега Аральскаго Моря. Если же, по отношеніямъ своимъ къ другимъ родамъ, особенно къ Адаи и Чикли, съ которыми междоусобія у нихъ рѣдко прекращались, ожидаютъ они какого-нибудь нападенія, то откочевываютъ къ хивинскимъ предѣламъ.

Къ сѣверозападу Аральскаго Моря, въ пескахъ Большіе Барсуки, зимуютъ весьма-сильныя отдѣленія чиклинскаго рода, Джакаимъ, Джанклычъ, Телеу и Кабакъ, всего до десяти тысячъ кибитокъ. Это были такіе же дикари, какъ и Адаевцы, съ которыми они постоянно враждовали на западѣ, между-тѣмъ, какъ на востокѣ спорились съ отдѣленіями Кыпчакъ и Джаппасъ и рѣдко упускали случай произвесть баранту. Почти то же самое надо сказать о кочующихъ немного-восточнѣе отсюда Чиклинцахъ, о Дюрткара по Иргизу и о Кичкне-Чикли по Тургаю.

Барантà, съ азіатской точки зрѣнія, установленіе недурное, но въ полномъ развитіи своемъ баранта становится бичомъ для народа. Смотря на предметъ не съ христіанской, а съ киргизской точки зрѣнія, нельзя не признать нѣкоторой законности баранты, какъ слѣдствія неокупленнаго «куна», или цѣны за кровь убитаго родственника; но никакое христіанское законодательство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ насиліямъ, междоусобіямъ, убійствамъ, плѣненію отцовъ, мужей, женъ и дочерей, къ хищническимъ отгонамъ скота, къ грабежамъ и ко всевозможнымъ бѣдствіямъ внутреннихъ раздоровъ, производимыхъ барантою. Вотъ для прекращенія-то этихъ междоусобій и для водворенія мира и тишины между дальними Киргизами и важны двухсотенные казачьи отряды при султанахъ-правителяхъ и военныя укрѣпленія, разсыпанныя по разнымъ мѣстамъ Киргизской Степи.

Такимъ-образомъ дикихъ, грубыхъ, неподдавшихся нашей цивилизаціи родовичей мы находимъ, какъ ужь выше замѣчено, собственно у дальнихъ Киргизовъ, на югѣ средней части невѣжественныхъ Дюрткара и Чикли, на югѣ западной части совершенныхъ дикарей—Адаевцевъ и потомъ довольно-миролюбивыхъ и покойныхъ Байулинцовъ, къ которымъ принадлежатъ роды Иссыкъ, Тазларъ и Черкесъ, Алимулинцовъ, къ которымъ принадлежатъ Китинцы (отдѣленіе Кити) и Семиродцевъ, къ которымъ принадлежатъ Табынъ и Тама, очень-спокойные, но иногда враждующіе съ Байулинцами.

Всѣ остальные Киргизы, кочующіе сѣвернѣе этихъ родовъ, наслаждаются ничѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ. Роды, составляющіе западную часть: Табынъ, Тама, Тана, Кердери, Байбакты, Альчинъ,

Иссыкъ, Кызылкуртъ, Биршъ или Бершъ, Маскаръ, Исентемиръ, Черкесъ, Тазларъ, Кити, Адаи, Чумичли-Табынъ.

Киргизы восточной части, которыхъ я посѣтилъ въ настоящую поѣздку, и то только въ вершинахъ рѣки Тобола, а не изслѣдовалъ до отдаленныхъ предѣловъ имперіи, состоятъ изъ родовъ Джаппасъ, Кыпчакъ, Кирей и Аргынъ. Всѣ они теперь чрезвычайно-миролюбивы, склонны къ торговымъ операціямъ, сообщительны и любезны, и все это вслѣдствіе географическаго, разумѣется, положенія своихъ кочевьевъ. Вопервыхъ, земля здѣсь прекрасная; вовторыхъ, черезъ нея проходитъ торговый трактъ въ Бухару и Коканъ; втретьихъ, со всѣхъ сторонъ на здѣшнихъ Киргизовъ отражается вліяніе цивилизаціи: съ юга — Бухары, съ сѣвера — линейныхъ обитателей, съ востока — тихихъ и скромныхъ сибирскихъ Киргизовъ, съ запада — городковъ, выстроенныхъ на Иргизѣ и на Тургаѣ.

Изъ числа родовичей этой части степи, Джаппасцы принадлежатъ къ такъ-называемой ими Кши-джузъ, Малой Сотнѣ, или, какъ Русскіе встарину ее называли, Малой Ордѣ. Такихъ джузъ, «сотенъ», считается три: Улу-джузъ, Кши-джузъ и Уртà-джузъ; каждая изъ нихъ дѣлится на роды, покиргизски «ру», а эти—на колѣна или отдѣленія, покиргизски «тайфà»: раздѣленіе чисто-патріархальное, до такой степени исключительное, что Киргизы не имѣютъ сознанія идей отечества и національности, они знаютъ только одну родину, но не въ смыслѣ какого-нибудь одного даннаго мѣста, съ которымъ сопряжены воспоминанія о первыхъ дняхъ юности, а цѣлой полосы, извилисто, дугой идущей чрезъ извѣстныя урочища, полосы, по которой они совершаютъ свою перекочевку. Національности, отечества Киргизъ не понимаетъ такъ, какъ мы понимаемъ: ему дорогà только вѣра пророка и татарскій языкъ, и то потому только, что другой вѣры и другаго языка онъ не знаетъ, а чтитъ Киргизъ только своего однородца; на чужеродца же, говорящаго тѣмъ же, что и онъ, языкомъ, исповѣдующаго ту же, что и онъ, вѣру, онъ смотритъ какъ на иностранца, не какъ на своего, а какъ на чужаго человѣка, иностороннца, съ которымъ у него совершенно разные интересы.

Общею, существенною связью всѣхъ однородцевъ служатъ двѣ особенности: тамгà и уранъ. Тамга—символическій знакъ, гербъ, клеймо, которое налагается на предметы, для обозначенія безспорной принадлежности ихъ тому или другому роду; уранъ — условный пароль, девизъ, cri de guerre, которымъ опознаются члены одного и того же рода. Тамгу Джаппасцовъ я знаю, но назвать ее не умѣю, а уранъ ихъ «баймуратъ». Представимъ себѣ слѣдующій примѣръ. На Тоболѣ кочуетъ часть Джаппасцовъ, часть Аргынцовъ, часть Кыпчаковъ, часть Тана и часть Телеу. Предположимъ, что вдругъ въ аулахъ началось смятеніе, завязалась стычка, вслѣдствіе нападенія хищниковъ, или чего-нибудь подобнаго. Если управляющему родомъ нужно созвать къ себѣ, для извѣстнаго маневра, своихъ однородцевъ, то онъ долженъ только выкрикнуть свой уранъ — и всѣ къ нему въ ту же минуту соберутся.

У насъ, напримѣръ, пока кричать: «эй, Сидоръ, Иванъ, Онуфрій,

Кузьма!» да выкрикивать каждаго по имени— можно потерять время; но у Киргизовъ просто при нападеніи хищниковъ на стада барановъ и табуны лошадей, стоитъ только въ одномъ концѣ урочища закричать: «аргымàкъ!» а въ другомъ «баймурàтъ!» и на первый зовъ въ томъ же концѣ урочища соберутся въ одну общую групу Киргизы рода Телеу вмѣстѣ съ женщинами, со скотомъ, со всѣмъ имуществомъ; а на другомъ концѣ того же урочища будетъ то же самое съ Джаппасцами. Крикъ «бактыбай!» созываетъ Чиклинцовъ, «майлибай!»—Китинцовъ, «дюйтъ!»—Чумекейцовъ, «даукара!»—Байбактинцовъ, «агатай!»—Бирючевцовъ (то-есть Киргизовъ отдѣленія Биршъ), «манатау!» — Джагалбайлинцовъ, «карабура!» — Таминцовъ, «ээбуганамъ кайда куяимъ!» созоветъ Рамадановцовъ и прочее: за вѣрность этихъ урановъ, сообщенныхъ мнѣ султанами-правителями, можно поручиться.

Джаппасцы, по числу сыновей своего родоначальника, Джаппасъ, который, въ свою очередь, былъ однимъ изъ двѣнадцати сыновъ Кыдыръ-Ходжи, родоначальника всѣхъ Байулинцовъ (состоящихъ по этому изъ двѣнадцати колѣнъ: Байбакты, Тана, Алача, Маскаръ, Кызылъ-Куртъ, Иссыкъ, Черкесъ, Биршъ, Адаи, Тазларъ или Таздаръ, Алтынъ и Джаппасъ), разлѣляются на шесть отдѣленій: Калкаманъ, Карагузъ, Сумрунъ, Унгутъ, Кыякэ и Чалтакъ. Джаппасцы зимой кочуютъ вмѣстѣ съ Алтынцами на Сыръ-дарьѣ, а лѣто проводятъ по Тоболу и приближаются къ городу Троицку. Надо замѣтить, что зимой Киргизы только однихъ лошадей и барановъ пускаютъ на отгонныя поля, поблизости аула; разумѣется, если мѣста, занятыя кочевками рода, обилуютъ лугами. Тѣ же роды, или отдѣленія ихъ, у которыхъ, въ мѣстахъ ихъ перекочевокъ, нѣтъ сѣнокосовъ — и зимой продолжаютъ переходить съ мѣста на мѣсто.

Алтынцы (ихъ уранъ «алтынбай!») дѣлятся на четыре отдѣленія: Майметекъ, Айларъ, Сагай и Шунгуръ; зимнія кочевки ихъ распространяются между рѣками Сыромъ и Куваномъ.

Остальные затѣмъ родовичи, посѣщенной мною восточной части Степи, принадлежатъ къ такъ-называемой сотнѣ Урты, превращенной у насъ въ Среднюю Орду. Эта сотня, по числу сыновей самого родоначальника, Урты, состоитъ изъ шести родовъ, несвязанныхъ между собой никакими общими интересами, да и кочевья ихъ разъединены огромными разстояніями. Роды эти:

1. Аргынъ: его уранъ «аманджулъ»; состоитъ изъ двѣнадцати отдѣленій; Джугарги-чикли и Тюменги-чикли зимуютъ на рѣкѣ Тургаѣ, а лѣтомъ кочуютъ на Тоболѣ; остальныя десять отдѣленій находятся въ предѣлахъ Сибири.

2. Кыпчакъ: его уранъ «уйбасъ». Этотъ родъ, по числу сыновей Кыпчака, дѣлится на четыре отдѣленія: Карàбалыкъ; оно зиму проводитъ на нашей Линіи, а лѣто на Тоболѣ; Узунъ и Кульденень, въ Сибирской Степи и въ Коканѣ, и Турàйгаръ, зимующее на Тургаѣ.

3. Найманъ большею массою кочуютъ близь Чугучака, отчасти существованіе ихъ извѣстно и за Бухарой. Названія и дѣленія Кыпча-

ковъ, Наймановъ и Аргынцовъ встрѣчается и у Узбяковъ; народонаселеніе Кокана тоже состоитъ изъ значительной массы Кыпчаковъ.

4. Кунгратъ; всѣ кочуютъ въ Коканѣ.

5. Кирей, зимуютъ около Устьуйской, а лѣтомъ кочуютъ на Тоболѣ.

6. Уакъ — почти всѣ въ Сибирской Степи.

Бо́льшею-частью всѣхъ этихъ свѣдѣній обязанъ я покойному султану-правителю восточной части, полковнику, султану Ахмету Джантюрину, въ кочевкѣ котораго я проводилъ время и который цѣлые дни и ночи почти безъ отдыха проводилъ со мною въ бесѣдахъ, зная, что я дорожу временемъ и не могу у него долго оставаться, и заботясь, чтобъ путевой мой журналъ былъ наполненъ свѣжими и дѣльными замѣтками о Киргизахъ. Одинаково-продолжительными бесѣдами удостоивалъ меня султанъ Ахметъ и впослѣдствіи времени, при неоднократныхъ свиданіяхъ его со мною въ Оренбургѣ.

Въ мое время два султана-правителя носили фамилію Джантюриновъ и съ обоими я имѣлъ честь быть знакомъ; но въ болѣе-тѣсныхъ связяхъ находился я съ султаномъ Ахметомъ.

Султанъ-правитель западной части, султанъ Арсланъ Джантюринъ, происходилъ по прямой линіи отъ принявшаго въ 1730 году русское подданство киргизскаго хана Абульхаира; у него былъ сынъ ханъ Айчувакъ, у Айчувака сынъ Джантюрё-ханъ и этого-то Джантюрё султанъ Арсланъ и былъ сыномъ.

Генеалогія султана Ахмета совсѣмъ-другая. Въ прошломъ столѣтіи былъ въ Хивѣ ханъ, по имени Каипъ. Когда Надиръ-шахъ завоевалъ Хиву, то его военачальники, вмѣсто возведеннаго въ достоинство хивинскаго хана, Абульхаира, хана киргизскаго, посадили въ Хивѣ Каипа, который, впрочемъ, жилъ въ Киргизской Степи. У этого Каипа было много сыновей и, въ числѣ прочихъ, Джигангыръ; у него было три сына, Джантюрё, Сэрмухаммедъ и Сюлейманъ. Этотъ Джантюрё былъ женатъ на двухъ женахъ: отъ одной, дочери Айчувака-хана и сестры другаго Джантюрё, произошелъ старшій сынъ, Мухаммедъ, бывшій помощникомъ султана Ахмета; отъ другой жены, родной сестры бывшаго хана Внутренней Орды, Джангéра, родился Ахметъ, султанъ-правитель, неоднократно бывавшій въ Петербургѣ и скончавшійся въ августѣ 1851 года, и еще два другіе сына, одинъ давно-умершій въ степи, другой, Махмудъ, превосходный юноша, воспитывавшійся въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и умершій при мнѣ, за годъ до смерти старшаго своего брата, султана Ахмета.

Разсказывая мнѣ о причинахъ, вслѣдствіе которыхъ Киргизы съ недовѣріемъ смотрятъ на единовѣрныхъ имъ владѣтелей Хивы, Бухары и Кокана, и болѣе-и-болѣе убѣждаются въ счастіи принадлежать именно нашему правительству, султанъ Ахметъ приводилъ мнѣ множество примѣровъ вѣрноподданническихъ чувствъ Киргизовъ къ русскому государю.

Время отъ времени въ степи появлялись безпокойные бáтыри, которые, нé довольствуясь скромною долею ограниченнаго молодечества,

задумывали составить себѣ извѣстность подвигами, основанными на самыхъ широкихъ размѣрахъ грабежа и хищничества. Изъ такихъ батырей особенною извѣстностью пользовались Джуламанъ Тлянчинъ въ двадцатыхъ годахъ, Киргизъ Тупей, тляукабацкаго отдѣленія въ тридцатомъ году, старшина Исетай Тайманов въ концѣ тридцатыхъ годовъ, бій Исетъ Кутебаровъ въ сорокъ-седьмомъ году: ни одинъ порядочный Киргизъ не смотрѣлъ на этихъ людей иначе, какъ на бѣшеныхъ хищниковъ. Даже извѣстнѣйшій изъ искателей приключеній, султанъ Кенисарà Касимовъ, который, при другихъ обстоятельствахъ, при другомъ направленіи своихъ замѣчательныхъ, блестящихъ способностей и дарованій, могъ бы сдѣлаться героемъ не одного полезнаго отечеству подвига — и тотъ одиноко окончилъ свое безотрадное поприще, самымъ несчастнымъ образомъ: его загнали въ глушь, лишили вліянія на народъ и покрыли совершеннымъ безславіемъ.

О послѣднихъ дняхъ жизни Кенисары ходитъ много преданій. Вотъ одинъ разсказъ человѣка, который самъ бывалъ у Дикокаменныхъ Киргизовъ и передалъ мнѣ тамошніе слухи о несчастномъ султанѣ, не ручаясь, однакожь, въ достовѣрности каждаго слова.

Извѣстно, что Кенисарà бѣжалъ къ горамъ Алатау и, во время своего скитальчества тамъ, влюбился у Дикокаменныхъ Киргизовъ въ одну дѣвочку изъ достаточнаго и пользовавшагося почетомъ семейства... Но нѣтъ! я вижу, что опять долженъ сдѣлать отступленіе.

У Киргизовъ любовь существуетъ. Я наслышался, да и самъ видалъ такія проявленія этого чувства, которыя сами-собой напрашиваются хоть бы въ романъ; но романы не по моей части; скажу только, напримѣръ, что при мнѣ въ Оренбургѣ являлись тайкомъ бѣжавшія изъ степи одинъ разъ киргизская дѣвушка, другой разъ—вдова; онѣ искали защиты у мѣстнаго начальства противъ принужденія и силы, съ какими родственники хотѣли выдать этихъ поэтическихъ пастушекъ за нелюбимыхъ пастушковъ, но—увы! въ нашей Аркадіи такія романтическія приключенія очень-рѣдкія исключенія изъ общаго правила.

У насъ въ дѣлахъ, близко-касающихся до любви, прежде всего является симпатія, потомъ любовь, а наконецъ ужь побѣда; у Киргизовъ это бываетъ навыворотъ: прежде побѣда, потомъ любовь, а наконецъ и симпатія; лаконизмъ Юлія-Цезаря «veni, vidi, vici», въ этомъ отношеніи дѣлается плеоназмомъ; у Киргизовъ ужь если «veni», такъ ужь непремѣнно и «vici»: «vidi» тутъ совершенно-лишнее.

Такъ вотъ этакимъ-то манеромъ влюбился и Кенисарà Касимовъ въ свою красавицу и, послѣ трехъ мѣсяцевъ сожительства, подарилъ ее своему тюленгюту—рабу не рабу, а одному изъ простыхъ слугъ, которые выбираются біями къ особѣ султановъ изъ числа худшихъ людей отдѣленія рода. Это была кровная обида; ею была запятнана не только честь дѣвушки, не только осрамлено все ея семейство, но нанесенъ позоръ цѣлому колѣну, нанесено оскорбленіе цѣлому роду.

Буруты ждали только случая вымѣстить за все Кенисарѣ; случай не замедлилъ представиться.

Кенисара, вынужденный содержать какъ-нибудь собранную имъ шайку бездомныхъ бродягъ и чѣмъ-нибудь прокармливать эту сволочь, разумѣется, имѣлъ къ тому только единственное средство— грабежъ. Набѣги съ этими цѣлями сталъ онъ производить и у Бурутовъ. Вражда естественная могла быть распалена еще и иными, чисто-искусственными средствами. Буруты не перенесли этого, возстали противъ Кенисары, разными хитростями заманили его къ себѣ и взяли въ плѣнъ. Съ постыднымъ для Кенисары тріумфомъ, приволокли они его въ одинъ изъ своихъ ауловъ, именно въ тотъ, къ которому принадлежала обиженная красавица.

Мать дѣвушки едва завидѣла спутаннаго арканами обольстителя своей дочери, съ ножомъ бросилась на Кенисару. Онъ, связанный, лежалъ на голой землѣ и не могъ пошевельнуться.

Разъяренная женщина отрѣзала Кенисарѣ одну руку и, наклонившись надъ несчастнымъ, спросила его: «не этой ли рукой ты уводилъ дочь мою изъ родительской кибитки?» и, не ожидая отвѣта, выковырнула у него ножомъ правый глазъ. «Не этимъ ли глазомъ смотрѣлъ ты на мою дочь, когда она съ тобою встрѣтилась?» Не помня самоё-себя, подъ вліяніемъ только обуревающей страсти, она, продолжая издѣваться надъ страдальцемъ, отрѣзала ему другую руку, выколола лѣвый глазъ, нанесла ему ножомъ множество ранъ и ни одной смертельной! Кенисара мучился, стоналъ и въ толпѣ, его окружавшей, не нашлось никого, кто бы согласился покончить его терзанія. Наконецъ надъ нимъ сжалились и бросили его въ теплый источникъ, гдѣ онъ и изошелъ кровью.

Любители ужаснаго, разсказываютъ даже, что Кенисара, исколотый ножами, былъ кинутъ въ огромный котелъ и здѣсь живой сваренъ въ молокѣ; но эта поэтическая выдумка пришлась бы очень-кстати гдѣ-нибудь въ низовьяхъ Волги, гдѣ существуетъ жиротопленіе, а у Бурутовъ такой котелъ, въ который можно бы запрятать человѣка, едвали можно отъискать.

Случаи доказательствъ особенной приверженности Киргизовъ къ Россіи касались и до приведенныхъ мною ужь прежде волненій, которыя безуспѣшно старались возбудить въ нашей степи Хивинцы; но самый многознаменательный примѣръ относится къ очень-недавнему времени.

Между Киргизами восточной части степи оренбургскаго вѣдомства и сосѣдственными съ ними родами Киргизовъ Сибирскихъ, въ старые годы, была безконечная баранта. Она по временемъ прекращалась, по временамъ возникала съ новымъ жаромъ и совершенное пресѣченіе ея изстари затруднялось обоюдными, безконечными претензіями враждовавшихъ сторонъ на огромныя суммы, въ которыя оцѣнивались хищничество и отгонъ скота, ограбленіе имуществъ и убійство людей. Правительство рѣшилось положить конецъ этимъ безпорядкамъ и разграничить Оренбургскихъ Киргизовъ отъ Сибирскихъ. Провести пограничную черту было нетрудно; но предстояли неразрѣшимыя

затрудненія въ вопросѣ: какимъ образомъ согласить тутъ взаимныя выгоды и какимъ образомъ доимку того, что̀, по народнымъ обычаямъ, признано справедливымъ въ отношеніи однихъ, сохранить неприкосновенною, а между-тѣмъ оградить несостоятельныхъ должниковъ отъ новыхъ насильствъ и притѣсненій, съ которыми непремѣнно должна быть сопряжена новая доимка и новая баранта.

Правительству было угодно явить къ Киргизамъ милость, простивъ имъ прежнія провинности по барантѣ, запретивъ преслѣдованіе по поданнымъ уже жалобамъ и приказаніемъ прекратить производство по вновь-возникшимъ дѣламъ. Киргизы не могли остаться нечувствительными къ такой милости. Чтобъ доказать эти чувствованія и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить свою радость общимъ содѣйствіемъ родовичей къ видамъ правительства, касательно разграниченія, Киргизы стали думать, какъ бы имъ лучше всего и самымъ достойнымъ образомъ положить прочное начало тишинѣ и спокойствію. Они знали, что въ чистотѣ ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: надо было придумать какой-нибудь новый способъ къ ихъ проявленію.

И вотъ возвышаетъ свой голосъ почетнѣйшій изъ всѣхъ біевъ, Балгаджа Ямгурчинъ. Всѣ знали, что онъ насчитываетъ на враждебныхъ ему родовичахъ, до двухъ-сотъ-тысячъ рублей ассигнаціями: всѣмъ извѣстна законность этихъ требованій; всѣ знаютъ, что Балгаджа самъ небогатый человѣкъ, и человѣкъ строгій, правдивый, неохотникъ до смягчительныхъ полумѣръ. Но Балгаджа сдѣлалъ рѣшительный шагъ: онъ далъ слово забыть о прежнихъ оскорбленіяхъ, обязался не вспоминать про нихъ никогда, соблюдать съ прежними врагами непоколебимый миръ и согласіе и торжественно простилъ своимъ должникамъ всѣ двѣсти-тысячъ навсегда. Можно себѣ представить, какой громадный эффектъ произвела эта благородная рѣшимость! Пожертвованіе Ямгурчина, его душевные порывы отозвались въ сердцахъ его друзей и недруговъ: всѣ спѣшили воспользоваться преподаннымъ примѣромъ; всѣ счеты въ восточной части съ сосѣдними Киргизами тогда же навсегда прекращены. Это событіе, весьма-важное для степи, совершилось въ 1847 году.

Я самъ лично зналъ этого почтеннаго человѣка. Онъ былъ живъ еще и въ началѣ 1851 года. Въ мою бытность въ степи, онъ былъ ужь довольно-старъ, лѣтъ шестидесяти слишкомъ; собою полонъ и даже тученъ; носилъ штабофицерскіе эполеты, считался въ чинѣ войсковаго старшины (майора) и пользовался общимъ почетомъ и особенною любовью и Киргизовъ и Русскихъ, и правительства, и частныхъ лицъ.

Такъ вотъ къ этимъ-то Киргизамъ восточной части степи теперь я и ѣхалъ.

Какимъ же образомъ я совершилъ свое странствованіе по этой Аркадіи?

Сами Киргизы ѣздятъ по степи или верхомъ на верблюдѣ, или верхомъ на конѣ, или верхомъ на волѣ, или въ арбѣ, запряженной волами, а иногда верблюдами, или, наконецъ—и это касается только до

дамъ высшаго киргизскаго общества— въ тарантасахъ. Этимъ же послѣднимъ способомъ предпочелъ и я прогуляться.

Читателямъ нашимъ ужь извѣстно, что въ Сибирской Киргизской Степи устроены почты и содержатся постоялые дворы; въ степи оренбургскаго вѣдомства этого еще не заведено. Ненадобно, однакожь, полагать, чтобъ сообщенія между русскимъ населеніемъ этой степи вовсе не существовало: въ степи ходятъ обыкновенныя «летучки»; исполнителями являются опять-таки сами Киргизы, о-дву-конь развозящіе казенную и частную корреспонденцію. Но такъ-какъ большинство Киргизовъ незнакомо съ письменнымъ средствомъ сообщенія, да и не нуждается въ этомъ, то немногіе, имѣющіе изъ нихъ надобность въ пересылкѣ, передаютъ свои письма изъ аула въ аулъ посредствомъ своихъ нарочныхъ гонцовъ; разумѣется, почтари-Киргизы не отдаляются въ сторону съ главной линіи степныхъ почтовыхъ путей.

По предстоявшей мнѣ дорогѣ, безъ-сомнѣнія, нельзя было ожидать благоустроеннаго почтоваго тракта, тѣмъ неменѣе, выѣхавъ изъ Николаевскаго Укрѣпленія на чистую степь, я катился на быстрой тройкѣ по превосходно-накатаннымъ колеямъ. Это былъ солевозный трактъ, ведущій къ двумъ самосадочнымъ соляным озерамъ, Эбелѐю и Уркачу; до перваго считается сто-двадцать, до послѣдняго триста верстъ. Солевозный трактъ за рѣкою Тоболомъ развѣтвлялся: вправо идетъ дорога на Уркачъ, влѣво—на Эбелей. Оба озера чрезвычайно-богаты солью и оба извѣстны съ давнихъ временъ; въ настоящее время о нихъ можно сказать совершенно то же, что̀ за сто лѣтъ назадъ сказалъ о Эбелѣ Рычковъ: «Оно особливо знатно и славно для множества соли, которою не только зауральскіе Башкирцы, но и вся Исетская Провинція довольствуется, да и въ екатеринбу̀ргское вѣдомство вывозятъ ее для продажи не малое число». Любопытно то, что эбелейская соль, по свидѣтельству Рычкова, еще въ то время продавалась отъ казны; но нынѣче казна предоставила добычу и продажу ея вольному промыслу, и вотъ эта-то, между прочимъ, соль и показывается въ «Видахъ Торговли» подъ наименованіемъ иностранной, заграничной соли. Дѣйствительно, Эбелѐй, какъ и вся Киргизская Степь, въ отношеніи къ таможенному вѣдомству, и исключительно только въ отношеніи къ нему одному, считается «за границею», то-есть за чертою таможенныхъ учрежденій.

Въ давнемъ законѣ сказано, что, впредь до утвержденія дѣйствительной государственной границы, черта таможенныхъ учрежденій остается на Линіи; но прибавлено, что Линія, въ значеніи стражи, не составляетъ учрежденія на всегдашнія времена; но, по мѣрѣ распространенія порядка въ занимаемыхъ Киргизами земляхъ, стража эта подвигается впередъ и должна кончить постояннымъ утвержденіемъ себя на дѣйствительной государственной границѣ.

Эта дѣйствительная граница, которую мы ужь обозначили, которая положительно опредѣлена на обнародованныхъ въ наши дни картахъ, и о которой говоритъ и г. Левшинъ въ своемъ классическомъ «Описаніи Киргиз-Казачьихъ или Киргиз-Кайсакскихъ Ордъ и Степей» въ первый разъ была обозначена по Сыр-дарьѣ въ атласѣ, издан-

номъ Академіею Наукъ, еще въ 1741 году, и въ то же время обнародованномъ публикѣ и сообщенномъ всѣмъ дипломатическимъ лицамъ; однакожь ни Линія, ни таможенная черта доселѣ на эти границы еще не перенесены по отдаленности мѣста, по недостаточности осѣдлаго населенія степи и по снисхожденію правительства къ лицамъ таможеннаго вѣдомства, которыя такимъ образомъ были бы разобщены съ образованнымъ населеніемъ. Конечно, Иркутскъ и Кяхта дальше чѣмъ Аральское Укрѣпленіе, но зато тамъ, относительно говоря, сплошная и густая масса осѣдлаго населенія.

Лошадей на своемъ пути мы перемѣняли въ аулахъ, на которые наѣзжали по дорогѣ. Подорожной предъявить Киргизамъ я не могъ, потому-что ея у меня не было; у меня былъ, конечно, и открытый листъ и открытое предписаніе военнаго губернатора, но предъявленіе и этихъ бумагъ оказалось излишнимъ. Киргизы всюду встрѣчали меня съ примѣрнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Они видимо были рады пріѣзду Русскаго и освѣдомлялись только, что̀ я за человѣкъ такой: «шина̀вникъ, или купся»? Получивъ въ отвѣтъ, что я просто гость и ѣду гулять къ султану-правителю, добрые новые знакомцы зазывали меня къ себѣ, хлопотали, суетились и не знали чѣмъ высказать свою пріязнь и дружбу. Одинъ предлагалъ кумысу, другой не пускалъ не напоивъ чаемъ, третій торопился зарѣзать барана на угощеніе, четвертый подчивалъ разными сластями; всѣ жали руку, обнимались, говорили цвѣтистые комплименты и до такой степени старались быть внимательными и услужливыми, что подъ мой тарантасъ обѣщались запречь не одну тройку лошадей, а «девятью-давять-разъ-девять троекъ». У Киргизовъ число девять имѣетъ, какъ у всѣхъ номадовъ, какое-то символическое значеніе.

Но намъ и съ одной тройкой было не справиться. Лошади степныя, дикія, ни къ какой упряжи непривычныя, рвались изъ оглоблей и постромокъ въ разныя стороны; признаться сказать и постромокъ-то частенько для насъ не находили: ихъ замѣняли арканы; про дугу и говорить нечего; излишне прибавлять, что и шлеи и хомуты считались для насъ завѣтною рѣдкостью. Обыкновенно коренную лошадь ввязывали какими-то, ужь перезабытыми теперь мною, способами въ оглобли; коренныхъ за хвосты привязывали къ валькамъ; кони рвались, метались и, не сдвинувъ экипажа ни на аршинъ впередъ, бились около него до-тѣхъ-поръ, пока, или вовсе не отрывались отъ аркановъ, или, умаявшись и измучившись, не отказывались отъ всякой службы. Но «нужда научитъ калачи ѣсть» говоритъ пословица, и Киргизы дивили меня своею находчивостью. Они мастачили какое-то подобіе шлеи, напяливали его на неподдававшихся этой операціи молоденькихъ жеребчиковъ, закрѣпляли ихъ по трое врядъ, какъ надо быть тройкѣ, потомъ, «обуздывали» и къ уздечкѣ или недоуздку подвязывали по длинному аркану. Одинъ Киргизъ садился верхомъ на коренную лошадь, а трое верховыхъ наѣздниковъ выѣзжали впередъ, подбирали арканы и тащили за собою упряжную тройку; четверо другихъ Киргизовъ, а иногда и больше, ѣхали по бокамъ тарантаса, и крикомъ, гиканьемъ, пуганьемъ и ударами понуждали упряжныхъ

лошадей повиноваться движеніямъ передовыхъ наѣздниковъ. Такимъ-образомъ, кой-какъ сдвинувшись съ мѣста, мы самымъ комическимъ образомъ, съ безпрестанными перерывами и забавными приключеніями, волоклись отъ одного аула до другаго... Я ужь послѣ и жалѣлъ, что не вздумалъ приказать впрячь въ тарантасъ верблюдовъ, что было бы гораздо-успѣшнѣе и спокойнѣе; но желаніе ли избѣжать этого курьёза, охота ли пофрантить, или надежда на новыя потѣхи съ лошадьми, удержали меня и на возвратномъ пути отъ этой благоразумной мѣры: я опять сѣлъ въ тарантасъ, тарантасъ тащили поставленныя въ упряжь лошади, а этихъ лошадей впереди тащили одни передовые наѣздники, а по бокамъ подгоняли другіе вершники.

Животное, которое въ нашихъ образованныхъ мѣстностяхъ болѣе ужь не водится — верблюдъ, этотъ корабль пустыни — скотина очень-любопытная. Я не стану пускаться въ научное изслѣдованіе всѣхъ характеристическихъ и физіологическихъ явленій жизни верблюда, а скажу только нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ его привычкахъ и особенностяхъ.

Въ Киргизской Степи верблюды бываютъ и двугорбые (camelus bactrianus, покиргизски «наркъ» и тюя») и одногорбые (camelus dromedarianus, покиргизски «айри»); первыхъ несравненно-больше чѣмъ послѣднихъ, но зато послѣдніе гораздо-рослѣе, сильнѣе и сносливѣе первыхъ. Слѣдующія замѣчанія одинаково касаются и тѣхъ и другихъ.

Когда верблюдъ родится, новорожденнаго тотчасъ же обшиваютъ кошмами, то-есть наглухо увязываютъ ему все туловище кошемными попонами, но голова и шея остаются открытыми. Подъ попонами сохраняютъ зимой даже взрослыхъ и старыхъ верблюдовъ.

Въ-продолженіе перваго мѣсяца рожденія, новорожденнаго верблюжонка, покиргизски — «бата», никому изъ постороннихъ не показываютъ, изъ боязни, чтобъ чужой человѣкъ не сглазилъ скотину и не изурочилъ ее.

Молодой верблюжонокъ не въ силахъ еще самъ-собою держаться на длинныхъ, слабенькихъ и тоненькихъ ножкахъ; его, по-крайней-мѣрѣ въ-теченіе первыхъ пяти-шести недѣль, на рукахъ подносятъ къ матери для принятія молока. А когда онъ, къ лѣту, подрастетъ и поднимется на ноги, его выпускаютъ на волю вмѣстѣ съ матерью, которая не перестаетъ его кормить, попрежнему, молокомъ. Кормленіе это тянется по-крайней-мѣрѣ цѣлый годъ. По истеченіи этого срока, верблюдица продолжаетъ иногда еще годъ, а иногда и два года, удѣлять своему выноску ту же питательную пищу, но ужь не постоянно, а только отъ времени до времени.

Чрезъ два-три мѣсяца послѣ рожденія, съ верблюда, на лѣто, снимаютъ кошмы. Пасясь на степи, онъ пріучается тутъ подщипывать травку; но исключительную и главную пищу, въ-продолженіе перваго года возраста, составляетъ для него матернее молоко.

Въ это время ему прокалываютъ ноздри и продѣваютъ, сквозь хрящокъ, гладко-обточенную кость, или палочку, къ которой привязывается веревочка — обыкновенный поводокъ верблюда. Съ этого же возраста верблюжонка пріучаютъ къ слову «чокъ», то-есть къ коман-

дѣ, по которой верблюдъ долженъ ложиться, поджимая ноги, и быть готовымъ къ принятію на спину ноши; по этой же командѣ онъ и встаетъ на ноги, при сниманіи вьюковъ и при отправленіи въ путь, или на пастьбу.

На зиму, верблюжонка снова обшиваютъ кошмами и помѣщаютъ, вмѣстѣ съ матерью, въ теплое, со всѣхъ сторонъ защищенное отъ непогоды, вѣтра или снѣга, стойло.

Съ наступленіемъ весны, годовалый верблюжонокъ выпускается на траву, и съ этого времени онъ ужь постоянно самъ кормится подножнымъ кормомъ, или и сѣномъ, если, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, то-есть при отсутствіи хорошихъ луговъ на зимовкахъ, Киргизы запасаются имъ заблаговременно.

По вскрытіи весны, верблюдъ обыкновенно линяетъ, шерсть съ него слѣзаетъ цѣлыми клочьями; онъ дѣлается совершенно-голымъ, только у самыхъ взрослыхъ немного шерсти остается на головѣ, на нижней части шеи и кой-гдѣ на бедрахъ. Шерсть эта хозяевами сбирается и употребляется въ дѣло.

Взрослые верблюды довольствуются самою тощею травой, ковылемъ, полынью, осокой, камышомъ и свѣженькими вѣтками саксаульника; кромѣ-того, они съ большою охотою ѣдятъ мучныя лепешки, но для этого нужно заранѣе пріучить къ тому животное.

Верблюды подъ вьюкомъ устаютъ не скоро; но если ужь верблюдъ подъ ношей разъ присталъ, то нѣтъ никакой возможности сдвинуть его съ мѣста: ни палки, ни побои, ни удары ножемъ — ничего не поможетъ; если животное несовершенно еще выбилось изъ силъ, ему нужно скорѣй облегчить ношу — иначе съ нимъ ничего не сдѣлаешь. Даже безъ ноши, присталый и ужь изморенный верблюдъ не трогается далѣе ни на шагъ, и какъ съ нимъ не бейся, а прійдется его бросить. Покинутое человѣкомъ, стало-быть, лишенное ухода, животное начинаетъ голодать, не имѣя достаточной пищи, и гибнетъ, одиноко, издыхая на лишенной травъ и воды пустынѣ.

Сильные жары не подвергаютъ верблюда транспираціи; но когда животное подъ тяжестью начинаетъ обезсилѣвать, то на тѣлѣ его потъ вдругъ выступаетъ крупными каплями. Замѣтивъ это, хозяева освобождаютъ его вовсе отъ вьюковъ и перекладываютъ ихъ на другихъ верблюдовъ, или оставляютъ на немъ самую незначительную кладь. Говорятъ, однакожь, что самые сильные верблюды устаютъ внезапно и преждевременно ничѣмъ не могутъ выказать на тѣлѣ изнуренія силъ.

Верблюдъ очень-переносливъ на пойло; его поятъ лѣтомъ разъ въ сутки, а осенью и зимой одинъ разъ въ-продолженіе двухъ и трехъ сутокъ, если вблизи нѣтъ водопоевъ; животное это не брезгаетъ никакой водою, для него все-ровно, свѣжа ли она, или застоялась, горьковата, солона или совсѣмъ испорчена.

Лѣтомъ за пастьбой верблюда хлопотъ немного: онъ недалеко отходитъ отъ стоянки и самъ себѣ ищетъ корму, скоро наѣдается и потомъ всю ночь лежитъ не вставая съ мѣста: только немногіе, въ ви-

дѣ исключенія изъ общаго правила, или бродятъ ночью вблизи кибитокъ, или стоятъ на одномъ мѣстѣ, не сгибая колѣнъ.

Зато зимой съ верблюдомъ возни бываетъ довольно. Верблюдъ никогда ни на снѣгъ, ни на голую мерзлую землю не ложится; для его ночлега дѣлаютъ невысокіе и некрытые загоны. Для этого ежедневно выбираютъ мѣсто, сгребаютъ съ него весь снѣгъ, потомъ вскапываютъ промерзлую землю кетпѐнемъ... Кетпе́нь — родъ круглаго топора и вмѣстѣ съ тѣмъ родъ заступа. Чтобъ имѣть понятіе о фигурѣ этого инструмента, пусть читатель потрудится представить себѣ молотокъ, но такой молотокъ, у котораго, какъ у кайлы, очень-длинная и толстая палка, служащая рукояткой, а вмѣсто самого молотка, круглая, нѣсколько-эллиптической формы, желѣзная заостренная книзу сковорода, у которой отверстіе для просова ручки сдѣлано не въ самомъ центрѣ, а въ очень-близкомъ разстояніи отъ одного края, какъ, напримѣръ, у палитры. Такой-то киргизскій кетпень довелось мнѣ однажды увидать въ одномъ музеумѣ; кетпень я узналъ съ перваго же взгляда; но вмѣсто ожиданной надписи, что это, дескать, «кетпень — киргизскій топоръ-лопата», я прочелъ на привѣшенномъ къ нему ярлычкѣ, кажется, что-то въ родѣ «американское древнее оружіе».

Мѣсто для ночлега верблюда выбирается такое, которое бы отовсюду было защищено отъ непогоды, напримѣръ, логъ, или увалы между холмовъ, или заросшее кустарникомъ пространство. Если поблизости отсюда растетъ камышъ, то только сгребаютъ снѣгъ, а землю не вскапываютъ, но толсто прикрываютъ ее камышомъ. Въ такомъ пріютѣ верблюды цѣлаго каравана ложатся рядомъ всѣ вмѣстѣ. Но еслибъ случилось, напримѣръ, въ дорогѣ, что удобнаго мѣста на притонѣ нѣтъ для укрытія животныхъ, то верблюдовъ на ночь окружаютъ высокою оградою, стѣною, сложенною изъ тюковъ. Отдѣленіе теплорода отъ верблюдовъ во время сна до такой степени сильно, что вощики, часто, несмотря ни на какіе холода, раздѣваются совершенно и подъ чистымъ небомъ ложатся спать промежду верблюдовъ, точно въ натопленной избѣ: мнѣ это говорили сами Киргизы.

Минуя аулъ за ауломъ, мы переѣхали верховье Тобола, протекающаго въ этомъ мѣстѣ узенькимъ и смиреннымъ потокомъ, и остановились на новой кочевкѣ Киргизовъ Джаппасскаго рода. Насъ привѣтствовалъ и принялъ здѣсь препочтенный старикъ, по имени Куламбай. Онъ пригласилъ насъ отдохнуть къ себѣ въ кибитку и, въ бесѣдѣ съ его сыновьями, выждать время, пока изловятъ на степи коней и впрягутъ въ тарантасъ.

Только-что вошли мы къ Куламбаю въ кибитку, какъ она вся наполнилась народомъ, любопытствовавшимъ взглянуть на нежданныхъ и далекихъ гостей. Куламбай представилъ намъ троихъ своихъ сыновей, изъ которыхъ женатъ былъ только старшій.

Бир-Мухаммедъ Куламбаевъ, старшій сынъ, мужчина лѣтъ тридцати, невысокаго роста, но плотный собою, коренастый брюнетъ, съ типической физіономіей, въ которой не бросались въ глаза ни скуластость лица, ни косоватость глазъ, свидѣтельствующія объ испорченности породы отъ смѣшенія съ калмыцкою, считался офицеромъ рус-

ской службы и носилъ чинъ хорунжаго, вслѣдствіе особенныхъ заслугъ передъ правительствомъ. Главное занятіе его было — коневодство и торговля.

Разумѣется, всѣ Киргизы — пастыри попреимуществу, а каждый Киргизъ небѣднякъ долженъ считаться и коннымъ заводчикомъ, если у него есть хоть какой-нибудь табунишка коней, и купцомъ, если ведетъ какую-нибудь мало-мальски значительную торговлю, выходящую изъ круга обыковеннаго сбыта излишковъ домашняго хозяйства и промѣна ихъ на нужныя не для одного личнаго потребленія товары; но Бир-Мухаммедъ былъ коннозаводчикомъ попреимуществу, потому-что въ табунахъ его было правильное распредѣленіе производителей и приплода, въ табунахъ его лошади считались тысячами. Было довольно и другаго скота, нѣсколько сотъ головъ рогатаго и нѣсколько тысячъ барановъ. Разумѣется, все это принадлежало старику Куламбаю, но Бир-Мухаммедъ, за преклонностью его лѣтъ, былъ правою рукою и главнымъ хозяиномъ дома.

Купцомъ онъ могъ назваться тоже попреимуществу, потому-что велъ обширную торговлю, отправляя караваны въ Бухару отъ своего имени и производя тамъ торговлю и за себя и, по коммиссіи, за другаго, еще болѣе значительнаго купца, самого султана Ахмета Джантюрина, торговые обороты котораго были очень-значительны. Впрочемъ, самъ султанъ Ахметъ не торговалъ, кажется, отъ своего имени, а былъ только пайщикомъ значительной торговой компаніи, составленной изъ Киргизовъ. Про гросс-бухъ, касса-бухъ и другія принадлежности благоустроенной коммерческой конторы, пріятели мои опредѣлительныхъ понятій не имѣли и двойною бухгалтеріею не занимались; не надо, однакожъ, думать, чтобъ они вовсе никакихъ книгъ не вели: напротивъ, отчетность у нихъ была примѣрная. Торговля въ Троицкѣ отдѣлена была отъ торговли въ Киргизской Степи, а эта отъ торговли съ Бухарой, операціи по мануфактурной торговли не смѣшивались съ оборотами торговли баранами или торговли хлѣбной, а Джантюринъ и Куламбаевъ имѣли значительныя въ степи пашни. Прикащиковъ было у Куламбаева до десяти, а у Джантюрина до двадцати-пяти человѣкъ. Книги, разумѣется, водились и велись аккуратно.

Средній сынъ Куламбая, Асатъ Куламбаевъ широколицый, но довольно-пріятной наружности блондинъ, лѣтъ двадцати-пяти отъ-роду, только-что наканунѣ моего пріѣзда возвратился къ семьѣ изъ Бухары, гдѣ, за отсутствіемъ на этотъ разъ Бир-Мухаммеда, исправлялъ онъ должность главнаго прикащика, главноуправляющаго.

Третій сынъ, Тукай, юноша лѣтъ шестнадцати, свѣженькій, хорошенькій наѣздникъ, очень-похожій на старшаго брата, тоже только-что наканунѣ возвратился вмѣстѣ съ Асатомъ, въ первый разъ еще побывавъ въ Бухарѣ.

Отецъ и оба старшіе сына были одѣты довольно въ щегольскіе халаты, по обыкновенію надѣтые на бязинную рубаху и на козловые шальвары; но Тукай явился совершеннымъ франтомъ. Свѣжесть ли впечатлѣній о препровожденіи времени въ такомъ большомъ городѣ, какъ Бухара, тогда-какъ прежде Тукай, кромѣ нашей Усть-уйской,

ничего похожаго на городъ еще не видалъ, баловство ли матери, которая, обрадовавшись возвращенію сына, дорожила преимущественно его присутствіемъ и наготовила ему разныхъ гостинцевъ, или просто самолюбіе мальчика, снова появившагося между знакомыми сильфидами степи и давно-давно жданнаго какою-нибудь Дарэ, Текенэ или Бѣкишь, которыя ужь успѣли приглянуться парню—что̀ бъ тамъ такое ни было, только нашъ Тукай такъ горделиво смотрѣлъ на всѣхъ и такъ франтилъ, рисуясь байроновскими позами, что совершенно овладѣлъ моимъ вниманіемъ.

Начать съ того, что, вмѣсто калпака, на немъ надѣтъ былъ такъ-называемый султанскій тюбетей, невысокій, нѣсколько пониже нашей мужской шляпы, конусообразный, твердый и несгибаемый калпачокъ безъ полей, сшитый изъ штофной, протканной золотомъ, матеріи, и опушенный по краямъ неширокою полоскою боброваго мѣха, съ бобровыми же стрѣлками надъ ушами; это имѣло видъ такой, какъ-будто бы у калпачка были маленькіе наушники и теперь они приподняты кверху. Подъ этимъ султанскимъ тюбетеемъ былъ обыкновенный тюбетей коканской формы, то-есть полушаріемъ; видно было, что этотъ тюбетей чистой казанской работы, потому-что богато обшитъ массивными галунами и осыпанъ золотыми блестками, а этого въ Коканѣ не съумѣютъ сдѣлать. Наконецъ, на Тукаѣ надѣтъ былъ одинъ только халатъ, легкій, лѣтній, сдѣланный изъ пестрой и вознистой бухарской полушелковой матеріи, «адрясъ» или «падчай», и подбитый не простымъ ситцемъ, а «банаресомъ», или «мисрй», тоже полушелковою матеріей, съ очень-узенькими полосками по гладкому полю. Тукай такъ важничалъ этимъ халатомъ, что поминутно вертѣлся въ немъ, заложивъ подъ него одну или обѣ руки на спину такъ, чтобъ въ одно время было видно и лицо и дорогая изнанка халата, драпировавшагося по этому неправильными складками.

Но важность-то вся была не въ халатѣ, а въ томъ, что̀ подъ халатомъ надѣто! Вопервыхъ, на шеѣ у Тукая повязанъ галстучкомъ желтый съ разводами коканскій шелковый платочекъ, изъ-подъ котораго выглядывали, бѣлые какъ снѣгъ, воротнички коленкоровой рубахи. Ужь одинъ этотъ платочекъ въ видѣ галстуха — значительный шагъ впередъ: Киргизы галстуховъ не носятъ. Но и кромѣ галстуха, на нашемъ франтѣ было еще одно нововведеніе — жилетъ, изъ зеленаго плиса, отороченный металлическимъ снуркомъ и застегнутый на цвѣтныя стеклянныя пуговки въ металлической оправѣ. Наконецъ, еще новость, обращавшая ужь не одно мое, а всеобщее вниманіе — малиновые изъ бухарскаго бархата шальвары, ужасно-широкіе и до такой степени обогащенные клеемъ или картофельной мукой, что издавали шумъ и не драппировались на ногѣ, а торчали на всѣхъ выпуклостяхъ какимъ-то пузыремъ. Шальвары и жилетъ подтянуты были бухарскимъ бархатнымъ поясомъ, съ серебряною бляхою и съ огромною по середи ея фальшивою бирюзою. Въ такомъ нарядѣ Тукай былъ великолѣпенъ.

Такимъ же великолѣпіемъ сіяла и его конская упряжь. Когда мы всѣ гурьбой поѣхали верхами осматривать Куламбаевы табуны, Ту-

кай гарцовалъ и юлилъ передо мною на рѣзвомъ бѣгунѣ, у котораго уздечка безъ налобника, пахвы, принадлежности сѣдла и лука его были богато убраны серебромъ и крупными камнями фальшивой бирюзы, яхонтовъ и сапфировъ. На сбруѣ въ разныхъ мѣстахъ были привѣшены разноцвѣтные шелковые хвосты : болтаясь во время бѣга коня, они служили для отгона мухъ.

Асатъ, какъ я ужь сказалъ, одѣтъ былъ гораздо-проще; необычайныхъ принадлежностей въ его нарядѣ не было, но нельзя же, чтобъ и у него самолюбіе чѣмъ-нибудь не высказалось передъ гостемъ и, увлекаемый имъ, Асатъ то-и-дѣло вынималъ изъ вышитаго въ узоръ шелковыми снурочками кармашка своего башмета толстые-претолстые серебряные часы, которые, какъ на зло, не были заведены.

Я обрадовался случаю собрать свѣжія новости о бухарской торговлѣ; началъ разговоръ о здоровьѣ эмира, разспросилъ о спорахъ его съ Дост-Мухаммед-Ханомъ, который передъ этимъ только-что отнялъ у него городъ Балхъ и, наконецъ, перешелъ къ своему спеціальному предмету. Дѣлать распросы о предметѣ, которымъ интересуешься—сущее наказанье; къ прямымъ вопросамъ невсегда можно прибѣгать, большею-частью приходится разспрашивать обинякомъ ; и если нападешь на умную и смѣтливую голову, то получаешь такіе лаконическіе отвѣты, что по нимъ нельзя прійдти ровно ни къ какимъ обстоятельно-развитымъ положеніямъ.

Я испыталъ эту муку, эту нравственную пытку, которой подвергался отъ природы нетерпѣливый нравъ мой, разспрашивая повидимому съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, напримѣръ, о томъ, какъ караваны ходятъ по степи, какъ нанимаютъ верблюдовъ, какъ ихъ вьючатъ товарами, какъ идутъ дорогой и какъ, наконецъ, приходятъ на мѣсто? Сто человѣкъ отвѣчали одно и то же и совершенно-одинаково: «О, это «очень-просто! Сперва наймутъ верблюдовъ у Киргизовъ, а какъ надо «отправляться — верблюдовъ и приведутъ; приведутъ верблюдовъ-то, «да и станутъ ихъ вьючить, а тамъ съ Богомъ и въ дорогу. День «идутъ, а ночь отдыхаютъ. Вотъ и идетъ караванъ по-тѣхъ-поръ, «пока не прійдетъ на мѣсто, а на мѣсто прійдутъ, верблюдовъ и отпу«стятъ». Надо было много хитрить, чтобъ добиться до любопытныхъ подробностей, а хитрить нужно непремѣнно, нужно изворачиваться въ разговорахъ, потому-что на прямые вопросы обыкновенно смотрятъ весьма-подозрительно и съ боязнью не кроется ли тутъ какой бѣды.

Въ Асатѣ Куламбаевѣ я, съ первой же моей бесѣды съ нимъ, увидѣлъ очень-интересный для себя субъектъ. Онъ былъ тщеславенъ, самолюбивъ, необширныхъ умственныхъ способностей, но достаточно наблюдателенъ и уменъ для того, чтобъ въ совершенствѣ знать свое дѣло; онъ былъ охотникъ посмѣяться, охотникъ кутнуть поевропейски, жаденъ до удовольствій, о которыхъ только слыхалъ, но въ степи не извѣдалъ, и до-того разговорчивъ, что часто увлекался предметомъ и шибко проговаривался, самъ этого не замѣчая. Къ числу особенностей его надо присовокупить и то, что говорилъ онъ обыкновенно шепоткомъ, никакъ не могъ справиться съ нашимъ «ж» : вмѣсто «жарко» говорилъ и «ярко» и «джарко», коверкалъ и ломалъ русскія слова

страшнымъ образомъ, но вообще владѣлъ языкомъ на столько, что его, даже и при ненапряженномъ вниманіи, легко было понимать.

Дорожа опытностью Асата, я подговаривалъ его погостить у меня съ мѣсяцъ въ Троицкѣ, куда я долженъ былъ ѣхать изъ степи, обѣщалъ ему квартиру, столъ, полное содержаніе и даже денежное вознагражденіе и просилъ его воспользоваться моимъ гостепріимствомъ и раздѣлить мое одиночество въ незнакомомъ мнѣ городѣ. Асатъ не давалъ слова и, не предупредивъ меня, тайно ускакалъ въ ставку султана-правителя, который чрезъ нѣсколько дней и командировалъ его ко мнѣ, изъ желанія содѣйствовать моимъ занятіямъ, назначивъ Асата состоять при моемъ лицѣ.

Въ одно время съ Асатомъ жилъ у меня въ Троицкѣ еще одинъ молодчина-батырь, по имени Сапакъ, преразбитной малый, лѣтъ тридцати, сметливый, расторопный и ужь пообтершійся въ Бухарѣ. Онъ выжилъ у меня цѣлый мѣсяцъ; держалъ вмѣстѣ со мною европейскій столъ, бывалъ доволенъ, когда я иногда готовилъ и раздѣлялъ съ нимъ мухаммеданскія блюда, гордъ и надмененъ, когда, бывало, я ходилъ съ нимъ подъ-ручку прогуливаться по городу, и счастливъ, когда я не унижалъ его передъ посторонними, а обходился съ одинаковымъ почетомъ, любезностью и вниманіемъ, какими обязанъ каждому своему гостю. Было время Уразы, мухаммеданскаго поста. Отъ восхода до заката солнца, мусульманинъ не долженъ принимать пищи; зато по ночамъ Сапакъ наѣдался за троихъ и не прочь былъ отъ запрещеннаго пророкомъ нектара. Шампанское и лафитъ онъ очень любилъ, но гораздо выше ставилъ тѣ напитки, которые быстрѣе и сильнѣе туманили и ошеломляли голову. Принадлежа къ достаточной семьѣ и разыгривая роль барина, Сапакъ не чуждался замашекъ, какъ-то невяжущихся съ барствомъ; напримѣръ: спалъ въ передней на голомъ полу, подостлавъ только войлочекъ, носовой платокъ носилъ только для виду, панибратствовалъ съ прислугою и, въ мое отсутствіе, добровольно обѣдывалъ на кухнѣ. Въ добавокъ ко всему, онъ мастерски игралъ въ вистъ и въ преферансъ и, въ городѣ, ни за что не хотѣлъ ходить въ киргизской одеждѣ: а для внушенія къ себѣ бо́льшаго почтенія, чтобъ придать себѣ видъ купца, щеголялъ только въ татарскомъ платьѣ, то-есть ходилъ въ суконномъ чапанѣ и въ суконной же обшитой соболемъ татарской шапкѣ. Все это я счелъ нужнымъ сказать, чтобъ дать понятіе, въ какой мѣрѣ и какими именно шагами въ глушь Киргизской Степи проникаютъ начала цивилизаціи у высшихъ слоевъ степныхъ обитателей и съ какою еще несмѣлостью и шаткостью боязливый степнякъ, привыкшій къ наружной покорности и смиренію передъ бѣлой костью, входитъ въ роль самостоятельной единицы, въ сознательное пользованіе правами предоставленной ему закономъ свободы дѣйствованія.

Изъ всѣхъ этихъ явленій, отпущеніе волосъ на головѣ и добровольная, хотя бы и временная утрата національности — самыя важныя.

Въ отношеніи мухаммеданскихъ женщинъ эта утрата національности идетъ вотъ въ какой постепенности.

Возьмемъ въ примѣръ степную дикарку, киргизскую дѣвушку изъ

простаго класса. Вообще ходитъ она въ аулѣ съ незакрытымъ лицомъ и, по патріархальности нравовъ, часто является, даже при мужчинахъ, въ одной рубахѣ и туманахъ. Измѣненію ея коренныхъ обычаевъ могутъ содѣйствовать двѣ причины: или она попадетъ въ сожительство къ богатому султану, потому-что въ степи развелось множество бѣдняковъ чистой султанской расы, или уйдетъ на заработки въ рус скій городъ, или въ казачью станицу. Въ первомъ случаѣ, по важности занимаемаго ею положенія, она должна ужь оставить патріархальность прежнихъ привычекъ и, являясь предъ взоры постороннихъ людей, скрывать свое лицо отъ ихъ взглядовъ ширинкой кисеей, спадающей съ ея богатаго головнаго убора.

Упомянувъ о простыхъ, необлеченныхъ отъ высшаго начальства властью, а отъ высочайшей власти чиномъ, султанахъ, прибавимъ къ слову, что, по закону, султаны составляютъ высшее и почетнѣйшее между Киргизами сословіе; званіе ихъ наслѣдственное; они освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній.

Попадая въ среду русскаго населенія, киргизская женщина прививаетъ къ себѣ русскія привычки и многія достоинства и недостатки коренныхъ русскихъ бабъ и, незамѣтно, все больше и больше русѣетъ. Въ счастливыхъ обстоятельствахъ, она одѣвается потатарски; при неудачѣ и безденежьи знакомится съ русскимъ сарафаномъ.

Есть еще дальнѣйшій переходъ для степной женщины изъ киргизскаго, а чаще изъ башкирскаго или инаго, племени. Ей можетъ представиться случай поступить въ жены къ какому-нибудь купцу-татарину, или выйдти за русскаго дворянина изъ мухаммеданъ. Если мужъ, по состоянію своему, пользуется скромною долею достатка, жена совершенно подчиняется нравамъ и обычаямъ господствующаго татарскаго населенія; пьетъ, ѣстъ, румянится, жуетъ смолку, толстѣетъ и жирѣетъ и закрывается, при встрѣчѣ съ посторонними, чадрою или полою накинутаго на голову халата.

Но тамъ, гдѣ мужъ имѣетъ большое значеніе въ своемъ городѣ и, по положенію своему, долженъ держать открытый домъ, тамъ татарщина ужь нѣсколько стирается и принимаетъ лоскъ русской образованности. Мухаммеданка перестаетъ быть татарскою женщиною : она становится татарскою дамою. Чадра откидывается или, лучше сказать, совершенно покидается; женское отдѣленіе съ нарами замѣняется нарядным будуаромъ съ роскошною мёбелью; татарскій кульмякъ выкраивается по мѣркѣ обыкновеннаго городскаго платья; подъ кульмякомъ показывается тонкое голландское бѣлье и кисейныя, вышитыя гладью, манишечки ; шитые золотомъ кожаные сапоги смѣняются прюнелевыми ботинками и бархатными полусапожками; на столикѣ валяется русская книжка и оборыши французскаго романа; въ разговорѣ проскакиваютъ фразы въ родѣ «pardon, mesdames!.. plait-il, monsieur?.. ah, bon Dieu, quel horreur!» и тому подобныя. Татарская дама принимаетъ гостей — въ чепчикѣ, выѣзжаетъ гулять — въ шляпкѣ и, даже въ народномъ костюмѣ являясь передъ публикой, не преминетъ случая быть bien gantée и bien chaussée; батистовый, обшитый тонкими кружевами и сильно-надушоный носовой платочекъ въ рукѣ,

по локоть украшенной дорогими браслетами, свѣжія палевыя перчатки, новомодный парасоль и щегольская коляска на лежачихъ рессорахъ нисколько не придаютъ странности дорогому матерчатому двуличневому кульмяку, малиновому бархатному, вышитому золотомъ распашному полубешмету и широкой бархатной шапкѣ, опушенной дорогимъ бобромъ и унизанной по тульѣ жемчугами или драгоцѣнными камнями. Съ такими принадлежностями наряда татарская дама, замужняя женщина или молодая вдова, живетъ на чужой глазъ въ полномъ смыслѣ на европейскую ногу. Человѣкъ, вездѣ человѣкъ, а женщина прежде всего женщина. Мнѣ случалось лично видѣть мухаммеданскихъ женщинъ во всѣхъ переходахъ и въ разныхъ фазисахъ общественнаго развитія: я ихъ видалъ и верхомъ на коровахъ, видалъ и въ модныхъ экипажахъ, видалъ и степныхъ бабъ, видалъ и дамъ du très comme il faut, а все-таки татарокъ съ головы до ногъ, въ моральномъ отношеніи.

Само-собой понятно, что эта послѣдняя степень развитія не можетъ быть во всей силѣ примѣнена къ киргизскимъ султаншамъ, а касается только татарокъ. Киргизскихъ султаншъ въ Оренбургѣ я видѣлъ два раза на балахъ. Недавность пребыванія въ городѣ не могла, разумѣется, стереть съ нихъ всѣхъ слѣдовъ постояннаго пребыванія въ степи, но и то перемѣны, сопровождавшія ихъ появленіе на балъ, не могли не броситься въ глаза. Лица ихъ были открыты, высокіе національные головные уборы замѣнены татарскими шапками, и вообще въ цѣломъ костюмѣ преобладалъ татарскій элементъ; но появлялись ужь и башмачки, и перчаточки, и батистовые платочки, и даже полуоткрытыя шейки. Ихъ степенства, конечно, не принимали участія въ танцахъ и вообще были необщительны, какъ нелюдимки, запрятавшись всѣ кучкой въ дальнемъ будуарѣ; но все-таки желаніе блеснуть и заинтересовать своею наружностью представителей нашего пола не могло не озабочивать ихъ впечатлительныхъ и поэтическихъ головокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не высказаться какими-нибудь положительными пріемами.

Первою женщиною султанской расы, пустившеюся въ европеизмъ, была Тайкара, принадлежавшая концу минувшаго столѣтія. Чтобъ познакомить читателя съ личностью этой особы, выписываю изъ чужаго сочиненія слѣдующія строки.

«Тайкара, дочь Нурали-Хана, жена хаджи Нур-Мухаммеда, умерла въ 1805 или въ 1806 году. Она была женщина умная, пышная и красотою своею съ ума сводила многихъ. Самымъ жаркимъ и горячимъ ея обожателемъ былъ баронъ И***. Императрица Екатерина Великая подарила ей великолѣпную карету и пожаловала, по смерть, землю въ какой-то губерніи. Тайкара была въ такомъ уваженіи у всѣхъ Киргизовъ, что даже братья ея и прочіе султаны ни въ чемъ не смѣли ей противорѣчить и слушали ее съ почтеніемъ, съ подобострастіемъ. Часто она ихъ журила, бранила и, съ сожалѣніемъ покачивая на нихъ головою, частенько говаривала: «эхъ, не родись я бабой, а родись мужчиной, я бы показала вамъ себя! я бы васъ выучила! да не словами, а дѣломъ, чтобъ и вы, глядя на меня, дѣлали то же, что и я дѣлаю». Тайкара иначе не выѣзжала, какъ въ каретѣ, цугомъ, въ шесть ло-

шадей. Мужъ ея, человѣкъ хорошій, но смирный, служилъ въ коммиссіи, былъ надворнымъ совѣтникомъ и носилъ медаль. Поживъ въ Петербургѣ, Тайкара возвратилась оттуда въ 1797 году и съ-тѣхъ-поръ, по самую смерть, безвыѣздно жила въ Оренбургѣ, противъ одноэтажныхъ казармъ. Она ужасно любила, чтобъ ее, ни съ того, ни съ сего, за то только, что отецъ ея былъ ханъ, Нурали, звали почаще «ваше сіятельство». Жила она совершенно на европейскую ногу; одѣвалась чрезвычайно-богато, однакожь не иначе, какъ покиргизски. Самолюбива была ужасно и вздорничала до смѣха, благо рука была у барона И***. Примѣрно сказать, когда гости пріѣдутъ съ визитами, она не сядетъ по-людски, въ кресло, а заберется на диванъ, поставленный на возвышеніи. По вечерамъ у Тайкары бывала обыкновенно музыка, частенько самая жалкая. Пожила-таки она въ свое время! Схоронена она за оренбургскимъ Мѣновымъ Дворомъ; а послѣ и мужа тамъ же похоронили».

Проведя въ куламбаевомъ семействѣ нѣсколько часовъ, въ короткое время сдружившись съ его членами и взявъ съ нихъ слово опять увидаться, я, напутствуемый пожеланіями всего хорошаго, отправился далѣе, узнавъ, что Киргизамъ очень понравилась обходительность и согласіе, царствовавшія между мною и состоявшимъ при мнѣ башкирскимъ казакомъ-юношей, отъ котораго они старались вывѣдать насчетъ меня всю подноготную.

Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по степи, я отмѣтилъ въ своемъ журналѣ только одинъ аулъ, пребываніе въ которомъ заинтересовало меня общительностью киргизскихъ женщинъ. Это было на урочищѣ, которое Киргизы назвали мнѣ Тобольскимъ Холмутеемъ. Аулъ былъ огромный и состоялъ изъ смѣшанныхъ семей Аргынцовъ и Кыпчаковъ. Естественно, что по наружности я ничѣмъ не могъ отличить ихъ отъ другихъ, видѣнныхъ мною, родовичей, но мнѣ какъ-то бросилась въ глаза особенная рослость и дородность здѣшняго прекраснаго пола.

Одна изъ представительницъ его, женщина на взглядъ лѣтъ сорока, довольно-благообразной наружности, но прездоровенная бабища, настоящій гренадеръ по росту и по голосу, съ чрезвычайно-бѣлымъ лицомъ и съ самыми размашистыми пріемами, зазвала меня къ себѣ въ кибитку и предложила гостепріимство. Мужа ея не было дома; кто онъ такой — не знаю; но по всему видно было, что моя хозяйка пользовалась между всѣми мужчинами и почетомъ и вліяніемъ. Кибитка, по обыкновенію, наполнилась народомъ, и мужчинами и женщинами, и малыми ребятами, сколько ихъ могло помѣститься подъ шатромъ; но сама хозяйка занимала первое мѣсто; мужчины и женщины сидѣли около нея на кошмахъ, поджавъ ноги.

Хозяйка моя, съ чрезвычайною предупредительностью, разспрашивала меня, чрезъ моего ординарца-Башкирца, о цѣли моей поѣздки, освѣдомлялась о моихъ нуждахъ, распоряжалась угощеніемъ и безъ особенныхъ церемоній или неумѣстной, а можетъ-быть и непривычной, скромности, приступила къ исполненію моей просьбы и стала меня знакомить съ принадлежностями женскаго киргизскаго наряда, приподнявъ съ подобающимъ, однакожь, приличіемъ края стеганнаго

своего халата и показавъ концы онучъ, голенища сапоговъ и кончики бѣлыхъ бязинныхъ тумановъ. Мнѣ захотѣлось поближе изслѣдовать обыкновенный женскій головной уборъ, «джаулукъ» или «яулукъ»; хозяйка моя, при первомъ же намекѣ, тотчасъ стащила съ головы свою повязку и стала мнѣ ее показывать. Густые каштановые и весьма негрубые, а довольно-таки шелковистые волосы такъ и разсыпались по объемистымъ плечамъ сорокалѣтней, полной и даже немножко черезчуръ полной пастушки. Надобно замѣтить, что картинки, приложенныя къ «Описанію Киргизъ-Казачьихъ Ордъ и Степей» А. И. Левшина, не совсѣмъ соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ нарядамъ Киргизокъ, а потому я и здѣсь, какъ и у Башкирцовъ и въ другихъ мѣстахъ, позаботился снять нѣсколько сценъ и портретовъ съ натуры. Самъ я рисую изъ-рукъ-вонъ плохо, но у меня былъ превосходный рисовальщикъ, хоть и не академистъ — урядникъ Оренбургскаго Казачьяго Войска, Чернышовъ; многими портретами и сценами одолженъ я и бывшему башкирскому атаману, который мастерски владѣетъ карандашомъ.

Джаулукъ состоитъ изъ двухъ большихъ коленкоровыхъ полотнищъ, въ видѣ отдѣльныхъ платковъ. Одинъ надѣвается на голову такимъ-образомъ, что скрываетъ собою всѣ волоса и широко спадаетъ на грудь, плечи и спину, а другой навертывается на него... не то-что чалмой, а какимъ-то высокимъ, кверху приплюснутымъ цилиндромъ. У важной дамы цилиндръ этотъ стоитъ стоймя и прямо, потому-что важная дама старается «не ворохнуться», не позволяетъ себѣ сильныхъ движеній, ходитъ точно автоматъ; ну, а неважная дама ходитъ какъ попало, движется всѣми членами, а поэтому и джаулукъ у нея свѣшивается на сторону; и та и другая форма тюрбана — изъ рукъ вонъ плоха, но послѣдняя все-таки несравненно лучше — тутъ жизнь видна.

Среди разговоровъ о разныхъ разностяхъ, въ кибитку протискалась еще какая-то женщина съ ребенкомъ и подошла къ первому мѣсту, гдѣ сидѣла хозяйка. Это была дочь ея, а ребенокъ—внукъ, мальчишка лѣтъ трехъ отъ-роду. Онъ былъ одѣтъ безъ особенной изысканности, ходилъ что̀ называется «какъ мать родила». Волосёнки у него не были еще подбриты и клочьями торчали на головѣ; все тѣло загорѣло и неряшливо до крайности; животъ большой и несоразмѣрный туловищу; лицо и даже губы изъязвлены ранками. При приближеніи его къ бабкѣ, хозяйка моя прекратила на мгновеніе разговоръ, погладила и поцаловала внука, пригнула ему голову и поспѣшила покормить его своею грудью, нисколько не прикрывая ее концами джаулука — чистая Аркадія! Недоумѣніе мое при этихъ ласкахъ съ трехлѣтнимъ ребенкомъ не было удовлетворено никакимъ поясненіемъ.

Я пріѣхалъ, должно-быть, вскорѣ послѣ ужина семей, среди которыхъ теперь находился; это я заключаю изъ того, что всѣ присутствовавшіе наперерывъ, мужчины и женщины, какими-то особенными звуками, вылетавшими изъ полстей рта, давали мнѣ чувствовать о совершенномъ пресыщеніи и полномъ удовлетвореніи ихъ желудковъ жирною пищею. Извѣстно, что эти звуки вызываются у степныхъ

кочевниковъ и долгомъ учтивости къ хозяевамъ и засвидѣтельствованіемъ предъ посторонними, что вотъ дескать какъ мы здѣсь сытно ѣдимъ.

Но время ужина еще не совершенно настало: ужинъ, или, по-киргизски, обѣдъ, начинается только по окончаніи всѣхъ дневныхъ работъ, а работы въ аулѣ не были еще покончены. Я вышелъ на степь. Солнышко близко было къ закату, но еще не закатилось; домашній скотъ отчасти пригнанъ къ кибиткамъ, но тамъ и сямъ по горизонту носились еще столбы пыли, ясно указывавшіе, что вотъ это табуны лошадей пасутся на отгонныхъ поляхъ, а вотъ эта пестрая полоса, виднѣющаяся сквозь облако пыли, точно черезъ флёръ — это идутъ быки и коровы, а вонъ тамъ, гдѣ ничего, кромѣ пыли, не видно, это барановъ гонятъ домой.

Киргизы, въ малахаяхъ и въ легкихъ цвѣтныхъ башлыкахъ, скакали по степи въ разныхъ направленіяхъ; молодыя дѣвушки, съ повязанными на головѣ бумажными платочками, тоже суетились, разъѣзжая верхомъ отъ одной отары приближавшихся барановъ до другой; тутъ верблюдица стоитъ не шелохнется, прикармливая тощенькаго и облизаннаго жеребчика; а вотъ и старый верблюдъ помахиваетъ крохотнымъ хвостишкомъ, стараясь согнать кусающаго его шмеля или муху. Верблюдъ ужь началъ линять; клочки мохнатой шерсти виднѣются у него только на темени да на долгой шеѣ; изъ двухъ горбовъ одинъ ужь потерся и повисъ на̀ бокъ; тутъ нагіе мальчишки и дѣвчонки прыгаютъ, заигрывая съ собакой; тамъ байгу̀шъ, весь въ лохмотьяхъ, погоняетъ прутомъ кой-какую скотинку, охраняемую устарѣлымъ, едва передвигающимъ ноги, псомъ...

Слово «байгушъ» у Киргизовъ имѣетъ два значенія: такъ называютъ или взбалмочнаго человѣка, или человѣка почему-либо заслуживающаго состраданіе; въ этомъ смыслѣ оно тожественно нашему слову «бѣдняжка». Напримѣръ, у богатаго человѣка жена умретъ: Киргизъ о немъ не выразится иначе, какъ сказавъ: «эхъ, байгушъ, жену потерялъ!» Но есть еще третье значеніе байгуша, исключительно-принятое и въ русскомъ языкѣ: такъ у насъ называютъ совершенно-обѣднѣвшаго Киргиза: въ этомъ послѣднемъ смыслѣ употребляю это слово и я.

По образу жизни, байгуши раздѣляются на два разряда: на «игинчѝ» и на «унгучё». Подъ выраженіемъ «игинчѝ» разумѣютъ тѣхъ Киргизовъ, которые сѣютъ хлѣбъ, отъ своего ли лица занимаясь хлѣбопашествомъ, или состоя въ работникахъ у богачей-Киргизовъ, занимающихся земледѣліемъ; названіе же «унгучё» придается исключительно тѣмъ Киргизамъ, которые расходятся на заработки въ русскіе города и селенія и не сѣютъ хлѣба.

Есть еще родъ сословія — Тюленгюты или Теленгуты; разница ихъ отъ обыкновенныхъ работниковъ та, что работниковъ могутъ нанимать всѣ желающіе, а Тюленгютовъ избираютъ только къ султанамъ; они избираются біями изъ членовъ, подвѣдомственныхъ имъ ауловъ и препровождаются къ почетнымъ султанамъ, для состоянія при ихъ лицѣ, въ качествѣ прислуги. Изъ этихъ Тюленгютовъ султаны при-

ближаютъ къ себѣ отборныхъ людей, которые и составляютъ при нихъ родъ дружины, или султанской свиты. Это, выходитъ, почти то же, что Кётёчинѐры у Калмыковъ, о которыхъ издано мною особое изслѣдованіе. Да и вообще считаю нужнымъ прибавить, что все, касающееся основныхъ началъ кочевой жизни и быта Киргизовъ, совершенно-тожественно съ основными началами быта Калмыковъ, поэтому во всѣ эти подробности пускаться здѣсь я и не стану.

Въ аулѣ почти всѣ до одной женщины заняты были уходомъ за возвратившимися съ пастбищъ стадами. Въ одномъ мѣстѣ хозяйки доили разставленныхъ въ двѣ линіи, голова къ головѣ, овецъ; тамъ цѣдили въ турсуки молоко отъ кобылицъ, а тутъ старуха, взваливъ себѣ на колѣни жирнаго барана, снимала съ него «веснѝну» съ такимъ искусствомъ, что снятое ею руно казалось настоящимъ мѣхомъ, крѣпко-держущимся на мездрѣ. Изъ этой веснины послѣ сдѣлаютъ ябагу̀, для подстилки подъ чапаны и другую зимнюю одежду, и для носки въ стужу и морозы вмѣсто теплыхъ чулокъ. Но это доступно только людямъ зажиточнымъ; люди обыкновеннаго достатка окутываютъ зимой ноги простою овчиной, или мягкимъ саксà̀комъ. Овчина— это мѣхъ съ стараго барана, а саксà̀къ— шкура, снятая съ молоденькаго барашка, вмѣстѣ съ длинной и очень-шелковистою волною и шерстью. Шерсть осенней стрижки идетъ на валеный товаръ, кошмы, валенные сапоги, поярковыя шляпы и другія издѣлія, которыми такъ славится Нижегородская Губернія.

Овцы ягнятся около половины апрѣля; но смѣтливые купцы, принимающіе дѣятельное участіе въ торгѣ баранами, вслѣдствіе хитросоглашенныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, являются за покупкою ихъ въ февралѣ и мартѣ. Киргизы не должны упускать этого времени, чтобъ накупиться нужными для нихъ товарами; а надобно знать, что въ Киргизской Степи производится и дѣйствительная мѣна и настоящая торговля на чистыя деньги и на кредитъ. Купецъ пріѣзжаетъ и аршинъ за десять, за пятнадцать, а если Киргизъ очень нуждается, то и за шесть аршинъ лежалаго ситца покупаетъ будущаго кургашка, то-есть барана, который родится, можетъ-быть, еще черезъ два мѣсяца. Киргизъ охотно соглашается на мѣну, благо наличныхъ денегъ купецъ съ него не требуетъ.

— Да̀, какъ же намъ быть? спрашиваетъ совѣстливый купецъ, разумѣется, превосходно владѣя киргизскимъ нарѣчіемъ: всѣ прикащики да и казаки славно говорятъ потатарски.— Какъ же намъ быть? продолжаетъ онъ: — вѣдь я больше весной въ степь не поѣду.

— Твое дѣло — самъ знаешь! отвѣчаетъ Киргизъ.

— Да вотъ что̀, братецъ ты мой, куда жь мнѣ съ твоимъ кургашкомъ дѣваться? Ну, ты самъ посуди, умная ты голова!

— Черезъ десять недѣль баранъ будетъ — возьмешь!

— Такъ, стало-быть, на десять-то недѣль ты у меня въ покрутникахъ станешь? Стало, ты мнѣ долженъ остаешься?

— Родится баранъ — сквитаемся!

— Да̀, сквитаемся! когда-то еще этого дождешься, а мнѣ за твоимъ бараномъ не нарочно же въ степь трястись.

— Ну, какъ знаешь, такъ и дѣлай.

— Подавай назадъ ситецъ!

— Пожалуйста, ситецъ оставь: я весь обносился, мнѣ ситецъ нуженъ; да и чего ты боишься, развѣ когда-нибудь пропадали долги на Киргизахъ?

— Ну, что говорить — Киргизы честный народъ; да, братецъ ты мой, за что жь мнѣ-то длить дѣло, Богъ знаетъ, на сколько; наше дѣло торговое, деньги вездѣ нужны... заплати наличными!

— Да у меня нѣтъ наличныхъ!

— Ну, вотъ то-то же — видишь, какое дѣло; какъ ни верти, все оно худо... А развѣ знаешь что?

— А что?

— Да ты прибереги барана-то.

— На долго ли?

— Да до другой весны.

— Видишь ты! вѣдь мнѣ прійдется за нимъ ходить, кормить его...

— Э-эхъ, голова, голова! Ходить! кормить! Да вѣдь ты станешь же ходить за своими баранами? Ну, и за моимъ попригляди! Будешь пасти своихъ? ну, пусть и мой попасется съ твоими вмѣстѣ: не пролѣстъ онъ мѣста! Травы что ли пожалѣлъ? Эка бѣда какая! будто про одного тебя Богъ траву создалъ! въ божьемъ мірѣ на всѣхъ, братецъ ты мой, травы станетъ!.. Такъ ты, того, попридержи моего-то барашка, вотъ что народится, да пригляди за нимъ, хоть за спасибо, что я тебѣ въ долгъ вѣрю... подрастетъ маленечко, отгуляется (отжирѣетъ), а я къ тому времени подоспѣю, пріѣду — возьму! Вѣдь это тебѣ ровнёшенько ничего не стоитъ... ну, что жь, согласенъ?

— Да оно, пожалуй, и въ-самомъ-дѣлѣ такъ ладнѣй будетъ! отвѣчаетъ простодушный степнякъ.

Купецъ съ Киргизомъ ударили по рукамъ — Киргизъ и съ барономъ и съ ситцомъ остается дома, а купецъ уѣзжаетъ.

Черезъ годъ купецъ снова пріѣзжаетъ «на сатовку», на мѣну, въ тотъ же аулъ и встрѣчается съ старымъ знакомымъ.

— А, здорово!

— Здорово!

— Какъ поживаешь?

— Все помаленьку!

— Ну, какъ Богъ далъ по хозяйству?

— Плоховато нынѣче было: все стадо погибло— занесло бураномъ, загнало въ оврагъ, завалило снѣгомъ — такъ всѣ и передохли!

— Эхъ ты, бѣдняжка-бѣдняжка! Жаль мнѣ, братъ, тебя, да что станешь дѣлать — не въ нашей власти, голубчикъ, ни снѣги, ни бураны... Ну, а мой баранчикъ живъ?

— Погибъ вмѣстѣ съ другими.

— Ну, полно шутить! ты его вѣрно прибереглъ... ты честный человѣкъ: ситецъ взялъ и понимаешь, что мнѣ нѣтъ дѣла, были у васъ бураны, или не были... не все же стадо у тебя подохло?

— Съ полсотни головъ осталось!

— Ну, вотъ и мой-то между ними попался — подавай его сюда!

Киргизъ ведетъ купца къ стаду, показываетъ ему на статнаго барана съ бѣлою волной.

— На, вотъ, возьми — теперь мы квиты!

— Что жь это ты, пріятель! возражаетъ купецъ, завидѣвъ въ сторонѣ откормленнаго, жирнаго, чернаго какъ смоль, барана: — меня не проведешь! я знаю, что кургашекъ народился для меня не бѣлый, а весь черный... а, да вотъ онъ... вотъ ты мнѣ его и подавай!

Противъ такого аргумента гдѣ Киргизу спорить? Киргизъ убѣждается въ справедливости требованій всезнающаго торгаша и отдаетъ ему откормленнаго, чернаго годовалаго барана, а между-тѣмъ накупаетъ у купца новаго товара, опять-таки насчетъ будущихъ, имѣющихся родиться кургашковъ.

Годовалый баранъ стоитъ ровно вдвое противъ кургашка; стало-быть, смышлёный и оборотливый купецъ, кромѣ барыша процентовъ тридцати на ситецъ, въ-теченіе года, только за одно пожданье, наживетъ ровно сто процентовъ на вымѣненномъ баранѣ.

Баранамъ въ степи не вездѣ цѣна бываетъ одна и та же. Напримѣръ, тотъ баранъ, который кормится на Линіи, стоитъ, примѣрно, рубль серебромъ: цѣна показывается собственно за годовалыхъ барановъ. На вершинахъ Тургая, гдѣ корма лучше, тамъ заглазно, основываясь только на свѣдѣніяхъ, что скотъ кормился на Тургаѣ, за годовалаго барана даютъ рубль восемьдесятъ-пять копеекъ серебромъ; баранъ, кормленный на урочищѣ Сары-Копа, цѣнится въ рубль шесть гривенъ серебромъ, а если онъ пасся въ пескахъ «Тусунъ», всего верстахъ въ восьмидесяти отъ Сары-Копа, то за него даютъ тридцатью процентами дороже, то-есть болѣе двухъ рублей серебромъ; самый дорогой баранъ тотъ, который кормился на Сыръ-дарьѣ: за него даютъ отъ трехъ съ половиной до трехъ рублей семидесяти-пяти копеекъ серебромъ. Вся причина заключается въ злачности и сочности кормовъ. Двугодовалые бараны продаются по полуимперіалу. Разсчетъ ведется, какъ и во всей Россіи, на ассигнаціи.

Въ Россію, изъ той части степи, въ которой я теперь находился, идутъ преимущественно годовалые бараны, рѣдко двугодовалые, еще рѣже трехъ и четырехгодовалые; въ этихъ послѣднихъ случаяхъ сбываются за одно и бараны и овцы; напротивъ-того, въ Бухару сбываются только одни бараны, только двухгодовалые и только сыръ-дарьинскіе. Покупщики-Киргизы, зная и родъ, и отдѣленіе, и мѣсто кочевокъ продавца барановъ и, задолго до срока купли, получая свѣдѣнія о томъ, что скотъ будетъ пригнанъ съ такого-то мѣста, на основаніи однихъ лишь этихъ данныхъ, и умѣютъ оцѣнить барана. Но у Русскихъ ужь не тотъ разсчетъ; руководствуясь иными видами и покупая барановъ для иныхъ цѣлей, чѣмъ Киргизы, Русскіе берутъ во вниманіе только одну наружность. Жиренъ баранъ, обѣщаетъ онъ много сала — и хорошо, и довольно, и цѣна назначается хорошая; а до тѣхъ внутреннихъ качествъ, которыми дорожитъ Киргизъ, Русскому нѣтъ никакого дѣла. Нельзя не присовокупить къ этому общаго сознанія знатоковъ дѣла изъ природныхъ Киргизовъ, что Курчане, Тамбовцы, Воронежцы и подобные имъ пастухи, лучше всякаго Киргиза

умѣютъ «нагуливать», то-есть, «нажировывать», иными словами «пася утучнять» скотъ въ самое короткое время; «нагулъ» этотъ составилъ у нихъ какую-то особую науку, тайны которой непостижимы для Киргиза, а все-таки они не всякаго, наудачу взятаго, барана поставятъ въ-ровень съ сыръ-дарьинскимъ бараномъ. Вся хитрость нашихъ пастуховъ-нагульщиковъ заключается въ умѣніи, не обезсиливая и не утомляя скотъ, водить его по мѣстамъ старыхъ палѣвъ, по старымъ нивамъ и вообще по такимъ урочищамъ, гдѣ скотъ навѣрное находитъ свѣжую, нѣжную, сочную и питательную зелень.

Замѣчаютъ еще киргизскіе хозяева, что чѣмъ у Киргизовъ больше скота, тѣмъ онъ становится дороже. Мои знакомцы объясняли мнѣ это очень-просто. Они говорятъ, что если у Киргиза много скота, значитъ, онъ сдѣлался богаче; богатый Киргизъ, обладая живымъ капиталомъ и находя въ немъ самомъ источникъ исключительнаго своего благосостоянія, не имѣетъ крайности въ деньгахъ; если же они ему понадобятся, а русскіе торгаши не станутъ давать настоящей цѣны, то ему стоитъ только вести свое стадо на продажу въ Бухару—и онъ будетъ въ чистыхъ барышахъ.

Впрочемъ, бараны — предметъ такой интересный, что, начавъ о немъ говорить, можно очень-долго не кончить. Торговля баранами для насъ имѣетъ огромное значеніе: стоитъ только взять на выдержку одинъ нынѣшній годъ, когда вывозъ сала принялъ такіе огромные размѣры, когда свѣчи такъ жгутся, что къ нимъ подступу нѣтъ. Предметъ этотъ, по своей многозначительности, требуетъ повозможности подробнаго развитія; а потому, намѣреваясь впослѣдствіи подробнѣе о немъ поговорить, я перейду теперь опять-таки къ Киргизамъ.

Киргизы—народъ необыкновенно-честный. Купцамъ не велѣно давать Киргизамъ въ долгъ ничего и жалобъ по долгамъ на Киргизовъ отъ нихъ не велѣно принимать; несмотря на то, купцы берутъ ихъ въ покрутники, то-есть вѣрятъ Киргизамъ. Киргизы знаютъ, что ихъ къ платежу привудить нельзя, но платятъ свои долги исправно, платятъ часто больше чѣмъ слѣдуетъ, кряхтятъ да платятъ! платятъ часто и тогда, когда самъ заимодавецъ не помнитъ ужь о долгѣ, или почитаетъ его пропавшимъ, а иногда добровольно платятъ наслѣдникамъ умершихъ кредиторовъ такіе долги, существованія которыхъ тѣ и не подозрѣвали. Я не привожу знакомыхъ мнѣ примѣровъ, но заимствую одинъ изъ извѣстныхъ всѣмъ записокъ генерала Генса.

Въ Оренбургѣ жилъ купецъ, по прозванью Осоргинъ. Онъ былъ очень-богатъ, но скупъ такъ, что ужасъ! Онъ велъ мѣну съ Киргизами, но чрезвычайно-туго съ ними торговался; а такъ-какъ Киргизы всѣмъ даютъ свои прозвища, то и Осоргина, за его неуступчивость, прозвали они «Темиръ-Булатъ», или просто «Темиръ», порусски—«желѣзо». Онъ раздавалъ Киргизамъ въ долгъ товары и хлѣбъ; былъ онъ человѣкъ безграмотный и потому по смерти оставилъ записки, писанныя кой-какъ и кой-кѣмъ. Сынъ его могъ требовать уплаты только такихъ долговъ, о которыхъ помнилъ или онъ самъ, или его работники. Отцовскія записки разбирать было трудно, а можетъ-быть и безполезно; притомъ же, какъ человѣкъ безпечный, онъ и немного

заботился о сборѣ невѣрныхъ и сомнительныхъ долговъ. Прошло много времени со смерти старика. Разъ молодой Осоргинъ ѣдетъ по Мѣновому Двору и видитъ, что по одному отдѣленію его разъѣзжаетъ какой-то Киргизъ и что̀ есть мочи орётъ во все горло: «Темиръ балгасы! Темиръ балгасы!.. укажите мнѣ темирова сына!» Меткія киргизскія прозвища не умираютъ; присутствовавшіе съ-разу узнали кого ищетъ Киргизъ и указали ему на него. Киргизъ подскакалъ къ Осоргину и, не слѣзая съ лошади, сказалъ: «Двадцать лѣтъ назадъ, я задолжалъ твоему отцу на тридцать кургашковъ; разныя бѣды и неудачи заставили меня откочевать въ отдаленныя мѣста: я не могъ сюда показаться; потомъ меня ограбили на барантѣ: мнѣ нечѣмъ стало заплатить тебѣ. Теперь обстоятельства перемѣнились, я поправился и пригналъ твоихъ барановъ; возьми ихъ и не сердись, что я долго въ долгу оставался». Осоргинъ такъ обрадовался, прибавляетъ г. Генсъ, что даже (!) не сталъ хлопотать о процентахъ.

Я могъ бы въ разныхъ мѣстахъ, кстати и некстати, привести множество извлеченій изъ записокъ почтеннаго генерала, но старался не прибѣгать къ этому, потому-что нѣкоторые предметы, о которыхъ писалъ Генсъ за пятнадцать, за двадцать и болѣе лѣтъ, теперь ужь измѣнились къ лучшему и потеряли интересъ новизны.

Раздача денегъ и хлѣба недостаточнымъ людямъ въ долгъ составляетъ, у насъ, какъ извѣстно, особый видъ промышленности, на который многіе смотрятъ какъ на видоизмѣненіе системы частныхъ банковъ. Возьмемъ ли мы въ примѣръ псковскихъ скупщиковъ льна, мезенскихъ звѣролововъ, ивановскихъ и кинешемскихъ ткачей, судиславльскихъ солельщиковъ грибовъ, нижегородскихъ вязальщиковъ сѣтей, рѣшминскихъ суконщиковъ—вездѣ мы встрѣтимъ одно и то же: капиталистовъ, подъ различными названіями кулаковъ, булыней, мартышекъ, прасоловъ и т. п. Такихъ капиталистовъ зналъ я и въ Киргизской Степи; но и тутъ, по особеннымъ причинамъ, опять сошлюсь на г. Генса.

Кочующіе близь Линіи Киргизы занимаютъ деньги для покупки сѣна Одинъ изъ здѣшнихъ купцовъ, человѣкъ богатый, даетъ Киргизамъ впередъ по одному голландскому талеру или по голландскому ефимку за каждаго барана, съ тѣмъ, чтобъ лѣтомъ получить ихъ по ровному числу, и годовалыхъ и старыхъ. Примѣру его слѣдуютъ другіе, сколько это позволяютъ капиталы ихъ. Киргизы почитаютъ это благодѣяніемъ, и не хотятъ думать о томъ, что лѣтомъ они за трехъ барановъ выручили бы столько же, сколько теперь даютъ имъ за пять.

«Дорого яичко къ великому дню» говоритъ старая пословица и, вѣроятно, намъ съ вами, читатель, не разъ приходилось испытывать на себѣ справедливость этой пословицы: иной разъ не только за три рубля готовъ отдать пять—готовъ дать десять, чтобъ только удовлетворить насущныя, самыя настоятельныя потребности, особенно когда настанетъ крайность. Впрочемъ прижимки торгашей, обуздываемыхъ строгостью надзора, стали становиться рѣже, и въ бытность мою въ

степи я ужь не слыхалъ рѣзкихъ разсказовъ о ихъ продѣлкахъ съ смирными и обыкновенно-кроткими Киргизами.

Странныя вещи продѣлывали эти торгаши въ старые годы. Когда-то, очень-давно, жилъ въ одномъ городѣ Оренбургской Линіи богатый перекупщикъ, начавшій торговать съ алтына и сдѣлавшійся чуть-ли не мильйонеромъ. Онъ принималъ особенное участіе въ барантахъ; скупалъ задешево награбленный Киргизами скотъ и потомъ ужь торговалъ имъ открыто.

У него были огромные табуны лошадей; однѣхъ онъ сбывалъ, другихъ снова пріобрѣталъ такимъ же дешевымъ манеромъ. Однажды, ужь подъ старость, довѣренные его работники, изъ коренныхъ киргизскихъ барантовщиковъ, постучались къ нему условными ударами въ окно, темною, глухою ночью. Надо сказать, что домъ его былъ на выѣздѣ, въ концѣ слободки. Купецъ вскочилъ, выбѣжалъ на улицу и опозналъ пріятелей.

— Что̀ скажете?

— Пожива, хозяинъ: коней привели!

— Нѣтъ? много ли?

— Цѣлый табунъ, хозяинъ: головъ со̀-сто будетъ!

— Ужо̀, постойте, вотъ я сейчасъ оболокусь, сейчасъ же загонимъ ко мнѣ во дворъ.

— Прежде деньги намъ вынеси, а то мы ускачемъ: съ тобой, хозяинъ, надо начистоту дѣло вести.

— Какія же я вамъ деньги дамъ, коли ко̀ней не вижу: надо посмотрѣть хороши ли, чего стоютъ...

— Да вѣдь вотъ они въ двухъ шагахъ, на лугу: всѣ тутъ налицо.

Купецъ прихватилъ полочки халата и побѣжалъ по указанному направленію. Видитъ—въ-самомъ-дѣлѣ табунъ: кони богатые! Правда, темень такая, что хоть глазъ выколи, но кони дружно ржутъ и храпятъ, черными силуэтами рисуясь на темномъ фонѣ покрытыхъ мглою окрестностей и едва-замѣтными очерганіями намекая на превосходство всѣхъ статей. Купецъ обрадовался, вошелъ въ самый центръ табуна и сталъ по одиначкѣ гладить и холить каждую лошадку, ощупывая ихъ крутыя бедра и хоть осязаніемъ стараясь разъузнать о добротности товара. Киргизы торопили его, не то грозили отогнать табунъ, тѣмъ болѣе, что и разсвѣтъ близокъ да и полиція-то не далеко—какъ бы не попасться. Нечего дѣлать! надо было поскорѣй приступить къ торгу. Краденое вѣдь дешево продается: Киргизы запросили по двѣ красненькія ассигнаціи кругомъ съ каждой головы; купецъ сулилъ по полтиннику. Начались споры, переторжки, купецъ далъ рубль серебромъ, потомъ давалъ по талеру, потомъ по синенькой бумажкѣ... дѣло порѣшили на семи рубляхъ кругомъ. Купецъ сбѣгалъ въ избу, отсчиталъ деньги, вручилъ ихъ Киргизамъ; тѣ провѣрили ассигнаціи, ворота заскрипѣли, работники загнали коней во дворъ и остались ночевать тутъ же.

Чуть только забрезжило раннее утро, купецъ выскочилъ полюбоваться на ночную покупку—но какой ударъ былъ нанесенъ ему! Вчера онъ перекупилъ собственныхъ своихъ коней! Работники пригнали

къ нему его же табунъ, да ему же его и продали подъ видомъ краденыхъ киргизскихъ. Работники, раздѣливъ между собою семьсотъ рублей и получивъ на брата столько, сколько не могли они выслужить у торгаша въ нѣсколько лѣтъ, въ ту же ночь ускакали въ степь и разошлись по ауламъ. Семьсотъ рубликовъ канули! Это произвело на торгаша такое потрясеніе, что его, какъ выражается наше простолюдье, «кондрашка хватила»: онъ былъ долго боленъ, но выздоровѣлъ, и ужь говорилъ невнятно, мямлилъ и косноязычилъ, и хоть съ барантовщиками больше не связывался, а все-таки не упускалъ случая провести ближняго.

Однакожь, обратимся къ нашей поѣздкѣ.

Намъ оставалось проѣхать еще одинъ аулъ. Мы прибыли туда довольно-засвѣтло. Но пока ловили лошадей и старались впрячь ихъ въ экипажъ, а надо сказать, что въ одномъ изъ предшествовавшихъ ауловъ какими-то судьбами отыскалась полная троечная сбруя, съ хомутами и съ дугой— времени ушло ужь довольно. Солнышко закатилось, а ходившія по небу облака обѣщали намъ ночь темную. Я не хотѣлъ однакожь здѣсь заночевать и вызвалъ себѣ охотника въ вожаки.

Я слыхалъ множество разсказовъ объ удивительномъ знаніи Киргизами мѣстности, и хотѣлъ самъ испытать на опытѣ: дѣйствительно ли мой вожакъ выведетъ насъ прямо на правительскую ставку, мѣстоположеніе которой, безъ-сомнѣнія, непремѣнно должно быть ему извѣстно. Переходъ намъ предстоялъ недлинный, всего какихъ-нибудь верстъ двадцать-пять, или тридцать, стало-быть, ненужно было особенной хитрости, чтобъ на такомъ незначительномъ пространствѣ избавить насъ отъ непріятности заплутаться.

Необозримыя киргизскія степи для насъ, людей, привыкшихъ распознавать дорогу или по улицамъ въ городахъ, или по верстовымъ столбамъ и вѣхамъ внѣ селеній, естественнымъ образомъ должны казаться какимъ-то необъятнымъ моремъ равнинъ и луговъ, гдѣ путникъ, предоставленный самому себѣ, безъ карты, безъ компаса и безъ привычки ходить по звѣздамъ, неминуемо долженъ погибнуть.

Для Киргиза, который родился въ степи, который весь вѣкъ свой провелъ на степи, сроднился съ нею, знаетъ ее точно такъ же, какъ знаетъ самого себя — степь представляется знакомымъ городомъ, въ которомъ всѣ улицы и всѣ закоулки, по привычкѣ ужь, совершенно ему извѣстны. Степь для него—родной домъ, въ которомъ онъ, и при дневномъ свѣтѣ и въ потемкахъ, знаетъ всѣ переходы и выходы. Каждое живое урочище, каждый пригорокъ, каждое неважное возвышеніе, каждый кустикъ, каждый солонецъ, каждый оврагъ, всѣ изгибы рѣчекъ, небольшое озерко, едва-примѣтная лощина, пески, лужайка, курганъ, могила—все это извѣстно Киргизу наперечетъ; вездѣ распоряжается онъ какъ въ своей комнатѣ; все служитъ для него верстовымъ столбомъ; все служитъ ясною, хотя и для него одного понятною, надписью.

Выведи нечаянно каждаго изъ насъ въ темную іюльскую ночь, или въ раннее туманное утро, на самую середину неосвѣщеннаго фонарями Царицына-Луга: для каждаго изъ насъ немного потребуется вре-

мени, чтобъ опознаться. На темномъ фонѣ картины очертятся силуэты или суворовскаго памятника, или шпица Михайловскаго Замка, или выяснится ровная черта, окаймляющая верхушки деревъ Лѣтняго Сада. По этимъ признакамъ мы тотчасъ сообразимъ, въ какой сторонѣ Нева, гдѣ Круглый-Рынокъ, а гдѣ Цѣпной Мостъ: намъ ужь не будетъ стоить большаго труда идти куда лежитъ дорога: направленіе пути мы выберемъ сами, разсчитавъ предварительно какъ намъ выгоднѣе пройдти, напримѣръ, къ Круглому-Рынку. Изъ самаго центра Царицына-Луга мы можемъ выйдти туда тремя путями: или мы направимся къ Мойкѣ и у угла большаго дома завернемъ направо, или пойдемъ по Мильйонной и тамъ переулкомъ своротимъ налѣво, или обратимся сначала къ Невѣ и оттуда сдѣлаемъ крюкъ, слѣдуя Машковымъ Переулкомъ. Царицынъ-Лугъ мы перейдемъ даже съ завязанными глазами: мы знаемъ, что онъ всегда чистъ и гладокъ, какъ полъ; но если мы, за нѣсколько дней назадъ, видѣли, что вотъ въ этомъ-то углу поправляли насыпь, мы осторожнѣе пойдемъ въ сосѣдствѣ памятной намъ мѣстности и будемъ выискивать болѣе ровную дорогу.

Точь-въ-точь то же самое и въ Киргизской Степи. Поэтому и нельзя, разумѣется, назвать инстинктивною способность Киргиза въ одно мгновеніе сообразить направленіе разныхъ урочищъ, длину тѣни, положеніе солнца и луны, способность, безъ дальняго и продожительнаго процеса размышленія и соображенія, въ тотъ же мигъ указать, по требованію, въ какую угодно сторону: на западъ ли, или на востокъ, на полдень, или на полночь. Способность эта, пріобрѣтаемая вслѣдствіе привычки и необходимости слѣдить за ходомъ свѣтилъ небесныхъ и вслѣдствіе самаго короткаго знакомства со степью — способность эта, укрѣпляемая хорошею памятью, далась въ удѣлъ не одному Киргизу: всѣ степные жители, Калмыки и коренные русскіе казаки дальнихъ степей, даже Донцы, не говоря ужь про Уральцовъ, которые, по самой природѣ своей, коренные мореходцы и коренные степные наѣздники, обладаютъ въ большей или меньшей степени такою же способностью вызнавать дорогу тамъ, гдѣ нѣтъ дороги и прокладывать пути въ мѣстахъ, по нашему, непроходимыхъ. Большую или меньшую степень неодинаковости въ этомъ отношеніи кладетъ естественное различіе привычекъ жизни номада отъ привычекъ жизни осѣдлаго человѣка; и тамъ гдѣ Киргизу, для ознакомленія съ мѣстностью, нужно побывать только однажды, но все-таки побывать непремѣнно, нашему брату-горожанину надо проѣхаться взадъ и впередъ нѣсколько разъ, да и то врядъ ли кто изъ насъ пустится въ безбрежье степи одинокимъ, безъ провожатыхъ: непремѣнно потруситъ, изъ того же ложнаго страха, изъ-за котораго не каждый петербургскій мужчина, привыкшій къ Невскому-Проспекту и къ Морскимъ, рѣшится, въ глухую осеннюю ночь, прогуляться по закоулкамъ Колтовской, или другой подобной ей улицы Петербургской или Выборгской Стороны.

На возраженіе, которое въ эту минуту, вѣроятно, дѣлаетъ въ своемъ умѣ читатель, мы отвѣтимъ пословицей «волка бояться—въ лѣсъ

не ходить!» Гдѣ не бываетъ шалостей? Гдѣ человѣкъ—тамъ непремѣнно и зло. Случается, что и на Невскомъ-Проспектѣ, при полномъ газовомъ освѣщеніи, у прогуливающихся франтовъ выхватывали зонтики изъ рукъ, или тамъ же, среди бѣлаго дня, вытаскивали платки изъ кармана; и въ Киргизской Степи не дадутъ спуску оплошному страннику; но вѣдь это все исключенія! Чтобъ понять что̀ теперь значитъ Киргизская Степь, я не поставлю въ примѣръ свой переѣздъ по ней: моя поѣздка особь-статья; а скажу только одно, что въ мою бытность, простыя русскія бабы свободно и безъ обидъ проѣзжали по всему пространству степи, отъ Оренбурга вплоть до Аральскаго Укрѣпленія. Про купцовъ и чиновниковъ и говорить нечего: купцу съ товаромъ Киргизы рады, какъ какой-нибудь особенной благодати, они запоятъ и закормятъ и распотѣшатъ добраго человѣка; чиновника они тронутъ необыкновенною внимательностью, самыми рѣзкими изъявленіями почтительности, самымъ открытымъ гостепріимствомъ.

Вожакъ вывелъ насъ чрезвычайно удачно, прямёхонько на ставку. Слабосильныя для упряжной ѣзды, степныя лошади умаялись и давно укротили свою ретивую побѣжку; тарантасъ безъ шума катился цѣликомъ по мягкой росистой травѣ; провожатые наши, ускакавшись въ-продолженіе долгой дороги, перестали покрикивать и безъ гиканья погоняли усталыхъ лошадей; тишь была по степи такая, что слышно было, ка̀къ кони ступали о землю, ка̀къ трава шуршала подъ колесами. И среди этой тиши, до насъ вдругъ долетаетъ протяжный звукъ высокой ноты, огласившей окрестность и долго незамиравшей въ воздухѣ. Въ этомъ звукѣ было что-то родное, что-то близко-знакомое, но что̀ именно — этого никакъ не могъ я себѣ выяснить въ первую минуту. Точно такой же звукъ раздался опять гдѣ-то далеко, но ужь въ другомъ мѣстѣ и другимъ голосомъ. Онъ тоже долго какъ-будто дрожалъ, какъ-будто колыхался надъ нами и наконецъ исчезъ, испарился въ рѣзкомъ перерывѣ. Послѣ короткой паузы, опять та же протяжная нота и опять-таки въ другомъ концѣ... Что̀ жь бы это такое было? Мнѣ знакомы эти звуки, я знаю ихъ очень-хорошо; но все еще не могу отдать себѣ отчета, но мнѣ ужь весело становится на сердцѣ, я чего-то ожидаю привѣтливаго, кровнаго... неужели это...?

— Слу-ша-й! явственно раздалось въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ меня.

Та̀къ, я не ошибся: это оклики сторожевыхъ казаковъ; теперь я дома; я между своими; не одни полудикіе кочевники будутъ моими собесѣдниками, я отведу душу съ нашими удальцами, я наговорюсь съ ними и вѣрно вынесу много теплыхъ, отрадныхъ впечатлѣній.

Вдали показались огни, едва мерцавшіе изнутри кибитокъ: вѣроятно, для освѣженія шатра, съ рѣшотокъ откинуты войлоки. Какъ это напоминаетъ русскую деревню; сходство увеличивается и тѣмъ, что въ сумракѣ ночи я могъ разглядѣть правильные ряды ко̀шей, разставленныхъ точно будто улицей; свѣтлыя и сѣрыя, чистыя кошмы придаютъ издали этимъ кошамъ видъ мазанокъ или только-что выстроенныхъ, чистенькихъ, новенькихъ избъ. Вотъ стая собакъ кинулись на

меня съ громкимъ лаемъ; вотъ вдалекѣ раздался новый вой псовъ, вотъ надъ самымъ ухомъ раздается новый окликъ:

— Кто идетъ? гаркнулъ во все горло казакъ на часахъ, либо съ радости, либо съ просонку.

— Гости! отвѣтилъ я, изъ ума вонъ, что, по принятому порядку, отвѣчаютъ «солдатъ!»

Въ аулѣ сдѣлалась маленькая тревога; народъ закопошился, сталъ вылѣзать изъ кибитокъ; дозорный казакъ, овладѣвъ возжами нашей упряжки, подкатилъ насъ къ одной кибиткѣ и съ рукъ на руки сдалъ какому-то Киргизу.

Было ужь далеко за полночь, но еще не весь аулъ спалъ. Намъ объявили, что султана-правителя нѣтъ теперь въ ставкѣ, что онъ, предводительствуя отрядомъ, отправился, нѣсколько дней тому назадъ, въ дальнюю степь обозрѣвать благосостояніе ауловъ; что въ отсутствіе его правитъ должность его помощникъ, старшій братъ, султанъ Мухаммедъ и что такъ-какъ теперь поздно, то я могу, отложивъ обычныя церемоніи въ сторону, занять назначенную для гостей кибитку и спокойно ложиться спать.

Я вошелъ въ указанную кибитку. Почти слѣдомъ за мной, Киргизы втащили сюда же двѣ огромныя мягкія перины безъ простынь, но зато крытыя свѣжею шелковою матеріею, нѣсколько огромныхъ подушекъ въ изголовье, тоже въ щегольскихъ шелковыхъ наволочкахъ, и необыкновенно-толстое теплое двуспальное матерчатое одѣяло, съ лица и съ изнанки покрытое «бикасапомъ». Приготовивъ постель, Киргизы на безукоризненно-чистомъ русскомъ «діалектѣ» освѣдомились: не угодно ли мнѣ ужинать, что̀ прикажу подать утромъ на завтракъ и въ которомъ часу велю себя разбудить, пожелали мнѣ спокойной ночи, откланялись и вышли вонъ.

Я легъ-было спать, но двери кибитки снова растворились; двое Киргизовъ поставили на полъ стеариновыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, остановились у дверей и въ нихъ показался чрезвычайно-красивый собою полный мужчина, лѣтъ подъ сорокъ, брюнетъ, въ темномъ суконномъ чапанѣ, изъ-подъ котораго выглядывалъ свѣтлый шелковый халатъ, и въ богатомъ, изъ дорогихъ лисицъ сшитомъ, малахаѣ, покрытомъ плотною шелковою тканью. Это былъ султанъ Мухаммедъ.

— Ради Бога не безпокойтесь; вы нашъ гость и мнѣ хотѣлось первому поздравить васъ съ пріѣздомъ.

— Помилуйте, султанъ, я долженъ... мнѣ сказали...

— Пожалуйста не безпокойтесь, отложите всѣ церемоніи до завтра, а сегодня ужь вы меня извините, что я такъ поторопился удовольствіемъ съ вами познакомиться.

Пошли разговоры; новые знакомцы, какъ всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ, переливаютъ изъ пустаго въ порожнее и, точно состязатели какіе, щеголяютъ другъ передъ другомъ цвѣтистостью и душистостью расточаемыхъ комплиментовъ. Султанъ Мухаммедъ, извѣстившись о цѣли моего пріѣзда, которая показалась ему, разумѣется, слишкомъ-хитрою и замысловатою и, сообразивъ мгновенно разные случаи воз-

можности инкогнито... что я ѣзжу инкогнито — этому многіе вѣрили, многіе даже въ глаза называли меня «господиномъ инкогнито» — такъ султанъ Мухаммедъ кончилъ ночную бесѣду со мной объявленіемъ, что, по случаю пріѣзда такого дорогаго гостя, онъ ужь распорядился послать нарочнаго гонца къ его высокостепенству брату, съ извѣщеніемъ обо мнѣ и съ просьбою поторопиться возвращеніемъ.

Ночь проспалъ я какъ убитый и проснулся ужь очень-поздно. Къ чаю подали мнѣ щегольской серебряный сервизъ и, вмѣсто сухарей, какія-то маленькія, но претолстыя и обратившіяся совершенно въ камень лепёшки, «майлё-кульшё». У богатыхъ Киргизовъ лепешки эти, вывозимыя изъ Бухары, имѣютъ такое же значеніе предмета роскоши какъ американскіе галеты у насъ; но галеты можно по-крайней-мѣрѣ легко разжевать, а объ майлё-кульшё только зубы переломаешь. Но вотъ, возлѣ меня застучали тарелки, зазвенѣли серебряные ножи и вилки и Киргизъ, преклонившись, поставилъ передо мной какой-то сосудъ, закрытый серебряною крышкой: я приподнялъ ее и остолбенѣлъ отъ изумленія.

Котлетки съ горошкомъ! Отбивныя телячьи котлетки съ разварнымъ зеленымъ горошкомъ! Да нѣтъ, быть не можетъ!... я перекинулъ со стороны на сторону одну штучку, другую, понюхалъ, разрѣзалъ, поднесъ ко рту — дѣйствительно такъ: котлетки съ горошкомъ! да еще какъ мастерски приготовлены!... Вотъ оно, просвѣщеніе-то, куда бросилось! вотъ въ чемъ начатки-то европейской цивилизаціи!... Оно, вѣдь кажется, что за важность котлетки съ горошкомъ, да дѣло-то не въ котлеткахъ, а въ томъ, что нѣкоторые Киргизы у себя въ степи сами готовятъ, сами ѣдятъ котлетки съ горошкомъ! Что за невидаль котлетка? А посмотришь — котлетка-то и притащила съ собою какую-нибудь новую, русскую мысль!

Послѣ завтрака я отправился въ аулъ съ визитами, какъ слѣдуетъ, въ черномъ фракѣ и въ палевыхъ перчаткахъ. Вѣроятно, зная слабость русскаго человѣка къ визитамъ и поэтому желая избавить меня отъ ихъ многочисленности, султанъ Мухаммедъ созвалъ къ себѣ въ кибитку всѣхъ почетныхъ Киргизовъ.

Я вошелъ къ нему, раскланялся, и такъ-какъ минувшею ночью не было никакого ни спроса, ни разговора о моемъ имени, то теперь, слѣдуя обычаю, я и объявилъ султану свою фамилію; но, изъ желанія поддѣлаться подъ татарщину и тѣмъ расположить въ свою пользу Киргизовъ, я выкинулъ въ выговорѣ букву «ь», а «и» произнесъ какъ «ы». Но едва я выговорилъ, какъ между присутствующими послышался ропотъ удивленія, многіе очень-быстро окинули меня съ головы до ногъ, и я, къ ужасу моему, очень-ясно замѣтилъ, что Киргизы мои еле-держатся, чтобъ не расхохотаться. Въ первую минуту это меня чрезвычайно-сконфузило.

— Нэ булсунъ?.. Ха, ха, ха, ха!.. Нэ булсунъ?? вопросительно проговорилъ какой-то прекоротенькій, но прежирненькій Киргизъ, какъ я послѣ узналъ, благодѣтельный майоръ Балгаджа Ямгурчинъ.

— Нэ блсынъ!.. нэ блсынъ, нэ блсынъ! отвѣтилъ самъ же Балгаджа, покачавъ нѣсколько разъ головой.

Присутствовавшіе всѣ разомъ снова улыбнулись.

— Эхъ, ни булса булсунъ! снова сказалъ онъ, отчаянно махнувъ рукой.

При этомъ восклицаніи, Киргизы закусили языки; я очень-хорошо видѣлъ, что вотъ сію же минуту они такъ и лопнутъ со смѣху. Что было во мнѣ смѣшнаго? Какая причина могла сдѣлать изъ меня посмѣшище цѣлаго собранія? Я готовъ былъ прійдти въ негодованіе, но успѣлъ еще сохранить хладнокровіе и узнавъ всю штуку, самъ громче всѣхъ расхохотался. Дѣло въ томъ, что весельчакъ, старикъ Балгаджа, острилъ на мой счетъ и строилъ каламбуръ на каламбурѣ. «Нэ булсунъ?» по-киргизски значитъ «что-то будетъ?», «нэ блсынъ»— «ничего не будетъ!», а «ни булса булсунъ» значитъ «что будетъ то будетъ!»

Послѣ этой забавной сцены и послѣдовавшихъ затѣмъ разговоровъ, мы совершенно сдружились между собою. Перерывая безпрестанно нить разговора и обращаясь съ новыми вопросами объ интересовавшихъ меня предметахъ, я, между-прочимъ, окидывалъ глазами помѣщеніе, въ которомъ мы теперь находились и которое поразило меня своею обширностью и богатствомъ убранства.

Кибитка султана Мухаммеда, назначенная собственно для гостиной залы, имѣла въ діаметрѣ аршинъ пятнадцать и состояла изъ двухъсотъ головокъ. На высотѣ около одного аршина, рѣшотка кибитки съ внутренней стороны выложена была вся кругомъ легкой цыновкой, составленной изъ рисовой соломы, такимъ-образомъ, что каждая соломенка крутообмотана была разноцвѣтнымъ несученнымъ шолкомъ, а всѣ онѣ вмѣстѣ соединеніемъ своимъ представляли какъ-бы узорчатый коверъ, состоящій изъ разноцвѣтныхъ тридцати-двухъ-сторонихъ клѣтокъ, внутри которыхъ были другія, меньшія клѣтки, а въ самой серединѣ ихъ — звѣздочки или букеты цвѣтовъ. Эти дорогія цыновки служили въ кибиткѣ тѣмъ же, чѣмъ для насъ служатъ цвѣтныя и живописныя стеклянныя ширмочки на окнахъ: они мѣшали любопытнымъ видѣть снаружи, что внутри кибитки происходитъ. Такія цыновки дѣлаются и во всю высоту кибиточной рѣшотки.

Верхъ кибитки выложенъ бѣлыми, какъ снѣгъ, войлоками и обвязанъ широкими, вершка въ три-четыре, шерстяными красными тесьмами, на которыхъ рядами вышиты были разноцвѣтные треугольники. Двери были двойныя. Первою дверью служитъ чистый бѣлый кошемный пологъ, вышитый шерстями и шелкомъ; подъ войлочною дверью блестѣли другія, деревянныя створчатыя двери, выкрашенныя красною краскою и раззолоченныя. Когда въ кибиткѣ холодно, то запираютъ и эти двери и опущаютъ кошемный пологъ; если въ ней душно, то и двери растворяютъ и пологъ вскидываютъ кверху; но если солнышко свѣтитъ прямо въ двери, а между-тѣмъ въ кибиткѣ жарко, то деревянныя двери оставляютъ открытыми внутрь, а опускаютъ одинъ пологъ. Припертыя двери и поднятый пологъ означаютъ, что хозяинъ дома, а если двери заперты и пологъ опущенъ, то это означаетъ, что хозяинъ или спитъ, или его нѣтъ дома.

Внутренность кибитки иногда обивается, или собственно обвѣши-

вается, красными и другихъ яркихъ цвѣтовъ сукнами, вышитыми шолкомъ въ узоръ. Полъ щедро выкладывается большими коврами. Такая кибитка бываетъ очень-дорога и, смотря по цѣнности матеріаловъ, можетъ стоить до трехъ тысячъ рублей серебромъ, и даже гораздо-дороже: а надо замѣтить, что богатые люди не могутъ довольствоваться одною кибиткой: они ихъ держатъ десятками. Одна кибитка назначается для спальни, другая для кабинета, третья для гостиной, четвертая для одной жены, пятая для другой, шестая для матери, седьмая для дѣтей, двѣ-три для ближайшей прислуги, одна для кухни, двѣ-три отдаются гостямъ и такъ далѣе.

Въ кибиткѣ султана Мухаммеда, прямо противъ входа, поставлено было сидѣнье, составленное изъ двухъ пребольшущихъ шолковыхъ подушекъ, положенныхъ на низенькую деревянную подставу. Вправо отъ этого сидѣнья стояло широкое низенькое ложе съ шолковымъ пуховикомъ, съ бѣлымъ бумажнымъ одѣяломъ, которое превосходно было вышито отъ руки разными шелками, и съ богатыми штофными подушками. Ложе было прикрыто чѣмъ-то въ родѣ балдахина, бѣлымъ каленкоровымъ навѣсомъ, вершина котораго представляла собою наклоненную плоскость; все это убрано легкою гарусною пунцовою бахрамой. Въ ногахъ разбросаны дорогіе халаты; по полу разостланы богатые ковры и полсти.

Между кроватью и дверью развѣшано щегольское оружіе, двуствольныя ружья отечественной выработки и французскаго дѣла, драгоцѣнные кинжалы, сабли, уздечки, ногайки, сѣдла и разныя принадлежности вооруженія и конской сбруи. Влѣво отъ сидѣнья въ два и три ряда разставлены блестящія отъ лоска, отъ масляной краски и отъ латунныхъ, стальныхъ и серебряныхъ украшеній и оковокъ, сундуки разныхъ размѣровъ; они всѣ кругомъ были обложены войлоками, но такимъ-образомъ, что лицевая сторона оставалась незакрытою. Такого степнаго великолѣпія мнѣ ни прежде, ни послѣ не доводилось видѣть.

Я очень-хорошо замѣтилъ, что достопочтенные киргизскіе султаны и біи посматривали на меня съ тѣми же плохо-подавляемыми улыбочками, съ какими и мы смотримъ на дикаря, когда его вниманіе поражается принадлежностями нашего щегольства и пышности. Но что мнѣ было до этого за дѣло? я вставалъ съ мѣста, подходилъ къ занимавшему меня предмету, разсматривалъ узоры, ощупывалъ ткани и приглядывался ко всему, что привлекало мое вниманіе. Вслѣдствіе этихъ развлеченій, разговоръ нашъ былъ многостороненъ, но я изъ него извлекъ немногое. Я только узналъ, что султанъ-правитель, султанъ-Ахметъ «бѣда какой человѣкъ», зло преслѣдуетъ барантовщиковъ и конокрадовъ; что Киргизы этой части степи (вслѣдствіе вліянія на нихъ бухарскаго элемента), вообще не курятъ и не нюхаютъ; но исключенія, какъ и вездѣ, и тутъ, разумѣется, бываютъ, и первымъ исключеніемъ служитъ самъ султанъ-правитель: онъ нюхаетъ рапѐ и куритъ папироски и гаванскія сигары; что Киргизы очень любятъ ястребиную охоту; ученыхъ соколовъ и ястребовъ они покупаютъ у Башкирцовъ; у нихъ же покупаютъ и

деревянныя издѣлія; арбы Киргизы дѣлаютъ сами; у этихъ арбъ колеса преогромныя и преуродливыя, они никогда не оковываются желѣзомъ, ободья сложены дурно, а втулки дѣлаются въ-родѣ боченковъ. Киргизы знакомы и съ телегами; но своихъ телегъ не имѣютъ, а когда ѣздятъ за солью, то берутъ ихъ на-прокатъ у Русскихъ и уговорную сумму уплачиваютъ не деньгами, а солью. Киргизы, какъ всѣ вообще кочевыя племена, воды никогда не пьютъ; въ періодъ кочевки они, по-крайней-мѣрѣ, каждые десять дней, если не чаще, перемѣняютъ мѣста стоянки; на настоящемъ же урочищѣ правительская ставка стоитъ ужь десятыя сутки.

Наговорившись до-сыта и до-сыта угостившись кумысомъ, мы отправились прогуляться по кочевкѣ. Правительская ставка была обширна и, дѣйствительно, походила на огромное селеніе, съ тою разницею, что деревенскія избы замѣнены были здѣсь подвижными жильями. Обширныя площадки раздѣляли одинъ аулъ отъ другаго; но народу мало было видно: всѣ заняты своимъ дѣломъ, а взрослые мужчины съ разсвѣта ускакали на отгонныя поля пасти лошадей, крупный рогатый скотъ и барановъ; лишь мѣстами, вблизи стойбищъ, виднѣлись тамъ и сямъ верблюды, да аульныя собаки жались около кибитокъ, и подъ ихъ тѣнью укрывались отъ жара. Но погода, нельзя сказать, чтобъ была знойная, напротивъ-того, во время моего пребыванія въ степи, Киргизы жаловались на холода и разсказывали, что они давно не запомнятъ такого нетеплаго лѣта.

Но что̀ было здѣсь чудно, что̀ было выше всѣхъ словъ — такъ это небо! Оно было чисто и спокойно, ни одно облачко не мутило его привѣтливой ясности; хрустальный сводъ его блисталъ такою бездонною глубиною синей, чистѣйшей какъ ультрамаринъ, лазури, что и взоры и воображеніе невозмутимо плавали и тонули въ его безбрежной выси, освѣжаясь какими-то радостными видѣніями чего-то сладкаго, чего-то желаннаго, и съ какою-то надеждою готовясь встрѣтить тамъ привѣтный откликъ на несознаваемые, но возникающіе въ душѣ вопросы.

Послѣ кратковременной прогулки, султанъ Мухаммедъ повелъ меня къ султаншамъ и отрекомендовалъ меня своей родной матери и мачихѣ. Обѣ онѣ приняли меня въ общей кибиткѣ, кромѣ обширности неотличавшейся никакимъ особенно-замѣчательнымъ убранствомъ; да и на нихъ самихъ не было никакихъ особенностей; только дорогія шелковыя матеріи на платьѣ, да кисейный джаулукъ и отличали ихъ отъ простыхъ Киргизокъ. Что касается до главнаго—до личности хозяекъ, то физіономіи обѣихъ султаншъ были очень-выразительны. Старшая, однакожь, изъ нихъ, дочь Айчувака, обладала какою-то особенною способностью выражать въ одно и то же время и привѣтливость, и достоинство, и простодушіе, и величіе. Взглядъ у ней гордый, особенно когда она вдругъ какъ-будто встрепенется и въ полоборота окинетъ быстрыми глазами собесѣдника, а въ каждомъ движеніи было столько приличія и благородной простоты, что я невольно отдалъ ей предпочтеніе передъ дочерью Джангера, мачихой султана Мухаммеда и родною матерью султана-правителя: въ ней тоже

много было остойчивости и горделивости, но она какъ-то мало меня привлекала; она сидѣла почти постоянно опустивъ глаза въ землю и рѣдко прерывая молчаніе, да и въ самомъ молчаніи ея проглядывало безучастіе къ нашей бесѣдѣ и какая-то апатичность ко всему. Зная, что у Мухаммеданъ приличія не допускаютъ разспрашивать мужчинъ объ именахъ ихъ родственницъ, я тоже не задавалъ этихъ вопросовъ султану-Мухаммеду; признаться сказать, это такъ мало меня занимало, что я забылъ разспросить о томъ даже и послѣ у кого-нибудь другаго. Я дорожилъ другими болѣе-любопытными свѣдѣніями, такъ-сказать, конфиденціальными данными и выпытывалъ косвенными разговорами кое-что о домашней жизни киргизскихъ бабъ, женщинъ, дамъ и барынь, но, конечно, не всѣ мои вопросы разрѣшались одинаково-удовлетворительно.

Я говорилъ, что богатые Киргизы имѣютъ по нѣсколько кибитокъ; но касательно вообще домоустройства, ни одинъ изъ нихъ не можетъ похвастаться совершеннымъ усвоеніемъ нашего образа жизни. Напримѣръ, богачи—кушаютъ сладко, а у нихъ нѣтъ всѣхъ тѣхъ аппартаментовъ, безъ которыхъ у насъ даже очень-небогатые люди не могутъ обходиться: такъ нѣтъ у нихъ ледниковъ, чердаковъ, и другихъ подобныхъ тому принадлежностей порядочной квартиры. Комфорта не знаютъ!

Киргизы, какъ кочевые обитатели, обыкновенно цѣлый день проводятъ на конѣ; но случается, и очень-часто, что они и пѣшкомъ гуляютъ, но недалеко, и это не только мужчины, но и женщины, даже и знатныя дамы. Я имѣлъ нѣсколько разъ невольные случаи наблюдать за этими прогулками. Моя кибитка раскинута была на такомъ мѣстѣ, что мнѣ почти все было видно во всѣ стороны; между-прочимъ, прямо противъ меня, однакожь на довольно-почтительномъ разстояніи, жили султанши, матери и жены, сюда налѣво немножко-поближе ко мнѣ—дѣти, а тамъ около—прислужницы, туда подальше — прислужники.

Я, бывало, утромъ, а не то и вечеромъ въ свободную минутку, приподниму краешекъ войлока у моей кибитки, да сквозь нее, приставивъ къ глазамъ бинокль, и смотрю, что̀ кругомъ меня дѣлается? И вижу, напримѣръ, что напротивъ меня откинулся у одной кибитки пологъ. Выходятъ двѣ женщины-прислужницы и останавливаются у дверей внѣ кибитки; потомъ выходитъ сама барыня и идетъ прогуливаться. Горничныя, или такъ-какъ эта Аркадія напоминаетъ мнѣ почтенную старину, комнатныя, сѣнныя дѣвушки идутъ за ней слѣдомъ. Барыня идетъ шагомъ, и дѣвушки шагомъ; барыня прибавитъ шагу, и дѣвушки прибавятъ; барыня проходитъ мимо мужчинъ, и дѣвушки идутъ тутъ же. Такъ идутъ онѣ, идутъ, и долго идутъ! наконецъ минуютъ всѣ кибитки и очутятся на чистой равнинѣ и все продолжаютъ идти; приходятъ потомъ къ какому-нибудь холмику, къ овражку, или къ ложбинкѣ — и вдругъ барыня исчезаетъ, а дѣвушки останавливаются и стоятъ какъ вкопанныя. Только самымъ прилежнымъ образомъ всматриваясь въ даль, подметишь что-то живое: это изъ-за овражка барынина головка въ джаулукѣ виднѣется: а у дѣвушекъ джаулука нѣтъ.

Нагулявшись около овражка, нарвавши тамъ травки и цвѣточковъ, аркадская пастушка опять появляется на равнинѣ и прежнимъ размѣреннымъ шагомъ возвращается въ свою кибитку. Случается, что барыня рветъ цвѣты въ одномъ углу ложбинки, а дѣвушка въ другомъ. И надобно сказать, Киргизы вообще склонны, должно-быть, къ садоводству: я сколько разъ видалъ какъ и кавалеры и дамы ходили рвать цвѣты къ одному и тому же холмику.

Но зато какъ же плохо приходится романтическимъ головкамъ тѣхъ пастушекъ, которыя идутъ пѣшкомъ помечтать о лунѣ гдѣ-нибудь въ отдаленности. Тутъ удолье, одна сторона котораго сильно освѣщена серебристымъ свѣтомъ мѣсяца; здѣсь кусты роскошныхъ цвѣтовъ; надъ ними, сложивъ ручки на колѣни, съ тоскою на лицѣ, сидитъ одиноко мечтательная дѣва; луна плавно течетъ по далекому небу и чудный блескъ ея сіянія превращаетъ въ алмазы каждую каплю росы, которою обильно орошены прелестные цвѣтки, будто на сонъ грядущій опустившіе головку. Одинокая дѣва сидитъ; она сильно задумалась; мысли ея блуждаютъ далеко, она прозираетъ въ будуще и не видитъ того, что̀ дѣлается въ настоящемъ. Что-то черное, точно огромная змѣя, проползло по окраинамъ холмовъ; потомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ бока возвышенностей стали отложе, это что-то кубаремъ скатилось внизъ, въ удолье; потомъ оно выпрямилось — и пастушка не успѣла ахнуть, какъ передъ ней очутился пастушокъ... безъ свирѣли, но съ ногайкой... О, «дѣва чудная!» не вѣрю я, чтобъ ужасомъ тебя внезапнымъ охватило. Конечно, ты дрожишь, но это не отъ страха, нѣтъ: другая страсть теперь тебя волнуетъ. Я видѣлъ хорошо, какъ ты украдкою покинула кибитку, какъ пробиралась мимо другихъ кошей, какъ жалась къ нимъ, какъ кралась въ ихъ тѣни и какъ потомъ порхнула птичкой по лужайкѣ. Я видѣлъ, ты пришла и долго озиралась; ты вглядывалась въ каждый кустикъ и долго-долго ты не спускала глазъ съ того холма, съ котораго скатился твой желанный. Потомъ ужь, съ нетерпѣньемъ топнувъ ножкой, ты успокоилась и, съ грустью на лицѣ, съ тоской на сердцѣ, ты здѣсь присѣла, сложила руки, замечталась и мысли увлекли тебя.

А вѣдь правду сказать, иногда встрѣчаются прекрасивыя лица между киргизскими дѣвушками! Что у нихъ глаза узенькіе и будто на̀кось, это еще небольшая бѣда; это можно ввести въ моду; называли же у насъ совершенно-косые глаза модными! Если узенькіе глазки можно причесть къ числу недостатковъ, то недостатки эти выкупаются другими положительными достоинствами нашихъ степныхъ Діанъ. Та только бѣда, что нашъ избалованный вкусъ оскорбляется неотесанностью этихъ Діанъ... Кто споритъ! Киргизскія дѣвы — дѣвы очень-поэтическія; онѣ импровизируютъ цѣлыя тирады, импровизируютъ прелестныя канцоны, переполненныя метафорами и уподобленіями; въ самой жизни ихъ много поэзіи... Но, скажите на милость, какую поэзію не убьютъ толстые, огромные сапожищи этихъ Діанъ, дубоватое выраженіе лица, красныя мускулистыя руки и неумѣнье «обходиться посредствомъ платка».

Возвращеніе султана-правителя имѣло видъ какой-то торжествен-

ности. Едва только султанъ Мухаммедъ завидѣлъ на горизонтѣ густое облако пыли, какъ пришелъ звать меня поиспытать свою дальнозоркость. Я вышелъ изъ кибитки и, по указанному мнѣ направленію, сталъ глядѣть во всѣ глаза, но рѣшительно ничего не видѣлъ! Наконецъ мнѣ указали на какую-то туманную полосу на небѣ; я сталъ въ нее вглядываться, и наконецъ убѣдился, что это дѣйствительно облако пыли. Время отъ времени облако увеличивалось и расширялось: я замѣтилъ между нимъ и поверхностью земли какую-то темную черту, которая сначала только мелькала въ глазахъ, или, какъ говорится въ простолюдьѣ того края, «мельтешйла», но, всматриваясь пристальнѣе, я могъ ясно видѣть, что это какая-то движущаяся масса, въ которой, точно червячки, копошились Киргизы и казаки. На степи толпа пѣшеходовъ кажется меньше табуна лошадей, но видѣнная нами масса была больше ихъ и мнѣ растолковали, что, по переливамъ движеній этой толпы, по кажущейся величинѣ и высотѣ ея и по другимъ признакамъ, сейчасъ видно, что это верховые наѣздники, вооруженные пиками; но такъ-какъ Киргизы ѣздятъ въ-разсыпную или раскинутыми партіями, а передъ нашими глазами была сплошная толпа — стало-быть, это казаки.

— А вотъ и его высокостепенство братъ ѣдетъ... поглядите, вотъ налѣво: видите небольшую кучку народа въ калпакахъ и съ копьями? сказалъ мнѣ султанъ Мухаммедъ, стараясь направить лучъ моего зрѣнія на какой-то предметъ; но сколько я ни таращилъ и ни щурилъ глазъ, а разглядѣть людей въ скученной массѣ рѣшительно никакъ не могъ.

Отрядъ приближался, очертанія дѣлались яснѣе, вотъ и я, наконецъ, вижу почти всѣхъ и каждаго.

Впереди ѣдетъ спокойнымъ шагомъ султанъ Ахметъ съ двумя-тремя приближенными; за нимъ неправильнымъ строемъ тянется длинная линія почетныхъ Киргизовъ; далѣе ровной колонной, точно правильный, только сейчасъ за-ново выбѣленный четыреугольникъ, двигается казачій отрядъ, человѣкъ въ полтораста, одѣтыхъ въ бѣлые чекмени и въ бѣлыя фуражки; солнышко ударяетъ яркими лучами въ кованныя эполеты двухъ казачьихъ офицеровъ и въ блестящую поверхность единорога; вотъ отъ кибитокъ отдѣлился офицеръ въ казачей формѣ и во весь галопъ понесся на встрѣчу къ правителю. Стройность, порядокъ, дисциплина въ степи соблюдается очень-строго и это не могло отъ меня ускользнуть во все время моего пребыванія въ ставкѣ.

Султанъ Ахметъ съ виду казался гораздо-старше султана Мухаммеда; лицо его было длинно и, отъ болѣзни или отъ утомленія, нѣсколько осунулось; темная коротенькая бородка была нѣсколько изрѣжена отъ обычая выщипывать волосы; усы, подковой обрамлявшіе ротъ, были немножко подсѣчены. Оба султана одѣты въ чапаны, изъ-подъ которыхъ выглядывали бешметы и халаты; калпаки были разные: у одного изъ чистаго и чрезвычайно-тонкаго бѣлаго войлока; у другаго, какъ, напримѣръ, у самого правителя — бѣлый же войлочный, но богато-вышитый серебромъ; у третьяго малиновый бархатный калпакъ съ золотымъ шитьемъ; у четвертаго къ простому бѣлому калпаку при-

крѣплено съ боку темное совиное перышко, завитое на тотъ манеръ, какъ въ старые годы у насъ завивали строусовыя перья и марабу.

Султанъ Ахметъ обладалъ необыкновенною привѣтливостью и, съ первыхъ же словъ, понялъ съ настоящей точки зрѣнія основную мысль, съ которою я пріѣхалъ въ степь. Будучи вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, онъ любилъ литературу и науки, прекрасно говорилъ порусски, грамматически зналъ языкъ, писалъ весьма-правильно, весьма-толково и не безъ слога, и на письмѣ и въ разговорѣ любилъ пересыпать серьёзное изложеніе предмета остроумными и шутливыми замѣчаніями. Онъ нечуждъ былъ и столичныхъ новостей; я видѣлъ у него только-что высланные нумера «Сѣверной Пчелы» и «Русскаго Инвалида» а въ походной его библіотекѣ нашелъ Пушкина, Карамзина, голубковскія изданія объ Индіи, сочиненія разныхъ авторовъ, касавшіяся до Киргизской Степи—Рычкова, Левшина, Эверсмана; у него были даже «Записки Купца Кайдалова» о Киргизской Степи, и многое другое. Скажу еще больше: во время разговоровъ о томъ и другомъ, султанъ Ахметъ изъявилъ желаніе когда-нибудь, современемъ, совершить маленькое путешествіе, сперва по Волгѣ, потомъ съѣздить въ Крымъ, потомъ въ Одессу, потомъ прогуляться по Дунаю, пожить въ Вѣнѣ и черезъ Варшаву возвратиться въ Петербургъ. На замѣчаніе мое, что его степной нарядъ обратитъ на себя всеобщее вниманіе, султанъ возразилъ: «да я готовъ хоть сейчасъ фракъ налѣть; въ парикѣ же щеголяю, когда нужно? Костюмъ—вещь условная!...» И этотъ человѣкъ мечталъ когда-нибудь подъ старость совершить путешествіе въ Мекку и поклониться гробу своего пророка!

Послѣ этого, конечно, будетъ понятно, что Ахметъ Джантюринъ съ полною готовностью, даже съ жаромъ, поспѣшилъ исполнить просьбу мою познакомить меня съ Киргизами, и кончилъ тѣмъ, что заявилъ мнѣ о желаніи своемъ вступить въ члены Русскаго Географическаго Общества, давъ обѣщаніе быть дѣятельнымъ его работникомъ. «Выше Левшина», говорилъ онъ «я не знаю ни одного сочиненія, которое бы съ такою вѣрностью и безпристрастіемъ описывало Киргизовъ; но левшинское описаніе относится къ очень-давнему времени: тридцать лѣтъ нашей эпохи стоютъ столѣтій; теперь Киргизы далеко ужь не тѣ, что тогда были. Слава и честь Географическому Обществу, что оно рѣшилось дѣятельно изучать бытъ племенъ, обитающихъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ; я дивлюсь его мудрости и вполнѣ сознаю, что на первый планъ надо выдвинуть этнографію и статистику; это должно быть основнымъ предметомъ изученія Россіи; остальныя отрасли землевѣдѣнія—роскошь знанія; они не уйдутъ отъ насъ, но одни, безъ прочнаго фундамента, мало принесутъ пользы и будутъ только щегольствомъ. Я даю слово быть вѣрнымъ поборникомъ цѣлей Общества и, если Богъ продлитъ вѣку, я въ пять лѣтъ надѣюсь, примѣняясь къ «Описанію» г. Левшина, сдѣлать новое, подробнѣйшее описаніе Киргизовъ.

Въ тотъ же день мы засѣли съ султаномъ за работу. Усерднѣйшими сотрудниками въ этомъ дѣлѣ явились султанъ Мухаммедъ, Балгаджа Ямгурчинъ и братья Куламбаевы, которые, нежданно для меня, по-

явились при правителѣ; много свѣдѣній мелкихъ сообщили и два правительскіе теленгута, но, къ стыду моему, я забылъ имена ихъ вписать въ свой журналъ и теперь рѣшительно не могу привести себѣ на память.

Въ видѣ отдыха отъ кабинетныхъ занятій съ правителемъ, я продолжалъ помаленьку знакомиться съ своими хозяевами; султанъ Ахметъ обѣщалъ мнѣ показывать не одинъ только казовый конецъ, но и лицевую сторону и изнанку киргизской жизни и просилъ только меня сбросить съ себя требовательность Европейца, постараться, хоть на самое короткое время, сдѣлаться Киргизомъ и, приноровленіемъ своихъ дѣйствій къ ихъ образу жизни, расположить въ свою пользу его родовичей, а отъ этого и самому быть въ вѣрномъ выигрышѣ.

Узнавъ, что я имѣлъ ужь честь познакомиться съ старыми султаншами, султанъ Ахметъ поспѣшилъ представить меня родной сестрѣ и супругѣ: у султана Ахмета только одна жена и онъ не видитъ надобности пользоваться законными правами многобрачія.

Я, впрочемъ, невѣрно выразился, употребивъ слово «представленіе». Это вотъ какъ было.

Мы сидѣли въ кибиткѣ султана-правителя. Получивъ изъявленіе моей благодарности на предложеніе познакомиться съ молодыми султаншами, онъ позвалъ теленгута и отдалъ ему какой-то приказъ. Я подозрѣваю, что смыслъ этого приказа былъ: «поди, вели сказать барынямъ, чтобъ онѣ сейчасъ явились!» Черезъ нѣсколько минутъ, двѣ прислужницы изъ простыхъ Киргизокъ растворили двери, явились въ кибитку и остановились у порога; за ними вошли двѣ султанши, жена и сестра правителя, и остановились посереди коша. Я вскочилъ съ мѣста. Султанъ тоже поднялся, подвелъ меня къ нимъ, указалъ рукой на каждую, сказавъ: «вотъ это жена моя, пожалуйста полюбите! Вотъ это сестра моя, пожалуйста удостойте вниманіемъ!» И потомъ пробормоталъ имъ что-то. Затѣмъ жена и сестра сказали мнѣ каждая по какой-то фразѣ, а султанъ перевелъ мнѣ такъ: «жена моя благодаритъ за честь, которую вы дѣлаете ей своимъ визитомъ. Сестра моя поздравляетъ васъ съ пріѣздомъ и съ удовольствіемъ принимаетъ ваше знакомство.» Затѣмъ султанъ съ благосклоннымъ видомъ опять обратился къ нимъ съ какою-то фразой, кажется, онъ просто сказалъ имъ: «ну, убирайтесь же вонъ!» и обѣ тотчасъ же насъ оставили и вышли, стуча тяжелыми сапожищами во всю ступню большихъ ногъ: привѣски и бирюльки ихъ пышнаго наряда пришли «въ содрагательство», заболтались и зазвенѣли точно крошечные колокольчики.

Нарядъ султаншъ очень-обыкновенный: шелковый кульмякъ съ широкими рукавами и прочее, какъ водится. Новость я замѣтилъ только въ головномъ уборѣ. У жены султана надѣта была пребольшущая цилиндрическая высокая шапка. Она сдѣлана, должно-быть, изъ картузной бумаги, или изъ твердой кожи и обтянута глазетовой матеріей, но вся щедро унизана золотыми полуимперіалами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Шапка эта называется «саукилэ». Къ верхушкѣ ея прикрѣплено, въ видѣ покрывала, длинное полотнище тонкой и

широкой кисеи съ серебряной каймой; покрывало это спадало книзу и закрывало грудь, плечи и все туловище султанши. Изъ-подъ этой шапки ниспадалъ еще другой уборъ, въ родѣ настоящей русской жемчужной «ленты»; она вся вынизана была изъ крупнаго жемчуга, а по краямъ фестоновъ вставлены крупныя бурмицкія зерна и драгоцѣнные камни. На груди навѣшено много цѣпей и разныхъ украшеній; всѣ они состояли изъ соединенныхъ между собою полуимперіаловъ, на тотъ манеръ, какъ дѣлаются нынѣче въ Петербургѣ модныя браслеты изъ золотыхъ и золоченыхъ монетъ.

На другой султаншѣ, сестрѣ султана Ахмета, надѣтъ роскошный «буркъ», или простая женская татарская шапка, изъ малиноваго бархата, съ бобровою опушью; тулья у ней выложена въ узоръ брильянтами и изумрудами; сверхъ шапки ниспадалъ на плечи выпускъ тоже бархатный, вышитый золотомъ, вынизанный каменьями и жемчугами и оканчивавшійся превосходною золотою кистью, въ витушкахъ которой играли разными цвѣтами розы и мелкіе брильянты. Эффектъ былъ удивительный. У меня снятъ былъ портретъ одной красавицы-Татарки въ такомъ костюмѣ, но кто-то изъ любознательныхъ посѣтителей, любопытствовавшихъ заглянуть въ мой альбомъ, похитилъ этотъ рисунокъ и я только сію минуту открылъ это похищеніе, только сію минуту я пожелалъ сравнить свой собственный рисунокъ съ тщательно-отдѣланною картинкою рисовальщика, и не нашелъ ея въ своемъ собраніи... Съ боку этой шапки прицѣпленъ, подъ роскошной золотой бляхой, маленькій султанчикъ изъ завитыхъ перышекъ дикой утки.

Султанскіе сыновья, которыхъ няньки ввели послѣ въ кибитку, одѣты были въ бархатные архалуки и штофные бешметы; на головѣ у нихъ были маленькія шапочки, въ родѣ тѣхъ, какія носятъ черноморскіе казаки, только гораздо, что называется, субтильнѣе и гораздо-богаче.

Для меня обѣдъ приготовленъ совершенно на европейскую руку, однакожь, безъ вина, котораго правитель никогда не пьетъ, исключая торжественные случаи, въ которыхъ бокалъ шампанскаго и тосты составляютъ необходимость; не надо, впрочемъ, предполагать, чтобъ султанъ и въ степи не былъ запасливъ: въ его домѣ, въ которомъ онъ живетъ зимой и который выстроенъ недалеко отъ Устьуйской Крѣпости, цѣлое отдѣленіе посвящено сохраненію дорогихъ винъ, которыми обязательный хозяинъ угощаетъ жданныхъ и нежданныхъ посѣтителей. Всѣ султаны-правители и очень-многіе почетные и богатые Киргизы, въ томъ числѣ и Балгаджа Ямгурчинъ и братья Куламбаевы, выстроили себѣ въ степи жилые деревянные домы; иные изъ нихъ сбирались строить и каменные.

Позднимъ вечеромъ, около ночи, султанъ пригласилъ меня принять участіе въ киргизскомъ обѣдѣ, или, по-нашему, ужинѣ. Кругомъ кибитки, замѣнявшей столовую залу, на коврахъ, разостланныхъ по полу, сидѣли почетные біи, поджавъ подъ себя ноги. Передъ ними растянуты по полу, вмѣсто скатертей, сперва длинныя, но узенькія, полотнища чистой бязи, а поверхъ нея такія же полотнища довольно-таки засаленнаго ситца: это, по объясненію султана, служило доказа-

тельствомъ, что у него часто гости обѣдаютъ. У біевъ, вмѣсто кушаковъ, повязаны были бязинныя полотенцы; у иныхъ такія полотенцы заткнуты за бархатные поясы (между кушакомъ и поясомъ та разница, что кушаки повязываются, а пояса — застегиваются); полотенцы эти были такъ измаслены, что ихъ, казалось, въ руки гадко взять; но Киргизы вытирали ими ротъ, и засаленность ихъ служила свидѣтельствомъ, что владѣльцы ихъ привыкли ѣсть жирно и сытно. Затѣмъ прислуга обходила весь кругъ съ тазомъ, съ рукомойникомъ и съ неукоризненно-чистыми полотенцами; каждый гость вымывалъ руки, вытиралъ ихъ и потомъ мысленно произносилъ молитву.

Начали подавать блюда. Первое кушанье «биш-бармакъ»: по самому названію, означающему «пять пальцовъ», «пригоршню», можно догадаться, что его ѣли безъ вилокъ, безъ ножей и безъ ложекъ. Блюдъ бишбармака подано нѣсколько и каждое предоставлялось шестерымъ гостямъ; старшій изъ нихъ по лѣтамъ, по тучности и по положенію въ свѣтѣ, первый приступалъ къ его уничтоженію, и послѣ его первой ложки, то-бишь, горсти, лѣзли съ руками въ блюдо и прочіе собесѣдники.

Бишбармакъ состоитъ изъ мелкихъ, но немаленькихъ, кусковъ баранины, густо-накрошенныхъ въ бараній бульйонъ. Султанъ Ахметъ и Балгаджа морили меня со смѣху, знакомя меня съ манерами чинно сидѣть за столомъ; я, разумѣется, сохранялъ все хладнокровіе, не улыбался, а только смотрѣлъ, что дѣлаютъ другіе и старался точно то же дѣлать самъ.

Бульйонъ показался султану-Ахмету немножко-прѣсноватъ: онъ взялъ руками горсточку соли, высыпалъ ее на дно немного-наклоненнаго къ одному краю фаянсоваго глубокаго соусника и сталъ пальцами растворять ее; бульйонъ былъ довольно-горячъ, но привычные пальцы Киргиза не подверглись обжогу. Посоливъ такимъ манеромъ бульйонъ, онъ перемѣшалъ въ немъ куски мяса и, зачерпнувъ одной рукой бишбармаку, сталъ преспокойно ѣсть, выбирая другою рукою слишкомъ ужь крупные куски и разрывая ихъ то просто зубами, то пальцами, если кусокъ слишкомъ разварился.

Балгаджа ѣлъ за троихъ, но не забывалъ и сосѣдей. Желая почествовать одного Киргиза, который былъ нѣсколькими годами моложе его, и показать ему знаки своего вниманія, Балгаджа, набравъ полнехоньку руку бишбармаку, подозвалъ его къ себѣ, и когда тотъ наклонился, приставилъ горсть къ его лицу; Киргизъ отворилъ ротъ и Балгаджа всунулъ ему туда всю баранину; но такъ-какъ не вся же она могла въ немъ помѣститься, то тароватый Балгаджа протискалъ ему непомѣстившіеся куски просто-на-просто пальцомъ. Въ заключеніе всего, онъ взялъ со стола опорожненное блюдо, приставилъ себѣ ко рту и преспокойно выхлебалъ весь оставшійся и ужь мутный, грязный бульйонъ вмѣстѣ съ мяснымъ соромъ и мелкими крошками баранины.

Блюдъ было немного: бишбармакъ, да пловъ разныхъ сортовъ; но каждое кушанье подавалось по нѣскольку разъ и послѣ каждаго раза гости запивали пищу кумысомъ. Разговоръ завязался, и то от-

рывочно, только между весьма-немногими присутствовавшими, остальные ничего не говорили, знали ѣли-себѣ, да и только! общее молчаніе прегромко и пречасто прерывалось всхлебываньемъ, жеваньемъ, чавканьемъ и непріятными засвидѣтельствованіями о переполненности желудка жирной бараниной, жирнымъ пловомъ и кисловатымъ, холоднымъ кумысомъ.

Сдѣлаться Киргизомъ!.. Султанъ Ахметъ просилъ меня хоть на короткое время сдѣлаться Киргизомъ, забыть, что я Европеецъ... что я Русскій. Но можно ли, при такомъ зрѣлищѣ, пожелать хоть на минуту окиргизиться? Я видѣлъ передъ собой людей, которые не для того ѣли, чтобъ жить, а, кажется, жили для того, чтобъ только ѣсть; можно ли, послѣ этого, хоть для шутки, пожелать отказаться отъ счастія читать Пушкина, глядѣть на картины Брюлова, слушать пѣніе Лаграншъ, смотрѣть на Рашель въ трагедіи, или усвоивать себѣ знанія, преподаваемыя намъ наукой, или, наконецъ, принимать самое живое участіе въ интересахъ образованнаго общества? Я готовъ сочувствовать номаду, всѣмъ сердцемъ готовъ полюбить дикаря, но сдѣлаться дикаремъ — избави Боже! Что говорить, можно вездѣ быть человѣкомъ, но быть только Киргизомъ...!

По окончаніи обѣда, слуги опять стали обходить гостей съ тазами и рукомойниками, то-есть не съ рукомойниками, а съ очень-похожими на нихъ—кумганами. Киргизы вымыли руки, освѣжили глаза, выполоскали ротъ и посвятили нѣсколько мгновеній молитвѣ. Потомъ всѣ встали и сейчасъ же разошлись. Я тоже ушелъ къ себѣ и, въ выжиданіи ночной бесѣды съ правителемъ, присѣлъ, съ папироской въ рукахъ, у дверей кибитки. Мнѣ стало какъ-то на душѣ легче; оборотная сторона естественнаго состоянія человѣка все болѣе-и-болѣе тускнѣла и скрылась наконецъ подъ наплывомъ иныхъ впечатлѣній. Папироска потухла.

Почти отовсюду кибитка моя была окружена другими кибитками, но по одну сторону широко разстилалась раздольная степь, покрытая какимъ-то серебристымъ ковромъ травъ, утратившихъ свой натуральный цвѣтъ. Ночь была лунная; зелень луговъ превратилась въ сѣроватую и влажную отъ росы поляну, освѣщенную полнымъ сіяніемъ мѣсяца, и мѣстами искрившуюся алмазными каплями сгущенныхъ испареній. Раздолье степи утопало въ туманной дали. Обводя глазами по едва-примѣтному горизонту, я всматривался, какъ дрожавшія подъ сіяніемъ луны пространства рябились густой тѣнью, накинутою на нихъ незамѣтными возвышеніями и холмами, какъ они сливались съ тусклыми полосами сосѣднихъ луговинъ, и какъ потомъ терялись въ совершенномъ мракѣ въ противоположномъ углу и едва-замѣтною черной полосой отдѣлялись отъ тяжелѣвшаго надъ ними темнаго неба.

Луна повисла надъ однимъ холмомъ точно золотое блюдо. Ближайшая къ нему часть небосклона горѣла яркимъ, какъ-будто металлическимъ, золотымъ сіяніемъ и, переливаясь изъ цвѣтовъ въ цвѣта, удѣлила часть своего блеска дальней окраинѣ свода, цвѣтъ котораго переходилъ отъ желтаго къ палевому, палевый переливался въ синій, а синяя высь,

въ которой едва-едва мигали свѣтящіяся точки созвѣздій, тонула, наконецъ, въ непроницаемой мглѣ ночнаго неба.

Кругомъ пустыня; свѣжій вѣтерокъ пробѣгаетъ по степи и обдаетъ меня холодомъ, навѣвая на душу леденящія ея размышленія; надъ головой тяжелымъ полетомъ пронеслась ночная птица; гдѣ-то, въ сторонѣ раздается плачевный голосъ лебедя; вблизи меня жалобно замычалъ верблюдъ; въ отвѣтъ ему, вѣрно со скуки, завыли собаки; одинъ только человѣческій голосъ заставляетъ меня забыть унылое одиночество — это переклички часовыхъ и ихъ протяжное «слу-шай!» Новые, но неродные мнѣ звуки, будятъ меня и возвращаютъ къ дѣйствительности: это султанскіе теленгуты пришли доложить, что правитель идетъ продолжать со мной бесѣду.

Бесѣду свою султанъ Ахметъ началъ разговоромъ о степныхъ «маякахъ», или о живыхъ телеграфахъ, употребляемыхъ Киргизами для сообщенія извѣстій. Извѣстно, что эта чингисхановская система переговоровъ давно ужь усвоена нашими казаками. Для этой цѣли каждое движеніе человѣка, каждый поворотъ и круженіе верховаго наѣздника имѣетъ свое условное значеніе, смыслъ котораго понятенъ каждому, кому вѣдать о томъ надлежитъ. Но есть и другіе опознательные сигналы, напримѣръ, вскидыванье малахая, полетъ котораго для посторонняго человѣка долженъ показаться обыкновеннымъ полетомъ птицы, вырубаніе искръ изъ огнива условное число разъ, и прочіе подобные тому условные знаки.

На другой день, отправляясь къ правителю въ семейную кибитку, я встрѣтился по дорогѣ съ султаномъ Мухаммедомъ, у котораго утромъ я ужь провелъ съ полчаса времени. Онъ довелъ меня до братнина коша и сталъ прощаться.

— А вы что жь, султанъ? спросилъ я: — пойдемте вмѣстѣ къ правителю, вмѣстѣ и потолкуемъ. Развѣ вы не хотите?

— Хотѣть-то я хочу, да мнѣ нельзя войдти къ его высокостепенству-брату въ семейную кибитку безъ зову, отвѣчалъ онъ почти шопотомъ, зная, что его голосъ можетъ быть услышанъ внутри кибитки, полѣ которой мы стояли.

— Это отчего?

— Онъ старшій: я обязанъ ему глубокимъ почетомъ и самымъ строгимъ соблюденіемъ нашихъ степныхъ приличій.

— Но, кажется, вы старшій братъ, а два часа назадъ, султанъ Ахметъ собрался къ вамъ безъ зову, да еще и меня пригласилъ къ вамъ въ семейную кибитку.

— Точно, оно правда, я старшій братъ по рожденію, но правитель старше меня тремя военными чинами, притомъ же онъ — правитель, онъ всюду имѣетъ свободный доступъ; теперь я передъ нимъ младшій, однакожь, и онъ утромъ предупредилъ меня о своемъ посѣщеніи.

Для нашего развлеченія, правитель вызвалъ двухъ рослыхъ Киргизовъ-пѣсенниковъ. Киргизы явились и разсѣлись у порога кибитки; одинъ игралъ на кобызѣ, другой напѣвалъ какую-то пѣсенку, можетъ-быть, собственной своей импровизаціи, въ родѣ, напримѣръ, такой: «Степь ты, степь широкая, и широкая ты и привольная; далеко по

«степи глаза мои видятъ, высоко надъ степью летаютъ птицы, при-«вольно по степи кочуютъ Киргизы. Только дерево крѣпко вросло въ «землю, стоитъ не двинется, съ мѣста стать не можетъ, а вольная «птица летаетъ свободно, летаетъ, гдѣ хочетъ; устанетъ — и сядетъ «на сукъ и въ тѣнистыхъ вѣтвяхъ находитъ пріютъ и прохладу...» Въ каждой пѣсни Киргизъ поетъ про степь, про птицу, про коня, про «дѣву» и смыслъ ихъ пѣснопѣній, говорятъ, почти вездѣ одинъ и тотъ же.

Пѣвецъ нашъ, спѣвъ одну пѣсенку, запѣлъ и другую. Время-отъ-времени онъ понемногу одушевлялся; въ одушевленіе приходилъ и кобзарь. Этотъ сидѣлъ сначала смирно, но потомъ его стало какъ-будто бы немножко поводить. Шевеля плечами и издавая губами какіе-то дикіе звуки, онъ тоже началъ подпѣвать, потомъ, оставивъ прежнее мѣсто, перешелъ на середину коша; къ нему приблизился и товарищъ. Кобзарь съ шумомъ рвалъ струны инструмента и началъ съ визгомъ произносить слова, какъ-будто замирая въ сладостныхъ ощущеніяхъ; наконецъ онъ бросилъ кобызъ, всталъ на ноги, уставился лицомъ къ лицу противъ перваго пѣвца и началъ съ нимъ выплясывать степное pas de deux. Надо было удивляться гибкости всѣхъ членовъ этихъ чудаковъ. Продолжая и пѣсню и танцы, они стали измѣнять фигуру, перегибались черезъ спину, преклоняли одно колѣно, гнулись во всѣ стороны, подкатывали подъ лобъ глаза и выдѣлывали преуморительныя штуки. Наши Уральцы, совершенно-сроднившіеся съ Киргизами, мастерски умѣютъ ихъ копировать. Еще не такъ давно я былъ зрителемъ импровизированныхъ представленій, которыми уральскіе казаки потѣшали на Рожковской Пристани, за Невскимъ Монастыремъ, своихъ гостей, разъигривая нѣсколько сценъ изъ домашней жизни Киргизовъ.

Изъ этого же отряда народныхъ потѣшниковъ являются и «баксы», киргизскіе колдуны, занимающіеся разными фокусъ-покусами: они берутъ въ руки раскаленное желѣзо, водятъ имъ по тѣлу, кладутъ его въ ротъ, голой рукой опираются на саблю, эфесомъ врытую въ землю, пронзаютъ себѣ саблей животъ и морочатъ людей разными хитростями. Баксы, изъ гордости незанимающійся уличнымъ гаерствомъ, посвящаетъ свои знанія, иногда дѣйствительныя, а иногда основанныя только на шарлатанствѣ, леченію больныхъ. Киргизы особенно славятся чрезвычайно-искусными хирургическими операціями. Лучшіе «баксы», изучившіе свойства степныхъ травъ и часто съ необыкновеннымъ успѣхомъ излечивающіе разныя болѣзни, въ степи господствующія, напримѣръ, оспу, лихорадки, горячки и чахотку, и пользующіеся особеннымъ почетомъ въ народѣ, называются ужь не «баксы», а «даргиръ».

Моимъ хозяевамъ давно была пора сняться лагеремъ съ прежняго урочища Курджунгуль; но, какъ я узналъ, правитель не хотѣлъ меня безпокоить перекочевкой. Увѣрившись въ томъ, я просилъ султана доставить мнѣ удовольствіе взглянуть на эти передвиженія. Не болѣе какъ черезъ часъ времени я замѣтилъ, что ставка наша почти на половину опустѣла; остальные въючили пожитки на верблюдовъ, сни-

мали войлоки съ кибитокъ, разбирали и складывали кибиточныя рѣшетки и шесты, и въ слѣдующіе полчаса времени вся мѣстность была ужь очищена. Верблюды потянулись длинными караванами по одному направленію; далеко на горизонтѣ виднѣлись, предводимыя козами, стада барановъ, пробиравшіяся на указанный пунктъ другимъ путемъ; врозь отъ нихъ погоняли воловъ и коровъ; лошади паслись тоже особой дорогой и отдѣльными табунами. Киргизы посемейно ѣхали, кто съ своимъ караваномъ, а кто шелъ со стадами. При всей безпорядочности массы, во всемъ проглядывала правильность и послѣдовательность строгая; во всемъ видна была стройная система передвиженія огромными массами.

Наконецъ, вотъ и наши кибитки, въ нашихъ глазахъ, исчезли съ мѣста и, отчетливо увязанными тюками, лежали ужь на спинахъ верблюдовъ. Намъ подвели коней. То-то, думалъ я, пойдетъ теперь скачка! понесутся всѣ какъ бѣшенные... съумѣю ли я сохранить приличную сановитость и не выбьетъ ли меня изъ сѣдла ретивый бѣгунъ, почуявъ не своего поля ягоду?.. Но какъ же я удивился, когда, вмѣсто того, чтобъ мчаться стрѣлой, намъ пришлось ѣхать обыкновеннымъ ходкимъ шагомъ. Я думалъ, что мы по-крайней-мѣрѣ съ утра до ночи будемъ совершать передвиженіе: ничуть не бывало! Прошло не болѣе трехъ четвертей, много цѣлаго часа, и мы были ужь на мѣстѣ, близь урочища Киндерлэ.

Дамы ѣхали впереди насъ, конечно верхомъ, поамазонски; султанши изволили катиться въ тарантасахъ. Женскія сѣдла чрезвычайно богаты; чапраки у нихъ бархатные, вышиваются и золотомъ и шелками; уздечки наборныя и сверкаютъ цвѣтными камнями; ногайки очень-цѣнныя и презамысловато украшены разными блестками. Дамскія сѣдла не только рознятся отъ нашихъ, мужскихъ, убранствомъ, но даже есть отличіе между дѣвичьимъ и обыкновеннымъ женскимъ сѣдломъ. Впрочемъ, эта разница не очень-велика: у дѣвичьяго сѣдла узенькое сидѣнье, а у женскаго оно гораздо-шире и спокойнѣе.

Нашъ кавалерскій поѣздъ былъ блестящъ и люденъ. До пятидесяти человѣкъ почетнѣйшихъ Киргизовъ, въ самыхъ щегольскихъ халатахъ, сопровождали правителя, составляя его свиту. Они ѣхали развернутымъ строемъ. Впереди ихъ виднѣлись двѣ небольшія групы наѣздниковъ—это были двѣ толпы заслуженыхъ біевъ, изъ которыхъ одна окружала султана-правителя, а другая—султана Мухаммеда. Молодые юноши-бàтыри джигитовали кругомъ поѣзда, пересѣкая его путь въ разныхъ направленіяхъ, какъ птицы, кидаясь впередъ и на всемъ скаку размахивая и кружа около руки длинными копьями. Старикъ Балгаджа былъ душою всѣхъ этихъ воинскихъ потѣхъ, поджигая молодежь показать всю удаль и все молодечество Киргизовъ.

На мѣстѣ новой перекочевки прожилъ я еще нѣсколько дней. Очарованный радушіемъ и гостепріимствомъ обоихъ Джантюриновъ, я долженъ былъ, однакожь, съ ними распроститься, и втроемъ, съ Асатомъ Куламбаевымъ и Башкирцомъ Камаль-Эддиномъ, уѣхалъ изъ ставки. Всю дорогу черезъ степь насъ развлекали своими богатыр-

скими потѣхами, пѣснями и джигитовкой киргизская молодежь-батыри...

Не вспомню въ эту минуту хорошенько, кто именно, хивинскій ли ханъ, или бухарскій эмиръ, кажется, что первый, наслушавшись разныхъ разсказовъ о силѣ и славѣ русскаго воинства, вступилъ въ такой разговоръ съ пріятелемъ своимъ, русскимъ прикащикомъ покойнаго, извѣстнаго и въ мануфактурномъ и въ коммерческомъ мірѣ, купца Баранова.

— Что̀ это, братецъ, какъ я погляжу на Русскихъ, право ужь не слишкомъ ли много о нихъ толкуютъ. Ну, хоть взять, примѣромъ, ихъ пушки? Четверка лошадей везетъ! да вѣдь ка̀къ! такъ и дуетъ! Ну, что жь это за пушки, ну, ты самъ посуди! Вотъ пушка была въ Гератѣ — такъ пушка! сорокъ верблюдовъ съ мѣста стащить не могли!

— Да вѣдь, батюшка, ваше сіятельство, господинъ ханъ, отвѣчалъ прикащикъ: — маленькая-то рыбка лучше, чѣмъ большой тараканъ! Пушка-то въ Гератѣ лежитъ-себѣ да лежитъ, а русская-то пушчонка летаетъ-себѣ, словно птица, да такъ-тебѣ и жаритъ картечью...

— Оно, конечно... пушки ваши мѣтко бьютъ, да народъ-то у васъ такой все мелкій, смирный, все за пушку становится... Вотъ у меня такъ молодцы — та̀къ и вызываютъ непріятеля перевѣдаться на одиночку... А ваши-то что̀? Изъ вашего войска и ба̀тыри-то не выѣзжаютъ!

— Это, батюшка-ханъ, оттого у насъ ба̀тыри впередъ не выѣзжаютъ, что у насъ всѣ сплошь да сряду ба̀тыри, всѣ дружно впередъ идутъ! А на одиночку не лѣзутъ — такъ знамо дѣло отчего! Нешто руки марать одиночкой? Нѣтъ, батюшка-ханъ, у насъ одинъ на десятерыхъ идетъ!

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.		*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
6	снизу	19	экипажи	экипажа
19	сверху	4	искрасна	изкрасна
59	—	21	и индійской	индійской
70	—	5	фунтовъ	пудовъ
91	—	29	волнъ около,	волнъ, около
94	снизу	2	село	цѣлый округъ, извѣстный подъ названіемъ
131	снизу	16	похожія съ	схожія съ
138	—	27	скачкѣ	качкѣ
—	—	22	Хохта, хохта	Тохта, тохта
—	—	11	офимскому	уфимскому
—	—	9	острогъ	отрогъ
141	сверху	10	моченные	кочевные
142	—	26	бураго	сѣраго
—	—	29	сѣраго	бураго
147	—	3	колпаки	калпаки
155	—	21	домогательствѣ	вымогательствѣ

Что касается другихъ недосмотровъ, то они предаются снисхожденію «благосклоннаго» читателя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Отъѣздъ	1
II. Московскія встрѣчи	18
III. Меценатинъ	35
IV. Фабрикантъ	67
V. Матрёша	102
VI. Крестьяне	132
VII. Мартышки	161
VIII. Илецкая-Защита	186
IX. Хивинцы	200
X. Башкирцы	240
XI. Переѣздъ въ Степь	259
XII. Киргизы	289